УДК 94(476)(082)

Укладальнік – *Аляксандр Фядута*

Пад навуковай рэдакцыяй
доктара філалагічных навук прафесара *Т. Я. Аўтуховіч*
і доктара гістарычных навук прафесара *З. В. Шыбекі*

Да падрыхтоўкі выдання мелі непасрэднае дачыненне
МГА «Міжнародная асацыяцыя беларусістаў» і *І. А. Карпюк*

«Асоба і час» — альманах пра людзей, чые жыццё было звязанае з Беларуссю. У першы выпуск альманаха ўвайшлі матэрыялы, прысвечаныя як добра вядомым асобам (Васіль Быкаў, Пётр Машэраў, Зоська Верас, Фёдар Фёдараў), так і тым, хто пакуль не стаў часткай свядомасці нашага народа, але заслугоўвае.

АСАБІСТЫЯ АРХІВЫ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ЭЛІТЫ Ў КАНЦЫ XVIII — ПАЧАТКУ XX ст.

Канец XVIII — пачатак XX ст. — перыяд, калі беларускія землі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай уваходзілі ў склад Расійскай імперыі і не вызначаліся як самастойная дзяржаўная адзінка, якая стварае ўласную сістэму захоўвання архіўных дакументаў. Да XVIII ст. дакументы вышэйшых службовых асоб і творцаў у Расіі захоўваліся, як правіла, у складзе архіваў устаноў, фамільных і сядзібных архіваў. У XVIII–XIX стст. некаторыя асабістыя архівы дзяржаўных дзеячаў паступілі ў Пецярбургскі дзяржаўны і Маскоўскі галоўны архівы Міністэрства замежных спраў, Ваенна-навуковы архіў і інш., вучоных — у архіў Акадэміі навук, дзеячаў літаратуры, мастацтва, навукі — у рукапісны аддзел Пецярбургскай публічнай бібліятэкі і Румянцаўскага музея, актыўным з'яўлялася прыватнае калекцыяніраванне[1]. У апошняй чвэрці XIX — пачатку XX ст. значная колькасць асабістых архіваў трапіла ў спецыяльныя архівасховішчы: Політэхнічны, Гістарычны і Рускі музеі, Траццякоўскую галерэю, Тэатральны музей А. Бахрушына, Пушкінскі дом, арганізаваныя мемарыяльныя музеі-архівы[2].

У той жа час у Варшаве паўсталі вялікія зборы друкаваных і рукапісных дакументаў, уключна з дакументамі асабістага паходжання, заснаваныя прадстаўнікамі вядомых родаў Красінскіх, Замойскіх, Пшэздзецкіх. У бібліятэцы ардынацыі Замойскіх, напрыклад, захоўваліся дакументы М. Баброўскага і У. Трамбіцкага, у бібліятэцы ардынацыі Красінскіх — копіі Статута ВКЛ з асабістага архіва І. Даніловіча, у бібліятэцы Пшэздзецкіх — частка дакументаў мінскага ваяводы А. Хмары.

Зборам архіваў асабістага паходжання займаліся грамадскія ўстановы, універсітэты, музеі Варшавы, Вільна, Кракава і інш. У Таварыства сяброў навук у Варшаве ў 1818 г. быў перададзены ў адпаведнасці з тастаментам вялікі архіў генерала Яна Генрыха Дамброўскага (1755–1818), што ўтрымліваў інфармацыю па гісторыі напалеонаўскіх войнаў, лісты і загады шэрагу французскіх і расійскіх военачальнікаў[3]. У бібліятэку Віленскага універсітэта на пачатку стагоддзя па ініцыятыве рэктара, вядомага астранома і матэматыка Я. Снядэцкага паступілі дакументы гісторыкаў М. Догеля (1715–1760) і Я. Альбертрандзі (1731–1808), Т. Чацкага (1765–1813), архіў вроцлаўскага матэматыка і астранома Я. Шэйбеля[4]. У Ягелонскую бібліятэку ў Кракаве — карэспандэнцыя Я. Лялевеля, частка збораў А. Ельскага, уключна з архівам мінскага выяводы А. Хмары. На падставе збораў Э. Гутэн-Чапскага, які ў 1894 г. перавёз сваю калекцыю ў Кракаў, быў арганізаваны Нацыянальны музей[5].

Лёсы асобных вялікіх архіваў грамадска-палітычных дзеячаў складваліся па-рознаму — не абыходзілася без страт. У 1818 г., згодна з тастаментам, архіў Т. Касцюшкі (1746–1817) быў знішчаны ў прысутнасці натарыуса. У XIX ст. вялікі комплекс дакументаў аб яго дзейнасці нанова сабраны Польскім музеем у Раперсвілі (Швейцарыя), але большая частка загінула падчас Другой сусветнай вайны разам са зборамі Нацыяналь-

[1] Гл.: Никифоров Е. И. Частное собирательство документальных материалов в России в первой половине XIX в. // Советские архивы. 1972. № 3. С. 40–42.

[2] Гл.: Кононов Ю. Ф. Организация хранения личных фондов в архивах СССР // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. Т. 1–2. М., 1966. Т. 1. С. 267–269.

[3] Гл.: Wiśniewski J. Archiwalia w bibliotekach i muzeach. Poznań, 2000. S. 32–33.

[4] Гл.: Brensztejn M. Biblioteka Uniwersitecka w Wilnie do roku 1832. Wilno, 1925. 160 s.

[5] Гл.: Wiśniewski J. Archiwalia… S. 43–46, 326.

най бібліятэкі ў Варшаве[6], цяпер рэшткі архіва захоўваюцца ў некалькіх сховішчах. Архіў караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага (1732–1798) (Архіў Кабінета караля, архіў Каралеўства Польскага, Archivum de Varsovie і інш.) складаўся па большай частцы з афіцыйных дакументаў Рэчы Паспалітай, дакументаў каралеўскага двара, прыватнай карэспандэнцыі, калекцыі рукапісаў і можа быць толькі ўмоўна аднесены да архіва асабістага паходжання. Тым не менш у яго складзе захаваліся асабістыя архівы гісторыкаў Я. Альбертрандзі (1731–1808) і А. Нарушэвіча (1733–1796). Пасля смерці Панятоўскага архіў перайшоў ва ўладанне яго брата Юзэфа, потым быў раскіданы па розных сховішчах: частка вывезена ў Пецярбург, частка апынулася ў Порыцкай бібліятэцы Чацкага (потым у музеі князёў Чартарыйскіх)[7].

Значным зборам, які захоўваў дакументы дзеячаў літаратуры, з'яўляўся так званы Архіў філаматаў, сабраны А. Петрашкевічам (1793–1863). Пасля смерці яго дакументы перайшлі да віленскіх сваякоў. У канцы 1950-х гг. частка архіва была перададзеная спадкаемцамі ў аддзел рукапісаў Віленскага універсітэта, другая ў бібліятэку Каталіцкага універсітэта ў Любліне, яшчэ адна трапіла ў Музей літаратуры імя А. Міцкевіча ў Варшаве. Дакументы філаматаў захоўвалі Францішак Малеўскі (1800–1870) і Тамаш Зан (1796–1855): гэтыя часткі захоўваюцца ў Музеі літаратуры імя А. Міцкевіча ў Варшаве і ў Бібліятэцы Акадэміі навук Літвы ў Вільна. У архіве акрамя дакументаў па гісторыі Таварыства філаматаў захаваліся творы і ліставанне А. Міцкевіча, Я. Чачота, Т. Зана, А. Петрашкевіча, К. Пясецкага і інш.[8].

Свае асаблівасці гісторыі захоўвання і складу мелі архівы гісторыкаў-навукоўцаў. Яны, для напісання працы, збіралі гістарычныя крыніцы (копіі і выпісы з архіўных дакументаў, творы і г. д.), якія з цягам часу станавіліся асноўнай і найбольш каштоўнай часткай асабістага архіва, да якой далучаліся творы і біяграфічныя дакументы дзеяча. Адной з першых такіх калекцый сталі так званыя тэкі Нарушэвіча, аўтара «Гісторыі польскага народа» А. Нарушэвіча (1733–1796), якія складаліся з 230 тамоў копій дакументаў ад 1140 г. да другой паловы XVIII ст. Зборам і захаваннем гістарычных дакументаў займаліся прафесары Віленскага ўніверсітэта І. Анацэвіч (1780–1845), М. Баброўскі (1784–1848), І. Даніловіч (1787–1843), І. Лабойка (1786–1861), Ю. Ярашэвіч (1793–1860), якія стаялі ля вытокаў беларускага мовазнаўства, правазнаўства, археаграфіі, гістарыяграфіі. У іх асабістых архівах адклалася вялікая колькасць матэрыялаў па гісторыі Беларусі. Пасля смерці сваіх уладальнікаў архівы часта станавіліся прадметам куплі-продажу і разыходзіліся па руках калекцыянераў. Напрыклад, частка дакументаў І. Анацэвіча (уключна з дакументамі з архіваў Пецярбурга, Кёнігсберга, Дзярэчына, Пулаў, перапіскай С. Панятоўскага, папскімі буламі, дакументамі па гісторыі дома Ягелонаў, дакументамі аб дыпламатычных зносінах Расіі і Польшчы ў XVI–XVIII стст. і інш.) была перададзеная калекцыянеру К. Свіндзіцкаму, частка — гродзенскаму калекцыянеру Слізню, частка трапіла ў зборы Э. Рачынскага і Р. Падбярэскага. Рукапісная спадчына М. Баброўскага разышлася па руках адразу пасля яго смерці (найбольшая колькасць — да бібліяфіла У. Транбіцкага), неапублікаваныя рукапісы І. Даніловіча набыты Е. Тышкевічам у Віленскі музей старажытнасцяў у 50-я гг. XIX ст.[9].

---

[6] Гл.: Jedynakiewicz K. Osobowość i życie codzienne Tadeusza Kościuszki. Łódź, 1996. S. 15.

[7] Гл.: Bańkowski P. Archiwum Stanisława Augusta. Warszawa, 1958. S. 5–10.

[8] Гл.: Korespondencja filomatów. Wybor. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1999. С. XXXI–XXXII.

[9] Карев Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 1920-х гг. XX в., в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс, 2007. С. 94–95; Николаев С. И. О колекции Игнатия Онацевича // Духовная культура славянских

Дакументы заснавальніка навуковай археалогіі, этнографа і славіста З. Даленгі-Хадакоўскага (1784–1825) пасля перайшлі да М. Палявога, а потым да М. Пагодзіна, якія займаліся калекцыянаваннем, значная колькасць трапіла ў рукі польскіх, украінскіх, расійскіх калекцыянераў[10]. Асабісты архіў члена Румянцаўскага гуртка гісторыка і археографа І. Грыгаровіча характарызуецца наяўнасцю вялікай колькасці капійных дакументаў з архіваў Полацка, Магілёва, Віцебска, Оршы, якія рыхтаваліся для публікацыі. Пасля яго смерці дакументы захоўваліся ў яго сына, Мікалая Грыгаровіча, а ў 1872 г. былі перададзены ў Румянцаўскі музей (цяпер Навукова-даследчыцкі аддзел рукапісаў Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі). Вялікая частка архіва апынулася ў прыватных зборах краснаярскага бібліяфіла Г. У. Юдзіна[11].

У другой палове XIX ст. пачынаюць ствараццa сховішчы, якія значна садзейнічаюць захоўванню дакументаў выдатных дзеячаў краю. Гэта справа з'яўлялася, як правіла, прыватнай ініцыятывай і гуртавала вакол сябе прадстаўнікоў мясцовай інтэлектуальнай эліты. У 1856 г. у Вільні былі адчынены Музей старажытнасцяў і Віленская археалагічная камісія пад кіраўніцтвам Е. Тышкевіча, супрацоўнікамі якой з'яўляліся Т. Нарбут, І. Крашэўскі, М. Маліноўскі, І. Ходзька, П. Кукальнік, А. Кіркор, І. Ярашэвіч і інш. У Віленскі музей у якасці добраахвотных ахвяраванняў былі перададзены ад А. Важынскага — некалькі аўтографаў вядомых у краі асоб, ад А. Вейнерта — уласны твор у 4 т. пад назвай «Starożytności Warszawskie», ад А. Кастравіцкага — аўтограф Ф. Карпінскага, ад Т. Нарбута — «Гісторыя Літвы» ў 9 т., выданне ў багатым пераплёце, чарнавы рукапіс 4-га т., чарніліца, якая ужывалася падчас напісання твора. У 1866 г. пры разборы дакументаў Віленскага музея старажытнасцяў і стварэнні Віленскай публічнай бібліятэкі П. Гільтэбрандтам быў знойдзены архіў Сапегаў з Дзярэчына і вялікае ліставанне мясцовых і польскіх магнатаў XVIII ст.[12].

У другой палове XIX — пачатку XX ст. працавалі Віленская археаграфічная камісія, Віленскі і Віцебскі цэнтральныя архівы старажытных актавых кніг, Віцебская вучоная архіўная камісія, што займаліся ў асноўным захаваннем і вывучэннем дакументаў устаноў, часам прыватных (фамільных) архіваў і збораў[13]. У 1898 г. у Вільні быў створаны т.зв. Мураўёўскі музей, мэтай якога была канцэнтрацыя дакументаў аб дзейнасці М. М. Мураўёва ў Паўночна-Заходнім краі ў 1863–1865 гг. Пры музеі існаваў архіў, які камплектаваўся дакументамі па гісторыі паўстання, дзе захавалася каля 47,5 тыс. спраў. Гэта былі, дакументы устаноў, створаных у сувязі з паўстаннем, часткі матэрыялаў палітычнага аддзялення канцэлярыі генерал-губернатарства, а таксама асабістыя дакументы і рэчы М.М. Мураўёва, дакументы

народов. Литература. Фольклор. История: сб. статей к IX международному съезду славистов. Ленинград, 1983. С. 197–208.

[10] Гл.: Maślanka J. Zorian Dołenga-Chodakowski jego mejsce w kulturze Polskiej i wpływ na polskie piśmennictwo romantyczne. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965. S. 143–145.

[11] Гл.: Іванова В. Дакументальная спадчына протаіерэя Іаана Грыгаровіча // Праваслаўе. 2004. № 12–13. С. 78–85; Іванова В. Лісты з асабістага архіва Івана Грыгаровіча // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 8. Мінск, 2007. С. 222.

[12] Гл.: Гильтебрандт П. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Вып. 1. Церковно-славянские рукописи. Русские пергамены. Вильна, 1871. С. VII–XXIV.

[13] Так, напрыклад, VII і VIII тт. «Археографического сборника документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», што выдаваліся Віленскай археаграфічнай камісіяй былі складзены з дакументаў Нясвіжскага і Кейданскага архіваў Радзівілаў. У прыватным архіве Е. Тышкевіча захоўваліся дакументы гродзенскіх прысутных местаў, якія былі передадзены ў Віленскі цэнтральны архіў старажытных актавых кніг // Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 596. Воп. 1. Адз. зах. 669.

ўдзельнікаў паўстання. Мураўёўскі музей стаўся адным з першых прыкладаў выкарыстання постаці дзеяча і сведчанняў аб яго дзейнасці (дакументаў, прадметаў) у ідэалагічных мэтах[14].

Захаваннем гістарычных памятак у другой палове XIX ст. на беларускіх землях актыўна займаліся збіральнікі, якія хоць і не мелі значных матэрыяльных сродкаў, але былі перакананы ў неабходнасці калекцыянавання дзеля захавання і вывучэння нацыянальнай культуры. А. Ельскі і М. Федароўскі ўпершыню паставілі пытанне аб неабходнасці захавання дакументальнай спадчыны асобы і сям'і, у гэты ж час былі створаны пералікі наяўных і страчаных архіўных, бібліятэчных, мастацкіх збораў[15]. Канстатуючы факты знішчэння цэлага шэрагу фамільных архіваў пасля 1863 г. М. Федароўскі называе асноўнай прычынай тое, што «злачынцы-ўнукі не перанялі ад сваіх дзядоў іх паважлівага стаўлення да старажытных дакументаў»[16].

Найбольш вядомай на беларускіх землях у сярэдзіне XIX ст. была калекцыя А. Ельскага (1834–1916) у Замосці, якая налічвала больш за 20 тыс. аўтографаў знакамітых асоб з усёй Еўропы, тут захоўваліся часткі асабістых архіваў А. Міцкевіча, В. Дуніна-Марцінкевіча, А. Кіркора (каля 5 тыс. пісьмаў), С. Манюшкі, братоў Ф. і А. Смуглевічаў, фамільныя архівы Прозараў, Ельскіх, Заранкаў, Хмараў і інш. Акрамя таго, А. Ельскі збіраў дакументы філаматаў, даў апісанне асабістага архіва К. Пясецкага, шкадаваў, што не здолеў здабыць дзённік Д. Манюшкі, які мусіў быць «неацэннай крыніцай пераважна мясцовасці, дзе жыў і дзейнічаў Манюшка, і яшчэ напалеонаўскага перыяду»[17]. Паводле сведчанняў калегі і біёграфа А. Ельскага Ю. Талькі-Грынцэвіча, «у паперах, што засталіся пасля Ельскага, ёсць сорак папак, дзе змяшчаюцца яго нататкі, манаграфіі, запіскі і карэспандэнцыі аб людзях і фактах. З цягам часу яны будуць мець вялікую каштоўнасць для гісторыі» — па сутнасці, гэта апісанне асабістага архіва самога калекцыянера[18]. У сваіх зборах А. Ельскі стварыў пэўную сістэматызацыю і праводзіў навукова-тэхнічную апрацоўку дакументаў. Фамільныя архівы, уключна з асабіста-сямейнымі, публічнымі і маянткова-гаспадарчымі дакументамі, захоўваліся ў фасцыкулах і звязках, мелі інвентары ці сумарыушы. Калекцыя сістэматызаваная па тэматычна-асабовым прынцыпе, уключала больш за 100 тэматычных раздзелаў, сярод якіх: літоўскія ваяводы і кашталяны, польская філасофія, рускія саноўнікі і духоўныя асобы, царская папка, французская папка, падзеі 1861–1863 гг. і інш. У рамках раздзелаў дакументы згрупіраваны па тэчках, на кожнай з якіх напісана прозвішча і імя асобы, сфера яго дзейнасці, таксама можа быць змест і дата дакумента. Прозвішчы падкрэс-

---

[14] Гл.: Шумейка М. Як захоўвалі дакументальную спадчыну Мураўёва-вешальніка // Беларуская мінуўшчына. 1997. № 1. С. 8–11; Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 249. Воп. 5. Адз. зах. 681; Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 439. Воп. 1. Адз. зах. 33, 74.

[15] Гл.: Federowski M. Materialy do historii życia umyslowego na Litwie — niszczenie dzieł sztuki i zabytków kultyralnych // Gabinet Rękopisów. Biblioteka Uniwersitecka w Warszawie. № 448/2; Radziszewski F. Wiadomość historyko-statystyczna o znakomitych bibliotekach i archiwach publicznych i przywatnych, tak kiedyś byłych jako i obecnie istniejących w krajach dawną Polskę skladajacych, a mianowicie: w Królewstwie Polskiem, Galicyi, W. Ks. Poznańskim i Zachodnich guberniach Państwa Rossyjskiego. Kraków: W drukarni Wł. L. Anczyca i Sp., 1875. 124 s.

[16] Federowski M. O lekkomyślem niszczeniu starych dokumentów // Księga pamiąkowa na uczenie setnej rocznicy urodzin Adama Mickiewicza 1798–1898. T. 1–2. Warszawa — Peterburg — Kraków, 1899. T. 2. S. 16.

[17] Ельскі А. Выбранае. Мінск, 2004. С. 135, 147.

[18] Гл.: Кісялеў Г. Ад Чачота да Багушэвіча: праблемы крыніцазнаўства і атрыбуцыі беларускай літаратуры XIX ст. Мінск, 2003. С. 79.

лены чырвоным алоўкам, ставілася пячатка «Biblioteka i museum Aleksandra Jelskiego w Zamościu»[19].

У зборах этнографа М. Федароўскага (1853–1923) было сабрана шмат дакументаў з расійскіх устаноў, ліставанне В. Маеўскага, З. Глогера, фамільныя (сядзібныя) архівы Віленскага, Навагародскага, Полацкага і іншых паветаў, сем'яў Коханаў, Краснікаў, Бутаўтаў, Эйсмантаў, Шчытоў-Забельскіх і інш., дастаткова вялікай была частка асабістых папер М. Федароўскага: зборы фальклору, падрыхтоўчыя матэрыялы да выдання «Ludu Białoruskiego», карэспандэнцыя, біяграфічныя матэрыялы[20].

Шмат фамільных і асабістых архіваў і іх частак захоўваліся ў віленскіх калекцыянераў Л. Марашэўскага (частка Дзярэчынскага архіва Сапегаў, архівы Ордаў, Стравінскіх, Вайніловічаў, Палубінскіх), А. Заштаўта (архівы Пацаў, Радзівілаў, Сапегаў), Л. Узэмблы (матэрыялы філаматаў і філарэтаў, карэспандэнцыя прафесараў Віленскага універсітэта і іншых прадстаўнікоў Віленскай інтэлігенцыі), Т. Урублеўскага (часткі калекцый Г. Татура, В. Федаровіча). Дзякуючы калекцыянерам захаваліся дакументы пісьменнікаў: у Р. Зямкевіча — рукапісы А. Рыпінскага, А. Вярыгі-Дарэўскага, В. Дуніна-Марцінкевіча, у В. Федаровіча — рукапісы Я. Баршчэўскага, у М. Піятуховіча — рукапісы А. Рыпінскага[21].

Адным з набольш вядомых віленскіх калекцыянераў быў ваенны юрыст, літаратар А. Жыркевіч (1857–1927), які яшчэ гімназістам пачаў збіраць рукапісы і прадметы даўніны. Ён перадаваў іх у музеі, архівы, бібліятэкі Гродна, Коўна, Мінска, Масквы, Санкт-Пецярбурга. Ягелонскай бібліятэцы ў Кракаве падараваў аўтографы Т. Касцюшкі і А. Міцкевіча, Віленскай публічная бібліятэцы — рукапісы Стафана Баторыя, Станіслава Аўгуста Панятоўскага, Кацярыны II, А. Кіркора, Ю. Крашэўскага, Л. Кандратовіча[22]. Ён стаў адным з ініцыятараў і арганізатараў стварэння музея М. Мураўёва ў Вільна, Ваеннага музея пры Віленскім ваенным сабранні, даследваў гісторыю дакументальных архіўных страт[23], выказваў клопат аб захаванні гістарычных дакументаў: «…Вы знаете ,каково воевать за старую бумагу! Но тяжело и воевать, когда видишь равнодушие»[24]. Яго вялікі асабісты архіў, што цяпер захоўваецца ў Музеі Л. Талстога ў Маскве, утрымлівае шэраг крыніц па гісторыі краю.

На пачатку ХХ ст. у кірунку збірання дакументаў асабістага паходжання актыўна сталі дзейнічаць культурна-грамадскія суполкі. Варшаўскае таварыства аматараў навук, якое было ўтворанае яшчэ на пачатку ХІХ ст., прыняла на захоўванне дакументы калекцыянераў М. Федароўскага і З. Глогера. У 1907 г. па ініцыятыве прафесара А. Парчэўскага было створанае Таварыства аматараў навук у Вільні, якое праіснавала да 1922 г. Сюды перадалі свае зборы М. Брэнштэйн, А. Ельскі, А. і У. Тышкевічы, С. Кастравіцкая, тут захоўваліся перапіска А. Кіркора, Т. Касцюшкі, Я. Карловіча, да-

---

19 Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 1135. Воп. 21. Адз. зах. 64. Арк. 383–385; Дзяржаўны архіў старажытных актаў (Варшава). Ф. 376, 144. Адз. зах. за 1560–1915 гг.

20 Гл.: Спадчына Федароўскага // Савецкая Беларусь. № 156. 1923. 11 ліп. С. 6.

21 Гл.: Buika M. Wileńscy kolekcionerzy zabytków i pamiątek historycznych na przełomie XIX–XX wieku // Zeszyty naukowe Uniwersitetu Jagiełłońskiego. Prace historyczne. Z. 134. Kraków, 2007. S. 81–90; Кісялеў Г. Ад Чачота да Багушэвіча: праблемы крыніцазнаўства і атрыбуцыі беларускай літаратуры ХІХ ст. С. 44–82.

22 Аддзел рукапісаў бібліятэкі Віленскага універсітэта. Ф. 48. Адз. зах. 1–306 за 1303–1964 гг.

23 Гл.: Жиркевич А. В. Свежо предание, а верится с трудом. СПб., 1902. 45 с. Жиркевич А. В. Смоленские архивы в 1812 году // Смоленская старина. Т. 1. 1909. С. 345–377.

24 Аддзел рукапісаў бібліятэкі Віленскага універсітэта. Ф. 6. Адз. зах. 26. Арк. 57.

кументы Т. Нарбута, Т. Зана, І. і К. Кантрымаў і інш.[25]. Дзеячы краю пачалі сур'ёзна задумвацца аб лёсе сваіх збораў пасля сваёй смерці ці на выпадак розных грамадскіх і гістарычных трансфармацый. Так, напрыклад, А. Ельскі перадаў вялікую карэспандэнцыю А. Кіркора (больш за 5 тыс. лістоў) у Таварыства аматараў навук у Вільні пры ўмове, што пры спыненні ці змяненні характару дзейнасці таварыства дакументы павінны быць вернуты ахвярадаўцу ці яго спадчыннікам[26].

Вельмі клапатліва ставіўся да свайго асабістага архіва загадчык Віленскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг І. Спрогіс (1833–1918). У ім утрымлівалася багатае ліставанне, дзённікі, якія адлюстроўвалі не толькі інтэлектуальнае, духоўнае і культурнае жыццё так званай рускай Вільны, але і стасункі з вядомымі навукоўцамі таго часу ў кантэксце гістарычных і ідэалагічных узаемадзеянняў. Перад самай вайной у лістах да свайго сябра А. Жыркевіча І. Спрогіс ставіць пытанне аб лёсе свайго архіва, мяркуючы яшчэ пры жыцці перадаць яго ў Віленскую публічную бібліятэку. Гэта выклікала даволі рэзкую рэакцыю Жыркевіча: «Ваше распоряжение при вашей жизни явно несообразно с литературными обычаями…Только когда пройдет 25–50 лет после вашей смерти можно разрешить ими пользоваться, а так при жизни Вы наживете себе врагов… Убедительно прошу Вас во всяком случае вернуть мне мои письма, не позволяя рыться в них посторонним…Я ничего не буду иметь против, если вы соберете и при мне уничтожите, т. е. сожжете, дав мне их предварительно пересмотреть и перечитать»[27]. У выніку І. Спрогіс, каб захаваць канфідэнцыяльнасць, передае дзевяць сшыткаў сваіх дзённікаў на захоўванне А. Жыркевічу з умовай перадаць іх пасля смерці ў Віленскую публічную бібліятэку. Трэба меркаваць, што сам архіў быў перададзены ў бібліятэку да 1915 г., калі яна была вывезена, а яе зборы пазней увайшлі ў склад Бібліятэкі Віленскага універсітэта[28]. А. Жыркевіч не выканаў запавет Спрогіса адносна дзённікаў, і яны трапілі на захоўванне ў Дзяржаўны гістарычны архіў Латвіі[29].

Аднак і клопат уладальнікаў не заўсёды выратоўваў архівы ад знішчэння: так, архіў А. Ельскага і вялікая колькасць фамільных архіваў, сярод якіх архівы Чапскіх, Ваньковічаў, Вайніловічаў, Мілашаў і іншых былі знішчаны падчас Першай сусветнай вайны і рэвалюцыі.

Фрагменты захаваўшыхся асабістых архіваў даюць магчымасць гаварыць аб пэўных тэндэнцыях у захоўванні дакументаў простых людзей, што маюць значную цікавасць для ўзнаўлення гісторыі эпохі. Так, у Аддзеле рукапісаў бібліятэкі імя Асалінскіх у Вроцлаве ўтрымліваюцца «Думкі» мінчаніна, беларускага і польскага паэта Ігнація Легатовіча, успаміны жыхара Віцебска Максіміліяна Маркса, успаміны пра дамок лідскіх піяраў Язафата Вайшвілы, успаміны жыхара Слуцка Станіслава Шантыра,

[25] Гл.: Brensztejn M. Biblioteka Towarzystwa przyjaciól nauk w Wilnie. 1907–1931. Wilno: Zakł. graf. «Znicz», 1932. С. 13–15; Chwalewik E. Zbiory Polskie archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne zbiory pamiątek przesłości w ojczyżnie i na obczyznie. W porządku alfabetycznym wedlug miejscowości ułożone. Warszawa-Kraków: Wyd-wo J. Mortkowicza, 1926. T. 1. S. 472–473.

[26] Гл.: Кісялёў Г. Замосце: скарбы Аляксандра Ельскага. Генрых Ельскі пра музей свайго дзеда // Шляхам гадоў: гіст.-літ. зб. / уклад. Г. Кісялёў. Мінск, 1990. С. 303.

[27] Аддзел рукапісаў бібліятэкі Віленскага універсітэта. Ф. 6. Адз. зах. 26. Арк. 137.

[28] Аддзел рукапісаў бібліятэкі Віленскага універсітэта. Ф. 6. Адз. зах. 136.

[29] Іванова В. Асабістыя архівы ў Латвійскіх сховішчах як крыніца па гісторыі Беларусі // Сучасныя праблемы дакументазнаўства, архівазнаўства і археаграфіі: матэрыялы навук.-практ. канф., прысвеч. 85-годдзю Дзярж. архіўн. службы і 80-годдзю Нац. архіва Рэсп. Беларусь. (Мінск, 12 красавіка 2007) / склад. В. С. Пазднякоў, П. П. Журкевіч. Мінск, 2007. С. 162–168.

карэспандэнцыя і асабістыя дакументы польскага пісьменніка і мемуарыста Эдуарда Паўловіча з Навагрудчыны, успаміны Г. Велявейскага з Любчы. У Курніцкай бібліятэцы — карэспандэнцыя жыхара Случчыны, мастака і рэвалюцыянера Браніслава Залескага[30], у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі — ліставанне мінскай настаўніцы Я. Іоэльсан, у Навукова-даследчыцкім аддзеле кнігазнаўства Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі — дзённік мінскага архіепіскапа М. Галубовіча. У статыстычных апісаннях беларускіх губерній, што праводзіліся ў XIX ст., была пададзеная інфармацыя аб захаванні асабістага архіва Ю. Ярашэвіча ў яго ўдавы ў Бельскім павеце, дакументаў айца Гарбацэвіча са Слуцкага павета, што складаліся з ліставання па гісторыі уніі ў 1596 г., дакументаў дырэктара Беластоцкай гімназіі Кулакоўскага і інш.[31].

Такім чынам, у XVIII — пачатку XX ст. дакументы асоб, якія ўплывалі на грамадска-палітычныя працэсы на беларускіх землях ці зрабілі ўнёсак у развіццё беларускай навукі, літаратуры і мастацтва, захоўваюцца ў складзе архіваў дзяржаўных і грамадскіх устаноў Расійскай імперыі і Каралеўства Польскага, у прыватных архівах і калекцыях. Найбольш вядомымі захавальнікамі дакументаў асабістага паходжання з'яўляюцца М. Румянцаў, М. Пагодзін, У. Транбіцкі, А. Жыркевіч, А. Ельскі, І. Каладзеў, Г. Юдзін і інш., яны утрымліваюцца ў фамільных і сядзібных архівах, публічных і прыватных зборах (Віленская публічная бібліятэка, Мураўёўскі музей, бібліятэкі ардынацый Замойкіх, Красінскіх, бібліятэка Пшэздзецкіх), грамадска-культурных установах (таварыствы аматараў навук у Вільні і Варшаве). Працэс фарміравання асабістых архіваў яскрава прасочваецца на прыкладзе архіваў грамадска-палітычных дзеячаў, літаратараў, навукоўцаў, у першую чаргу гісторыкаў, асаблівасцю складу апошніх з'яўляюцца зборы гістарычных дакументаў. У другой палове XIX ст. на беларускіх землях пачалі фарміравацца прыватныя калекцыі (А. Ельскі, М. Федароўскі, браты Тышкевічы, А. Жыркевіч, віленскія калекцыянеры), уладальнікі якіх усвядомілі неабходнасць захавання памятак па гісторыі краю ў тым ліку і асабістых архіваў дзеячаў літаратуры, навукі, культуры. Калекцыяніраванне стала адной з асноўных формаў пошуку, сістэматызацыі, захоўвання і выкарыстання асабістых архіваў.

Большасць асабістых архіваў, што фарміраваліся ў канцы XVIII — пачатку XX ст., не захавалася ў сваёй цэласнасці, іх часткі страчаны ці раскіданы па сховішчах Латвіі, Літвы, Польшчы, Расіі, Украіны [гл. Дадатак], а вывучэнне вымагае рэканструкцыі гісторыі і складу, збора звестак аб сучасных месцах захоўвання. У Беларусі захаваліся фрагменты асабістых архіваў гісторыка і археографа І. Грыгаровіча, паэта А. Гурыновіча, пісьменніка К. Каганца, частка калекцыі А. Ельскага і сямейнага архіва Багдановічаў (Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва), архівы бабруйскага купца М. Кагановіча, настаўніцы Е. Іоэльсон (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі), а таксама асобныя дакументы ў складзе калекцый і фамільных фондаў.

Вольга ІВАНОВА

---

[30] Гл.: Выяўленне, сумеснае выкарыстанне і вяртанне архіўных, бібліятэчных і музейных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў замежных краінах. Вяртанне-6 / пад. рэд А. Мальдзіса. Мінск, 1999. С. 150–158.

[31] Гильтебрандт П. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Вып. 1. Церковнославянские рукописи. Русские пергамены. С.VII–XXIV.

ДАДАТАК
Асабістыя архівы дзеячаў беларускай навукі, культуры і грамадска-палітычнай сферы ў сховішчах Латвіі, Літвы, Польшчы, Расіі, Украіны[32]

Абіхт Рудольф (1850, Намыслаў, Сілезія — 1921), славіст Вроцлаўскага універсітэта, выкладчык Свіслацкай гімназіі.

Аддзел рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі Акадэміі навук Літвы (АР ЦБАН Літвы). Ф. 78 (фонд Л. Абрамовіча). Воп. 1. Адз. зах. 338.

Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). Ф. 3 (Калекцыя музея імя І. Луцкевіча ў Вільна). Воп. 1. Адз. зах. 261.

Абуховіч Альгерд (1840, Калацічы, Бабруйскі пав., Мінская губ. — 1898), пісьменнік.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 21 (Віленскі беларускі фонд). Воп. 1. Адз. зах. 431.

Агінскі Міхал Клеафас (1765, Гузаў, Польшча — 1833), кампазітар.

Архіў каралеўскага замка (Варшава), перапіска.

Расійскі дзяржаўны архіў старажытных актаў (РДАСА). Ф. 12 (Справы аб Літве і Польшчы), творы, перапіска, нататкі за 1683–1854.

Дзяржаўны музей гісторыі тэатральнай і музыкальнай культуры (ДМГТМК). Копіі дакументаў Агінскага з РДАСА.

Адынец Антон Эдвард (1804, Гейстуны, Ашмянскі пав., Гродзенская губ. — 1885), паэт, перакладчык.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 2847 за 1826–1884.

Ажэшка Элаіза (1841, Мількаўшчына, Гродзенскі пав. — 1910), пісьменніца.

Бібліятэка Інстытута літаратуразнаўства Польскай акадэміі навук. 1 000 адз. зах.

Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (ЛДГА). Ф. 1137 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 15. 37 адз. зах. за 1777–1931.

Аддзел старажытных кніг і рукапісаў Публічнай бібліятэкі (Варшава), творы, ліставанне.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта. № 1457–1458.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў). № 12028.

Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей. 85 адз. зах. і інш.

Альбертрандзі Ян (1731, Варшава — 1808), гісторык, архівіст, настаўнік Нясвіжскай езуіцкай семінарыі.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў).

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў).

Навуковая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Кракаў), карэспандэнцыя і афіцыйныя паперы.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта. № 135.

Курніцкая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Познань), дакументы дзейнасці: копіі з архіваў польскіх і італьянскіх з бібліятэкі Ватыкана, фрагмент каталогу бібліятэкі Станіслава Аўгуста.

---

[32] Пададзена інфармацыя аб архівах дзеячаў XIX — першай паловы XX ст., уключна з часткамі архіваў, якія захоўваюцца ў Беларусі. Даведнік не прэтэндуе на вычарпальнасць: звесткі могуць быць дапоўнены.

Анацэвіч Ігнат (1780, М. Бераставіца, Гродзенскі пав. — 1845), гісторык.

Інстытут рускай літаратуры РАН (Пушкінскі дом), калекцыя, 374 адз. зах.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 6975, выпісы з дакументаў.

Аддзел рукапісаў Бібліятэкі Віленскага універсітэта (АР БВУ). Ф. 12 (асабісты фонд І. Лялевеля). Воп. 1. Адз. зах. 145.

АР ЦБАН Літвы, асобныя дакументы ў складзе ф. 18, 43, 151, 273.

ЛДГА. Ф. 721. (Віленскі універсітэт). Воп.1. Адз. зах. 68, 121, 130, 254, 624, 741, 1195, дакументы аб працы прафесарам Віленскага універсітэта.

Бібліятэка Рачыньскіх (Познань).

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў).

Баброўскі Міхаіл (1784, Вулька, Бельскі пав. — 1848), гісторык.

АР БВУ. Ф. 58. 11 адз. зах., нататкі, выпісы, ліставанне.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 0827, 0872, 0924, 1659, 1735 за 1805–1845, нарысы, нататкі, даклады, службовыя дакументы, перапіска.

Аддзел рукапіснай і старажытнай кнігі Бібліятэкі Акадэміі навук у Санкт-Пецярбургу. Ф. 46. (збор).

АР РНБ. Ф. 80 (асабісты фонд П. В. Баброўскага).

Ватыканскі архіў.

Бадуэн дэ Куртэне Іван Аляксандравіч (1845, Радзымін, Польшча — 1929), рускі і польскі мовазнавец.

Аддзел рукапісаў Расійскай акадэміі навук (АРАН СПб). Ф. 102. Воп. 1–2. 385 адз. зах. за 1870–1909.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава).

Навуковая бібліятэка НАН Украіны (Львоў). № 3152–3343 (фонд Я. Галавацкага).

Архіў Польскай акадэміі навук (Варшава).

Балінскі Міхаіл (1794, Цярэспаль, Полацкі пав. — 1864), гісторык, публіцыст.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 81. Воп. 1. 46 адз. зах. за 1380–1920.

АР БВУ. Ф. 22. 807 адз. зах. за 1509–1939.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў), навуковыя працы, перапіска, матэрыялы па гісторыі Літвы, успаміны аб А. Снядзецкім.

Беражкоў Міхаіл (1850, Мастцы, Украіна — 1937), гісторык.

Інстытут рукапісу Нацыянальнай бібліятэкі Украіны (Кіеў). Ф. 23. 1480 адз. зах. за 1842–1932.

Богуш-Сестранцэвіч Станіслаў (1731, Занкі, Свіслацкі пав., Гродзенскае ваяв. — 1826), гісторык, літаратар, Магілёўскі архіепіскап.

РГАСА. Ф. 12. Воп. 1. Адз. зах. 192, лісты да кн. Г. А. Пацёмкіна-Таўрычаскага.

Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА) (фонд архіва). Воп. 2. Адз. зах. 3475.

Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Украіны (ЦДГАУ) у Кіеве. Ф. 257 (фамільны фонд кн. Радзівілаў). Воп. 1. Адз. зах. 128, дзённік за 1731–1754.

Бібліятэка Чартарыйскіх (Кракаў). № 689, 700, 707, лісты да Станіслава Аўгуста Панятоўскага.

Ватыканскі архіў.

Брэжга Баляслаў (1887, Айзупіша, Рэжыцкі пав., Віцебская губ. — 1957), гісторык.

Латгальскі культурна-гістарычны музей ў Резекене (Латвія), 401 адз. зах.

Дзяржаўны гістарычны архіў Латвіі (Рыга). Ф. 6984. 86 адз. зах. за 1473–1841.

Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 289 (Віцебскі архіў). Воп. 1. Адз. зах. 1, 23, 49.

АР ЦБАН. Ф. 21 (Віленскі беларускі фонд). Воп. 1. Адз. зах. 41–43, 49 за 1910–1917.

Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Латвійскай Нацыянальнай бібліятэкі (Рыга). Ф. 3. 177 адз. зах. за канец XVIII ст. — 1950-я гг.

Пушкінскі дом (Інстытут рускай літаратуры РАН, СПб). Ф. 5325. Воп. 9. Адз. зах. 257.

Брэнштэйн Міхаіл (1874, Цяльшай, Літва — 1938), гісторык, бібліёграф.

ЦБАН Літвы. Ф. 84. 34 адз. зах. за 1897–1935.

ЛДГА. Ф. 1135 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 1. 221 адз. зах. за 1507–1939.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава), біяграфічныя дакументы, дзённікі, творы, перапіска, сямейныя дакументы.

Булгак Ян (1876, Асташына, Навагрудскі пав., Гродзенская губ. — 1950), фатограф, этнограф, фальклырыст.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта, каталог набыткаў. 1911, «Успаміны дзяцінства, праведзенага на Навагрудчыне (І880–1887)». 1940.

Бялінскі Юзэф (1848–1926), гісторык, бібліёграф.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 82. 148 адз. зах. за 1879–1911.

Валіцкі Аляксандр (1826, Вільна — 1896), літаратар, музыкальны крытык, архівіст.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава), карэспандэнцыя А. Валіцкага за 1844–1893.

Варонка Язэп (1891, Саколскі пав. — 1952), грамадска-палітычны дзеяч.

ЛДГА. Ф. 582. Воп. 1. Адз. зах. 2.

АР ЦБАН. Ф. 21 (Віленскі беларускі фонд). Воп. 1. Адз. зах. 732–735 за 1919–1921.

Галавацкі Якаў (1814–1888), фалькларыст, мовазнавец, старшыня Віленскай археаграфічнай камісіі.

Навуковая бібліятэка НАН Украіны (Львоў), дакументы выкладчыцкай дзейнасці, перапіска.

Галубовіч Міхал (1800–1881), уніяцкі (праваслаўны) архіепіскап.

Навукова-даследчыцкі аддзел кнігазнаўства Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (НДАК НББ), 091/203 № 7 за 1858–1860, дзённік.

Нацыянальны музей гісторыі культуры (НМГК). № 5420 за 1865–1867.

Галубок Уладзіслаў (1882, Лясная, Навагрудскі пав., Мінская губ. — 1937), рэжысёр.

Расійскі дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва (Масква). Ф. 837 (М. А. Папоў). Воп. 1. Адз. зах. 117.

АР ЦБАН. Ф. 21. Воп. 1. Адз. зах. 146, 147 за 1926–1927.

Гарун Алесь (1887, Новы Двор, Мінскі пав. — 1920), пісьменнік.

ЦБАН Літвы. Ф. 21. Воп. 1. Адз. зах. 145, 473, 760 за 1912–1919.

БДАМЛМ. Ф. 55. Воп. 1. Адз. зах. 37–52 за 1908–1985.

Гільтэбрандт Пётр (1840, Пер'і, Разанская — 1905), архівіст, этнограф, археограф.

АР БВУ. Ф. 6 (фонд І. Спрогіса). Адз. зах. 35 за 1899–1902, лісты да І. Спрогіса.

АР РНБ, фальклорныя запісы.

Глогер Зыгмунт (1845 Каменка, Ломжыцкі пав., Аўгустоўская (Польшча) — 1910), археолаг, калекцыянер.

Нацыянальны музей (Кракаў), зборы рукапісаў, маянтковыя дакументы.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава), літаратурныя творы, перапіска.

Аддзел старажытных кніг і рукапісаў Публічнай бібліятэкі (Варшава), асабістыя дакументы, літаратурныя творы за 1809–1907.

Дзяржаўны архіў у Кракаве. Ф. 678, калекцыя дакументаў за 1515–1907.

Грыгаровіч Іван (1792, Прапойск, Старабыхаўскі пав., Магілёўскае ваяв. — 1852), археограф, гісторык, мовазнавец.

Навукова-даследчыцкі аддзел рукапісаў Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі ў Маскве (НДАР РДБ). Ф. 255 (фонд М. П. Румянцава); Ф. 178; Калекцыя рускіх аўтографаў, 1 папка, 2 адз. зах. за 1820-я гг.

Аддзел рукапісаў Расійскай Нацыянальнай бібліятэкі ў СПб (АР РНБ). Ф. 223. Рукапіс «Беларуская іерархія» за 1801–1825.

БДАМЛМ. Ф. 6. 118 адз. зах. за 1695–1896.

Гурыновіч Адам (1869, Ковелькі, Вілейскі пав., Віленская губ. — 1894), паэт.

БДАМЛМ. Ф. 171. 17 адз. зах. за 1887–1921.

ЦБАН Літвы. Ф. 21 (Віленскі беларускі фонд). 175 адз. зах.

Даленга-Хадакоўскі Зарыян (сапр. Чарноцкі А.) (1784, Гайна, Лагойскі пав., Мінскае ваяв. — 1825), археолаг, этнограф, гісторык.

НДАР РДБ. Ф. 588, 32, 255, дакументы за 1784–1820.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта. № 459.

Мінскі абласны краязнаўчы музей у г. Маладзечна. № 1675, грамата на дазвол праводзіць археалагічныя раскопкі, працаваць у музеях і бібліятэках.1818.

АР РНБ. Ф. 588 (фонд М. П. Пагодзіна). Воп. 4., выпісы, справаздачы, ліставанне.

Дзяржаўны архіў старажытных актаў (Варшава), перапіска.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў), копіі лістоў.

РДГА. Ф. 733 (фонд Міністэрства народнай асветы). Воп. 2. Адз. зах. 45732 і інш.

Дамейка Ігнат (1802, Мядзведка, Навагрудскі пав., Гродзенская губ. — 1889), геолаг, мінеролаг.

Музей літаратуры імя А. Міцкевіча (Варшава), перапіска.

НГАБ у г. Гродна. Ф. 1, 2, 5, 31 за 1824–1841.

Навуковая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Кракаў). Перапіска, «Мемуары выгнанца», навуковыя працы.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў). № 10500 (са спадчыны філолага С. Пігоня).

Даўгяла Зміцер (1868, Каз’яны, Гарадоцкі — 1942), археограф.

АР БВУ. Ф. 52 (фонд З. Даўгялы). 467 адз. зах. за 1595–1914.

ЛДГА. Ф. 596 (Віленская археаграфічная камісія). Воп. 1. Адз. зах. 330, 368, 371, 376.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 79 (Л. Абрамовіч). Воп. 1. Адз. зах. 139, 181.

НАРБ. Ф. 249 (Галоўнае архіўнае упраўленне). Воп. 5. Адз. зах. 680.

НГАБ у Мінску. Ф. 2771. Воп. 1. Адз. зах. 2790.

Догель Мацей (1715, Гембулы, Лідскі, Віленскае ваяв. — 1760), гісторык-архівіст, педагог, прававед.

Курніцкая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Познань), матэрыялы да зборніка «Межы Польскага каралеўства…».

АР РНБ. Рукапіс «Кодэкса Каралеўства Польскага і ВКЛ».

Доўгірд Анёл (1776, Юркаўшчына, Мсціслаўскі пав., Магілёўскае ваяв. — 1835), філасаф, логік.

Навуковая бібліятэка НАН Украіны (Львоў). № 906.

Доўнар-Запольскі Мітрафан (1867, Рэчыца, Мінская вобл. — 1934), гісторык.

ЦДГАУ ў Кіеве. Ф. 262. 212 адз. зах. за 1518–1918.

НДАК НББ. Ф. 2 (Збор матэрыялаў дзеячаў навукі і культуры Беларусі). Воп. 1. Адз. зах. 1.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 21 (Віленскі беларускі фонд). Воп. 1. Адз. зах. 86.

ВАКМ. № 9893.

Ельскі Аляксандр (1834, Дудзічы, Ігуменскі пав., Мінская губ. — 1916), публіцыст, калекцыянер.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 2760–2769, частка сямейнага архіва Ельскіх.

Аддзел рукапісаў Бібліятэкі Варшаўскага універсітэта. № 2476–2479, дакументы сям’і Ельскіх.

Навуковая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Кракаў), перапіска.

Дзяржаўны архіў старажытных актаў у Варшаве (ДАСА). Ф. 376. 144 адз. зах., фамільны архіў Прозараў-Ельскіх, дакументы з калекцыі А. Ельскага.

ЛДГА. Ф. 1135. Воп. 10. Адз. зах. 97, 116, лісты да Я. Карловіча.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў), перапіска, дакументы XVI–XVIII стст.

АР ЦБАН, перапіска з рознымі асобамі ў складзе ф. 79, 151, 273.

БДАМЛМ. Ф. 43. 30 адз. зах. за 1839–1885, частка калекцыі аўтографаў.

Ватыканскі архіў.

Жыркевіч Аляксандр (1857, Люцін, Віцебская губ. — 1927), калекцыянер, ваенны юрыст.

Расійскі дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва (РДАЛМ). Ф. 206. 357 адз. зах. за 1854–1917.

Дзяржаўны музей Л. М. Талстога (Масква). Ф. 4597. 4694 адз. зах. за 1880–1929.

АР БВУ. Ф. 48. 36 адз. зах. за 1303–1964, калекцыя аўтографаў.

АР РНБ. Ф. 284. 2 карт.

Завадскі Юзэф (1781–1838), кнігадрукар Віленскага універсітэта.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 158. 482 адз. зах. за 1805–1940.

ЛДГА. Ф. 1135 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 7 (сямейны архіў Завадскіх). 557 адз. зах. за 1732–1939.

Зан Тамаш (1796, Мясата, Ашмянскі пав., Гарадзенская губ. — 1855), паэт, грамадска-палітычны дзеяч.

ЛДГА. Ф. 1135 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 9. 61 адз. зах. за 1791–1855.

Музей літаратуры імя А. Міцкевіча (Варшава), перапіска.

НГАБ. Ф. 319. Воп. 2. Адз. зах. 3627 (з радаводнай справы Чачотаў).

Каладзееў Іван, землеўладальнік Мінскай губ., інжынер, калекцыянер.

АПК ДГМ. Ф. 143. 3 адз. зах.

Каніскі Георгій (1718, Нежын, Украіна — 1795), беларускі архіепіскап.

АРКР ЦНБ НАНБ. Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 1161.

ЦДГАУ г. Львове. Ф. 201 (Львоўская грэка-каталіцкая кансісторыя). Воп. 4в. Адз. зах. 273, урыўкі з дзённіка.

Каратынскі Вінцэнт (1831, Селішча, Навагрудскі, Гродзенская — 1891), паэт.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 2679.

Карловіч Ян (1836, Субартоніс, Літва — 1903), польскі лінгвіст, этнограф.

ЛДГА. Ф. 1135 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 10. 249 адз. зах. за 1500–1908.

Навуковая бібліятэка НАН Украіны (Львоў). Ф. Я. Галавацкага, перапіска.

Карскі Яўхім (1861, Лаша, Гродзенскі пав. — 1931), мовазнаўца. АРАН. Ф. 292. 194 адз. зах. за 1883–1932.

АПК ДГМ. Ф. 37 (фонд П. К. Сімані). Адз. зах. 50 за 1894–1920.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 79 (фонд Л. Абрамовіча). Адз. зах. 89, 92, 165, 294, 295.

Дзяржаўны архіў горада Варшавы, папка з дакументамі аб працы ў якасці рэктара Варшаўскага універсітэта.

Кіркор Адам Ганоры (1818, Слівіна, Клімавіцкі пав., Магілёўская губ. — 1886), гісторык, археолаг, выдавец, грамадскі дзеяч.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў). № 1497, 4496.

ЛДГА. Ф. 1135 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 11. 25 адз. зах. за 1854–1867.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў). № 12036, 12273.

БДАМЛМ. Ф. 43 (фонд А. Ельскага). Воп. 1. Адз. зах. 9, 12, 13.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 79 (фонд Л. Абрамовіча). Воп. 1. Адз. зах. 82, 85, 262, 290, 437.

Крашэўскі Юзаф Ігнацій (1812, Варшава — 1887), пісьменнік.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 114. Воп. 1. 74 адз. зах. за 1839–1860.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава).

Нацыянальны музей (Кракаў), творы, перапіска.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў). № 7922 за 1836–1887.

Касцюшка Тадэвуш (1746, Мерачоўшчына, Гродзенская губ. — 1817), грамадска-палітычны дзеяч.

Курніцкая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Познань), матэрыялы дзейнасці, вопіс кампаніі, малюнкі, перапіска.

Навуковая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Кракаў), перапіска, асабістыя і ўрадавыя дакументы.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнага музея (Варшава), лісты.

Нацыянальны музей (Кракаў), асабістыя дакументы, перапіска.

Дзяржаўны архіў у Кракаве. Ф. 645 / 83, 1794–1798 і інш.

Дзяржаўны архіў у Познані. Ф. 5113 (сямейны архіў). 1639–1810 і інш.

Корзан Тадэвуш (1839, Мінск — 1918), гісторык, гістарыёграф, дырэктар бібліятэкі Красінскіх.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 5921–5950.

Навуковая бібліятэка НАН Украіны (Львоў), артыкулы, рэцэнзіі.

Лабойка Іван (1786, Золачаў, Харкаўскае ваяв. — 1861), гісторык.

АР РНБ. Ф. 440. 15 адз. зах. за 1820–1860.

ЛДГА. Ф. 791. 7 адз. зах. за 1821–1825, ліставанне.

Пушкінскі дом (Інстытут рускай літаратуры РАН СПб). Ф. 154. 119 адз. зах. за 1830–1869.

Лада-Заблоцкі Тадэвуш (1811, Лугінавічы, Сенненскі пав., Магілёўская губ. — 1847), паэт, перакладчык.

Навуковая бібліятэка НАН Украіны (Львоў). № 653.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў). № 6458/4.

Лучына Янка (1851, Мінск — 1897), паэт.

БДАМЛМ. Ф. 435 (неапрац).

ЦДГАУ у Кіеве. Ф. 262. 169 адз. зах.

АРАН. Ф. 104. Воп. 2. Адз. зах. 275. Арк. 1–2.

Лялевель Іаахім (1786, Варшава — 1861), гісторык.

Нацыянальны музей (Кракаў), артыкулы, карэспандэнцыя.

Бібліятэка Рачыньскіх (Познань), навуковыя працы, перапіска.

Навуковая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Кракаў), артыкулы, перапіска.

Аддзел старажытных кніг і рукапісаў Публічнай бібліятэкі (Варшава), навуковыя працы, перапіска.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 6559–6576, 7109–7111.

АР БВУ. Ф. 12. 542 адз. зах. за 1732–1939.

Курніцкая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Познань), артыкулы, перапіска.

Архіў Польскай акадэміі навук (Варшава), лекцыі за 1822.

Ляцкі Яўген (1868, Мінская губ. — 1942), літаратуразнаўца.

АПК ДГМ. Ф. 37. Воп. 1. Адз. зах. 61. за 1896–1914.

Літаратурны архіў Музея нацыянальнай літаратуры Чэхіі (Прага).

Інстытут рускай літаратуры РАН (Пушкінскі дом). Ф. 163.

Маліноўскі Мікалай (1799, Махноўка, Падолле — 1865), гісторык, мовазнаўца, архівіст.

АР БВУ. Ф. 9. 92 адз. зах. за 1800–1879.

Курніцкая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Познань). № 1283–1352.

НГАБ у г. Мінску. Ф. 694 (фамільны фонд Радзівілаў). Воп. 1. Адз. зах. 411, 412, 438.

Архіў Польскай акадэміі навук (Варшава). № 6.

Навуковая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Кракаў). № 1283–1352.

Манюшка Станіслаў (1819, Убель, Ігуменскі пав., Мінская губ. — 1872), кампазітар.

Варшаўскае музычнае таварыства імя С. Манюшкі (Варшава), дакументы асабістыя, афіцыйныя і маянтковыя, перапіска, дакументы сям’і.

Маркс Максіміліян (1816, Віцебск — 1893), удзельнік грамадска-палітычнага руху, даследчык Сібіры.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў). № 3454.

Навуковая бібліятэка НАН Украіны (Львоў), успаміны.

Меніцкі Рычард (1886–1956), гісторык.

Галоўная бібліятэка універсітэта М. Каперніка (Торунь), біяграфічныя дакументы, навуковыя працы, ліставаннне.

ЛДГА. Ф. 599 (фамільны фонд Меніцкіх). 248 адз. зах. за 1579–1908.

Міцкевіч Адам (1798, Навагрудак, Гродзенская губ. — 1855), паэт.

Музей літаратуры імя А. Міцкевіча (Варшава), творы, перапіска.

Курніцкая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Познань), творы, перапіска.

Нацыянальны музей (Кракаў), творы, перапіска

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў), рукапісы твораў і інш.

Нарбут Тэадор Матэвуш (1784, Шаўры, Лідскі пав., Гродзенскае ваяв. — 1864), гісторык.

АР ЦБАН. Ф. 124. 52 адз. зах. за 1586–1864.

Нарушэвіч Адам (1733, Лагішын, Пінскі пав., Брэсцкае ваяв. — 1796), гісторык, грамадска-палітычны дзеяч Рэчы Паспалітай.

ДАСА. Ф. 386. 1781–1792.

Бібліятэка князёў Чартарыскіх (Кракаў).

Нямцэвіч Юльян (1758, Скокі, Берасцейскі — 1841), пісьменнік, гісторык.

Музей літаратуры імя А. Міцкевіча (Варшава), перапіска.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава), дзённікі, творы, пераклады.

Бібліятэка Рачыньскіх (Познань), творы, карэспандэнцыя.

Бібліятэка князёў Чартарыйскіх (Кракаў), успаміны, нататкі, перапіска.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта (Варшава). № 216 і інш.

Палікарповіч Канстанцін (1891, Белая Дуброва, Магілёўская губ. — 1963), археолаг.

Пагарскі краязнаўчы музей (Бранская вобл.). 115 адз. зах. за 1907–1960.

Панятоўскі Станіслаў Аўгуст (1732, Воўчын, Брэсцкі пав. — 1798), апошні кароль Рэчы Паспалітай.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта (Варшава), карэспандэнцыя і архіў Станіслава Аўгуста Панятоўскага ў справах касцёла 1775–1779.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў), перапіска з Ю. Панятоўскім. 1776–1797.

ДАСА. Ф. 14. за 1792–1797.

Парчэўскі Альфонс (1849, Вадзерады, Ласкі пав. — 1933), гісторык.

ЛДГА. Ф. 1135 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 16. 1139 адз. зах. за 1493–1939.

Пачобут Марцін (1728, Саломенка, Гродзенскі пав. — 1810), астраном, матэматык.

АР БВУ. Ф. 16. 24 адз. зах. за 1631–1798.

Петрашкевіч Ануфрый (1793, Бурдыкоўшчына, Навагародскі пав., Гродзенская губ. — 1863), паэт, грамадскі дзеяч.

Музей літаратуры імя А. Міцкевіча (Варшава), перапіска.

Бібліятэка Каталіцкага універсітэта ў Любліне, «Архіў філаматаў».

АР БВУ.

Пічэта Уладзімір (1878, Палтава, Украіна — 1947), гісторык.

НДАК НББ. Ф. 2 (Збор матэрыялаў дзеячаў літаратуры і мастацтва). Воп. 1. Адз. зах. 2–5.

Архіў Расійскай акадэміі навук (АРАН) у Маскве. Ф. 1548. 1031 адз. зах. за 1853–1973.

Плуг Адам (Пяткевіч Антоні) (1823, Замосце, Слуцкі пав. — 1903), паэт.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 6023.

Пташыцкі Станіслаў (1853, Кузава, Медынскі пав., Маскоўская губ. — 1933), гісторык, філолаг.

АР ЦБАН Літвы. 20 адз. зах. за 1907–1915.

ЛДГА. Ф. 1135 (Таварыства прыяцеляў навук у Вільні). Воп. 17. 217 адз. зах. за 1494–1932.

Пушкарэвіч Канстанцін Аляксеевіч (1890–1942), філолаг, славяназнаўца. АРАН. Ф. 792, 84 адз. зах. за 1929–1941.

Пшчолка Антоній (1818–1871), святар, член Віленскай археаграфічнай камісіі.

ЛДГА. Ф. 933. 45 адз. зах. за 1845–1879.

Раманаў Еўдакім (1855–1922), этнограф, краязнавец.

ЛДГА. Ф. 996. 40 адз. зах. за 1901–1911.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 21. Воп. 1. Адз. зах. 487–520 за 1890–1897.

АР БВУ. Ф. 51. 77 адз. зах. за 1884–1905.

АР РНБ. Ф. 621. Воп. 1. Адз. зах. 728 за 1888–1892.

АРКР ЦНБ НАНБ. Ф. 42 (фонд М. Грынблата). Воп. 1. Адз. зах. 2110.

ВАКМ. № 7289/31–49, лісты да А. Сапунова.

НДАК НББ. Ф. 2 (Сбор дакументаў дзеячаў навукі і культуры Беларусі). Воп. 1. Адз. зах. 6. і інш.

Савіч Франц (1815, Валяцічы, Пінскі пав., Мінская губ. — 1845), грамадска-палітычны дзеяч.

Навуковая бібліятэка Польскай акадэміі навук (Кракаў). № 6893, успаміны.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў). № 4509.

Снежка Аляксандр, гісторык Віленшчыны.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Польскай акадэміі навук (Гданьск). № 5461–5485.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў). № 13198–13199.

Снядэцкі Ян (1756–1830), астраном, матэматык, рэктар Віленскага універсітэта.

АР БВУ. Ф. 19. 53 адз. зах. за 1759–1830.

Спрогіс Іван (1833, Штокмансгоф, Ліфляндская губ., Латвія — 1918), гісторык.

Дзяржаўны гістарычны архіў Латвіі (Рыга). Ф. 2329. 13 адз. зах. за 1864–1914.

АР БВУ. Ф. 6. 136 адз. зах. за 1868–1928.

ЛДГА. Ф. 596 (Віленская археаграфічная камісія). Воп. 1. Адз. зах. 49, 201, 234, службовыя і навуковыя паперы.

Сыракомля Уладзіслаў (сапр. Л. Кандратовіч, 1823, Смольгава, Бабруйскі пав., Мінская губ. — 1862), паэт.

Архіў літаратуры і мастацтва Літвы. Ф. 96 (сямейны фонд). 454 адз. зах.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў), творы, дакументы па гісторыі літаратуры.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 109. 65 адз. зах. за 1844–1862.

АР БВУ. Ф. 109. 65 адз. зах. за 1840–1862.

АРКР ЦНБ НАНБ. Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 383–387 за 1857–1897.

Музей літаратуры імя А. Міцкевіча (Варшава), перапіска.

Сямашка Іосіф (1798, Паўлаўка, Ліпавецкі пав., Кіеўская губ. — 1868), мітрапаліт літоўскі і віленскі.

АРАН. Ф. 290. Воп. 1–6. 401 адз. зах.

Тарыч Юрый (1885, Полацк, Віцебская вобл.— 1967), кінарэжысёр.

РДАЛМ. Ф. 2647, дакументы за 1885–1967.

Татур Генрых (1846, Мінск—1907), археолаг.

Цэнтральны дзяржаўны архіў Літвы (ЦДАЛ), рукапісы артыкулаў, праект адкрыцця публічнай бібліятэкі ў Мінску і інш.

Тышкевіч Канстанцін (1806, Лагойск, Мінская губ. — 1868), гісторык, археолаг.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнага музея (Варшава), фрагменты папер і прац, перапіска.

Архіў Музея Войска Польскага (Варшава).

АР ЦБАН Літвы. Ф. 21. (Віленскі Беларускі фонд). Воп. 1. Адз. зах. 613–621.

Тышкевіч Яўстафій (1814, Лагойск, Мінская губ.—1873), археолаг.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 149. 130 адз. зах. за 1484–1872.

Узембла Люцыян (1864, Вільня — 1942), літаратуразнаўца.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 151. 249 адз. зах.

Федароўскі Міхаіл (1853 Косіна, Гродзенская губ. — 1923), этнограф.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта (Варшава). № 347, 428–474 і інш.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава), фрагменты карэспандэнцыі за 1889–1919.

Архіў Польскай акадэміі навук (Варшава). Ф. 131. 1748–1919.

Хмара Адам Міхал Станіслаў (1720–1805), мінскі ваявода.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў). № 5397.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў). № 6611, 6622–6668.

Бібліятэка князёў Чартарыйскіх (Кракаў). № 893.

НГАБ. Ф. 1324. 175 адз. зах. за 1508–1882.

Нацыянальны музей (Кракаў), перапіска за 1749–1790.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнага музея (Варшава), лісты Марыяны Хмары да мужа.

Чачот Ян (1796, Малюшычы, Наваградскі пав., Гродзенская губ. — 1847), пісьменнік, этнограф.

Музей літаратуры імя А. Міцкевіча (Варшава), перапіска, вершы.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 21 (Віленскі беларускі фонд). Воп. 1. Адз. зах. 71.

Аддзел рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі (Кракаў). № 7819.

ЛДГА. Ф. 567. Воп. 2. Адз. зах. 1317 (матэрыялы следства па справе філаматаў).

Чапскі Эмерык (1828, Станькава, Мінскі пав. — 1896), дзяржаўны дзеяч, калекцыянер, нумізмат.

Бібліятэка Рачыньскіх (Познань). № 2028.

Бібліятэка князёў Чартарыйскіх (Кракаў). № 868–876, 927.

Шахматаў Аляксей (1864, Нарва, Эстонія — 1920), мовазнавец.

АРАН (Санкт-Пецярбург). Ф. 134. 2784 адз. зах. за 1835–1926.

Шукевіч Вандалін (1852, Нача, Воранаўскі пав., Гродзенская губ. — 1919), археолаг.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі імя Асалінскіх (Вроцлаў). № 13199.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава). № 2941–2947 за 1839–1920.

Шэйн Павел (1826, Магілёў — 1900), фалькларыст.

АРАН (СПб). Ф. 104. 1289 адз. зах. за 1826–1903.

Янкоўскі Чэслаў (1857, Паляны, Віленская губ. — 1929), пісьменнік.

АР ЦБАН Літвы. Ф. 102. 176 адз. зах. за 1871–1936.

Аддзел рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі (Варшава), творы, перапіска.

Ярашэвіч Язэп (1793, Бельск-Падляскі, Падляскае ваяв., Польшча — 1860), гісторык, прафесар Віленскага універсітэта.

Аддзел рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага універсітэта. № 229.

Водгулле стагоддзяў

ІМПЕРЫЯ ВІТАЎТА ВЯЛІКАГА

Вітаўт Вялікі (1350–1430) — унікальная постаць палітычнай гісторыі Беларусі. Вынікі яго ўнутранай і знешняй палітыкі надзвычай маштабныя. На пасадзе вялікага князя, якую Вітаўт займаў 38 гадоў, ён значна ўмацаваў цэнтральную ўладу, арганізаваў дзесяткі пераможных вайсковых кампаній, істотна пашырыў межы ВКЛ, адбудваў гарады, наладзіў эфектыўны знешні гандаль. У старадаўніх беларускіх летапісах князь Вітаўт характарызуецца з выключна станоўчага боку, паказваецца як ідэальны манарх[1]. Так, падсумоўваючы аповед пра Вітаўта Вялікага, летапісец адзначаў яго галоўныя вартасці: «Быў Вітаўт надта чуллівы гаспадар, меў вялікі розум і невымерныя заслугі. Ён ведаў меру ў ежы і ў пітве, нічога моцнага не піў, толькі ваду»[2].

Да вывучэння перыяду княжання Вітаўта (1392–1430) і асэнсавання дзейнасці неардынарнай асобы вялікага князя гісторыкі звярталіся неаднаразова[3]. Разам з тым гэты перыяд у палітычнай гісторыі Беларусі недастаткова асветлены, шмат якія аспекты і важныя падзеі засталіся нераскрытымі, асобныя з’явы атрымалі аднабаковыя ацэнкі.

Найважнейшыя *архіўныя крыніцы*, у якіх зафіксаваны розныя праявы дзейнасці вялікага князя Вітаўта, апублікаваны ў аўтарытэтных выданнях[4]. Ключавымі крыніцамі, у якіх адлюстраваны многія значныя падзеі ўнутранай і знешняй палітыкі Вітаўта, з’яўляюцца чатыры летапісныя творы: «Летапіс княжання Вітаўта», «Сказанне пра бітву на Ворскле»[5], «Пахвала вялікаму князю Вітаўту» і «Аповесць пра рыцарскія справы і ўчынкі Вітаўта Вялікага». Некаторыя звесткі аб дачыненнях Вітаўта з Ягайлам змешчаны ў летапіснай «Аповесці пра Ягайлу»[6].

У гэтым даследаванні абраны некалькі *прыярытэтных* аспектаў: паказваецца змаганне Вітаўта за ўладу ў Вялікім Княстве Літоўскім, асвятляюцца крокі, накіраваныя на цэнтралізацыю краіны, раскрываюцца войны з Залатой Ардой, Маскоўскім княствам і нямецкімі крыжакамі, выяўляюцца прычыны і абставіны ўтварэння Праваслаўнай мітраполіі ў 1415 г., вытлумачваюцца матывы Вітаўта каранавацца і яго імкненне ператварыць ВКЛ у каралеўства.

Вітаўт — сын князя Кейстута. Ён нарадзіўся ў 1350 г. ад шлюбу Кейстута з Бірутай. Ужо юнаком ён выявіў схільнасці да вайсковай справы. У 1368 і ў 1372 гг. Вітаўт разам з бацькам удзельнічаў у паходах на землі Маскоўскай Русі.

У 1375 г. Вітаўт атрымаў ад бацькі — князя Кейстута — буйныя зямельныя надзелы: значную частку Троцкага княства з гарадамі — Гародняй, Драгічынам, Мельнікам, Бе-

[1] Гл.: «Аповеды пра княжанне Вітаўта» // Маладосць. 2008. № 5. С. 103–105; Саверчанка І. В. Князь Вітаўт у беларускіх летапісах // Полымя. 2009. № 3. С. 151–153.

[2] «Аповесць пра рыцарскія справы і ўчынкі Вітаўта Вялікага» // Полымя. 2009. № 3. С. 169.

[3] Гл.: Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410). СПб., 1885; Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения: 1410–1430. СПб., 1841. 340 с.; Корчинский И. Витовт Великий: Беглый обзор жизни его и деятельности (1430–1930). Каунас, 1930. 96 с.; Prochaska A. Dzieje Witolda w. Ksiecia Litwy. Wilno, 1914. 420 s.

[4] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1. СПб., 1846; Грамоты великих князей Литовских с 1390 по 1569 год. Собранные и изданные под редакцией Владимира Антоновича и Константина Козловского. М. 1866; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.–Л., 1950. Полоцкие грамоты XIII — нач. XVI вв. М., 1977; Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. Cracoviae, 1882; Zbior prav litewskich od roku 1389 do roku 1529. Poznan, 1841.

[5] «Сказанне пра бітву на Ворскле» // Літаратура і Мастацтва. 29 чэрвеня 2007. С. 6.

[6] «Аповесць пра Ягайлу» // Літаратура і Мастацтва. 21 лістапада 2008. С. 14.

расцем, Камянцом. Яму гэтаксама перайшлі землі на Палессі і на паўночным захадзе Княства з цэнтрам у Мерачы.

Як паўнаўладны гарадзенскі князь, Вітаўт у 1376 г. арганізаваў вайсковую кампанію супраць Польшчы і змагаўся з крыжакамі.

У 1377 г. Вітаўт падтрымаў рашэнне бацькі ўзвесці на трон ВКЛ Ягайлу. Гэта адбылося паводле дамоўленасці з Альгердам, які прасіў, каб пасля яго смерці вялікім князем стаў яго сын Ягайла, пляменнік Кейстута і стрыечны брат Вітаўта.

Напачатку Вітаўт меў з Ягайлам надзвычай прыязныя адносіны, што спрыяла стабільнасці і міру ў дзяржаве. У 1379 г. Вітаўт прысутнічаў пры падпісанні дагавора з немцамі, які з боку ВКЛ падпісалі вялікі князь Ягайла і Кейстут.

Але разлад паміж родзічамі ўнеслі крыжакі і інтрыган Вайдыла. Узаемныя падазрэнні і непаразуменні неўзабаве перараслі ў вайсковы канфлікт. Кейстут і Вітаўт трапілі ў палон да Ягайлы. Пры невысветленых абставінах князь Кейстут у 1382 г. загінуў у вязніцы. Паводле адной з версій яго задушыў *Прокша* — чашнік Ягайлы. Прынамсі, гэтак меркаваў Вітаўт, аб чым ён пазней пісаў у адным з лістоў да крыжакоў.

Вітаўт, якога ўтрымлівалі ў Крэўскім замку, здолеў з дапамогай жонкі і яе служанкі збегчы з палону. Ён спачатку накіраваўся да мазавецкага князя Яна, а адтуль — да прускіх крыжакоў. 21 кастрычніка 1383 г. Вітаўт ахрысціўся паводле каталіцкага абраду. 30 студзеня 1384 г. ён паабяцаў вялікаму магістру Конраду Чолнеру фон Ротэнштэйну ўзамен за вайсковую дапамогу ў змаганні за трон ВКЛ саступіць Жамойцкую зямлю ордэну. 14 чэрвеня 1384 г., падчас асабістай сустрэчы Вітаўта і вялікага магістра ў Марыенвердэры, яны пацвердзілі ўзаемныя абавязкі.

З дапамогай крыжакоў Вітаўт арганізаваў некалькі вайсковых капаній супраць Ягайлы. У выніку каля 1385 г. Ягайла вярнуў Вітаўту яго спадчынныя надзелы — Берасцейскую, Драгічынскую, Мельніцкую, Белзскую, Суражскую, Камянецкую і Ваўкавыскую землі. Неўзабаве ён атрымаў у валоданне Валынь і Падолле.

Канфлікт Вітаўта з Ягайлам не быў, аднак, даастатку вычарпаны. Ён разгарэўся з новай сілай, бо Вітаўт не падтрымаў Крэўскай уніі 1385 г., падпісанай Ягайлам з палякамі.

У 1386 г. Вітаўт, разам з Скіргайлам, разбіў войскі полацкага князя Андрэя Гарбатага і смаленскага князя Святаслава, якія ставілі на мэце вярнуць колішнюю веліч сваіх княстваў, здабыць для іх палітычную самастойнасць.

Пасля перамогі над Андрэем Гарбатым і Святаславам Вітаўт разлічваў на атрыманне ўлады над усім Вялікім Княствам Літоўскім, бо Ягайла ў 1386 г. быў абраны каралём Польшчы і пераехаў туды.

Але Ягайла не задаволіў амбіцый Вітаўта і ў 1377 г. перадаў уладу ў ВКЛ Скіргайлу, з чым Вітаўт катэгарычна не пагадзіўся. Вітаўт распачаў вайну з палітычным супернікам — Скіргайлам, але прайграў яе і мусіў зноў разам з сям'ёй у 1388 г. ад'ехаць да крыжакоў.

Цягам чатырох гадоў Вітаўт арганізоўваў ваенныя кампаніі супраць караля Ягайлы і яго стаўленікаў у ВКЛ. На пачатку 1389 г. ён паспрабаваў хітрасцю авалодаць Вільняй. Вітаўт накіраваў у сталіцу ВКЛ узброеных жаўнераў на санях, замаскаваных пад вясельны картэдж. Але адміністратар Вільні Дзімітрый Карыбут нейкім чынам дазнаўся пра набліжэнне ўзброенага дэсанту і перахапіў яго на подступах да горада.

Восенню 1390 г. Вітаўт з наёмным войскам і нямецкімі рыцарамі паспрабаваў штурмам авалодаць Вільняй. Падчас аблогі горада выкарыстоўваліся адмысловыя вайсковыя прылады — тараны, камнямёты і гарматы. Але горад узяць не ўдалося.

У 1390 г. Вітаўт зрабіў неардынарны крок, ён утварыў альянс з Масквой, выдаўшы сваю дачку Соф'ю замуж за маскоўскага князя Васіля Дзімітравіча. Соф'я ў суправаджэнні Івана Гальшанскага накіравалася да свайго суджанага марскім шля-

хам — праз Балтыйскае мора. Саюз Вітаўта з Масквой істотна ўзмацніў яго пазіцыі ў змаганні за трон ВКЛ.

У снежні 1391 г. Вітаўт нарэшце атрымаў вайсковую перамогу: ён авалодаў Мераччу і вярнуў Гародню. На яго баку выступілі гараджане, якія надта не любілі палякаў, прысланых туды Ягайлам у якасці адміністратараў.

Пад моцным вайсковым ціскам Вітаўта кароль Ягайла быў вымушаны пайсці на саступкі і распачаць дыялог. Плоцкі біскуп Генрых прыехаў да Вітаўта і правёў з ім таемныя перамовы. Ён перадаў яму гатоўнасць Ягайлы да міру і згоду караля саступіць Вітаўту тытул вялікага князя і трон ВКЛ. Вітаўт пагадзіўся. Ён рэзка разарваў адносіны з крыжакамі, забіў шмат нямецкіх рыцараў, абрабаваў крэпасці Юрбург, Бадэнгург і Марыенвердэр, а затым адправіўся ў Вільню, дзе яго ўрачыста сустрэлі месцічы, спадзеючыся на ўсталяванне міру ў ВКЛ.

Улетку 1392 г. Вітаўт прымаў у *Востраве* Ягайлу з жонкай. Там, 5 жніўня 1392 г. яны падпісалі замірэнне, паводле якога Вітаўт станавіўся паўнаўладным гаспадаром ВКЛ. Урачыстая каранацыя вялікага князя адбывалася ў Віленскім замку ў касцёле святога Станіслава ў прысутнасці караля Ягайлы з Ядвігай і шматлікіх гасцей.

Пасля ўзыходу на трон ВКЛ Вітаўт неадкладна распачаў цэнтралізацыю дзяржавы і ўсталяванне адзінаўладнай манархіі. Вялікі князь расправіўся з Альгердавічамі — галоўнымі палітычнымі канкурэнтамі, якія не жадалі прызнаваць яго ўлады і плаціць даніну.

Першым супраць Вітаўта выступіў *Скіргайла*. Ён меў мноства прыхільнікаў сярод праваслаўнага насельніцтва Беларусі, таму мог разлічваць на поспех. На баку Скіргайлы былі і нямецкія рыцары. Але Ягайлу ўдалося прымірыць Вітаўта з Скіргайлам. Вялікі князь пайшоў на значныя саступкі. Скіргайла атрымаў буйныя надзелы і гарады: Старадуб-Северскі, Крамянец-Валынскі і Старыя Трокі. Пазней, у 1395 г. Вітаўт прызначыў Скіргайлу намеснікам у Кіеў.

Значнае супраціўленне Вітаўту аказаў *Дзімітрый Карыбут*, якому належаў Ноўгарад-Северскі. Каля паселішча Недакудава (блізу Ліды) паміж імі адбылася бітва. Вітаўт перамог, а затым пайшоў на Ноўгарад-Северскі, дзе схаваўся Дзімітрый Карыбут з сям'ёй, захапіў горад і ўзяў непакорлівага князя ў палон. Палонныя былі адпраўлены ў вязніцу ў Вільню, дзе сядзелі вельмі працяглы час, ажно пакуль разанскі князь Аляксандр, цесць Дзімітрыя Карыбута, не ўпрасіў Вітаўта адпусціць яго зяця.

Пасля захопу Ноўгарад-Северскага Вітаўт накіраваў войскі на *Бранск* і гэтаксама падпарадкаваў яго сваёй уладзе.

Непакорлівасць Вітаўту выявіў нарэшце князь *Свідрыгайла*, які пачуваўся неверагодна абражаным і пакрыўджаным. Яго маці Ульяна валодала Віцебскам. У 1392 г. яна памерла, а Ягайла прызначыў намеснікам туды Фёдара Вясну. Зняважаны Свідрыгайла, заўсёды асцярожны, не стрымаўся, напаў на Віцебск, захапіў горад і забіў Фёдара Вясну. Вітаўт пайшоў з войскам супраць Свідрыгайлы. Ён узяў Друцк, Оршу, а затым і Віцебск. Свідрыгайла здаўся ў палон і быў адпраўлены ў Кракаў.

Увесну 1395 г. Вітаў пайшоў на *Кіеў* супраць кіеўскага князя Уладзіміра Альгердавіча, які не хацеў падпарадкоўвацца ўладзе вялікага князя. Убачыўшы бессэнсоўнасць супраціўлення, Уладзімір здаў Вітаўту горад. Узамен вялікі князь узнагародзіў яго Копылем з навакольнымі землямі. У Кіеве вялікі князь прызначыў сваім намеснікам Скіргайлу. Але той неўзабаве быў атручаны і на яго месца Вітаўт прыслаў Івана Альгімонтавіча. Такім чынам, з мэтай умацавання цэнтральнай улады Вітаўт ператварыў Кіеўскае княства, якое валодала значнай доляй аўтаноміі, у ваяводства, цалкам падпарадкаванае яго ўладзе.

Буйную кампанію Вітаўт арганізаваў на *Падоллі*, супраць Фёдара Карыятавіча. У бітве каля Камянца Падольскага Вітаўт разграміў войска Фёдара, і той ледзве ўцёк у горад.

Затым вялікі князь падпарадкаваў замкі: Браслаў, Заслаў, Смотрыч, Чырвоны Гарадок, Бякоту, Скалу. Урэшце войскі Вітаўта акружылі Камянец. Абаронцы здаліся на міласць вялікага князя. Фёдар Карыятавіч трапіў у палон і быў адпраўлены ў Вільню, у вязніцу.

Затым Вітаўт падпарадкаваў *Валынь*, паўсюль у замках пакінуў гарнізоны і прызначыў сваіх намеснікаў.

У 1395 г. Вітаўт здзейсніў паход на *Смаленск* супраць Юрыя Святаславіча, які захапіў некалькі мястэчак каля Оршы. Войскі ВКЛ прыйшлі пад Смаленск і імкліва авалодалі горадам. Вітаўт прызначыў у Смаленску сваім намеснікам Васіля Барысавіча.

Буйны вайсковы корпус пад кіраўніцтвам мсціслаўскага ваяводы Сямёна Лынгвенавіча Вітаўт накіраваў супраць разанскага князя Алега (Голшы). Войскі ВКЛ заваявалі Разань і ўсё *Разанскае княства*.

Цэнтралізацыйныя працэсы Вітаўта на ўсходзе Княства, відаць, выклікалі занепакоенасць у маскоўскага князя Васіля Дзімітравіча. Каб зняць напружанне, Вітаўт сустракаўся з зяцем у Смаленску ў 1393 г., а затым і ў 1396 г., дзе яны цалкам паразумеліся.

Не проста складваліся адносіны Вітаўта з *Польскім Каралеўствам*. Фармальна вялікі князь ВКЛ знаходзіўся ў залежнасці ад караля Ягайлы. Амбіцыйная каралева Ядвіга ў 1398 г. прад’явіла Вітаўту абсурднае патрабаванне, каб ВКЛ плаціла даніну ў скарбонку Каралеўства Польскага. Вялікі князь склікаў уплывовых магнатаў і агучыў ім ультыматум Ядвігі, які яна, па ўсім відаць, узгадніла з Ягайлам. Паны і шляхта ВКЛ з абурэннем адкінулі патрабаванні палякаў.

Умацаваўшы ўласныя палітычныя пазіцыі ў ВКЛ, Вітаўт лагічна прыступіў да ажыццяўлення актыўнай *знешнепалітычнай стратэгіі*. Яго позірк быў скіраваны на Залатую Арду. Каб ліквідаваць пагрозы і небяспеку з захаду ад нямецкіх рыцараў, Вітаўт пайшоў на збліжэнне з ордэнам. 12 кастрычніка 1398 г. на востраве Салін адбылася яго сустрэча з вялікім магістрам Конрадам Юнінгенам. Вітаўт прыехаў з жонкай Ганнай у атачэнні вялікай дэлегацыі з уплывовых паноў і князёў, сярод якіх былі пінскі князь Юры, заслаўскі князь Міхаіл, старадубскі князь Аляксандр, гальшанскі князь Іван і друцкі князь Іван. Паміж ВКЛ і ордэнам было дасягнута паразуменне і падпісана мірнае пагадненне.

Такім чынам, у перыяд ад 1392 да 1398 г. Вітаўт сілай скарыў палітычных супернікаў, якія спрабавалі аспрэчыць яго права на тытул вялікага князя. Ён ажыццявіў цэнтралізацыю краіны і ўсталяваў у ВКЛ адзінаўладную манархію.

Вялікі князь атрымаў фактычную незалежнасць ад караля Ягайлы, паразумеўся з маскоўскім валадаром Васілём Дзімітравічам, заключыў мірнае пагадненне з крыжакамі. Вітаўт відавочна падрыхтаваў усе неабходныя перадумовы, каб распачаць знешнюю агрэсію на галоўных ворагаў Княства, паўнаўладных гаспадароў бяскрайніх стэпаў — *татараў*.

Галоўным напрамкам знешняй палітыкі Вітаўт абраў Дзікае Поле — стэпавыя прасторы, дзе качавалі татары. Першая паспяховая вылазка была здзесненая корпусам пад кіраўніцтвам Даўгерда, які разбіў тры татарскія арды і знішчыў каля 56 тысяч татараў.

Акрылены першай удачай Вітаўт пачаў рыхтаваць новую кампанію ў стэп. Перад выступленнем ён сустрэўся ў Смаленску з маскоўскім князем Васілём, які падтрымаў вялікага князя ў змаганні з качэўнікамі.

У 1398 г. войскі Вітаўта рушыла з Кіева ў напрамку Дона. Татары выступілі насустрач. Адбылася бітва, у якой харугвы ВКЛ атрымалі перамогу. Загінула больш за сто тысяч татараў, шмат іх трапіла ў палон. Адну татарскую арду Вітаўт адправіў у Літву і пасадзіў над ракой Вакай, а другую — перадаў Ягайлу.

Нечуваны поспех разгарачыў уладныя амбіцыі Вітаўта, і ён пачаў падрыхтоўку да новай кампаніі супраць Цемір-Ціклуя. У 1399 г. вялікі князь сфармаваў велізарнае войска

і выступіў з Кіева. Разам з Вітаўтам ішла арда Тахтамыша, якога вялікі князь планаваў пасадзіць на царства ў Залатой Ардзе.

5 жніўня 1399 г. войскі сустрэліся на рацэ *Ворскле*. Татарскі хан Цемір-Ціклуй зацягваў пачатак бітвы, вёў перамовы з Вітаўтам, чакаючы падыходу войскаў Едыгея. Бітва пачалася 12 жніўня. Войскі ВКЛ былі зламаныя і раструшчаныя. Вітаўт з невялікай дружынай, разам з Скіргайлам, ледзве выратаваўся ад ганебнага палону. Загінула шмат жаўнераў і князёў ВКЛ.

Землі Княства засталіся безабароннымі і сталіся лёгкай здабычай для татараў. Агрэсіўныя качэўнікі напоўніцу скарысталіся зручным момантам. Татарскія войскі акружылі Кіеў. Жыхары горада, ратуючы ўласныя жыцці, адкупіліся ад іх астранамічнай сумай — трыма тысячамі сярэбраных рублёў. Татары дайшлі ажно да Луцка. Яны няшчадна рабавалі славянскія землі, гналі натоўпы людзей у палон.

Пасля паражэння на Ворскле Вітаўт пачаў шукаць збліжэння з Польшчай. У 1401 г. ён падпісаў *Віленска-Радомскае пагадненне* з Ягайлам-Уладзіславам, якое прадугледжвала ўзаемную падтрымку ад знешняй агрэсіі[7].

Часовае палітычнае аслабленне Вітаўта скарысталі яго праціўнікі ў *Смаленску*. У 1401 г. яны забілі князя Рамана — намесніка Вітаўта, пасеклі ўсіх яго прыхільнікаў. Жыхары Смаленска хацелі абраць князем Юрыя Святаславіча і ўзнавіць самастойнасць Смаленскага княства. Вітаўт з войскам накіраваўся пад Смаленск, чатыры тыдні трымаў горад у аблозе, але не змог авалодаць горадам, падпісаў замірэнне і вярнуўся назад. Вось як летапіс паведамляе пра тагачасныя падзеі ў Смаленску: «Там быў і бранскі князь Раман, пастаўлены Вітаўтам раней у якасці намесніка. Смаляне жорстка распраівіліся з ім. Раманавы дзеці і княгіня былі адпушчаныя. Смаляне злавілі намеснікаў Вітаўта, а таксама баяраў — бранскіх і смаленскіх, — якія не хацелі спадчынніка — князя Юрыя. Усіх іх пасеклі. Тае ж восені князь Вітаўт хадзіў вайной на Смаленск, на князя Юрыя. Шмат дзён Вітаўт трымаў горад у аблозе. Але не ўзяў Смаленска. Падпісаў замірэнне і вярнуўся ў сваю зямлю»[8].

Каб ліквідаваць небяспеку з захаду і актывізаваць усходнюю палітыку, Вітаўт 23 мая 1404 г. падпісаў з ордэнам *Рацянжскі мірны дагавор.*

Адразу ж, у 1404 г., Вітаўт зрабіў чарговую спробу адваяваць Смаленск, але таксама не дасягнуў поспеху. Толькі трэцяя кампанія 1405 г. мела станоўчы вынік. Горад удалося ўзяць штурмам. Вітаўт прызначыў у Смаленску свайго намесніка. Жонка князя Юрыя і яго прыхільнікі былі адпраўлены ў палон у ВКЛ.

Ваявода Лыгвен, выконваючы распараджэнне вялікага князя Вітаўта, у 1403 г. заваяваў *Вязьму*.

Затым Вітаўт скіраваў свой позірк на *Пскоўскае княства*. У 1405 г. ён пайшоў на Пскоўскія землі і захапіў *Каложу*. У 1407 г. Ноўгарад Вялікі прыняў Вітаўтавага намесніка Лыгвена Альгердавіча.

Абураны Васіль Дзімітравіч распачаў ваенную кампанію супраць свайго цесця. У 1408 г. войскі Вітаўта і маскоўскага князя Васіля сустрэліся на рацэ *Угры*, але, нягледзячы на заклікі асобных ваяводаў, ваяваць не сталі. Манархі падпісалі замірэнне, усталяваўшы трывалыя межы паміж дзяржавамі.

З 1409 г. пачаў нарастаць канфлікт паміж Вітаўтам і *ордэнам* з-за Жамойці, які неўзабаве перарос у адкрытыя ваенныя дзеянні.

ВКЛ і Польшча сфармавалі агромністае войска і рушылі на крыжакоў. На ўзбраенні злучэння налічвалася каля 700 гарматаў. У склад войска Вітаўта апрача беларускіх харугваў уваходзілі і татарскія орды.

[7] Гл.: Zbior prav litewskich od roku 1389 do roku 1529. Poznan, 1841 S. 3–7.

[8] «Аповеды пра княжанне Вітаўта» // Маладосць. 2008. № 5. С. 103–105.

Бітва адбылася 15 ліпеня 1410 г. паміж Грунвальдам (Дуброўнай) і Таненбергам. Вітаўт ужыў адмысловую вайсковую тактыку, пачаў запланаванае адступленне, дзякуючы чаму разамкнуў баявыя парадкі крыжакоў, а затым уцягнуў іх у кацёл, шчыльна атачыў і адначасна атакаваў з трох бакоў.

Рыцары на чале з ваяўнічым Ульрыхам Юнгінгенам (магістр з 1407) пацярпелі страшэнную паразу. Звыш 140 тысяч немцаў палеглі на полі бітвы. Загінуў і магістр Ульрых, якога забіў просты драб ударам ашчэпа. Асаблівы ўклад у разгром крыжакоў унеслі тры харугвы — Аршанская, Мсціслаўская і Смаленская.

Беларускі храніст вельмі яскрава і красамоўна перадаў разгортванне падзей на полі бітвы: «Потым ударылі ў котлы (бубны), зайгралі сурмы. Літва з татарамі кінуліся на крыжакоў. Разгарэлася бітва, ажно коні церліся бакамі. Вітаўт сам кіраваў харугвамі, выпраўляў шыхты. Палякі з сваім каралём узялі немцаў на палашы, а потым павялі іх на гарматы. Перад замаскаванымі гарматамі расступіліся па баках і немцы трапілі пад прыцэльны гарматны абстрэл. Іх там адразу палегла некалькі дзесяткаў тысяч. Крыжакі, аднак, не зважалі на страты і ішлі на палякаў і літву, нібы аслеплыя. Бітва доўжылася гадзіны з тры. Пераменлівая Фартуна лётала з аднаго боку на іншы. Нарэшце немцы ўбачылі безліч сваіх трупаў, што валяліся на полі, і пачалі ў паніцы ўцякаць. Палякі, літва і татары гналі крыжакоў некалькі міль — білі іх, секлі, стралялі і калолі. Найбольш знакамітых рыцараў вязалі і бралі ў палон. Прускага магістра Ульрыха забіў просты драб ударам ашчэпа. У той бітве не ўсе нашы біліся, іншыя і шаблі не дасталі, бо на полі было надта цесна. Вітаўт распусціў татарскія і літоўскія загоны па ўсёй Прускай зямлі. Агнём і мячом яны чынілі велізарную шкоду і зло немцам. Падчас той бітвы былі захоплены ўсе нямецкія штандары і ўсе іх гарматы. Пераможцы авалодалі таксама ўсім багатым крыжацкім абозам, забралі ўвесь іхні скарб»[9].

Грунвальдская бітва 1410 г. мела агульнаеўрапейскае значэнне, яна назаўсёды падарвала сілы крыжакоў. Сутыкненне германа-раманскага захаду з славянскім усходам скончылася трыумфальнай перамогай славянаў.

Аб’яднаныя войскі ВКЛ і Польшчы пасля разгрому асноўных сілаў праціўніка разгарнулі наступ на іншыя замкі і гарады ордэна. Падчас ваеннай кампаніі 1410 г. яны зруйнавалі ўсю Прускую зямлю, разбурылі 70 крыжацкіх замкаў, толькі восем гарадоў засталіся не ўзятымі.

Паводле дамовы, падпісанай у 1411 г. з ордэнам, да ВКЛ перайшла Жамойць. Польшчы дасталася Добрынская зямля.

Такім чынам, перыяд ад 1398 да 1410 г. характарызаваўся агрэсіўнай знешняй палітыкай Вітаўта, актыўным пашырэннем межаў і ўплываў ВКЛ. Вялікі князь вёў войны з татарамі, Маскоўскім княствам і канчаткова разграміў нямецкіх крыжакоў.

У 1413 г. урады ВКЛ і Польскага Каралеўства падпісалі *Гарадзельскае пагадненне*, якое мацавала адзінства дзвюх дзяржаў[10]. Шляхта ВКЛ атрымала шырокія правы і вольнасці, якія мелі польскія паны. На ўзор Польшчы ў ВКЛ уводзіліся новыя дзяржаўныя пасады — ваяводы, кашталяны, маршалкі дворныя і земскія, старасты земскія.

Але Вітаўт ад самага пачатку падпісання пагаднення ігнараваў дыскрымінацыйныя палажэнні і артыкулы, накіраваныя на поўнае зліццё дзвюх дзяржаваў.

Каб дасягнуць палітычнай кансалідацыі грамадства ВКЛ, Вітаўт у 1415 г. спрычыніўся да заснавання самастойнай *Праваслаўнай мітраполіі* з цэнтрам у Навагрудку. У 1406 г. памёр мітрапаліт Кіпрыян, а на яго месца з Канстанцінопаля быў прысланы Фоцій. Але з-за прынцыповых разыходжанняў з вялікім князем, які імкнуўся стварыць самастойную ад Масквы царкву, Фоцій у 1414 г. быў пазбаўлены вышэйшай духоўнай пасады.

---

[9] «Аповесць пра рыцарскія справы і ўчынкі Вітаўта Вялікага» // Полымя. 2009. № 3. С. 166.

[10] Гл.: Zbior prav litewskich od roku 1389 do roku 1529. Poznan, 1841. S. 7–24.

15 лістапада 1415 г. на царкоўным саборы епіскапаў ВКЛ адбылося абранне і пасвячэнне ў сан Кіеўскага мітрапаліта Грыгорыя Цамблака[11]. У той жа дзень Вітаўт выдаў пастанову аб аддзяленні Кіеўскай мітраполіі ад Маскоўскай царквы і падтрымаў узвядзенне на вышэйшую духоўную пасаду Грыгорыя Цамблака[12]. У Прывілеі вялікага князя акрэслена місія і духоўныя мэты заснавання асобнай Праваслаўнай мітраполіі ў ВКЛ.

У летапісных аповедах паведамляецца пра тагачасныя падзеі наступнае: «У 1415 годзе вялікі князь Вітаўт, паводле Божай волі і ўласнага жадання, склікаў сабор праваслаўных епіскапаў, якія служылі на абшарах, дзе ён валадарыў. Прыехалі на сабор: полацкі епіскап Феадосій, чарнігаўскі — Ісакій, луцкі — Дзіянісій, уладзімірскі — Харытон, тураўскі — Яўхімій. З тымі епіскапамі Вітаўт паставіў на Кіеўскую мітраполію балгарына Грыгорыя Цамблака»[13].

Важным палітычным мерапрыемствам для Вітаўта сталася хрышчэнне ў 1417 г. Жамойцкай зямлі. Хрысцінізацыя насельніцтва адбывалася пераважна прымусам і гвалтам: разбураліся паганскія капішчы, знішчаліся драўляныя статуі багоў і бажкоў. У якасці дзейснага сродку далучэння да хрысціянскай веры выкарыстоўваліся матэрыяльнае захвочванне і подкуп.

Як адзін з уплывовых актараў еўрапейскай палітыкі, Вітаўт быў улучаны ў справы *Чэхіі*. У 1419 г. чэшскія гусіты, якія змагаліся за нацыянальную незалежнасць і свабоду веры, звярнуліся да Вітаўта з прапановай прыняць карону Чэшскага каралеўства. Вялікі князь паўстаў перад складаным выбарам: ён меў прыязныя адносіны з імператарам Жыгімонтам і не жадаў іх псаваць, а апошні акурат і ваяваў з гусітамі. Вітаўт фармальна адхіліў прапанову гусітаў і іх кіраўніка Пракопа, але накіраваў ім у дапамогу 5-тысячны корпус князя Жыгімонта Карыбута — сына Дзімітрыя Карыбута, забітага ў бітве на Ворскле. 16 мая 1422 г. войскі ВКЛ увайшлі ў Прагу. Беларускія жаўнеры змагаліся поплеч з чэхамі за незалежнасць іх дзяржавы, а Вітаўт увесь час падтрымліваў дачыненні з гусітамі.

У 1420 г. абвастрыліся спрэчкі паміж ВКЛ і Прускім ордэнам з-за Жамойці. Неўзабаве распачаліся вайсковыя дзеянні, якія скончыліся падпісаннем 27 верасня 1422 г. мірнай дамовы на возеры Мельне. Паводле пагаднення, Жамойць канчаткова пераходзіла пад пратэктарат Вітаўта.

У 20-я гг. XV ст. Вітаўт пачаў актыўна займацца *дачыненнямі з татарамі*. Прычынай паслужыла ўварванне на землі ВКЛ у 1420 г. татарскага хана Едыгея і рабаванне ім Кіева. Але Вітаўт у адносінах з Залатой Ардой выкарыстоўваў пераважна дыпламатыю. Ён усяляк падаграваў канфлікты паміж ханамі, выкарыстоўваў супярэчнасці паміж імі ў змаганні за ўладу.

У 1425 г. палітычная вага Вітаўта яшчэ больш павялічылася. У гэты год памёр яго зяць — маскоўскі князь Васіль II. Перад смерцю ён прызначыў акурат Вітаўта апекуном непаўнагадовага Васіля III Васілевіча — спадчынніка трона. Вітаўт далікатна апекаваўся над унукам, але не надта ўмешваўся ў справы ўласна Маскоўскага княства.

Аднак у 1426 г. Вітаўт вырашыў вярнуць пад сваю ўладу *Пскоўскае княства*. Ён склікаў велізарнае войска, пераправіўся праз Дзвіну, захапіў Себеж і Порхаў. Пасля гэтага жыхары Пскова здаліся на міласць вялікага князя. Вітаўт абклаў Пскоўскую зямлю вялікай данінай і прызначыў у Пскоў свайго намесніка — Юрыя Носа.

---

[11] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1. С. 33–35.

[12] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1. С. 35–37.

[13] «Аповеды пра княжанне Вітаўта» // Маладосць. 2008. № 5. С. 103–105.

У 1426 і 1427 гг. Вітаўт падпісаў пагадненні з разанскім і пронскім князямі. 3 жніўня 1427 г. вялікі князь заключыў дагавор з цвярскім князем Барысам Аляксандравічам, які даводзіўся яму ўнукам[14].

Затым Вітаўт з войскам рушыў на *Ноўгарад Вялікі*. Насустрач войскам ВКЛ выехала ноўгарадскае пасольства з прапановай мірнага ўрэгулявання канфлікту. Вольналюбівы горад прызнаў над сабой уладу вялікага князя Вітаўта і перайшоў пад пратэктарат ВКЛ. Вітаўт прызначыў намеснікам у Ноўгарад Вялікі Сямёна Алгімонта Гальшанскага.

Каб не дапусціць злучэння ў адзіную дзяржаву ВКЛ і Польшчы, Вітаўт у канцы 20-х гг. XV ст. распачаў працэс падрыхтоўкі да ўласнай *каранацыі* і ператварэння Вялікага Княства ў каралеўства.

У 1429 г. у Луцку ў рэзідэнцыі Вітаўта адбыўся вялікі з’езд, склікаңы нібыта дзеля ўтварэння антытурэцкай кааліцыі хрысціянскіх дзяржаў. На з’ездзе імператар Жыгімонт публічна звярнуўся да Ягайлы з прапановай падтрымаць каранаванне Вітаўта. Польскія магнаты абурыліся. Асабліва пратэставаў кракаўскі біскуп Збігнеў Алясніцкі. Ён выступіў са з’едлівымі папрокамі на адрас Вітаўта, абвінаваціў яго ў парушэнні дамоваў, невыкананні абяцанняў. Палякі паспешліва пакінулі з’езд у Луцку.

Вітаўт і Жыгімонт накіравалі паслоў да Папы Рымскага Марціна V з просьбай дабраславіць змены ў ВКЛ. Палякі пярэчылі і ўсяляк настройвалі Папу супраць Вітаўта. Але вялікі князь дамогся свайго і схіліў Марціна V на свой бок.

Урачыстую каранацыю Вітаўт прызначыў на 15 жніўня 1430 г. у Троках. У ВКЛ прыехалі вялікія дэлегацыі: польскі кароль Ягайла; вялікі князь маскоўскі Васіль III, унук Вітаўта, разам з маскоўскім мітрапалітам Фоціем; дацкі кароль; прускі гросмайстар, інфлянцкі ландмаршал; гаспадар Валахіі; князь мазавецкі; хан крымска-перакопскі; князь цвярскі; князь разанскі; князь Адоеўскі; пасол ад імператара Візантыі; папскі пасол; паслы з Ноўгарада Вялікага і Пскова. Сем тыдняў доўжыліся прыгатаванні. Але палякі паўсюль на шляхах паставілі засады і не прапусцілі кароны, якую везлі паслы ад імператара Жыгімонта. Вітаўт развітаўся з гасцямі і ад’ехаў у Вільню, куды запрасіў і Ягайлу.

Не ажыццявіўшы апошняй грандыёзнай задумы, надламаны Вітаўт занядужыў і 27 кастрычніка 1430 г. памёр. Цела вялікага князя пахавалі ў Вільні ў Кафедральным саборы.

Такім чынам, Вялікае Княства Літоўскае ў перыяд княжання Вітаўта (1392–1430) дасягнула найбольшай эканамічнай, вайсковай і дзяржаўна-палітычнай магутнасці. Рост краіны, не зважаючы на часовыя паражэнні, адбываўся надзвычай імкліва.

Вітаўт зліквідаваў сістэму ўдзельных княстваў у ВКЛ, пазбавіў мясцовых князёў палітычнай вагі. Ён знішчыў аўтаномію Кіеўскага княства, цалкам падпарадкаваў Кіеў вялікакняжацкай уладзе. Вялікі князь перамог ноўгарад-северскага князя Дзмітрыя Карыбута, аслабіў падольскага князя Фёдара Карыятавіча, скарыў галоўнага палітычнага канкурэнта Свідрыгайлу.

Імкнучыся ўмацаваць духоўную і культурную незалежнасць жыхароў ВКЛ, Вітаўт дапамагаў праваслаўным цэрквам. Ён паспрыяў стварэнню ў 1415 г. самастойнай Праваслаўнай мітраполіі з цэнтрам у Навагрудку. Разам з тым вялікі князь праяўляў рэлігійную талерантнасць, дазваляў будаваць каталіцкія касцёлы, з павагай ставіўся да мусульманаў і іудзеяў.

У знешняй палітыцы Вітаўт меў выключныя поспехі. У 1395 г. ён падначаліў Смаленскае княства і прызначыў туды свайго намесніка. Вялікі князь з войскам ВКЛ адыграў вырашальную ролю падчас Грунвальдскай бітвы 1410 г., пасля чаго прускія і лівонскія рыцары асцерагаліся моцы ВКЛ.

---

[14] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1. С. 46–47.

У 1422 г. Вітаўт канчаткова адваяваў у крыжакоў Жамойць і падпарадкаваў яе Княству. Пад пратэктаратам Вітаўта апынуліся Вялікі Ноўгарад з агромністымі тэрыторыямі, а таксама Пскоўскае і Разанскае княствы. Вітаўт актыўна ўплываў на ўнутрыпалітычнае жыццё Залатой Арды. Ён прызначаў ханаў і прыводзіў іх да ўлады ў Ардзе. Чэшскія палітычныя эліты, ведаючы моц Вітаўтавай дзяржавы, запрасілі яго да сябе на гаспадаранне. Ён адгукнуўся на прапанову чэхаў і паслаў да іх намеснікам свайго пляменніка Жыгімонта Карыбута. Венгерскі кароль і германскі імператар Жыгімонт ставіўся з павагай да Вітаўта, імкнуўся да паразумення з ім.

Вітаўт выношваў планы авалодання Маскоўскім княствам і Польскім Каралеўствам, імкнучыся стварыць адзіную славянскую імперыю. Дзеля дасягнення ўласных палітычных мэтаў вялікі князь дзейнічаў рашуча і энергічна, не асабліва зважаючы на сродкі.

Папскі прастол у Рыме з належным шанаваннем адносіўся да Вітаўта і яго дзейнасці. На патрабаванне вялікага князя стаць каранаваным манархам, памазаннікам Божым на зямлі, Ватыкан без пярэчанняў даў згоду і асвяціў карону. Гаспадар ВКЛ праз каранаванне імкнуўся не дапусціць далучэння ВКЛ да Польскай Кароны пасля яго смерці, што прадугледжвалася дамовай з Ягайлам. Вітаўт пажадаў прыняць карону ў прысутнасці высокапастаўленых асобаў з Маскоўскага княства, Прусіі, Рыма і Канстанцінопаля, пакліканых у ВКЛ дзеля ўрачыстай нагоды. Планам Вітаўта, аднак, перашкодзілі польскія магнаты, якія перакрылі шлях дэлегацыі, што накіроўвалася з каронай у ВКЛ.

Дзякуючы намаганням вялікага князя Вітаўта тэрыторыя ВКЛ істотна павялічылася: абшары краіны сягалі Балтыйскага і Чорнага мораў, Берасця і Мажайска. За час яго княжання Вялікае Княства Літоўскае, паводле вайскова-эканамічнага патэнцыялу, ператварылася ў наймагутнейшую ў Еўропе дзяржаву з выразнымі рысамі сярэднявечнай кантынентальнай імперыі.

Іван САВЕРЧАНКА

МІТРАПАЛІТ ІОСІФ ВЕЛЬЯМІН-РУЦКІ І ЯГО ТАСТАМЕНТ

Таму, хто хоць бы аднойчы сутыкаўся са спецыфікай архіўнай працы, добра вядома, што патрэбная інфармацыя можа адшукацца ў фондзе самай нечаканай установы. Ніколі нельга быць упэўненым, што прадуманы і сістэматызаваны пошук дасць стопрацэнтны вынік. Найбольш каштоўныя знаходкі, як правіла, бываюць абсалютна выпадковымі. Непазбежныя хібы вялікага архіва — блытаніна ў паказальніках і каталогах, недакладныя загалоўкі спраў, дакументы адной установы ў фондзе іншай — заўсёды пакідаюць карпатліваму даследчыку шанец на нечаканае адкрыццё. Так, некалькі гадоў таму вядучым палеографам Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі Г. М. Брэгерам[1] у справе «Дакументы на пераход і валоданне маёнткам Рутай»[2] з фонда Навагрудскага павятовага суда[3] быў адшуканы фрагмент архіва маёнтка уніяцкіх мітрапалітаў Рута, які лічыўся незваротна страчаным. З масы дакументаў XVI–XVIII стст., на якіх маюцца аўтографы караля Жыгімонта ІІІ Вазы, канцлера Льва Сапегі і іншых прадстаўнікоў вышэйшых колаў Рэчы Паспалітай, вылучаецца сапраўдная пярліна. Гэта ўласнаручны тастамент уніяцкага мітрапаліта кіеўскага, галіцкага і усёй Русі Іосіфа Вельяміна-Руцкага. Каб ацаніць значнасць знаходкі гэтага дакумента, неабходна пачаць расповед з біяграфіі яго складальніка.

Постаць Іосіфа (у свеце — Івана) Вельяміна-Руцкага займае адно з ключавых месцаў у гісторыі беларуска-літоўскага грамадства першай трэці XVII ст. Уніяцкі мітрапаліт, заснавальнік базыльянскага ордэна, выдатны палеміст і рэфарматар, ён здолеў вывесці ўсходнюю царкву Рэчы Паспалітай з сістэмнага крызісу, які назіраўся ў ёй у другой палове XVI — пачатку XVII ст. Асоба неадназначная, ён знаходзіў сярод насельніцтва грэцкага абраду як гарачых прыхільнікаў сваіх дзеянняў, так і зацятых супернікаў. Менавіта Руцкі распачаў працэс беатыфікацыі[4] забітага ў 1623 г. полацкага архіепіскапа Іясафата Кунцэвіча[5], стаўленне да якога яшчэ і сёння падзяляе гісторыкаў Царквы на два непрымірымыя лагеры. За літаратурнай палемікай Руцкага з полацкім праваслаўным архіепіскапам Мялеціем Сматрыцкім сачыла ўся эліта Рэчы Паспалітай. Яна зрабіла вялікае ўздзеянне на развіццё беларускай культуры і лёсавызначальны ўплыў на міжканфесійныя адносіны ў краіне.

Негледзячы на тое што вывучэнню біяграфіі Руцкага было прысвечана шмат прац[6], многія факты і акалічнасці яго жыцця дагэтуль застаюцца белымі плямамі. Найперш гэта тычыцца паходжання Руцкага.

---

[1] Аўтар выказвае шчырую падзяку *Герману Максімавічу Брэгеру* за дазвол падрыхтаваць першую навуковую публікацыю па матэрыялах яго унікальнай знаходкі.

[2] Загаловак пададзены паводле вопісу, складзенага 11 ліпеня 1940 г. архіўна-тэхнічным работнікам Мінскага абласнога архіва Сухаверкам.

[3] Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей НГАБ). Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161.

[4] *Беатыфікацыя* — прылічэнне памерлага да ліку блажэнных. Як правіла, папярэднічае працэсу *кананізацыі* — прылічэння да ліку святых.

[5] Кунцэвіч Іясафат (1580–1623) — полацкі уніяцкі архіепіскап (1618–1623). Забіты праваслаўнымі жыхарамі г. Віцебска ў 1623 г. Беатыфікаваны Рымскім Папам Урбанам VIII у 1643 г., кананізаваны Рымскім Папам Піем IX у 1867 г.

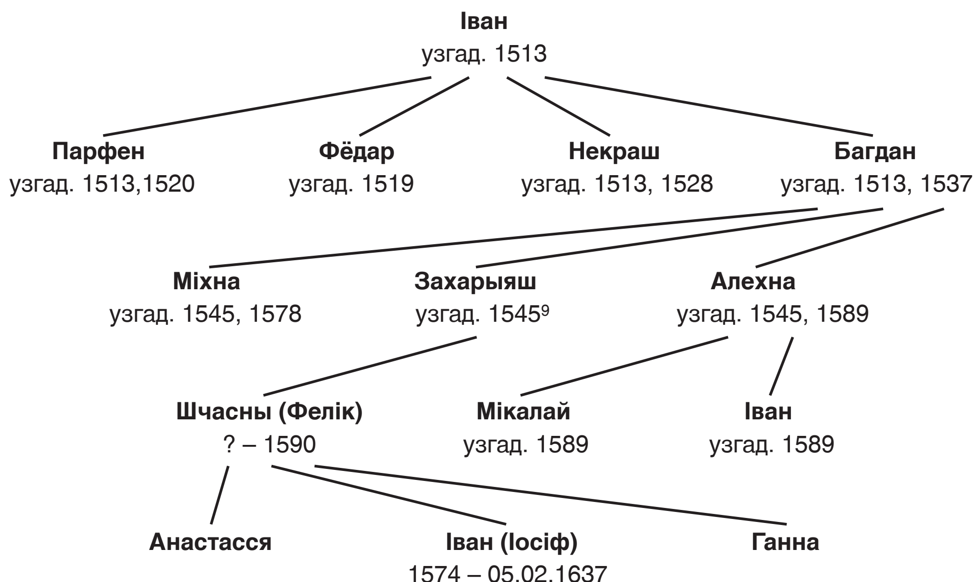
[6] Напрыклад: Жукович П. Н. Жизнеописание митр. Иосифа Вельямина Рутского, составленное митр. Рафаилом Корсаком, и сочинение Рутскаго об улучшении внутренняго строя униатской церкви // Христианское чтение. Август — сентябрь 1909. С. 1089–1108; Турук Ф. Униатский митрополит Рутский // Журнал Министерства народнаго просвещения. Часть LXII. Март 1916. С. 128–166; Саверчанка І. Апостал яднання і веры: Язэп Руцкі. Мінск, 1994.

Большасць даследчыкаў сыходзіцца на тым, што род Вельямінаў паходзіць з тэрыторыі Маскоўскай дзяржавы. Дзякуючы недакладнай інтэрпрэтацыі прац сярэднявечных храністаў М. Стрыйкоўскага і А. Гваньіні ў гістарычнай навуцы на доўгі час замацаваўся міф аб тым, што Іосіф Вельямін-Руцкі быў сынам аднаго з двух маскоўскіх ваявод Вельямінавых, узятых у палон у ходзе Лівонскай вайны 20 верасня 1568 г. пад Улай, што на Полаччыне[7]. Пазней гэтае палажэнне было крыху падкарэктаванае. Час з'яўлення Вельямінаў на беларускіх землях быў «адсунуты» на першую палову XVI ст. — нeяк надта ж мала часу прыпадала на іх пераход з праваслаўя ў кальвінізм (у 1570-я гг. яны ўжо былі пратэстантамі). Найбольш аўтарытэтныя на сённяшні момант украінскія даследчыкі Ф. Галюшчынскі, А. Вялікі, П. Підручны выказалі меркаванне, што род Вельямінаў мог пражываць на беларускіх землях нават у XV ст.[8]. Карані роду яны таксама выводзілі з тэрыторыі Маскоўскай дзяржавы.

Новаадшуканыя дакументы яскрава сведчаць, што Вельяміны (альбо Вельямінавічы) пражывалі на Навагрдчыне ўжо ў канцы XV ст. Апрача ўсяго, архіў маёнтка Рута ўтрымлівае багаты матэрыял па генеалогіі сваіх уладальнікаў. Паколькі аб продках мітрапаліта невядома практычна нічога, разгледзім яго радавод падрабязней.

Большасць біяграфічных нарысаў аб Іосіфе Вельяміне-Руцкім пачынаецца з паведамлення таго факту, што ён быў сынам кальвініста Фелікса Вельяміна-Руцкага і яго жонкі Багумілы Корсак. Ніякай дадатковай інфармацыі — кім былі продкі таго Фелікса — не падаецца.

У выніку апрацоўкі новаадшуканых дакументаў аўтару гэтых радкоў удалося скласці генеалагічнае дрэва мітрапаліта Іосіфа. Яно налічвае пяць пакаленняў і выглядае наступным чынам.



---

7 Гл.: Турук Ф. Униатский митрополит Рутский… С. 131–132.

8 Гл.: Epistolae Metropolitarum Kioviensium / Ed. Theodosius T. Haluščynskyj, Athanasius G. Welykyj. Romae, 1956. Vol. 1. P. IX–XII; Підручний П. Початки Василіанського чину и Берестейська унія // Берестейська унія та внутрішне життя Церкви в XVII столітті. Матеріали Четвертих «Берестейських читань». Львів, 1997. С. 97.

9 У 1578 г. узгадваецца як нябожчык.

Ад родавага маёнтка Рута[10], што знаходзіўся на тэрыторыі Наваградскага павета Вялікага Княства Літоўскага, Вельяміны (альбо Вельямінавічы) паступова пачалі называцца Вельямінамі-Руцкімі. Гэтая з'ява была тыповай для свайго часу. Паступова такія найменні пачалі пераважаць і нават выцясняць першапачатковыя родавыя прозвішчы. Трэба адзначыць, што на пачатку XVI ст. існавалі яшчэ два роды Руцкіх з той самай мясцовасці — Кярстанавічы-Руцкія[11] і Куцэвічы-Руцкія[12].

Аб тым, што маёнтак належаў Вельямінам як мінімум з пачатку XVI ст., гаворыць ліст Фёдара Іванавіча Вельяміна аб продажы свайму брату Багдану Іванавічу часткі маёнтка Рута, які пан Фёдар называе «дзедзічным», гэта значыць спадчынным[13]. Дакумент быў складзены ў г. Наваградку 5 сакавіка 7 індыкта[14]. Шляхам складанага пераводу індыктыённага «візантыйскага» летазлічэння на сучасны каляндар, мы атрымліваем найбольш верагодны год напісання ліста — 1519. У перапісе войска Вялікага Княства Літоўскага 1528 г. на тэрыторыі Наваградскага павета пазначаны двое прадстаўнікоў роду — браты Багдан і Парфен Вельямінавічы[15]. Прычым у перапісе гаворыцца, што Багдан мае ўласных падданных і павінен выстаўляць са сваіх маёнткаў у войска аднаго вершніка, Парфен жа падданых не мае і мусіць ехаць на вайну сам.

На той час Рута не ўяўляла з сябе нейкага цэласнага маёнтка — яе землі былі падзелены паміж мужчынскімі прадстаўнікамі Вельямінаў, Кярстанавічаў і Куцэвічаў. Значная, а да сярэдзіны XVI ст. большая, частка Руты знаходзілася ва ўладанні шматлікіх татарскіх сем'яў. Вядома, што ў 1531 г. наваградскі ваявода Станіслаў Гаштольд выдаў ліст, які «дазваляў продаж Руты на вечныя часы татарам»[16]. У новаадшуканых дакументах маецца столькі ўзгадка аб разнастайных кавалачках Руты, што цяжка разабрацца каму і калі які лапік зямлі належаў. Але паступова большая частка маёнтка пачала канцэнтравацца ў руках Багдана Іванавіча Вельяміна, прадзеда будучага мітрапаліта. Яму належыць роля збіральніка руцкіх земляў у адзінае ўладанне. Як адзначалася вышэй, у 1519 г. сваю частку маёнтка (коштам у 45 коп[17] літоўскіх грошаў) яму саступіў брат Фёдар, а ў 1537 г. — татары Ібрагім Міткевіч і Махмет Банкевіч (коштам у 220 коп)[18]. Пасля смерці Багдана (каля 1540 г.) маёнтак нядоўгі час быў зноўку падзелены, гэтым разам паміж Багданавымі сынамі Міхнам, Захарыяшам і Алехнам. У 1545 г. яго большая частка чарговым разам канцэнтруецца ў адных руках — у дзеда будучага мітрапаліта, Захарыяша. Паміж 1556 і 1558 гг. Захарыяш памёр, пакінуўшы толькі аднаго нашчадка па мужчынскай лініі — Шчаснага[19], якому застаўся сабраны продкамі маёнтак. Апош-

[10] Сёння — в. Дольная Рута Карэліцкага р-на Гродзенскай вобл. Рэспублікі Беларусь.

[11] НГАБ. Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161. Арк. 650.

[12] Тамсама. Арк. 807.

[13] Тамсама. Арк. 591.

[14] *Індыкт* (*індыктыён*) — перыяд у 15 гадоў, які выкарыстоўваўся ў летазлічэнні беларуска-літоўскіх земляў да канца XVI ст. Пачатак выкарыстання 15-гадовага індыктыёну ў летазлічэнні быў пакладзены рымскім імператарам Канстанцінам Вялікім у 312 г.

[15] Перапіс войска Вялікага Княства Літоўскага 1528 г. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1 // Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск: Бел. навука, 2003. С. 63, 67.

[16] НГАБ. Ф. 1773. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 925.

[17] *Капа* — адзінка ліку ў ВКЛ. Была роўная 60 штукам.

[18] НГАБ. Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161. Арк. 617–618.

[19] *Вельямін-Руцкі Шчасны* — бацька мітрапаліта. Больш вядомы з выкарыстаннем лацінскага варыянту напісання яго імя — *Фелікс*.

няе значнае ўзбуйненне Руты адбылося пры ім у 1584 г.[20]. Вядома, што ў 1587 г. Шчасны склаў тастамент, змест якога, на жаль, да нас не дайшоў[21]. Але з гэтага можна меркаваць, што на той час яго складальнік быў ужо ў сталым веку альбо, магчыма, цяжка хворы. У верасні 1589 г. Шчасны разам са сваім дзядзькам Алехнам і яго сынамі Мікалаем і Іванам складае рэестр маёнтка Рута, згодна з якім дзве траціны маёнтка застаюцца ў руках Шчаснага, а адна траціна — у руках Алехны і яго сыноў[22]. У 1590 г. Шчасны памёр, пакінуўшы па сабе адзінага сына Івана (нашага галоўнага героя) і дзвюх дачок: Анастассю і Ганну.

У 1600 г. удава Шчаснага Багуміла Корсак, што пабралася другім шлюбам з Марцінам Палонскім, разам з новым мужам выкупае трэцюю частку маёнтка Руты, якая належала Мікалаю Алехнавічу, у сваю ўласнасць[23]. Менавіта Багуміла на працягу ўсяго жыцця матэрыяльна падтрымлівала свайго сына Івана, што рана застаўся без бацькі. Не адпавядаюць сапраўднасці думкі некаторых даследчыкаў, што яна, кальвіністка, дачуўшыся пра сімпатыі Івана да уніяцтва, «пазбавіла яго ўсялякіх сродкаў да існавання»[24]. Прынамсі, калі 28 жніўня 1603 г. Марцін Палонскі вырашыў прадаць увесь маёнтак Івану Вельяміну-Руцкаму, той заплаціў за здзелку 800 коп літоўскіх грошаў[25]. Цяжка ўявіць, што такую вялізную для тых часоў суму мог выкласці чалавек без сродкаў да існавання.

Пералічаныя факты сведчаць аб тым, што Іван (у манастве — Іосіф) Вельямін-Руцкі належаў да шляхецкага роду, прадстаўнікі якога пражывалі на беларускіх землях і мелі тут уладанні як мінімум з канца XV ст.

Пры скрупулёзным вывучэнні тастамента пільны даследчык заўважыць цікавую нестыкоўку з агульнапрынятымі ў біяграфіі мітрапаліта фактамі. Напрыканцы дакумента на кустодыі[26] маецца яго асабістая пячатка. На ёй змешчана выява герба «Букраба» зменены[27]. Аб тым, што гэтая пячатка магла належаць толькі мітрапаліту Іосіфу, сведчаць геральдычная мітрапаліцкая шапка, якая знаходзіцца над полем герба на месцы рыцарскага шлему, і лацінскія ініцыялы «IR» (Iosephus Rucki). Але, як вядома, у гістарыяграфіі XIX–XX стст. замацавалася думка, што Вельяміны карысталіся родавым гербам «Вуж». Цяжка сказаць, хто з гісторыкаў упершыню прыйшоў да такой высновы, але факт застаецца фактам, і гэтая інфармацыя вандруе з кнігі ў кнігу ўжо больш за сто гадоў. Адбылося гэтак таму, што гербам «Вуж» карысталіся прадстаўнікі роду Рудскіх з Валыні. Не маючы перад сваімі вачыма адбіткаў асабістых пячатак Вельямінаў-Руцкіх, гісторыкі прыпісалі герб валынскіх Рудскіх Вельямінам. Гэтае памылковае меркаванне аказалася настолькі жывучым, што на яго не паўплывала нават грунтоўнае выданне эпісталярнай спадчыны Руцкага, здзейсненае ў 1956 г. у Рыме

[20] НГАБ. Ф. 1773. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 926.

[21] Тамсама. Арк. 926.

[22] НГАБ. Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161. Арк. 666.

[23] Тамсама. Арк. 789.

[24] Саверчанка І. Апостал яднання і веры: Язэп Руцкі. Мінск, 1994. С. 12.

[25] НГАБ. Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161. Арк. 789.

[26] *Кустодыя* — невялікі кавалачак альбо палоска паперы (нярэдка па-мастацку аздобленыя), пад якія заліваўся расплаўлены воск, а наверх ставілася пячатка.

[27] *Букраба* — прыватнаўласніцкі герб. На чырвоным полі залаты паўмесяц рагамі ўверх. Над ім — жоўты кавалерскі крыж. (У Іосіфа Вельяміна-Руцкага — паўмесяц рагамі ўніз, таму герб носіць назву «Букраба» зменены.)

манахамі-базыльянамі Ф. Галюшчынскім і А. Вялікім[28]. У гэтым зборніку на старонцы 386 прыведзена выява асабістай пячаткі мітрапаліта Іосіфа, якую ён паставіў пад лацінамоўнай версіяй свайго тастамента — гэта той жа «Букраба» пад ужо знаёмай нам мітрапаліцкай шапкай.

Праводзячы параўнанне ўласніцкіх пячатак розных Вельямінаў XVI — пачатку XVII ст. на новаадшуканых дакументах, можна прасачыць эвалюцыю выяваў на іх асабістых гербах. Упершыню герб Вельямінаў у выглядзе «Букрабы» зմененага змешчаны на пячатцы стрыечнага дзеда мітрапаліта Іосіфа Алехны Багданавіча пад 9 студзеня 1545 г.[29]. Усе пазнейшыя пячаткі, у тым ліку і пячатка самога мітрапаліта Іосіфа, мелі менавіта такі выгляд. На больш ранніх пячатках прадстаўнікоў роду Вельямінаў адзначаныя крыху іншыя выявы. Пячатка Фёдара Іванавіча на дакуменце 5 сакавіка 1519 г. утрымлівае паўмесяц рагамі ўніз, усярэдзіне якога замест крыжа размешчана фігура ў выглядзе кірылічнай літары «П». На пячатцы яго брата Некраша Іванавіча ад 30 ліпеня 1513 г. маецца такая ж самая выява, але скіраваная не ўніз, а ў правы бок[30]. І, урэшце, на пячатцы таго ж Некраша Іванавіча ад 1520 г. замест крыжа і літары «П» змешчана абсалютна іншая геральдычная фігура, якая нагадвае асноўны элемент гербу «Радван»[31] — харугву ў выглядзе перагорнутай літары «Ш». Справа ў тым, што гербы, на якіх варыюцца выявы паўмесяца з іншымі геральдычнымі элементамі, вельмі характэрныя для шматлікіх татарскіх родаў, якія пражывалі з пачатку XV ст. у ваколіцах Наваградка. Сімвал у выглядзе перагорнутай літары «Ш» з'яўляецца традыцыйнай геральдычнай эмблемай дынастыі Гірэяў і носіць татарскую назву «Тарак-Тамга» (ад татарскага «тарак» — грэбень)[32]. Практычна ў кожным дакуменце першай і другой трэці XVI ст. з адшуканага архіва маёнтка Рута фігуруюць прадстаўнікі татарскіх родаў — Банкевічы, Міткевічы, князі Кілдыяравічы, князі Кянкевічы (у тым ліку джалаірскі[33] харужы Банка Кянкевіч).

З прыведзеных фактаў напрошваецца даволі сенсацыйная выснова — род Вельямінаў мог мець татарскія карані! Тое, што Вельяміны на пачатку XVI ст. з'яўляліся праваслаўнымі, яшчэ ні аб чым не гаворыць. Асіміляцыя татарскага насельніцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім ішла даволі паспяхова, і абсалютная большасць татарскіх родаў з цягам часу прыняла хрысціянства. На пачатку XVI ст. нават у многіх прадстаўнікоў джалаірскай харугвы імёны самыя што ні на ёсць хрысціянскія — Багдан, Захарыяш, Якуб, Алехна і інш.[34]. І гэта ў тых, хто застаўся мусульманамі. Што ж ужо гаварыць аб асіміляваных родах! Магчымае татарскае паходжанне Вельямінаў ускосна пацвярджае і сам лёс архіва маёнтка Рута.

---

[28] Epistolae Josephi Velamin Rutskyj, metropolitae Kioviensis catholici (1613–1637) / Collegerunt adnotationibus illustrarunt et introductione auxerunt r. p. Theodosius T. Haluščynskyj — p. Athanasius G. Welykyj, Ordinis S. Basilii Magni. — Romae, 1956. (Аўтар выказвае шчырую падзяку старэйшаму навуковаму супрацоўніку Львоўскага аддзялення Інстытута украінскай археаграфіі і крыніцазнаўства імя М. С. Грушэўскага Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны *Ігару Яраслававічу Скачылясу* за прадастаўленыя копіі гэтага выдання.)

[29] НГАБ. Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161. Арк. 627.

[30] Тамсама. Арк. 612.

[31] *Радван* — прыватнаўласніцкі герб. На чырвоным полі залатая царкоўная харугва з трыма канцамі з махрамі. Над ёй залаты кавалерскі крыж.

[32] Думін С. В. Астрынскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. Мінск, 1993. С. 226.

[33] *Джалаірская харугва* — родаплемянная група татар у ВКЛ. Уяўляла з сябе нашчадкаў мангольскага племені джалаір. Паводле люстрацыі 1631 г., джалаірская харугва складалася з 74 дымоў у Віленскім, Наваградскім і Ашмянскім паветах.

[34] НГАБ. Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161. Арк. 600, 617–618.

Не падлягае сумненню тое, што мітрапаліт Іосіф меў у сваім распараджэнні ўсе аналізаваныя намі дакументы. Прыдбаўшы ў 1603 г. Руту ў адзінаасобнае ўладанне, ён паклапаціўся аб захаванасці архіва, які пацвярджаў яго спадчыннае права на навакольныя землі. Эканамічныя справы, якія Руцкі вёў на працягу ўсяго жыцця, патрабавалі ад яго добрага знаёмства з адзначаным архівам. Апрача ўсяго, гэта азначае, што мітрапаліт выдатна ведаў сваю генеалогію, прынамсі, да 5-га калена (гл. прыведзеную вышэй схему). Тое, што ён (адзін з самых адукаваных у краіне людзей) з лёгкасцю мог прасачыць і дакументальна пацвердзіць свой радавод, не выклікае ніякіх пярэчанняў. Між тым яшчэ пры жыцці мітрапаліта з падачы яго сябра і паплечніка Рафаіла Корсака пайшлі блукаць чуткі аб паходжанні Вельямінаў-Руцкіх ад выхадцаў з Маскоўскай дзяржавы баяр Вельямінавых. Міжволі напрошваецца пытанне: каму гэтыя чуткі былі выгадныя? Адказ можна знайсці, калі ўважліва азнаёміцца з дзейнасцю Іосіфа Вельяміна-Руцкага на пасадзе уніяцкага мітрапаліта. У гэтай дзейнасці вылучаюцца тры асноўныя «праекты»: стварэнне базыльянскага ордэна, місіянерская дзейнасць у Маскве пры двары цара Дзмітрыя І (пазней вядомага як Ілжэдзмітрый), стварэнне асобнай Кіеўскай уніяцкай патрыярхіі. Два апошнія з гэтых праектаў мелі на мэце аб'яднанне праваслаўных і уніяцкіх жыхароў Вялікага Княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы ў складзе новай, кіеўскай, патрыярхіі. Узначаліць новы цэнтр хрысціянства павінен быў ні хто іншы, як сам Іосіф Вельямін-Руцкі. У такой сітуацыі нават калі б не існавала легенды аб нашчадку маскоўскіх баяр, то яе варта было б прыдумаць. На наш погляд, менавіта гэта і зрабіў Рафаіл Корсак з маўклівай згоды свайго старэйшага сябра і патрона. Як вынікае з тэксту публікуванага тастамента, пасля смерці Руцкага на Корсака ўскладаліся паўнамоцтвы па вядзенні эканамічных справаў і па захаванні ўсіх папер мітрапаліцкага архіва. У тэстаменце агаворана, што пры ўзнікненні любых непаразуменняў неабходна звяртацца да епіскапа Корсака, які ведае ўсе падрабязнасці. Такім чынам, Руцкі паклапаціўся, каб дакументы не трапілі ў рукі пабочнага чалавека, а легенда аб маскоўскім паходжанні Вельямінаў не была развеяная, што несумненна пашкодзіла б справе умацавання царкоўнай уніі.

Безумоўна, татарскае паходжанне Вельямінаў — гэта ўсяго толькі праўдападобная гіпотэза. Але самая малая падстава на такое меркаванне, што непазбежна ўзнікла б ў любога чалавека пры знаёмстве з руцкім архівам, несла патэнцыйную небяспеку. Інакш кажучы, для палітычнай і рэлігійнай дзейнасці мітрапаліта Іосіфа змест названых дакументаў быў забойчым кампраматам. У варунках міжканфесійнай барацьбы і вострай літатаратурнай палемікі першай трэці XVII ст., калі апаненты нярэдка пераходзілі на асобы, інфармацыя з руцкага архіва мела б эфект бомбы, якая магла каласальна папсаваць рэпутацыю мітрапаліта Іосіфа. Гэта ж не жартачкі: збіральнік расколатай «рускай»[35] паствы і галоўны апалагет уніі — нашчадак праклятых басурманаў!

Руцкі апынуўся закладнікам родавага архіва: ні знішчыць, ні актыкаваць большую яго частку у судах (як гэта рабіла амаль уся шляхта) ён не мог. Таму і вымушаны быў у многіх выпадках падтрымліваць аўру таямнічасці вакол уласнага імя і паходжання.

[35] Пад *рускім* у тыя часы разумелася ўсё ўсходнеславянскае, і ў першую чаргу тое, што тычылася этнічна беларускіх і ўкраінскіх земляў. *Руская* мова з'яўлялася дзяржаўнай у ВКЛ. Праваслаўе і уніяцтва лічыліся *рускай* верай. Першая друкаваная беларуская кніга насіла назву «Библия руска». З канца XVII ст. у расійскай гістарыяграфіі з ідэалагічнымі мэтамі пачалося атаясамленне тэрміна *рускі* з тэрмінам *расійскі*, што прывяло да прысабечвання Расійскай імперыяй усёй спадчыны рускай культуры. Спекуляцыі на ідэнтычнасці значэнняў леглі ў аснову савецкай ідэалогіі і працягваюць актыўна выкарыстоўвацца многімі сучаснымі расійскімі гісторыкамі.

Да ліку белых плям біяграфіі Іосіфа Вельяміна-Руцкага можна з упэўненасцю аднесці і змест яго тастамента. Справа ў тым, што выказ апошняй волі іерарха такога высокага рангу адыгрываў выключна важную ролю ў царкоўным жыцці. Вядомы прыклады таго, калі наступнікі мітрапалітаў утойвалі той ці іншы фрагмент тастамента, які быў невыгодным асабіста для іх[36]. Да нашага часу захаваліся аналагічныя тастаменты наступнікаў Руцкага, мітрапалітаў Рафаіла Корсака (18 жніўня 1640 г.)[37], Антона Сялявы (4 траўня 1651 г.)[38], Кіпрыяна Жахоўскага (1687 г.)[39]. А вось аб змесце тастамента Руцкага вядома зусім няшмат. У найбольш поўным зборніку рукапіснай спадчыны І. Вельяміна-Руцкага, выдадзеным у 1956 г. у Рыме манахамі-базыльянамі Ф. Галюшчынскім і А. Вялікім[40], апублікаваныя два тастаменты мітрапаліта. Абодва складзены ў Дзерманскім[41] манастыры 28 студзеня 1637 г. за некалькі дзён да смерці Руцкага[42]. Тэкст другога тастамента (апублікаванага ў зборніку пад № 192) з'яўляецца дадаткам да першага і ўтрымлівае даручэнні каад'ютару мітраполіі Рафаілу Корсаку і іншым уніяцкім епіскапам. Першы тастамент (апублікаваны пад № 191) і ёсць той самы «асноўны» тастамент, які ўяўляе для сучасных даследчыкаў найбольшую цікавасць. Праблема палягае ў тым, што тэкст «тастамента № 191» няпоўны. Як адзначылі самі складальнікі, большая яго частка — *corruptus et illegibilis* — сапсаваная і нечытэльная. Да таго ж абодва тастаменты складзеныя на лацінскай мове. А гэтая акалічнасць давала глебу для далёкасяжных высноў.

Першыя радкі «асноўнага» тастамента цытуе ў сваёй працы вядомы беларускі гісторык першай паловы XX ст. Ф. Турук[43]. У патэтычным запале ён укладае лацінскія словы ў вусны канаючага уніяцкага мітрапаліта. Атрымаўся эфектны літаратурны прыём: галоўны уніят, які ўдае сябе захавальнікам «рускай» традыцыі, самы важны дакумент у сваім жыцці складае на лаціне. Гэтую выснову дазвання касуе знойдзены Г. М. Брэгерам архіў маёнтка Рута.

Публікаваны намі тастамент з'яўляецца арыгіналам «тастамента № 191» са зборніку *«Epistolae Josephi Velamin Rutskyj»*. Гэты дакумент захаваўся цалкам (у зборніку Ф. Галюшчынскага і А. Вялікага маецца ўсяго каля 20 % тэксту). Ён напісаны ўласнай рукой мітрапаліта, мае яго подпіс і асабістую пячатку. І, што самае важнае, ён напісаны па-беларуску! Дакумент датуецца 20 кастрычніка 1636 г. Месца складання — родны маёнтак мітрапаліта Іосіфа Рута. Відавочна, 28 студзеня 1637 г. за некалькі дзён да яго

---

36 Пасля смерці мітрапаліта Гаўрыіла Календы ў 1674 г. яго наступнік Кіпрыян Жахоўскі доўгі час хаваў частку тастамента, дзе нябожчык забараняў сваім наступнікам сумяшчаць пасаду мітрапаліта з пасадай протаархімандрыта базыльянскага ордэна (падрабязней гл.: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленскаго учебнаго округа (далей АСДСЗР). Т. XII. Вильна, 1900. С. 182–183).

37 Российский государственный исторический архив. Ф. 823. Оп. 1. Д. 707.

38 Там же. Д. 795.

39 Там же. Д. 1025.

40 Epistolae Josephi Velamin Rutskyj… S. 383–386.

41 Дзерманскі манастыр (сёння — тэрыторыя Украіны) быў уключаны ў склад манастыроў ордэна базыльянаў пастановай 6-й кангрэгацыі ордэна 1 жніўня 1636 г. З'яўляўся фактычна уніяцкім з 6 чэрвеня 1627 г., з моманту патаемнага далучэння да уніі яго архімандрыта Мялецію Сматрыцкага.

42 Гэтая акалічнасць робіць сумнеўным той факт, што цяжка хворы Руцкі пісаў дакумент уласнаручна.

43 Гл.: Турук Ф. Униатский митрополит Рутский // Журнал Министерства народнаго просвещения. Часть LXII. Март 1916. С. 166. Турук спасылаецца на старонку 266 адварот рукапіснага зборніка, прысвечанага Іосіфу Вельяміну-Руцкаму з бібліятэкі Імператарскай Акадэміі Навук, які паступіў на захаванне ў 1902 г. пасля смерці аланецкага епіскапа Паўла Дабрахотава.

смерці манахамі Дзерманскага манастыра была зробленая лацінамоўная копія, якая пазней патрапіла ў мітрапаліцкі архіў у Вільні[44].

У тэстаменце Руцкі падводзіць своеасаблівыя вынікі сваёй дзейнасці. Так, у першых радках ён выказвае паслушэнства Рымскаму Папу Урбану VIII, адзначае, што той, хто не вызнае вяршэнства Папы, не будзе збаўлены. Гэта своеасаблівае пасланне «рускаму» народу Рэчы Паспалітай, зварот да праціўнікаў царкоўнай уніі. Далей Руцкі выказвае падзяку манаству чатырох каталіцкіх ордэнаў, якія здзейснілі найбольшую дапамогу ў рэфармаванні уніяцкай царквы і стварэнні ордэна базыльянаў: езуітам, кармелітам босым, дамініканцам і бернардзінцам. Вялікую частку тастамента, натуральна, займаюць пералічэнні грашовых кампенсацый служкам мітрапаліта, а таксама падрабязнасці маёмасных справаў са сваякамі, суседзямі і «дзелавымі партнёрамі». Сярод гэтых маёмасных справаў цэнтральнае месца займае перадача родавага маёнтка Вельямінаў-Руцкіх, Руты, ва ўладанне уніяцкіх мітрапалітаў. Гэты маёнтак застанецца ў мітрапаліцкіх уладаннях да 40-х гг. XIX ст. і будзе адной з асноўных крыніц дабрабыту наступнікаў Руцкага. Не забыўся Руцкі і на справу выхавання і адукацыі моладзі. Так, ён загадвае ўтрымліваць пры саборнай царкве ў Вільні школу з бясплатным харчаваннем для адукацыі «рускіх клірыкаў», якія б «ꙋчылисѧ ѧзыка латинского и иншыхъ наꙋкъ, але жебы первеи речы рꙋские умели». З гэтага яскрава відаць, што «рускай» навуцы мітрапаліт аддае прыярытэт перад «лацінскай». Ён таксама выказвае занепакоенасць тым, што багатая шляхта амаль ніяк не падтрымлівае «рускую» царкву, забываючыся, што яна такая ж важная, як і «лацінскі» касцёл: «иж справы церкви н(а)шое Рꙋское ѡт станов болшых або жадное помочы не мают, або мало ѧкую, а пред сѧ ѡдна то Божаѧ церков».

Сваім душапрыказчыкам мітрапаліт прызначае Рафаіла Корсака, без прысутнасці якога ён не дазваляе нават пахаваць сваё цела. Корсаку ж даручаецца і ўсё мітрапаліцкае справаводства.

У момант напісання тастамента яго аўтару было 62 гады — вельмі сталы на тыя часы ўзрост. Апошнія гады свайго жыцця Руцкі цяжка хварэў. Аб гэтым лішні раз сведчаць памылкі з адміністрацыйнай прыналежнасцю населеных пунктаў, якія згадваюцца ў тэксце. Такія памылкі ён дапускае двойчы (гл. публікаваны тэкст). Мітрапаліт скардзіцца на слабую памяць — пры ўзгадцы аб сваіх ранейшых тастаментах ён удакладняе: «если добре помню», на кепскі зрок — аб працы з дакументамі кажа, што «самъ през себе з затрудненемъ слабыхъ ѡчу своих перегледалъ».

Публікацыя арыгінальнага тэксту тастамента уніяцкага мітрапаліта Іосіфа Вельяміна-Руцкага, несумненна, з'яўляецца важнай навуковай падзеяй. Яна дазваляе праліць святло на апошнія месяцы жыцця гэтага выдатнага рэлігійнага і культурнага дзеяча беларуска-літоўскіх зямель. Непаўторнасць жывой мовы аднаго з самых адукаваных людзей Вялікага Княства Літоўскага дае магчымасць паглядзець на тагачасны палітычны і рэлігійны расклад у краіне яго вачыма, адчуць сам дух той эпохі.

Знаходка дакумента такой важнасці ў фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі паказвае, наколькі багатымі і шмат у чым недаацэненымі з'яўляюцца айчынныя архівасховішчы.

Дзяніс ЛІСЕЙЧЫКАЎ

[44] НГАБ. Ф. 1773. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 927.

Тастамент уніяцкага мітрапаліта кіеўскага, галіцкага і усёй Русі Іосіфа Вельяміна-Руцкага[45]

20.10.1636.

Маёнт. Рута Наваградскага пав.

Старабеларуск. мова.

Арыгінал.

Во *и*мꙗ Ѡ*т*ца и С(ы)на и С(вꙗ)то*го* Д(у)ха, С(вꙗ)тое Жывонача*л*ное и Нера*з*делимое Тро*и*цы. |

Иѡсифъ Вельꙗми*н* Ру*т*скии, митрополита Кие*в*ски*и*, Гали*ч*ски*и* и Всеꙗ Руси[46], | симъ ѡста*т*нее воли моее писмо*м* ѡ*з*наимую и*ж* в вѣре С(вꙗ)то*и* Кафтоличе|ско*и*, а в послуше*н*стве вселе*н*ского а*р*хиереꙗ Папы Ры*м*ского Ȣ*р*бана Ѡсмого[47] | и наступниковъ его ȣмираю, и та*к* верȣю и готуючысꙗ пре*д* Страшны*и* Су*д* | Божы*и*, пере*д* всимъ свето*м* вызнаваю и*ж* кто в сполечности це*р*кви ры*м*ское | не е*ст*, то*т* не бȣде*т* збаве*н*. Дȣшу мою в руки Тво*р*ца и Ѡ*д*кȣпителꙗ ее ѡ*т*даю | и ȣпадаючы пре*д* Маеста*м* Его Бо*ж*ски*м* молюсꙗ благоȣсе*р*дию его, дабы | не по множеству гре*х* мои*х*, но по велице*и* свое*и* м(и)л(о) сти, м(и)л(о) стивы*и* бы*л* душы мое*и*. | Ты*х*, которые пры сме*р*ти мое*и* бȣду*т*, пи*л*не прошȣ, жебы сꙗ старали высла*т* | зара*з* до его м(и)*л*(ости) ѡ*т*ца Рафаила Ко*р*сака[48], еп (и) с(ко)па Пи*н*ско*го* и коа*д*ютора митрополии, | до вси*х* и*х* м(и)*л*(остеи) еп(и)с(ко)по*в*, до вси*х* монастыро*в* нашы*х* му*ж*ски*х* и женъски*х*, | до и*н*ны*х* законо*в* набоже*н*ства ры*м*ского, че*ст*ны*х* ѡ*т*цовъ и во*з*любле*н*ное бра*т*и нашое, | а мꙗновите до ты*х*, которые мꙗ прыпȣстили до ȣча*ст*ництва заслу*г* своихъ, | ꙗко то ѡ*т*цо*в* езȣитовъ[49], ѡ*т*цо*в* ка*р*мелито*в* босы*х*[50], ѡ*т*цо*в* доминикано*в*[51] и ѡ*т*цовъ

[45] Пры перадачы тэксту былі вытрыманы сучасныя археаграфічныя правілы. Раскрытыя скарачэнні пададзены ў круглых дужках (), вынасныя літары — *курсівам*. Пачатак новага радка адзначаны вертыкальнай рыскай |, пачатак новага аркуша — дзвюма ||. Лічбы, якія ў арыгінале дакумента пазначаны кірылічнымі літарамі, падаюцца ў выглядзе арабскіх лічбаў. Аўтар выказвае падзяку супрацоўнікам аддзела старажытных актаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі *А. Ф. Аляксандравай, В. У. Бабковай* і *Г. М. Брэгеру* за метадычныя парады пры падрыхтоўцы тастамента да публікацыі.

[46] *Мітрапаліт кіеўскі, галіцкі і усёй Русі* — афіцыйная назва пасады уніяцкіх мітрапалітаў.

[47] *Урбан VIII* (свецкае імя *Мафеа Барберыні*) (05.04.1568–29.07.1644) — Рымскі Папа (06.08.1623–29.07.1644). Найбольш вядомы дзякуючы таму, што ў гады яго пантыфіката адбыўся працэс над Галілеа Галілеем.

[48] *Корсак Рафаіл* (свецкае імя *Мікалай*) (1595 (?) — 28.08.1640) — уніяцкі царкоўны дзеяч. Архімандрыт манастыроў: Віленскага Св. Тройцы (1625–1637), Ануфрыеўскага (1631), Кобрынскага Спаскага (1632–1633), Жыдзічынскага (1637–1640). Протаархімандрыт базыльянскага ордэна (1626–1636). Пінска-тураўскі епіскап (1632–1637). У 1626 г. прызначаны каад'ютарам (памочнікам) мітрапаліта Іосіфа Руцкага. Апрача іншага, магчыма, з'яўляўся яго сваяком. Дзявочае прозвішча маці Руцкага Багумілы — Корсак.

[49] *Езуіты* (саманазва *Societas Jesu*) — каталіцкі манаскі ордэн, утвораны ў 1534 г. (статут зацверджаны ў 1540 г.). Ордэн езуітаў быў узяты Руцкім за ўзор пры стварэнні базыльянскага ордэна. Члены ордэна езуітаў бралі ўдзел у ранніх кангрэгацыях (пасяджэннях кіраўніцтва) базыльянаў.

[50] *Кармеліты босыя* (саманазва *Ordo Fratrum Carmelitarum Discalceatorum Beatae Mariae Virginis de Monto Carmelo*) — адзін з чатырох жабрацкіх каталіцкіх ордэнаў. Аддзяліўся ад ордэна кармелітаў у XVI ст. (статут зацверджаны ў 1593 г.). Ордэн кармелітаў босых Руцкі лічыў найбольш блізкім і падобным да манаства «рускай» царквы ВКЛ.

[51] *Дамініканцы* (саманазва *Ordo Fratrum Praedicatorum*) — каталіцкі манаскі ордэн, утвораны ў 1214 г. (статут зацверджаны ў 1216 г.).

| бернадынов[52]. А просим их жебы то чынили за душȣ мою, што чынит звыкли за тыхъ, | которых до сполечности заслуг своих прыимуют. Тые ж ѡтцове и братꙗ моꙗ, на тот | часъ пры мне бȣдȣчаꙗ, тожъ ѡзнаимити мает чотыром брацтвам[53], то ест конкгрекга|цыи Преблагословенное Дѣвы Марыи ȣ ѡтцов езȣитов, Рожанца ȣ ѡтцовъ до|миниканов, Паска С(вꙗ)т(ого) Францышка ȣ ѡтцов францышкановъ и бернадыновъ, Шкаплера | ȣ ѡтцов кармелитовъ босых, так же тежъ брацтвом Пречыстое Б(огороди)цы рȣскимъ | в Вилни, Новагородку, в Минску и в Володимирȣ будȣчым и иншым местцомъ и людꙗм | набожным, кому бы розȣмели, нехаи ѡзнаимꙗт и ѡ м(о)л(и)тву за дȣшу мою просꙗт. | Тело мое, скоро прыедет его м(и)л(ост) ѡтец коадютор, жебы без ѡмешканꙗ сховано | было. А нехаи старают жебы по всих церквахъ и костелах служба Божаꙗ за | дȣшу мою ѡтправовала сꙗ так в набоженстве латинскомъ, ꙗко и в грече|ском, ꙗлмужны[54] по всих шпиталꙗх и ȣбогимъ по ȣлицах жебы даваны были, | студентом ȣбогим жебы ѡбед справленыи был и жебы каждому з них што[55] колвек | дано было, а можна ли если достат, кȣпит могȣт, чотки, то ест коронка на каждого | жебы кȣплены были, жебы смотрꙗчы них прыпоминали собе молити сꙗ за мене. | Челꙗди моеи водлуг тестаменту в Холме[56] писаного, которыи, если добре помню, | ѡтданыи ест ѡт мене до рук его м(и)л(ости) ѡтца еп(иск)опа Пинского. А если бы ѡтданыи не был, | ѡпроч того, што на реестре пры том тестаменте рȣкою моею писанымъ зоставъ|лено бȣдет, каждому за полрока пры том, што ȣже заслужыл, заплачоно быт маетъ. || А если бы не прышло до писанꙗ реестрȣ, порȣчаю то баченю его м(и)л(ости) ѡтца еп(ископа) | Пинского, которыи ведает ꙗко хто и ꙗкъ давно служыл, а на того пилне прошу жебы | ѡсобливыи взгляд был, которыи не ѡтрываючысꙗ служыл и ȣже болшъ служыти не | может, жебы в голоде и в нендзы не кончыл жывот свои. |

Стараючы сꙗ ꙗ жебы их м(и)л(о) стꙗм наступником моим митрополитом в едности с(вꙗ)тои с костелом рымским[57] бȣдȣчым прыбыло доходȣ на слушное выховане, потре|бы и выдатки их, которых есми сам досведчылъ, же под час великие и несподе|ваные нападали, записалом на вечност имене мое дедичное Рȣту[58], в повѣте Новго|родском[59] лежачое, з двема фолварками Тȣпалами[60] и Даниславовичами[61] так

---

[52] *Бернардзінцы* — распаўсюджаная ў Каралеўстве Польскім і ВКЛ назва ордэну *францішканцаў-абсервантаў* (саманазва *Ordo Fratrum Minorum de Observantia*) — каталіцкага манаскага ордэна, які вылучыўся ў асобную арганізацыю намаганнямі францішканіна Бернарда Сіенскага (адсюль і назва) у 1415 г.

[53] *Брацтвы* — рэлігійна-дабрачынныя і культурныя аб'яднанні гарадскога насельніцтва. Руцкі пералічвае пяць каталіцкіх брацтваў, якія знаходзіліся пад пратэктаратам розных ордэнаў, а таксама уніяцкае брацтва, якое дзейнічала на той час у чатырох гарадах: Вільні, Менску, Навагрудку і Уладзіміры-Валынскім.

[54] *Ꙗлмужна* (старабеларуск.) — міласціна.

[55] У дакуменце памылкова *шко*.

[56] *Холм* (польск. *Chełm*) — горад у Рускім ваяводстве Каралеўства Польскага, цэнтр уніяцкай Холмска-Бэлзскай епархіі. Сёння — на тэрыторыі Рэспублікі Польшча.

[57] Г. зн. уніяцкім мітрапалітам.

[58] *Рута* — родавы маёнтак Вельямінаў-Руцкіх. Знаходзіўся на тэрыторыі Наваградскага павета ВКЛ. Сёння — в. Дольная Рута Карэліцкага р-на Гродзенскай вобл.

[59] *Наваградскі (Навагрудскі) павет* — адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў складзе Наваградскага (Навагрудскага) ваяводства Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVIII стст. У яго межах знаходзіліся гарады Наваградак (Навагрудак) (цэнтр), Клецк, Ляхавічы, Нясвіж, Слуцк і прылеглыя да іх тэрыторыі.

[60] *Тупалы* — вёска на тэрыторыі Наваградскага павета ВКЛ. Сёння — в. Вялікія Тупалы Карэліцкага р-на Гродзенскай вобл.

[61] *Даніслававічы (Бакееўшчына)* — вёска на тэрыторыі Наваградскага павета ВКЛ. Сёння не існуе.

же з ин|шыми прыкуплꙗми и *з* заставами[62], ꙗко то на листахъ купчых и заставныхъ ѡпи|сано е*ст*, которые и*ж* зоставило*м* в во*л*но*м* шафункꙋ[63] свои*м* до сме*р*ти свое*и* не подавшы | ꙋрꙗдовне на митрополию, тое наступни*к* мо*и* по сме*р*ти мое*и* в посъсесию[64] | свою ꙋрꙗдо*в*не бра*ти* мае*т*. А и*ж* тое жъ име*н*е пре*д* два*д*ца*т*ма лет записалъ есми | бы*л* на монасты*р* Виле*н*ски*и* С(вꙗ)*то*(и) Жывона*ч*(алнои) Тро*и*цы[65], не пꙋщаючы ѡ*д*накъ з де*р*жаня | своего, пото*м* и*ж* з бо*л*шы*м* того монастыра пожы*т*комъ виделосꙗ бысмо так мне, | ꙗко и всему згромаже*н*ю зако*н*ному в Фалимичахъ[66], мае*т*ности еп(и)с(ко)пии Луцкое[67], | на ѡ*н* часъ собраному, ꙋступиломъ монастырови помененому в то*т* же часъ | зара*з* фо*л*варо*к* на митрополию здавна фу*н*дованы*и* Свираны[68]. Мае*т*ности их Сви|ра*н*ско*и* ѡб межꙋ прылеглы*и* де*р*жаня и*м* подало*м*, которо*го* аж до си*х* часо*в* | в де*р*жа*н*ю и в споко*и*но*м* ужыва*н*ю маю*т*, а в замену за то*т* фо*л*варо*к* митропо|ли*и* имъ зара*з* поступлены*и* име*н*е тое Рꙋту, которое бы аж по сме*р*ти мое*и* и*м* | належало, взꙗломъ на митрополию, то е*ст* на наступнико*в* мои*х* митрополи|товъ, на што дало*м* ли*ст* замены пра*в*не спра*в*лены и в Трыбунале Виле*н*ско*м*[69] | в рокꙋ 1635 прызналомꙋ, што те*ж* и ко*н*кгрекгацыꙗ зако*н*наꙗ[70], котораꙗ у ко|ро*т*комъ часе пото*м* в Ви*л*ни ѡ*т*правовала сꙗ, зезволе*н*емъ вси*х* згоднымъ утвер|дила и в фундуш так же призна*н*е имъ на Рꙋту, ѡ*т* мене даное, вернены мне е*ст*, | то*л*ко потреба еще буде*т* ѡ*т* них писма пра*в*ного, на врꙗде прызнана*го*, што е*с*ли се | за жывота мое*го* не стане*т* наступни*к* мо*и*, по сме*р*ти мое*и* буде*т* ли розꙋме*ти* быт | того потребу жебы сꙗ| ꙋчынило постарает сꙗ. То те*ж* наступникови мое*му* неха*и* ве|домо буде*т*, и*ж* ꙗ по записа*н*ю Рꙋты на монасты*р*, ꙗко сꙗ поменило прыкꙋпи|ло*м* два фо*л*ва*р*ки звы*ш* рече-ные и на митрополию ѡбадва тые фо*л*ва*р*ки фундꙋ|ючы з милости ку сестре свое*и* ро-

[62] *Застава* (старабеларуск.) — закладное ўладанне.

[63] *Шафунок* (старабеларуск.) — кіраванне, распараджэнне.

[64] *Пасесія* — уладанне (тут ужыта ў вузкім сэнсе — часовае ўладанне).

[65] *Віленскі манастыр Св. Тройцы* быў заснаваны ў другой палове XIV ст. жонкай вялікага князя літоўскага Альгерда Ульянай. У 1596–1609 гг. прыналежнасць манастыра з'яўлялася аб'ектам спрэчак паміж праваслаўнай і уніяцкай іерархіяй. З 1609 г. зрабіўся адным з найгалоўнейшых уніяцкіх цэнтраў у ВКЛ. Першым уніяцкім архімандрытам (1609–1613 гг.) з'яўляўся Іосіф Вельямін-Руцкі. Супрацьстаянне уніяцкага манастыра Св. Тройцы і праваслаўнага манастыра Св. Духа (якія і геаграфічна знаходзіліся насупраць адзін аднога) на працягу амаль двух стагоддзяў увасабляла супрацьстаянне уніяцтва і праваслаўя ў Вялікім Княстве Літоўскім.

[66] *Фалімічы* — маёнтак у Рускім ваяводстве Каралеўства Польскага. Належаў Луцкім праваслаўным (з 1596 г. уніяцкім) епіскапам. Сёння — в. Фалімічы на тэрыторыі Валынскай вобл. Украіны.

[67] *Луцкая, альбо Луцка-Астрожска, епархія* аб'ядноўвала цэрквы Валынскага і часткова Рускага ваяводства Каралеўства Польскага. Негледзячы на тое што луцкі епіскап Кірыла Цярлецкі быў адным з ініцыятараў заключэння Брэсцкай уніі ў 1596 г., за права валодання Луцкай кафедрай праваслаўныя і уніяты змагаліся цэлае стагоддзе. Канчаткова стала уніяцкай у 1702 г.

[68] *Свіраны* — маёнтак на тэрыторыі Віленскага павета ВКЛ. Знаходзіўся ва ўладанні уніяцкіх мітрапалітаў. І. Вельямін-Руцкі перадаў яго ва ўладанне Віленскаму манастыру Св. Тройцы (гл. спасылку ніжэй). Сёння не існуе, на яго месцы — в. Савічуны (Savičiunai) Вільнюскага р-на Літоўскай Рэспублікі.

[69] *Трыбунал Вялікага Княства Літоўскага* — вышэйшы апеляцыйны суд ВКЛ. Створаны ў 1581 г. Сесіі Трыбунала — кадэнцыі — з 1588 г. адбываліся штогод у Вільні і папераменна праз год у Наваградку і Менску.

[70] 6-я кангрэгацыя базыльянскага ордэна адбылася ў Вільні 21 ліпеня — 3 жніўня 1636 г. На 11-й сесіі (1 жніўня) была пацверджаная замена маёнтка Рута, які Руцкі папярэдне адпісаў Віленскаму манастыру Св. Тройцы, на маёнтак Свіраны. З гэтага часу Рута адыходзіла ва ўладанне уніяцкіх мітрапалітаў — наступнікаў Руцкага. Свіраны аддаваліся манастыру.

жонои панеи Ганне Рутскои Мартиновои Тупалскои[71] | внеслом тры тисѧчы золотых полских на тые фолварки, которꙋю тры тисѧчы | золотых тым писмом ѡстатнее воли моее ствержаю и прыхылѧючы сѧ | до тых записов, которые на тые фолварки ꙋчынены сут такъ мети по смерти моеи, иж || наступник мои митрополита, заехавшы маетност Рꙋту и с тыми фолварками | мает помененои сестре взглѧдомъ трох тисѧчеи золотых записаных, по | трыста золотых полских на каждыи рок до смерти ее давати, а по смерти ее сы|нови ее Адамови Мартиновичу Тꙋпалскому[72] то належати будет, а похочет ли ѡнъ | взѧти тую всю сумꙋ п(е)н(ѧ)зеи тры тисѧчы золотых и на большыи ѧкии пожыток | свои ѡбернути, то повинен будет наступник мои митрополита тую всю сумꙋ | до рук его ѡтдати без жадного запозву и затрудненѧ, а то под зарꙋкою тое ж сꙋ|мы трох тисѧчеи золотых ѡ што позвати емꙋ волно будет настꙋпника моего | до ѧкого бы хотел сꙋдꙋ и права, а тот суд на тых фолваркахъ ѡтправу ꙋчынити мает. А поме|ненаѧ сестра моѧ и потомкове ее так до имени дедичного Руты, ѧко и до фолварковъ ку|пленых и прыкупленых, также и до заставныхъ, и нихто инныи жадного прысту|пꙋ не мает и не бꙋдет мочы вечными часы. Кгдыжъ то все ѡт мене на митро|полию надано ест вечными часы, што и тым ѡстатнее воли мое записом потвержаю. | А если бы сестра моѧ, або хто колвек именем ее за волею и ведомостю ее ѧкую | колвек трудност в том роспораженю моемъ чынити хотела або хотелъ, мѧнуючы | же зречене за посагъ ее ꙋчынено не ест, теды тымо самым тратити мает тот цыншъ[73] | дожывотныи по трыста золотых взглѧдомъ трох тисѧчеи помененых, также и сын | ее Адам если бы ѧ до того ж ѧким колвек способом прывезал ѡтпадати маеть ѡт тых | трох тисѧчеи золотыхъ, ему ѡт мене записаных, а митрополита правом ѡборонит|сѧ и волным зостанет, то ест же ее, сестрꙋ мою, дошол зꙋполна посагъ не толко во|длуг тестаментꙋ ѡтца моего, которыи пры иншыхъ справахъ на имене Рꙋты и што | колвек до нее належыт, ест в заведываню ꙋ иконома[74] митрополего ѡтца Евста|хиѧ Пешковского[75], але и добре болшъ того и взглѧдом того посагу, взѧтого ѡт нее, | записано ест еи ѡт малжонка ее п(а)на Мартина Тупалского имене Петрыковичы[76], в повѣте | Минскомъ[77] лежачое, выимуючы в третюю част имен своих, которые тот пан Тꙋпалскии, | муж ее, на розных местцах на ѡн часъ мел, и ѡна, сестра моѧ, тым именемъ Пе|трыковичами диспоновала[78], записавшы правными записами так с(ы)нови, ѧко и | дочкам своим певные сумы п(е)н(ѧ)зеи, внесъшы их на тое жъ имене свое Петрыковичы | и четвертаѧ част Рꙋты, с которое водлуг права еи и другои сестре

[71] *Вельямінаўна-Руцкая Ганна* — родная сястра мітрапаліта Іосіфа. Выйшла замуж за ўладальніка суседняга з Рутай маёнтка Тупалы шляхціца Марціна Тупальскага.

[72] *Тупальскі Адам Марцінавіч* — пляменнік мітрапаліта Іосіфа, сын яго сястры Ганны.

[73] *Цынш (чынш)* (ад лацінск. *census* — перапіс) — грашовая рэнта, адна з асноўных форм феадальнай зямельнай рэнты — аброку.

[74] *Иконом (економ)* — аканом, упраўляючы маёнткам.

[75] Асоба не ідэнтыфікавана.

[76] *Петрыкавічы* — маёнтак на тэрыторыі Наваградскага павета ВКЛ. Сёння — в. Петрыкі Карэліцкага р-на Гродзенскай вобл.

[77] *Менскі (Мінскі) павет* — адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў складзе Менскага (Мінскага) ваяводства Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVIII стст. У яго межах знаходзіліся г. Менск (Мінск) (цэнтр), мястэчкі Івянец, Ігумен, Койданава, Лагойск, Плешчаніцы, Свіслач і інш. і прылеглыя да іх тэрыторыі. Мітрапаліт дапусціў апіску: Петрыкавічы знаходзіліся на тэрыторыі Наваградскага павета, побач з маёнткам Рута.

[78] *Диспоновать* (старабеларуск.) (ад лацінск. *dispono* расстаўляць, размяшчаць) — распараджацца.

моеи и ее рожонои | п(а)неи Настазыи Рутскои Василевои Юражынои[79] посаг и выправа быти мела не выно|сит так мною, ꙗкъ тые ѡбедве сестры посагу взꙗли, рахуючы Рȣту, ꙗко ее ѡтец | наш держалъ и мне зоставилъ. А прыкупли мои сут до которых жаднаꙗ сестра | права не мает и длꙗ того старшаꙗ сестра, помененаꙗ Настазыꙗ, зречене ȣчынила. | А што тепер тымъ писмом моим ест и с(ы)нови еи записую то не за посагъ, а ни з жа|дное повинности, але з милости своеи кȣ неи и с(ы)нови ее записую. И то так сꙗ розумети мает, || если за жывота своего еи або с(ы)нови ее тое сумы п(е)н(ꙗ)зеи не ѡтдам и квитацы | ѡт него або ѡт нее не ѡдержȣ зараз теды по смерти моеи имене Рȣту и с фолвар|ками также и со всим тымъ, што до нее належыт, заехат мает д(у)ховенство нашое | Новгородское. Если бы его м(и)л(ост)ѡтецъ еп(и)с(ко)пъ Пинскии, коадютор митрополии, при|быти так прудко не моглъ и держати до прыездȣ его, а скоро прыедет, емȣ по|дати мает, чого жебы досмотрел ѡтецъ икономъ звыш реченыи, пильне прошу. | А з возным[80] заехавшы до книгъ[81] зараз же подат. |

В маетностꙗх митрополих за консенсом[82] королꙗ Его М(и)л(ости) ȣчынилом такое спорꙗжене | видꙗчы ꙗ иж именье Шешолы[83] ѡт славное памꙗти кнꙗзꙗ Константина Ива|новича Ѡстрогского[84] на митрополию фундованое за антецессоров[85] моих митро|политовъ, впрод Девочки[86], а потом Рагозы[87] за недозоромъ або незычливости | тых, которым то порȣчено было так в розерванье прышло под покрывкою ро|вного делȣ з иными ȣчастниками того именꙗ, же дробными шматками ми|трополите досталосꙗ, и далеко ѡдин шмат ѡт другого на колконадцат мил и в ро|зных поветех, где подчас болшъ росходȣ было нижъ прыходȣ, боронечы ѡт | жолнеров и правом з суседми чынꙗчы, продалъ есми тые шматки розным | ѡсобом стану шлꙗхецкого, што кому прылегло было на вечност и взꙗл есми | сумму пꙗтдесꙗт тисꙗчеи золотых польских, которȣю всю помененую сумму | далъ есми его м(и)л(о)сти Крыштофови Ходкевичови[88], каштеллꙗнови на | ѡнъ час троцкому на имене его м(и)л(ости) Турец[89] в повѣте Новгородском лежачое певным | контрактомъ, ꙗко то на листех ѡт его

[79] *Вельямінаўна-Руцкая Анастасся* — родная сястра мітрапаліта Іосіфа. Выйшла замуж за шляхціца Васіля Юрагу.

[80] *Возны* — судовы выканаўца.

[81] *Подат до книг* — занесці ў актавыя кнігі земскага альбо гродскага судоў (так званы працэс *актыкацыі* — надання дакументу юрыдычнай сілы). Дадзены тастамент быў актыкаваны 7 красавіка 1637 г. у Наваградскім гродскім судзе. Але арыгіналы актавых кніг Наваградскага гродскага суда за 1637 г. не захаваліся.

[82] *Консенс* (старабеларуск.) (ад лацінск. *consensio* — згода, адзінадумства) — дазвол, згода.

[83] *Шашолы* — маёнтак у Віленскім павеце ВКЛ. У 1522 г. падараванае князем Канстанцінам Астрожскім (гл. спасылку вышэй) праваслаўным кіеўскім мітрапалітам. Сёння — м. Шашолы (Šešuolai) Укмергскага р-на Літоўскай Рэспублікі.

[84] *Астрожскі Канстанцін Іванавіч* (1460–11.09.1530) — князь, брацлаўскі і вінніцкі староста, троцкі ваявода, вялікі літоўскі гетман (1497–1530). Апякун праваслаўнай царквы ў ВКЛ.

[85] *Антецессор* (старабеларуск.) (ад лацінск. *antecedo* ісці наперадзе) — папярэднік.

[86] *Дзявочка Анісіфар* (? — 1592 (1594?) — кіеўскі мітрапаліт (1579–1589). У 1589 г. канстанцінопальскі патрыярх Ерамія ІІ адхіліў яго ад пасады за амаральны лад жыцця.

[87] *Рагоза Міхал* (? — 1599) — кіеўскі мітрапаліт (1589–1599). У 1596 г. падпісаў акт Брэсцкай уніі.

[88] *Хадкевіч Крыштоф* (? — 03.10.1652) — вялікі харужы ВКЛ (1611–1623), канюшы ВКЛ (1623–1633), троцкі (1633–1636) і віленскі (1636–1642) кашталян, віленскі ваявода (1642–1652), гарадзенскі, бабруйскі і крэўскі староста, беліцкі і вішнеўскі дзяржаўца.

[89] *Турэц* — мястэчка ў Наваградскім павеце ВКЛ. Сёння — в. Турэц Карэліцкага р-на Гродзенскай вобл.

м(и)л(ости) мне даныхъ и признаныхъ ѡпи|сано е*ст*, за которꙋю суму жебы мае*т*но*ст* ꙗкаꙗ вкупе на митрополию ку|плена была, мети хочу што жебы тымъ лацне*и* до скут-ку прышло еѯекꙋ|то*р*ми[90] тое справы мꙗнную и жебы длꙗ милости Божое того сꙗ не зб|ронꙗли пилне прошу и*х* м(и)л(о)сте*и* п(а)новъ превелебно*го* в Бозе его м(и)л(ост) ѯендза | Ю*р*ꙗ Ти*ш*кевича[91], бискупа Жомо*и*тско*го,* и е*го* м(и)*л*(ост) ѡ*т*ца А*н*тониꙗ Селꙗвꙋ[92], а*р*хие|п(и)с(ко)па Поло*ц*кого, а з стану свецко*го* ве*л*мо*ж*ного его м(и)л(ост) п(а)на Миколаꙗ Трызнꙋ[93], | по*д*ска*р*бего зе*м*ского[94] Ве*л*(икого) Князства Ли*т*(овского), которы*х* и*х* м(и)л(о)сте*и* и повторе ꙋни|жене прошу жебы наступнику моему митрополиту помочными бы*т* ра|чыли ꙗко бы таꙗ сума ѡ*т* его м(и)л(ости) п(а)на (каштеляна) виле*н*ского[95] всꙗ сполна ѡдыскана | была, а за нее способомъ звышъ писанымъ име*не* на митрополию куплено. | А и*ж* фу*н*дато*р*[96] того именꙗ Шешо*л* вложы*л* тежа*р* на митрополиту, жебы | пры це*р*кви собо*р*(нои) Виле*н*ско*и* Пречыстое Б(огороди)цы[97] ховали[98] дву*х* с(вꙗ)ще*н*никовъ и пры ни*х* диꙗкона, ꙗко то шыре*и* в фу*н*дꙋшу та*к* лати*н*скомъ, ꙗко и рꙋско*м,* | которые в монастыры Виле*н*скомъ С(вꙗ)тое Жывона*ч*(алное) Тро*и*цы в схова*н*ю су*т* опи|сано е*ст*, што хотꙗ ж ѡ*т* давны*х* часовъ ховано не было, ѡднак же жебы на | су*м*не*н*ю моимъ то не зоставало наступника моего митрополита пильне прошу || жебы с ты*х* петидесꙗ*ти* тисꙗче*и* золоты*х* то, што ѡт десꙗ*ти* тисꙗче*и* пожы*т*ку | прыходити буде*т* абы зъ име*н*ꙗ купленого доходовъ с пꙗтое части два с(вꙗ)ще*н*|ники, трети*и* диꙗко*н*, ꙋставни*к*[99] и панама*р* пры це*р*кви собо*р*но*и* Виле*н*ско*и* ховани были | та*к* же школа рꙋскаꙗ пры це*р*кви собо*р*но*и* жебы была и страва ѡбмышлена была | на двух клирыковъ руски*х*, которые бы до шко*л* ходи*ли* и ꙋчылисꙗ ꙗзыка лати*н*ского | и и*н*-шыхъ наꙋкъ, але жебы пе*р*ве*и* речы рꙋские умели, то е*ст* речы це*р*ковные, с(вꙗ)тымъ | ѡбовꙗзко*м*, жебы на ста*н* духо*в*ны*и* пос(вꙗ)ти*в*шысꙗ на ме*ст*ца и*н*ны*х* та*к* диꙗконо*в*, ꙗко и | с(вꙗ)щеннико*в* це*р*кви собо*р*ное Виле*н*ское наступова*ли* любо то давны*х*, которы*х* на то*т* часъ | е*ст* чотыры и мают опатренꙗ свои, любо на фундацыю мою теперешнюю. А зычу то*го* | ве*л*це жебы тые с(вꙗ)ще*н*ницы и диꙗко*н*, а поготовю клирыки, которы*х* ꙗ фу*н*дꙋю а мо*ж*|на ли ꙋста*в*ни*к* и панама*р* безже*н*ными были и сто*л* ѡбщы*и* мели, та*к*же и мешъ|ка*не* длꙗ ни*х* жебы збꙋдованое было або ве дворе митрополи*м* пры це*р*кви

[90] *Еѯекутор (экзекутар)* — душапрыказчык.

[91] *Тышкевіч Юры* (? — 1656) — жамойцкі каталіцкі епіскап. З 1649 г. віленскі каталіцкі епіскап.

[92] *Сялява Антоній* (свецкае імя Анастасій) (1583(?)–1655) — уніяцкі царкоўны дзеяч. З 1622 г. архімандрыт манастыроў: Св. Тройцы ў Вільні, у Навагрудку і Жыдзічыне. З 1624 г. полацкі архіепіскап. З 1639 г. генеральны вікарый Кіеўскай мітраполіі. У 1641–1655 гг. мітрапаліт кіеўскі, галіцкі і усёй Русі. У дакуменце памылкова — *Селявы*.

[93] *Трызна Мікалай Рыгоравіч* (? — 10.10.1640) — з 1608 г. слонімскі падкаморы. У 1623–1635 гг. кухмістр ВКЛ. У 1635–1640 гг. земскі падскарбі ВКЛ.

[94] *Земскі падскарбі* — службовая асоба ў ВКЛ. У абавязкі ўваходзіла вядзенне ўліку крыніц дзяржаўных даходаў, збор і выдаткаванне дзяржаўнага скарбу, эмісія манет, прызначэнне мытнікаў і зборшчыкаў падаткаў, правядзенне рэвізій. З’яўляўся членам Сената Рэчы Паспалітай.

[95] Маецца на ўвазе той жа *Крыштоф Хадкевіч* (гл. спасылку вышэй), які ў 1636 г. з’яўляўся ўжо віленскім кашталянам.

[96] *Фундатар* — асоба, якая ахвяруе маёмасць на карысць установы (як правіла, духоўнай — царквы, манастыра, касцёла і г. д.). Пад фундатарам тут маецца на ўвазе князь Канстанцін Іванавіч Астрожскі.

[97] *Віленскі сабор Успення Багародзіцы* быў заснаваны паводле фундуша князя Канстанціна Іванавіча Астрожскага ў 1522 г., які запісаў на яго ўтрыманне маёнтак Шашолы (гл. спасылку вышэй). Пры саборы знаходзіўся двор (рэзідэнцыя) кіеўскіх мітрапалітаў.

[98] Тут у сэнсе — *утрымлівалі*.

[99] *Уставник* (старабеларуск.) — царкоўны служка (дзячок альбо панамар).

С(вѧ)тое Б(огороди)цы | або напротивко церкви и двора на кгрунтахъ церковныхъ заплатившы будованѧ тым, | што сѧ на тых кгрунтах церковных побудовали, до того село Жеремец[100] на тую *ж* церковъ | С(вѧ)тое Пречыстое фундованое а ѡт мене коштом моимъ часовъ недавных ѡдысканое, въ повѣте Ѡршанскомъ[101] лежачое, належати будет также и даток вечныи зъ именьѧ Здете|ли[102], в повѣте Слонимском[103] лежачого, ѡт кн(ѧ)зеи их м(и)л(о)стеи Ѡстрогских[104] фундованаго и знову ѡтнѧ|того, што часовъ недавных правом ѡдыскалом и ѹже ѡт колку лет ѡт держачого того именѧ | тот доход идет, а на тот часъ ѡт мене с(вѧ)щенникови спаскому, которыи пры церкви соборнои | ве дворе митрополим мешкает на диѧка до далшого спорѧженѧ позволеныи ест. Наконец | част именѧ Шешолского фолварок Антакгребосты[105] названыи, где двор митрополи, до кото|рого вси тые частки ѡт мене проданые належали, стоит и пашнѧ дворнаѧ, ѧкую митрополи|та в том именю Шешолском мелъ зъ сеножатми и селцами прылеглыми тому дворови | въ ѡбрубе певном бѹдучыми ѧко то в листе коммисарскомъ ѡписано и ѡграничоно естъ, | а мѧновите селце Серкгутаны, а другое Бернутаны, Милюнишки, Кгалюнишки, Вимонты и Ви|монтеле[106] влок ѡселых и пустых трыдцат семъ, с которых подданых идет цыншу копъ[107] трыд|цат чотыры и гр(ошы) 24, дѧкло[108] жытом, ѡвсом, куры, гуси, ѧица, сено, дрова и робота водлуг | ѹставы ѡт мене даное, што на тот часъ в заставе было ѹ п(а)на Веиштера[109] и ѹ п(а)на Качанов|ского[110], а позволено ест ѡт мене выкупити слузе моему п(а)ну Адамови Козминскому[111], кото|рому если позволене будет на дожывоте ѡт ѡтца с(вѧ)того пры тому дожывотю зостават будет | а по жывоте его сума трохъ тисѧчеи золотых, в которых тот фолварок ѡт мене ѡсобом | помененым заставленыи

---

[100] *Жарамец* — маёнтак у Менскім павеце ВКЛ (сёння на тэрыторыі Бярэзінскага р-на Мінскай вобл.) Належаў князям Друцкім-Горскім. З 1506 г. — ва ўласнасці кіеўскіх праваслаўных (з 1596 г. уніяцкіх) мітрапалітаў.

[101] *Аршанскі павет* — адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў складзе Віцебскага ваяводства Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVIII стст. У яго межах знаходзіліся гарады Орша (цэнтр), Магілёў, Барысаў, мястэчкі Быхаў, Бялынічы, Друцк, Дуброўна, Лукомль, Шклоў і інш. і прылеглыя да іх тэрыторыі. Мітрапаліт дапусціў апіску: Жарамец знаходзіўся на тэрыторыі Менскага павета.

[102] *Здзяцел* — мястэчка ў Слонімскім павеце ВКЛ. Сёння — г. Дзятлава, раённы цэнтр Гродзенскай вобл.

[103] *Слонімскі павет* — адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў складзе Навагрудскага (Наваградскага) ваяводства Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVIII стст. У яго межах знаходзіліся г. Слонім (цэнтр), мястэчкі Азярніца, Здзяцел, Івацэвічы, Косава, Моўчадзь, Ражаны і інш. і прылеглыя да іх тэрыторыі.

[104] *Астрожскія* — буйны княжацкі род. Апекуны праваслаўнай царквы ў ВКЛ. Найбольш вядомыя прадстаўнікі: Канстанцін Іванавіч (1460–1530), віленскі кашталян з 1511, троцкі ваявода з 1522, ахвяраваў праваслаўнай царкве шматлікія маёнткі, у тым ліку Шашолы і Свіраны (гл. спасылкі вышэй); Канстанцін Канстанцінавіч (1527–1608), заснавальнік Астрожскай праваслаўнай друкарні, праваслаўных школ у Тураве і Слуцку, праціўнік уніяцтва, свецкі патрон і, фактычна, кіраўнік усёй праваслаўнай супольнасці ВКЛ і Каралеўства Польскага.

[105] Сёння гэты населены пункт не існуе. Тэрыторыі, на якіх ён знаходзіўся, уваходзяць у склад Укмергскага р-на Літоўскай Рэспублікі.

[106] Наконт пералічаных населеных пунктаў гл. папярэднюю спасылку.

[107] *Капа* (старабеларуск. *копа*) — адзінка ліку ў Вялікім княстве Літоўскім. Раўнялася 60 штукам.

[108] Прадуктовая рэнта за зямельны надзел.

[109] Асоба не ідэнтыфікавана.

[110] Тое ж самае.

[111] Тое ж самае.

е*ст* с тое *ж* фу*н*дацыи моее теперешнее жоне и дете*м* его ѡ*т*дана | бы*ти* мае*т* и та*к* то*т* фо*л*варо*к* со всими прыналежностꙗми своими пры ты*х* служыте|ле*х* це*р*кви собо*р*ное Виле*н*ское ѡ*т* мене тепе*р* ново фу*н*дованы*х* вечными часы зоста|ва*ти* мае*т,* а жебы то порꙗ*д*не шло дозо*р* и*х* м(и)л(ос)тꙗмъ наступнико*м* мои*м* митрополи|то*м* належати буде*т*. До тое *ж* новое фу*н*дацыи моее належати мае*т* и фундацыꙗ кнꙗ|зе*и* Пи*н*ских сорока куницъ зъ села Вида[112] на церковъ собо*р*ную Виленскую С(вꙗ)тое Б(огороди)цы, ѡ*т* ни*х* || фу*н*дованаꙗ. Которы*и* фу*н*ду*ш* и ко*н*фи*р*мацыꙗ е*го* межы справами митрополими е*ст* | старале*м* сꙗ ꙋ кнꙗжати Збара*ж*ско*го*[113], старосты[114] Пи*н*ского, жебы добрыми способа*ми* | бе*з* права доси*т* ꙋчыни*л*, до чого зда*л* сꙗ бы*т* скло*н*ны*м* и икономъ его, але поме*р*ли ѡни | и ничого сꙗ не стало, потреба буде*т* проси*ти* теперешне*го* п(а)на старосты, хотꙗ *ж* бы и | ꙋпевни*ти* его же до жывота своего зажыва*ти* того буде*т*, ѡ што все их м(и)л(о)сте*и* вы|ше*и* помененых а мои*х* ве*л*це м(и)л(о)стивы*х* п(а)но*в*, которыхъ и милости кꙋ хвале Божо*и* | и ласце ку собе добре*м* е*ст* ведо*м* ꙋнижене прошу жебы за стара*н*емъ и помочъю | и*х* м(и)л(о)сте*и* до скутку прышло ѡ*т* п(а)на Бога в нинешне*м* и в прышло*м* веце певнаꙗ, а | неѡмы*л*наꙗ заплата буде*т*, а ꙋ веко*в* пото*м*ны*х* ве*ч*наꙗ слава, а ты*м* бо*л*шаꙗ, иж спра|вы це*р*кви н(а)шое Рꙋское ѡ*т* стано*в* бо*л*шы*х* або жа*д*ное помочы не мают*,* або мало ꙗкую, | а пред сꙗ ѡ*д*на то Божаꙗ це*р*ков и за тые дꙋшы таꙗ ж на*и*доро*ж*шаꙗ кровъ Х(ристо)ва вы|лꙗна е*ст* и длꙗ то*го* великую заслугꙋ мае*т* ꙋ п(а)на Б(ог)а, которы*и* коло нее працꙋе*т* имъ | бо*л*шъ ѡпꙋщона и занедбана е*ст* мало не ѡ*т* всих*.*

Мае*т*но*ст*, которую продають | и добры*и* з нее пожыто*к* может быт ведома е*ст* его м(и)л(ости) ѡ*т*цу а*р*хиеп(и)с*к*(о)пови По|лоцкому, е*ст* тежъ и такѡи, которы*и* хоче*т* дати гроше*и* иле досыть буде*т* на вечно*ст* | только бы мелъ варꙋно*к* на выде*р*женье тое сумы, только *ж* же таꙗ мае*т*ность | тепе*р* в заставе и мои те*ж* п(е)н(ꙗ) зи до дву*х* ле*т* даны су*т*, то е*ст* до 1638 року его | м(и)л(ости) п(а)ну Виле*н*скому. |

Речы рухомые, кони, возы, золото, серебро, цына[115], медь, грошы если ꙗкие буду*т* ѡбликги[116] | и все тое, што сꙗ рꙋхомою ре*ч*ю названо бы*т* може*т*, все тое икономъ з ста*р*шымъ слугою | наступникови моему довоа*т* и ему ѡ*т*да*т* мае*т*, до *ч*о*го* жаде*н* с кро*в*ны*х* и блискихъ | права жадно*го* не маеть и ме*ти* не може*т*. Кгды ж ꙋсе тое за доходы це*р*ковное спра|вовано е*ст*, сребра, што е*ст* на келихи, на ѡправу Ева*н*гелии и на и*н*шые сосуды це*р*|ковные, та*к*же на рыпиды[117], которы*х* серебрены*х* не*т* тепе*р*, и на кади*л*ницу подоро|жнюю, а все тое в рызницы митрополе*и* до ꙋжыва*н*ꙗ на ме*ст*цꙋ и по дорогахъ | застава*т* мае*т*. Ѡ до*л*га*х* моих ѡте*ц* иконо*м* мо*и* добре ведае*т*, што пи*л*не | прошу жебы впере*д* вси*х* выда*т*ковъ заплачоно было на ꙋвольнене д(у)шы моее и кгды *ж* то до тыхъ же петидесꙗ*т* тисꙗче*и* золотыхъ в дохо*д* вечны*и* митрополито*м* прыло|жоно е*ст* и то если бымъ са*м* за жывота своего того не заплати*л*, ѡ што сꙗ стара*т*. | П(а)ну Миколаю Бокееви[118] сто копъ ѡ*т*дана бы*т* мае*т*, если я ее не ѡ*т*да*м*, хотꙗ*ж* не

---

112 Значэнне выраза і геаграфічная прывязка населенага пункта не ўстаноўлены.

113 *Збаражскі Юры* (? — 1631) — князь, кракаўскі кашталян, пінскі, сакальскі, жарнавецкі і вісліцкі староста. Выначаўся пабожнасцю, рабіў ахвяраванні на многія касцёлы і кляштары. І. Вельямін-Руцкі вёў з ім перамовы аб наданні фундушоў на патрэбы уніяцкай мітраполіі.

114 *Староста* — службовая асоба, якая трымала ў часовым уладанні буйны дзяржаўны маёнтак — староства.

115 *Цына* (старабеларуск.) — волава.

116 *Ѡбликг* (старабеларуск.) — распіска, абавязацельства.

117 *Рыпида (рипида)* — атрыбут набажэнства, у якім бярэ ўдзел архірэй (мітрапаліт, архіепіскап, епіскап). Уяўляе з сябе махала з выявай серафіма. Сімвалізуе анёльскія сілы.

118 *Бакей (Бакей-Данiслававiцкi) Мікалай* — шляхціц, які валодаў суседнім з Рутай маёнткам Даніслававічамі.

розумею жебым ему винен былъ, бомъ и справы продажы его именя его | Даниславовичъ[119] самъ през себе з затрудненемъ слабыхъ ѡчу своих перегледалъ, | сѹседови моему Иванови Куцевичови[120], которого две части именеиица его Куцовичъ[121] | п (а) ну Каспору Керсновскому[122], подсудкови[123] Новгородскому, заставлено было, а за позволенемъ | дедича[124] самого ѡт мене выкуплено ест, также и третее части его некоторые нивки, такъ || в моим держаню яко кѹ подданых моих сут прошу пилно жебы с тежаром д(у)шы моее | не было, кгды ж то ѹже не на моеи дѹшы, але на того, которыи то держати будет, | зостанет то певна иж до ѡсмидесятъ копъ заставы за што ми подданые по ѡсми | копъ на рок давали, прыдалом двадцат копъ, иншое давано ему на листки его, кото|рые сут ѹ ѡтца иконома, але не до всего ѡн знает ся, высадит бы приятеля штомъ | ня хотел, а заплатит ему вечност, а заплатившы пред се дати емѹ вольное на томъ | мешкане, на чом тепер мешкает, до смерти его, а то для того, жебы по ним не влезъ | хто неспокоины выматок тои, с чого бы трудност могла быт. П(а)номъ Ӣнухновичом[125] | прошу жебы дано сто золотых полских взглядом того, же родичы мои ѡт них дер|жали заставою сеножать, которую и я чотыры лета держал, и то на ѹволненье | д(у)шы моее и если то не будет досит чыненемъ, нех будет ялмужною. А ѡгулом взгля|дом маетности если бы ся заставами якими не слушными або яким колвек иншымъ | способом крывда кому стала, вси тые маетности, также грошы, которые побраломъ | за заставы, в досит учынене за то ѡтдалом част на митрополию, а част на монастыр | Виленскии и кѹпилом каменицѹ[126]. А въ ѡстатку нехаи ми пан Бог будет м(и)л(о)стивъ и ближние | мои еслим кого скрывдил або выступил противъ кому, жебы тежъ и имъ пан Богъ был | милостивымъ.

Писано в Рѹте все рѹкою моею властною. До чого пры печати моеи | и рѹку свою подписаломъ, просившы и иншых их м(и)л(о)стеи п(а)новъ приятелъ моихъ | ѡ прыложене печатеи и ѡ подписъ рук, которыхъ имена на подписах мянованы суть. | Лета от нарож(еня) С(ы)на Б(о)жого 1636 м(еся)ца ѡктебра 20 дня. | Іѡсифъ Вельямин Рутскии, митрополита | Киевскии и Всея Рѹси. (…)[127]

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі.
Ф. 531. Воп. 1. Спр. 161. Арк. 955–958 адв.

---

[119] *Даніслававічы* — родавы маёнтак Бакеяў, якія называліся Бакеямі-Даніслававіцкімі. Пасля набыцця Іосіфам Вельямінам-Руцкім гэтага маёнтка ён зрабіўся фальваркам у складзе маёнтка Рута. Сёння населены пункт з такой назвай не існуе.

[120] *Куцэвіч (Куцэвіч-Руцкі) Іван* — шляхціц, які валодаў суседнім з Рутай маёнткам Куцавічамі.

[121] *Куцовічы* — маёнтак у Навагрудскім павеце Належаў шляхціцам Куцэвічам. Сёння — в. Куцэвічы Карэліцкага р-на Гродзенскай вобл.

[122] *Кярсноўскі Каспар* (? — 1592) — падсудак Наваградскага земскага суда. Уладальнік маёнтка Гарадзея (?) у Наваградскім павеце.

[123] *Подсудок* (старабеларуск.) — судовая пасада, памочнік суддзі.

[124] *Дедич* (старабеларуск.) — спадчынны ўладальнік.

[125] *Янухновічы (Янухновічы-Руціцкія)* — шляхецкі род з Наваградчыны. Валодалі землямі побач з родавым маёнткам Вельямінаў Рутай (напрыклад, фальваркам Бабнева, які пазней быў таксама далучаны да ўладанняў уніяцкіх мітрапалітаў).

[126] *Каменица (камяніца)* (старабеларуск.) — каменны будынак.

[127] Фрагмент з подпісамі адсутнічае.

БРАТЫ ЯНУШКЕВІЧЫ І ТАВЯНІЗМ: СКЛАДАНЫЯ ШЛЯХІ ВЯЛІКАЙ ЭМІГРАЦЫІ

Жыццё і дзейнасць за межамі радзімы ўдзельнікаў паўстання 1830–1831 гг. усё часцей у апошні час трапляе ў поле ўвагі беларускіх даследчыкаў, і гэта невыпадкова. Практычна забытая ў савецкі час эміграцыя з Беларусі XIX ст. уяўляе практычна бязмежнае поле для даследаванняў, асабліва калі прыняць пад увагу, што ў яе складзе апынуўся самы вядомы польскамоўны паэт усіх часоў — Адам Міцкевіч.

Хваля эміграцыі з зямель былой Рэчы Паспалітай пасля паўстання 1830–1831 гг. не была першай. Кожны з яе падзелаў, затым паражэнне Напалеона I у 1812 г. таксама як вынік выклікалі эміграцыю пэўнай колькасці ўраджэнцаў Беларусі і Літвы. Аднак *пасьлялістападаўская хваля* вылучалася шэрагам паказчыкаў сярод іншых. Па-першае, яна была найбольш шматкольказнай — радзіму пакінула ад 8 да 10 тыс. былых паўстанцаў, з якіх 1500–1700 чал. паходзілі з беларуска-літоўскіх губерняў (Віленская, Віцебская, Гродзенская, Магілёўская, Мінская). Па-другое, яна была вельмі прадстаўнічай — у яе шэрагах апынуліся дэпутаты паўстанцкага Сейма і сябры Нацыянальнага ўрада, прадстаўнікі буйных магнацкіх і заможных шляхецкіх родаў, вядомыя дзеячы культуры, навукі і мастацтва і да т. п. Апрача таго, эмігранты вылучаліся сваёй актыўнасцю — імі былі створаны дзесяткі арганізацый з самымі рознымі мэтамі, выдадзены сотні перыядычных выданняў, літаратурных твораў і навуковых прац. Усё стала падставай для таго, што гісторыкамі гэтая хваля была названая *Вялікай эміграцыяй*.

З самага пачатку эміграцыі сярод былых паўстанцаў адбыўся раскол паводле прыкметы палітычных схільнасцяў. Гэты падзел быў закладзены яшчэ ў час паўстання, але не мог быць канчаткова аформлены з-за неабходнасці сумеснага вядзення барацьбы супраць расійскіх уладаў. У эміграцыі ж нішто не перашкаджала выкрышталізацыі супярэчнасцяў паміж асобамі з рознымі палітычнымі поглядамі. У выніку сярод эмігрантаў утварыліся два вялікія лагеры: дэмакратычны і кансерватыўны (арыстакратычны, манархічны, Атэль Ламбэр). Прадстаўнікі кожнага з іх вінавацілі сваіх апанентаў у паражэнні паўстання, вялі актыўную прапаганду, арганізоўвалі выпуск перыядычнай прэсы з мэтай зрабіць як мага большы ўплыў на сваіх суайчыннікаў і такім чынам павялічыць свой патэнцыял[1]. Але ніводная з эміграцыйных з'яў не выклікала такой вялікай увагі і не была так востра крытыкаваная як тавянізм і яго стваральнік Андрэй Тавянскі.

* * *

Андрэй Тамаш Міхал Караль Тавянскі (21.12.1798 ці 01.01.1799, маёнтак Анташвінец Віленскай губ. (пасля 1921 г. — у Літоўскай дзяржаве) — 13 траўня 1878 г., Швейцарыя), сын Якуба, памешчыка і чыноўніка, пісара Віленскага земскага суда, і Ізабэлы Памарнацкай, у канцы 1830-х гг. распрацаваў уласнае філасофска-сацыяльнае вучэнне ў межах каталіцтва, якое вылучалася містыцызмам і маральнасцю. У агульных рысах вядомы рэлігійны дзеяч Зыгмунт Шчэнсны Фялінскі акрэсліваў яго наступнымі словамі: *«Польшча атрымала высокае прызначэнне ў сям'і хрысціянскіх народаў, але адышла ад яго, страціўшы хрысціянскі дух, з-за чаго сышла з наканаваных ёй Вышэйшай воляй гістарычных дарог. Як кару за нявернасць Бог аддаў яе ў ярмо няволі, якое не скінуць*

[1] Гл.: Kalembka S. Wielka Emigracja. 1831–1863. Wyd. II. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003. 434 s.; Gadon L. Emigracja polska. Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. T. 1–3. Kraków, 1901–1902; і інш.

аніякія яе адчайныя кіданні, пакуль не апаматаецца, не папросіць прабачэння ў Бога і не вернецца на пакінутыя шляхі свайго нацыянальнага прызначэння»[2].

У 1840 г. Тавянскі пакінуў Літву і праз Познань прыбыў у Парыж. Тут ён пачаў распаўсюджваць свае ідэі сярод эмігрантаў. Адным з першых і самым аўтарытэтным чалавекам, якога яму ўдалося далучыць да сваёй справы, быў А. Міцкевіч. Менавіта дзякуючы гэтаму сярод яго прыхільнікаў у далейшым была вялікая колькасць ураджэнцаў беларуска-літоўскіх зямель — Стэфан Зан (брат Тамаша), Фелікс Уратноўскі, Рамуальд Гедройц, браты Яўстах і Рамуальд Янушкевічы і інш. Свае асноўныя ідэі А. Тавянскі публічна абвясціў 27 верасня 1841 г. на набажэнстве ў саборы Парыжскай Божай Маці, а затым у сваёй брашуры *«Размова»* (пол. *«Biesiada»*).

У 1842 г. са сваіх прыхільнікаў Тавянскі заснаваў у Парыжы Кола Божай Справы. Структурна яно падзялілася на *сямёркі*, на чале кожнай з іх стаяў *вартаўнік* (*stróż*). Усе прыхільнікі тавянізму называлі адзін аднаго *братам* ці *сёстрой* (у залежнасці ад полу) і маглі збірацца як асобнымі сямёркамі, так і ўсе разам. У 1842 г. французскія ўлады выдалі распараджэнне аб выдаленні Тавянскага з тэрыторыі Францыі. Кароткі час ён жыў у Брусэлі, а затым перабраўся ў Швейцарыю, адкуль кіраваў Колам. Яго намеснікам у Парыжы застаўся А. Міцкевіч. З таго часу тавянчыкі пачалі называць Тавянскага *Майстрам*, а яго вучэнне *Справай*. З цягам часу дэспатычны спосаб кіравання Колам пачаў выклікаць у яго сяброў незавальненне. У выніку 21 траўня 1846 г. у ім адбыўся раскол. Група з больш чым дваццаці сяброў на чале з Міцкевічам напісала лісты кожны асобна да Тавянскага, у якіх абвясцілі сваё непадпарадкаванне яму, а 30 лістапада гэтага ж года яны сабраліся ў месцы жыхарства Міцкевіча, дзе падпісалі *Акт заснавання асобнага Кола*. Пераважную большасць гэтай групы складалі ўраджэнцы беларуска-літоўскіх зямель, сярод якіх бясспрэчным аўтарытэтам генія і настаўніка карыстаўся Міцкевіч. Яе апошняе пасяджэнне адбылося ў сярэдзіне снежня 1847 г. Група прыхільнікаў Тавянскага заставалася аддана *Майстру* да канца жыцця, але не мела ўжо ўплыву на эміграцыю і рэзанансу сярод яе[3].

* * *

Янушкевічы (Мерла-Янушкевічы) (Januszkiewicz ці Merło-Januszkiewicz) герба *«Любіч»* — небагатыя шляхецкі род Мінскай губерніі Міхал (нар. 26.01.1772, хр. у Пружанскім касцёле — пам. 14.02.1826, маёнт. Дзягільна Мінскага пав.) — сын Тамаша (нар. 28.02.1733) Янушкевіч служыў генеральным рахункаводам валоданняў князёў Міхала, віленскага ваяводы, і Дамініка, падкаморага літоўскага, Радзівілаў. 14 ліпеня 1794 г. ад Тадэвуша Касцюшкі ён атрымаў патэнт на чын падпалкоўніка войскаў Рэчы Паспалітай. 23 снежня 1802 г. у Віленскім дваранскім дэпутацкім сходзе (далей — ДДС) ён атрымаў прызнанне ў правах расійскага дваранства. На пачатку XIX ст. ён ажаніўся з Тэкляй Сакалоўскай (каля 1788 — 11/23.10.1860), у шлюбе з якой нарадзілася чацвёра сыноў: Адольф Міхал Валерыян (03.04.1804–06.06.1857), Яўстах Напалеон Севярын (ці Станіслаў) (нар. 19.11.1805), Рамуальд Цэзар Міхал (нар. 30.05.1812), Януары-Ян-Фердынанд (нар. 30.01.1816) — і дзве дачкі — Зоф'я, у шлюбе Пясецкая, і Касільда, у шлюбе Канткоўская. 20 жніўня 1820 г. у Віленскім ДДС Міхал дамогся пацверджання ў дваран-

[2] Feliński Z.-S. Pamiętniki / opr. E. Kozłowski. Warszawa: Instytut Wydawnictwa Pax, 2009. S. 229.

[3] Пра дзейнасць і вучэнне А. Тавянскага гл: Szpotański S. Andrzej Towiański: Jego życie i nauka. Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1938. 295 s.; Makowiecka Z. Brat Adam // Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Maj 1844 — grudzień 1847. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975. 519 s.; Kalembka S. Wielka Emigracja. 1831–1863. Wyd. II. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003. S. 271–286; і інш.

стве сваіх сыноў. 26 красавіка 1821 г. у Вільні ён разам з жонкай ад Міхала Залескага, пракуратара Масы княгіні Стэфаніі Радзівіл, атрымаў дакумент на права спадчыннага валодання маёнткам Дзягільна Мінскага павета, а праз некалькі гадоў быў абраны межавым суддзёй Мінскага павета.

20 лістапада 1828 г. Яўстах падаў у Мінскі ДДС дакументы на пацверджанне далучэння да роду сябе і братоў. З іх вынікае, што ў 1828 г. Адольф жыў у Камянец-Падольскай губерніі, дзе быў абраны дэпутатам 2-га дэпартамента Галоўнага суда; Яўстах, скончыўшы Віленскі універсітэт са ступенню кандыдата абодвух правоў, служыў у канцылярыі віленскага грамадзянскага губернатара і там атрымаў чын калежскага сакратара; Рамуальд, скончыўшы Віленскі універсітэт са ступенню актуальнага студэнта абодвух правоў, служыў у 1-м дэпартаменце Галоўнага суда Мінскай губерніі і атрымаў там чын чыноўніка 12-га класа; Януарый, які пачаткова вучыўся ў Слуцкай гімназіі, працягваў вучобу ў Віленскай гімназіі[4]. Практычна ў такім стане браты Янушкевічы сустрэлі паўстанне 1830–1831 гг., якое перавярнула ўсё іх папярэдняе жыццё.

Адольф браў удзел у паўстанні 1830–1831 гг. у якасці сябра камітэта Літоўска-Валынскага легіёна, затым атрымаў чын падпаручніка і служыў у конным легіёне. У адным з баёў ён быў некалькі разоў паранены і трапіў у палон да расійскіх войскаў. Рашэннем ваеннага суда ён быў прысуджаны да смяротнага пакарання, але паводле канфірмацыі ад 27 лютага 1832 г. яно было замененае на ссылку ў Сібір. З 1832 да 1856 г. ён жыў у розных месцах Сібіры і Сярэдняй Азіі; у 1856 г. атрымаў дазвол і вярнуўся на радзіму, аднак ужо будучы смяротна хворым. Менш чым праз год пасля вяртання ён памер у маёнтку сваёй маці[5].

Януарый з прычыны малых гадоў не ўдзельнічаў у паўстанні. У выніку з усіх братоў ён быў адзіным, хто застаўся пасля паўстання на радзіме. Намаганнямі яго, а таксама маці і сясцёр, маёнтак Дзягільна так і не быў канфіскаваны расійскімі ўладамі і застаўся ў валоданні Янушкевічаў. Яго нашчадкі атрымалі пацверджанне дваранства ў Герольдыі Сената і шырока рассяліліся па Мінскім павеце[6].

Яўстах і Рамуальд пасля паўстання назаўжды пакінулі радзіму.

* * *

Яўстах (Eustachy) Янушкевіч нарадзіўся ў в. Прусы Слуцкага павета Мінскай губерніі Апрача вышэй пададзеных звестак, варта дадаць, што пачаткова ён вучыўся ў дамініканскім вучылішчы ў Нясвіжы, адкуль перавёўся ў Віленскую гімназію. У Віленскім універсітэце ён вывучаў права, слухаючы сярод іншага лекцыі па гісторыі Іаахіма Лялевеля. Пасля яго заканчэння, з 1825 г., распачаў юрыдычную практыку, а з 1829 г. працаваў у Камісіі Радзівілаўскай масы, якая займалася ўпарадкаваннем спадчыны Дамініка Радзівіла. У гэты ж час ён рэдагаваў *«Віленскую Газету»* (*«Dziennik Wileński»*).

Падчас паўстання 1830–1831 гг. ён звязваецца са змоўшчыкамі ў Вільні і з інструкцыямі ад Цэнтральнага Віленскага камітэта быў высланы ў Ашмяны да мясцовых арганізатараў выступлення. Пасля пачатковых удач паўстанцаў і захопу імі Ашмянаў Яўстах быў высланы ў Валынскую губерню з пашпартам на імя Антона Прабоўскага. З-за пагрозы арышту

---

4 Радаводную справу роду Янушкевічаў гл.: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей — НГАБ). Ф. 319. Воп. 2. Спр. 3756.

5 Гл.: Januszkiewicz E., Wrotnowski F. Żywot Adolfa Januszkiewicza i jego listy ze stepów kirgizkich. Berlin; Poznań, 1861.

6 НГАБ. Ф. 319. Воп. 2. Спр. 3756. Пра спробы канфіскацыі гл.: НГАБ. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 591. Справа аб канфіскацыі часткі маёнтка Дзягільна Мінскага павета памешчыка Янушкевіча за ўдзел у польскім паўстанні 1831 г. 21.08.1837–23.06.1839.

ён вымушаны быў перабрацца ў аўстрыйскую Галіцыю, адкуль яму ўдалося прыбыць у Варшаву. Тут 24 ліпеня 1831 г. ён паступіў падпаручнікам у 2-і полк кракавянаў, затым выконваў абавязкі кіраўніка штаба корпуса генерала Самюэля Ружыцкага. Ратуючыся ад пагрозы поўнага разгрому, гэты корпус 26 верасня 1831 г. перайшоў Галіцыю[7]. З гэтага часу ў жыцці былога чыноўніка пачаўся эміграцыйны перыяд, які расцягнуўся да самай яго смерці. Для самога Я. Янушкевіча развітанне з радзімай азначала таксама расставанне з нявестай — Яўгеніяй Лярыш, з якой ён будзе перапісвацца шмат гадоў[8].

За прыналежнасць да паўстання Яўстах*, «які прымаў актыўны ўдзел у распаўсюджанні бунту і служыў у мяцежніцкім апалчэнні»*, 21 жніўня 1833 г. пастановай Мінскай губернскай следчай камісіі па справах паўстання быў аднесены ў 2-і разрад злачынцаў. Гэта азначала, што ў выпадку з'яўлення ў межах Расійскай імперыі яго павінны былі арыштаваць і аддаць пад суд. Яго маёмасць, якая належала асабіста яму на момант паўстання, а таксама якая магла адысці яму ў спадчыну пасля бацькоў, прысуджалася да канфіскацыі[9].

У Галіцыі Яўстах прабыў нядоўга. Ужо 6 студзеня 1832 г. ён прыбыў у Францыю і пасяліўся ў Парыжы. Гэта ўказвае на яго адносную матэрыяльную забяспечанасць, бо пры пасяленні ў сталіцы французскі ўрад патрабаваў адмовіцца ад грашовай дапамогі з яго боку і ўтрымліваць сябе сваімі сродкамі.

Першай арганізацыяй, у склад якой уступіў Яўстах, стала Таварыства літоўскае і рускіх зямель (ТЛРЗ). Яно было ўтворанае ў Парыжы 10 снежня 1831 г. групай з 10 актыўных удзельнікаў паўстання на ўсходніх частках былой Рэчы Паспалітай, пераважна паходжаннем з Беларусі і Літвы, на чале з Цэзарам Плятэрам, які затым быў абраны яго старшынёй. Яго мэтамі ў статуце называліся, *«па-першае, збор матэрыялаў, якія тычацца паўстання Літвы і Рускіх Зямель, а таксама апісанне гэтага паўстання, па-другое, апісанне гэтых краёў статыстычна ці гістарычна, па-трэцяе, даследаванне іх насельніцтва»*[10]. У далейшым ТЛРЗ расшырыла поле сваёй дзейнасці, уключыўшы ў яго дапамогу *ліцвінам* і *русінам*, якія знаходзіліся ў эміграцыі ў складаным становішчы. Гэта рабілася ў форме дапамогі пры прызнанні вайсковых чыноў французскімі ўладамі, пры залічэнні на вучобу і інш. Рэалізуючы свае мэты, таварыства сабрала найбольшы комплекс мемуарных крыніц па гісторыі паўстання 1830–1831 гг., які апісваў розныя бакі выступлення на Беларусі, Літве і Украіне. На працягу 1830-х гг. яго выданнем займаўся ўраджэнец Троцкага павета Фелікс Уратноўскі[11], некаторыя матэрыялы былі выдадзены ў 1840-х гг. Ксаверыем Бранікоўскім[12].

Пачынаючы з другой паловы 1832 г. дзейнасць таварыства запавольвалася, а яно само ўвайшло ў стадыю крызісу, які быў выкліканы глыбокімі ўнутранымі супярэчнасцямі ў яго складзе. Не знайшоўшы выйсця, ТЛРЗ спыніла свае пасяджэнні — апошняе

---

[7] Гл.: Lewak A. Januszkiewicz Eustachy // Polski słownik biograficzny (далей — PSB). T. 10. Wrocław, etc., 1963. S. 595–597.

[8] Гл.: Januszkiewicz E. Listy do Egenii Larysz (Z epoki emigracyjnej) / wyd. J. Kallenbach // Lamus. № 3. Lwów, 1909. S. 440–470.

[9] НГАБ. Ф. 561. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 155 адв.

[10] Biblioteka Narodowa (далей — BN). Rkps. II.7871. Odpisy dokumentów Towarzystwa Litewskiego i Ziem Ruskich z lat 1831–1836. K. 9.

[11] Гл.: Wrotnowski F. Pamiętniki o powstaniu Litwy i ziem ruskich w roku 1831. Sposzyty 1–5. Paryż: A. Pinard, 1833; Wrotnowski F. Powstanie na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w roku 1831. T. 1–2. Paryż: Księgarnia i Drukarnia Polska, 1837–1838; Zbiór pamiętników o powstaniu Litwy w r. 1831 / Ukł. przez F. Wrotnowskiego. Paryż, 1835. 285 s.

[12] Гл.: Pamiętniki polskie / wyd. K. Bronikowski. T. 1–3. Paryż, 1844–1845.

адбылося 7 ліпеня 1833 г., хоць некаторыя закладзеныя ім традыцыі, напрыклад святкаванне гадавіны паўстання ў *Літве*, працягваліся прыкладна да 1839 г.[13].

Яўстах Янушкевіч уступіў у шэрагі ТЛРЗ крыху больш чым праз 2 тыдні пасля прыбыцця ў Парыж, 22 студзеня 1832 г. і, прысутнічаючы на пасяджэнні ў гэты дзень, падпісаў яго *Статут*. Пратаколы пасяджэнняў ТЛРЗ сведчаць, што Янушкевіч актыўна ўключыўся ў яго дзейнасць. 27 лютага 1832 г. яму было даверанае напісанне статута Літоўскага вайсковага камітэта, створанага пры ТЛРЗ для зацверджання вайсковых чыноў былых паўстанцаў, і 4 сакавіка ён зачытаў свой праект[14]. У траўні 1832 г. ён быў высланы ў калоніі ў гарадах Авіньён і Люнэль з мэтамі, так бы мовіць, палітычнай разведкі настрояў сярод эмігрантаў і высвятлення прычын супярэчнасцяў паміж выхадцамі з Каралеўства Польскага (*караняжамі*) і беларуска-літоўскіх зямель (*ліцвінамі*). Вярнуўшыся, на пасяджэнні 24 траўня 1832 г. ён выказаў меркаванне, што гэтыя супярэчнасці не з'яўляюцца вынікам выключна эміграцыйных спрэчак. Ён бачыў прычыну ў пазіцыі прадстаўнікоў *арыстакратыі*, якая, на яго думку, *«адрозніла інтарэсы Літвы і нават сёння, як здаецца, падтрымлівае гэтую справу»*. З гэтай прычыны Янушкевіч апасаўся, што *ліцвіны* могуць правесці ў эміграцыі больш часу, чым *караняжы*[15]. Як аўтарытэтнай асобе часам яму давяралася вядзенне пратаколаў пасяджэнняў падчас адсутнасці сакратара, як гэта было, напрыклад, 29 траўня 1832 г.[16]. Да канца дзейнасці таварыства ён заставаўся адным з найбольш актыўных яго сяброў, нават калі большая частка заснавальнікаў адышла ад дзейнасці ў яго межах. Аднак не ва ўсіх сяброў ён выклікаў толькі станоўчыя ўражанні. Ураджэнец Украіны Пётр Капчынскі ў сваім дзённіку негатыўна выказваецца пра яго падчас дыскусіі па пытанні сімволікі ТЛРЗ, абвінавачваючы яго ў неаб'ектыўнасці і непавазе[17].

З дзейнасцю ТЛРЗ звязаны адны з першых выдавецкіх праектаў і апублікаваных твораў Яўстаха Янушкевіча ў Францыі. Ён прыняў на сябе абавязак напісання твору пад назвай *«Экспедыцыя Ружыцкага ў Літву»*[18] і часткова рэалізаваў гэты праект — 27 ліпеня 1832 г. выйшла брашура *Мечыслаў I*, выдаўцом якой быў сябра ТЛРЗ Міхал Падчашынскі. Сярод іншага ў ёй быў змешчаны твор *«Урывак з успамінаў ваенных дзеянняў генерала Ружыцкага»*[19]. У ліпені 1833 г. ён выступіў складальнікам брашуры

---

13 Падрабязней пра ТЛРЗ гл.: Матвейчик Д. Створення і діяльність у Франції Товариства литовських і руських земель (1831–1833) // Український історичний збірник (2006). Вип. 10. К.: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 79–87; Гарбачова В. Дзейнасць Таварыства літоўскага і рускіх зямель у межах Вялікай эміграцыі ў Францыі // Гістарычны альманах. Гародня – Беласток, 2005. С. 172–188; Barszczewska A. Rola Towarzystwa Litewskiego i Ziem Ruskich w popularyzacji wiedzy o Litwie i Białorusi na emigracji (1831–1836) // Zeszyty Naukowe Uniwersitetu Łodzkiego. Seria 1. Z. 53. Łodź, 1967. S. 45–67; і інш.

14 BN. Rkps. II.7871. K. 78–79.

15 Ibidem. K. 119.

16 Ibidem. K. 123.

17 Biblioteka Polska w Paryżu (далей — BPP). Rkps. 413. Piotr Kopczyński: Dziennik z lat 1831–1834. T. 3. S. 183.

18 Упершыню праект твора Яўстаха Янушкевіча пра паход Ружыцкага ў Літву адзначаны ў пратаколах ТЛРЗ яшчэ 19 снежня 1831 г. — больш чым за месяц да яго прыняцця ў склад таварыства. Гэта магчыма растлумачыць двума спосабамі: 1) Янушкевіч мог ведаць пра дзейнасць ТЛРЗ і выказаць жаданне падзяляць яго працы яшчэ да прыбыцця ў Парыж; 2) арыгіналы пратаколаў ТЛРЗ не захаваліся, а засталіся толькі ў копіях; тэма твора Я. Янушкевіча ў арыгінале магла быць упісанай пазней, а розніца не адзначанай у копіях.

19 Januszkiewicz E. Wyjątek z pamiętników działań wojennych jenerała Różyckiego // Pamiętnik Emigracji. — 27.07.1832 (Mieczysław I); Potrykowski J. A. Tułactwo polaków we Francji. Dziennik emigranta / wyd. A. Owsińska. T. 1. Kraków, 1974. S. 171–172.

«Палякі ў Апорта», якая была накіраваная супраць планаў генерала Юзафа Бэма па стварэнні легіёна з польскіх эмігрантаў у Партугаліі, праект чаго пачаткова падтрымліваўся французскім урадам[20]. Апрача таго, менавіта Я. Янушкевіч паспрыяў уваходжанню ў склад таварыства А. Міцкевіча пасля яго прыбыцця ў Парыж, падаўшы неабходныя, паводле працэдуры прыняцця, рэкамендацыю і біяграфію паэта на пасяджэнні 30 ліпеня 1832 г. (на наступным пасяджэнні — 6 жніўня — Міцкевіч быў прыняты)[21].

У першы час свайго жыцця ў Парыжы Я. Янушкевіч праявіў сябе як прыхільнік дэмакратычных ідэй: ён далучыўся да створанага І. Лялевелем Польскага нацыянальнага камітэта (ПНК). Інструкцыі камітэта па высвятленні настрояў эмігрантаў былі дадзены яму пры паездцы ў гарады Авіньён і Люнэль. 18 лютага 1832 г. ён быў абраны ў камісію, мэтай якой было правесці аналіз дзейнасці ПНК і падаць справаздачу на агульным сходзе[22]. Пасля роспуску ПНК французскімі ўладамі ў 1833 г. Я. Янушкевіч захаваў кантакты з яго кіраўніком І. Лялевелем, які надоўга пасяліўся ў Брусэлі, а таксама пэўны час падтрымліваў кантакты з вядомым дзеячам дэмакратычнага руху ў эміграцыі Янам Непамуцэнам Яноўскім[23].

З 1832 г. Яўстах Янушкевіч пачаў займацца дзейнасцю, якая ў далейшым стане яго асноўнай у эміграцыі — выдавецтвам. У лістападзе гэтага года ім было заснавана перыядычнае выданне *«Польскі Пілігрым»* (*«Pielgrzym Polski»*) (лістапад 1832 г. — снежань 1833 г.). Выкарыстоўваючы свае шырокія (ужо на той час) кантакты, яму ўдалося прыцягнуць да супрацоўніцтва некаторых вядомых літаратараў: у 1833 г. сярод яго рэдактараў і аўтараў былі А. Міцкевіч і паэт Багдан Янскі[24]. Менавіта ў ім быў апублікаваны шэраг артыкулаў А. Міцкевіча, у якіх ён сярод іншага супрацьпастаўляў вышыню духу паўстанцаў, якія да яго былі грамадзянскімі асобамі, і халоднасць прафесійных вайскоўцаў з рэгулярнага польскага войска[25].

У наступным годзе Я. Янушкевіч працягваў рэалізоўваць свае выдавейцкія праекты. У студзені ці лютым ён заключыў дамову з парыжскім выдаўцом Гектарам Басанжам наконт заснавання першай у Францыі кнігарні для друку польскамоўных твораў пад назвай *«Г. Басанж і Кампанія і Янушкевіч»*. Кнігарня павінна была займацца не толькі друкам твораў, але і дастаўленнем іх на землі былой Рэчы Паспалітай, а таксама ў адваротным напрамку твораў, якія выходзяць *на радзіме* і якія маглі б зацікавіць эміграцыю, гэта значыць яна выконвала функцыі камісійнага дома. Гэтая фірма, а таксама іншыя праекты Я. Янушкевіча патрабавалі ад яго вялікай колькасці часу і намаганняў. 10 лютага ён пісаў: *«...я з'яўляюся кніжным антэрпрэнёрам у самым шырокім значэнні пад назвамі: рэдактара, выдаўца, кіраўніка, кнігара, камісанта — але мне абсалютна няважна, што мяне назавуць, Бог ведае, урэшце, якой назвай, абы б толькі я, якую толькі мог, прыносіў карысць агулу і быў здольны зарабіць для сябе...»*[26].

У 1833 г. яму давялося спыніць на пэўны час свае выдавецкія праекты. 31 ліпеня 1833 г. паводле загаду французскіх уладаў ён быў выдалены з Парыжа ў Бельгію. Прычыны

[20] Гл.: Polacy w Oporto / wyd. E. Januszkiewicz. Paryż, 1833.

[21] BN. Rkps. II.7871. K. 134, 135.

[22] Гл.: Janowski J. N. Notatki autobiograficzne 1803–1853 / wyd. M. Tyrowicz. Wrocław: Ossolineum, 1950. S. 366.

[23] Ibid. S. 469.

[24] Я. Янушкевіч планаваў 1 красавіка прыцягнуць у рэдакцыю А. Міцкевіча і паэта Юзафа Залескага [гл.: Januszkiewicz E. Listy do Egenii Larysz… S. 445].

[25] Гл.: Pielgrzym Polski. Pismo polityce i literaturze narodowej poświęcone. Paryż, 1832–1833.

[26] Januszkiewicz E. Listy do Egenii Larysz… S. 444.

гэтага могуць быць рознымі. Сам Я. Янушкевіч называў іх некалькі: па-першае, выданне ў 14-м нумары *«Пілігрыма»* артыкула А. Міцкевіча супраць міністра ўнутраных спраў Францыі Апалінарыя Антуана д'Аргу; па-другое, выданне брашуры *«Палякі ў Апорта»*[27]. Гісторык Адам Левак выказвае меркаванне, што да выдалення прывяло падпісанне Я. Янушкевічам адозвы Польскага нацыянальнага камітэта *«Да Рускіх»*[28]. Аднак, што б ні было нагодай для выдалення, час да восені 1833 г. ён вымушаны быў правесці ў Бельгіі. Жадаючы як мага хутчэй вярнуцца ў Францыю, Я. Янушкевіч распачаў шматхадовую інтрыгу, мэтай якой было здабыць кампрамітуючы матэрыял на бельгійскага віцэ-адмірала Турнона і з дапамогай яго атрымаць пашпарт у Францыю. Інтрыга ў цэлым скончылася паспяхова, і пад выглядам адваката, сябра Польска-Бельгійскага камітэта Мэрсмана, у кастрычніку вярнуўся ў Парыж. Пасля выхаду А. д'Аргу ў адстаўку з пасады міністра ён атрымаў легальны дазвол на знаходжанне ў Парыжы[29].

Пачаткова пасля вяртання Я. Янушкевіч супрацоўнічаў з выдаўцом, эмігрантам з Віленскай губерніі Юзафам Страшэвічам, бо выдаленне ў Бельгію паклала канец яго суполцы з Г. Басанжам. Аднак 1 ліпеня 1835 г. ён заключыў дамову з эмігранцкім выдаўцом Аляксандрам Елавіцкім і Стэфанам Дэмбоўскім, у выніку чаго была заснаваная фірма *«Польская кнігарня і друкарня А. Елавіцкага і Суполкі»*. Частка Янушкевіча ў ёй складала 7500 франкаў. А. Елавіцкі ва ўспамінах двойчы згадваў гэтую падзею, прычым абодва разы ў светлых тонах: 1) *«...аб'яднаўшыся з Яўстахам Янушкевічам, які працаваў у гэтай жа прафесіі, у 1835 г. мы заснавалі польскую друкарню і кнігарню, дай, Божа, на славу Табе і на карысць нашай Айчыне»*; 2) *«Таму як сумесныя намаганні могуць даць больш, чым паасобныя, у 1835 годзе мы дамовіліся з Яўстахам Янушкевічам, які служыў радзіме на тым жа шляху, і са Стэфанам Дэмбоўскім і заснавалі польскую друкарню і кнігарню ў Парыжы на вуліцы Marais St. Germain Nr. 17 bis. З таго часу павялічыліся магчымасці выдання, павялічыліся нашыя адносіны з эміграцыяй, з радзімай і з пісьменнікамі і з гэтага часу літаратура эміграцыі набыла больш моцны рух»*[30]. Сам жа Я. Янушкевіч падрабязна апісаў стварэнне суполкі і ў сваіх успамінах, і ў лістах да нявесты[31]. Гэта лёгка зразумець, бо менавіта яму як асобе, якая з трох заснавальнікаў мела найбольшыя досвед і здольнасці, было даручана займацца ўсімі бягучымі справамі фірмы. Ён пісаў пра А. Елавіцкага: *«Мы ўзаемна давяраем адзін аднаму — ён даверыў мне усё — на мяне, на мой вопыт і мой розум спадзяецца і ні ўва што не ўмешваецца. ... мая праца шануецца, як і іх грошы»*[32].

З дзейнасцю кнігарні звязаны скандал, які адбыўся ў эміграцыі ў 1835 г. У лістападзе гэтага года ў Я. Янушкевіча з'явіліся супярэчнасці са сваімі працаўнікамі на глебе аплаты працы. Гэтыя звесткі дайшлі да радыкальнай дэмакратычнай арганізацыі эмігрантаў у Англіі *Польскі Народ*. На фірму пасыпаліся абвінавачанні ў прыгнятанні сваіх працаўнікоў і расколе эміграцыі. Каб апраўдацца, Я. Янушкевіч выдаў брашуру *«Некалькі слоў Польскай друкарні»*, дзе паспрабаваў растлумачыць свае дзеянні неабходнасцю зніжэння сабекошту выданняў, што, у сваю чаргу аблегчыла б іх распаўсюджанне ў Еўропе

27 Гл.: Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej w Paryżu przez jej współwłaściciela Eustachego Januszkiewicza spisana // Roczniki Biblioteczne. 1966. Z. 3/4. S. 513, 515.

28 Гл.: Lewak A. Januszkiewicz Eustachy // Polski słownik biograficzny. T. 10. Cz. 3. Wrocław, etc.: Ossolineum, 1963. S. 595–596.

29 Гл.: Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej… S. 515–516.

30 Jełowicki A. Moje wspomnienia. 1807–1831–1838. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1933. S. 315, 370.

31 Гл.: Januszkiewicz E. Listy do Egenii Larysz… S. 454; Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej… S. 518.

32 Januszkiewicz E. Listy do Egenii Larysz… S. 454.

і на радзіме[33]. Падобныя довады не былі прыняты сябрамі Польскага Народу, і 19 лістапада 1835 г. яны выдалі *«Прысуд на Аляксандра Елавіцкага і Яўстаха Янушкевіча»*, дзе ўладальнікі фірмы былі абвешчаны *«ворагамі народаў, а менавіта польскага народу, а таму пазбаўлены ўсялякіх правоў польскага грамадзянства»*[34]. Варта, тым не менш, адзначыць, што ў хуткім часе супярэчнасці былі ўрэгуляваны, а сам скандал не надта паўплываў на рэпутацыю фірмы. У ёй працягвала друкавацца вялікая колькасць вядомых літаратараў. Сам Я. Янушкевіч апісваў гэтую падзею як непаразуменне і неінфармаванасць сябраў Польскага Люду[35]. Суполка займалася продажам кніг, выдадзеных не толькі яе намаганнямі, але і іншых, а таксама медальёнаў і медалёў на памяць пра паўстанне 1830–1831 гг. ці пра вядомых дзеячаў. Напрыклад, менавіта тут у 1835 г. магчыма было набыць памятны медаль пра паўстанне на ўсходніх землях былой Рэчы Паспалітай, адбіты Таварыствам літоўскім[36].

Праіснавала суполка да 1841 г., аднак яшчэ раней — у 1839 г. — з яе выступіў А. Елавіцкі, які ў гэтым годзе паступіў у Версальскую семінарыю, а яго месца заняў эмігрант Юльюш Марыльскі[37]. Да 1841 г. друкарняй былі выпушчаны ў свет 97 твораў і 15 перыядычных выданняў, у тым ліку 29 твораў і 3 перыядычныя выданні за яе кошт. Галоўным чынам выдаваліся літаратурныя творы і гістарычныя працы. У 1841 г. выдавецтва перайшло ў рукі Людвіка Крулікоўскага[38].

Добрая матэрыяльная сітуацыя не пазбаўляла ад складанасцяў маральных, звязаных з жыццём далёка ад радзімы. У лістах да нявесты Я. Янушкевіч некалькі разоў апісвае сваю настальгію. 18 чэрвеня 1834 г. ён пісаў: *«Я маю партрэт маёй мамы, які дайшоў да мяне з Варшавы некалькі дзён таму і з якім я ўвесь дзень пешчуся — раніцай я жадаю яму добрага дня, развітваюся з ім, калі выходжу з дому, і з вяртаннем ізноў вітаюся, і мне так здаецца, што я на радзіме, у Літве…»*. Падобны тон гучыць і ў лісце ад 31 траўня 1835 г.: *«У трыццаць гадоў я — дзіцё! І колькі тут такіх, якія смяюцца з мяне, што я прывез літоўскую зямлю і літоўскія кветкі і поўна вазонаў на акне ў кошыку, на коміне панастаўляў, і калі я ўвечары вяртаюся да сябе, кожны з іх вітаю асобна, і мне лягчэй на сэрцы, бо мне здаецца, што я ў сваёй Айчыне»*[39].

У канцы 1830-х гг. сярод іншых сваіх праектаў Я. Янушкевіч займаўся выпускам перыядычнага выдання пад назвай *«Маладая Польшча»*, рэдактарам і выдаўцом якой быў ён сам. Яе першы нумар выйшаў 8 студзеня 1838 г., і кожны чарговы ў далейшым на працягу трох гадоў з'яўляўся раз на дзесяць дзён. Яе кірунак сучаснікі, а часам і сам выдавец называлі *ультрамантанскім*. У першым нумары сцвярджалася: *«Грамадства засноўвае рэлігія»*. Аднак тэма каталіцтва не была адзінай у газеце. У ёй меліся асобныя раздзелы *«Бібліяграфічныя* (затым — *Літаратурныя*) *навіны»* і *«Навуковыя данясенні»*, а да кожнага нумара выходзіў чатырохстаронкавы дадатак, куды выносілася частка звестак: прамовы, лісты, артыкулы і інш. Існаванне газеты суправаджалася

---

33 Гл.: Januszkiewicz E. Kilka słów Drukarni Polskiej. [Paryż: Księgarnia Polska, 1835]. 8 s.

34 Wyrok na Aleksandra Jełłowickiego i Eustachego Januszkiewicza // Lud Polski. Wybór dokumentów / wyd. H. Temkinowa. Warszawa: Książka i Wiedza, 1957. S. 98–102.

35 Гл.: Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej… S. 520–521.

36 Гл.: Extrait du catalogue de la Librairie Polonaise (1 Septembre 1835) // Jełowicki A. O powstaniu; Chrzanowski W. O wojnie partyzanckie. Paryż: W Księgarni i Drukarni Polskiej, 1835. (у адной брашуры).

37 Яшчэ раней — у 1835 ці 1836 г. — С. Дамбоўскі памёр у Канах ад цяжкай псіхічнай хваробы.

38 Kłossowski A. Księgarstwo polskie na obczyźnie od powstania listopadowego // Księgarz. 1966. № 3. S. 22; Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej… S. 525.

39 Januszkiewicz E. Listy do Egenii Larysz… S. 450, 453.

шматлікімі арганізацыйнымі і фінансавымі складанасцямі, што прыводзіла да таго, што Я. Янушкевіч планаваў спыніць яе выхад. Як ён пісаў 8 сакавіка 1839 г., *«служба мая Касцёлу і Папе, здаецца, скончыцца з 1 ліпеня і Маладая Польшча з апасення, як бы не састарэла, перастане выходзіць. Прысвечаная выключна рэлігійнай справе, каталіцтву, не магла знайсці лёгкага доступу да ўсіх. Той, хто піша газету, хоча перш за ўсё, каб яна чыталася, а тут не адзін пры выглядзе тыяры палохаецца і лае выданне, не чытаючы…»*[40]. Яму ўдалося, аднак, утрымаць газету, якая выходзіла да канца 1840 г., апошні нумар з'явіўся ў свет 31 снежня 1840 г.[41].

Апрача гэтага, Я. Янушкевіч уваходзіў у 1830-я гг. у склад некаторых эміграцыйных арганізацый, адныя з якіх карысталіся пэўным аўтарытэтам, другія часам абмяжоўваліся толькі актам заснавання — Славянскае таварыства (1834 г.), Польскі клуб (з 1836 г.) і інш.

З 1841 г. Я. Янушкевіч супрацоўнічаў з *«Нацыянальнай Газетай»*, якая выходзіла ў Парыжы, і яе выдаўцом Уладзіславам Плятэрам. Уваходзячы ў склад рэдакцыі газеты, ён адначасова кіраваў яе адміністрацыяй[42]. У 1843 г. з выдаленнем з рэдакцыі Фелікса Уратноўскага і наданнем газеце выразна антытавяніcцкага кірунку Янушкевіч не мог не адысці ад працы ў ёй.

Асобнае месца ў жыцці Яўстаха Янушкевіча займаюць яго ўзаемаадносіны з Адама Міцкевічам, да кола блізкіх сяброў якога ён належаў на працягу ўсяго часу эміграцыі. У сваіх лістах-успамінах да сына Міцкевіча, Уладзіслава, сам Я. Янушкевіч падрабязна апісаў шмат кур'ёзных выпадкаў з жыцця яго бацькі, у якіх ён браў удзел. Напрыклад, на вяселлі паэта з-за яго няўважлівасці Я. Янушкевіч быў вымушаны аддаць яму свой фрак і не паехаць у касцёл. Таксама менавіта ад свайго выдаўца А. Міцкевіч у 1830-я гг. не раз атрымоўваў грашовую дапамогу ў моманты складанага матэрыяльнага стану, але пры гэтым Я. Янушкевічу даводзілася ўжываць некаторыя хітрасці, бо прымаць грошы ў выглядзе простай пазыкі паэт адмаўляўся[43]. Прычыну падобных сваіх паводзінаў сам Я. Янушкевіч тлумачыў наступным чынам: *«Мая любоў да яго з'яўляецца практычна фанатызмам. Ён для мяне — нейкая істота, да якой я падступаюся са святым страхам»*[44].

Як асоба аўтарытэтная Я. Янушкевіч часта ладзіў у сябе дома вячэры з той ці іншай нагоды. Як пісаў Ю. Клячка пра яго ролю ў публічным жыцці эміграцыі, ён *«належаў таксама да хатніх, унутраных эміграцыйных урачыстасцяў і святкаванняў, часта ладзіў іх, станавіўся іх душой»*[45]. 25 сакавіка 1835 г. ён ладзіў у сябе прыём з нагоды чарговай гадавіны паўстання ў *Літве*, у 1836 г. на Каляды разам з А. Елавіцкім ладзіў сустрэчу

---

40 Januszkiewicz E. Listy do Egenii Larysz… S. 468.

41 Гл.: Młoda Polska. Wiadomości historyczne i literackie. Paryż, 1838–1840; Szostakowski S. Z kart Wielkiej Emigracji. Prasa obozu arystokratyczno-konserwatywnego w latach 1832–1848. Olsztyn, 1974. S. 130–133; Zienkowicz L. Przegląd polityczny pisarstwa emigracji polskiej. T. 1. Paryż: L. Martinet, 1848. S. 22.

42 Гл.: Szostakowski S. Z kart Wielkiej Emigracji… S. 135, 136.

43 Гл.: Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej… S. 517–518, 525.

44 Mickiewicz W. Żywot Adama Mickiewicza podług zebranych przez siebie materyałów oraz z własnych wspomnień. T. 2. Poznań: W drukarni Dziennika Poznańskiego, 1894. S. 371. Уладзіслаў Міцкевіч у жыццяпісе свайго бацькі спасылаецца на мемуары Я. Янушкевіча, называючы іх *успаміны* (*pamiętnik*) ці *дзённік* (*dziennik*) і адрозніваючы ад ліста Я. Янушкевіча да яго ад 27.07.1874 ці лістоў да Я. Ларыш. Аднак спасылкі на яго месцазнаходжанне ў працы не зроблена. Тым не менш У. Міцкевіч адзначаў, што гэтыя ўспаміны заслугоўваюць веры [Т. 1. S. 13, 43].

45 Zaleski B. Januszkiewicz Eustachy // Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu. R. 1870–1872. Poznań: Księgarnia Jana Konstantego Żupańskiego, 1872. S. 319.

польскіх паэтаў, што жылі ў Парыжы[46]. 25 снежня 1840 г. у яго праведзена вядомая вячэра, на якой адбылася, так бы мовіць, імправізацыйная дуэль паміж А. Міцкевічам і Юльюшам Славацкім, апісаная ў шматлікіх лістах і мемуарах. З наступнага дня ён пачаў актыўна рыхтаваць у сябе чарговую вячэру, прызначаную на 1 студзеня 1841 г., спадзеючыся на працяг паэтычных заняткаў, аднак паўтарыць поспех не ўдалося[47].

У 1840-я гг. Я. Янушкевіч стаў крэдыторам Міцкевіча ў поўнай ступені. На пачатку 1844 г. ён адкрыў крэдыт спачатку для яго жонкі Цэліны з Шыманоўскіх, а затым і для яго. На 1 чэрвеня 1844 г. сума крэдыту складала 1219,15 франкаў, але пры яго закрыцці 20 снежня 1847 г. сальда рахунку складала 1350,60 франкаў на карысць паэта[48].

Менавіта дзякуючы аўтарытэту Міцкевіча Я. Янушкевіч далучыўся адным з першых да Кола А. Тавянскага. У нататках ён так апісвае 14 верасня 1841 г. гэтую падзею: *«Мінае тыдзень, як прыйшоў да мяне Міцкевіч і сказаў: "я прыношу табе радасную навіну, пакуты нашыя і радзімы хутка скончацца і надыйдзе новае выкупленне свету. Дух пакажа сваю моц над людзьмі і толькі тады мы спазнаем сапраўдную весялосць і шчасце…". Я адразу падумаў, што Адам пакутуе ад новага няшчасця, страціў розум, і я горача заплакаў над яго нядоляй. Але пасля трохгадзіннай размовы я пераканаўся, што ён цалкам здаровы целам і розумам, і больш за тое, як доказ праўды сваіх слоў спасылаецца на Антонія Гарэцкага*[49] *і Ізыдара Сабанскага*[50]*, якія адначасова атрымалі загад распавядаць пра хуткі прыход гэтых дзён весялосці, радзячы ўсім ачышчэнне духу, узаемную любоў, не казаць тое, што чуюць, іншаземцам»*[51].

У Коле Я. Янушкевіч знаходзіўся пад выразным уплывам Міцкевіча (а не Тавянскага). Разам з ім 13 студзеня 1843 г. ён выступае з Польскага клуба[52] — арганізацыі эміграцыйнага арыстакратычнага лагера, праціўнага тавянізму[53]. 4 лютага 1846 г. сумесна з паэтам ён выехаў у Швейцарыю для сустрэчы з Тавянскім. Гэтае падарожжа, якое цягнулася да 8 лютага, стала нагодай для працяглых размоў паміж сябрамі. Іх вынікам стаў запіс Я. Янушкевічам некаторых успамінаў Міцкевіча пра сваё дзяцінства

46 Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 415, 432–433.

47 Mickiewicz W. Żywot Adama Mickiewicza… T. 3. S. 30–34, 43.

48 Makowiecka Z. Brat Adam // Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Maj 1844 — grudzień 1847. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975. S. 27, 438.

49 Гарэцкі Антоні (Gorecki Antoni) (1787, Вільня — 18.09.1861, Парыж) — паэт, байкапісец. Удзельнічаў у напалеонаўскіх войнах, паўстанні 1830–1831 гг. У эміграцыі жыў у Францыі, дзе выдаў вялікую колькасць паэтычных зборнікаў. Пачаткова з энтузіязмам прыняў вучэнне А. Тавянскага, але вельмі хутка парваў з ім, што, у сваю чаргу, пагоршыла яго адносіны з Міцкевічам [Bielecki R. Słownik biograficzny oficerów powstania listopadowego. T. 2. Warszawa, 1996. S. 98; Polski Słownik Biograficzny (далей — PSB). T. 8. Wrocław, etc.: Ossolineum, 1960. S. 306–307]. Разрыў яго з тавянізмам апісаны Валерыянам Халхоўскім у лісце да Ігната Дамейкі ад 15.11.1841 [Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu. Rkps. 1018. Rękopisy z lat 1831–1888. Pisma i listy do Ignacego Domeyki].

50 Сабанскі Ізыдар (Sobański Izydor) (1796–1847) — буйны памешчык з Падолля; у паўстанні служыў падпаручнікам 5-га палка ўланаў, пасля паўстання эміграваў, жыў у Парыжы. У эміграцыі быў адным са знаёмых Міцкевіча, адзін з першых далучыўся да вучэння Тавянскага, але хутка адышоў ад яго [Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej / opr. i wstęp Z. Sudolski i in. T. 2. Warszawa: Instatut Wydawniczy Pax, 1984. S. 484].

51 Współudział Adama Mickiewicza w sprawie Andrzeja Towiańskiego. Listy i przemówienia. T. 2. Paryż: Księgarnia Luxemburgska, 1877. S. 165. Цытата ў: Zaleski B. Januszkiewicz Eustachy… S. 323.

52 Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 545.

53 Апрача ўсяго, Міцкевіч лічыў Я. Янушкевіча асобай, карыснай для ўладжвання канфліктаў з паліцыяй [гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 561], што было важным для тавянчыкаў, якім магло пагражаць выдаленне паводле прыкладу іх *Майстра*.

і маладосць пад назвай *«Нататкі, сабраныя ў размове з Адамам Міцкевічам падчас падарожжа з Парыжа ў Цюрых з 4 да 8 лютага 1846 г.»*[54]. 4 красавіка 1846 г. Я. Янушкевіч вярнуўся ў Парыж.

У лістах Я. Янушкевіч апраўдвае паводзіны Міцкевіча як падчас прыняцця і прапаганды вучэння Тавянскага, так і ў разрыве з ім: *«…хоць я і падзяляю шмат праўдаў, прынесеных нам ім* [Тавянскім]*, але кірункам, якім яны чатыры гады прыводзіліся ў жыццё, і плёнам, які прынеслі, я незадаволены; можа гэта віна кожнага з нас, больш за ўсё Адама, але вялікая яго заслуга, што ён прызнае яе і што ранейшай дарогай далей ісці не будзе»*[55]. Пасля разрыву паміж Міцкевічам і Тавянскім ён застаўся на баку паэта і 21 траўня 1846 г. таксама напісаў ліст Тавянскаму, а затым падпісаў *«Акт заснавання асобнага Кола»*. Прыняцце Я. Янушкевічам боку Міцкевіча і прывяло да рэзкага выказвання ў яго адрас з боку брата [гл. ліст ад 21.06.1846].

Аднак кантакты паміж Міцкевічам і Я. Янушкевічам базаваліся не толькі на глебе агульнай прыхільнасці тавянізму. Немалой іх складовай часткай з’яўлялася супрацоўніцтва ў галіне выдання твораў. У канцы кастрычніка 1843 г. паміж імі (Міцкевіча прадстаўляў Аляксандр Ходзька) была заключаная дамова аб выданні поўнага збору твораў паэта за выключэннем курсу лекцый па славянскай літаратуры. Паводле гэтай дамовы, наклад збору павінен быў складаць 1500 тысяч асобнікаў, за што Міцкевічу выплачвалася сума ў 15 тыс. франкаў. У траўні 1844 г. за кошт Я. Янушкевіча выйшаў у свет міцкевічаўскі *«Курс трэцягадовы* (1842–1843) *славянскай літаратуры»*, а ў канцы 1845 г. яго намаганнямі з’явіўся *«IV kurs literatury słowiańskiej (1843–1844)»*[56].

У лістападзе 1846 г. паміж Міцкевічам з аднаго боку і Я. Янушкевічам і былым старшынёй ТЛРЗ Ц. Плятэрам з другога была заключана дамова. Паводле яе Міцкевіч абавязваўся напісаць працу пад назвай *«Гісторыя Польшчы»* узамен за 4000 франкаў і перадаць правы на друк 1500 яе асобнікаў і выключны продаж на працягу 4 гадоў. Прынамсі частку грошай паэт атрымаў у той жа дзень. Для Міцкевіча гэта стала своеасаблівым стымулам для напісання. Ён актыўна ўзяўся за работу, але ў 1848 ці 1849 г. знішчыў рукапіс практычна скончанай працы[57].

Падчас Вясны народаў[58] Я. Янушкевіч, як і шмат іншых эмігрантаў, не застаўся ўбаку ад рэвалюцыйных падзей. У 1848 г. ён супрацоўнічаў з Міцкевічам пры стварэнні Польскага легіёна ў Італіі, аднак гэта ж прынесла ў іх адносіны раней невядомую плынь. Як і шматлікіх блізкіх да Міцкевіча асобаў, Я. Янушкевіча не мінуў разрыў адносінаў са сваім былым сябрам, калегам і кумірам[59]. Непаразуменні на глебе фарміравання легіёна ў Італіі ў 1848 г. сталі падставай для таго, каб у сярэдзіне ліпеня гэтага

---

54 Гл.: Makowiecka Z. Brat Adam… S. 254.

55 Współudział Adama Mickiewicza… S. 247. Цытата ў: Zaleski B. Januszkiewicz Eustachy… S. 323–324.

56 Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 566, 582, 625.

57 Гл.: Makowiecka Z. Brat Adam… S. 330–331; Sudolski Z. Mickiewicz… S. 639.

58 Чарговая хваля рэвалюцыйных падзей у Еўропе ў 1846–1849 гг. характарызавалася шырокім распаўсюджаннем дэмакратычных ідэй і ўзброенымі паўстаннямі ў многіх краінах — Італіі, Францыі, Германіі, Аўстрыйскай імперыі і інш., у тым ліку на землях былой Рэчы Паспалітай — Кракаўскай рэспубліцы, Галіцыі, Княстве Пазнанскім.

59 Напрыклад, у 1851 г. былі разарваны адносіны паміж Міцкевічам і яго даўнім знаёмым і калегам Міхалам Ходзькам. Найбольш актыўным часам іх супрацоўніцтва стала Вясна народаў, калі Міцкевіч намагаўся стварыць у Італіі легіён з эмігрантаў з былой Рэчы Паспалітай, а М. Ходзька выступаў яго даверанай асобай і адным з камандзіраў легіянераў. Прычынай разрыву сталі спрэчкі наконт грашовых сродкаў, выдаткаваных Ходзькам з уласнай кішэні на патрэбы легіёна [гл.: Sudolski Z. Mickiewicz: Opowieść biograficzna. Warszawa: Ancher, 2004. S. 772, 780, 787, 883].

года Міцкевіч выслаў ліст Я. Янушкевічу (які не захаваўся), у якім разрываў з ім усе адносіны і адмаўляў яму ў *«сяброўскай прыхільнасці»*. Я. Янушкевіч адрэагаваў на гэты ліст таксама ў вельмі рэзкіх выразах[60]. Цяжка сказаць, наколькі глыбокім і працяглым было падобнае напружанне адносінаў, аднак ужо ў наступным месяцы Я. Янушкевіч прыкладаў намаганні для здзяйснення чарговага выдання лекцый Міцкевіча пад назвай *«Славяне»* (*«Les Slaves»*)[61]. Дый у далейшым кантакты паміж імі ўсё ж захоўваліся, прычым як прыватнага, так і фінансавага характару. Так, напрыклад, 11 снежня 1850 г. Міцкевіч і Я. Янушкевіч знаходзіліся разам на абедзе ў Францішка Шэмёта, дзе паэт віншаваў выдаўца з атрыманнем згоды на шлюб ад бацькі Я. Лярыш, з сакавіка наступнага года яны абодва ўвайшлі ў склад камісіі па зборы ахвяраванняў на Польскую бібліятэку ў Парыжы, і ў тым жа 1851 г., дзякуючы менавіта Я. Янушкевічу, Міцкевіч заключыў кантракт на 9 тыс. франкаў на выданне сваіх твораў з берлінскай кнігарняй Бертольда Бэра[62]. Апрача таго, карэспандэнцыя паміж імі таксама працягвалася і выразна сведчыць пра далейшыя сталыя і блізкія кантакты[63].

Пасля паражэння Вясны народаў Янушкевіч працягваў жыць у Парыжы. У гэты час у паляпшэнні яго матэрыяльнага стану яму дапамагла яго юрыдычная адукацыя. Праз свае былыя сувязі з часоў працы ў Радзівілаўскай камісіі[64] ён атрымаў вядзенне замежных спраў князя Вітгенштэйна. Для гэтага яму неабходна было бываць у нямецкіх дзяржавах, дзе ён не мог з’явіцца пад уласным прозвішчам. Аднак яму ўдалося атрымаць пашпарт на імя Любіч — назву свайго герба. Гэта дало яму магчымасць бываць таксама ў Галіцыі і сустракацца са сваёй нявестай Я. Лярыш. 9 верасня 1851 г. у Кракаве паміж імі быў заключаны шлюб, а ў 1853 г. нарадзілася іх дачка Марыя[65]. У гэты ж час ён наблізіўся да арыстакратычных колаў эміграцыі і ў 1850 г. уступіў у шэрагі найбольш вядомай іх арганізацыі — Гісторыка-літаратурнага таварыства[66]. Затым дзякуючы свайму аўтарытэту ён увайшоў у склад кіраўнічых органаў Польскай бібліятэкі і Польскай школы ў Бацінёль у Парыжы.

Наконт актыўнасці і сувязяў Я. Янушкевіча паказальная характарыстыка эмігранта Юзафа Зялінскага, дадзеная яму прыкладна ў 1854–1856 гг.: *«З дапамогай уплыву князя Напалеона, спадчынніка трону, шмат палякаў былі памешчыны чыноўнікамі, але кемлівыя заўжды бяруць месцы раней за іншых. Янушкевіч, спрытны Ліцвін, знаходзіцца тут у бюро асветы з добрай аплатай, а ў яго ж хапае сродкаў да жыцця і ад кнігарства, і ад ранейшых віленскіх спраў»*[67].

---

60 Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 699–700.

61 Ibid. S. 707.

62 Ibid. S. 766, 769, 770 і інш.

63 Гл.: Mickiewicz A. Dzieła… T. 16. S. 449, 557, 565.

64 *Камісія па разборы пазык Радзівілаў* (*Вышэйшая Радзівілаўская камісія*, *Радзівілаўская камісія*) створана ў 1814 г. для разбору судовых спраў, звязаных з маёмасцю князя Дамініка Радзівіла (1786–1813 гг.) і падзелу яе паміж спадкаемцамі. Паралельна дзейнічала таксама *Пракураторыя Радзівілаўскай масы*, створаная ў 1816 г. для кіравання маёмасцю Д. Радзівіла. Установы спынілі сваю дзейнасць адпаведна ў 1838 г. і 1839 г. [гл.: Латушкін А. Дакументальныя страты Нясвіжскага архіва Радзівілаў у другой палове XVIII — першай палове XX стагоддзяў // Архівы і справаводства. 2007. № 2 (50). С. 102–107].

65 Гл.: Zaleski B. Januszkiewicz Eustachy… S. 326–327.

66 Гл.: Gadon L. Z życia Polaków we Francji. Rzut oka na 50-letnie koleje Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu 1832–1882. Paryż, 1883. S. 118.

67 Zieliński J. F. Wspomnienia z tułactwa. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1989. S. 583.

У 1850-я гг. Я. Янушкевіч працягваў сваю выдавецкую дзейнасць. 1 лістапада 1856 г. паміж ім, Валерыянам Калінкам і Юльянам Клячкам была заключаная дамова і заснавана *Выдавецкая суполка* пры Гісторыка-літаратурным таварыстве для друку крыніц па гісторыі Польшчы і здзяйснення поўнага выдання твораў А. Міцкевіча. Я. Янушкевічу, паводле дамовы паміж кампаньёнамі, належала ўся матэрыяльная частка прадпрыемства: друк, продаж твораў, вядзенне рахункаў і да т. п. *Суполка* дзейнічала да 1863 г., пакуль новае паўстанне на землях былой Рэчы Паспалітай не паклала канец яе дзейнасці[68].

Падчас паўстання 1863 г. Я. Янушкевіч уваходзіў у якасці сакратара ў склад створанага ў Парыжы Франка-польскага камітэта. Яго мэтай было пачаткова дамагчыся пазыкі ў французскага ўрада для Нацыянальнага ўрада ў Варшаве, а пасля паражэння паўстання — дапамога прадстаўнікам новай хвалі эміграцыі. Вынікам дзейнасці камітэта стала працаўладкаванне вялікай колькасці эмігрантаў[69].

Разам з А. Міцкевічам Я. Янушкевіч на працягу ўсяго жыцця ў Заходняй Еўропе падтрымліваў сталыя кантакты яшчэ з адным вялікім прадстаўніком беларускай і польскай культуры — Іаахімам Лялевелем. Падставай для іх узаемаадносінаў пасля ліквідацыі ПНК сталі навукова-выдавецкія справы. Жывучы ў Брусэлі, Лялевель меў патрэбу ў выдавецтве ў Парыжы для больш шырокага распаўсюджання сваіх твораў. Яго выдаўцом і стаў Я. Янушкевіч. Напрыклад, менавіта ён займаўся выданнем адной з асноўных гістарычных прац Лялевеля ў эміграцыі — *«Гісторыі Літвы і Русі аж да уніі з Польшчай, заключанай у 1569 годзе ў Любліне»*[70]. Можна сказаць, што Я. Янушкевіч з'яўляўся не толькі выдаўцом Лялевеля ў Парыжы, але і дэ-факта яго даверанай асобай. Не раз Лялевель прасіў яго аб выплаце каму-небудзь у Парыжы пэўнай сумы грошай альбо рэкамендаваў каму-небудзь звяртацца да яго ў розных справах, звязаных з кнігамі[71]. Яго вобраз у лістах Лялевеля нязменна станоўчы. Напрыклад, Яўгеніі Лярыш ён пісаў у 1850 г.: *«З яго* [Яўстаха Янушкевіча] *маладых гадоў я быў усім сэрцам для яго, больш нас зблізіла эміграцыйная нядоля. Я не мог патрабаваць ад яго ўзаемнасці. Ён сам атачыў мяне сваёй добразычлівасцю і сяброўствам, якой няма другой. Стокроць мой суцяшальнік»*[72].

Пасля смерці гісторыка Я. Янушкевіч у Познані выдае невялікую брашуру *«Апошнія хвіліны Іаахіма Лялевеля»*, аўтарам якой ён з'яўляўся сумесна з Севярынам Галянзоўскім. У ёй апісаны некалькі апошніх дзён (за 22 да 29 траўня 1861 г.) яго жыцця, сведкам якіх Я. Янушкевіч з'яўляўся асабіста, а таксама надрукаваны прамовы некалькіх чалавек на яго пахаванні[73].

Заключны перыяд жыцця стаў для Я. Янушкевіча часам стварэння ўласнага пісьменніцкага здабытку. У 1861 г. сумесна з ураджэнцам Троцкага павета і вядомым эміграцыйным выдаўцом Феліксам Уратноўскім ім было падрыхтаванае *«Жыццё Адольфа Янушкевіча і яго лісты з кіргізскіх стэпаў»*[74]. Герой кнігі — родны брат Я. Янушкевіча.

---

68 Гл.: Zaleski B. Januszkiewicz Eustachy… S. 327–328; Kłossowski A. Księgarstwo polskie na obczyźnie od powstania listopadowego // Księgarz. 1966. № 3. S. 23.

69 Гл.: Zaleski B. Januszkiewicz Eustachy… S. 328–329.

70 Lelewel J. Historia Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie w r. 1569 zawartej. Paryż: Drukarnia i Księgarnia Polska, 1838. 325 s.

71 Гл.: Lelewel J. Listy emigracyjne / wyd. H. Więckowska. T. 1–5. Kraków, 1948–1956.

72 Ibid. T. 5. S. 207.

73 Гл.: Januszkiewicz E. Ostatnie chwile Joachima Lelewela. Poznań, 1861. 20 s.

74 Januszkiewicz E., Wrotnowski F. Żywot Adolfa Januszkiewicza i jego listy ze stepów kirgizkich. Berlin; Poznań, 1861.

Яго падрабязны жыццяпіс на 240 старонак дапаўняецца лістамі Адольфа да сям'і, у першую чаргу да маці, у якіх апісваюцца перыпетыі жыцця на чужыне.

Супрацоўніцтва Я. Янушкевіча з Ф. Уратноўскім працягвалася і далей. У 1866 г. імі быў выпушчаны, відавочна, для патрэбаў пакалення дзяцей прадстаўнікоў новай хвалі эміграцыі з зямель былой Рэчы Паспалітай *«Кароткі выклад польскай гісторыі і геаграфіі»*[75]. У ім на 70 старонках у форме пытанняў і адказаў падавалася ўся гісторыя Польшчы і ВКЛ да сярэдзіны XIX ст. у антымаскоўскім кірунку.

У апошні перыяд свайго жыцця Я. Янушкевіч супрацоўнічаў таксама з кракаўскай газетай *«Час»* (*«Czas»*), вынікам чаго сталі некалькі яго артыкулаў. Напрыклад, у артыкуле *«Пярэдадзень куцці ў Парыжы 1834 года»* ён найбольшую ўвагу сканцэнтраваў на прамове А. Міцкевіча ў адрас Ю. Урсын Нямцэвіча, сказанай у вельмі арыгінальнай форме — нібыта на яго пахаванні[76].

Да пісьменніцкай спадчыны Я. Янушкевіча належаць таксама некалькі яго мемуарных твораў, напісаных у 70-я гг. У 1871 г. у кракаўскім перыядычным выданні *«Польскі агляд»* выйшлі ў свет яго мемуары пра падзеі франка-прускай вайны пад назвай *«Успаміны з часу аблогі Парыжа (Урыўкі з дзённіка, пісанага бацькам для сваёй дачкі)»*[77]. У іх звесткі пададзены не ў форме падзённых запісаў, а падзеленыя паводле тэматычнага прынцыпу на асобныя раздзелы: *«Узбраенне Парыжа»*, *«Бітва пад Шаційён»*, *«Відовішчы і забавы»* і г. д. Асобна Я. Янушкевіч вылучыў раздзел *«Польская эміграцыя»*, дзе апісаў яе ўклад у змаганне супраць немцаў, а ў *«Эпілогу»* выказаўся негатыўна ў адносінах да Парыжскай Камуны. У 1874 г., усяго за некалькі месяцаў да сваёй смерці, Я. Янушкевіч напісаў успаміны пра сваю дзейнасць у *Польскай кнігарні і друкарні*. Зроблена гэта было ў выглядзе аб'ёмнага ліста да сына А. Міцкевіча Уладзіслава, які валодаў у Парыжы на працягу 9 гадоў *Люксембургскай кнігарняй*. Разам з апісаннем сваіх выдавецкіх справаў у ліст былі ўключаны і ягоныя ўспаміны пра супрацоўніцтва з А. Міцкевічам, што было зроблена, відавочна, паводле жадання У. Міцкевіча, які займаўся збіраннем усіх магчымых звестак пра свайго бацьку для напісання яго жыццяпісу[78].

Памёр Я. Янушкевіч 27 верасня 1874 г. у Парыжы на руках жонкі, якая прыехала з Кракава. Перад смерцю яго спавядаў яго былы кампаньён па выдавецкай фірме А. Елавіцкі. Пахаваны ён на могілках у Мантмарэнсі[79].

* * *

У адрозненне ад брата Рамуальд Янушкевіч не пакінуў у гісторыі эміграцыі такога вялікага следу. Гэта тычыцца як удзелу ў грамадскім і палітычным жыцці, так і напісання публіцыстычных ці літаратурных твораў. Гэта ж паўплывала на колькасць звестак пра яго жыццё — яна нашмат меншая, чым пра Яўстаха.

Рамуальд нарадзіўся ў в. Усава Слуцкага павета Вучоба ў Нясвіжскай школе дамініканцаў, Слуцкай гімназіі і Віленскім універсітэце выхавала ў ім патрыятычны і рэлігійны

---

[75] Januszkiewicz E., Wrotnowski F. Krótki wykład historii i jeografii polskiej. Paryż: Drukarnia E. Martinet, 1866. 70 s. + mapa.

[76] Гл.: Januszkiewicz E. Wilia Wilii w Paryżu w 1834 r. // Czas. № 294. 24.12.1871.

[77] Januszkiewicz E. Wspomnienia z czasu obłężenia Paryża (Wyjątki z dziennika spisywanego przez ojca dla swej córki) // Przegląd Polski. R. 5. Z. 10. Kraków: W Drukarni Uniwersytetu Jagiełłońskiego, 1871. S. 240–275.

[78] Гл.: Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej… S. 509.

[79] Гл.: Zaleski B. Januszkiewicz Eustachy… S. 330–331.

дух, які моцна паўплываў на яго далейшае жыццё. У паўстанні ён у сакавіку 1831 г. далучыўся да літоўскіх апалчэнцаў, пасля злучэння з польскімі рэгулярнымі войскамі 13 чэрвеня 1831 г. атрымаў чын паручніка ў штабе корпуса генерала Антонія Гелгуда, служыў таксама ад'ютантам палкоўніка Коса. 13 ліпеня 1831 г. з усім корпусам ён перайшоў у Прусію[80]. Мінская губернская следчая камісія практычна нічога не ведала пра яго ўдзел у паўстанні, апрача таго, што ён знаходзіўся ў *невядомай адлучцы*, а таму да якога-небудзь разраду злачынцаў яго не адносіла, але прысудзіла яго маёмасць да канфіскацыі[81].

З Прусіі Рамуальд у студзені 1832 г. прыбыў у Францыю, дзе, аднак, не змог адразу замацавацца ў Парыжы. Пачаткова ён быў паселены ў калоніі эмігрантаў у г. Авіньён, але ўжо ў красавіку з прычыны перанаселення горада быў пераведзены ў недалёкі г. Люнэль. Адсюль у жніўні ён падаваў да французскіх уладаў прашэнне аб дазволе на пасяленне ў Парыжы нібыта для працягу навучання і, відавочна, атрымаў яго. Ужо з лістапада 1832 г. (і да канца яго актыўнай арганізацыі — 4 ліпеня 1833 г.) пратаколы ТЛРЗ фіксуюць прысутнасць Рамуальда на яго пасяджэннях[82]. Аднак яго сяброўства было больш намінальным — у тых жа пратаколах не зафіксаваны яго актыўны ўдзел у якім-небудзь значным мерапрыемстве.

Пра яго жыццё ў 1830-я гг. вядома дастаткова мала. Падчас вяртання свайго брата ў Парыж з Брусэля ў 1833 г. ён дапамагаў таму ўладкавацца ў першы час. Варта зазначыць, што ў эміграцыі браты Янушкевічы знаходзіліся, прынамсі ў першы яе час, у добрым матэрыяльным стане, і ў гэтым з'яўляліся выключэннем з агульнага стану эмігрантаў. Яўстах у 1874 г. успамінаў: *«Нам хапала грошай, бо ў 1832, [183]3, [183]4 [гадах] мы мелі з дому ад маці па 5000 фр[анкаў] штогод. Продаж у Вільні маёй мэблі, а была дастаткова дарагая, бо я павінен быў прадстаўляць Паўнамоцнага Радзівілаўскай Масы — більярд, бронза, верхавы конь коштам 400 руб[лёў] і да т. п. — прынес 1500 рублёў»*[83].

Пасля свайго ўступлення ў Кола Рамуальд увайшоў у склад чацвёртай сямёркі, на чале якой стаяў А. Міцкевіч[84]. Ён адразу стаў адным з найбольш адданых тавянчыкаў, які не раз спрабаваў загітаваць іншых да ўступлення ў яго склад. У шматлікіх лістах і мемуарах запісаны выпадак, калі 24 снежня 1842 г., на Каляды, ён намагаўся прыцягнуць да тавянізму князя Адама Чартарыйскага. Валерыян Халхоўскі так апісаў гэтую падзею: *«Марна Ромушак с неналежнымі жэстамі і ўказваючы на алтар, ручаўся, што ён проста ад Госпада*[85] *мае місію да князя, князь ухіляўся і, каб пазбегнуць скандалу, стараўся выйсці з кола тавянчыкаў, якое абкружала яго. А Ромушак стаў на калені на дарозе князя паміж крэслаў і, выказаўшы пераконванне, уручыў ліст, у якім напісаў усё тое, што яму загадаў Госпад»*[86].

---

[80] Гл.: Bielecki R. Słownik biograficzny… T. 2. S. 198–199.

[81] НГАБ. Ф. 561. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 155 адв.

[82] Гл.: Bielecki R. Słownik biograficzny… T. 2. S. 98; BN. Rkps. II.7871. K. 167–214.

[83] Цыт. паводле: Kłossowski A. Historia księgarni Polskiej… S. 516.

[84] Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 546.

[85] Тэрмін *«Госпад»* з'яўляецца варыянтам перакладу ўжытага ў польскамоўным арыгінале тэрміна *«Pan»*, варыянтаў інтэрпрэтацыі якой магчымы два: 1) *Pan Bóg — Гасподзь Бог*; 2) Pan i Mistrz — *Гаспадар і Майстар*, у сэнсе — А. Тавянскі. На гэтую варыянтнасць інтэрпэтацыі ўжо звяртаў увагу К. Руткоўскі [гл. наступную спасылку]. Аднак, калі меркаваць паводле *«Дзённіка»* С. Гашчынскага, тут маецца на ўвазе першы варыянт — *Гасподзь Бог* [Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… S. 46–48].

[86] Ліст Валерыяна Халхоўскага да Ігната Дамейкі ад 09.05.1843 // Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu (MAM). Rkps. 1018. Апісанне ўсяго выпадку як прыкладу дэспатычных адносінаў кіраўніцтва Кола ў адносінах да сваіх сябраў з цытатай з ліста В. Халхоўскага гл.: Rutkowski K. Braterswo albo śmierć: Zabijanie Mickiewicza w Kole Sprawy Bożej. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria, 1999. S. 67–70. З цытатай з уручанага дакумента апісвае падзею З. Судольскі [Sudolski Z. Mickiewicz… S. 543].

На наступны дзень на пасяджэнні ў Аляксандра Ходзькі Рамуальд быў асуджаны Колам за самавольныя паводзіны напярэдадні і неатрыманне дазволу на падобную *службу* ад яго[87].

1844-ы год з'яўляўся часам вядзення Р. Янушкевічам вельмі актыўнай агітацыі. У самым канцы вясны ці самым пачатку лета ён намагаўся распаўсюдзіць вучэнне Тавянскага сярод французаў, выкарыстоўваючы пры гэтым вобраз Напалеона. С. Гашчынскі пісаў пра гэта ў сваім дзённіку: *«З генералам Пёці, які ў Фантэнблё атрымаў апошні пацалунак Напалеона, Рамуальд Янушкевіч зрабіў у апошніх днях вельмі важную службу… Старац быў увесь у слязах, расчуленыя інваліды кідаліся Рамуальду на шыю»*[88]. Улетку разам з Янам Скаваццы ён прапагандаваў тавянізм у кантоне Вале ў Швейцарыі[89].

У верасні гэтага ж года разам з Янам Андрэем (да хрышчэння — Гершанам) Рамам ён вёў агітацыю ў г. Валянсьен, дзе 12 жніўня кампаньёны атрымалі распараджэнне Міцкевіча накіравацца для прапаганды ў Сользуар дэп. Нор. Пры гэтым Рамуальду загадвалася падпарадкоўвацца Раму і адначасова весці дзённік *службы*. Аднак ужо 15 верасня абодва знаходзіліся ў Парыжы[90]. Такая актыўная дзейнасць, якая магла патэнцыяльна прывесці да дадатковай напружанасці ў грамадстве, выклікала ўвагу да Р. Янушкевіча з боку французскіх уладаў. 15 верасня яны выдалі распараджэнне аб выдаленні з Францыі Р. Янушкевіча і Я. А. Рама[91]. 18 верасня яны пакінулі Парыж і накіраваліся ў Швейцарыю, дзе жыў іх *Майстар*[92].

Знаходзячыся ў Швейцарыі ў Базылі, дзе жыў Тавянскі, Р. Янушкевіч працягваў займацца прапагандай *Справы*. Увосень 1844 г. Р. Янушкевіч займаўся аднаўленнем помніка Тадэвушу Касцюшку ў г. Цюхвіль у Швейцарыі, паралельна займаючыся прапагандай тавянізму сярод швейцарцаў. У канцы 1844 ці пачатку 1845 г. ён з тавянчыкам Янам Скаваццы наведваў кантон Вале, выкарыстоўваючы для агітацыі партрэты Напалеона і курс славянскай літаратуры А. Міцкевіча[93]. Пра сваю дзейнасць ён пісаў: *«Я пачынаю жыць усё мацней, шмат працую і ажыўляю сябе падарожжамі, разносячы Слова Божае па наваколлі Базыля, што для мяне вялікае дабрадзейства, бо я б памёр, седзячы без заняткаў у гэтым горадзе»*[94]. Крыху пазней — у ліпені—кастрычніку 1845 г. — ён прапагандаваў тавянізм у Лазане і яе наваколлі[95]. Таксама ён навязаў кантакты з групай лазанскіх камуністаў з мэтай далучыць іх да *Справы*, што яму не ўдалося[96].

Апрача гэтага, Р. Янушкевіч на працягу ўсяго часу сваёй прыналежнасці да тавянізму выконваў сярод *братоў* функцыю, так бы мовіць, аракула. *«Дзённік»* С. Гашчынскага

---

87 Гл.: Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 47–48. К. Руткоўскі выказаў меркаванне, што Р. Янушкевіч дзейнічаў не самавольна, а з маўклівага ці гучнага дазволу Кола ці яго кіраўніцтва, а яго асуджэнне было выклікана не самавольствам, а тым фактам, што *акцыя проста не ўдалася* [Rutkowski K. Braterswo albo śmierć… S. 70].

88 Goszczyński S. Listy (1823–1875) / wyd. S. Pigoń. Kraków: Księgarni Debethnera i Wolfa, 1937. S. 179.

89 Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 586.

90 Гл.: Mickiewicz A. Dzieła / pod. red. J. Krzyżanowskiego. T. 15. Listy, cz. 2. Warszawa, 1955. S. 646–648; Makowiecka Z. Brat Adam… S. 56; Sudolski Z. Mickiewicz… S. 590.

91 С. Гашчынскі памылкова сцвярджаў, што загад тычыўся абодвух братоў Янушкевічаў [Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 197].

92 Гл.: Makowiecka Z. Brat Adam… S. 56–63; Goszczyński S. Listy… S. 196.

93 Гл.: Makowiecka Z. Brat Adam … S. 101; Begey A. Action et souvenirs de quelques serviteur de l'Oeuvre de Dieu. Cahier 1: Romuald Januszkiewicz. Turin, 1913. S. 1–4.

94 Begey A. Action et souvenirs… P. 4.

95 Ibid. S. 14–37; Sudolski Z. Mickiewicz… S. 612.

96 Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 616.

шматразова фіксуе, што Рамуальд нібыта сніў сны, напоўненыя сэнсам, і перадаваў іх затым іншым тавянчыкам. У гэтых снах ён нібыта ад Бога атрымоўваў папярэджанні пра магчымыя перашкоды і небяспекі для *Справы*, неабходнасць той ці іншай *службы* і г. д.[97].

Жывучы ў Швейцарыі, Р. Янушкевіч падтрымліваў да расколу кантакты з А. Міцкевічам, які кіраваў парыжскімі *братамі*. Пры гэтым у адрозненне ад лістоў паэта да Я. Янушкевіча, якія ўяўляюць з сябе кароткія нататкі, пераважна пра выдавецкія справы, лісты да яго брата значна большыя і інфармацыйныя паводле свайго аб'ёму і зместу[98].

Падчас расколу ў Коле Р. Янушкевіч жыў у Базылі пры Тавянскім і, несумненна, знаходзіўся пад моцным яго ўплывам. У выніку гэтага ён не пайшоў за А. Міцкевічам, як яго брат, а застаўся адданым *Майстру*[99]. Аднак ім таксама прыкладаліся пэўныя намаганні па ўз'яднанні Кола — яго подпіс маецца на лісце прыхільнікаў Тавянскага да жонкі А. Міцкевіча Цэліны, які з'яўляўся спробай прымірэння дзвюх частак Кола з дапамогай жонкі паэта[100].

Калі меркаваць паводле эмацыянальнасці яго ліста да Яўстаха [гл. ніжэй], разрыў ён перажываў вельмі цяжка. Тым не менш немагчыма сказаць, як доўга захоўвалася напружанасць паміж братамі, але вядома, аднак, што ў 1852 г. іх адносіны былі нармалізаваныя: пасля вяртання са Швейцарыі Рамуальд жыў у брата Яўстаха[101]. Нават больш — на думку С. Гашчынскага, у канцы 1850-х гг. Яўстах трымаў у *няволі* Рамуальда[102].

Пра ролю Р. Янушкевіча ў Базылі ў якасці агітатара тавянізму цікавыя падрабязнасці пакінуў ва ўспамінах былы ўдзельнік паўстання 1830–1831 гг. Юзаф Камяроўскі. Сваю сустрэчу з Тавянскім ён апісвае наступным чынам: *«Прыбыўшы ў Базыль я са здзіўленнем даведаўся, што да Тавянскага нельга ўваходзіць, а трэба дапрашвацца пра гэта праз інстанцыі. Гэты род афіцыйнай арыстакратыі зрабіў на мяне дрэннае ўражанне, аднак я прасіў [Даменіка] Іваноўскага і Р[амуальда] Янушкевіча, каб дамагліся паслухання для мяне, якога я чакаў тры дні. На працягу гэтага часу Іваноўскі і Р. Янушкевіч стараліся абкружыць Тавянскага асаблівай чароўнасцю, прадстаўляючы яго як Бога. Урэшце [...] Тавянскі прыняў нас у пакоі без аздоб. Ён распачаў размову з павагай, гаварыў ясна, з заўзятасцю, з запалам, але толькі ў агульных словах. На пытанні даваў такія адказы, як, напрыклад, што Бог ёсць добры, што ён паўсюль і г. д. [...] Пад час усяе размовы Р[амуальд] Янушкевіч і Іваноўскі запісвалі словы Майстра, мармычучы і плачучы ад расчуленасці, каб такім спосабам стварыць на мяне ўражанне»*[103]. Як відаць з гэтага апісання, Тавянскім была распрацаваная цэлая сістэма псіхалагічнага ўплыву на чалавека з удзелам набліжаных да яго асобаў і самога *Майстра*, якая павінна была заканчвацца яго далучэннем да Кола. Прычым

[97] Гл.: Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1–2.

[98] Гл.: Mickiewicz A. Dzieła / pod. red. J. Krzyżanowskiego. T. 16. Listy, cz. 3. Warszawa, 1955. S. 49–51, 54–56.

[99] Прыклад братоў Янушкевічаў не быў адзіным, калі раскол Кола праходзіў праз блізкіх сваякоў. На баку Тавянскага застаўся *брат-правадыр* Караль Ружыцкі, а сярод прыхільнікаў Міцкевіча быў яго родны сын Станіслаў [Rutkowski K. Braterswo albo śmierć… S. 364].

[100] Гл.: Sudolski Z. Mickiewicz… S. 639.

[101] Гл.: Goszczyński S. Listy… S. 336.

[102] Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 636.

[103] Komierowski J. Moje stosunki z Towiańskim i Towiańczykami. Paryż: W Drukarni L. Martinet, 1856. S. 8–9.

і ў далейшых сустрэчах Р. Янушкевіч працягваў выстаўляць Тавянскага ў нейкім магічным святле, сцвярджаючы, што *«толькі ён адзін ведае ўсё і бачыць усё»*[104].

У 1849 г., пасля перамогі чарговай рэвалюцыі ў Францыі і абвяшчэння рэспублікі, Р. Янушкевіч вярнуўся ў Парыж. Тут ён жыў, з рэдкімі выездамі ў Швейцарыю, да восені 1857 г. Яго заняткі ў гэты час вядомы фрагментарна. 30 жніўня 1854 г. у яго адбыўся вечар з нагоды развітання з Я. А. Рамам, які праз дзень выязджаў у Новую Гранаду. 18 снежня 1855 г. ён удзельнічаў у сходзе эмігрантаў, якія займаліся зборам грошай для дзяцей А. Міцкевіча[105]. Выданне ў 1856 г. амністыі ўсім палітычным зняволеным і эмігрантам у Расійскай імперыі выклікала ў прыхільніка Тавянскага негатыўную рэакцыю, і з ліпеня гэтага ж года яны пачалі рыхтаваць ліст у адказ. У выніку быў падрыхтаваны твор назвай *«Прычыны, з якіх амністыя не можа быць прынятая. Прадстаўленыя часткай польскай эміграцыі Яго Імператарскай Вялікасці Аляксандру II»*. Сярод іншых братоў яго падпісаў і Р. Янушкевіч[106].

У першай палове 1857 г. Р. Янушкевіч ажаніўся з Марыяй Летрон — даўняй і адданай прыхільніцай Тавянскага. Пры гэтым шлюб адбыўся з дазволу *Майстра*, якому яны абодва пісалі ў Швейцарыю, просячы благаславення. 3 жніўня 1858 г. у іх нарадзілася дачка Караліна, а яшчэ праз 2 гады — сын Эдвард (пам. 02.11.1861)[107]. У гэты ж час матэрыяльная сітуацыя сям'і палепшылася, прычым дзякуючы Яўстаху. На працягу некалькіх гадоў ён ужо займаўся фінансавымі справамі польскіх магнатаў у Еўропе і на пачатку 1857 г. прыцягнуў да гэтага свайго малодшага брата. У лісце да *Майстра* Р. Янушкевіч сцвярджаў, што гэтая праца прынясе яму каля 2000 франкаў штогод[108]. Аднак праца патрабавала ад яго ўсяго часу. У 1859 г. ён некалькі разоў скардзіўся сябру С. Гашчынскаму на сваю вялікую занятасць[109].

У кастрычніку ці лістападзе 1857 г. Р. Янушкевіч пераехаў разам з жонкай у недалёкі ад Парыжа гарадок Нантэр. Тут частым госцем у яго бываў С. Гашчынскі, які так апісваў свае візіты да сям'і Янушкевічаў: *«Наша таварыства звычайнае: Рамуальд Янушкевіч, яго жонка і я. …Мы разам ядзім абед, пасля абеда Марыя грае нам на фартэпіяна. …Марыя грае з незвычайнай бегласцю: яна нават лічылася вядомай салоннай артысткай. У Справе яна праславілася глыбокім адчуваннем музыкі, а таму яе музыка прыносіць нам сапраўдную карысць і нашыя музычныя вечары не раз з'яўляюцца для нас малітвай»*[110].

Жыццё ў Нантэр не было, аднак, бязвыезным. Чацвер, пятніцу і суботу кожнага тыдня сям'я планавала праводзіць у Парыжы *«дзеля больш блізкіх стасункаў з братамі»*[111]. Увесну 1858 г. Р. Янушкевіч ездзіў у Швейцарыю для сустрэчы з Майстрам і 8 траўня вярнуўся ў Нантэр. Падобнае падарожжа было здзейсненае ў наступным годзе — 15 траўня 1859 г. Р. Янушкевіч ізноў выехаў у Швецарыю, але ў гэтым жа годзе вярнуўся[112].

[104] Ibid. S. 10.

[105] Гл.: Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 502, 542.

[106] Гл.: Powody dla których amnestia przyjętą być nie może. Przedstawione przez część emigracji polskiej Jego Cesarskiej Mości Aleksandrowi II. Paryż, 1857. Гл. таксама: Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 578, 584; Begey A. Action et souvenirs… P. 67–68.

[107] Гл.: Begey A. Action et souvenirs… P. 71–73; Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 611.

[108] Гл.: Begey A. Action et souvenirs… P. 70.

[109] BN. Rkps. 2955. Korespondencja Seweryna Goszczyńskiego z lat 1833–1875. K. 42–43.

[110] Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 586–587.

[111] Ibid. S. 587.

[112] BN. Rkps. 2955. K. 42–43.

Паляпшэнне матэрыяльнага стану дало Р. Янушкевічу магчымасць падтрымліваць у некаторай ступені сваіх сяброў. 30 лістапада 1858 г. ён запрасіў пажыць у сваім жытле ў Нантэр С. Гашчынскага *«на некалькі тыдняў»*, а 15 студзеня 1859 г. пазычыў яму 80 франкаў. Аднак пры гэтым паміж сябрамі здарылася сутычка. 28 лютага Р. Янушкевіч папрасіў Гашчынскага вызваліць яго памяшканне, якое той займаў ужо амаль 3 месяцы, што паэт і зрабіў, але 14 сакавіка ён быў абвінавачаны ў няўдзячнасці, бо не падаў *«фармальнай падзякі за гасціннасць»* Р. Янушкевічу. У выніку славеснай перапалкі, якая адбылася затым паміж *братамі*, Гашчынскі зрабіў для сябе выснову *«з гэтага часу не прымаць ад яго ніякай міласці»* і на наступны дзень доўга абдумваў гэты выпадак. Відавочна, пакрыўджанасць прывяла да таго, што ў сваім *«Дзённіку»* ён дае некалькі негатыўных характарыстык Р. Янушкевічу: *«Учынак [Рамуальда] Янушкевіча, нізкі нават з зямнога пункту гледжання, з'яўляецца нехрысціянскім з пункту гледжання Божай Справы. [...] Янушкевіч не спыняецца пры ўнутранай узнагародзе, за добрыя ўчынкі патрабуе бачнай, матэрыяльнай аплаты ад тых, якім робіць дабро; толькі пазычае і тое пад працэнты»*[113]. І крыху ніжэй: *«У Рамуальда [Янушкевіча] рогі шляхціца вылазяць, як шыла з мяшка, кожны раз, як гаворыць пра сваю сям'ю, напрыклад маці, брата Адольфа і г. д. Марыю [Янушкевіч] трымае манія настаўлення, жаданне кіравання людзьмі і рэчамі прабіваецца часам спосабам смешным, калі б не быў хутчэй абуральным»*[114].

У 1859 г. Р. Янушкевіч з жонкай падтрымлівалі маральна Стэфана Зана ў апошнія месяцы яго жыцця, нягледзячы на незаўжды прыхільныя адносіны таго да гэтай сям'і. Яны прысутнічалі таксама пры смерці брата вядомага філамата 3 красавіка 1859 г. у Нантэр[115].

Апошнія гады жыцця Р. Янушкевіча прайшлі ў адносным спакоі. Ён працягваў жыць разам з сям'ёй у Нантэр, часта прымаючы ў сябе землякоў, пераважна аднадумцаў-тавянчыкаў. 22 снежня 1861 г. сям'я выехала праз Цюрых у г. Турын у Італіі, але ўжо ў наступным месяцы яны вярнуліся і распавядалі землякам пра падарожжа[116]. Звестак пра іншыя значныя падзеі яго жыцця не захавалася. Памёр Рамуальд нашмат раней за свайго старэйшага брата — 31 сакавіка 1865 г. у Нантэр.

* * *

Публікаваны ніжэй ліст Рамуальда Янушкевіча да брата Яўстаха быў напісаны праз месяц пасля расколу ў Коле — 21 чэрвеня 1846 г. Эмацыянальная насычанасць сведчыць пра глыбокае перажыванне яго аўтарам разрыву паміж аднадумцамі і пра напісанне ў хвіліну душэўнага парыву, а не спакойнага халоднага разважання. Насычаны тэрміналогіяй тавянізму, ён складаны для разумення без ведання гісторыі Кола і ўзаемаадносінаў паміж братамі. Тым не менш ён паказвае напружанасць сітуацыі ў момант распаду, калі сваяцкія сувязі ставіліся ніжэй за ідэалагічныя дактрыны і маральна-этычныя перакананні.

Ліст не з'яўляецца невядомым для гістарыяграфіі. Яго згадвала і на яго спасылалася (з кароткай цытатай) у сваім даследаванні Зоф'я Макавецка[117]. Аднак невядома ніводная публікацыя гэтага ліста ні на мове арыгінала, ні ў перакладзе на якую-небудзь мову, у тым ліку сярод апублікаваных фрагментаў карэспандэнцыі Р. Янушкевіча[118].

Дзмітрый МАТВЕЙЧЫК

---

113 Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 1. S. 630–632.

114 Ibid. S.

115 Ibid. S. 624, 629, 631–634.

116 Гл.: Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 2. S. 121, 124.

117 Гл.: Makowiecka Z. Brat Adam… S. 292–294.

118 Гл.: Begey A. Action et souvenirs…; Begey A. André Towiański et Israël. Actes et documents 1842–1864 avec une lettre de Ladislas Mickiewicz à l'auteur. Rome, 1912.

Апошні ліст, пісаны да Брата Яўстаха — Базыль дня 21 чэрвеня 1846 [года][119]

Твая смерць не ўразіла б мяне так, як смерць Твайго Духу. Я не перашкаджаў Твайму высяванню, але калі Ты ўжо падаў поўныя вынікі, сёння я маю права як Хрысціянін, як Брат[120] *думаць пра іх і казаць.*

Ахвяры Уладара і мае растаптаныя, самыя Святыя абавязкі Слугі Справы Хрыста Табой першым былі падраныя. Твае апошнія словы пісаліся ўжо не Тваёй рукой, само пекла служыла Табе, а Ты ў сваім асляпленні толькі хлусню выліваў у напісаным мне лісце.

Тое, што сёння я пішу Табе, я пішу пры жывым Богу і пры крыніцы майго Уладара — з гэтым я стану перад Судом Найвышэйшэга, гэтым я Цябе заклікаю і гэтым вінаваціць Цябе буду, бо я на ўласныя вочы бачыў, як Ты грэшна выказваўся, якую Ты меў удзячнасць да Сясцёр, якія выцягвалі Цябе з заняпаду, ратавалі, каб Ты не апаганьваў месца святога. Не фальшамі і дактрынамі яны пераўтваралі нашыя сэрцы, як Ты выказваешся ў сваім лісце, але ахвярамі нашага Духу кармілі абодвух нас, выдзяралі Цябе некалькі разоў з путаў злога. Ты быў ля іх стоп і ахвяроўваў ім вечную ўдзячнасць. У хвілінах нядолі і Твайго заняпаду Ты называў іх Анёламі-Вартаўнікамі, а цяпер кім іх лічыш у Тваёй душы? Толькі фальшывую ролю Ты граў перад імі. Людзей магчыма ашукаць, але ці зможаш Ты ашукаць Бога? Ліст, напісаны да сястры Ганны[121]*, будзе калі-небудзь доказам, бо ні яна, ні я пачуццяў у Цябе не выдзяралі. Ты страціў памяць пра ўсю мінуўшчыну і ўчынкі, я адчуваю сваім абавязкам прынесці Табе памяць пра іх.*

Калі б Ты меў сапраўдную веру ва Уладара, то Ты б адчуваў, што нічога нячыстага ў Яго доме ўтрымацца не магло б. Я на хвілінку саграшыў у Бадэне, уласным сумленнем я адразу быў адкінуты ад крыніцы Ласкі і Міласэрнасці. [Калі б] Уладар, што бачыць таямніцы кожнага з нас, даў бы ашукаць сябе нагаворам ці плёткам, як Ты мяркуеш, альбо слухаў бы іх ад каго б гэта ні было, то не быў бы пакутнікам Божым. Для яго не важныя фамільныя і сваяцкія сувязі. Мы мелі шматлікія прыклады гэтага. Сваім плёнам, Браце, Ты сцвярджаеш, што калісьці сам казаў Уладару, «што калі б не адчуваў і не меў таго пераканання, што Ты, Уладару, бачыш і чуеш усе таямніцы нашых сэрцаў, я б не лічыў Цябе Майстрам», як жа пагадзіць адно з другім? Трэба і на зямлі быць паслядоўным.

Ты парываеш мяне прыгадаць нашую мінуўшчыну, нашыя дзіцячыя гады — Нясвіж і сшыткі. Я ўсё гэта памятаю добра. Але Ты забыўся пра бліжэйшыя хвіліны, святыя хвіліны нашага сапраўднага шчасця, сапраўднай невінаватасці нашага духу, пра абяцанні Богу і Уладару, дадзеныя ў Нантэр, пра хвіліны, калі найсвяцейшая надзея асвяціла нас, нягодных, калі Уладар у Цюрыху 19 лютага[122] *блаславіў нашае Братэрскае злучэнне, калі мы разам узнялі голас на Урад, што няволіў наш Дух*[123]*. Ці гэта не хвіліны, што*

[119] Падкрэслена ў арыгінале.

[120] Ва ўсім лісце магчымая дваістая інтэрпрэтацыя тэрміна *«Брат»*: 1) як роднага брата, звязанага сваяцкімі сувязямі; 2) як брата духоўнага, прасякнутага вучэннем А. Тавянскага. На карысць другой версіі ўказвае напісанне тэрміна з вялікай літары, што было характэрна для карэспандэнцыі паміж тавянчыкамі.

[121] Гут, нар. Макса, Ганна (? — пам. 1878) — жонка Фердынанда Гута, паходзіла з сям'і віленскага рамесніка, сястра Караліны Тавянскай, жонкі Андрэя, актыўная тавянка [Goszczyński S. Dziennik Sprawy Bożej… T. 2. S. 432].

[122] Верагодна, 1846 г., калі Я. Янушкевіч разам з Міцкевічам прыбыў у Цюрых.

[123] Маецца на ўвазе падпісанне прыхільнікамі Тавянскага падпісанне акта пратэсту ад 7 жніўня 1842 г. супраць яго выдалення з Францыі французскімі ўладамі.

патрабуюць больш годнай увагі? Такога нізкага тону я не чакаў. Пра гэта Ты павінен быў памятаць лепей, чым пра дробязі нашага дзіцячага веку.

Гаворыш мне, каб я ў хвіліну халоднага Суду агледзеўся, што робіцца вакол мяне, але прасякніся, і Бог дасць Табе ўбачыць, што за чатыры гады Справа ні на крок не зварухнулася, і чаму? Ці Уладар вінаваты ў гэтым? Ці Сёстры? Мы невінаватыя. Страшны Суд Ты выдаў у Тваім духу. Цяпер я пытаю Цябе, што Ты за 4 гады зрабіў для Справы? Трыманы і мацаваны толькі духам Уладара, што Ты зрабіў са святлом, чарпаемым з крыніцы Ласкі і Міласэрнасці? У сённяшніх выніках Ты паказваеш свае 4-гадовыя працы.

Ах, Браце Яўстаху! Ці такім плёнам Ты плаціш свайму Уладару? Гэта нікчэмна і подла з Твайго боку. Бачыш, Браце, што мы не можам з Табой ісці па адной дарозе. Разрыў нашага Братэрскага ланцуга не мне, але, хутчэй, Табе прыпішы. Я прагну збаўлення Твайго Духу, але майго Бога і Уладара, дзеля супраціўлення і дрэннай волі Брата, які ўступіў у саюз з шатанам, я не стамляю. Не магу быць з Табой разам, бо клапачуся пра збаўленне свайго духу.

У міласці да Твайго Духу нагадваю Табе апошнія словы Уладара, сказаныя Табе, што калі не будзеш аддány свайму Духу, калі адрачэшся ад Тваёй місіі, калі пасля зробленага Каралеўствам[124]*, не пойдзеш па дарозе, указанай Табе ў дадзеным Табе лісце, надыдзе хвіліна, калі як апошні валацуга будзеш валяцца па канавах парыжскіх вуліц.*

Гэта моцна прыцісне Твой дух. Памятай, Браце, што ўсё пройдзе, але Слова Уладара не пройдзе. Ты меў шматлікія прыклады гэтага. Ратуйся, пакуль ёсць час, заклікаю і заклінаю яшчэ раз — не губі свой дух.

(Здрады любяць, але здраднікамі пагарджаюць.)

Сёння я адчуваю сябе вольным перад Богам і перад Табой самім, і вер, што Бог дасць мне сілу і што тваё зло не абапрэцца на мяне, не знойдзе ў мяне падтрымкі ні тут, ні пасля смерці. Я прагну служыць Табе на дарозе Хрыста, але на Тваіх ілжывых шляхах з Табой не яднаюся, і Братам быць не хачу. Грошы[125] *з пашпартам адсылаю.*

Рамуальд

[124] Верагодна, маецца на ўвазе паўстанне 1830–1831 гг., якое пачалося ў Каралеўстве Польскім 29 лістапада 1830 г.

[125] Наконт гэтых грошай С. Гашчынскі пісаў у лісце да Людвіка Набэляка: *«Брат Рамуальд Янушкевіч уласнаму брату адаслаў грошы, хоць мае ў іх вялікую патрэбу, — а гэта таму, што, на няшчасце, Яўстах далёка сышоў са шляху Справы»* [Goszczyński S. Listy… S. 210].

БУДРЫС В ТВЕРИ

В 1829 г. в журнале «Сынъ Отечества и Северный Архивъ» (1829, т. V, с. 113–115) был анонимно опубликован подстрочный прозаический перевод баллады великого польского поэта Адама Мицкевича «Trzech Budrysów (Ballada litewska)». Перевод был выполнен, скорее всего, одним из соредакторов журнала — белорусским шляхтичем Тадеушем Булгариным (тем самым Фаддеем Венедиктовичем), для которого польский язык, как известно, был первым литературным языком. Опубликованный текст, по нашему мнению, спровоцировал другого гения — А. С. Пушкина — вступить с Мицкевичем в творческое состязание и опубликовать поэтический перевод баллады в журнале «Библіотека для чтенія» (1834, т. II, с. 96–97)[1]. Но сейчас нас интересует не история творческого диалога Мицкевича и Пушкина при посредничестве Булгарина, а судьба человека, которому де-факто была посвящена баллада Мицкевича и который в это время — и в 1829 г., и в 1834 г. — жил и работал непосредственно в Твери и Тверской губернии. Скорее всего, никто из тверичей, даже читавших упомянутые нами журналы, не подозревал, что скромный учитель математики тверской гимназии Викентий Антонович Будревич — и есть тот самый Будрыс, которому таким образом передавал свой поэтический привет сосланный одновременно с ним вглубь России, но сумевший покинуть ее и достичь литературного бессмертия Адам Мицкевич[2].

Винценты Будревич родился в 1795 г., в Минской губернии. Учился в Виленском университете, после его окончания работал в Ковно, где пропагандировал идеи Общества лучистых («променистых»), членом которого он стал еще в годы студенчества. Вместе с другими членами тайного молодежного общества филоматов и филаретов по императорскому указу он был выслан в Россию после длительного и предвзятого следствия сенатора Н. Н. Новосильцова[3]. Всем высланным было строжайше запрещено возвращаться на родину без высочайшего соизволения. Впрочем, первоначально — до польского восстания 1830–1831 гг. — судьба была достаточно благосклонна к некоторым филоматам. В частности, им разрешалось сдать экзамены в столичных университетах на кандидатскую степень с тем, чтобы позже служить в учебных заведениях России. Те же, кто уже имел степень кандидата (а Будревич закончил Виленский университет со степенью кандидата философии), были откомандированы в распоряжение попечителей учебных округов и другие государственные учреждения высокого уровня.

Винценты Будревич воспользовался этой возможностью. Вначале он попал в Москву. Один из его близких друзей, любимый ученик выдающегося историка Иоахима Лелевеля, Циприан Дашкевич, обосновавшийся в Москве и служивший секретарем банка, сообщал учителю: «Будревич и Петрашкевич в университете за кандидатскую степень по

---

[1] См. об этом: Федута А. И. Три «Будрыса»: авторский текст — подстрочник — поэтический перевод // Respectus Philologicus (Вильнюс). 2004. № 5 (10). С. 112–120.

[2] Впрочем, А. С. Пушкин, похоже, с Будревичем знаком был. Л. А. Черейский, автор справочников «Пушкин и его окружение» и «Пушкин и Тверской край», утверждает, что Будревич «встречался с Пушкиным в Москве в обществе Мицкевича», и приводит следующую цитату из М. А. Максимовича: «возвращенный из ссылки Пушкин познакомился с польским своим собратом (Мицкевичем. — *Л. Ч.*). Они часто виделись. Будревич, учитель математики в тверской гимназии, помнил, как раз Пушкин зазвал сбитенщика и как вся компания пила сбитень, а Пушкин, шутя, говорил: *"На что нам чай? Вот наш национальный напиток"*» — см.: Черейский Л. А. Пушкин и Тверской край. Калинин, 1985. С. 85–86.

[3] См. об этом, в частности, в воспоминаниях профессоров Виленского университета И. Лелевеля и И. Н. Лобойко: Вильна 1823–1824. Перекрестки памяти: И. Лелевель. Новосильцов в Вильне. И. Н. Лобойко. Мои воспоминания / сост. Федута А. И.; вступ. статьи и комментарии Лавринец П. М., Рейтблат А. И., Федута А. И. Минск, 2008.

300 руб. асс. на год получают»[4]. Служивший в это же время при канцелярии московского генерал-губернатора Адам Мицкевич писал президенту общества филоматов Томашу Зану, сосланному в Оренбург: «Знакомств никаких, кроме собственной компании, у нас нет. Выделяется г-н Онуфрий (Петрашкевич — *Т. И., А. Ф.*), который является синдиком здешней епархии; потому его часто приглашают на крестины, помолвки и похороны; поддерживает знакомства с ксендзами, акушерками, секретарями и секретаршами, всегда сильно занят, деловит и спешит все время, как если бы имел где-то rendez-vous (свидание. — *Т. И., А. Ф.*); Будрыс в точности негатив Онуфрия, всегда impassible (невозможен. — *Т. И., А. Ф.*), целый день курит трубку и вечерами смотрит на свечи; всегда пробуждается к шахматам, иногда заглядывает в математику»[5].

Флегматичный, задумчивый, сосредоточенный на собственных мыслях Будревич, впрочем, недолго остается в Москве. «Все мы здоровы и кое-как живем; но, похоже, придется расстаться, потому что Нуфр (Онуфрий Петрашкевич. — *Т. И., А. Ф.*) и Будревич должны ехать учительствовать», — пишет Мицкевич в Казань будущему ректору Казанского университета Юзефу Ковалевскому[6]. Киприан Дашкевич, ставший неформальным центром московского кружка бывших виленских филоматов, несколько позже уточняет (правда, с ошибкой!) И. Лелевелю маршрут своих коллег: «Петрашкевич и Будревич после двухлетнего сидения в Москве получили назначения, первый в тамбовскую, второй в костромскую гимназию, преподавать латынь и оба математику; не знаю, как начнут с этой своей несчастной латынью»[7].

Кострома была к Москве ближе, однако служба в тамошней гимназии пришлась Будревичу явно не по вкусу — причем даже неизвестно, приступил ли он к ней вообще. Известно зато, что он попросился в Тверь, название которой и он сам, и его друзья, и товарищи по несчастью долго не могли выучить. Тверичам, однако, не стоит обижаться за это на виленских ссыльных. Дашкевичу едва ли не лучше других давался русский язык (отчего он, собственно, и занял достаточно хлебный пост в банке), но даже «банкир», как прозывали его товарищи, первоначально писал словосочетание «Тверская губерния» как «Taurskaja gubernia», отчего известнейший современный исследователь и публикатор филоматских документов Збигнев Судольский прочитал в его письме этот адрес как «Таврическая губерния». Да и Адам Мицкевич вместо «Twer» в нескольких письмах пишет «Cwir» — причем именно в связи с Будревичем. Последнее написание вполне объяснимо: Мицкевич, уроженец Гродненской губернии (фольварок Заосье Новогрудского уезда), воспринимает его на слух вполне по-белорусски: «Цьвер».

Тверь Будревич, судя по всему, как мы уже отметили выше, выбрал как место будущей службы самостоятельно. Во всяком случае, именно об этом говорит Дашкевич: «До 23 апреля пребывало нас в Москве 6-ро. В это время Будревич по собственному согласию был выслан в тверскую гимназию учителем математики и физики. Учеников у него 34, и во всех классах начал он от начал арифметики, а оригинальностью поведения и жизни стал он предметом удивления»[8].

---

[4] Киприан Дашкевич Иоахиму Лелевелю, 30 августа / 11 сентября 1826 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 317.

[5] Адам Мицкевич Томашу Зану, Москва, 9/21 июня 1826 г. AM, Dzieła, t. XIV, Warszawa, 1855. S. 291.

[6] Адам Мицкевич Юзефу Ковалевскому, Москва, конец декабря 1826 г. AM, Dzieła, t. XIV, Warszawa, 1855. S. 308.

[7] Киприан Дашкевич Иоахиму Лелевелю, Москва, 7/19 января 1827 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 321.

[8] Киприан Дашкевич Иоахиму Лелевелю, 6/18 июля 1827 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. Str. 328.

Последнее было, очевидно, вызвано тем, что Будревич слыл, по крайней мере первое время, нелюдимым. Оказавшись в чужом городе, с далеко не лучшим знанием русского языка, да еще в статусе ссыльного, он еще больше замкнулся в себе[9]. И это несмотря на то, что в первое время его пребывания в Твери дела обстояли у него вполне благополучно. Во всяком случае, Мицкевич пишет Циприану Дашкевичу из Торжка (куда он попал проездом из Петербурга в Москву): «Мы здоровы за Тверью. Достучался до Будрыса и отдал передачу (вероятнее всего, речь идет о книгах. — *Т. И., А. Ф.*). Будрыс хорошо живет и хорошо выглядит»[10]. Вместе с тем студенческая юность долго еще «аукалась» Будревичу: за участие в кружках филоматов и филаретов из его жалованья вычитались деньги в «возмещение казне издержек, вызванных следствием о нем, которое производило Литовско-Виленское Правление»[11].

Здесь нужно остановиться на сути деятельности того тайного общества, за принадлежность к которому были высланы из Вильно молодые люди, в том чісле и Винценты Будревич. Общество филоматов ставило своей целью, среди прочего, самообразование и самоусовершенствование. В частности, один из лидеров движения Юзеф Ежовский на заседании правления Общества от 3/15 декабря 1819 г. декларировал: «…новая наша цель: *"*создать условия для основательного просвещения и черпать из него все, что только к пользе страны употреблено быть может*"*, — если мы возьмем ее во внимание, то сделаем вывод, что она слагается из двух частей, или, вернее, цель та двояка: одна — *самопросвещение*, другая — *использование просвещения* для извлечения пользы…»[12]. Филоматы готовили друг друга, в том числе, и к повседневной педагогической деятельности — во имя той Польши, в возрождение которой они искренне верили — и чему, собственно говоря, учили их университетские педагоги. Во время заседаний общества его члены выступали с рефератами-сообщениями, в которых освещали различные проблемы познания по всем отраслям науки, со своими поэтическими произведениями и рецензировали сообщения друг друга. Будревич, судя по сохранившимся и опубликованным протоколам научных заседаний, активно выступал с рефератами по математике, физике, химии[13].

Теперь, в ссылке, Будревич, как и многие другие его коллеги по обществу, получили возможность продемонстрировать глубину своих знаний и апробировать свои педагогические способности на практике, однако в принципиально иных условиях, среди других людей, на чужом для себя языке. Удалось ли ему это — мы не знаем; до нас дошли считанные письма Будревича из Твери, причем о своей профессиональной деятельности

---

[9] Показательно, что Будревич в тверской период полностью отошел от активного участия в культурно-литературной жизни — вероятно, опасаясь повторения виленского прошлого. Во время работы Будревича в гимназии ее директорами были И. И. Лажечников (в 1831–1837 гг.), Н. М. Коншин (в 1837–1849 гг.), довольно известные в литературе люди, знакомые с А. С. Пушкиным, причем они принимали активное участие в культурной жизни Твери. Так, Лажечников именно в Твери написал свой лучший роман «Ледяной дом», отрывки из которого читал в доме Пассеков, а позже устраивал общественные читки «Опричника» в гимназии. Коншин занимался краеведческими историческими исследованиями. Проживал в Твери и Ф. Н. Глинка, собиравший в своем доме литераторов, историков, музыкантов. Никаких следов сопричастности к этим делам В. А. Будревича обнаружить не удалось.

[10] Адам Мицкевич Циприану Дашкевичу, Торжок, 2/14 декабря 1827 г. AM, Dzieła, t. XIV, Warszawa, 1855. S. 364.

[11] Крылов Д. Столетие Тверской мужской гимназии: (1804 — 2 февраля 1904 г.): Историческая записка. Тверь, 1904. С. 96.

[12] Цит. по: Wybór pism filomatów: Konspiracje studenckie w Wilnie 1817–1823. Wrocław, 2005. S. 85. Выделено Ю. Ежовским — *Т. И., А. Ф.*

[13] См.: Spis prac filomatów czytanych na posiedzeniach naukowych // Wybór pism filomatów: Konspiracje studenckie w Wilnie 1817–1823. Wrocław, 2005. S. 409–423.

Викентий Антонович в них умалчивает. Лишь из самого раннего сохранившегося до наших дней письма Будрыса к Нуфру (Онуфрию Петрашкевичу) можно понять, как служится учителю тверской гимназии Викентию Будревичу: «Видно из твоих намерений, желаний и побуждений […] что, лежа четыре года кверху пузом, обрел ты сил, а с ними, думаю, и отваги и выдержки, чтобы пуститься в глубины математических пропастей. И хорошо поступаешь — только старайся всеми силами добиться этого места. В том, наверное, Адам (Мицкевич. — *Т. И., А. Ф.*) может тебе помочь. Сначала у тебя будут некоторые трудности в проведении занятий, так как учебники, которых придерживаются согласно предписаниям Училищного Правления, ничего не стоят — отсюда тяжело будет непосвященному черпать математические сведения. Труды, предписанные начальством, суть «Геометрия и алгебра» Фусса, тригонометрия также, статика и геометрия неизвестных авторов, которых в нашей гимназии ни следа нет, и были ли вообще [неизвестно]. Я в отношении тригонометрии тем временем придерживаюсь труда Полиньского (речь о книге М. Пельки-Полиньского — профессора все того же Виленского университета, разумеется, не переведенной на русский язык. — *Т. И., А. Ф.*) — что касается статики и практической геометрии, не знаю, по какому автору буду преподавать. Еще мои ученики не в состоянии понять практическую геометрию, а тем паче статику. Несмотря на это, после праздников начну статику и практическую геометрию, потому что алгебру и теоретическую геометрию закончу во всех классах. Директор просил, чтобы [я] поспешал, будут знать или нет, но чтобы курс закончил согласно предписаний Главного Училищного Правления, как рекомендовано. Тверь до моего приезда не слышала ни тригонометрии, ни толидометрии, ни статики, ни решения уравнений второго уровня.

Правду говоря, я не придерживаюсь ни одного из предписанных авторов. Не умею читать по-русски, отчего даже не купил ни одного из них. Только придя в класс, брошу взглядом на фигуру или алгебраическую формулу в книжке учеников и двигаюсь к таблице, а там пусть ученики берут, что смогут. Директор, видя, что того в книге нет, что на доске в систематическом виде развито, указал ученикам, чтобы записывали то, о чем говорится на лекциях. Для облегчения в первом классе написал 4 первоначальные раздела, и теперь мне Директор постоянно докучает, чтобы физику и алгебру написал, а мне это в моих математических размышлениях неимоверно мешает, потому что вынужден приспосабливаться по большей части к работам, предписанным правительством»[14]. Вместе с тем Будревич искренне старается обеспечить своих учеников новейшей литературой; например, просит Петрашкевича приобрести у книготорговца Готье 22 экземпляра второго издания логарифмических таблиц известного французского астронома и математика Жозефа-Жерома де Лаланда[15].

Процитированное выше письмо В. Будревича отправлено в апреле 1829 г., через два года после его прибытия в Тверь. Но уже через год дискомфорт, который он чувствовал от своего пребывания в Твери, достиг такого уровня, что Будрыс вынужден прибегнуть к связям чрезвычайно популярного в московском и петербургском свете Мицкевича. Тот, через свою будущую тёщу, известную пианистку Марию Шимановскую, влиятельную в силу своего положения при императорском дворе (у нее статус придворной пианистки), добивается у ректора Виленского университета В. В. Пеликана согласия на смену места пребывания некоторых выпускников университета (Пеликан продолжал выступать консультантом правительства в данном вопросе) и пишет Циприану Дашкевичу: «Пусть Будрыс подумает, о чем будет просить; какое именно место; я тотчас непременно напишу

[14] Винценты Будревич Онуфрию Петрашкевичу, Тверь, 30 марта / 11 апреля 1829 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 249.

[15] См. письмо от 13/25 сентября 1830 г., Тверь. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 256.

княгине (З. А. Волконской, которая должна повлиять уже на министра просвещения. — *Т. И., А. Ф.*)»[16]. Ностальгия Будрыса была настолько сильна, что Мицкевич даже приводит его в качестве примера Дашкевичу, всерьез намеревавшемуся бежать от несчастной любви к Каролине Яниш (будущей известной поэтессе К. К. Павловой) на Кавказ или в Сибирь: «Эй, Дашкусь, не гневи небо! […] Какое шило подгоняет тебя в Сибирь или на тот Кавказ? Поверь мне, через год будешь проклинать и мир, и себя. Ничтожный чин, который получишь при переезде, не развлечет тебя в долгих одиноких днях и тоскливых вечерах. Не научил тебя пример Будрыса? Будрыс, так мало, казалось бы, нуждающийся в человеческом обществе, удержаться не может в Твери»[17].

Почему же Будревич, сам выбравший Тверь в качестве места ссылки, вдруг затосковал теперь и мечтает бежать? Выбор был вполне понятен: Тверь, расположенная на пути между старой и новой столицами Российской империи, а потому удобная для встреч с товарищами по несчастью, вынужденными, подобно, например, А. Мицкевичу и Ф. Малевскому, курсировать между ними. Это не Крым, не Харьков, не Оренбург, в которых встречи с дорогими тебе людьми ждать попросту не приходится.

Удержаться же в Твери, стать полностью своим для тверского общества «литовский медведь» Будревич попросту не смог. Сказались и особенности его характера. Вот как вспоминал о нем его приятель, главный редактор официальной газеты Царства Польского «Тыгодник Петерсбургский», тоже выпускник Виленского университета и позже тверской помещик Юзеф Эмманюэль Пшецлавский (известный в истории русской литературы как Осип Антонович Пржецлавский)[18]: «Это был такой оригинал, что даже и в отечестве оригиналов, Англии, обратил бы на себя внимание, с тою разницею, что англичане иногда обдумывают свои выходки, а мой Будрис был оригиналом, сам этого не подозревая, как мольеровский Bourgeois gentilhomme не знал, что речь его есть проза»[19].

Что же приводит Пшецлавский в качестве доказательства «оригинальности» — вернее, чудачеств — Будрыса? В частности, следующий анекдот:

«Однажды рано утром, когда я еще не вставал, входит Будревич, весь расстроенный и сердитый. Я спрашиваю, какая неприятность с ним случилась?

— Неприятность! Тебе надо непременно и подобрать техническое название! — восклицает Будревич. — Это не то, а просто лишние хлопоты.

— Что же такое, говори наконец!

— А вот что; ни с того ни с сего, не спрашивай меня, прибавили жалованье!

— Так это-то тебя сердит?

— И опять техника! Не то что сердит, а все-таки расстройство.

— Не понимаю.

— Как можно не понимать! Я несколько уже лет рассчитал мой бюджет до копейки и распределил его так, что приход с расходом в конце года прекрасно сходились. Теперь придется или всю таблицу переделывать, да и к чему, когда дохода было довольно, или в счетах будет у меня торчать излишек. Если бы были родные, я бы им его отдал, а то

[16] Адам Мицкевич Циприану Дашкевичу, Петербург, 30 июля / 11 августа 1828 г. AM, Dzieła, t. XIV, Warszawa, 1855. S. 412.

[17] Адам Мицкевич Циприану Дашкевичу, Петербург, около 15/27 августа 1828 г. AM, Dzieła, t. XIV, Warszawa, 1855. S. 414.

[18] См. о нем, в частности: Федута А. И. Слово «белорус» в воспоминаниях Осипа Пржецлавского // Поэтика и лингвистика. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р. Р. Гельгардта. 16–19 октября 2006 г. Тверь: ТГУ, 2006. С. 42–44.

[19] Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний. Гл. II. Адам Мицкевич // Русский архив. 1872. Стлб. 1946.

я один, как палец. Сегодня я устал, всю восьмиугольную площадь исходил, да и весь город обошел, искал купить цветов; ничего хорошего нет, одна сингенезия, все Zinnia, да Calliopsis, да Cineraria, а я их терпеть не могу.

Излив передо мною свое неутешное горе от прибавки жалованья, Будревич, несколько успокоенный, отправился в свою гимназию»[20].

Впрочем, гимназия, похоже, действительно была «его». Математик от Бога, Будревич был и педагогом от Бога. Еще готовясь к отъезду в Тверь, Будрыс тщательно обдумал собственную педагогическую методику. Как пишет Циприан Дашкевич, «будучи в Москве, (Будревич. — *Т. И., А. Ф.*) написал Арифметику по новому собственному методу, еще никем не употребленному[21]; сама эта новость очень важна, но из-за его математической флегмы нельзя ожидать, чтобы он эту новость предал печати ради нашей славы»[22]. Впрочем, попытку издать свою книгу, судя по всему, Будревич все-таки предпринял. Известный книготорговец и издатель Фридерик Мориц писал Онуфрию Петрашкевичу: «Об Арифметике Будревича и Грамматике Ноаковского тоже сообщу 20–23 декабря»[23].

Это издание, если оно действительно имело место, может считаться воистину загадочным. Дело в том, что практически исчерпывающая польская библиография К. Эстрейхера, полноту которой признают все исследователи книжного дела Польши, не содержит в описываемый период ни одной книги, подписанной именем Винцентыя Будревича. Некоторое разъяснение вносит уже цитированное выше развернутое примечание О. А. Пржецлавского к его очерку о Мицкевиче: «Раз пришлось мне прожить в Твери около двух месяцев. Я почти каждый день виделся со старым товарищем, который тогда оканчивал важный труд. Он нашел, что в геометрии Евклида, преподаваемой во всех училищах, почти все задачи можно значительно упростить и что к ним нужно много новых прибавить. При мне же он свой трактат окончил и принялся было перебелять большую написанную им тетрадь и чертить фигуры. Но в одну прекрасную ночь заснул над работою таким математическим сном, что от упавшей светильни тетрадь вспыхнула и успела сгореть почти вся, покуда автор, закашлявшись от дыма, проснулся.

И что же? На следующее утро он прибежал ко мне с известием о случившемся, и невзгода эта по-видимому менее его огорчала, чем прибавка жалованья. Дня чрез два после этого он мне сказал: *“*Знаешь, я рад, что мой трактат сгорел; если бы я его так напечатал, как он был написан, то нужно было бы делать другое издание. Я нашел много новых упрощений и новых прибавок и сегодня начал уже писать снова*”*»[24].

---

[20] Пржецлавский О. А. Указ. соч. Стлб. 1947.

[21] Неординарность методики, использованной в процессе преподавания В. А. Будревичем, заставляла его коллег ревновать и даже писать доносы. Так, например, сохранился рапорт старшего учителя Дмитрия Небабы от 20 декабря 1833 г. на имя тогдашнего директора училищ Тверской губернии И. И. Лажечникова. В частности, там говорится: «Мне кажется, что преподавание г-на Будревича не только что не имеет надлежащей методы, основательности и порядка в изложении сведений, но даже механизмом своим и нелепою номенклатурой оказывается вредным для учащихся» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Дело 836 «Дело о сделанном извете учителем Небабою о вредном будто бы преподавании учителя Будревича», л. 1–2). Сохранился и черновик ответа, сделанный рукой И. И. Лажечникова: «На рапорт ваш от 20 дек. 1833 года даю вам знать, что [нрзб.] [если потом потребуется?] метод преподавания г. Будревича, то я не могу [ревизовать, разобрать?] его сам собою; но представлю его на разрешение г. визитатора от университета, который в [нрзб.] время [должен?] прибыть в Тверь» (там же, л. 2).

[22] Циприан Дашкевич Иоахиму Лелевелю, 6/18 июля 1827 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 328.

[23] Фридерик Мориц Онуфрию Петрашкевичу, после мая 1827 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 227. Вместе с тем, как справедливо обратил наше внимание А. И. Рейтблат, речь может идти и о другой книге.

[24] Пржецлавский О. А. Указ. сроч. Стлб. 1947–1948.

Вероятно, цепкая память Пржецлавского передала эту историю достаточно точно. Значит, скорее всего, издание, о котором писал Ф. Мориц Петрашкевичу, не состоялось, поскольку рукопись учебника, затеянного Викентием Антоновичем, погибла в огне, а во второй раз довести замысел до издания Будревич либо не захотел, либо не смог.

Будревич прослужил в гимназии 27 лет и по собственному прошению был уволен 3 апреля 1854 г.[25]. Можно с уверенностью сказать, что служил он честно, был хорошим преподавателем, заслужил уважение и учеников, и начальства. Авторитет его был высок, поэтому с декабря 1830 по 5 марта 1831 г. Викентий Антонович исполнял обязанности директора гимназии до назначения на эту должность И. И. Лажечникова.

1830-е—1840-е годы были едва ли не лучшими в истории гимназии — не случайно она была на очень хорошем счету у попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова. Все проверяющие неизменно отмечали высокий уровень преподавания в ней математики и физики. Так, профессор Московского университета Н. И. Надеждин после ревизии гимназии в феврале 1834 г. писал: «Высшие части математики и физики преподаются старшим учителем Викентием Будревичем. Преподаватель — человек знающий и усердный»[26]. Будревич заведовал и гимназической библиотекой: «Библиотека ежегодно пополняется детскими журналами, с похвальною разборчивостью, лучшими русскими книгами. Она содержится в хорошем порядке, под надзором старшего учителя Будревича»[27]. Известно, что под руководством Будревича в 1835–1837 гг. велись метеорологические наблюдения, данные которых отправлялись в Академию наук. С 1836 г. он заведовал еще и минералогическим кабинетом, который в начале 1853 г. был передан в заведование учителю нового предмета — естественной истории. В 1839 г. был утвержден инспектором гимназии.

Ценили Будревича и ученики. У нас есть три воспоминания о Будревиче его учеников, которые характеризуют учителя как очень талантливого педагога, знающего свой предмет и уважительно относящегося к воспитанникам. Первое по времени свидетельство принадлежит Павлу Александровичу Бакунину, младшему брату известного революционера М. А. Бакунина[28], учившемуся в тверской гимназии в 1835–1839 гг. Он пишет: «Викентий Антонович Будревич, учитель математики: он заставил нас полюбить свою науку; мы к нему то и дело бегали на дом; и его уроки [в] гимназии постоянно дополнялись его добавочными уроками на дому, уроками бесплатными и притом выходящими далеко за пределы гимназической программы: можно сказать, мы влюблялись в математику, до того пленял нас краткий, до наглядности ясный и притом своеобразно оригинальный способ его изложения. Вместе с математикою В. А. Будревич учил нас честности и добросовестности отношения к предмету, который мы изучали, строго различая действительное знание от знания мнимого»[29]. Нил Александрович Попов, в будущем известный историк-славист, учившийся в тверской гимназии в 1844–1850 гг.,

[25] ГАТО. Ф. 20. Д. 2504. Л. 1.

[26] Цит по: Крылов Д. Столетие Тверской мужской гимназии (1804 — 2 февраля 1904 г.): Историческая записка. С. 133.

[27] Там же. С. 135.

[28] «У него (Будревича. — *Т. И., А. Ф.*) учились три младших брата Бакунина». — Борисёнок Ю. А. Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы. М., 2001. С. 139. — В тот период, когда Будревич служил в гимназии, там учились четверо братьев Бакуниных — Павел, Александр, Алексей и Илья. Однако о Будревиче пишет в воспоминаниях только Павел. Сведения же о предполагаемой «дружбе», имевшей, по словам Л. А. Черейского, место во взаимоотношениях В. А. Будревича и М. А. Бакунина, подтверждения в документальных источниках не находят.

[29] Копия письма П. А. Бакунина А. К. Жизневскому от 21 окт. 1889 г. // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 499. Л. 2–2об.

пишет: «Преподавателем высшей математики и физики был человек замечательный отчасти и по своим познаниям, а еще более по твердому и благородному характеру — Будревич, воспитанник Виленского университета. К сожалению, в наше время физический кабинет в тверской гимназии был весьма посредственный; тем не менее, Будревич всегда, когда это можно было, производил перед нами опыты»[30]. Василий Иванович Покровский, известный статистик и общественный деятель Тверской губернии, обучался в гимназии в 1848–1855 гг., т. е. он застал уже пожилого Будревича, в последние годы его работы: «Печатных учебников он не признавал, но каждый из нас запасался его рукописным курсом, изложенным необыкновенно сжато, хотя до конца жизни говорил по-русски не вполне правильно. Читал он с большим одушевлением и добивался того, чтобы урок усвоили мы тут же, в классе. В рукописную его тетрадку способнейшим вовсе не приходилось заглядывать. Как к себе, так и к ученикам Будревич относился строго и не стеснялся ставить единицы небрежно работавшим: *"Э, братко, не готомлямшись на лекцию не ходят: сядь на колен!"* <… > В V классе Будревич попутно сообщал нам немало интересных сведений по химии и механике; при исследовании же физических явлений давал очень много места математическому элементу. <…> С некоторыми учениками был близок Будревич, давая им уроки на дому»[31].

Гимназический учитель, Викентий Антонович Будревич все свое пребывание в Твери сохранял статус ссыльного. Членство в тайном студенческом кружке набрасывало свою тень на его репутацию. Ограниченное знание русского языка вынуждало его общаться преимущественно с теми, кто понимал его; косвенно Будревич сообщает об этом, передавая просьбу своей новой знакомой Онуфрию Петрашкевичу, пребывавшему в этот момент в Москве: «Просит тебя о том вдова поляка — Ольшевская, мать ученика нашей гимназии. NB 50-летняя пристойная дама, стоящая такой услуги, а ежели угодно, есть у нее сестра, еще барышня 30-летняя. Помилуй, не молчи […] потому что меня просили как поляка, в надежде, что поляк данное слово сдержит»[32].

Такая вынужденная ориентация на компатриотов не могла не настораживать власти. Как показывает статистика, приведенная в известном справочнике «Польские ссыльные в России» выдающейся современной исследовательницей вопроса Викторией Сливовской, польское восстание 1830–1831 гг. возродило приступ государственной полонофобии в России и обратило ее, в том числе, против нашего героя. В частности, после обнаружения в Тверской губернии заболеваний холерой учитель Будревич был задержан и содержался некоторое время под стражей по подозрению в отравлении питьевой воды в колодцах. Биограф находившегося в это же время в Твери другого видного филомата, поэта и будущего этнографа Я. Чечота С. Сьвирко утверждает: «Желая уберечь изгнанников от нападения со стороны темной толпы, губернатор Тюфяев инсценировал их арест»[33]. Несмотря на то что, разумеется, подозрение не подтвердилось, надзор, насколько можно судить, с Будревича снят не был. Отголосок этой истории мы слышим в письме Юзефа Ежовского Мицкевичу: «Будрыс и Янек (Чечот. — *Т. И., А. Ф.*) были в Твери, у них дела по-разному — и очень плохо, и не очень, но уже давно писем от них не получал»[34].

[30] Воробьева И. Г. Из истории Тверской мужской гимназии // 125-летие Школы Максимовича: юбилейные чтения. Тверь, 1997. С. 30.

[31] Крылов Д. Указ. соч. С. 371–373, 376.

[32] Винценты Будревич Онуфрию Петрашкевичу, Тверь, 9/21 июня 1829 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 250.

[33] См.: Swirko St. Z Mickiewiczem pod rękę, czyli Życie i twórczość Jana Czeczota. Warszawa, 1989. S. 233.

[34] Юзеф Ежовский Адаму Мицкевичу, предположительно Казань, рубеж 1834–1835 гг. LzZ, t. 3, Warszawa, 1999. S. 790.

Но письма друзей Будрыса содержат и другие намеки. Франтишек Малевский сообщал Мицкевичу (уже в 1843 г.): «Викентий постоянно в Твери, к математике добавилась любовь к цветам и одной русской барышне». О какой именно барышне идет речь, к сожалению, мы не знаем — хотя, не исключаем, тверские архивы хранят следы этого романа, запечатленные в письмах или дневниках современников Будрыса. Но это чувство так и не вылилось в создание семьи и строительство собственного дома.

Будревич оставляет гимназию в 1854 г., выслужив полную пенсию, имея орден св. Станислава 3-й степени, множественные благодарности и премии за беспорочную службу. В 1842 г. он получил чин коллежского советника. Поскольку в Государственном архиве Тверской области РФ (ГАТО) сохранился его формулярный список только за 1847 г.[35], о дальнейшем продвижении по службе и присвоении чинов ничего определенного сказать нельзя.

Умер Викентий Будревич одиноким[36]. Судя по воспоминаниям О. А. Пржецлавского, Будревич сам не пожелал вернуться на родину: «Он, выслуживши полную пенсию, не захотел возвратиться на родину, в Ковенскую губернию, и поселился в приятельском доме старицкого помещика г. Поликарпова, бывшего своего ученика»[37]. Евгений Александрович был внуком по сути первого тверского губернатора Александра Васильевича Поликарпова, предводителем дворянства Старицкого уезда в 40-е годы XIX в.

Это кое-что говорит о педагогических качествах Викентия Антоновича. Евгений Поликарпов был не гимназическим его учеником, а домашним: известно, что Будревич подрабатывал частными уроками. Вероятно, во время индивидуальных занятий «Будрысу» было легче преодолеть свою застенчивость и найти общий язык с учениками. Он сам писал Онуфрию Петрашкевичу: «Я курьерскими пятьдесят верст лечу в пятницу, субботу и воскресенье для преподавания математики сыну Поликарпова — камергера двора. Что из этого получится, увидим…»[38]

Общение с Поликарповыми увлекало Будревича, хотя вряд ли с точки зрения профессионально математической. В письме Петрашкевичу Викентий Антонович так описывает начало своих занятий с Евгением: «Что до камергера, то ожидаем его приезда, тогда увидим, что за птица, и буду стараться, чтобы перетянуть его на свою сторону. Может, чего-то добьемся. Усердно готовимся, но только беда, что его сын не рожден для математики, немного туговат. Как могу, преувеличиваю, чтобы показать отцу его большие способности. Безмерно им любим. Байки арифметические идут медленно, наряду с геометрическими и алгебраическими»[39]. Тем более, что занятия периодически прерывались в связи с отъездами семьи Поликарповых в Петербург (о чем, например, Будревич сообщает в письме Петрашкевичу от февраля 1830 г.) — впрочем, когда отъезжал юный Евгений, Будревич давал уроки его сестрам (см. письмо от 3 / 15 марта 1830 г.).

---

[35] См.: ГАТО. Ф. 20. Д. 1897. Л. 15.

[36] Дата смерти В. А. Будревича достоверно не известна. Л. А. Черейский указывает, что «Будрыс» умер в 1850 г. Однако, судя по «анекдоту», пересказанному в воспоминаниях О. А. Пржецлавского (см. ниже), поскольку Будревич участвовал в межевании крестьянских наделов, в 1862 г., на который, собственно говоря, и пришлось межевание в Тверской губернии, скорее всего, он был жив. Таким образом, можно считать вероятным, что умер Викентий Антонович все-таки после 1862 г.

[37] Пржецлавский О. А. Указ. соч. Стлб. 1948.

[38] Викентий Будревич Онуфрию Петрашкевичу, Тверь, 13/25 сентября 1829 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 252.

[39] Викентий Будревич Онуфрию Петрашкевичу, Тверь, 5/17 октября 1829 г. LzZ, t. 1, Warszawa, 1997. S. 253.

Судя по всему, Поликарпов был благодарен ему за уроки. Г-жа Поликарпова безуспешно (в преддверии восстания 1830 г.) пыталась ходатайствовать об облегчении его участи и возвращении если не в Вильну, на родину, то хотя бы в одну из столиц. Причем бывший филомат Викентий Будревич сумел найти подход не только к семье Поликарповых. Не принимающий в большинстве случаев оценок О. А. Пржецлавского Петр Иванович Бартенев снабдил развернутое примечание о Будревиче к очерку «Адам Мицкевич» своим неожиданно благосклонным комментарием: «Мы лично знали Викентия Антоновича Будревича, проживавшего и окончившего жизнь у своего ученика Евгения Александровича Поликарпова, в селе Панафидине Старицкого уезда. Это была в полном смысле слова честная душа»[40].

«Честная душа» — высокая оценка, которую дает Бартенев, вообще-то, насколько известно, не благоволивший к полякам[41]. Вероятно, обстоятельства знакомства Петра Ивановича с Будревичем можно прояснить, исследуя архив самого Бартенева и его переписку. Очевидно, что бартеневская характеристика есть прежде всего характеристика высоконравственного человека. Именно в таком значении употребляли словосочетание «честный человек» многие старшие современники Бартенева, в том числе, например, А. С. Пушкин[42]. Нет сомнения в том, что «чудак», в качестве которого воспринимали «Будрыса» многие, действительно был человеком чести и продолжал следовать даже в чужом для него обществе (каким оставалось тверское общество) тому кодексу чести, который был принят в филоматском товариществе.

Вот почему еще более, нежели бартеневская, примечательна другая, совсем неожиданная, оценка, которую приводит в своих воспоминаниях уже сам О. А. Пржецлавский: «Летом 1862 года я был с женою в ее Старицком имении и вводил там уставные грамоты. После надела крестьян землею по Положению, я им предлагал пойти на выкуп и доплатить помещице следующее по обоюдному соглашению количество денег. Крестьяне не соглашались, желая остаться на оброке. Между ними был один умный, грамотный мужик, имевший на односельцев большое влияние. Он промышлял рытьем прудов и канав и был известен в своем и смежных уездах. Работавши у гг. Поликарповых, он нашелся там в сношении с Будревичем и возымел к нему неограниченное доверие и уважение. Рассказывал мне, как он и своим и чужим крестьянам *даром* помежевал земли, как и барышень научил землемерству, как судил и мирил споры между крестьянами, как во всем околотке его любят и слушаются: *“*Викентий Антонович слово скажет (говорил мой Михайло Федоров), все равно что закон*”*. Вот этот-то добрый мужик и уговорил своих товарищей принять мои предложения. Когда же акт был совершен, Михайло Федоров сказал мне по секрету: *“*Знаете ли, почему я так для вас старался?*”* — *“*Не знаю, верно потому, что мое предложение справедливо и законно*”*. — *“*Оно-то положим так, а все больше потому, что и вас, как г. Будревича, зовут Антоновичем*”*.

Может ли быть более красноречивый панегирик?»[43]

Татьяна ИЛЬИНА, Александр ФЕДУТА

---

[40] Цит. по: Пржецлавский О. А. Указ. соч. Стлб. 1946.

[41] В частности, об этом можно судить по его отношению к мемуарам самого О. А. Пржецлавского и комментариям к ним от имени редакции «Русского Архива» — см. об этом: Федута А. И. Страдания бывшего цензора (письма О. А. Пржецлавского к П. И. Бартеневу 1872–1873 гг.) // В печати.

[42] См. об этом, в частности: Федута А. И. «Подвиг честного человека» (Об источнике пушкинской формулы) // Philologica. 2003–2005. Т. 8. № 19–20. М., 2006. С. 199–204.

[43] Пржецлавский О. А. Указ. соч. Стлб. 1948–1949.

ГЕНЕРАЛ КІПРЫЯН КАНДРАТОВІЧ
Крэскі да жыцця

Кіпрыян (Цыпрыян) Антонавіч Кандратовіч нарадзіўся 28 красавіка 1859 г. у маёнтку Зіневічы (Лідскі раён, каля в. Ваверка). Паводле сямейнага падання, ён быў народжаны па-за шлюбам — сын графа Юрыя Трубяцкога, які займаў розныя пасады, злучаныя з юрыспрудэнцыяй, на Лідчыне. Маці — Зінаіда (?) Залеская, дачка абшарніка, трымаўшага маёнтак Місевічы каля Зіневічаў. Маці выйшла замуж за шляхціца Кандратовіча, чыё прозвішча і імя па бацьку Кіпрыян атрымаў.

Род Залескіх герба «Любіч» — уладальнікаў маёнтка Зіневічы — ёсць у спісах лідскай шляхты. У 1834 г. гаспадаром Зіневічаў быў Маўрысі Залескі — сын Анджэя, меў 55 прыгонных сялянаў мужчынскага полу[1]. У 1844 г. маёнтак (51 душ мужчынскіх, 52 душы жаночыя, 460 дзесяцін зямлі) належаў падпалкоўніку Юзафу Залескаму, сыну Маўрысія[2], які і быў дзедам будучага генерала «па кудзелі».

Кандратовічы — старажытны род герба — «Сыракомля», што паходзіць ад Кандрата, якому ў XV ст. былі падараваны некалькі маёнткаў. Род Кандратовічаў падзяліўся на 7 галін, унесеных у 1-ю і 6-ю часткі радаводных кніг Віленскай, Віцебскай, Ковенскай, Минскай і Магілёўскай губерняў. Кандратовічы ёсць і ў спісах шляхты Лідскага павета[3].

Трубяцкія — княжацкі род, лінія Гедзімінавічаў, паходзяць ад князя Зміцера Альгердавіча, унука Гедзіміна. Тытуляваліся князямі ад горада Трубяцка — часткі былога Чарнігаўскага княства. Трубяцкое княства захоплена ў 1566 г. Вялікім Княствам Маскоўскім, тады ж князі Трубяцкія падпарадкаваліся маскоўскаму князю Івану Васілевічу. Трубяцкое княства вернутае ў склад ВКЛ паводле Дэўлінскага перамір'я 1618 г., страчанае ў выніку вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. Князь Юры Мікітавіч Трубяцкі атрымаў частку Трубяцка ў 1621 г. (ад яго працягваецца род Трубяцкіх), ягоны ўнук князь Юрый Пятровіч Трубяцкі, выехаў у Расею ў 1657 г. З XVII ст. — гэта магутны і разгалінаваны дваранскі род Расійскай імперыі.

Сямейную гісторыю аб Юрыі Трубяцкім як бацьку будучага генерала мне паведаміў унук Кандратовіча — Джон Рэйні, пажылы чалавек, які жыве цяпер у Ангельшчыне. Раздрукоўкі ягоных е-мэйлаў я захоўваю вось ужо сем гадоў. Джон Рэйні паведаміў, што бацькам Юрыя Трубяцкога быў Мікалай Мікалаевіч Трубяцкі. Гэта і дало мне магчымасць зрабіць спробу прасачыць радавод генерала па лініі Трубяцкіх.

У «Весніку Заходняй Расіі» за 1867 г. мне атрымалася знайсці інфармацыю пра лідскага «мирового посредника»[4] князя Трубяцкога: *«Нельга не згадаць… што пры асвячэнні абедзвюх цэркваў, на левым кліросе, да вялікага суцяшэння бацькоў і знаёмых, спяваў хор сялянскіх хлопчыкаў, арганізаваны ў Лідзе і добра навучаны спеву шаноўным "мировым посредником" Князем Трубяцкім, гэты хор стройна спявае царкоўную службу ў лідскай царкве, яго яснавяльможнасць рэгент лічыць за… гонар, каб гэты хор спяваў… пры асвячэнні дакудаўскай і арлянскай цэркваў»*[5]. Відавочна, што гэта бацька

---

1 Гл.: Malewski Czesslaw. Wykaz alfabetyczny z 1844 r. majątków pow. lidzkiego // Ziemia lidzka. Kwiecień. 2004. Nr 2(60).

2 Гл.: Malewski Czeslaw. Rody szlacheckiena Litwie w XIX wieku. Powiat Lidzki. Wilno, 2005. S. 261.

3 Гл.: Malewski Czeslaw. Rody szlacheckiena Litwie w XIX wieku. Powiat Lidzki. S. 148.

4 Мировой посредник — службовая асоба ў Расіі ў перыяд правядзення сялянскай рэформы 1861 г. Прызначаўся з дваранаў для сцвярджэння статутных грамат і разбору канфліктаў паміж сялянамі і абшарнікамі. Валодаў судова-адміністрацыйнай уладай.

5 Вестник Западной России. Кн. 9. Т. III. Вильна, 1867. С. 252.

Кандратовіча, і магчыма, што і малы Кіпрыян таксама спяваў у царкве. А ў адрас-календары віленскага генерал-губернатарства на 1868 г. ёсць надзвычай цікавая інфармацыя аб Трубяцкім: «Міравы пасярэднік 3-яга ўчастка, Трубяцкі Юры Мікалаевіч, губернскі сакратар, узнагароджаны ордэнамі св. Станіслава 2-й і 3-й ступеняў і медалём у памяць аб ўціхамірванні "польскага мецяжу" 1863–1864 гг., на пасадзе міравога пасярэдніка знаходзіўся з 10 чэрвеня 1864 г., закончыў Маскоўскі універсітэт, халасты, агульны тэрмін стацкай службы — 5 гадоў. І самае галоўнае, у 1868 г. яму было 27 гадоў»[6]. Калі нарадзіўся Кіпрыян, Юрыю Трубяцкому было… 18 гадоў. Раман гімназістаў.

Відавочна, што Юры Трубяцкі вярнуўся на Лідчыну пасля заканчэння Маскоўскага універсітэта (курс — 4 гады). Тое, што сталічны князь з універсітэцкай адукацыяй прыехаў у чужую і недружалюбную для расейца правінцыю, дзе для яго не было нават круга зносінаў, кажа аб тым, што каханне было сапраўдным. Падрабязнасцяў дзяцінства малога Кіпрыяна мы, пэўна, ужо ніколі не даведаемся. Але ж тое, што маці і айчым — каталікі, а Кіпрыян Кандратовіч — праваслаўны, сведчыць аб удзеле Юрыя Мікалаевіча ў выхаванні сына.

Памяць аб гэтай гісторыі захавалі не толькі ўнукі ў Англіі. Я чуў гэтую рамантычную гісторыю пра каханне лідскай паненкі з рускім князем і іхняга сына — генерала — ад жанчыны (1929 г. н.), чыя бабуля (прыкладна 1880 г. н.) была з роду Залескіх.

Адзіным Мікалаем Мікалаевічам Трубяцкім, які мог быць «дзедам» Кандратовіча, быў Мікалай Мікалаевіч Трубяцкі (1804 г. н.), жанаты з Лізаветай Аляксандраўнай Лапухіной.

У адным з лістоў да Марыі Аляксандраўны Лапухіной (сястры Лізаветы Аляксандраўны) М. Ю. Лермантаў згадвае аб вяселлі князя (mariage du prince), і гэтае месца ў пісьме звычайна тлумачыцца як вяселле Мікалая Мікалаевіча Трубяцкога і Алены Аляксандраўны Лапухіной. Князь М. М. Трубяцкі быў сынам Мікалая Сяргеевіча Трубяцкога і Кацярыны Пятроўны (у дзявоцтве — Мяшчэрскай). У 1822 г. М. М. Трубяцкі паступіў у Маскоўскі універсітэт на аддзяленне славесных навук, якое закончыў у 1826 г. У 1830–1833 гг. служыў у Межавай канцылярыі. Памёр 13 кастрычніка 1879 г.[7]. Ёсць непацверджаная інфармацыя аб тым, што нейкі час ён быў мінскім губернатарам[8].

З усёй сям'ёй Лапухіных сябраваў М. Ю. Лермантаў.

Родная сястра Лізаветы Аляксандраўны Трубяцкой — Варвара Аляксандраўна (1815–09.08.1851) — была блізкім сябрам М. Ю. Лермантава. Сардэчную прыхільнасць да яе паэт захоўваў усё жыццё. Вобраз Вараські Лапухіной знайшоў увасабленне ў раманах «Герой нашага часу», «Вадзім», а мноства вершаў, у тым ліку «Ізмаіл-бей», «Дэман», «Мы выпадкова зведзеныя лёсам…»[9], прысвечаны Варвары Аляксандраўне, якую паэт глыбока кахаў.

Трэцяя сястра — Марыя Аляксандраўна Лапухіна (01.01.1803–17.03.1864 г.) — таксама сябар дзяцінства і юнацтва М. Ю. Лермантава. Захавалася іх перапіска.

---

6 Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. СПб., 1868. С. 19.

7 Лермонтов М. Ю. Проза и письма: Комментарии и варианты / коммент. Б. М. Эйхенбаума, В. А. Мануйлова // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Т. 5. Проза и письма. 1937. С. 522.

8 Всероссийское генеалогическое древо. Трубецкие. http://www.vgd.ru/T/trubecky.htm // Трубецкая Любовь Николаевна 1868–1928. Дочь Минского губернатора, генерал-майора князя Николая Николаевича Трубецкого (1804–1879) и Елены Алексеевны Лопухиной (1806–1882).

9 Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 273. («Не ты, но судьба виновата была, // Что скоро ты мне изменила, // Она тебе прелести женщин дала, // Но женское сердце вложила…»)

Брат — Аляксей Аляксандравіч Лапухін (29.09.1813–09.12.1872) — камер-юнкер, стацкі дарадца ў 1864 г., блізкі сябар М. Ю. Лермантава: «Толькі вельмі нешматлікія, і сярод іх А. А. Лапухін, глыбока шанавалі сяброўства з ім і верылі ў ягоную высокую душу, і захавалі гэтае стаўленне пасля смерці»[10].

Дарэчы, старэйшым сынам Мікалая Мікалаевіча Трубяцкога («дзеда» Кандратовіча) быў таксама Мікалай Мікалаевіч Трубяцкі (1836–1902), генерал-лейтэнант, мінскі генерал-губернатар з 1886 да 1902 гг.[11].

Па лініях Трубяцкіх і Лапухіных Кандратовіч быў сваяком Сяргея Мікалаевіча Трубяцкога (1862–1905), рэктара Маскоўскага універсітэта, які быў вядомы фундаментальнымі працамі па гісторыі антычнай філасофіі, анталогіі, гнасеалогіі, культуралогіі, быў публіцыстам і грамадскім дзеячам, і Яўгена Мікалаевіча Трубяцкого (1863–1920), рэлігійнага філосафа і прававеда[12]. Сын С. М. Трубяцкога — Мікалай Сяргеевіч Трубяцкі (1890–1938) — адзін з найбольш універсальных мысляроў рускага замежжа, лінгвіст, філолаг, гісторык, філосаф, палітолаг, заснавальнік плыні рускай думкі еўразійства[13]. Прыхільнасць да палітычнага крыла гэтай плыні фатальна паўплывала на лёс сына генерала Кандратовіча — Уладзіміра.

Унук генерала, Джон Рэйні, паведаміў мне, што менавіта Трубяцкія дапамагалі выхоўваць малога Кіпрыяна, далі магчымасць атрымаць адукацыю і пачаць вайсковую кар’еру. Ён вучыўся ў Лідскай павятовай дваранскай школе. На вайсковую службу паступіў 07 траўня 1875 г. у Вільні[14]. У 1878 г. закончыў адну з найлепшых вайсковых вучэльняў Расіі — 2-ю вайсковую Канстанцінаўскую вучэльню ў Пецярбургу. Юнкеры тут атрымоўвалі выдатную адукацыю, грунтоўна вывучаючы дакладныя навукі: матэматыку, аналітычную геаметрыю, дыферэнцыяльнае і пачатак інтэгральнага вылічэння, фізіку, хімію, механіку, чарчэнне. Акрамя агульнаадукацыйных і адмысловых вайсковых навук юнкеры навучаліся пешаму і коннаму шыхту, статутам, гімнастыцы, верхавой яздзе і фехтаванню. У лагерах праходзілі практычны курс стральбы і тапаграфіі з вырашэннем тактычных задач.

16 красавіка 1878 г. Кандратовіч быў выпушчаны падпаручнікам і прыпісаны да лейб-гвардзейскага Егерскага палка. Затым пераведзены ў лейб-гвардзейскі Ізмайлаўскі полк з паніжэннем у чыне — прапаршчыкам (справа ў тым, што чын у арміі лічыўся на ступень меншым за чын у гвардыі)[15].

Руска-турэцкая вайна, акадэмія

Адразу пасля вайсковай вучэльні малады афіцэр добраахвотнікам узяў удзел у руска-турэцкай вайне 1877–1878 гг. у шэрагах грэнадзёрскага корпуса. Праз некалькі гадоў пасля вайны капітан Кандратовіч, афіцэр для асобых даручэнняў пры штабе Грэнадзёрскага корпуса, у якасці дыпломнай працы ў акадэміі напісаў кнігу «Плеўна і грэнадзёры

[10] Светлейшие князья, князья и дворяне Лопухины. Родословная поколенная роспись. http://lopukhins.narod.ru/rospis-full.htm.

[11] Гл.: Дворянские роды Российской империи. Т. 2. М.,1995. С. 72; інтэрнет-рэсурс «MySpace», Science & History. Trubeckoj http://groups.myspace.com/trubetsky.

[12] Гл.: Всероссийское генеалогическое древо. Трубецкие. http://www.vgd.ru/T/trubecky.htm.

[13] Гл.: Трубецкой Николай Сергеевич. Биографический указатель. http://www.hrono.info/biograf/trubeckoins.html.

[14] Гл.: Lietuviu enciklopedija. Boston. T. 12. S. 318–319.

[15] Гл.: Военная энциклопедия издания Сытина. Т. 13. СПб., 1914. С. 105.

28 лістапада 1877 г.»[16] (Плевна и гренадеры, 28 ноября 1877 г. / сост.: Кондратович К. А., Сокол И. Я.; под ред. Маныкина-Невструева А. И. М.: Унив. тип., 1887. X, 223, 61 с., [12] л. ил. Содерж. части: Очерк действий гренадер под Плевною в 1877 году; Плевненский памятник). Апісваючы месяцы перад адпраўкай корпуса на вайну, ён пісаў: «Грэнадзёры прагна сачылі за весткамі з тэатру вайны. Часта жаўнеры пыталіся ў сваіх афіцэраў: "Чаму нас не бяруць? Ці хапае войскаў за Дунаем?" Балюча было чуць і чытаць аб здзеках турак з балгараў. З пачуццём зайздрасці праводзілі афіцэры і жаўнеры сваіх таварышаў з першай дывізіі, якія выпраўляліся на Каўказ ваяваць з туркамі»[17]. Гэта кніга з'яўляецца фундаментальнай крыніцай і шырока выкарыстоўваецца гісторыкамі руска-турэцкай вайны 1877–1878 гг.

У 1884 г. будучы генерал закончыў Мікалаеўскую акадэмію Генеральнага Штаба па 1-м разрадзе (гэта значыць — быў сярод найлепшых). Выпуск 1884 г. — 20 афіцэраў. Конкурс пры паступленні ў акадэмію дасягаў 20 чалавек на месца, пры тым што большасць афіцэраў здавала папярэднія іспыты ў сваіх вайсковых акругах. Кожны год заканчвалі жыццё самагубствам афіцэры, якія не паступілі ў акадэмію ці былі адлічаны пасля першага ці другога года. Акадэмія Генеральнага Штаба давала вельмі добрую вышэйшую вайсковую адукацыю, і для «простых» афіцэраў гэта была практычна адзіная магчымасць хуткага службовага росту. Таму і ў арміі, і ў гвардыі выпуснікоў акадэміі не любілі, называлі мянушкамі «мамэнты» ці «фазаны»[18].

Уменне аналізаваць падзеі і пісаць не засталося не запатрабаваным і пасля акадэміі. Кіпрыян Кандратовіч у 1884–1900 гг., працягваючы службу ў войску, супрацоўнічаў з газетай «Московские ведомости» ў якасці вайсковага аглядальніка.

Паўстанне баксёраў

У Кітаі ў траўні 1900 г. года ўспыхнула магутнае сялянскае паўстанне. Ініцыятарам паўстання з'явілася таемнае рэлігійнае таварыства «Іхэцюань» («Кулак у імя справядлівасці і згоды»). У сувязі з тым, што ў назву таварыства ўваходзіла слова «цюань» (кулак), замежнікі назвалі паўстанцаў «баксёрамі» а само паўстанне — «баксёрскім».

Паўстанцаў падтрымалі кітайскія вайсковыя часткі. У чэрвені «баксёры» дайшлі да Пекіна, па дарозе знішчаючы ўсіх замежных грамадзянаў і хрысціянаў — кітайцаў. Быў узяты ў аблогу еўрапейскі квартал, дзе знаходзіліся дыпламатычныя місіі. Урады еўрапейскіх дзяржаў, не маглі абыякава пазіраць на тое, як льецца кроў еўрапейцаў, і з мэтай вызвалення абложаных у Пекіне дыпламатычных місій зацікаўленыя краіны пачалі спешна рыхтаваць узброеную інтэрвенцыю. Адзінае рашэнне было прынятае ў еўрапейскіх сталіцах вельмі хутка, бо «баксёры» не рабілі адрознення паміж еўрапейцамі: яны бязлітасна знішчалі ўсіх «белых чарцей».

Было вырашана выправіць у Пекін саюзныя вайсковыя кантынгенты. На пост галоўнакамандуючага міжнароднай карнай экспедыцыяй германскі імператар Вільгельм II прапанаваў 68-гадовага генерал-фельдмаршала Альфрэда фон Вальдерзее. Але пакуль германскі генерал-фельдмаршал прыбыў на тэатр ваенных дзеянняў, барацьба з «баксёрамі» была ў асноўным ужо завершаная. З порта Тяньцзінь на сталіцу Цынскай імперыі Пекін выступіў міжнародны 20-тысячны экспедыцыйны корпус пад камандаваннем рускага генерала М. П. Ліневіча і адмірала Я. І. Аляксеева (9000 японцаў, 4000 рускіх, 6000 ангельцаў, амерыканцаў, французаў і інш.). Саюзнікі штурмам

---

[16] БЭ. Т. 7. С. 578.

[17] Наша слова. 2003. № 9 (596), № 10 (597), № 11 (598).

[18] Наша слова. 2007. № 40 (828).

авалодалі кітайскай сталіцай і вызвалілі дыпламатычны квартал, абаронцы якога мужна вытрымалі 54-дзённую аблогу кітайцаў[19]. У каштоўнай крыніцы аб падзеях таго часу ў Кітаі — кнізе «У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента *"*Нового Края*"* на театре военных действий в Китае в 1900 году» Дзмітрыя Янчавецкага[20] — на старонцы 472 чытаем: *«24-га жніўня ў Пекін на тройцы прыбыў камандуючы войскамі віцэ-адмірал Я. І. Аляксееў, сустрэты перад варотамі Пекіна начальнікам вайсковых шляхоў палкоўнікам **Кандратовічам**. Прыняўшы рапарт (*Кандратовіча. *— Л. Л.), адмірал праехаў у Імператарскую Расійскую місію...».*

У 1900 г. з фармулёўкай «за баявыя адзнакі» раней тэрміну Кандратовічу прысвоена званне генерал-маёр[21].

Але ў ліпені 1900 г. «іхэцюані» (у іх ліку апынуліся і мясцовыя кітайскія войскі) напалі на Усходне-Кітайскую чыгунку: з 1300 вёрст чыгуначнай каляі было разбурана каля 900 вёрст. Сотні мірных людзей — чыгуначнікі і члены іх сем'яў — былі забітыя. Справа дайшла нават да таго, што войскі ціцікарскага губернатара Шоў Шаня перапраўіліся цераз Амур і атакавалі горад Благавешчанск, узялі ў аблогу сталіцу Усходне-Кітайскай чыгункі (КВЖД) горад Харбін, спрабуючы знішчыць расійскіх будаўнікоў чыгункі. Гэта былі сапраўды драматычныя падзеі.

У Маньчжурыю былі ўведзеныя расійскія войскі. Падчас баёў з атрадамі «баксёраў» расійскія войскі страцілі 242 чалавекі забітымі і 1283 параненымі. Кітайскія рэгулярныя войскі былі хутка разбітыя, а для барацьбы са шматлікімі дробнымі атрадамі былі створаны лятучыя атрады расійскага войска. Д. Янчавецкі на старонках 604–607 піша: *«23 верасня выйшаў з Мукдэна лятучы атрад пад начальствам Генеральнага Штаба генерала **Кандратовіча**, начальніка вайсковых шляхоў, у складзе пяхоты і артылерыі (падпалкоўнік князь Крапоткін), конніцы (есаул Мадрытаў) і сапёраў. Мэтай гэтага атрада было ўсталяваць зносіны па рацэ Ляохэ і яе прытоку Хунхэ, якія праходзяць побач з Мукдэнам, для таго, каб дастаўляць транспарты вадою...*

*Генерал **Кандратовіч** прайшоў увесь прызначаны шлях, меў у шматлікіх месцах перастрэлку з кітайскімі войскамі і "баксёрамі" і ўпершыню ўсталяваў сувязь па рацэ Ляохэ паміж Мукдэнам і Інкоў. На генерала **Кандратовіча** ў кампанію 1900 года была ўскладзеная вельмі цяжкая, складаная і адказная справа: забеспячэнне вайсковых шляхоў зносінаў і арганізацыя тылу на вялізным абшары — ад Пекіна да Мукдэна.*

*Дзякуючы яго намаганням неўзабаве пасля ўзяцця Пекіна і Мукдэна быў праведзены нашымі сапёрамі рускі вайсковы тэлеграф паміж Порт-Артурам і гэтымі гарадамі. Таксама дзякуючы настойлівасці генерала **Кандратовіча** хутка быў адноўлены кітайскі тэлеграф, разбураны ў Маньчжурыі "баксёрамі". З дапамогай гэтага тэлеграфа былі ўсталяваны прамыя тэлеграфныя зносіны паміж Порт-Артурам і Сібір'ю, дзякуючы чаму Пецярбург атрымаў магчымасць мець сувязь непасрэдна з Маньчжурыяй і Квантунам па рускім тэлеграфе, не звяртаючыся да замежных кабеляў. Пасля генерал **Кандратовіч** быў начальнікам атрадаў, якія пасылаліся ўглыб Маньчжурыі для ўціхамірвання краіны... цяжкія і працяглыя экспедыцыі генералаў **Кандратовіча**, Цярпіцкага і Каўльбарса ў горы Маньчжурыі толькі раскідалі гнёзды "баксёраў", але не знішчылі іх. Некалькі тысяч "баксёраў" і іх галоўны правадыр... Ліўданьцзр* (па-бе-

[19] Гл.: Шишо А. В. Неизвестные страницы русско-японской войны: 1904–1905 гг. Москва, 2004. С. 9–15.

[20] Гл.: Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 году. СПб. — Порт-Артур, 1903. С. 472.

[21] Гл.: Военная энциклопедия издания Сытина. Т. 13. С. 105.

ларуску: шэсць шрацінак) *здаліся рускім… Але тысячы іх яшчэ хаваліся ў лясах і скалах Маньчжурыі для рабавання і гвалту»*[22].

Руска-японская вайна

Пасля вайны 1900 г. генерал Кандратовіч застаўся служыць на Далёкім Усходзе. У войску ён лічыўся адмыслоўцам па Кітаі і заўсёды, акрамя сваіх асноўных абавязкаў, ён займаўся кантактамі з мясцовым насельніцтвам і адказваў за выведку.

З справаздачы № 1 «Аб дзейнасці выведвальнага аддзялення Штаба Маньчжурскай Арміі (ад пачатку вайны па 25 лютага 1905 г.): *«На пачатку кампаніі, адпаведна тагачаснаму размяшчэнню нашых войскаў… блізкая выведка пасродкам лазутчыкаў кітайцаў і карэйцаў была ўскладзеная… у паўднёвым авангардзе на начальніка 9-й Усходне-Сібірскай стралковай дывізіі генерал-маёра* ***Кандратовіча****. Таемная выведка ў паўднёвым авангардзе… была ўскладзеная на пачатку сакавіка 1904 г. на генерал-маёра* ***Кандратовіча,*** *таму што ён служыў раней у Маньчжурыі, меў знаёмствы з кітайцамі і мясцовымі місіянерамі»*[23].

Да пачатку вайны з Японіяй Расія хутка павялічвае колькасць сваіх войскаў на Далёкім Усходзе. Кандратовічу даручана сфармаваць у Паўднёвай Маньчжурыі 9-ю Усходне-Сібірскую брыгаду з 4 палкоў 3-батальённага складу. 30 студзеня 1904 г. пачалося дафармаванне брыгад новымі батальёнамі. Але да пачатку вайны паспелі павялічыць толькі 9-ю брыгаду. 18 лютага 1904 г. Кандратовіч завяршыў фармаванне сваіх войскаў. 6 лютага пачалося фармаванне 1-га Усходне-Сібірскага корпуса ў складзе 3-й, 4-й, 9-й брыгад. Да лета 1904 г. 9-я брыгада папаўняецца новымі батальёнамі і становіцца 9-й Усходне-Сібірскай дывізіяй. Камандзірам 9-й Усходне-Сібірскай дывізіі прызначаецца генерал К. А. Кандратовіч. Дывізіённы дабрачынны а. Георгі Шавельскі, які, дарэчы, таксама быў беларусам, пісаў, што адносіны з афіцэрамі дывізіі былі складанымі, напрыклад, «*палкоўнік Лісоўскі дэманстраваў яму сваю непавагу, і ён* [Кандратовіч] ... *цярпліва зносіў гэта*». Цяжка сказаць чым былі выкліканы такія адносіны да свайго камандзіра, магчыма, яго «нізкім» паходжаннем, але стрыманасць генерала не можа не выклікаць павагі. Тым больш, што дывізія была адна з найлепшых, і яна зрабіла імя Кандратовічу[24]. Наогул, Кандратовіч быў элегантным, вытанчаным і вельмі патрабавальным афіцэрам.

Руска-японская вайна пачалася 27 студзеня 1904 г. з міннай атакі японцамі рускай эскадры ў Порт-Артуры. Вайна ішла беспаспяхова для Расійскай арміі. 2 чэрвеня Першы корпус генерала Штакельберга, у склад якога ўваходзіла дывізія Кандратовіча, атрымаў паразу пад Вафангоў ад войскаў японскага генерала Оку. Згодна с дыспазіцыяй рускія наступалі трыма калонамі, «*…агульнае кіраўніцтва над сярэдняй і правай калонамі даручаецца начальніку 9-й дывізіі генерал-маёру Кандратовічу»*[25]. У бітве на р. Шахе напрыканцы верасня 1904 г. войскі 1-га Сібірскага корпуса вялі наступ на перавалы Чангаўлін, Заходні і Усходні Тумылін з мэтай захопу гэтых перавалаў. Кандратовіч кіраваў левай калонай з 9-ці батальёнаў

[22] Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. С. 472.

[23] Деревянко И. «Белые пятна» Русско-японской войны. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 2005. С. 15.

[24] Гл.: О. Гергий Шавельский. Воспоминания последнего Протопресвитера русской армии и флота. Т. I. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954. С. 155.

[25] Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. II. Спб., 1910. С. 10–12.

і вёў наступ на перавал Заходні Тумылін[26]. У кнігах па гісторыі гэтай вайны імя Кандратовіча ўспамінаецца шматразоў.

На гэтай вайне ён атрымаў скразное раненне ў грудзі на камандным пункце 13 студзеня 1905 г., сведкам ранення быў А. А. Ігнацьеў, які апісаў яго ў сваіх мемуарах[27]. Аб раненні камандзіра дывізіі паведамляла газета «Рускі інвалід»[28].

А 17 ліпеня 1906 г. Кандратовіч быў узнагароджаны ордэнам Святога Георгія 4-й ступені «за заслугі ў справах супраць японцаў». У загадзе аб узнагароджанні было напісана: «За тое, што будучы 16-га і 18-га жніўня 1904 года начальнікам баявога ўчастка на перадавых Ляалянскіх пазіцыях ля вёскі Фанцзятунь, ён, дзякуючы добраму кіраванню, асабістай мужнасці і ўмеламу выдаткоўванню сіл свайго малога атрада, адбіў шматлікія шалёныя атакі праціўніка, які пераўзыходзіў у шмат разоў у ліку наш слабы атрад; 18-га жніўня, калі з прычыны вялізнага змяншэння людзей у дывізіі, становішча атрада стала крытычным і прарыў пазіцыі супраціўнікам зрабіўся непазбежным, генерал-лейтэнант Кандратовіч, па асабістай сваёй ініцыятыве і насуперак загаду камандзіра корпуса, зрушыў бліжэйшыя да пазіцыі часткі карпуснога рэзерву (2 батальёны 18-га Усходне-Сібірскага стралковага палка), асабіста накіраваў іх на больш пагражальныя ўчасткі пазіцыі, чым абараніў пазіцыю і выратаваў ад непазбежнай згубы рэшткі сваёй дывізіі»[29].

Дадам, што дзед аўтара гэтага нарыса, Васіль Гаўрыілавіч Лаўрэш (Лаўрыш), як кадравы шараговец расійскага войска прайшоў свой жаўнерскі шлях на той вайне ад пачатку да самага канца і быў узнагроджаны жаўнерскім Гергіеўскім крыжам «за ўратаване афіцэра на полі бою».

Паміж войнамі

Пасля выздараўлення Кіпрыян Кандратовіч быў прыкамандзіраваны да Галоўнага Штаба, а на пачатку 1907 г. меней за месяц (02.01.1907–25.01.1907) быў камандзірам 2-га вайсковага корпуса, штаб якога знаходзіўся ў Гродна. Выглядае на тое, што камандаванне вырашыла даць магчымасць цяжка параненаму генералу пабыць на радзіме перад чарговым прызначэннем у Азію. Бо ўжо 25 студзеня 1907 г. генерал-лейтэнант К. А. Кандратовіч прызначаецца памочнікам Туркестанскага генерал-губернатара і камандуючага войскамі Туркестанскай акругі генерала Самсонава і адначасова начальнікам штаба Семірэчанскага казачага войска ў г. Ташкент[30]. Камандуючым войскамі акругі быў аднагодак Кандратовіча і аднакашнік па Акадэміі Генеральнага Штаба (таксама выпуск 1884 г.) генерал А. В. Самсонаў.

[26] Гл.: Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. С. 309.

[27] Гл.: Игнатьев А. А. 50 лет в строю. Петрозаводск, 1963. С. 294. *(Бой разгорался с каждой минутой. Загремела артиллерия. Хэгоутай огласился разрывами шимоз. Сперва они летели только с востока, потом откуда-то с юга, где развертывалась наша 9-я дивизия Кондратовича… потери росли.*
— Алексей Алексеевич, я ранен, — сказал мне неожиданно стоявший рядом со мной генерал Кондратович, повиснув на моей руке
— Начальник штаба — распоряжайтесь!
Кондратович оказался прав, так как, взглянув на его спину, я заметил в его шинели выходное отверстие пули. Подбежали санитары, а Штакельберг (командир 1-го корпуса. — *Л. Л.*) *тем же ровным сухим голосом, которым он отдавал все распоряжения, негромко сказал:*
— Сдайте командование, генерал, желаю вам скоро поправиться…)

[28] Рускі інвалід. 18.01.1905. № 13. С. 3.

[29] Наша слова. 10 кастр. 2007. № 40 (828).

[30] Военная энциклопедия издания Сытина. Т. 13. С. 105.

Пасада Кандратовіча ў Сярэдняй Азіі — гэта пасада адміністратара. Напрыклад, у адміністрацыйнай кнізе туркестанскага губернатара подпісы генерала з візай «Зацвярджаю, намеснік генерал-губернатара генерал-лейтэнант Кандратовіч» стаяць на паперах аб атрыманні крэдыту на насенне 294 кіргізам, якія пакутавалі ад неўраджаю (15 траўня 1909 г.), «аб выдачы крэдыту ў памеры 2465 р. на насенне для 58 арандатараў, з якіх 57 туземцаў і 1 рускі» (23 траўня 1909 г.), аб абкладанні падаткамі жыхароў Бухары[31].

У той час яшчэ не заціхла рэха першай рускай рэвалюцыі і працягваўся рэвалюцыйны тэрор. Барацьба з рэвалюцыянерамі таксама ўваходзіць у абавязкі К. А. Кандратовіча. Увесну 1907 г. удзельнікі семірэчанскай рэвалюцыйнай групы сацыялістаў наладзілі ў горадзе Верным (цяпер Алматы) выпуск газеты «Абстрэл» (па дадзеных паліцыі, з красавіка да канца жніўня 1907 г. выйшла 5 нумароў газеты). У 5-м нумары «Абстрэлу» артыкул «Нашы героі» напісаны з нагоды прыезду ў Верны памочніка туркестанскага генерал-губернатара Кандратовіча, *«які… атрымаў поспех па частцы вышуку, у чым яму дапамог віцэ-губернатар Осташкін»*. У артыкуле згадваецца выпадак, звязаны з *«выяўленнем у бясплатнай чытальні дзвюх забароненых брашур. Па даручэнні **Кандратовіча** старэйшым дарадцам Пантусавым быў зроблены агляд гэтай чытальні, у выніку чаго знайшлі яшчэ дзве такія самыя брашуры… За гэта бібліятэка і кніжны склад былі зачыненыя»*. Кандратовіч арыштаваў тапографа Макарава за захаванне нелегальнай літаратуры… Падчас знаходжання генерала Кандратовіча ў горадзе Верным генерал падняў пытанне аб бясплатнай адпраўцы салдацкіх лістоў, але на гэта не знайшлося сродкаў у бюджэце[32].

Наогул, як адзначалася ў афіцыйнай «Запісцы аб праявах рэвалюцыйнага характару ў Туркестанскім краі за перыяд з лістапада 1905 да лістапада 1906 г.» антыўрадавая агітацыя вялася асабліва актыўна. Сярод насельніцтва распаўсюджвалася мноства пракламацый, накіраваных супраць улады з заклікамі да супраціву са зброяй у руках. Гэта агітацыйна-прапагандысцкая праца сярод сялянаў прыносіла свой плён. Туркестанскі генерал-губернатар звязваў абвастрэнне аграрнага руху з дзейнасцю рэвалюцыйнай сацыял-дэмакратыі. Дакладваючы 24 снежня 1905 г. вайсковаму міністру аб сваёй паездцы па сямірэччы, ён падкрэсліў, што аграрныя беспарадкі не прынялі б шырокага размаху без рэвалюцыйнай прапаганды.

Увесну і ўлетку 1907 г. у Пішпекскім павеце (Кыргізстан) успыхнулі хваляванні сярод сялянаў. *«Першыя просьбы, якія былі заяўленыя мне, — пісаў у сваёй справаздачы аб выніках паездкі ў Семірэчанскую вобласць у траўні–жніўні 1907 г. генерал-лейтэнант **Кандратовіч**, — пры ўездзе ў вобласць у сяле Карабалцінскім, а затым у наступных пунктах, аж да Пішпека, былі аб зямлі. Адны (перасяленцы, сяляне…) прасілі аб адводзе і павелічэнні зямельных надзелаў, іншыя (кіргізы) жаліліся на адабранне ў іх зямлі для новых рускіх селішчаў або прасілі аб ураўнанні сваіх правоў з сялянамі* (рускімі перасяленцамі. — *Л. Л.*)*»*[33].

6 снежня 1910 г. Кандратовічу нададзена годнасць генерала ад інфантэрыі (поўны генерал)[34], найвышэйшае вайсковае званне Расійскай імперыі ў мірны час. Генерал ад

[31] Наша слова. 2003. № 9 (596), № 10 (597), № 11 (598).

[32] Центральный государственный архив города Алматы. Журнал «Вестник архивной службы». 2008. № 1 // Кривков А. Нелегальная газета «Обстрел» в городе Верном. http://www.cgaa.kz/magazine/2/2.jsp.

[33] Мухлынин Б. Ф. Очерк по истории села Беловодское. Революционное движение накануне Октябрьской Революции. http://belovodskoe.potwater.kg/? q=node/21.

[34] Гл.: Керсновский А. А. История Русской армии. Т. III. М., 2000. С. 181.

інфантэрыі — гэта прыблізна генерал-палкоўнік у сучасным войску. Вышэйшае званне ў расійскай арміі — фельдмаршал, але ў той час амаль на працягу 50 гадоў гэтае званне не прысвойвалася, і, фактычна, годнасць генерала ад інфантэрыі (ад артылерыі, ад кавалерыі — «поўныя генералы») была найвышэйшай у войску. Поўныя генералы насілі генеральскія пагоны без зорак з кантам колеру, залежным ад роду войскаў, генералы ад інфантэрыі — з чырвоным кантам. У 1913 г. у расійскай арміі было 177 поўных генералаў, пры гэтым толькі трохі больш за палову з іх мела вышэйшую адукацыю пры сярэднім узросце — 66,5 гадоў. Самым маладым (ва ўзросце 54 гады) з іх, нават праз 3 гады пасля атрымання чына, быў генерал ад інфантэрыі Кандратовіч.[35]

1 студзеня 1910 г. генерал Кандратовіч прызначаецца камандзірам 1-га Каўказскага армейскага корпуса і адначасова памочнікам генерал-губернатара ў Тыфлісе[36]. І менавіта тут ва ўзросце 51 года Кіпрыян Антонавіч пабраўся шлюбам з Адай фон Рыхтар (1879(?) — 1954). Ада Гвідаўна фон Рыхтар (Ada von Richter) — дачка расійскага генерала фон Рыхтара, нарадзілася ў Рызе, выпускніца Смольнага інстытута ў Санкт-Пецярбургу. У 1912 г. у Тыфлісе нарадзілася дачка Вера. Бацька Ады — генерал-лейтэнант Гвіда Казіміравіч Рыхтар[37], саслужывец Кіпрыяна Антонавіча па Туркестане[38].

18 лютага 1910 г. у газеце «Новое время» адзін з уплывовых вайсковых аглядальнікаў «патрыятычнага» кірунку М. А. Меншыкаў у артыкуле «Ці можа Расія ваяваць», ацэньваючы перспектывы будучай сусветнай вайны, пісаў: «*У нашых заходніх суседзяў толькі нешматлікія камандзіры карпусоў нюхалі порах, у нас жа 10 000 начальнікаў розных ступеняў ваявалі. Генералы Самсонаў…* ***Кандратовіч****… складаюць цэлую плеяду. Усё яны дасведчаныя ільвы ў мундзірах*».

15 жніўня 1913 г., у прадчуванні вайны, Кандратовіч прызначаецца камандзірам 23-га армейскага корпуса 2-й арміі. Камандуючым 2-й арміі за тры тыдні да пачатку вайны прызначылі генерала ад кавалерыі Самсонава[39]. Самсонаў, кавалерыйскі камандзір велізарнай асабістай мужнасці, займаў адказныя штабныя (у тым ліку і ў Варшаўскай акрузе) і адміністрацыйныя пасады, але не камандаваў нават корпусам[40].

Для Кандратовіча гэтае прызначэнне азначала вяртанне дамоў.

---

35 Независимое военное обозрение 2005–08–12 // Колпаков Ф. Н. Уровень, далекий от благополучного. Состояние российского генералитета на пороге Первой мировой войны. http://nvo.ng.ru/history/2005-08-12/5_general.html.

36 Военная энциклопедия издания Сытина. Т. 13. С. 105.

37 Рыхтар Гвіда Казіміравіч (нар. 25.06.1855), генерал ад інфантэрыі. Закончыў Мікалаеўскую акадэмію Генеральнага Штаба (1881 г.). Быў начальнікам штаба Туркестанскай ваеннай акругі. З 01.05.1910 да 31.01.1915 — камандзір 16-й пяхотнай дывізіі. Загінуў 17 сакавіка 1919 г. — закатаваны бальшавікамі. У Брусэлі ў праваслаўным храме расійскіх пакутнікаў сярод іншых знаходзіцца персанальная мемарыяльная дошка пад № 46: «фон РЫХТАР Гвіда Казіміравіч (1855–1919)…». Сын генерала — Рыхтар Уладзімір Гвідавіч (1886–1968). Закончыў Пажскі корпус (1907), Мікалаеўскую кавалерыйскую вучэльню (1908). Штаб-ротмістр 4-га ўланскага палка. Палкоўнік. У чэрвені 1919 г. пастурае ў Польскае войска. Камандуе эскадронам у Татарскім палку імя Ахматовіча, а затым у 13-м уланскім Віленскім палку. Пры абароне Плоцка ў жніўні 1920 г. быў паранены і ўзнагароджаны медалём. У 1921 г. выйшаў у адстаўку. Потым эміграцыя — у Іспаніі, Францыі, Марока, Італіі. У 1936 г. вяртаецца ў Польшчу. Памёр у Варшаве. Аўтар некалькіх кніг па ваеннай гісторыі. Супрацоўнік Нумізматычнага аддзела Брытанскага музея і карэспандэнт Медальнага кабінета Парыжскай нацыянальнай бібліятэкі.

38 Общий список Офицерским чинам Русской императорской армии. СПб., 1909. С. 105.

39 Гл.: Залесский К. А. Первая мировая война: биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 423.

40 Гл.: Керсновский А. А. История Русской армии. Т. III. С. 172–200.

Першая сусветная вайна

1 жніўня 1914 г. у 17.00 Германія аб’явіла вайну Расіі.

Згодна з планамі расейскага камандавання вайна павінна была пачацца з дзеяннях расійскай арміі супраць Усходняй Прусіі: 1-я расійская армія генерала Рененкампфа наступае з усходу, з раёна Вільні, адначасова з ёй 2-я армія генерала Самсонава наступае з поўдня, з раёна Варшавы. Аднак яшчэ ў красавіку 1914 г. на камандна-штабной гульні ў Кіеве, якую праводзіў вайсковы міністр Сухамлінаў і ў якой бралі ўдзел усе камандзіры карпусоў і армій, у тым ліку і Кандратовіч, стала зразумела, што 2-я армія абавязкова спозніцца з-за адсутнасці дарог ў зоне яе высоўвання. Гэта дасць магчымасць манеўру немцам і прывядзе да разгрому. Як быць? Вышэйшае вайсковае кіраўніцтва знаходзіць «бліскучае» выйсце. Даецца ўводная, што ў Францыі саюзнікі перамагаюць, немцы вось-вось атрымаюць паразу і нічога не робяць на ўсходзе дзеля выратавання. Наогул, было вырашана, што колькасць расійскіх войскаў будзе настолькі значнай, што немцы будуць разбітыя без вялікіх перашкод[41].

У жыцці было ўсё наадварот. Каб ўратаваць ад поўнага разгрому французаў з англічанамі, наступаць давялося на 15-ы дзень ад пачатку мабілізацыі. Да гэтага тэрміну сканцэнтравалася толькі 30 % планаваных сілаў. Для падыходу наступных 30 % неабходна было яшчэ 8 дзён, але немцы былі ўжо пад Парыжам, і, каб не застацца з ворагам сам-насам, раніцай 17 жніўня 1-я расійская армія перайшла мяжу[42]. Усходне-Прускай аперацыі прысвечана шмат кніг. Гэта адна з найбольш цяжкіх і павучальных бітваў Першай сусветнай вайны. Але наша мэта — расказаць аб удзеле ў ёй нашага земляка, генерала ад інфантэрыі К. А. Кандратовіча.

23-і корпус пасля заканчэння мабілізацыі быў адразу разабраны на часткі. 3-я гвардзейская дывізія (генерал-лейтэнанта Сірэліўса) была адпраўленая ў Саколку, у рэзерв Паўночна-заходняга фронту, штаб якога ў гэты час знаходзіўся ў Лідзе. 2-я пяхотная дывізія (генерал-лейтэнанта Мінгіна) засталася ў цвердзі Новагеоргіеўск (цяпер Модлін) і была падпарадкаваная каменданту цвердзі. Кавалерыя корпуса (гвардзейская кавалерыйская брыгада) адпраўлена на Паўднёва-заходні фронт супраць аўстрыйцаў, мартырны дывізіён прыдадзены ў 2-і армейскі корпус, сапёрны батальён — у цвердзь Гародня. Потым дывізію Мінгіна зноў перадалі Кандратовічу, і яна даганяла карпусы, якія наступалі. У камандзіра застаўся толькі штаб корпуса. Аднак у загадах і дырэктывах корпус лічыўся так, як быццам ён дзейнічаў у поўным складзе[43].

17 жніўня 2-я армія пачала высоўвацца да дзяржаўнай мяжы. Стаяла спякота. Корпусы наступалі несупынна па сыпучых пясках, без тылавога суправаджэння, па некалькі дзён нават без хлеба. Дывізія Мінгіна, наогул, не мела абозаў, і ёй было загадана харчавацца з абозаў 15-га корпуса[44]. Ішлі без перапынкаў удзень. Адолеўшы за трое сутак 80 км, армія Самсонава 20 жніўня перайшла дзяржаўную мяжу[45]. 2-я армія складалася з 1, 2, 6, 13, 15 і 23-га армейскіх карпусоў. Гэтаксама ў яе склад уваходзілі 4-я, 6-я і 15-я кавалерыйскія дывізіі, усяго 150 000 чалавек, 702 гарматы, прыкладна такую самую моц мела і 1-я армія Раненкампфа[46].

---

[41] Гл.: Такман Барбара. Первый блицкриг. М.,1999. С. 20.

[42] Гл.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 9.

[43] Гл.: Доклад правительственной комиссии: 23-й армейский корпус // Восточно-Прусская операция. С. 587–593.

[44] Гл.: Керсновский А. А. История Русской армии. Т. III. С. 172–200.

[45] Гл.: История первой мировой войны 1914–1918 гг. М:, 1975. С. 161.

[46] Гл.: Восточно-Прусская операция. С. 12.

14 жніўня ў Беластоку Кандратовіч выдае загад па войсках корпуса № 7: *«Вярнуўшыся з камандзіроўкі 13 жніўня, прыступіў да камандавання корпусам… 18 жніўня да 6 гадзін вечара корпусу сканцэнтравацца каля Новагеоргіеўска…»*[47].

Аднак тэлеграма Галоўнакамандуючага фронтам ад 14 жніўня № 3 загадвала 3-й гвардзейскай дывізіі заставацца ў Саколцы. 16 жніўня дывізія была перасунутая ў Беласток, а 17 жніўня дывізіі загадана рухацца ў бок фронту, на Дэмброва[48]. Ад такога кіравання штабам акругі дывізіямі корпуса Кандратовіча войскі пераблыталіся, і генерал прыкладна да 27 жніўня збіраў свае дывізіі.

Ад пачатку наступлення ў баях удзельнічала толькі 2-я пяхотная дывізія, наступаючы паміж 1-м і 15-м карпусамі. 24 жніўня гэтая дывізія была падпарадкаваная камандзіру 15-га корпуса генералу Мартасу. 3-я гвардзейская дывізія, даганяючы войскі, падыходзіла ў гэты дзень да Млавы, 1-я стралковая брыгада была яшчэ ў Новагеоргіеўску. Такім чынам, пры выхадзе 23-га корпуса на лінію наступлення 2-й арміі 2-я пяхотная дывізія была ў 15-м корпусе, 3-я гвардзейская дывізія ўваходзіла ў бой часткамі, пры чым яе Кексгольмскі полк быў перададзены 2-й дывізіі[49]. Больш заблытаць працу штаба 23-га корпуса не змаглі б нават немцы!

Амаль што да канца жніўня 2-я армія наступала без значных сутыкненняў з супраціўнікам і прайшла палову адлегласці ад расійскай мяжы да Балтыкі. Войскі смяротна стаміліся, адсутнічалі палявыя пякарні, сілкаваліся толькі сухарамі і тым, што адбіралі ў нямецкага насельніцтва. Штаб арміі не меў сувязі са штабамі корпусаў, штабы корпусаў — з дывізіямі. Ужывалася радыёсувязь, але ж да пачатку вайны штабы не распрацавалі нават кодаў, і загады войскам ішлі адкрытым тэкстам. У гэта цяжка паверыць, але не была арганізаваная нават выведка, і ніхто ні ў штабе фронту, ні ў штабах армій і корпусаў не ведаў, дзе немцы! Кавалерыя не рабіла рэйдаў па тылах супраціўніка, а ішла за пяхотай. Авіяцыя дастаўляла пакеты паміж штабамі, а расійскія жаўнеры, якія ніколі не бачылі самалётаў, абстрэльвалі сваіх, мяркуючы, што такую хітрую машыну маглі мець толькі немцы[50].

У германскіх штабах не маглі паверыць, што рускія адкрытым тэкстам па радыё кіруюць сваімі войскамі. Але дакладная выведка з паветра красамоўна сведчыла, што радыёперахопам можна верыць. Гэтаксама працавала і нямецкая тэлефонная сувязь: аб кожным кроку расійцаў тутэйшае насельніцтва інфармавала па тэлефоне германскі штаб!

Немецкія генералы ўмелі ваяваць і ваявалі надзвычай добра. Атрымаўшы паразу ад Рененкампфа пад Гумбіенам (20 жніўня), нямецкія карпусы адарваліся ад расійцаў, для аховы Кенігсберга пакінуўшы толькі нязначныя часткі ландверу (апалчэнцаў). Выкарыстоўваючы шчыльную сетку чыгунак, нямецкія войскі былі перавезены на левы і правы флангі арміі Самсонава. У гэты час раскіданыя па фронце на адлегласці ў 120 вёрст войскі генерала Самсонава ішлі насустрач свайму лёсу, нічога не ведаючы аб праціўніку. Дадаўшы да сваіх сілаў на ўсходзе два пяхотныя корпусы з французкага фронту (так расійская параза выратавала Парыж), **26 жніўня** немцы выцялі ў флангі, адразаючы расійцаў ад сваіх баз. Камандзір 6-га корпуса Благавешчанскі пакінуў свае войскі і збег. У гэты дзень у 7.25 Кандратовіч дасылае Самсонаву тэлеграму: «*...немцы перайшлі ў энергічны наступ супраць 1-га корпуса з захаду. ...жадана супраць…*

[47] Восточно-Прусская операция. С. 172.

[48] Гл.: Доклад правительственной комиссии: 23-й армейский корпус // Восточно-Прусская операция. С. 587–593.

[49] Гл.: Доклад правительственной комиссии: 23-й армейский корпус // Восточно-Прусская операция. С. 587–593.

[50] Гл.: Такман Барбара. Первый блицкриг. С. 306–358.

наступаючых высунуць… 2-ю пяхотную дывізію… загадаў адной брыгадзе 6-й кав. дывізіі пераснуцца на правы фланг…»[51].

27 жніўня 1-ы корпус пасля жорсткага бою адышоў да Сольдаў, камандзір гэтага корпуса генерал Артамонаў ўзяў вінтоўку і пайшоў кіраваць ротамі, кінуўшы камандаванне корпусам. *«1-ы армейскі стаіць як скала!»* — далажыў ён Самсонаву і праз гадзіну аддаў загад адступаць. Артамонаў быў неадкладна зняты з пасады. У гэты ж дзень 2-я пяхотная дывізія з корпуса Кандратовіча, падпарадкаваная штабу 15-га корпуса, была разгромленая каля Грос-Гардзіена[52]. Самсонаў абедаў разам з англійскім ваенным аташэ Ноксам, недалёка ад фронту ў Найдэнбургу, калі жаўнеры разбітай 2-й дывізіі з'явіліся на вуліцах горада. Людзі былі *«жахліва стомленыя, тры дні не бачылі хлеба, на працягу двух дзён жаўнеры не атрымлівалі аніякай ежы, ніводзін з абозаў не падышоў…»* — апавядаў Ноксу адзін з палкавых камандзіраў[53]. У 23.00 Самсонаў даклаў камандуючаму фронтам аб разгроме 2-й дывізіі: *«2-я дывізія панесла цяжкія страты… Рэвельскі полк амаль што знішчаны, засталіся сцяг і адзін звяз… Эстляндскі полк у вялікай мітусні адышоў да Найдэнбурга, дзе па маім загадзе застаўся…»*[54]. Раніцай 27 жніўня Кандратовіч знаходзіўся ў Млаве, калі атрымаў загад прыбыць у Найдэнбург, каб кіраваць 2-й дывізіяй. Каля 8-й гадзіны раніцы генерал разам са штабам на трох аўтамабілях выехаў з Млавы. На дарозе ён затрымаў адступаўшыя часткі 2-й артылерыйскай брыгады і загадаў ім заняць абарону. Да аддзелаў 2-й дывізіі Кандратовіч прыбыў каля 3-й гадзіны дня. Камандзір генерал Мінгін даклаў аб вялікіх стратах і цяжкім стане 2-й дывізіі. Увечары Кандратовіч разам са сваім штабам накіраваўся ў Найдэнбург да Самсонава. У асабістай размове Самсонаў выказаў незадаволенасць Мінгіным і даў пісьмовы загад прыняць агульнае кіраванне над тым, што засталося ад 2-й дывізіі, каб абараніць Найдэнбург і Франкенаў.

Зраніцы **28 жніўня** генерал Кандратовіч кіраваў абаронай: затрымаў і вярнуў на пазіцыі напрамкі Эстляндскі полк, які зноў быў кінуўся на ўцёкі, даваў указанні пяхоце і артылерыі, указваў напрамкі атакі кавалерыі і г. д. Да вечара становішча дывізіі стала невыносным і генерал, каб пазбегнуць акружэння, дазволіў Мінгіну пачаць адыход. На прапанову Кандратовіча кіраваць адыходам, генерал Мінгін папрасіў яго не турбавацца, бо ён за апошнія дні настолькі вывучыў справу манеўравання падчас бою, што можа сам выканаць гэты манеўр. Пасля гэтай размовы Кандратовіч пакінуў штаб Мінгіна і больш не вяртаўся[55].

У гэты ж дзень Самсонаў сам, *«страціўшы галаву»,* з'ехаў са штаба арміі. Перад гэтым ён у 7.05 раніцы даслаў тэлеграму ў штаб фронту: *«1-ы корпус… учора ўвечары адступіў… зараз пераязджаю ў штаб 15-га корпуса… апарат Юза здымаю, часова буду без сувязі з вамі»*[56]. Такім чынам, было цалкам дэзарганізаванае кіраванне арміяй. «З гэтага моманту армія перастала існаваць як цэльны арганізм: Самсонаў яе сакрушыў, і Гіндэнбургу засталося яе толькі дабіць», — пісаў вядомы расійскі вайсковы гісторык А. А. Кярсноўскі[57].

---

[51] Восточно-Прусская операция. С. 286.

[52] Гл.: Керсновский А. А. История Русской армии. Т. III. С. 172–200.

[53] Гл.: Такман Барбара. Первый блицкриг. С. 306–358.

[54] Восточно-Прусская операция. С. 293.

[55] Гл.: Доклад правительственной комиссии: 23-й армейский корпус // Восточно-Прусская операция. С. 587–593.

[56] Восточно-Прусская операция. С. 297.

[57] Керсновский А. А. История Русской армии. Т. III. С. 172–200.

У дакладзе ўрадавай камісіі, якая даследавала гэтую катастрофу, вядома, пахвілінна распісана, што рабіў Кандратовіч 28 жніўня. І таму абсалютна не зразумела, чаму А. Салжаніцын такую пісаў лухту: *«И генерал **Кондратович**, которому — счастье выпало? — что его корпус раздёргали, и, будто бы собирая его, можно было долго кататься поездами между Варшавой и Вильной… Кондратович примчался в Найденбург и, не имея тут никого выше себя чином, распорядился: командиру Эстляндского полка взять шесть рот и пулемётную команду и с ними уходить на восток, по шоссе, сопровождая и охраняя его, генерала Кондратовича. Он, очевидно, так расчёл, что одна растрёпанная дивизия его несобранного корпуса всё равно уже подчинена Мартосу, Кексгольмский полк занял позиции и сам продержится, остальные гвардейские полки сюда вовсе не дойдут, — и ему, корпусному, делать нечего, а безопаснее отойти за русскую границу и там ждать, чем кончится»*[58]. Гэта пра тых самых панічна напужаных жаўнераў Эстляндскага палка, якія ўжо некалькі дзён уцякалі з усіх пазіцый, пра якія пісаў Нокс. Гэтых жаўнераў, згодна з высновамі ўрадавай камісіі, расследаваўшай катастрофу ва Усходняй Прусіі, якраз 28 жніўня Кандратовіч асабіста вяртаў на пазіцыі: *«Тым часам конніца немцаў пачала прасоўвацца на поўдзень, у кірунку на Найдэнбург… Генерал **Кандратовіч** выправіўся ў Найдэнбург, каб хутка зарганізаваць там абарону. Прыбыўшы ў Найдэнбург, ён знайшоў там толькі 1 000 чалавек эстляндцаў, сабраных камандуючым дзеля адпачынку. Эстляндцам, пры якіх было 2 штаб-афіцэры, было загадана заняць вышыні на захад ад горада… пасля чаго генерал Кандратовіч зноў выехаў з Найдэнбурга на поўнач, да астатніх частак свайго корпуса. Аднак, праехаўшы 2–3 вярсты, даведаўся аб адыходзе эстляндцаў… зноў вярнуўся… і асабіста, разам з чынамі штаба, давёў частку эстляндцаў да тых вышынь, якія яны павінны былі ўтрымліваць… Устанавіўшы на пазіцыі эстляндцаў, генерал **Кандратовіч** зноў выправіўся да аддзела Мінгіна на крайні правы фланг»*[59]. Толькі ўвечары, каля 19-й гадзіны, пасля гарачай размовы з генералам Мінгіным, падчас якой Мінгін практычна адмовіўся падпарадкавацца (не вядома, як складаліся адносіны гэтых генералаў да вайны, у расійскім войску бывала ўсялякае, напрыклад, паміж двума камандуючымі арміямі — Самонавым і Рэненкампфам падчас Руска-японскай вайны была дуэль, гэта лёсавызначальным чынам адгукнулася ў 1914 г.), Кандратовіч пакінуў аддзелы Мінгіна[60]. Прычыны гэтага ўчынку незразумелыя, і тут маглі б дапамагчы мемуары абодвух генералаў, але, на жаль, мы не маем іх.

Верагодна, што Салжаніцын кіраваўся кнігай Яўсеева «Августовское сражение в Восточной Пруссии 1914 г.»[61], якая была выдадзена ў 1936 г., калі Кандратовіч для Масквы быў ворагам — нацдэмам. Яўсееў сцвярджае, што генерал Кандратовіч з'ехаў з фронту яшчэ ў 12 гадзін на чале аддзела з шасці рот 8-га Эсляндскага палка і кулямётнай каманды лейб-гвардзейскага Петраградскага палка. Апісанне дзеянняў генерала ў «Чырвоным коле» Салжаніцына літаральна супадае з тым, што напісана ў гэтай кнізе. Але на карысць Кандратовіча кажа неверагодны факт, які выкладае ў сваёй працы афіцэр — эмігрант Багдановіч П. Н.[62]. Ён цытуе ўспаміны камандзіра нямецкага корпуса генерала Франсуа аб тым, што а 15-й гадзіне каля ягонага штаба праехаў аўтамабіль з незнаёмымі афіцэрамі. Франсуа лічыў, што гэта быў камандзір 23-га корпуса. Аўтамабіль немцы

[58] Солженицын А. И. Август Четырнадцатого. Глава 36. [http://koleso.by.ru]

[59] Доклад правительственной комиссии: 23-й армейский корпус // Восточно-Прусская операция. С. 587–593.

[60] Гл.: Восточно-Прусская операция. С. 293.

[61] Евсеев Н. Ф. Августовское сражение в Восточной Пруссии 1914 г. М., 1936.

[62] Богданович П. Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г.; Воспоминания офицера генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964. С. 199–200.

нават не абстралялі! Вось так у дзень пагрому расійскага войска Кандратовіч перамяшчаючыся сярод сваіх напалову акружаных войскаў, ледзь сам не трапіў у палон…

Як прайшла ноч невядома, але ж назаўтра ўсё было скончана.

У ноч з 28 на 29 жніўня Самсонаў аддае загад аб агульным адступленні войскаў 2-й арміі[63].

29 жніўня пачалася агонія. Сакрушальны удар немцаў па тылах прывёў да разгрому расійскіх войскаў. Генерал Самсонаў застрэліўся. Штаб 15-га корпуса абстраляны з кулямётаў, і камандзір корпуса генерал Мартас узяты ў палон. Камандзір 13-га корпуса Клюеў здаўся ў палон разам з вялікім аддзелам сваіх войскаў. Два дні з месца разгрому не было ніякай інфармацыі.

30 жніўня Кандратовіч дасылае тэлеграму ў штаб акругі, у якой дае інфармацыю аб стане войскаў і знікненні камандуючага арміяй. У той жа дзень штаб фронту загадвае: *«ген. **Кандратовічу** сабраць усе… сілы каля Харжэле, адтуль дзейнічаць па абставінах…»*[64]. Некалькі дзён генерал з малымі сіламі прыкрываў шлях на Варшаву.

* * *

Усходне-Пруская аперацыя 1914 г., якая пачыналася з перамог расійскага войска, праз некалькі тыдняў скончылася поўным разгромам і ўцёкамі дзвюх расійскіх армій. Перамогу над 2-й арміяй Самсонава, у якую ўваходзіў 23-і корпус Кандратовіча, немцы назвалі бітвай пад Таненбергам (Грунвальдам) і лічылі гістарычным рэваншам за паразу 1410 г. Пасля разгрому 2-й арміі толькі палоннымі было ўзята 92 000 чалавек, немцам спатрэбілася 60 цягнікоў, каб вывезці трафейную вайсковую маёмасць. Практычна перасталі існаваць 15-ы і 13-ы карпусы, ад іх засталося 50 афіцэраў і 2 000 салдатаў. У 6-м і 1-м корпусах засталося па адной дывізіі, у 23-м — каля брыгады. Два камандзіры корпусаў былі ўзяты ў палон, усе астатнія адхілены ад сваіх пасад. Айцец Георг Шавельскі, які на гэты час стаў протапрасвітэрам усяго расійскага войска, піша, што ён спрабаваў заступіцца за Кандратовіча, свайго былога камандзіра, перад галоўнакамандуючым, але гэта не дапагло[65]…

Поўную паразу атрымала і 1-я армія Раненкампфа. Сам генерал Раненкампф, кінуўшы армію, збег на аўтамабілі.

З верасня 1914 г. да 1917 г. дакладнай інфармацыі пра генерала К. А. Кандратовіча ў расійскім войску няма. Верагодна, што прозвішча «генерал Кандратовіч», якое час ад часу з’яўляецца ў дакументах, як, напрыклад, пра Нарачанскую аперацыю расейскіх войскаў 1916 г., адносіцца да генерал-маёра Лукі Лукіча Кандратовіча, украінца, які, дарэчы, таксама перайшоў на бок украінскага нацыянальнага руху. Найверагодней, што даследчык гісторыі расійскага войска А. А. Кярсноўскі[66] памылкова лічыў, што ўжо ўвосень К. А. Кандратовіч быў начальнікам штаба 2-й арміі.

Генерал К. А. Кандратович 30 жніўня 1914 г. быў звольнены ў адстаўку[67]. Верагодна, што пасля адстаўкі генерал з сям’ёй жыў ва ўласным маёнтку, у Гародна, бо паводле інфармацыі ўнука генерала, сям’і прыйшлося пакінуць свой дом у 1915 г. пры

[63] Гл.: Такман Барбара. Первый блицкриг. С. 306–358.

[64] Восточно-Прусская операция: Сборник документов. М., 1939. С. 310.

[65] Гл.: О. Гергий Шавельский. Воспоминания Последнего Протопресвитера русской армии и флота. Т. I. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954. С. 155.

[66] Гл.: Керсновский А. А. История Русской армии. Т. III. С. 172–200.

[67] Военная энциклопедия издания Сытина. Т. 13. С. 105.

набліжэнні нямецкага войска (другі і апошні раз удава генерала Ада Кандратовіч спешна пакінула Гародна ў верасні 1939 г.). Дзе пасля гэтага жыў генерал з сям'ёй, невядома, але з 25 лістапада 1915 г. знаходзіўся ў рэзерве чыноў пры штабе Менскай вайсковай акругі, а значыць, жыў на Беларусі.

Менавіта ў гэты час генерал зблізіўся з беларускай інтэлігенцыяй і дзеячамі беларускага адраджэння, ён атрымаў вольны час, што і дало падставы па-новаму паглядзець на гісторыю сваёй радзімы і падумаць аб сваім месцы ў ёй.

Беларускае войска

З 8 траўня 1917 г. Кандратовіч прыняў на сябе камандаванне 75-й пяхотнай дывізіяй[68]. У 1914 г. гэтая дывізія была створаная на базе 38-й і ўваходзіла ў склад Варшаўскай вайсковай акругі. Яна брала ўдзел у бітве пад Варшавай, а ў 1917 г. дыслакавалася ў Беларусі. Травень 1917 г. — не лепшы час для таго, каб генералу ад інфантэрыі ва ўзросце 59 гадоў аднаўляць сваю вайсковую кар'еру. Расійская армія развальвалася, генералаў здымалі з пасад. На 1 траўня 1917 г. былі адхіленыя ад сваіх пасад 3 з 5 галоўнакамандуючых войскамі фронту (60 %), 7 з 14 камандуючых арміямі (50 %), 39 з 77 камандзіраў корпусаў (50,5 %), каля трацiны начальнікаў дывізій (75 з 240), такім чынам, больш запалову вышэйшага каманднага складу былі выкінутыя з войска. У траўні 1917 г. зафіксаваны першыя забойствы генералаў на фронце. 17 траўня група салдат арыштавала і забіла камандзіра 177-й пяхотнай дывізіі генерала Я. Я. Любіцкага. Тады ж загінуў ад рук сваіх салдатаў камандзір 184-й пяхотнай дывізіі генерал П. А. Шкарпэтак. А хваляванні ў 75-й дывізіі пачаліся з сакавіка. Захавалася аператыўная перапіска за вясну 1917 г. штаба корпуса, якому падпарадкоўвалася 75-я дывізія. Адна з спраў штаба — «Аб розных здарэннях у сувязі з уводзінамі новага ладу» — на 115 лістах уяўляе з сябе карціну распаду войска — арышты старэйшых камандзіраў прапаршчыкамі, непадпарадкаванне загадам цэлых палкоў 75-й дывізіі, масавае дэзертырства, бездапаможнасць вышэйшага камандавання, жудасны стан перадавых частак, крывавы шлях страявых афіцэраў; два дзесяткі лістоў гэтых тэчак апісваюць хваляванні ў красавіку 1917 г. у 75-й дывізіі. За адзін месяц у дывізіі змянілася тры камандзіры: генералы Штэгельман (паспяхова камандаваў дывізіяй з 1914 г.,), Снесарыў (быў камандзірам 2 тыдна ў красавіку), Баркоўскі[69]. У траўні гэтую дывізію прымае Кандратовіч.

Можна выказаць здагадку, што вяртанне Кандратовіча ў войска было выклікана перспектывай беларусізацыі войска і ўдзелам у гэтым генерала. Тым больш, што 15 траўня 1917 г. у Мінску ўзнікла Беларуская вайсковая арганізацыя, якая згуртавала вайскоўцаў, што знаходзіліся ў Мінску[70].

Але ж ў канцы верасня 1917 г. Часовы ўрад чамусьці запланаваў 75-ю дывізію, якая дыслакавалася ў Беларусі і мела камандзіра-беларуса, падвергнуць «мусульманізацыі». Паводле планаў 75-я пяхотная дывізія павінна была камплектавацца татарамі з Казані[71]. Пры такім раскладзе Кандратовіч не меў сэнсу заставацца камандзірам дывізіі. Верагодна, са спробы беларусізацыі 75-й дывізіі пачалася праца генерала па стварэнні беларускага войска.

---

68 Наша слова. 2004. № 10(645).

69 Гл.: Белоголовый Б. Г. Доклад на «Снесаревских чтениях» — 2003 в ВАГШ. http://belogolovy.narod.ru/2003/S4-2003-1.html.

70 Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. Вільня, 2009. С. 40.

71 Гл.: Шевяков Т. «Национализация» Российской армии в 1917 году. http://www.rustrana.ru/article.php? nid=14157.

На з’ездзе воінаў-беларусаў Заходняга фронту ён быў абраны ў Цэнтральную беларускую вайсковую раду (ЦБВР). 15–24 кастрычніка 1917 г. у Менску адбылася другая сесія Цэнтральнай рады беларускіх арганізацыяў і партый (ЦРБАіП), падчас якой гэты орган быў ператвораны ў Вялікую беларускую раду (ВБР), якая павінна была стаць зародкам будучага органа дзяржаўнай улады[72]. Як сведчыць фотаздымак гэтага мерапрыемства, генерал узяў у гэтым удзел[73].

Пасля стварэння рады пачалася канкрэтная праца па арганізацыі беларускіх вайсковых фармаванняў. Утворанае ў гэты час бюро па арганізацыі беларускага войска ўзначаліў генерал К. Кандратовіч, ветэран балканскай, японскай і Першай сусветнай войнаў, аўтар тэарэтычных прац у вайсковай галіне, які ўваходзіў у той час у Беларускі выканкам Заходняга фронту. Ягонымі памочнікамі былі генерал-маёр Пажарскі, палкоўнік Камароўскі і паручнік К. Езавітаў. Кандратовіч распрацаваў адпаведны план і атрымаў дазвол на стварэнне беларускага палка ў Мінску, а пасля — беларускага корпуса на Заходнім фронце[74].

У канцы кастрычніка 1917 г. дэлегацыя воінаў-беларусаў Заходняга фронту ў складзе старшыні выканкаму ЦБВР С. Рака-Міхайлоўскага, К. Кандратовіча, М. Ярушэвіча і І. Шчэрбы выехала ў Стаўку ВГК дзеля перамоваў з Вярхоўным галоўнакамандуючым генералам М. Духоніным аб арганізацыі беларускіх вайсковых фармаванняў. Гэта быў час, калі нацыянальныя рухі Расійскай імперыі карысталіся з дэмакратыі, здабытай пасля перамогі Лютаўскай рэвалюцыі. Генерал М. Духонін[75] першапачаткова нічога канкрэтнага не адказаў, але праз некалькі дзён прыслаў тэлеграму, якая дазваляла фармаванне беларускіх аддзелаў праз папаўненне беларусамі выбраных адзінак расійскага войска. К. Кандратовіч распрацаваў адпаведны план і атрымаў дазвол на стварэнне беларускага палка ў Менску, а потым і беларускага корпуса на Заходнім фронце. У час, калі генерал К. Кандратовіч чакаў выканаўчых распараджэнняў Стаўкі, М. Духоніна паглынаў нарастаючы канфлікт з бальшавіцкімі ўладамі. 9 лістапада генерал М. Духонін быў зняты з пасады галоўнакамандуючага. На яго месца бальшавікі прызначылі паручніка Мікалая Крыленку. М. Духонін не падпарадкаваўся гэтаму загаду і застаўся ў Стаўцы. Бальшавікам удалося на той момант зняць з пасады галоўнакамандуючага Заходнім фронтам генерала П. Балуева[76].

ЦБВР і ВБР на той час негалосна прызналі бальшавіцкую цэнтральную ўладу і не згаджаліся толькі з узурпацыяй мясцовай улады[77]. А генерал К. Кандратовіч, трымаючыся прысягі, чакаў распараджэнняў ад законнага вышэйшага кіраўніцтва. Пазіцыя старога ваякі складалася ў тым, што патрэбна палітычнае рашэнне, пасля якога прафесійныя вайскоўцы выканаюць свой абавязак. Але Часовага ўраду, ад імя якога Духонін дазволіў стварэнне беларускага войска, ужо не было, а да прыняцця палітычнай дэкларацыі аб суверэнітэце Беларусі заставалася яшчэ 3 месяцы, па мерках рэвалюцыйнага часу — цэлая эпоха. Не з’яўляючыся палітыкам, як, напрыклад, Пілсудскі, фармаваць войска, якое будзе служыць невядома каму, генерал не мог. І таму ягоны намеснік, палкоўнік

[72] Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 40.

[73] Гл.: Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 63. Фотаздымак з подпісам «Дэлегаты з’езда беларусаў-воінаў Заходняга фронту…» і Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 71. Фотаздымак з подпісам «Сябры ВБР і Беларускай цэнтральнай вайсковай рады…» (Кандратовіч сядзіць у першым радзе).

[74] Гл.: Jatyszonek O. Biaioruskie formacje wojskowe 1917–1923. Bialystok, 1995. S. 56.

[75] Гл.: Савіцкі В. Беларускае войска: ад ідэі да спроб рэалізацыі (1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 4. С. 60–61.

[76] Гл.: Jatyszonek O. Biaioruskie formacje wojskowe 1917–1923. S. 55–56.

[77] Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 47.

Камароўскі, стрымліваў маладых калег ад «неабдуманых крокаў». Такім чынам, па-за межамі Менска арганізацыйную працу па стварэнні беларускіх вайсковых фармавання генерал аддаў на волю лёсу. Між тым дзякуючы ініцыятыве франтавых рад, якія рэалізоўвалі пастановы сваіх з'ездаў, праца па фармаванні беларускіх аддзелаў павольна прасоўвалася наперад[78]. Утвораныя на розных франтах беларускія арганізацыі і вайсковыя фармацыі спрабавалі наладзіць кантакт з генералам Кандратовічам, але, на жаль, безвынікова. Загады па тэлеграфе і інструкцыі сыходзілі толькі ад малодшых афіцэраў ЦБВР і кіраўніцтва яе палітычнага аддзела. Не маючы над сабой палітычнага кіраўніцтва, Кандратовіч чакаў. Дайшло да таго, што ён парваў прапанаваны яму для падпісання дакумент. Малодшыя афіцэры давялі Прэзыдыуму ЦБВР, што пакінуць вайсковы аддзел, калі генерал застанецца яго кіраўніком. Выканаўчы камітэт ЦБВР адхіліў генерала К. Кандратовіча ад кіраўніцтва аддзелам і перадаў паўнамоцтвы паручніку К. Езавітаву, які быў да гэтага часу адным з намеснікаў[79].

Тым часам галоўнакамандуючы М. Крыленка выдаў загад на стрыманне «нацыяналізацыі» войскаў і забараніў скліканне народных з'ездаў у прыфрантавых зонах. Суровыя загады, скіраваныя супраць украінцаў і палякаў, камандуючы Заходнім фронтам А. Мяснікоў выкарыстаў супраць беларусаў і загадаў 8 снежня далучыць салдат 1-га Беларускага палка ў Мінску да размешчанага ў гэтым горадзе 289-га запаснога палка пяхоты. Гэта была ліквідацыя беларускага палка. У ноч з 31 студзеня на 1 лютага 1918 г. бальшавікі арыштавалі чальцоў БЦВР[80].

18 лютага немцы занялі Маладзечна і пачалі наступ на Мінск. Бальшавікі спешна пакідалі горад. 19 лютага беларускія вайскоўцы вырашылі ўзяць на сябе ахову парадку ў горадзе. Камендантам Мінска стаў К. Езавітаў. Спехам арганізаваныя групы беларускіх вайскоўцаў і чальцоў прафсаюзаў каля 21.00 пачалі займаць горад. Аперацыю па захваце горада пачалі таксама і польскія вайскоўцы. 20 лютага беларускія атрады былі аб'яднаныя ў 1-ы Мінскі полк. 23 лютага ў 11-й гадзіне раніцы ў Мінск увайшлі нямецкія войскі. 25 лютага немцы раззброілі беларускія часткі[81].

На пачатку красавіка немцы забаранілі дзейнасць Народнага Сакратарыяту БНР. Шукаючы выйсця з такога становішча, Рада БНР дакааптавала ў свой склад кіраўнікоў беларускіх правых з утворанага ў лютым 1918 г., Мінскага беларускага народнага прадстаўніцтва. Вядучымі палітыкамі правых былі Р. Скірмунт, П. Алексіюк, генерал К. Кандратовіч, ксёндз В. Гадлеўскі, генерал А. Багдановіч, протаіерэй А. Кульчыцкі, А. Уласаў, В. Чавусаў. Віленская газета «Гоман» перадрукавала артыкул з «Беларускага шляху» № 20 ад 16.04.1918 г., у якім гэтай падзеі давалася такая ацэнка: «У Раду Рэспублікі адразу ўвайшоў моцны *"цэнтр"*, і цяпер праца над адбудаваннем Беларускай Народнай Рэспублікі пойдзе моцнымі крокамі… Рада пры яе чыста сацыялістычным складзе мела многа крытыкаў добраахвотных і злых… цяпер — пры новым складзе з беларускім моцным цэнтрам і левым крылом мае магчымасць быць працаздольнай… Мы дачакаліся вялікай хвілі, калі беларусы зрабілі **адзіны нацыянальны фронт**»[82]. Дзякуючы сваёй кампетэнтнасці дзеячы Мінскага беларускага народнага прадстаўніцтва мелі большую павагу ў немцаў, чым сацыялісты ў складзе Рады БНР. 25 красавіка Рада БНР па ініцыятыве Р. Скірмунта паслала тэлеграму з падзякай нямецкаму кайзеру Вільгельму II і прасіла аб дзяржаўнай незалежнасці ў звязе з немцамі. Тэлеграму

[78] Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 48.

[79] Гл.: Jatyszonek O. Biaioruskie formacje wojskowe 1917–1923. S. 64.

[80] Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 57.

[81] Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 59–61.

[82] Гоман. 1818. 26 крас. № 34 (230). Незалежная Беларусь. Адзіны нацыянальны фронт. С. 1.

падпісалі: кіраўнік Рады БНР І. Серада, кіраўнік Народнага Сакратарыята Я. Варонка, Р. Скірмунт і іншыя. Кандратовіча сярод іх не было[83].

Тэлеграма нямецкаму кайзеру Вільгельму II выклікала востры крызіс у беларускім руху. Распаўся Народны Сакратарыят, з якога ў знак пратэсту выйшлі некалькі міністраў. На пачатку траўня на яго месцы была створаная Рада міністраў пад кіраўніцтвам Р. Скірмунта. **Міністрам вайсковых спраў у гэтай радзе быў прызначаны генерал К. Кандратовіч**, замежных спраў — А. Аляксюк, сельскай гаспадаркі — Р. Астроўскі[84]. Аб утварэнні новай рады ў нумары ад 22 траўня паведаміла віленская газета «Гоман»[85].

Пасля 25 сакавіка 1918 г. стварэнне Беларускага войска было працягнутае.

Галоўныя праблемы, якія прыходзілася вырашаць міністру абароны, — гэта грошы і кадры, бо прафесійнае і баяздольнае войска на энтузіязме не ствараецца. І таму толькі 9 лістапада беларускі ўрад выдаў яшчэ адну пастанову аб фармаванні войска. 11 лістапада генералу К. Кандратовічу, палкоўніку К. Езавітаву даручана стварэнне штаба 1-га Беларускага палка. К. Кандратовіч, як сябар Рады БНР, прапанаваў праект арганізацыі 200-тысячнага войска і паведаміў, што віленскія банкіры і грамадзяне ў падтрымку гэтай ідэі гатовы выдаткаваць значныя фінансавыя сродкі. Адзінай перашкодай, паводле генерала К. Кандратовіча, была неабходнасць згоды немцаў і пастаўка праз іх зброі[86].

Напрыканцы нямецкай акупацыі Беларусі кіраўніцтва Обэр-Ост (у Коўне) выказала згоду на фармаванне агульнай для ўсіх нацыянальнасцяў міліцыі пад кіраўніцтвам генерала К. Кандратовіча, з чым, аднак, не былі згодныя палякі, якія ўтваралі аддзелы самаабароны зямлі мінскай, лідскай і інш. Таму ў часе сустрэчы генерала Кандратовіча з польскім камандуючым генералам Уладыславам Вейкам было вырашана, што кожная народнасць будзе мець уласныя аддзелы самаахòвы на прынцыпах аўтаноміі, і толькі ў выпадку агульнай пагрозы будзе падпарадкоўвацца агульнаму кіраўніцтву. У хуткім часе ў Менску адбылася супольная нарада, на якой генерал К. Кандратовіч прапанаваў месца начальніка штаба паляку — палкоўніку Фабіяну Каборду. Аднак да ўтварэння агульнага фронту супраць бальшавікоў не дайшло, і абодва бакі стваралі асобныя вайсковыя сілы[87].

У сувязі з магчымай акупацыяй Мінска на пачатку снежня 1918 г. частка беларускіх дзеячаў з А. Луцкевічам на чале падалася ўслед за адыходзячымі нямецкімі войскамі ў Вільню. Разам з А. Луцкевічам былі генерал К. Кандратовіч і палкоўнік К. Езавітаў з групай афіцэраў-добраахвотнікаў[88].

10 снежня бальшавікі занялі Менск і рушылі далей на захад.

Звяртае ўвагу невялікая лічба прафесійных афіцэраў у беларускім вайсковым руху. Гэта было вынікам апалітычнасці кадравых афіцэраў і стомленасці. І нават тыя нямногія вышэйшыя афіцэры, якія, як К. Кандратовіч, добраахвотна вызначыліся на беларускім баку, часта сустракалі абвінавачванні ў кан’юнктурызме і клопаце выключна пра асабістую выгаду. Так, напрыклад, левыя папракалі Кандратовіча ў наяўнасці маёнтка Гародна ў Лідскім павеце[89].

83 Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 62.

84 Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 63.

85 Гоман. 1818. 22 мая. № 41 (237). С. 2.

86 Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 66.

87 Гл.: Jatyszonek O. Biaioruskie formacje wojskowe 1917–1923. S. 86–87.

88 Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 67.

89 Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 69.

Генерал К. Кандратовіч згодна з дамовай паміж урадамі БНР і Летувы з лістапада 1918 г. камандаваў беларускім войскам, адступіўшым з Беларусі ў Летуву. Лістападаўскія пагадненні мелі на ўвазе таксама ўтварэнне беларускіх вайсковых адзінак, падначаленых літоўскаму галоўнаму кіраўніцтву. Войска літоўскае ў тым часе знаходзілася ў зародкавым стане. Першы полк гэтага войска налічваў каля 30 афіцэраў і каля 200 салдат, а другі — толькі некалькі афіцэраў і некалькі салдат. Такім чынам, утварэнне беларускіх адзінак магло быць для літоўскага войска важным узмацненнем. Літоўскаму войску бракавала кадравых афіцэраў. З гэтай прычыны генерал Кіпрыян Кандратовіч на кароткі тэрмін быў прызначаны **віцэ-міністрам народнай абароны ва ўрадзе Літвы**, але фактычным кіраўнікам вайсковага міністэрства быў прем'ер А. Вальдэмарас[90]. Свой урад Вальдемарас будаваў не па партыйным прынцыпе, у яго кабінеце былі прадстаўлены дзеячы самых разнастайных поглядаў, а таксама самых розных нацыянальнасцяў, напрыклад, намеснікам на пасту міністра замежных справаў быў Сямён Разенбаўм (яўрэй).

Будучы на гэтай пасадзе, генерал арганізоўваў літоўскае войска на Ковеншчыне. Маёр беларускага войска А. Ружанцаў пісаў у мемуарах: «…віцэ-міністрам быў вельмі непапулярны сярод літоўцаў генерал расійскай службы К. А. Кандратовіч. Фармаванне войска пачалося ў Вільне, адразу былі заложаны штабы 1 і 2 беларускіх палкоў… у хуткім часе генерал Кандратовіч падаўся ў дымісію (адстаўку)»[91].

1 студзеня 1919 г. у сувязі з бальшавіцкім наступам літоўскі ўрад пакінуў Вільню, кіруючыся ў Коўна, большасць беларускіх дзеячоў яшчэ 27 снежня 1918 г. пераехала ў Гродна. Туды ж накіраваліся і беларускія вайскоўцы.

Немцы яшчэ раней, у Вільні, паведамілі генералу К. Кандратовічу, што не могуць дапусціць стварэнне літоўска-беларускага войска, аднак пасля паразы ў Першай сусветнай вайне іх рэальны ўплыў на сітуацыю скончыўся. На пачатку студзеня 1919 г. генерал К. Кандратовіч і Я. Варонка атрымалі паведамленне аб тым, што Антанта прыняла пастанову аб дапамозе літоўцам і беларусам грашыма і зброяй ў арганізацыі войска для барацьбы з бальшавікамі.

Прыканцы 1918 г. у Гародні Кандратовіч бярэ ўдзел у фармаванні 1-га Беларускага палка. Ад пачатку снежня 1918 г. да канца красавіка 1919 г. полк месціўся ў Аляксандраўскіх казармах і складаўся з пяці рот і аднаго эскадрона[92].

Урад БНР дамогся правоў на ўдзел у Парыжскай мірнай канферэнцыі, і на пачатку 1919 г. генерал Кандратовіч разам з дэпутатам Дзяржаўнай Думы Расіі Азнабішыным[93] выязджае ў Парыж. На нейкі час генерал спыніўся ў Берліне. Ён прыехаў у нямецкую сталіцу яшчэ ў лютым 1919 г. як сябра дэлегацыі БНР на Парыжскую мірную міжнародную канферэнцыю. Разам з першым афіцыйным пасланнікам БНР у Нямеччыне капітанам Антонам Борыкам генерал Кіпрыян Кандратовіч нейкі час вядзе беларускую працу сярод палонных вайскоўцаў-суайчыннікаў у Германіі. У нямецкіх лагерах для ваеннапалонных знаходзілася каля 60 000 беларусаў. З іх беларускі ўрад спадзяваўся сфармаваць вайсковыя аддзелы, якія пазней маглі б скласці ядро нацыянальнага войска.У красавіку 1919 г. беларуская дэлегацыя на Парыжскую мірную канферэнцыю па-

[90] Гл.: Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 74.

[91] Ружанцаў А. Беларускія войскі ў Літве (1918–1920) // Спадчына. 1993. № 4. С. 23.

[92] Спадчына. 1995. № 5. С. 26.

[93] Азнабішын Аляксей Аляксандравіч (1869–1929), уладальнік маёнтка Масты, гродзенскі віцэ-губернатар, а затым — дэпутат IV Дзяржаўнай Думы, застаўся ў эміграцыі ў Парыжы. Аўтар кнігі «Успаміны члена IV Дзяржаўнай думы» (Ознобишин А. А. Воспоминания члена IV Государственной думы. Париж, 1937. 264 с.)

дае амбасадарам Францыі, Англіі і ЗША ў Берліне мемарандум ад імя Рады міністраў БНР з просьбаю прызнаць беларускую дзяржаву[94].

Цікава, што «Беларуская Энцыклапедыя» піша, быццам К. А. Кандратовіч застаўся жыць у Парыжы і яго далейшы лёс невядомы[95]. Такую самую інфармацыю дае і літоўская гістарычная энцыклапедыя, выдадзеная ў Бостане[96].

Верагодна, гэтыя звесткі грунтуюцца на тым, што ў 1920 ці 1921 гг. у генерала нарадзіўся сын Уладзімір, які гадаваўся і жыў у Парыжы. Пакуль што я валодаю мінімумам інфармацыі аб сыне генерала — Кандратовічу Уладзіміру Кіпрыянавічу. Але відочна, што ён нарадзіўся не ад шлюбу з Адай фон Рыхтар. Адзінае згадванне аб ім знайшлося ў кнізе А. А. Угрымава «З Масквы ў Маскву праз Парыж і Варкуту»[97].

Гародна

Апошнія гады свайго жыцця беларускі генерал правёў на радзіме.

Перад Першай сусветнай вайной, пасля пераводу ў Варшаўскую акругу, сям'я генерала купіла маёнтак Гародна (500 га зямлі і лес) у Лідскім павеце, дзе генерал пасяліўся разам з дачкой Верай і жонкай Адай[98].

Маёнтак Гародна мае вялікую і слынную гісторыю.

Гародна ў першай палове XVIII ст. было спадчыннай уласнасцю княгіні Саламеі Радзівіл з Сапегаў. У 1762 г. яна падаравала яго стрыечнаму ўнуку Людвіку Скумін-Тышкевічу (памёр у 1809 г.), жанатаму з княгіняй Канстанцыяй Панятоўскай (1759–1830). Кароль Станіслаў Аўгуст у Літве вырашыў абаперціся на Тышкевічаў. Адну з сваіх пляменніц, дачку князя Казіміра Панятоўскага, кароннага падкаморыя, выдаў замуж за Людвіка Тышкевіча, для другой, Тарэзы, дачкі Андрэя Панятоўскага, аўстрыйскага

---

[94] Гл.: Сакалоўскі Уладзімір. Надзвычайная місія БНР у Нямеччыне (1919–1925) // Arhe. 2009. № 3. С. 7–328.

[95] БЭ. Т. 7. С. 578.

[96] Lietuviu enciklopedija. Boston. T. 12. S. 318–319.

[97] Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / сост., предисл. и коммент. Т. А. Угримовой. М.: Изд-во «RA», 2004. С. 299. («Судьба этого человека типична для нашего времени. Сын генерала Кондратовича, он был младороссом в юношеской "спортгруппе". Красивый, статный, веселый был малый. В 1939 году пошел добровольцем во французскую армию и служил в драгунском полку — моторизованной кавалерии. Провоевал всю кампанию 1939–1940 годов и насмотрелся "чудес" о "drole de guerre" (странной войне): мосты не взрывались, минные поля разминировались, оружие не поступало и прочее, и прочее. Был взят в плен вместе с Данзасом, тоже младороссом, который в 1941 году пошел к немцам, а Кондратович отказался и вернулся во Францию только после войны. В общей волне стремления вернуться в Россию и разочарованный Францией, репатриировался в конце 1947 года. Скитался по Советскому Союзу в надежде найти подходящую работу в сельском хозяйстве. Выселен из Крыма, где, было, зацепился. Пытался меня найти в Саратове, когда я был уже арестован. Был сам посажен и осужден ОСО на принудительные работы на Воркуте. Был ранен при "беспорядках" на 29-й, но остался после освобождения, чтобы заработать деньги на устройство жизни с женой, которая приехала к нему на Воркуту после невероятно тяжелых лет, пока он "сидел". Позже начал работать на кожевенной фабрике в Осташкове и нашел меня по учебнику французского языка моей дочери. Заболел раком пищевода. Я ездил к нему в Осташков и сделал, что мог, так как домашние условия у него были совершенно неподходящими. Его, при моем участии, поместили в 62 онкологическую больницу в Петрово-Дальнем в почти безнадежном состоянии. Он сознавал, что болен раком и умирает. Он умер у меня на руках вследствие кровоизлияния после облучения.

Кондратович был жертвой того патриотического психоза, который нас охватил после победоносной войны, победы и веры, что теперь Россия расцветет! Торжественное отпевание Владимира было устроено А. Л. Казем-Беком в церкви Петра и Павла в Лефортове».)

[98] Гл.: Roman Aftanaz. Dzieje rezydencji. T. 4. S. 122–139.

фельдмаршала, выбраў Вінцэнта Тышкевіча, літоўскага ардынарыя. Людвік Тышкевіч, паслядоўна займаючы пасады віленскага цівуна, пісара вялікага літоўскага, гетмана польнага літоўскага, падскарбія вялікага літоўскага, а пасля падзелу краіны губернскага маршалка, «действительного статского советника», паступова пашыраў свае ўладанні вакол Гародна, набыўшы Перавозы і Забалаць з фальваркамі. Таксама былі пажалаваны яму каралём староства Эйшыскае, Васілішскае, Каняўскае, Радунскае і інш. Цэнтрам сваёй рэзідэнцыі ён выбраў Гародна. Ягоная зямельная маёмасць, падзеленая на дзве вялікія зоны, складалася з 65 вёсак. Добры гаспадар, ён трымаў свае маёнткі на высокім гаспадарчым узроўні.

Пасля смерці Людвіка Скумін-Тышкевіча ўвесь гэты вялікі маёнтак атрымала ў спадчыну ягоная адзіная дачка Ганна (1779–1867). Яна была замужам за Аляксандрам Патоцкім, а потым за Станіславам Дуніным-Вансоўскім. Тастамантам ад 1867г. перапісала Гародна сыну ад першага шлюбу М. Патоцкаму (1812–1879), пасля смерці якога ўсё перайшло ў спадчыну ў 1880 г. графу Аўгусту Патоцкаму. Уладальніца Гародна, графіня Ганна Патоцкая напісала найцікавейшыя мемуары аб часе Напалеона, сваіх шматлікіх сустрэчах з ім (мемуары былі выдадзены ў XIX ст. на французскай мове і у той жа час перакладзены на рускую, у 2005 г. перавыдадзены)[99].

Напрыканцы XIX ст. А. Патоцкі прадаў Гародна рускаму генералу Асатураву, ад якога маёнтак перайшоў да графа Ігнацьева, ад яго — да генерала Кандратовіча. У той час маёнтак складаўся з 23 200 дзесяцін зямлі і 15 фальваркаў, але Кандратовічы купілі толькі ягоную частку з Гароднам.

Людвік Тышкевіч, жанаты з княжной Канстанцыяй Панятоўскай, дачкой князя Казіміра, подкаморага вялікага кароннага, роднага брата караля Станіслава Аўгуста, у 1775 г. чакаў прыезду караля і, як кажа мясцовае паданне, на працягу аднаго года пабудаваў хоць драўляны, але вельмі прыгожы двор у класічным стылі. Сядзіба пабудаваная архітэктарам Ф. Эйсенам. Дом звонку не вылучаўся нічым асаблівым, але ўсярэдзіне быў бліскуча і з добрым густам аздоблены. На ўпрыгожванне сядзібы Тышкевіч выдаткаваў вялікія сумы, запрашаючы мастакоў-дэкаратараў і майстроў, а таксама выпісваючы матэрыялы наўпрост з Парыжа. Кароль Станіслаў Панятоўскі ў Гародна так і не прыехаў, аднак двор быў закончаны і, нягледзячы на гульню лёсу, дастаяў да Другой сусветнай вайны.

Патоцкія ў Гародна бывалі эпізадычна, і таму з-за недахопу гаспадарчага нагляду і надта паспешнай будоўлі сцены паступова пачалі нахіляцца, што запатрабавала рамонту. Ад зруйнавання сядзібу выратаваў М. Патоцкі, які аддаў загад адрамантаваць дом і ашаляваць сцены дошкамі. Гэта не ўпрыгожыла дом, але забяспечыла яму доўгае жыццё. Таксама ўсярэдзіне былі праведзены работы па кансервацыі інтэр'еру.

Сядзібны ансамбль у Гародна стваралі тры будынкі: жылы палац, дом прыслугі, што стаяў насупраць, а з правага боку — мураваная капліца.

Цэнтр кампазіцыі — драўляны на высокім мураваным цокалі 1-павярховы прамавугольны сядзібны дом у стылі класіцызму (1780 г., архітэктар Ш. Цуг). Прасторны аднапавярховы сядзібны дом меў франтальна выцягнутыя фасады, па цэнтры якіх вылучаліся рызаліты з чатырохкалоннымі дарычнымі порцікамі, пад галоўны з якіх па шырокіх бакавых пандусах уязджалі карэты. Трохвугольныя франтоны порцікаў запаўнялі пластычныя картушы. Усярэдзіне дом меў парадную анфіладу апартаментаў з вялізнай бальнай залай у цэнтры. У падвале, у які вялі тарцовыя лесвіцы, знаходзіліся гаспадарчыя памяшканні і жыллё прыслугі. Строгі і аскетычны знешні выгляд будынка кантраставаў з багаццем і пышнасцю інтэр'еру дома, афармленага з выкарыстаннем палатняных шпалер, тукавых панэляў, пазалочаных барэльефаў, медальёнаў, гірлянд,

---

[99] Гл.: Графиня Анна Патоцкая. Мемуары. 1794–1820. М., 2005.

кветак, ваз з арнаментным роспісам, кафляных грубак і камінаў, жырандоляў у стылі Людовіка XVI з крышталю з пазалочанамі бронзавымі апраўамі. Захаваліся фотаздымкі 1939 г., па якіх можна ўявіць сабе выгляд дома на працягу XIX–XX ст. Самы вялікі пакой займала бібліятэка. Яна адначасова служыла памяшканням для гульні ў карты і змяшчала 4 кніжныя шафы і бронзавы, з мармуровымі ўпрыгожваннямі стол для гульні ў карты, 14 карцін, 4 гіпсавыя бюсты[100]. Летам 1944 г. пасля бою аддзела АК з немцамі акаўцы запалілі палац, бо баяліся, што ў ім будзе размешчана залога надыходзячай Чырвонай Арміі. Пры гэтым шмат рэчаў з палаца разнеслі мясцовыя жыхары.

* * *

Вось у гэтым прыгожым маёнтку і прайшлі апошнія гады жыцця беларускага генерала К. Кандратовіча.

Пра гэтыя гады распавёў былы памочнік садоўніка маёнтка Струкель Уладіслаў Янавіч (1916 г. нар., у 1939 г. жаўнер, абаронца Варшавы)[101].

Сям'я Кандратовічаў вызначалася інтэлігентнасцю і добразычлівасцю да людзей. Сам генерал карыстаўся расійскай, беларускай, польскай мовамі ў побыце, у залежнасці ад абставінаў. Можна меркаваць, што адносіны з навакольнымі абшарнікамі не склаліся, і блізкае сяброўства ўсталявалася толькі з уладальнікам сядзібы Малое Мажэйкава інжынерам А. Брахоцкім. Госці прыязджалі з Варшавы і Парыжа, дзе жылі сваякі жонкі Ады. У маёнтку быў аўтамабіль, які бачны на адным з фотаздымкаў. Дачка Вера атрымала хатнюю адукацыю, выйшла замуж за мастака з Англіі, іспанца па паходжанні, Трыстама Рэйні (Tristam Reiney), з другой паловы 1930-х і да смерці ў 1988 г. жыла ў Англіі.

У жніво жонка Ада сустракала кожныя першыя вазы з падзякай да сялянаў і келіхам гарэлкі. Сам Струкель, тады яшчэ малады хлопец, атрымліваў заробак у памеры 90 пудоў жыта ў год плюс корм для жывёлы і бульбу, колькі трэба. Асабліва жонка генерала сачыла за прыгажосцю і парадкам у парку, сваім доме і ў дамах, дзе жыла прыслуга. Людзі, якія працавалі ў Кандратовічаў, атрымоўвалі беспрацэнтныя крэдыты на развіццё гаспадаркі, і, калі гаспадары бачылі, што грошы ўкладзены з розумам, крэдыт спісваўся.

Апошнія гады Кандратовіч правёў у інвалідным крэсле, хварэючы стратай каардынацыі руху. Ён не мог хадзіць, і жонка наняла сталую прыслугу. Памёр генерал Кандратовіч 31 кастрычніка 1932 г., быў пахаваны ў тым самым мундзіры, у якім быў паранены ў 1905 г. Пахаванне адбылося на лідскіх праваслаўных могілках.

17 верасня 1939 г. Ада Кандратовіч вымушана была з'ехаць праз Летуву да дачкі ў Англію. У жніўні 1998 г. яе ўнук прыязджае на Беларусь дзеля перазахавання труны генерала на новых могілках у г. п. Воранава. А урну з часткай праху сваёй маці, якая пражыла найлепшыя гады маладосці ў маёнтку Гародна, пахаваў у прыгожым кутку парку, каля былой альтанкі. На крыжы было напісана «Вера Киприяновна Рейни (Кондратович) 1912–1988». У траўні 2000 г. труна з парэшткамі генерала была перазахаваная каля царквы ў Воранаве.

Цапер унукі і праўнукі генерала жывуць у Англіі і ЗША. Магчыма, што ўнукі генерала ёсць і ў Расіі.

А ў Беларусі да магілы генерала Кіпрыяна Кандратовіча прыходзяць тыя, каму дарагія ідэалы Беларускай Народнай Рэспублікі, за якія ён змагаўся.

Лявон ЛАЎРЭШ

---

[100] Гл.: Roman Aftanaz. Dzieje rezydencji. T. 4. S. 122–139.

[101] Спадчына. 2002. № 1. С. 161–166.

ДАДАТКІ

1. Паслужны спіс

На службу паступіў 07.05.1875 г. у Вільні.

1878 — закончыў 2-ю вайсковую Канстанцінаўскую вучэльню ў Пецярбургу 16 красавіка 1878 г. выпушчаны падпаручнікам і прыпісаны да лейб-гвардзейскага Егерскага палка. Затым пераведзены ў лейб-гвардзейскі Ізмайлаўскі полк прапаршчыкам.

29.07.1879 г. атрымаў чын падпаручніка гвардыі.

28.03.1882 — паручнік гвардыі.

25.03.1884 — штабс-капітан гвардыі, затым пераведзены ў капітаны Генеральнага Штаба (зноў пры пераходзе з гвардыі ў армію аўтаматычна атрымаў чын на адну прыступку вышэй). Служыў пры штабе Маскоўскай вайсковай акругі.

08.11.1884–02.04.1888 — афіцэр для адмысловых даручэнняў пры штабе Грэнадзёрскага корпуса ў Маскве.

01.12.1885–01.10.1886 — адбывае цэнзавае камандаванне ротай у 1-м лейб-грэнадзёрскім Екацярынаслаўскім палку (дзеля павышэння па службе афіцэр абавязаны быў выканаць камандзірскі цэнз на ўсіх вайсковых прыступках).

24.04.1888 г. — падпалкоўнік.

02.04.1888–12.12.1889 — штаб-афіцэр для даручэнняў пры штабе Маскоўскай вайсковай акругі.

12.12.1889–15.11.1897 — штаб-афіцэр для адмысловых даручэнняў пры камандуючым войскамі Маскоўскай вайсковай акругі.

28.03.1893 — палкоўнік.

01.05.1895–01.09.1895 — адбывае цэнзавае камандаванне батальёнам у 6-м грэнадзёрскім Таўрычаскім палку.

15.11.1897–02.02.1901 — начальнік штаба 2-й грэнадзёрскай дывізіі ў Маскве.

1900 — удзельнічаў у кітайскай кампаніі.

1900 — з фармулёўкай «за баявыя адзнакі», раней тэрміну, прысвоена званне генерал-маёр.

07.02.1901–11.07.1902 — камандзір 2-й брыгады 36-й пяхотнай дывізіі.

11.07.1902–24.12.1903 — у распараджэнні камандуючага войскамі Квантунскай вобласці.

24.12.1903–31.01.1904 — у распараджэнні намесніка на Далёкім Усходзе.

31.01.1904–22.02.1904 — начальнік 9-й Усходне-Сібірскай стралковай брыгады.

22.02.1904–05.03.1905 — камандзір 9-й Усходне-Сібірскай стралковай дывізіі.

20.08.1904 — «за баявыя адзнакі» зноў датэрмінова прысвоена званне генерал-лейтэнант.

04.07.1906–02.01.1907 — прыкамандзіраваны да Галоўнага Штаба.

02.01.07–25.01.1907 — камандзір 2-га вайсковага корпуса са штабам у Гродна.

25.01.1907–01.01.1910 — памочнік туркестанскага генерал-губернатара і камандуючага войскамі Туркестанскай акругі генерала Самсонава. Адначасова начальнік штаба Семірэчанскага казачага войска ў г. Ташкент.

06.12.1910 — генерал ад інфантэрыі.

01.01.1910–15.08.1913 — камандзір 1-га Каўказскага армейскага корпуса, адначасова памочнік генерал-губернатара ў г. Тыфліс.

15.08.1913 — камандзір 23-га армейскага корпуса 2-й арміі.

30.08.1914 — па выніках баёў зняты з займанай пасады і звольнены ў адстаўку, быў ў рэзерве чыноў пры штабе Мінскага ВА (з 25.11.1915).

З 08.05.1917 камандаваў 75-й пяхотнай дывізіяй.

1917 — на з'ездзе воінаў-беларусаў Заходняга фронту ён быў абраны ў Цэнтральную беларускую вайсковую раду (ЦБВР). Узначаліў створанае Радай бюро па арганізацыі беларускага войска.

Май 1918 — у Радзе міністраў БНР пад кіраўніцтвам Р. Скірмунта, міністр вайсковых спраў.

Лістапад 1918 — на кароткі тэрмін быў прызначаны віцэ-міністрам народнай абароны ва ўрадзе Літвы.

Пачатак 1919 — у Гродна Кандратовіч удзельнічае ў фармаванні штаб — Беларускую камендатуру і 1-ы беларускі полк.

Пачатак 1919 — генерал Кандратовіч разам з дэпутатам Дзяржаўнай Думы Расіі Азнабішыным выязджае ў Парыж дзеля ўдзелу ў Парыжскай мірнай канферэнцыі.

2. Узнагароды

За 42 гады службы ў расійскім войску генерал К. Кандратовіч быў узнагароджаны амаль усімі вышэйшымі ордэнамі імперыі:

Св. Станіслава 3-й ст. (1885);

Св. Ганны 3-й ст. (1891);

Св. Станіслава 2-й ст.(1896);

Св. Ганны 2-й ст. (1899);

Св. Уладзіміра 3-й ст. з мячамі (1902);

Св. Станіслава 1-й ст. з мячамі (1904);

Св. Ганны 1-й ст. з мячамі (1905);

Залатая зброя (1906);

Св. Георгія 4-й ст. (17.07.1906);

Св. Уладзіміра 2-й ст. (04.06.1909; 03.07.1909);

Белага Арла (06.12.1912).

«МОЙ ЗАКАДЫЧНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ»
Максим Горький и Адам Богданович

I

В один из ноябрьских дней 1896 г. в небольшой деревянный дом на углу Телячьей улицы и Вознесенского переулка в Нижнем Новгороде постучал высокий худой человек. Недавно переведенный по службе из Гродно сотрудник нижегородского отделения Крестьянского земельного банка Адам Егорович Богданович пришел познакомиться с молодым литератором Алексеем Пешковым, только начавшим выступать в печати под псевдонимом Максим Горький. Впрочем, назвать гостя только банковским служащим было бы неверно. С рекомендательным письмом от жившего в Минске писателя Евгения Чирикова явился, несмотря на относительно молодые годы, что называется, человек с биографией. В свои тридцать четыре он имел немалый жизненный опыт. А в детстве и ранней юности прошел «университеты», по-своему близкие к опыту Алексея Пешкова.

Сын белорусского крепостного крестьянина из Холопеничей, Адам Богданович с десяти лет работал в панском имении, сначала за десять, а спустя три года уже за двадцать пять копеек в день. Отец после «воли» надела не получил, и пошли бесконечные семейные скитания в поисках заработка. Как для Алеши Пешкова его бабушка Акулина Ивановна, так для юного Адася Богдановича бабка Рузаля стала открывательницей красоты народной сказки и песни. Адась тянулся к грамоте, к книге, и эта его тяга поощрялась в крестьянской семье Богдановичей. Он перечитал почти все, что было в скромной библиотеке Холопеничской школы. Его способности были замечены, два года он состоял помощником учителя. Затем работал в железнодорожных мастерских и в кондитерской, обучался слесарному делу. Семнадцати лет поступил в Несвижскую учительскую семинарию, этот своего рода «крестьянский университет», в немалой степени поспособствовавший общекультурному и национальному росту многих хлопцев из белорусских бедных селянских семей.

Народные учителя, эти истинные парии Российской империи (нищенская зарплата при обремененности семьей и полном отсутствии перспективы в деревенской школе), были средой, особенно благодатной для революционных идей. Поэтому естественно, что Адам Богданович становится членом семинарской группы народовольцев. Белорусскому народничеству не были свойственны крайние, террористические формы борьбы. Оно предпочитало пропаганду социалистических идей, просвещение простого народа. И молодой Богданович со страстью отдался этому делу. Его квартира заведующего первым городским начальным училищем в Минске превращается в место встреч молодых социалистов, обмена нелегальными изданиями. Немудрено, что за ней был установлен полицейский надзор.

Тем не менее увлечение книгами Маркса и Лассаля не смогло побороть главного жизненного интереса, который в те же годы начал формироваться у Адама Богдановича. Обычаи, традиции, фольклор белорусов — вот что начинает составлять предмет его занятий. Этнографическую работу приходится сочетать со службой в Крестьянском земельном банке (последнее обстоятельство заставило его переехать в Гродно). Впрочем, в какой-то степени эта служба и помогала ему как этнографу: поездки по деревням, частые встречи с крестьянами, мелкой шляхтой давали материал для многочисленных публикаций о быте и традициях белорусов, с которыми он выступал в «Гродненских губернских ведомостях», «Минском листке», «Виленском вестнике» и других изданиях.

Его работы по белорусской этнографии и фольклору появляются и в сборниках Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. В Гродно выходят две книги Адама Богдановича — очерки крепостного быта в Беларуси «Про панщину» (1894) и, пожалуй, важнейший его труд «Пережитки древнего миросозерцания у белорусов» (1895).

Все это — и жизненный опыт, и серьезный интерес к народной жизни приезжего из Белоруссии — было близко молодому Горькому, только вступавшему в литературу, но уже немало поскитавшемуся по Руси и приобретшему свое, незаемное и достаточно разнообразное, несмотря на молодость, знание народного быта. Алексей Пешков еще нащупывает свою дорогу в литературе. В провинциальной прессе (Кавказ, Поволжье) его знают в основном как журналиста, пробующего свои силы и в беллетристике. Только в прошлом году в петербургском журнале «Русское богатство» появился его рассказ «Челкаш». Большая слава Горького начнется через два года, после выхода «Очерков и рассказов» в двух томах в столичном издательстве Дороватовского и Чарушникова. А пока Богданович пришел к писателю, еще мало известному. Знакомые, в том числе Чириков, рекомендовали ему литератора Алексея Пешкова главным образом как знатока Поволжья и Нижегородского края, который мог помочь разнообразными сведениями о новых для него местах, не говоря уже о полезных знакомствах.

Адрес Богдановичу дали в редакции «Нижегородского листка», при этом редактор газеты Ашешов прибавил, что Пешков нездоров, похоже, у него туберкулез. Описывая спустя многие годы эту первую встречу с Горьким, Адам Егорович припомнил, что поначалу приняла его «хозяйка — очень юная женщина с миловидным лицом, красивыми глазами и роскошными волнистыми волосами, собранными на затылке в тяжелый клубок. От всей ее обаятельной фигуры веяло свежестью и чистотой»[1].

Конечно, он и предполагать не мог, что через три года родная сестра сразу понравившейся ему и своей красотой, и простотой в общении Екатерины Пешковой станет его женой. А в ту пору, осенью 1896 г., когда Богданович впервые пришел к ним, Алексей Максимович Пешков и Екатерина Павловна, а в девичестве Катя Волжина, были молодоженами — в августе поженились. Пешков познакомился с Катей в редакции «Самарской газеты», где она служила корректором, а он писал в эту газету статьи. В мае он уехал из Самары в Нижний Новгород, она сумела приехать к нему то ли в июле, то ли в начале августа. В общем, Богданович застал их в самом начале семейной жизни. Они еще не привыкли принимать гостей. Живут трудно. Только что молодому литератору отказала в пособии комиссия при Академии наук.

…Хозяин выходит к гостю, кашляя и извиняясь. Но начинается разговор, и сразу чувствуется горьковская страсть к знанию, соединенная с категоричностью суждений. «Вы белорус? — спрашивает он Богдановича. — Ну, вот… ну, вот… Вот это хорошо. Хорошо принадлежать к маленькому народу, вроде сербов, болгар, хорватов… или вот белорусов. У них все ясно, просто, несложно. Можно все изучить — и природу страны, и жизнь, и прошлое, и настоящее… Тогда легко работать, легко писать: все знаешь. И ты знаешь всех, и тебя знают. Не то, что в такой громаде, как Россия, где сам черт ногу сломит. Уж очень она сложна».

Наверное, в подтверждение этой сложности Горький рисовал перед собеседником колоритные фигуры волжских купцов, ворочавших миллионами, Бугровых, Башкировых, Чернова, «рыбницы» Марковой…

Оба страстные книголюбы, они вскоре приступили к осмотру простой этажерки, заполненной книгами. Горький не без гордости показывал свои раритеты: двухтомную

[1] Эта и последующие цитаты из воспоминаний А. Е. Богдановича приводятся по изданию: Богданович А. Страницы из жизни М. Горького. Минск, 1968. С. 17.

«Историю религии» архимандрита Хрисанфа, Библию в синодальном переводе, книги по индийской философии, браманизму и буддизму. Богданович обратил внимание на множество переводных изданий, выпущенных приложением к «Пантеону литературы» Пантелеева. Тут были Ибсен, Бьёрнсон, Стриндберг, Мопассан, Бальзак, Флобер, Доде, Бурже, Ожешко, Сенкевич… На прощанье Богданович попросил Горького дать ему что-нибудь из его собственных сочинений. Книг у молодого писателя еще не было. Поэтому новому знакомому были вручены несколько газетных публикаций, в том числе «Песня о Соколе», и номер «Русского богатства» с рассказом «Челкаш», напечатанным при содействии Короленко.

С того памятного визита Богданович стал частым гостем, а вскоре и попросту своим человеком в доме молодых Пешковых. За бутылкой красного вина здесь вечерами собирались интересные, известные в городе люди: адвокат Александр Иванович Ланин, запомнившийся Адаму Егоровичу как «человек широких общественных взглядов и тонких литературных суждений», преподаватель физики и космографии в местной гимназии, обладавший «весьма серьезной образованностью» Сергей Васильевич Щербаков, приходивший со своей женой, пианисткой Надеждой Николаевной, сдержанный в спорах доктор Владимир Николаевич Золотницкий. А споры велись достаточно страстные и, естественно, на разнообразные темы. Этот кружок, обраставший новыми членами, но остававшийся неизменным в своей основе, Богданович назовет «маленькой академией по типу братьев Гонкуров».

Имея в виду, что свои воспоминания о Горьком Адам Егорович писал в 1920–1930-х гг., когда идеологическая осторожность была обязательной, можно понять, почему он предпочитает о поднимавшихся на этих встречах темах говорить как о «вопросах злободневных» и «более общих и принципиальных». Ничего конкретного. А время — конец 1890-х гг. — между тем было горячее. Россия жила в предчувствии больших перемен, в обществе велись острые дискуссии на общественные темы. Заканчивался народнический период, на сцену выходили марксисты, социал-демократы, либеральный, критический дух все более захватывал студенчество, интеллигенцию, нарастал в литературе. Разумеется, этими настроениями интересовалась жандармерия. Кстати, это было одной из причин, по которой никто из участников встреч в доме Горького не вел записей происходивших там разговоров. Но и по прошествии нескольких десятилетий Адам Егорович не решился обозначить суть тогдашних идейных разногласий. Тоже было небезопасно.

За молодым же Пешковым был установлен негласный полицейский надзор еще с 1889 г., когда его в первый раз арестовали в связи с делом политического ссыльного Сомова, с которым он в ту пору вместе квартировал в Нижнем Новгороде. Правда, посидел он тогда в тюрьме всего три дня. Такие были порядки: три дня ареста, а затем негласный надзор полиции, что означало в глазах властей неблагонадежность. Она аукнулась Пешкову спустя девять лет, в мае 1898 г. И вновь ему припомнили «нехорошие» знакомства и связи, на этот раз уже относящиеся к тифлисскому периоду его жизни (1892 г.). В Тифлисе разбирались с «кружком лиц, занимавшихся преступной пропагандой среди рабочих», и выяснилась причастность к ним Пешкова. Тамошнее жандармское управление обратилось к нижегородским коллегам с просьбой арестовать и препроводить в Тифлис «мещанина Алексея Пешкова».

Ранним утром 7 мая Катя Пешкова вся в слезах прибежала на квартиру Богдановича с сообщением, что Алексея Максимовича арестовали. Опытный народник, сам имевший дела с полицией, хотя и был знаком с «неожиданностями такого рода», поражен. Вместе они отправились в губернское жандармское управление, где им сообщили, что Пешков будет отправлен в Тифлис в связи с производящимся там «дознанием». Было разрешено передать арестованному белье и папиросы. На вокзал Екатерина Павловна

отправилась с сестрой Богдановича Марией Егоровной. Горький успел сдвинуть занавеску с вагонного окна и улыбнуться на прощанье.

Оставаться в Нижнем Екатерине Павловне с десятимесячным Максимом на руках было нельзя, и она уехала к матери в Самару. Адам Егорович до лучших времен перевез к себе на квартиру вещи друзей — книги и мебель. А эти времена не замедлили. В конце мая Пешкова «за недостаточностью улик» освободили из Метехского тюремного замка в Тифлисе и отдали под особый надзор полиции по месту жительства, то есть в Нижнем Новгороде. Сработала цепочка личных знакомств: Екатерина Павловна написала об аресте мужа общественному деятелю, издателю и публицисту Владимиру Александровичу Поссе, тот обратился к художнику Репину. А Илья Ефимович писал не только бурлаков на Волге, но и портреты весьма высокопоставленных особ, в том числе баронессы Икскуль фон Гильдебрандт, она-то и попросила за Пешкова своего доброго знакомого, товарища министра внутренних дел Оболенского. Впрочем, просила она уже за набиравшего известность писателя Горького, чей двухтомник вышел буквально за месяц-полтора до ареста и чье здоровье внушало опасения. «Ясно, что в истории скорого освобождения два томика "Рассказов" сильно помогли», — вспоминал Богданович. На этот раз отсидка составила чуть более двух недель.

И вот друзья снова вместе, они встретились в Самаре, пьют красное вино, выглядящий свежо и бодро Горький в добродушных тонах рассказывает о своей почти туристской прогулке в тифлисскую тюрьму. Сопровождавшие его жандармы всю дорогу играли в карты, а больше спали. А еще пели песни. Пешков угощал этих «славных ребят» вином и пивом. В Метехском замке его допрашивал ротмистр Конисский, утверждавший, что он — Горький особо подчеркнул это в разговоре с Адамом Егоровичем — потомок знаменитого белорусского архиепископа Георгия Конисского, «того, что царицу Катерину с солнцем сравнивал». Было, кстати и фамильное сходство: огромный сизый нос.

В августе Горький снова поселился с семьей в Нижнем, на этот раз в доме Курепина, на углу Полевой улицы и Новой Базарной площади. Приставленный к нему для надзора помощник пристава Пуаре не очень докучал. Возобновились встречи со старыми друзьями и добрыми знакомыми, круг последних стал расширяться. Богданович был свидетелем, как тянулась к Горькому местная интеллигенция — либеральные земцы, гласные городской думы, адвокаты, врачи, педагоги. В доме на Полевой Адам Егорович встречал приезжавших издателей: Ольгу Попову, Владимира Миролюбова, Дороватовского, Поссе. Приходил поселившийся в Нижнем после возвращения из вятской ссылки литературовед Чешихин-Ветринский. Бывал и видный деятель Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе Протопопов. Особо запомнился визит Владимира Галактионовича Короленко, во время которого горячо обсуждались философские взгляды Владимира Соловьева.

Богданович и сам к этому времени уже был заметной фигурой нижегородской общественной жизни, его знали как автора этнографических очерков в местной газете, защитника крестьянских интересов. Последнее качество особенно проявилось в его работе в Крестьянском банке. Кстати, здесь он, говоря нынешним языком, показал себя как энергичный и талантливый менеджер, что было замечено «наверху». Не без гордости за своего приятеля и уже родича Горький писал жене в июне 1899 г.: «Приезжал светлейший князь, и Адам имел триумф. Князь благодарил его за порядок ранее, чем управляющего и при управляющем. Затем князь приказал своему секретарю, графу Мусину-Пушкину, записать Б. первым кандидатом в члены. Это значит, что через пять лет Адам будет управляющим»[2].

[2] Горький М. Полн. собр. соч. Письма. Т. 3. М., 1996. С. 120.

В эти годы сближение Горького и Богдановича шло естественно и быстро. Были и совместные походы на знаменитый «откос», откуда видны сразу Волга и Ока «с необъятными далями, с бесчисленными огнями на реках», и восхождения на стены древнего нижегородского кремля, и прогулки на волжских пароходах. Горьковский кружок принимал самое деятельное участие в разнообразных культурных и благотворительных акциях: организация амбулатории для рабочих, новогодние елки с подарками для детей бедняков, любительские спектакли, постройка Народного дома и общежития для учителей. Во всех этих делах Адам Егорович принимал самое непосредственное участие.

Богданович в какой-то степени становится фактотумом Горького, его доверенным лицом. Он выполняет разнообразные поручения писателя. Более того, информирует общественность о приездах и отъездах писателя. 24 августа 1900 г. вернувшийся из путешествия по Кавказу и поселившийся в полтавском селе Мануйловке Горький шутливо пишет Александре Дмитриевне Гриневицкой в редакцию «Нижегородского листка»: «Гонорар, который следует уплатить Адаму Егорову за сообщение о моем приезде, — отдайте мне. Он уже достаточно получил за воду из Волги, Камы и Белой. Какой водопроводчик, скажите!»[3] Надо полагать, что последние слова подразумевают статьи Адама Егоровича на этнографические темы, связанные с Поволжьем.

В этот период происходит и семейное сближение Богдановича с Пешковыми. В начале 1899 г. Адам Егорович женился на Александре Волжиной, родной сестре Екатерины Пешковой. Роман вспыхнул в Самаре, где Богданович с тремя сыновьями остановился, возвращаясь после отдыха и лечения в Уфимской губернии. В доме матери Кати Пешковой Марии Александровны и произошло его знакомство с Сашей Волжиной. История его второго брака в известной степени повторила историю женитьбы Горького. С тем отличием, что женитьбе Горького на Кате Волжиной поначалу крепко воспротивились ее родители. Отец, обедневший сумской помещик, очень больной человек, вскоре после встреч и бесед с Алексеем Пешковым не просто уступил, а даже полюбил будущего зятя. А вот мать, подначиваемая к тому же женой самарского губернатора, считавшей, что выходить дворянке за человека из мещанской среды, нищего литератора никак нельзя, была решительно против. Только после смерти мужа Мария Александровна дала согласие. Когда же о своем желании стать мужем и женой известили Саша Волжина и Адам Егорович, то тут восстала не только Мария Александровна, против этого брака были и Пешковы. Ну как же? Саша ведь была в два раза моложе жениха (ей 18, ему 36), к тому же вдовца с тремя детьми на руках, при небольшом служебном жалованьи. И, как в случае со старшей дочерью, возник опять этот болезненный для Марии Александровны мезальянс: дочь-дворянка выходит за крестьянского сына.

О том, какую заостренность приобрели в этот период отношения между Богдановичем и Горьким свидетельствуют строки из письма Адама Егоровича Саше Волжиной: «Он больно ударил меня по сердцу, больно и несправедливо…»[4]. А на Горького наседала теща Мария Александровна, требовала, чтобы он буквально отговорил Богдановича жениться на ее младшей дочери. Но Саша призывала Адама Егоровича не поддаваться и даже пойти на разрыв с Горьким. И все-таки до разрыва не дошло, друзья помирились. Эта уступчивость Адама Егоровича показалась обидной приехавшей в Нижний из Самары его невесте, но постепенно все как-то сладилось, и новый, 1899-й, год Пешковы и Богдановичи уже встречали вместе в дружеском доме Щербаковых.

А в ноябре того же года Александра Павловна умерла сразу после рождения ребенка. Адам Егорович овдовел вторично: первая жена Мария Афанасьевна умерла в 1895 г.

---

[3] Там же. С. 168.

[4] Цит. по: Зуборев Л. Крик Буревестника. Историко-документальная повесть о М. Горьком и Богдановичах. Минск, 1989. С. 58.

в Гродно, оставив его с малолетними сыновьями. В течение трех лет помогала ему растить осиротевших детей приехавшая из Одессы младшая сестра Мария. После женитьбы на Саше Волжиной, казалось, счастье пришло в дом Богдановичей. Саша приняла детей Адама Егоровича как родных. Ее неожиданная смерть стала драмой не только для Богдановича. 15 ноября Горький писал своему доброму знакомому, врачу Л. В. Средину: «10-го сестра моей жены, жена моего приятеля Адама Богдановича, заболела воспалением почек. Третьего дня она, находясь в беспамятстве, родила. В данный момент она все еще не пришла в себя и, наверное, сегодня вечером или завтра — умрет, говорят доктора. Ребенок у нас, жена моя сходит с ума. Я то и дело езжу в больницу и смотрю дома за сыном. Все мы растерялись»[5]. Новорожденный, нареченный Александром, остался в семье Пешковых. Его кормилицей стала близкая им М. И. Медведева-Орехова.

Печальной была встреча нового, 1900-го, года на Полевой улице. За столом было непривычное малолюдье: Горький с женой, Богданович и дружественная семья редактора «Нижегородского листка» Гриневицкого. Смерть Александры еще витала в воздухе. «Этот удручающий факт, недавно пережитый, — вспоминал Адам Егорович, — в большей или меньшей степени подавлял всех, — одних по кровной и родственной связи, других по дружескому сочувствию». И вот «в этой сгущенной атмосфере» произошла ссора между Горьким и Богдановичем, в которой на стороне Адама Егоровича оказалась и Екатерина Пешкова. Впрочем, длился конфликт «не долее, чем до утра следующего дня». В первых числах января 1900 г. Горький не без смущения писал Чехову, что «вдребезги разругался» с женой «и с мужем ее сестры, моим закадычным приятелем»[6].

Что непосредственно стало причиной ссоры — неизвестно. Вроде обсуждали после чтения вслух чеховскую «Даму с собачкой». Горький стал делать замечания по поводу рассказа, Адам Егорович возражал и притом довольно резко. Можно попытаться представить суть разногласий. Горький, скорее всего, в духе своих тогдашних настроений говорил о Чехове как обличителе «серых людишек», мещанской стихии. Богдановичу же виделся не столько обличительный пафос, сколько изображение просто жизни, с ее человеческими коллизиями. Вообще радикализм горьковских суждений ему, отошедшему от народнической практики и идеологии, не мог быть близок. Да, Богданович был либералом, как большинство тогдашней российской интеллигенции, но крайности ему были чужды. Возможно, сказалось и то, что он был старше Горького на шесть лет. Могла нервировать горьковская безапелляционность, да и обида в связи с отношением Алексея Максимовича к его женитьбе на Саше Волжиной, соединенная с горечью ее смерти, еще не улеглась. Вот и вспылил Богданович, человек, кстати, хотя и доброжелательный, но вполне подверженный эмоциональным проявлениям.

Горького же явно начало в ту пору заносить влево. С характерной для времени написания воспоминаний осторожностью и идеологической выдержанностью Богданович пишет о том, что подлинные причины его «болезненных переживаний» «лежали гораздо глубже и были сложнее». «Развинченность», «повышенная нервность», определявшие тогдашнее состояние писателя, связывались с «ясно сознаваемой необходимостью выбрать определенный путь, главное направление для своей политической работы и подвести под нее твердое теоретическое обоснование». У самого же Горького этот поиск пока окрашен не столько в идеологические, сколько в эмоциональные тона. «Ужасно хочется жить как-нибудь иначе — ярче, скорее, — главное — скорее», — признается он Чехову в том же письме. «Право же, — говорится далее, — настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже

[5] Горький М. Полн. собр. соч. Письма. Т. 2. С. 69.

[6] Там же. С. 233.

на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее. Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь, и как только она это начнет, — жизнь прикрасится, т. е. люди заживут быстрее, ярче. А теперь — Вы посмотрите-ка, какие у них дрянные глаза — скучные, мутные замороженные»[7].

Скучному мещанству, серой обывательщине был противопоставлен гордый, если не героический, то, несомненно, романтический босяк, ищущий и, возможно, знающий некую правду жизни (Челкаш, Коновалов, ну и, конечно же, Сатин из «На дне»). Нужду в героическом должны были восполнить такие гимны, как «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике». Выбрал Горький и «куда и к кому пристать, к какому направлению примкнуть, под знамя какой из зарождающихся партий стать» (слова Богдановича). Социал-демократы становятся его главной симпатией и надеждой, им он дает деньги, поддерживает их газеты. Поддержка эта станет особенной активной в 1905 г.

Богданович был свидетелем второго нижегородского ареста Горького в апреле 1901 г. Поводом стала покупка в Петербурге мимеографа для студенческих прокламаций. Адам Егорович участвует в составлении от имени Екатерины Павловны ходатайства на имя министра внутренних дел князя Святополка-Мирского об освобождении Горького в связи с плохим состоянием его здоровья. Привлекли на помощь и Льва Толстого, который обратился к принцу Петру Ольденбургскому. В результате этих хлопот Горький был выпущен из нижегородской тюрьмы под домашний арест. А вскоре и он был отменен, и сидевший в передней горьковской квартиры городовой покинул свой пост.

Все эти переживания сказались на здоровье писателя, остававшегося под гласным надзором полиции. Он просит у министра внутренних дел разрешения поехать на лечение в Крым и получает таковое, но с условием весной 1902 г. вернуться в Арзамас, назначенный ему для временного проживания под тем же полицейским надзором. Богданович подробно описал прощальный банкет, который 6 ноября дала Горькому нижегородская либеральная и радикальная интеллигенция, и сам отъезд писателя, проводы на вокзале — оба этих события стали общественными акциями. Молодежь кричала «Да здравствует Максим Горький!», «Долой насилие!», «Да здравствует свобода!», звучали революционные песни, непременная в таких случаях «Дубинушка».

Горький с семьей поселился в Ялте, а затем в Олеизе. Там находился в ту пору и трехлетний Шурик Богданович, сын Адама Егоровича, появление которого на свет, как уже упоминалось, совпало со смертью его матери, родной сестры жены Горького, Екатерины Пешковой. Шурик был слаб здоровьем, и в Крым еще до приезда Горького его увезла бабушка Мария Александровна Волжина. В конце февраля Адам Егорович получил телеграмму, извещавшую о болезни Шурика. Он успел застать сына еще в живых. Через 15 лет судьба не даст ему такого шанса — приехать в Крым и попрощаться с сыном Максимом. И снова все вместе, Богданович и Пешковы, переживали горе. «Шурка умер», — сообщил Горький Е. К. Малиновской[8]. «Шурка» — значит свой, близкий, родной. Особенно тяжело было Екатерине Павловне, по сути заменившей мальчику мать.

Общее горе позволило преодолеть то отчуждение между четой Пешковых и Богдановичем, которое образовалось после смерти Александры Павловны и особенно усилилось после того, как у Адама Егоровича появилась третья — на этот раз гражданская — жена. Последнему событию невольно поспособствовала мать первой жены Богдановича Марии Афанасьевны Татьяна Осиповна Мякота. Недолюбливавшая зятя, она, тем не менее, решила помочь ему, оказавшемуся после смерти Александры Павловны уже с четырьмя детьми на руках, и прислала в помощь свою младшую дочь Александру. И как же она

[7] Там же. С. 235.

[8] Там же. Т. 3. С. 39.

была растеряна и расстроена, когда узнала, что Шура родила ребенка (мальчика назвали Павлом) от Адама Егоровича. Естественно, внебрачного, поскольку женитьба на сестре, хотя и покойной, требовала особого разрешения церковного начальства. А Пешковы восприняли сожительство Богдановича с сестрой его первой жены как предательство памяти Александры Павловны. Они немедленно взяли Шурика к себе и попросили Адама Егоровича прекратить отношения с ними.

И вот они вместе плачут над гробом трехлетнего мальчика…

Адам Егорович ничего не пишет об этих событиях в своих воспоминаниях. И не только по причине того, что это очень личное. Его воспоминания — это рассказ прежде всего о великом пролетарском писателе Максиме Горьком. Сам рассказчик постоянно в незаметной и уважительной тени, соблюдает такт и дистанцию.

После Крыма Горький вынужден был поселиться в Арзамасе, эта ссылка по замыслу властей должна была сделать менее активными контакты писателя с либералами и радикалами. О всех приезжающих к нему нужно было сообщать в полицию. Но это обстоятельство никак не повлияло на многочисленность приезжавших в Арзамас гостей. Постоянно приезжал из Нижнего Новгорода и Богданович. Горький читал ему сцены из пьесы «На дне», над которой он тогда работал. Адаму Егоровичу запомнилась «сцена предсмертного напутствия Лукою умирающей Анны». В воспоминаниях он отметит: «Читал с большим одушевлением эту превосходную сцену и сознавался, что писал ее со слезами на глазах. И когда читал мне, у него на глазах показались слезы. Хорошие это были слезы!».

Арзамасская ссылка оказалась кратковременной. Осенью 1902 г. Горький с семьей воротился в Нижний Новгород и снял на Мартыновской улице большую, можно сказать, барскую квартиру, которая и обставлена была соответственно. Богдановичу запомнилась обнаружившаяся в это время у Горького «страсть к художественным вещам и редкостям музейного типа». В доме появились японские и китайские лакированные вещицы, фарфор и бронза. В Петербурге и Москве были заказаны копии картин Репина, Савицкого, Рериха и других известных русских художников. Художник Ярцев подарил свои сибирские пейзажи, а скульптор Гинцбург бронзовый бюст Толстого и статуэтку самого Горького. Выходившие большими тиражами книги, театральные постановки дали возможность зажить с известной роскошью. Как бы извиняя эту сторону жизни «пролетарского писателя», скромнейший Адам Егорович отмечает, что «все это было обусловлено большим масштабом развившейся отныне общественной и революционной деятельности А. М.».

Деятельность и в самом деле была весьма заметной. Квартиру на Мартыновской улице гораздо чаще и многочисленнее, чем в годы житья на Полевой и Канатной, посещали студенты. Здесь горячо обсуждались такие регулярно доставлявшиеся Горькому нелегальные издания, как «Освобождение» и «Искра». В том, что старые народнические воззрения были изжиты им окончательно, Богдановича убедил его отзыв о сочинениях Михайловского как об «устаревших». Хотя в день похорон вождя либеральных народников Горький, оказавшийся в то время в Петербурге, сопровождал его гроб до могилы.

Богдановичу запомнились встречи Горького с молодежью в редакции «Нижегородского листка», куда заходили на огонек и местные либеральные деятели, и типографские рабочие, во главе которых стоял совсем юный тогда Яков Свердлов. Запомнилось и празднование 30-летия судебных реформ Александра II, проходившее при громадном стечении публики в зале Всесословного клуба. В звучавших тогда речах с «революционными нотами» Богданович сообразно с требованиями времени отметил «влияние работы А. М. среди революционной молодежи».

II

«После революции 1905 года, — пишет Адам Егорович, — жизнь Горького протекала вне Нижнего Новгорода. Мы встречались только от случая к случаю». Еще с 1899 г. Горький стал наезжать в Москву и Петербург по своим издательским и театральным делам. В последующие годы эти поездки становились все более частыми. А с конца 1904 г. жизнь его приобрела в основном разъездной характер: он то в Петербурге, то в Москве, то в Риге, то в Старой Руссе, то Ялте, то в Гельсингфорсе. В 1906 г. — Германия, Франция, Швейцария, Америка, Италия… А в 1907 г. не по своей воле покинул Нижний Новгород и Богданович. Его обвинили в том, что в своей защите крестьянских интересов он доходит до настраивания селян против властей. Было начато следствие, результатом которого стал перевод в Ярославль.

Связь между Горьким и Богдановичем ослабела, но не рвалась. Кроме встреч от случая к случаю была, конечно, и переписка. Трудно судить, насколько частой и насыщенной она была. Скорее всего, эпизодической. В архиве Горького сохранились письма Богдановича, начиная с середины 1920-х гг. Что же касается писем Горького Адаму Егоровичу дореволюционного периода, то они погибли вместе с большей частью его архива во время пожара, случившегося в Ярославле в 1918 г. в дни эсеровского мятежа, когда сгорел дом Богдановичей.

10 апреля 1937 г., откликаясь на просьбу Института мировой литературы АН СССР передать имеющиеся у него письма Горького, Богданович сообщал, что у него сохранились только шесть писем писателя 1930-х гг. Конечно же, за тридцать с лишним лет, если считать от времени отъезда писателя из Нижнего Новгорода до его смерти в 1936 г., их было намного больше. Проблема не только в том, что время не пощадило этой переписки, что переезд в Ярославль и пожар 1918 г. сказались на утрате части архива Богдановича. Есть основания предполагать, что какие-то письма Горького Адам Егорович мог сознательно уничтожить. В 1917–1918 гг. автор романа «Мать» критически относился к большевикам. Да и старому народнику-либералу Богдановичу вряд ли пришелся по душе октябрьский переворот с его разгулом террора, разрушением культуры. Времена были смутные, трагические. Адам Егорович, конечно же, внимательно следил за позицией Горького в этот период. Возможно, в Ярославль приходили номера газеты «Новая жизнь» с горьковскими антибольшевистскими статьями. Старый общественник, безусловно, волновавшийся в связи с происходившей ломкой жизни, Адам Егорович вполне мог написать Горькому, находившемуся буквально в эпицентре политических событий. И, разумеется, получить ответ. Хотя, повторим, времена были зыбкие, неустойчивые, опасные. И переписку вести было непросто.

Непосредственный же повод, которым мог воспользоваться Горький для обращения к Богдановичу, возник гораздо раньше. В июле 1910 г. на Капри, где жил тогда Горький, побывала группа народных учителей из России, экскурсию которых в Италию организовало Российское общество туристов. Любопытный и дотошный Алексей Максимович расспрашивал их о самых разных вещах, а когда узнал, что молодой учитель Александр Посох из Белоруссии, поинтересовался его знанием белорусской литературы. Белорусский учитель не растерялся и тут же прочитал стихотворения Янки Купалы «А кто там идет?» и «Мужик». «Горький был в восторге от простоты и силы купаловской поэзии, — вспоминал А. Ф. Посох. — Просил прочесть другие его стихотворения»[9]. А когда узнал, что у Купалы уже имеется стихотворный сборник, попросил прислать книгу. Возвратившись на родину, Посох выслал на Капри «Жалейку» Купалы и «Песні жальбы» Коласа.

---

[9] Посох А. Ф. Мое знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким. Минск, 1936. С. 12.

С этого времени Горький становится горячим белорусофилом. 7 ноября 1910 г. он пишет украинскому прозаику М. М. Коцюбинскому: «В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янка Купала — очень интересные ребята. Так примитивно-просто пишут, так ласково, грустно, искренне. Нашим бы немного сих качеств!

О, Боже! Вот бы хорошо было!

В книжку мою вложен листок — песня и ноты, что-то вроде белорусского гимна, может. Эта вещь меня взволновала»[10].

И спустя десять дней поэту Александру Черемнову: «Кстати, спрошу Вас: знаете ли Вы белорусских поэтов Якуба Коласа и Янку Купалу? Я недавно познакомился с ними — нравятся! Просто, задушевно и, видимо, поистине — народно.

У Купалы есть небольшая поэмка *"Адвечная песня"* — вот бы перевести ее на великорусский язык!»[11].

Горький не случайно обращается к Черемнову с вопросом о белорусской поэзии и с предложением о переводе купаловской «Адвечнай песнi». Он знает, что Черемнов живет в своем имении на севере Витебщины, знаком с бытом белорусов, есть у него и стихи на белорусские темы. Неизвестно, как откликнулся на предложение Горького Черемнов. Но заинтересованность Горького белорусской литературой и возможностью перевода «Адвечнай песнi» была настолько сильной, что он продолжил свою «агитацию». 8 января 1911 г. пишет известному публицисту и прозаику Александру Амфитеатрову, жившему в эмиграции в Италии: «Хотите написать о белорусской литературе? Очень интересное явление. Материал пришлю. Между делом вы бы перевели *"Вечную песню"* Янки Купалы, славная вещь»[12]. «Белорусами весьма заинтересован. Пришлите», — отвечает 12 января Амфитеатров[13].

А Горький уже действительно имел к тому времени белорусский материал. Еще осенью редакция выходившей в Вильне «Нашай Нiвы» прислала ему книги и номера газеты. Тогда же Горький попросил у нашанивцев словарь Носовича, грамматику белорусского языка, книги историка Довнар-Запольского и Дунина-Марцинкевича, текст «Тараса на Парнасе» и «песню Купалы *"А кто там идет?"* с нотами». Чтобы просить все это, нужно знать, что оно существует. При всей широте интересов Горького, думается все же, что в данном случае его «просветили». И, скорее всего, этим «просветителем» был тот же белорусский учитель А. Посох. Впрочем, не исключено, что использовалась и библиографическая информация. В том же сентябрьском письме в редакцию «Нашай Нiвы» Горький просил «навести справку, нет ли белорусских песен, записанных для граммофона, сольных и хоровых»[14]. И еще попросил зачислить его в подписчики «Нашай Нiвы». В 43-м номере за 1910 г. редакция ответила писателю: «Максиму Горькому. Италия. Капри. Благодарим за симпатичное письмо. О белорусской музыке написали вам отдельно. Книги скоро вышлем, а газету уже начали высылать». Вероятно, тогда же был прислан и «Сборник белорусских сказок» Е. Р. Романова. Горький вспомнил о нем в 1934 г. в статье «О сказках»: «получил великую радость, прочитав некоторые из сказок няньки о боге…»[15].

---

[10] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 138–139.

[11] Там же. С. 144.

[12] Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 193.

[13] Там же. С. 206.

[14] Максiм Горкi i Беларусь. Мiнск, 1968. С. 8–9.

[15] Горький М. О литературе. 3-е изд. М., 1937. С. 170.

Загоревшись первоначально предложением Горького написать о белорусской литературе, Амфитеатров после получения материалов (вероятно, белорусских книг и экземпляров «Нашай Нівы») остыл. 26 января 1911 г. он пишет Горькому, что хотя и «стоит за диалектальную литературу», находясь «под итальянскими впечатлениями», но тем не менее сомневается в существовании белорусского языка и считает, что если уж признавать его языком, то нужно говорить и о «выделении калужской литературы», «нижегородской, пермской и пр. литератур». По его мнению, и шестидесятник Федор Решетников «писал уже на пермском языке!».

Горький не вступает с Амфитеатровым в спор и даже отчасти соглашается с ним, именуя белорусский язык «бялорусским» (в подражание говору темных мужиков из повести Решетникова «Подлиповцы»). «Бялорусский» язык не весьма удобочитаем, — пишет он своему корреспонденту, — но для меня суть не в нем, а в том, что и этот забитый народ желает *"людьми зваться"*. В февральской книжке *"Современного мира"* пойдет давно обещанная этому журналу моя заметка о *"писателях-самоучках"*, где это стремление *"зваться людьми"* я очень подчеркиваю, возлагая на оное великое надежды»[16]. Статья «О писателях-самоучках» появилась не в февральском, а в мартовском номере (1911 г.) журнала «Современный мир», в ней был сделан принципиальный акцент — на пробуждении национального самосознания: «Я обращаю внимание скептиков на молодую литературу белорусов — самого забитого народа в России, — на работу людей, которые сгруппировались вокруг газеты *"Наша Ніва"*». И здесь же, в этой статье, Горький опубликовал свой перевод «Адвечнай песні» Купалы, снабдив его следующим комментарием: «Чтобы понять глубокий смысл этой песни, — которая, может быть, на время станет народным гимном белорусов, — читателю стоило бы посмотреть *"Нашу Ніву"* — она много интересного скажет ему»[17].

Статья эта вошла в книгу Горького «О писателях-самоучках»[18], на которую откликнулась виленская «Вечерняя газета». Естественно, что основное внимание рецензента, выступившего под псевдонимом Бо-вич, уделено «белорусскому вопросу». Рецензия, кстати, так и называется — «Горький о белорусах». Что касается автора, скрывшегося под псевдонимом, то не трудно догадаться, что его фамилия Богданович. К сожалению, известный словарь Масанова не зарегистрировал обладателя такого псевдонима. Сам текст, содержащий рассуждения о сути белорусского национального движения, свидетельствует, что его автором никак не мог быть Адам Егорович, не проявлявший в ту пору интереса к этой проблематике. Не пользовался таким псевдонимом и Максим Богданович, хотя и употреблял близкие формы[19]. Очевидно и то, что рецензия в «Вечерней газете», в целом сочувственно относившейся к белорусскому движению, отличается от позиции Максима, изложенной в том же 1915 г. в статье «Белорусы», опубликованной в журнале «Национальные проблемы». Если Максим совершенно недвусмысленно говорит о «нивелировании белорусского народа», о том, что власть осуществляла политику «массовой фабрикации из белорусов великорусов»[20], то автор «Вечерней газеты» (скорее всего, им был кто-то из сотрудников редакции) прежде всего стремится деполитизировать проблему и, соответственно, придать ей чисто культурный характер: «Когда

---

[16] Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 95. С. 215.

[17] Максім Горкі і Беларусь. С. 9–10.

[18] См.: Горький М. О писателях-самоучках. Петроград: изд. «Жизнь и знание», 1915.

[19] См.: Саламевіч Я. Слоўнік беларускіх псеўданімаў. Мінск, 1983. С. 168.

[20] Багдановіч М. Збор твораў: У 2 т. Т. 2. Мінск, 1968. С. 342.

мы имели дело с явлениями такого порядка, как культурно-национальное возрождение народностей, пребывающих в состоянии sui generis летаргического сна, — у нас почему-то начинают рассматривать их именно с точки зрения политической. Стремление к созданию собственной национальной культуры объявляется чуть ли не попыткой отложения от государства (!), — хотя в нем, по существу, политический элемент отсутствует, а если он и налицо, то лишь как элемент случайный, приводящий, вызванный теми или другими условиями современной жизни государств. Хуже всего, когда о национальном возрождении начинают говорить *политики*. А они-то и говорят у нас больше всего о движении украинском и белорусском, они объявляют эти движения *"*разрушительными*"*, в то время как сущность их *культурное* строительство».

И далее, «не останавливаясь на оценке белорусского национального возрождения *"*политиками*"* (мы ее неоднократно приводили)», автор цитирует высказывание Горького («одна из крупнейших вершин в современной русской литературе») о «молодой литературе белорусов» вместе с его же переводом «А кто там идет?» Янки Купалы. После чего вновь возвращается к излюбленной мысли об извращении «политиками» белорусского национального движения и одновременно выдвигает на первый план его культурно-созидательную суть: «Горький прав: много интересного сказала бы *"*Наша Нiва*"* — этот плод творчества белорусской народной массы — тому, кто не ищет в ней лишь материалов для выступлений белорусского возрожденчества. Она поучила бы, что возрождающийся к новой жизни народ поистине чужд человеконенавистничества, поучила бы, что мы имеем здесь дело не с политикой или политиканством, а с творением великого культурного дела руками народа. Белорусы еще слабо дифференцированы, еще не выделили из себя прочного слоя интеллигенции, которая взяла бы на себя весь творческий труд в культурном строительстве. И потому движение это, изображаемое гг. *"*политиками*"*, как нечто кому-то или чему-то *"*угрожающее*"*, является в высшей степени интересным и ценным для тех, кто умеет смотреть на вещи глубоко и всесторонне»[21].

Итак, на рубеже 1910–1911 гг. Горький проявляет особенный интерес к зарождающейся новой белорусской литературе. Он пытается заразить этим интересом других литераторов, рекомендует обратить внимание на стихотворение Купалы «А кто там идет?», сам переводит его, устанавливает контакты с редакцией газеты «Наша Нiва», доброжелательно отзывается о «молодой литературе белорусов» в популярном литературном журнале. Он пишет Коцюбинскому, Черемнову, Амфитеатрову. А в январе 1912 г. делает специальную оговорку в письме к критику Владимиру Кранихфельду: «Я бы очень рекомендовал вам… внимательно почитать белорусскую литературу…»[22].

И только одно, более чем естественное имя, почему-то не возникает в этом ряду — Адама Богдановича. В архиве Горького нет писем Богдановича за этот период, в которых могли содержаться ответы на интересующие писателя вопросы в связи с «белорусскими делами». Впрочем, за этот период нет и других писем Богдановича. Когда современная исследовательница пишет, что «менавіта ад Багдановіча рускі пісьменнік пачуў пра беларускае Адраджэнне, маладую беларускую літаратуру, творчасць Максіма Багдановіча»[23], это, скорее, пожелание, чтобы так славно и замечательно (в смысле дружбы народов и культур) было: Адам Богданович удовлетворяет интерес Горького к белорусской культуре.

[21] Вечерняя газета. 1915. 3 апр. № 910.

[22] Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 95. С 301.

[23] Шэляговіч Т. Бацька паэта — Адам Багдановіч // Я хацеў бы спаткацца з Вамі…: Літаратурна-публіцыстычныя артыкулы пра Максіма Багдановіча. Мінск, 2009. С. 97.

Конечно, в нижегородский период «белорусская тема» могла появляться и наверняка появлялась в их разговорах. Но в самом начале 1910-х гг., когда, повторим, Горький стал проявлять особенный «белорусский интерес», Адама Егоровича, как хотя бы частичного удовлетворителя этого интереса, просто не видно. Не пишет он и в своих воспоминаниях, что Горький обращался к нему с теми вопросами, предложениями и отзывами о «молодой литературе белорусов», которые имеются в его письмах к названным выше литераторам.

А ведь Адам Егорович не потерялся, и Горький знал, что он живет в Ярославле. Кстати, мог бы и пригласить «закадычного приятеля» к себе на Капри, где перебывало столько разных гостей из России. Но не пригласил. И на Капри Богданович так и не побывал. Почему?

К этому времени родственные связи между ними распались. Горький развелся с Екатериной Павловной, место которой заняла актриса Художественного театра Мария Андреева. Горький был уже знаменитым писателем, немало времени проводил за границей. Адам Егорович — скромный банковский служащий в Ярославле, совмещающий службу с общественной деятельностью и научно-популяризаторской работой. С годами произошло определенное охлаждение в отношениях между ними и отдаление в связи с разным развитием жизненных путей. Так бывает у людей, которые когда-то были близки.

И все-таки в том, что Горький не обратился к Богдановичу с «белорусскими вопросами», видится иное. Адам Егорович не был для него личностью, с которой связывалось представление о белорусском национально-культурном подъеме. Богданович для него — народнический деятель конца 1880-х гг., перешедший вскоре на просветительно-культурнические пути, целиком совпадавшие с русской общественной традицией и не имевшие выраженного белорусского направления. Это было понятно из многолетнего общения с Адамом Егоровичем.

И сам Богданович ощущал себя именно такой фигурой. Его занятия белорусским фольклором и этнографией были в большей степени выражением интересов российского ученого-самоучки, не чувствовавшего себя национальным белорусским культурным деятелем. И это имело вполне объективные причины: за Адамом Егоровичем не было того культурного «тыла», который обеспечивал бы ему иное самосознание. Его взгляды сформировались в русле российской литературно-общественной традиции (чтение в юности Добролюбова, Писарева, Чернышевского). Поэтому, как исследователь белорусов, хотя и будучи сам белорусом, он ощущал себя российским этнографом, подобно тем, которые изучали быт и традиции разных народов Российской империи.

Взгляд его на белорусов был достаточно пессимистичен, о чем свидетельствует предисловие к книге «Пережитки древнего миросозерцания у белорусов»: «И жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко обозначены печатью неразвитости, отсталости, забитости». По поводу этого высказывания Григорий Березкин писал, что «понять эту односторонность ученого тем трудней, что сам он в своих ״Пережитках…״, наряду с образцами мрачной языческой демонологии, выражающей бессилие, загнанность человека, приводит немало мотивов и образов той высокой обрядовой идеализации, в которой на равных правах сошлись насущные нужды крестьянина-землепашца и его влечение к началам прекрасного, его тоска по гармонии»[24]. И тем не менее о песнях белорусских в тех же «Пережитках…» сказано, что «почти все они блеклые, отрывистые, отдают какой-то прибитостью творчества, духовной бедностью». Соответственно, язык белорусский «небогат словами… беден формами». В целом Богданович считал, что

[24] Березкин Г. Человек на заре. Рассказ о Максиме Богдановиче — белорусском поэте. М., 1970. С. 7.

«справедливость требует поставить белоруса по типу душевного развития ниже его братьев из великой русской семьи»[25].

К этой семье и стремился принадлежать Адам Егорович. В этом нет никакого «предательства» по отношению к своему народу. Случай Богдановича, когда близкая большая и развитая культурная традиция захватывала «инородцев», не видевших в своем «племени» серьезной перспективы, достаточно типичен. Сам Евфимий Карский, который «паклаў столькі працы на тое, каб даказаць гістарычную і культурную адметнасць беларусаў сярод іншых славянскіх народаў, — отмечает Михась Стрельцов, — мог лічыць яшчэ праблематычным паспяховае развіццё беларускай культуры ў бліжэйшым часе і на нацыянальная глебе»[26]. Поэтому дело не в том, что, как пишет Алесь Бачило, еще в семинарии «верныя служкі царызму стараліся ўчаўпці Адаму Багдановічу ў галаву, што няма ніякай Беларусі, ніякага беларускага народа, ніякай беларускай мовы, а ёсць толькі *"наречие"*, толькі *"Северо-Западный край"*. Кстати, сам же автор интересной поисковой книги о Максиме Богдановиче отмечает, что такому семинаристу, как Якуб Колас, те же «служкі царызму» не смогли «затуманіць позірк і прывіць скепсіс да лёсу і будучыні беларускага народа»[27].

Михась Стрельцов объясняет мировоззрение Адама Егоровича принадлежностью «да дарэвалюцыйнай навуковай этнаграфічнай школы, якая прызнаючы несумненную таленавітасць беларускага народа, самабытнасць форм яго жыцця ў мінулым, часта разам з тым сумнявалася ў яго здатнасці да будучага самастойнага нацыянальнага жыцця»[28]. Стрельцов олицетворяет эту школу с «чистой, объективной наукой», космополитизм которой противоположен национальному патриотизму. И все же суть проблемы не в космополитизме. Выбор Адама Егоровича Богдановича был сделан под мощным воздействием русской культурной традиции, и в этом смысле его взгляды были делом сознательным и серьезным, при всем их субъективизме и обидности для национальной белорусской позиции.

Естественно, что, имея такие взгляды, он не мог без определенного скепсиса относиться к горячей увлеченности всем белорусским своего сына Максима. Если в своих воспоминаниях о нем, писавшихся по просьбе Инбелкульта в годы, когда Максим Богданович уже считался одной из первых величин в новой белорусской литературе и сбору и изданию его наследия придавалось первостепенное значение, Адам Егорович, хотя и осторожно, признает, что «не пытался охлаждать его порыв», то можно себе представить, каковы на самом деле были и какой остроты достигали разногласия между отцом и сыном. Адам Егорович не без оснований считал себя человеком, хотя и самостоятельно, но достаточно глубоко овладевшим разнообразными знаниями. Горячий и порывистый Максим выглядел в его глазах молодым человеком, еще путающимся в ориентирах, не представляющим себе, по той же осторожной лексике, «те огромные трудности, которые предстояло преодолеть немногочисленной белорусской интеллигенции, работающей в условиях исключительно тяжелых». По сути в ту пору это означало, по убеждению отца, тупиковость «белорусского пути», избранного сыном. Не случайно Адам Егорович, которому «картина белорусского возрождения» представлялась «довольно безотрадной», воспротивился намерению Максима принять предложение акаде-

[25] Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: этнографический очерк. Минск, 1995. С. 9–10.

[26] Стральцоў М. Загадка Багдановіча. Мінск, 1968. С. 29.

[27] Бачыла А. Дарогамі Максіма Багдановіча. Другое, перапрацаванае і дапоўненае выданне. Мінск, 1983. С. 48–49.

[28] Стральцоў М. Загадка Максіма Багдановіча. С. 18.

мика А. А. Шахматова заняться белорусоведением на его кафедре в Петербургском университете. Предложение, сделанное Максиму по подсказке редакции «Нашай Нівы». Кстати, газету эту выписал пятнадцатилетнему Максиму не отец, а крестная мать Ольга Епифановна Семова, почувствовавшая, как пишет Адам Егорович, его «запросы и интересы». Что же до возможности получения университетского образования его сыновьями, то отец считал, что здесь следует отдать предпочтение талантливому математику Льву, а Максиму лучше пойти в ярославский Демидовский юридический лицей, хотя тот заявлял, что ни прокурором, ни судьей, ни адвокатом быть не хочет, а только — литератором или ученым.

Кстати, в семье, помимо отца, на Максима давил и его двоюродный брат Петр Гапанович, пытавшийся доказывать, что у белорусского языка как литературного нет перспективы. Сам Петя, служивший в том же банке, что и Адам Егорович, считал себя вполне реалистически мыслящим молодым человеком. Споры кипели. Адам Егорович делал замечания Максиму относительно языка и стиля его поэзии, считая, что он чрезмерно увлекается лексикой «Нашай Нівы». Он сказал об этом в конце 1920-х гг. в письме Антону Луцкевичу: «Грашыў гэтым, у наследаванне вашаму прыкладу, мой нябожчык і псаваў свой стыль… Адарваны ад народнай стыхіі, ён не мог адрозніваць адценні народнай мовы… У свой час я гаварыў нябожчыку сыну: напішы ім, г. зн. вам, нашаніўцы, — чаму яны не чэрпаюць з агульнарускай крыніцы старажытнай літаратуры, як гэта рабілі Пушкін, Гогаль і інш.»[29]. Впрочем, уже в ту пору Адам Егорович осознавал, что у него «несколько иное отношение к русскому языку, чем у некоторых белорусов следующего… поколения». «Для меня оба языка одинаково милы и дороги, — признавался он в письме к Луцкевичу. — Один для меня — язык родины, другой — язык отечества» [30].

Собственно, позиция отца в вопросе о значимости русской культуры не была чужда Максиму. Но его взгляд на ее роль в межнациональных отношениях был сложнее и объективнее в диалектическом смысле. Он считал русскую культуру «мощным фактором, сплачивающим разнородные племена Российской империи». «Ее печать, — писал он в рецензии на первый выпуск серии сборников "Отечество", вышедший в Петрограде в 1916 г., — лежит на духовном творчестве любого народа России, она является для них общей почвой, сближая содержание их культур, их идейных и литературных течений». Народы, живущие «в одних и тех же государственных условиях», вместе работающие «над их усовершенствованием», знающие «общие победы и поражения, — они не могут быть чужды друг другу». Вместе с тем для Максима было чрезвычайно важно, «чтобы эгоистические интересы отдельных народностей не подтачивали этой естественной государственной спайки»[31]. Так осторожно («эгоистические интересы»), но и достаточно определенно высказался молодой Богданович против великодержавного российского шовинизма.

Через шесть лет после смерти сына, Адам Егорович в воспоминаниях о нем напишет, что «общий уклон его чувств и влечений в сторону всего родного, белорусского есть дело наследственности — той темной подсознательной сферы, которую мы, рождаясь, выносим на свет Божий как неотъемлемое достояние наших предков, безразлично, плохое ли оно или хорошее». Но это все осмысления, как говорится, задним числом. А при жизни Максима между отцом и сыном была стена непонимания и от-

[29] Цит. по: Ватацы Н. Б. Шляхі: гісторыка-літаратурныя артыкулы. Мінск, 1986. С. 117.

[30] Цит. по: Зуборев Л. Крик Буревестника. Историко-документальная повесть о М. Горьком и Богдановичах. С. 265.

[31] Багдановіч М. Збор твораў: У 2 т. Т. 2. С. 439.

чуждения. Последнее письмо умирающего в Ялте сына находившему совсем рядом¸ в Симферополе, отцу («Здравствуй, старый воробей. Молодому воробью очень плохо…») осталось неотосланным на столике рядом с кроватью. Адам Егорович приехал через четыре дня после смерти, когда Максима уже похоронили. Трагедия, которую трудно, но нужно понять.

Разумеется, Горький не знал обо всех этих перипетиях в отношениях между Адамом Егоровичем и Максимом. Но почему-то думается, что если бы ему было известно о развернутости Максима в сторону белорусской культуры, литературы, то он непременно попросил бы у него и нужных ему сведений и материалов белорусских. И, кто знает, может быть, двадцатилетний Максим Богданович, откликаясь на просьбу Горького, которого он хорошо помнил с детских лет, у которого сидел на коленях, с которым играл в городки, может, он перевел бы на русский так взволновавший Алексея Максимовича «гимн белорусов», сочиненный Купалой.

Когда Горький окончательно покинул Нижний Новгород, Максиму, ученику тамошней гимназии, нередко бывавшему с отцом в его доме, было 13 лет. Авторитет знаменитого русского писателя в его глазах был, безусловно, велик. В обзоре белорусской литературы за 1910 г. он обнаруживает «горьковские мотивы» в поэзии Купалы, а в обзоре за 1911–1913 гг. проводит параллель между аллегорией в творчестве Горького и Ядвигина Ш. Вспомнились ему и слова Горького о волжских просторах в очерке «Шаман» («Хорошо у нас на Волге!.. Широта-то, широта-то какая! Хорошо об этом сказал Горький Алексей Максимович»)[32]. В рецензии на издание писем Чехова он особо отмечает как интересные «многие письма к Горькому, где Чехов говорит о его творчестве»[33].

Неясным выглядит вопрос с посылкой Максимом Горькому своей единственной прижизненной книги, сборника «Венок», вышедшего в 1913 г. В 1925 г., занимаясь сбором материалов о сыне, Адам Егорович обратился к Горькому: «…Максим в 13 или 14 году писал Вам и, вероятно, посылал Вам свою книжку стихов. Не сохранились ли у Вас его письма? Не дадите ли Вы о нем или о его стихах коротенького отзыва? Белорусы были бы весьма обрадованы»[34]. В том, что Максим мог это сделать — послать свою книгу Горькому, нет ничего удивительного. Узнать мнение знаменитого писателя, тем более что был с ним знаком с детства, — для него, только начинавшего свой путь в литературе, шаг естественный. Как естественно и желание Адама Егоровича получить хотя бы несколько, разумеется, доброжелательных слов от самого Горького о творчестве сына. Какой-то непохожей на горьковскую отзывчивость сухостью веяло от ответных строчек из Сорренто: «Максим не писал мне и книги своей не присылал»[35]. А ведь мог бы Алексей Максимович, даже если действительно молодой Богданович и не присылал ему своей книги (а может, бандероль все-таки не дошла, пропала по дороге в Италию?), попросить Адама Егоровича выслать ему книгу сына и написать несколько добрых слов о ней. Ведь чувствовал, что Адаму Егоровичу очень хочется этого отзыва, да и сама просьба далась ему, надо полагать, нелегко. Но, видимо, еще не все сложности были преодолены в отношениях между бывшими родственниками и друзьями.

---

[32] Там же. С. 17.

[33] Там же. С. 436.

[34] Цит. по: Зуборев Л. Крик Буревестника. Историко-документальная повесть о М. Горьком и Богдановичах. С. 263–264.

[35] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 436–437.

III

Начало этого преодоления, по крайней мере документально зафиксированное, относится к 1925 г. Горький живет в Сорренто. Ярославский адрес Богдановича ему сообщает Екатерина Пешкова, с которой у писателя, несмотря на развод, сохраняются дружеские отношения. Горький высылает в Ярославль свою вышедшую в 1924 г. в Берлине книгу «Заметки из дневника. Воспоминания» с надписью: «Старому другу А. Е. Богдановичу на память». Он знает, что многое в ней будет интересно, вероятно, оставшемуся таким же книголюбом Адаму Егоровичу: хорошо знакомый ему нижегородский быт, типы старого Поволжья.

Богданович благодарит, но и не может удержаться от критических замечаний: «Большое спасибо Вам за память о старой дружбе и присылку книжки. Выбор Ваш как нельзя более удачен: все в ней так знакомо, многое приходилось переживать совместно или тогда же слышать от Вас… Не скрою — в двух-трех местах в книге меня неприятно царапнули грубо откровенные и даже циничные выходки в духе современного литературного озорства, которое так неприятно поражает людей культурных. Но тут уж ничего не поделаешь: у Вас, у Андреева, у Золя это всегда было. Продолжаю думать, что таким вещам место в фольклоре, клинических описаниях, а не в художественной литературе»[36].

Сказано достаточно остро, если иметь в виду обоюдное стремление к восстановлению добрых отношений. Отвечая на «как всегда содержательное письмо старого друга», Горький прячет очевидную задетость тщательно замаскированной иронией: «Спасибо. Вы сказали много интересного для меня, а я — признаюсь — этого не ожидал. Я очень верю в такт и художественный вкус Ваш, к себе же отношусь все более недоверчиво, скептически. Ибо хотя пишу много, с жаром, но — вижу: все не то, не так».

Внимательнейший читатель, Адам Егорович подробно написал и о своем впечатлении от книги «Мои университеты», в которую наряду с автобиографической повестью вошли несколько мемуарных очерков, в том числе «Время Короленко». Он сожалел, что Горький не передал в подробностях отзыв Короленко о рассказе «Челкаш» и напомнил о встрече с Владимиром Соловьевым, свидетелем которой был, о эпизодах нижегородской жизни. «Написать об этих годах, — отвечал Горький, — я мог бы и еще много, но сознательно придушил себя, ибо питаю намерение написать нечто вроде хроники от 80-х годов до 918-го. Уже пишу. Не уверен, удастся ли». Он уже начал работу над этой «хроникой» — романом «Жизнь Клима Самгина»[37].

А в 1927 г. случилось непредвиденное: шестидесятипятилетнего Адама Егоровича арестовало ОГПУ в его ярославском доме. Следователь задавал разные вопросы, в том числе интересовался контактами с Вацлавом Ластовским. Адам Егорович догадался, что его переписка подвергалась перлюстрации. Возможно, Богдановича хотели обвинить в связях с белорусскими националистами. Хотя в ту пору поверивший руководству БССР и вернувшийся на Беларусь известный историк и литератор, один из лидеров белорусской национальной мысли Ластовский еще был (правда, после кратковременной высылки в Саратов), что называется, в порядке, возглавлял Белорусский государственный музей, вскоре его изберут академиком. В одном из писем к Богдановичу он убеждал его, что, несмотря на «расхождения во взгляде на белорусское дело», они оба «крепко связаны аргументами любви к обиженному народу»[38].

---

[36] Это и последующие письма А. Е. Богдановича к Горькому, на которые не даются ссылки, цитируются по копиям, хранящимся в фондах Государственного музея Максима Богдановича в Минске (оригиналы в фонде М. Горького в Институте мировой литературы им. М. Горького, Москва).

[37] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 436.

[38] Цит. по: Зуборев Л. Крик Буревестника. Историко-документальная повесть о М. Горьком и Богдановичах. С. 287.

Скорее всего, Адама Егоровича «замели» как одного из старых интеллигентов, которые по своей социальной и культурной сути были на подозрении у советской власти. Сын Павел помчался в Москву к Екатерине Павловне Пешковой, возглавлявшей Общество помощи политическим заключенным, которое по давней традиции именовали Красным Крестом. Удивительную организацию, с которой в 1920-х и в начале 1930-х гг., как ни странно, но в ряде случаев считался режим, из лап которого Екатерине Павловне удалось вытащить немало людей. Она добилась и освобождения Богдановича, пробывшего под арестом около месяца.

Адам Егорович немедленно садится за письмо Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Вам, вероятно, известно, что я в числе других мучеников был арестован и привлечен к следствию местным отделом ГПУ. Вы меня хорошо знаете и знаете, что я вообще не склонен ко лжи и изворотам, а тем более с Вами. Так вот, даю Вам слово, что я никакой контрреволюционной работой не занимался и о ней не помышлял… Я попал в общую массу интеллигенции, заподозренной в своей доброкачественности… Я не следовал подло-мудрому правилу: любишь не любишь, а почаще взглядывай… Я не выношу игры в молчанку, и в последнее время, когда все благоразумно молчали, я говорил. Что говорил? Всегда дельное, всегда справедливое… Но недомыслие, но головотяпство называл своими именами. За недостатком чего-либо лучшего мое обвинение было основано на протоколе о чистке. Я заявил об этом следователю, повторявшему без конца: *"Вот официальный документ, который вас изобличает, и нам больше ничего не нужно: все ясно?"* Вашей дружбой я гордился и горжусь, и мне хотелось бы сохранить ее до конца моих дней».

Очевидно, Адам Егорович напуган. Но не теряет головы: пишет с расчетом на перлюстрацию. Слова о дружбе с Горьким также рассчитаны на читателей из «органов»: пускай знают, кто его поддерживает. Горький все понимает и присылает письмо с тем же расчетом: «Совершенно нелепая мысль пришла в голову Вам, старый друг Адам Егорович! Могу ли я, зная Вас 30 лет, вообразить, что Вы способны на какую-то контрреволюцию? Не так уж много видел я людей, которые, подобно Вам, были бы органически, биологически неспособны свернуть с пути, на который вступили еще в юности. Да и то спокойствие, с которым Вы отнеслись к тяжелому недоразумению, тоже ни что иное, как признак Вашей организованности и целеустремленности. Нет, уж вы меня не подозревайте в глупости, непосильной для меня…»[39].

В общем, Горький выдал Богдановичу свою рода характеристику для «органов». А «старый друг» — это вообще охранная грамота. Как можно подозревать в контрреволюции старого друга великого пролетарского писателя?

В мае 1928 г. Горький приезжает из Италии в Москву впервые после шестилетнего отсутствия. Начинает осуществляться сталинский план по превращению его в помпезно-знаковую фигуру СССР. Накануне широчайшим образом, на государственном уровне отмечалось 60-летие писателя. У Горького обширные планы, ему хочется собственными глазами увидеть, как живет страна, побывать в разных местах. Ну и, конечно, встретиться со старыми друзьями, среди которых и Адам Егорович. Он пишет Богдановичу 20 апреля из Сорренто: «Где же мы увидимся? В Калуге, как предполагает А. С. Щербаков, или в Ярославле? Я намерен вести жизнь кочевую, хочу видеть елико возможно больше. Но в Калуге встретиться нам, нижегородским старикам, пожалуй, удобнее. Тише будет, вероятно»[40].

Но Богданович понимал: «грандиозный подъем энтузиазма, который охватил пролетарские массы и всю советскую общественность», таков, что Горького будут буквально рвать

[39] Там же. С. 271–272.

[40] Там же. С. 275.

на части. А потому лучше сразу ехать к нему в Москву. На знакомую квартиру Екатерины Павловны в Машковом переулке, где всегда останавливался, когда приезжал в столицу, он приехал без предупреждения рано утром. Горький сначала не узнал его, пытливо всматривался в раннего визитера из-под нависших бровей. И не диво — ведь они не виделись двадцать лет! А когда узнал, обнял с радостным восклицанием: «Адам, черт!».

Половину дня они провели в дружеской беседе. И это был единственный раз в те дни, когда Горький смог уделить ему столько времени. Богданович больше недели прожил на квартире писателя, но виделись они урывками. Разного рода делегаты, собрания и совещания, встречи, поездки на заводы и фабрики, организация журнала «Наши достижения» — все это поглотило Горького. Вместе с ним Адам Егорович участвовал в краеведческом съезде, проходившем в Политехническом музее. Горький недоумевал по поводу неожиданного возведения его «в звание краеведа». Но, в общем, не возражал. И даже поделился своим краеведческим опытом, начало которому в детские годы положило «изучение выгребных ям». Богданович обратил внимание на то, что Горький, ранее не бывший «мастером говорить», «сделал большие успехи в ораторском искусстве».

Они встречались и во время следующих приездов Горького в СССР в конце 1920-х—1930-х гг. Встречи проходили в Москве, в Горках, в Барвихе. «Но эти свидания, — вспоминал Адам Егорович, — неизменно сердечные, были непродолжительны по состоянию его здоровья, не позволявшего ему много говорить, и имели деловой характер». Думается все-таки, что здесь Богданович недоговаривает. Не тот у него был характер, чтобы не воспользоваться возможностью и не обсудить с Горьким острые, тревожащие проблемы времени. Да и Горький наверняка мог сказать Адаму Егоровичу то, о чем он предпочитал не говорить с другими. О своих сомнениях, о том, как без его разрешения правят в советских газетах его статьи, наконец, об ощущении своей запертости в СССР.

Что же до конкретных дел, то еще в 1928 г. Богданович просил писателя помочь своим старым соратникам по «Народной воле», оказавшимся в конце жизни в нищете. Впрочем, и сам Адам Егорович не шиковал: его персональная пенсия в это время составляла всего 60 рублей. С 1931 г. он стал получать 100 рублей, это была уже академическая пенсия, назначенная по ходатайству наркомата просвещения РСФСР. Можно предположить, что в последнем случае не обошлось без помощи Горького. Горький как-то написал ему, что может оказать материальную поддержку и по этому делу следует обратиться к его секретарю Крючкову: «Если Вам нужно денежных знаков — скажите, не стесняйтесь по старой дружбе». Адам Егорович обратился и с 1930 г. стал получать от Горького своего рода грант для продолжения своей научной работы. За пять лет, как свидетельствует его сохранившаяся запись «для памяти», он получил 7100 рублей, сумму весьма приличную по тем временам.

Богданович много работал, писал без оглядки на возраст. Трудности были с опубликованием написанного. По поводу публикации воспоминаний Адама Егоровича о «Народной воле» Горький считал, что лучше всего говорить со знаменитой Верой Николаевной Фигнер и что лучше всего это может сделать Екатерина Павловна Пешкова. Но более всего Адама Егоровича волновала судьба его главнейшего труда, так сказать, дела жизни. Он закончил работу над долгие годы составлявшейся книгой «Язык земли», в которой анализировал природу различных географических названий (прежде всего речных, озерных). И, естественно, искал возможности ее издания. Горький пытался содействовать. И как было не помочь старому другу, тем более если он посвятил свой труд ему? «Я не постыжу Вашего имени, ставя его на своей работе. Может быть, меня будут ругать лингвисты — пусть». За последней оговоркой стоит и признание в отсутствии академической подготовки и некий трепет перед специалистами. Да, Адам

Егорович был ученым-самоучкой. Но за его плечами был большой практический опыт этнолога и этнографа, почерпнутый из бесчисленных поездок, путешествий, наблюдений, встреч.

16 июня 1930 г. Горький пишет Богдановичу из Сорренто: «Посвящение — принимаю, очень тронут хорошей Вашей памятью обо мне. И уж разрешите сказать: всегда меня прельщала неуемность энергии Вашей, и — понимаете — рад я знать, что энергия эта не иссякла. Известно Вам, что я был и есть человекопоклонник, пребуду таковым до конца дней и что Человек для меня прежде всего организатор мира. Вот это самое качество организатора всегда восхищало и восхищает меня в Вас, сударь!»[41]

Во время состоявшейся в сентябре 1933 г. встречи разговор зашел о том, как движется дело с изданием книги. Горький предложил, что он напишет в Академию наук, в Институт языка и мышления, где рассматривалась рукопись «Язык Земли». Адама Егоровича тронула эта отзывчивость, на следующий день он посчитал нужным написать Горькому о том, о чем было трудно просто сказать: «Вчера на свидании с Вами я был порядочно взволнован (не знаю — почему) и ничего толком не мог рассказать. Вроде как на любовном свидании, когда влюбленные говорят глупости. Я шел, собственно, просто соприкоснуться душа с душой, без всяких практических целей. Была такая живая потребность. Вы, спасибо, пошли ей навстречу». И о своем труде: «Для меня издание этой работы имеет решающее значение: она основная. Все другие исследования я могу строить только на основе разобранного в ней самоговорящего материала. Иначе — мне каждый раз пришлось бы повторяться, к большой невыгоде для полноты и ясности вместо простых ссылок. У меня на этой почве столько роится новых идей — живых и плодотворных, — что жаль сходить в могилу, не закрепив их на бумаге, не дав им жизни. А там — суди меня судом праведный и неправедный».

Год назад он поздравлял писателя с сорокалетием «творческой работы» и был весьма оптимистически настроен, хотя Горький и заметил в письме к нему, что от старости никуда не деться. Для Богдановича важно, что его знаменитый друг «все тот же милый, добрый, славный, отзывчивый, все тонко чувствующий Алексей Максимович». «Может быть, в этом строе вашей души лучшая доля вашей славы». А старость… Да, она пришла. «И хорошо, что пришла добрая, бодрая старость, которая говорит: жизнь прожита. И прибавляет: хорошо прожита!»

Богданович был деликатен в трагические для Горького дни, когда в мае 1934 г. умер его сын Максим. Он пишет: «Я был в Москве в ваши печальные дни (потянуло), но не добивался свидания с Вами, считал, что не следует прикасаться к свежей ране. По своему многократному опыту убедился, что лучшее душевное лекарство в таких случаях — погрузиться в большую, привычную и общественно важную работу. Я был уверен, что Вы найдете в себе достаточно сил, чтобы пойти по этому спасительному пути».

Многократный опыт… За этой не самой удачной формулой — страшный трагический ряд: из десяти детей, родившихся от трех браков у Адама Егоровича, пережили его только два сына от третьей жены Александры Афанасьевны. Богданович лечил детей, возил на кумыс в Башкирию. Но от туберкулеза в ту пору не было защиты.

Что же до спасительной «общественно важной работы», то у Горького нашлось такое дело — организация первого всесоюзного съезда советских писателей. Адам Егорович поздравил его с «блестящим докладом». 6 сентября 1934 г. Горький благодарит его за поздравление, считает, что «съезд прошел намного выше ожида-

[41] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. С. 173.

ний», отмечает, что «очень хорошо вели себя европейцы и наши нацмены», но не забывает о главной заботе своего друга: «Очень досадно, что книга Ваша все еще не вышла. Не могу ли я помочь продвижению ее в типографию? Укажите, как это сделать»[42].

Между тем на рукопись появились благожелательные отзывы специалистов, был даже заключен договор с издательством. Но аванса не выплатили, редактора не назначили, в общем, дело не двигалось. Сообщая об этом Горькому, Богданович просил его переговорить с видными учеными Н. Я. Марром, И. И. Мещаниновым. Нельзя не заметить, что Адам Егорович не ищет поддержки в белорусской научной и литературной среде в Минске. Казалось бы, закономерная вещь, если иметь в виду, что за поддержкой обращается отец талантливейшего белорусского поэта. Да и Горький наверняка мог пособить в этом направлении, если иметь в виду, что он с 1928 г. был почетным членом Белорусской Академии наук. Но что-то не сложилось у Богдановича с этой самой средой. Хотя он послал в Беларусь рукопись своей работы «К вопросу об этнологии белорусского народа» и даже получил отзыв, что она произвела «эффективное впечатление». Тем не менее есть ощущение, что для тогдашнего литературно-научного Минска Адам Егорович не был «своим» человеком. Возможно, потому, что жил в России и ассоциировался больше с русской наукой, писал по-русски. В 1923 г. он при содействии полномочного представительства БССР в Москве приезжал в Минск, привез материалы, связанные с творчеством Максима. Тогда его привечали, в Доме работников просвещения состоялся вечер памяти Максима, были статьи в газетах. А потом — как отрезало. В 1927 г. в письме к Горькому он не без обиды упоминает о том, что в Минск, «где справляют десятилетние поминки со дня смерти сына», его не пригласили, а сам он «не поехал: во-первых, денег не было, а во-вторых — обиделся на неделикатность».

В продвижении научных работ главные надежды по-прежнему возлагались на Горького. Тем более, что казалось — какие еще наши годы? Весной 1935 г., поздравляя писателя с 67-летием, Богданович вновь возвращается к мысли о благословенной старости: «В этом отношении старые годы, годы разгрузки накопленного опыта и проверенных знаний куда плодотворнее годов ранней молодости. И не только плодотворнее, но альтруистичнее, ибо в этом возрасте всего меньше живешь для себя, в свое удовольствие. При последнем свидании мы с Вами заключили договор на соцсоревнование по формуле: будем жить — и делу служить. Рад констатировать, что мы его честно выполняем. Мы родились с Вами под одной планетой: Вы 16-го, я 25 марта старого стиля… На днях я заканчиваю 73, стало быть 6 лет разницы в Вашу пользу. Обещаю бодро и не покладая рук гнать вперед — дальше и дальше, в полной уверенности, что и Вы не сдадите».

Адам Егорович был действительно неутомим. И во время учительства в Минске, и в годы работы в Крестьянском банке в Гродно, Нижнем Новгороде и Ярославле, и в уже пореволюционный период, когда заведовал библиотекой Ярославского исторического музея и вел занятия в художественно-педагогическом техникуме. И после выхода на пенсию он не оставлял научную работу. Еще до революции его работы по этнографии получили высокие оценки у известного слависта, академика В.И Ламанского, польского профессора Яна Виторта. А вот в советское время публиковаться Богдановичу стало трудно. Он посылает Горькому краткое изложение своего последнего труда «Этнический состав народов славянских и русских», который посвятил Екатерине Павловне. Понимая занятость писателя, просит хотя бы «перелистать эту

42 Там же. С. 307.

рукопись», «просмотреть только то, что заинтересует по заглавиям». Ему кажется, что Горького особенно должны заинтересовать помещенные в приложении рассуждения о «полноценных и неполноценных расах». Не вступая в прямую полемику с фашистской расовой теорией, Богданович чувствует, что «откликается на боевые вопросы современности».

Но у Горького уже не оставалось времени и на знакомство с работами друга, и на действенную помощь ему. Он умер в июне 1936 г. Богданович, пережив его на четыре года, скончался в апреле 1940-го. В последние годы жизни он был занят подготовкой и изданием как своих воспоминаний о Горьком, так и научных трудов. Первые в неполном виде вышли в сборнике «Горький на родине» (Горький, 1937). Адам Егорович сокрушался, что не мог прочитать корректуру и опасался редакторского своеволия. Вместе с тем он хорошо понимал отношение власти к такой канонизированной фигуре советской литературы, как Горький, и, что вполне понятно с учетом эпохи, стремился подстраховаться по идеологической части. В мае 1937 г. Богданович писал племяннице Вере Кунцевич, которая выполняла его поручения в связи с издательскими делами в Горьком: «Кстати, одно место в нашем споре с Алекс. Макс. по этическим вопросам (в 1896 г.) нужно вычеркнуть, чтобы не дать оснований для кривотолков. Это насчет карамазовского *“всё дозволено”*. В той рукописи, что я прислал в ОГИЗ, это будет на странице 29-й либо 30-й. По причине, что этой простой формуле придают плохой смысл, лучше это рискованное утверждение просто вычеркнуть. Сделай, пожалуйста, это сама, именно от слов: *“В разгаре спора он воскликнул:…”* и т. д., кончая *“последним куском хлеба с неимущим”*.

Вот и все.

А еще по причине, что я не уверен, что сам буду править авторскую корректуру, в абзаце, где речь идет о том, что *“Человек есть мера всех вещей”* (это недалеко, через несколько строк) в предложении: *“все это соре отзывается анархизмом”* — последнее слово (анархизм) лучше заменить на *“индивидуализм”*.

Это письмо подтверждает очевидное: далеко не обо всем мог рассказать Богданович в своих воспоминаниях о Горьком. Из-за этих воспоминаний у него вышла ссора с одним из старых друзей по народнической организации, весьма критически отозвавшемся о них и даже обвинившем автора во вранье и саморекламе. Утешением был отзыв критика И. Сергиевского, отметившего в «Литературном обозрении»: «Они написаны живо, выразительно, очерченный в них образ Горького конкретный и динамичный».

Хуже — да что там, просто трагически — обстояло дело с изданием научных трудов. Да, это была трагедия, потому что самое важное для любого исследователя — вовремя выпустить свои труды, ввести их, как говорят, в научный оборот. Но ни «Язык земли», ни «Этнический состав народов славянских и русских», ни работа об этнологии белорусского народа, несмотря на доброжелательные отзывы, не шли в печать. Лежали без движения и его воспоминания о быте белорусского крестьянства, о народовольческих организациях, действовавших в Беларуси. Только в середине 1960-х гг. вышли две книги: «Страницы из жизни Максима Горького» (Минск, 1965), в которую, помимо воспоминаний о Горьком и других писателях из его круга, вошли мемуарные очерки о собственной молодости, первых жизненных университетах, а также «Материалы к биографии Максима Богдановича», и «Язык земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Этнологические очерки по данным водной речной номенклатуры и другим материалам» (Ярославль, 1966). Еще ждут в архивах своего издателя другие этнографические работы и мемуарные очерки Адама Егоровича (среди последних о Ф. И. Шаляпине, Е. П. Пешковой).

По совести говоря, скромнейший человек и неутомимый подвижник, он был замолчан как собравший значительный и оригинальный материал ученый-этнограф, как интересный и даровитый мемуарист. Он так и остался в тени своего великого сына. «Мой титул в Беларуси — отец поэта», — писал он не без определенной горечи Антону Луцкевичу. Наверное, и этот титул немалый, если уже в конце жизни Адам Егорович не без гордости скажет, что он «воспитал национального поэта Беларуси» и уже тем самым заслужил «некоторое внимание и даже почетную благодарность»[43]. Но даже за этими пафосными словами чувствуется драма его собственной непризнанности, недооцененности.

Семен БУКЧИН

---

[43] Письмо критику Е. Мозолькову от 6 января 1940 г. Цит. по: Ватацы Н. Б. Шляхі: літаратурна-крытычныя артыкулы. С. 122.

АНТОН ЛЮЦЫЯН НЕКАНДА-ТРЭПКА
Старонкі жыцця

Жыццё і дзейнасць Антона Неканда-Трэпкі, грамадска-палітычнага дзеяча і педагога, пакуль што не стала аб'ектам шырокай увагі даследчыкаў айчыннай гісторыі. А быў ён адным са стваральнікаў Беларускай сацыялістычнай грамады, актыўным дзеячам выдавецкай суполкі «Загляне сонца і ў наша ваконца», адным з ініцыятараў стварэння і сябрам ЦК Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі, сябрам Калегіі Наркамасветы БССР, аўтарам некалькіх падручнікаў па фізіцы і аналітычнай геаметрыі. Усё яго свядомае жыццё прайшло ў шчырым служэнні адраджэнню Беларусі, яе мовы, культуры, навукі. А. Неканда-Трэпка з стаічным спакоем прымаў усе ўдары і павароты лёсу, каб на кожным новым месцы сваёй самаахвярнай працай сцвярджаць, што жыве Беларусь.

У біяграфіі Антона Люцыяна Неканда-Трэпкі яшчэ вельмі многае не вызначана. Вялікую ролю ва ўстанаўленні фактаў летапісу яго жыцця адыгралі дакументы яго роднай сястры Ванды Дзяржынскай[1], якія некалькі гадоў таму паступілі самастойным фондам у Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва[2].

Нарадзіўся Антон Неканда-Трэпка у лютым 1879 г. у Мінску. Яго прыход у свет азмрочыўся вялікай сямейнай трагедыяй — смерцю маці. З першых дзён жыцця — сірата. Немаўля, якое засталося на руках разгубленага бацькі, згараваных бабулі і дзядулі, прыгнечаных бядой сваіх маладых дзядзькоў і зусім юнай цёткі, спазнае іх вялікую пяшчоту і клопат, але ніколі не пачуе голас маці. Маленства яго прайшло ў Мінску, у адным з самых прыгожых мясцін горада, на вул. Садовай, а таксама суседняй Юр'еўскай[3], дзе жыла сям'я яго дзеда Люцыяна Неслухоўскага[4]. Казачна мілым і дарагім кутком свайго дзяцінства Антон Неканда-Трэпка, як і яго старэйшая сястра Ванда, лічыў Жацерава, што на Стаўбцоўшчыне, дзе дзед Люцыян Неслухоўскі меў у доўгатэрміновай арэндзе адзін з радзівілаўскіх маёнткаў.

Варта сказаць колькі слоў пра блізкіх А. Неканда-Трэпкі, жыццёвая пазіцыя якіх нязменна ўплывала на фарміраванне асобы маладога чалавека. А. Неканда-Трэпка паходзіў з старадаўняга польскага шляхецкага роду. Дзед Антона Ян Караль Неканда-Трэпка (1804–1885), як і некалькі пакаленняў яго продкаў, вызнаваў кальвінізм. Ян Караль у свой час браў актыўны ўдзел у паўстанні 1831 г. і пасля паразы паўстання вымушаны быў пакінуць Варшаву і выехаць у Парыж. У хуткім часе перабраўся ў Бельгію ў г. Льеж, дзе паступіў ва універсітэт. Пасля заканчэння універсітэта, на пачатку 1840-х гг., вярнуўся ў Варшаву. Працаваў сакратаром у знакамітага філосафа і лексікографа Багуміла Лінда[5]. На гэтай працы быў, мабыць, да самай смерці вучонага ў 1847 г. Некалькімі гадамі раней ажаніўся з Вандай Цаглінскай, сястрой свайго прыяцеля па універсітэце і ўладальніка маёнтка Янава. У Варшаве ў сям'і Яна Караля і Ванды Неканда-Трэпкаў у 1846 г. нарадзіўся сын Станіслаў Францішак. У хуткім часе Яна Караля запрасілі на пасаду сакратара ў Евангелісцка-рэфармацыйны касцёл у Варшаве. Вёў, як успамінаў яго сын

---

[1] Ванда Дзяржынская (1877–1961) — педагог. Была замужам за стрыечным братам Ф. Дзяржынскага Адамам. Пакінула ўспаміны пра жыццё Неканда-Трэпкаў і Неслухоўскіх.

[2] БДАМЛМ. Ф. № 473

[3] У сучасным Мінску вуліцы не існуюць. Знаходзіліся ў раёне Кастрычніцкай плошчы і парка імя Я. Купалы.

[4] Люцыян Юр'евіч Неслухоўскі (1817–1880) — бацька Антаніны і дзед Ванды і Антона Неканда-Трэпкаў.

[5] Багуміл Лінда (1771–1847) — польскі вучоны-лексікограф, складальнік слоўніка польскай мовы.

Станіслаў, у асноўным шлюба-разводныя справы[6]. Праз нейкі час узяў на сябе абавязкі сакратара яшчэ ў адным рэфармацыйным касцёле Варшавы, у аўсбургскім. Працаваў на гэтай пасадзе амаль да самага пераезду ў 1878 г. у Мінск. Пасля пераезду ў Мінск Ян Караль часта бываў у Варшаве, а ў 1880 г. быў запрошаны на адкрыццё новага рэфармацыйнага касцёла. Ёсць звесткі, што на адкрыццё касцёла паехаў не толькі Ян Караль з жонкай, але і яго сын Станіслаў з маленькім Антонам і што Антон менавіта там быў ахрышчаны прыяцелем Яна Караля ксяндзом Аскарам Курнатоўскім[7]. Памёр Ян Караль Неканда-Трэпка ў 1885 г. у Мінску і быў пахаваны на пратэстанцкіх могілках, якія знаходзіліся на месцы сучаснай вуліцы Волаха.

Сын Яна Караля і бацька Антона Станіслаў-Францішак у многім паўтарыў шлях свайго бацькі. Як было ўжо сказана вышэй, нарадзіўся ў Варшаве 25 кастрычніка 1846 г. У родным горадзе атрымаў сярэднюю адукацыю і быў прыняты ў Вышэйшую школу, але з прычыны яе ліквідацыі не скончыў. Удзельнічаў у падрыхтоўцы да паўстання, а ў студзені 1863 г. узяў удзел у выступленнях. Рэпрэсій пазбегнуў. У 1868 г. выехаў у Бельгію, дзе паступіў ва універсітэт у г. Льеж, той самы, дзе вучыўся яго бацька. Закончыў універсітэт па спецыяльнасці інжынер-механік. Вярнуўся ў бацькоўскі дом з надзеяй, што будзе запатрабаваны як спецыяліст. Але хоць і прайшло з часу паўстання ўжо больш за сем гадоў, менавіта цяпер яму пра тое ўспомнілі і працаваць у Варшаве не дазволілі. Станіслаў Неканда-Трэпка ў пошуках працы прыехаў ў Мінск. Спачатку ўладкаваўся гувернёрам у дом п. Багдановіча, дзе працаваў каля года. Імкнучыся да працы па спецыяльнасці, уладкоўваецца слесарам на Маскоўска-Брэсцкую чыгунку. 27 лютага 1874 г. Станіслаў Неканда-Трэпка становіцца памочнікам машыніста Лібава-Роменскай чыгункі. Па службе прасоўваўся вельмі хутка. У 1877 г. ён ужо начальнік дэпо ў Ромнах, а ў 1879-м — памочнік начальніка механічнага аддзела ўсёй Лібава-Роменскай чыгункі. На гэтай пасадзе праслужыў да 1910 г. Як запісаў сын Антон, «быў звольнены па прычыне ўспыхнуўшых варожых нацыянальных адносінаў»[8]. Маючы ўжо даволі шаноўны ўзрост, вымушаны быў шукаць працу. Лёс на гэты раз закінуў яго ў глыбіню Расіі ў г. Белгарад, дзе ён уладкаваўся працаваць на прыватную чыгунку. Станіслаў Неканда-Трэпка быў актыўным удзельнікам і арганізатарам польскага культурнага жыцця ў Мінску. Яго уласны дом на Садовай на працягу многіх гадоў быў адным з нямногіх у горадзе асяродкаў польскай лучнасці. Станіслаў браў самы актыўны ўдзел у грамадскім жыцці: уступіў у польскае Таварыства дабрачыннасці, дзе доўгі час з'яўляўся скарбнікам, быў адным з заснавальнікаў таварыства ўзаемнага страхавання ад пажараў, далучыўся да Банка ўзаемакрэдытаў — польскай фінансавай арганізацыі. У 1906 г. С. Неканда-Трэпка ўзяў самы непасрэдны ўдзел у стварэнні польскага культурнага таварыства «Ognisko», у якім доўгі час з'яўляўся сябрам праўлення і рады. Як вядома, дзейнасць прыхільнікаў польскай культуры ў Мінску не афішавалася, можна сказаць, што яе прысутнасць увогуле замоўчвалася. Польскія суполкі знаходзіліся пад наглядам паліцыі, а адчыненае ў 1907 г. пры «Ognisko» таварыства «Oświata» ў 1909 г. было забароненае па абвінавачванні ва ўжыванні польскай мовы і падрыхтоўцы тайных польскіх школ[9]. А ў хуткім часе, як бачым, быў звольнены з працы і адзін з актыўных сяброў таварыства Станіслаў Неканда-Трэпка. Ва ўспамінах яго дачкі Ванды Дзяржынскай ёсць звесткі, што ў 1910 г. Трэпкі прадалі дом на Садовай і пераехалі ў дом свайго

---

6 Неканда-Трэпка М. Jan Karol Nekanda Trepka // Jednota. 2009. № 5–6. С. 25.

7 Біяграфічных звестак пра Курнатоўскага ўстанавіць не ўдалося.

8 БДАМЛМ. Ф. № 473 (не апрацаваны). З біяграфі С. Неканда-Трэпкі, напісанай сынам Антонам.

9 Tadeusz Zienkiewicz. Polskie życie literackie w Mińsku w XIX na początku XX wieku (do roku 1921). Olstyn, 1997.

зяця М. Парфіяновіча. Магчыма, прычынай таму было не столькі жаданне злучыцца радзінна, колькі развязаць нейкія моцныя праблемы.

У Белгарадзе С. Неканда-Трэпка адпрацаваў год. Вярнуўся ў Мінск на выбарную пасаду дырэктара ўспомненага ўжо тут Банка ўзаемакрэдытаў. На гэтай працы быў да самай ліквідацыі банка ў 1920 г. У час Першай сусветнай вайны заставаўся ў Мінску, заклаў і ўзначальваў Таварства апекі над помнікамі старажытнасці. У 1920 г. назаўсёды пакінуў Мінск. Спачатку жыў у Варшаве ў доме сына Уладыслава, а ў 1921 г. пераехаў у Наваградак да дачкі Ядзвігі і зяця Мар'яна Парфіяновічаў. Там быў абраны дырэктарам Кааператыўнага народнага банка. Паводле ўспамінаў дачкі Ванды, быў добра знаёмы і супрацоўнічаў з рэлігійным і культурна-грамадскім дзеячам, удзельнікам беларускага хрысціянскага руху біскупам Зыгмунтам Лазінскім[10]. Незадоўга да яго смерці З. Лазінскі хрысціў С. Неканда-Трэпку па каталіцкім абрадзе. Памёр 15 снежня 1922 г. і пахаваны ў Наваградку на каталіцкіх могілках. Побач магіла яго жонкі Стэфаніі, якая спачыла ў 1931 г. у Вільні.

Род маці Антона Неканда-Трэпкі належыў да аднаго з старэйшых у г. Мінску. Неслухоўскія жылі тут праз усё XIX ст. Яго дзед Люцыян Юр'евіч Неслухоўскі быў сакратаром Мінскай палаты цывільнага суда, меў свой уласны дом па Юр'еўскай, 23. Акрамя гэтага, быў павераным князёў Радзівілаў у атрыманні выкупных пазык за маёнткі і трымаў у доўгатэрміновай арэндзе адзін з радзівілаўскіх маёнткаў у Жацераве каля Стоўбцаў. Дом Л. Неслухоўскага ў Мінску быў культурным асяродкам, дзе збіралася інтэлігенцыя, дзе абменьваліся навінамі, грамадскімі і культурнымі, дзе лунала вальнадумства і дзе адкрыта падтрымлівалі, а многія і непасрэдна ўдзельнічалі, выступленні 1863 г. Таму і ўстанавілі ў 1864 г. за Люцыянам Неслухоўскім паліцэйскі нагляд. Маці будучага нацыянальнага дзеяча нарадзілася 12 чэрвеня 1855 г. і была на чатыры гады маладзейшая за свайго брата Яся — Івана Люцыянавіча Неслухоўскага, больш вядомага як беларускі паэт Янка Лучына[11]. Са сваім абраннікам Станіславам Неканда-Трэпкам сустрэлася і пазнаёмілася ў сваім жа доме. Станіслаў па прыездзе ў Мінск у 1873 г., паводле ўспамінаў дачкі Ванды Дзяржынскай, стаў здымаць у доме Неслухоўскіх адзін з «кавалерскіх пакояў»[12]. У хуткім часе пасябраваў са старэйшым з братоў Неслухоўскіх Янам і закахаўся ў юную Антаніну. У 1875 ці 1876 г. Станіслаў і Антаніна вянчаліся, а ў 1877 г. нарадзілася іх дачка Ванда. Прыблізна ў гэты ж час маладая сям'я набыла свой уласны дом на Садовай, дом, які павінен быў стаць родавым гняздом Трэпкаў і культурным асяродкам польскай інтэлігенцыі ў Мінску. На пачатку 1879 г. шчаслівыя чакалі нараджэння другога дзіцяці. Можна меркаваць, што цяжарнасць і роды праходзілі з нейкімі ўскладненнямі, і ніхто з мінскіх дактароў не змог выратаваць маладую маці. Памерла Антаніна 15 лютага 1879 г. праз некалькі тыдняў пасля нараджэння сына. У памяць маці сына назвалі Антонам. Станіслаў Неканда-Трэпка ў 1880 г. узяў шлюб з Стэфаніяй Азямблоўскай, якая стала добрай маці для яго дзяцей. У новай сям'і Станіслава нарадзілася яшчэ чацвёра дзяцей: Уладыслаў, Яніна, Ядзвіга і Казімір.

Дзяцінства і юнацтва Антона Неканда-Трэпкі, як ужо адзначалася, было звязанае з маёнткам Жацерава, што на Стаўбцоўшчыне, дзе кожнае лета збіралася шматлікая радня Неслухоўскіх. Маленькіх Ванду і Антона абавязкова бралі на выхаванне. Яны падрасталі

---

[10] Зыгмунт Лазінскі (1870–1932) — каталіцкі святар заходняга абраду, біскуп мінскі, рэлігійны і культурна-грамадскі дзеяч.

[11] Янка Лучына (Іван Люцыянавіч Неслухоўскі) (1851–1897) — беларускі паэт. Пісаў на беларускай, польскай, рускай мовах. Родны дзядзька Антона Неканда-Трэпкі.

[12] БДАМЛМ. Ф. № 473 (не апрацаваны). З ліста В. Дзяржынскай да кузэна В. Неслухоўскага.

ў атачэнні любячых людзей, сярод раскошы беларускай прыроды, у гульнях з вясковай дзятвой. Усё гэта фарміравала іх характары і светапогляды. І ўсё ж толькі Антон з усёй вялікай сям'і Станіслава Неканда-Трэпкі стаў на шлях беларускага адраджэння. Ва ўспамінах Ванда Дзяржынская выказвае вялікае шкадаванне з гэтай нагоды і вінаваціць ва ўсім братоў Луцкевічаў. Яна піша: «Што ж з'явілася такім моцным імпульсам, каб такі крыж узваліць на сябе? Якая сіла процiпастаўлялася родаваму і сямейнаму агменю, які ўвесь час гарэў нацыянальным пачуццём. Была ёй пачуццё братэрства да чалавека з народа, які гаварыў на беларускай мове. Раздутае фанатыкамі, прыняло яно выгляд намоўленага патрыятызму. Стрыжнем працы дзеля гэтай справы былі рэмінісцэнцыі часоў Ягайлы, калі беларуская мова ўжывалася пры двары. Дзяржаўныя дакументы, што захаваліся ў архівах, і Біблія на гэтай мове служылі Беларусі рэчавым доказам бел[арускай] культуры. Параўнанне таго кароткачасовага бляску і значэння Беларусі з заняпадам яе значэння цяпер, а таксама беднасцю культуры, ахапіла розумы фанатыкаў фікцыяй вялікай несправядлівасці, якая звалілася на гэты народ. Двое інтэлігентных маладых людзей, палякі, мяшчане, адзін з якіх быў сябрам Тоні, лічылі сябе беларусамі і шукалі, каго б у сваю веру павярнуць. Ахвярай іх поглядаў стаў Тоня. Зайграць на пачуццях Тоні не было складана. Крыўда, эксплуатацыя ніколі не пакідалі яго раўнадушным. У хуткім часе паверыў у сапраўднасць крыўды, горача пратэставаў. Заклік: *"беларусаў крыўдзяць"* поўнасцю яго ўзброіў. Спрашчала гэты сімбіёз з беларушчынай веданне мовы. Чуў яе кожны з нас ад самага дзяцінства. Паглыблялі мы гэтае знаёмства кожны раз, як прыязджалі ў вёску. Яе гучанне, гумарыстычнае для нашых вушэй, у той самай ступені было любым. Мы з прыемнасцю слухалі лапідарныя выразы і цэлыя сказы на гэтым прастарым дыялекце. Асепленаму энтузіясту гэтага руху не цяжка было нас пераканаць, што гэтая народная гаворка, амаль не другая наша родная мова. Гэтае спачуванне лёсу беларусаў наступіла яшчэ на школьнай лаве, здаецца ў апошні год вучобы ў гімназіі. Віноўнымі *"паваpоту"* ў гэтую чужую веру былі браты Луцкевічы»[13]. Але ці так гэта на самай справе? Сапраўды, браты Луцкевічы былі ў Мінску амаль суседзямі Неканда-Трэпкаў. Але прыехалі яны сюды толькі ў 1897 г. і тады наўрад ці змаглі нават пазнаёміцца. Іх знаёмства адбылося, магчыма, у Санкт-Пецярбургу. Большую рацыю мела Марыя Неканда-Трэпка[14], калі напісала, што захапленне беларускім рухам Антона ішло ад роднага дзядзькі Яна Неслухоўскага[15]. Трэба думаць, што пасля таго як Янка Лучына вярнуўся назаўсёды ў Мінск, менавіта ён стаў адным з шчырых выхавацеляў свайго пляменніка. Уважлівае знаёмства з біяграфіяй Антона Неканда-Трэпкі дае падставу сцвярджаць, што яго шлях у многім быў прадвызначаны аўтарытэтам і жыццёвай пазіцыяй яго выдатнага сваяка. А браты Луцкевіча сталі яго паплечнікамі ў справе адраджэння, калі ён ужо сам цвёрда стаяў на гэтых пазіцыях.

Пачатковую адукацыю А. Неканда-Трэпка атрымаў дома. Сястра Ванда ўспаміналa: «Найважнейшым лічылася веданне расійскай мовы. Але перш чым мы вымушаны былі яе вучыць, да нас была скіраваная з Лібавы адна нямецкая бона, а пазней чарговая, якая прывівала нам дух свайго Фатэрлянда шляхам азнаямлення нас з гутарковай нямецкай мовай. Пазней мы з Тонем хадзілі на лекцыі французскай і нямецкай моў да жыхаркі нашага прадмесця, якая займала пакой у маленькім аднапавярховым каменным доме

[13] Ванда Дзяржынская. Успаміны // …Пачуць як лёсу валяцца муры: Памяці Генадзя Кісялёва. Мінск, 2009. С. 390–391.

[14] Марыя Неканда-Трэпка (нар. 1922) — польская даследчыца-гісторык. Нявестка брата Антона Неканда-Трэпкі Уладыслава. Жыве ў Бяла-Падлясцы. Захоўвала архіў сям'і, які ў 2008 г. перадала ў БДАМЛМ.

[15] БДАМЛМ. Ф. № 473 (не апрацаваны). З біяграфіі А. Неканда-Трэпкі, напісанай Марыяй Неканда-Трэпка.

Корбута. Адразу насупраць канца Садовай. Гэта была пані Мазаракі, добрая дама ва ўзросце. Польскай мове і арыфметыцы вучыла нас мама[16]. Урэшце прыехала настаўніца панна Мар'я»[17].

Дакладна невядома, калі Антон Неканда-Трэпка паступіў у Мінскую гімназію. Быў гэта прыблізна 1888 год. Гімназію скончыў недзе ў 1896 г. Як і дзядзька Янка Лучына, вырашыў працягваць вучобу ў Пецярбургскім тэхналагічным інстытуце, які закончыў з адзнакай. Дыплом з адзнакай і выдатнае валоданне французскай мовай далі магчымасць А. Неканда-Трэпку павышаць кваліфікацыю інжынера-электрыка ў знакамітым Валонскім універсітэце ў г. Льеж, у якім у свой час вучыліся яго дзед і бацька. Дыплом аб заканчэнні універсітэта атрымаў у 1904 г. і ў гэтым жа годзе вярнуўся ў Санкт-Пецярбург, дзе былі яго сябры і таварышы па беларускім руху, у які ён уключыўся яшчэ падчас вучобы ў Тэхналагічным інстытуце. Менавіта з яго падачы і пры фінансавай падтрымцы сям'і яго сябры ў 1903 г. выдалі ў Санкт-Пецярбургу пасмяротны зборнік Я. Лучыны «Вязанка». У Санкт-Пецярбургу Антон Неканда-Трэпка ўладкаваўся ў прадстаўніцтва амерыканскай фірмы «Westinghouse», якая займалася пастаўкамі электраабсталявання. На гэты ж час прыпадае і пачатак яго актыўнай палітычнай дзейнасці. Антон Неканда-Трэпка становіцца актыўным удзельнікам Беларускай сацыялістычнай грамады, разам з братамі А. і І. Луцкевічамі працуе над яе праграмай. У 1906 г. Антон Неканда-Трэпка пабраўся з Юліяй Яноўскай, дачкой знакамітага мінскага ўрача Рычарда Яноўскага. У 1907 г. нарадзіўся іх адзіны сын Казімір[18]. У хуткім часе Антон Неканда-Трэпка разам з жонкай Юліяй паставяць свае подпісы, у шэрагу выдатных беларускіх дзеячаў Б. І. Эпімах-Шыпілы, В. Іваноўскага, А. Грыневіча і інш., на дакументах аб заснаванні выдавецкай суполкі «Загляне сонца і ў наша ваконца», значэнне якой у гісторыі беларускага адраджэння немагчыма перабольшыць.

Дакладна невядома, у якім годзе сям'я Антона пакінула Пецярбург і пераехала ў Маскву. І што паслужыла прычынай? Калі 30 красавіка 1909 г. падпісвалася дамова «о продолжении существования» выдавецкай суполкі «Загляне сонца і ў наша ваконца», Антон Неканда-Трэпка і яго жонка Юлія ўжо жылі ў Маскве на Старабасманнай, 2. Працаваў, як і ў Санкт-Пецярбургу, у прадстаўніцтве «Westinghouse»[19]. У лісце Рускага электрычнага таварыства «Westinghouse» ў Варшаўскае аддзяленне ад 13.02.1912 Антона Неканда-Трэпку называюць прадстаўніком толькі што адчыненага Варшаўскага аддзялення «Westinghouse». Значыць, недзе ў канцы 1911 г. ці на пачатку 1912 г. Антон Неканда-Трэпка з сям'ёй пераехаў у Варшаву. Сястра Ванда ўспамінала, што калі яны ў 1920 г. пасля бежанства ў Курск вярнуліся ў Польшчу, сям'я брата жыла ў Варшаве. Магчыма, што А. Неканда-Трэпка ўсю вайну перабыў у Варшаве, дзе жылі сваякі па бацькавай лініі. Дакладна вядома, што з восені 1918 г. ён жыў ужо ў Мінску, выкладаў у польскай гімназіі, а пасля ў Мінскім настаўніцкім інстытуце. На пачатку 1919 г. быў абраны членам калегіі Наркамасветы БССР. 17 сакавіка 1919 г. Антона Неканда-Трэпку арыштавалі як «польскага шпіёна» і выслалі ў Смаленск. З пачаткам польска-савецкай вайны вызвалены. У лістападзе 1919 г. вярнуўся ў Мінск, дзе зноў уключыўся ў грамадска-палітычную дзейнасць. 10 сакавіка 1920 г. увайшоў у новы склад прэзідыума Часовага беларускага нацыянальнага камітэта, які быў створаны ва ўмовах польскай акупацыі. 1 сакавіка 1920 г. быў прызначаны дырэктарам Мінскага беларускага педагагічнага інстытута. Антон Неканда-Трэпка быў актыўным змагаром за арганізацыю беларуска-

[16] Маецца на ўвазе другая жонка Станіслава Неканда-Трэпкі Стэфанія з Азямблоўскіх (1855?–1931).

[17] Ванда Дзяржынская. Успаміны. С. 380.

[18] Юлія Неканда-Трэпка (1887–[1958]), Казімір Неканда-Трэпка (1907–[1970-я]).

[19] БДАМЛМ. Ф. № 3. Воп. 1. Адз. зах. 281. С. 9–10.

га школьніцтва, стварэнне нацыянальных таварыстваў і культурна-асветных установаў, правядзенне беларусізацыі навучальных установаў. З прыходам у ліпені 1920 г. у Мінск Чырвонай Арміі Антон Неканда-Трэпка, ужо маючы горкі жыццёвы досвед, прымае рашэнне пакінуць родны горад і выехаць у Варшаву.

Яго клікала беларуская нацыянальная справа, а значыць, клікала Вільня. 7 мая 1921 г. «інжынер-тэхналёг Антон-Люц'ян Неканда-Трэпка», як адзін з актыўных арганізатараў і стваральнікаў, падпісаў у Вільні Статут Беларускага таварыства дапамогі ахвярам вайны[20]. З гэтага часу пачнецца адзін з самых яркіх і плённых перыядаў Антона Неканда-Трэпкі ў беларускім нацыянальным руху. Восенню 1921 г. ён становіцца выкладчыкам Віленскай беларускай гімназіі, а ў 1922 г. — яе дырэктарам. У красавіку 1923 г. Антон Неканда-Трэпка бярэ актыўны ўдзел у падрыхтоўцы з'езда педагогаў беларускіх гімназій, а падчас яго правядзення становіцца членам прэзідыума і старшынёй арганізацыйнай секцыі (структура беларускіх гімназій і фінансы), працуе над рэзалюцыяй «Аб арганізацыі беларускіх сярэдніх школ». На з'ездзе прагучалі тры яго даклады «Аб выкладанні матэматыкі», «Аб выкладанні фізікі», «Аб узгадаванні моладзі». Выступіў ён і як дырэктар Віленскай беларускай гімназіі, абмаляваўшы яе становішча, па яго прапазіцыі з'езд «ушаноўвае памяць нябожчыка Івана Луцкевіча, аднаго з закладчыкаў Віленскай беларускай гімназіі, і складае прывітанне прысутнаму на з'ездзе п. Кахановічу[21], другому закладчыку і першаму дырэктару»[22]. У якасці дырэктара, а пасля выкладчыка фізікі і матэматыкі Антон Неканда-Трэпка працаваў да 1932 г. У 1932 г. гімназія стала дзяржаўнай, што пазбавіла яе незалежнасці, паколькі яна стала філіялам польскай гімназіі імя Ю. Славацкага. Узмацніўся палітычны кантроль, адбыўся перагляд кадраў. Многія выкладчыкі вымушаны былі пакінуць гімназію, а А. Неканда-Трэпку, А. Луцкевіча і яшчэ некалькіх звольнілі. Такім горкім быў вынік дзесяцігадовай самаадданай працы. Антон Неканда-Трэпка пачынаючы з 1924 г. адначасова выкладаў электратэхніку ў Віленскай дзяржаўнай тэхнічнай школе імя Ю. Пілсудскага. Пасля звальнення з гімназіі перайшоў працаваць у школу настала, узначаліўшы яе «электрычны аддзел». На гэтай працы праслужыў да сумных падзей 1939 г.

Цягам амаль двух дзесяцігоддзяў жыцця і дзейнасці ў Вільні Антон Неканда-Трэпка ўдзельнічаў у многіх грамадскіх беларускіх справах: быў актыўным сябрам Беларускага навуковага таварыства, Таварыства беларускай школы, уваходзіў у раду па кіраўніцтве Беларускім музеем імя І. Луцкевіча, дзе выконваў абавязкі казначэя. Зразумела, што ў верасні 1939 г. актыўная нацыянальная дзейнасць Антона Неканда-Трэпкі была належным чынам «ацэнена». Як успамінае сястра Ванда, «Тоня арыштаваны 26 кастрычніка 1939 года ноччу. Двое людзей, што прыйшлі, нічым не выдавалі, што азначае гэты арышт. Толькі адзін сказаў, што заўтрашні дзень вельмі важны, што ўжо скіроўвала нас на самыя жахлівыя думкі.

Вялікія намаганні, каб нешта даведацца, заставаліся цэлы год без вынікаў. Толькі праз год, у пачатку зімы, братава атрымала ліст з Сібіры са станцыі Яя, напісаны на абгортачнай паперы, у парваным канверце»[23].

У час Другой сусветнай вайны, пасля амністыі па ўмове дагавора паміж Савецкім урадам і польскім эміграцыйным урадам У. Сікорскага, А. Неканда-Трэпка выехаў са станцыі Яя да брата Уладыслава, які быў таксама высланы і з сям'ёй жыў у Алтайскім краі. У дарозе цяжка хварэў, галадаў. У канцы 1941 г. разам з братам, пляменнікам

[20] БДАМЛМ. Ф. № 3. Воп. 1. Адз. зах. 125. С. 13–20.

[21] Кахановіч Міхаіл Сілуянавіч (1882–1934) — беларускі палітычны дзеяч і педагог.

[22] БДАМЛМ. Ф. № 3. Воп. 1. Адз. зах. 20. С. 11.

[23] БДАМЛМ. Ф. № 473 (не апісаны). З дзённікавых запісаў В. Дзяржынскай.

Янушам і іншымі выправіўся да месца фарміравання Арміі Андэрса ў м. Бузулук Арэнбургскай вобласці. У дарозе былі разлучаны. Хворы Антон застаўся ў вёсцы Чорная Рэчка пад Барнаулам, дзе памёр, паводле недакладных звестак, на пачатку 1942 г. Месца пахавання невядома. З тых горкіх гадоў захаваліся ўсяго два лісты да жонкі Юліі, перапісаныя сястрой Вандай у свой сшытак. Гэтымі некалькімі старонкамі-сведкамі гераічнага і горкага лёсу дазвольце завяршыць аповед пра А. Неканда-Трэпку, пакідаючы намеры на будучае даследаваць і далучыць да яго жыццяпісу новыя і больш дакладныя факты.

№ 6. Яя[24]

Начинаю это письмо раньше срока его высылки чтобы ответить Тебе, моя Единая, на все твои вопросы и не забыть Тебе сообщить то, что необходимо. И так, прежде всего, я не получил письма открытого от Казика[25]. Да и это невозможно. Юзя так само не будет иметь возможности прислать мне посылки. Твое письмо № 8 не дошло до меня. В Твоем письме не могу сообразить получила ли Ты мое первое письмо с 10 ноября. На сколько мне помниться, я в нем просил выслать мне «Большевика»[26] и не повторял этой просьбы в других. […] дня я получил 12 Большевиков и открыток. Я не пропускаю ни одного дозволенного срока и если Ты его не получаешь, то вини в этом почту. Не безпокойся за меня. Ты сообщаешь, моя Юля, что Ты мне выслала в декабре 40 р., в январе 25, а 27 я получил перевод на 50. Итак о 40 р. я получил сообщение, а 6-го мне выдали 20 р. О 25 р. Не знаю получили [ли] в финн отделе, так как сообщения я не получил. 50 р. записаны на мой кредит. Прошу самым решительным образом денег мне не высылать, разве сам обращусь с просьбой. Здесь мне некуда их израсходовать. […], что я очень и очень благодарен за посылку, получил всё в порядке, кроме флакона резного с вином, что конфисковано, т. к. алкоголь не разрешается в лагерях. Буду благодарен за следующую посылку, т. к. присланные уже на исходе. Я получил 3 посылки: от Стефана, от Владка из Ошмяны и от Дубовика из Куренца[27]. Сейчас у меня во рту конфетка от Стефана. Состав посылки на 2 месяца желательно такой: 2 до 2.50 кило жиров (солонина, бочек, или топленое сало — шмалец, 0,5 кило сахару или конфектов, 400 до 500 грамов (табаку) махорки или табаку «Охотничого» 300 гр., а махорки 200, и 2–3 кило ржаных сухарей. Не присылай мне никаких круп, так как нет ни места ни времени их варить. Я их получил от Дубовика, но они бесполезны. Обедаем и ужинаем в столовой. Кисета я не получил. Как Ты его выслала? Кисет, подаренный мне сыном, остался в Вилейке. За светр наперёд благодарю Тебя, моя дорогая, он будет говорить мне о неусыпной памяти Твоей о мне.

Твои с большой благодарностью я должен получить, но неужели все мои снимки пропали? Принес ли Ленько[28] тебе. В февральском письме я писал тебе, чтобы прервать высылку бандеролью, т. к. это теперь запрещено. Когда увидишь Геню, дочь моего покойного дяди[29], передай ей мое сердечное соболезнование. Тоже самое, если встретишь жену или

---

[24] Як вынікае са зместу лістоў А. Неканда-Трэпкі, ён і яго жонка Юлія, каб кантраляваць дасылку лістоў поштай, іх нумаравалі. Лісты напісаны на рускай мове, з ужываннем яшчэ дарэвалюцыйных «яць» і «юс». Рускай пісьмовай мовай, трэба адзначыць, А. Неканда-Трэпка валодаў не зусім дасканала.

[25] Гаворка ідзе пра сына А. Неканда-Трэпкі.

[26] «Бальшавік» — тэарэтычны і палітычны орган ЦК КПЗБ, выдаваўся з 1924 да 1936 г. у Вільні нелегальна, пазней у Мінску. Пісаў пра палітычнае і эканамічнае становішча ў БССР і СССР. Нумары 1–40 выйшлі як газеты, з 41 — часопіс.

[27] Асобаў устанавіць не ўдалося.

[28] Асобу ўстанавіць не ўдалося.

[29] Гаворка ідзе пра Генрыха Неслухоўскага, роднага брата маці А. Неканда-Трэпкі.

сына его. Что слышно об Екат.[ерине] Вячеславовне[30]. Отчего Ты мне о ней не пишешь. Не забудь передать самый сердечный привет Ольге Давыдовне[31] и её супругу, это очень хорошие люди. Напиши как они живут. Дай сделать отпечаток моих маленьких снимков, твой и детей и пришли. А так как я хотел бы видеть как ты выглядишь, то сделай свою карточку у уличного фотографа, дай увеличить и пришли.

Юля моя дорогая, я Тебя не понимаю. Сама Ты просишь, чтобы я Тебе писал все о себе, а между тем пишешь о себе очень мало. Не нужно мне уверять как меня все интересует. Я хотел бы знать, как Ты устроилась при капиталистической Литве и после, когда наступил переворот. Что произошло с мебелью, с книгами, с цветами. Принесли ли Тебе мое жалованые за октябрь? Пиши мне обо всём этом.

Теперь о себе скажу. За шесть месяцев пребывания в лагере я много переменил работ, но все мало имели общего с моей специальностью. Только одна последняя работа была по моей специальности — на электрической станции, но длилась всего 7 дней. Завтра принимаюсь за работу, состоящую в составлении смет на постройки. Эта работа сидячая и спокойная. На физических работах я не мог исполнять норм, потому меня переводили с одной на другую. Я чувствую себя хорошо, хотя я, как и Ты, постарел и потерял силы. Читаю тут мало. Все свободное время посвящаю сну. Погода здесь очень странная. Мороз 35° без никакого предупреждения сменяется 5°. Сегодня утром было 21°, а по полудни совершенно теплое солнце грело. Чувствуется уже приближение весны. Снег белый ослепляет. С товарищами я живу хорошо. На себя, Юля дорогая, ты возводишь обвинения. Ты была идеальным товарищем моей жизни: другом, опекуном, опорой. Ты не можешь представить себе как мне недостаёт твоей помощи. Хотел бы еще написать многое о наших с Тобой отношениях но … (Stronica dozwolona sij konczy)[32]. Целую Тебя очень, очень крепко. Всем, всем посылаю привет, поцелуи, что кому следует. Твой и только Твой Тонюк.

№ 7. 19 апреля 1941 г.

Юля, жонка моя милая, дорогая. Достал я твои письма, включая 10 № . Знаешь, пришел и 8 № , только с двухмесячным опозданием. Очень и очень благодарю Тебя за частые письма, которые мне так дороги. Я, к сожалению, не могу чаще писать Тебе. Стараюсь в каждом письме дать вести о своей жизни. И теперь за этот истекший от последнего моего письма месяц много произошло перемен в моей жизни. Я писал тебе о работах, о центральной электрической станции, но эта работа была временная и окончилась в течении 7 дней. Я пошел на работу по уборке снега, но здесь не долго побыл, т. к. меня командировали в строительное отделение. Здесь имею много работы, но она сидячая, спокойная и почти по моей специальности. По крайней мере справляюсь уже довольно хорошо с ней. За её я получаю лучше стол и 12 р. 40 к. в месяц. Работаю уже ¾ месяца и доволен. Ночной работы нет, но зато всё воскресенье провожу за ней. И так я весь день с 9 часов утра до 10 вечера провел за начислениями в день Пасхи. Но мы не забыли и выразили друг другу пожелания. Нашлось и яйцо, которым мы поделились. Понятно, первая моя мысль была о Тебе и о всех своих. Мои мысли пошли в первую очередь к Вам, [перелетая] эти тысячи верст, которые нас отделяют. Как Вы провели этот день. Верно Ты после пошла к Марианам и там вместе с Владками поделились яйцом и принесла за себя, за Казиков и за меня от них пожелания. Был ли у них стол? Что делала Ты потом. Имела ли Ты работу в этот день? Где работает Анеля?[33] Вообще, относительно Твоих писем должен заметить, что они [не] содержат того, о чем Тебя спрашивал,

---

[30] Асобу ўстанавіць не ўдалося.

[31] Асобу ўстанавіць не ўдалося.

[32] Тут: дазволеную колькасць старонак выкарыстаў.

[33] Хатняя работніца Неканда-Трэпкаў у Вільні.

а именно какие № № писем Ты получила, получила ли № 1. Затем, в каждом письме я задавал Тебе целый ряд вопросов. Ответа почти не имею на них. Есть ли у Тебя мои? Думаю если нет, то можно получить через нашего зубодера[34].

Юля моя. Пишу, а не посылаю Тебе пожелания. Ты знаешь, как я тоскую по Тебе, как я связан с Тобой, единой моей опорой, [моей] надеждой и любовью, как хотел бы я быть с Тобой. Все мои желания устремлены к тому, чтобы сохранить здоровье и конец жизни с Тобой провести. Тебе, милая, я желаю того же: сохранить силы и здоровье до момента нашей встречи уже без разлуки до гробовой доски!

Юля, это будет момент может быть самый счастливый в нашей жизни, после всех невообразимых душевных переживаний, которые мы проходили!

Вот Ты не описала мне как Ты провела ночь после разлуки. А ведь это меня интересует! Что сделала Ты с деньгами? Получила ли 625 р. в школе? Что Ты сделала с мебелью? Что взяла с собой? Сохранились ли картины наши? И портреты? Технические книги можно бы было передать в школу. Как идет школа? По старым ли программам и жив ли Белецкий. Не заходил ли к Тебе? Попроси Стефана чтобы повидал Адольфа Малевского[35] (Школьная 78) и поклонившись от Франца, отца Виси, проси его написать Францу[36]. Здесь много женщин с Белоруси и Польши. У нас оттепель. Днем болото, а ночью подмерзает. Чернозем, а потому болото как в Токмаке[37]. Счастье мое, что не работаю на открытом воздухе. И так ноги всё время мокрые, но это не влияет плохо на мое здоровье. Я здоров и теперь хорошо чувствую себя.

Ты [указала], я запустил бороду. Стригу её у парикмахера для…[38] Посмотрел я как-то в довольно большое зеркало и нашел большое сходство с покойным Отцом. Что до одежды, то Ты права, что интересуешься им. Носим ватные штаны и ватное полупальто. На ногах резиновые лапти, которые к сожалению, не хранят от болота. Хлеба получаю больше 800 гр., не голоден. Но жиров мало, если нет рыбы. Несколько дней сряду мы получали кету, рыбу похожую на…[39] Была очень хороша. Теперь дают малые селедки, очень жирные и вкусные. Я сыт.!!! Обедаю в 6 часов, ужинаю в 10 вечера, утром завтракаю в столовой супом или кашей, второй раз завтракаю в 12 часов. Работаю в канцелярии. Скажи Владиславе Фроник[40], что сестра её жива и здорова, кланяется и просит писать, т. к. она не отвечает на письма. Должен идти на работу и поэтому кончаю. Моцна, крепко, целую Тебя, моя Ты единая дорогая. Твой Тонюк.

Ганна ЗАПАРТЫКА

---

[34] Так у тэксце.

[35] Асобу ўстанавіць не ўдалося.

[36] Асобу ўстанавіць не ўдалося.

[37] Магчыма, адно з месцаў высылкі А. Неканда-Трэпкі.

[38] Радок не дапісаны.

[39] Радок не дапісаны.

[40] Асобу ўстанавіць не ўдалося.

ЛЯЛЯ І ТАРАС
Да гісторыі аднаго кахання

Янка Брыль колькі разоў вяртаўся да аднаго і таго ж сюжэту: як ён хацеў запісаць успаміны Уладзіславы Луцэвіч, але Купаліха кожны раз адмахвалася і казала: «Сама напішу». Так і панесла з сабою тое, пра што ніхто, апроч яе, не ведаў. Яшчэ адна ўдава, Леаніла Гарэцкая, таксама не пакінула ўспамінаў пра мужа, апрача хіба згадкі пра тое, як складалася кніжка народных песень, але захавала лісты і творы свайго мужа. Нешта не помню я, каб сустракаў успаміны іншых удоваў нашых пісьменьнікаў і палітыкаў: Ганны Бабарэкі, Ванды Лёсік, Алесі Смоліч… Гэта можна патлумачыць хіба няўпэўненасцю ўдоваў у тым, што іхнія мемуары будуць калі-небудзь запатрабаваныя. Ці няўпэўненасцю ў тым, што бальшавікі не пачнуць тэрор нанова.

У гэтым сэнсе пашанцавала Івану Луцкевічу. Гэта наагул унікальны (прынамсі ў нас, беларусаў) выпадак, калі ўспаміны пра свайго жаніха напісала ягоная нявеста, якой было наканавана выйсці замуж за іншага чалавека, а потым амаль 30 гадоў жыць удавою. Праўда, сваю ролю ў тым, што ўспаміны былі напісаныя, адыгралі зацікаўленыя асобы: пляменніца Івана Луцкевіча, Яніна Каханоўская ды паэтка Наталля Арсеннева. Гэта яны, апынуўшыся ў Нямеччыне і сустрэўшы там Юліяну Мэнке (у замустве Вітан-Дубейкаўская), угаварылі яе сесці за пісьмовы стол. Напісанае Яніна Каханоўская друкавала на машынцы. Яна ж на пачатку 1990-х даслала машынапіс[1] у Вільню свайму стрыечнаму брату Лявону Луцкевічу, сыну Антона і пляменніку Івана. Так у 1994 г. ўбачыла свет кніжка Юліяны Вітан-Дубейкаўскай «Мае ўспаміны». Паводле гэтае кнігі артыстка Галіна Дзягілева паставіла ў тэатры аднаго актора «Зніч» спектакль.

Мусіць, прыклад Галіны Дзягілевай натхніў гісторыка Віталя Скалабана і пісьменніцу Людмілу Рублеўскую, і яны напісалі п’есу «Людвіка і Фабіян» — аб каханні Людвікі Сівіцкай (Зоські Верас) і пісьменніка, палітыка, беларускага камуніста Фабіяна Шантыра, расстралянага таварышамі па партыі ў 1920 г.

Калі зірнуць у каляндар, дык выявіцца, што ўсе шчаслівыя і нешчаслівыя любоўныя гісторыі, пра якія я тут згадаў, адбываліся ў час Першае сусветнае вайны і рэвалюцыйных падзей у Еўропе. У 1915-м пачаўся раман Івана Луцкевіча і Юліяны Мэнке, у 1916-м вянчаўся Янка Купала, у 1917-м — Аркадзь Смоліч, у 1919-м — Максім Гарэцкі, у канцы 1919-га ці на пачатку 1920-га — Антон Луцкевіч; у той неспакойны час пачаўся і «раман» Язэпа Лёсіка з Вандай Лявіцкай.

У той трывожны час адбылася і наша гісторыя.

Пра Яго мы ведаем нямала, пра Яе — менш. Таму спачатку пра Яе.

ЯНА

Эмілія Люцыя Мэнке (Moenke), пятая дачка і восьмае дзіця ў сям’і віленскага купца II гільдыі Карла Мэнке і ягонай жонкі Аўгустыны Аміліі[2], нарадзілася ў 1896 г., вучылася ў гімназіі Веры Прозаравай; акрамя таго, яе навучаннем займалася нямецкая бона; удасканальваць веданне французскай дапамагала madame, якая прыходзіла на дом. Самой сабой, жывучы ў Вільні, панне Эміліі нельга было не ведаць польскае і «простае» моваў.

[1] Рукапіс успамінаў Ю. Вітан-Дубейкаўскай захоўваецца ў Беларускай бібліятэцы імя Францішка Скарыны ў Лондане. З ім яшчэ ў савецкі час пазнаёміўся Адам Мальдзіс

[2] З другім імем пані Мэнке (у дзявоцтве Кітц) ёсць праблема. У кнізе яно зафіксавана як Амілія, але гэта, хутчэй за ўсё, імя Эмілія, якое было дадзенае меншай дачцэ. Усяго ў пані і пана Мэнке было адзінаццаць дзяцей: шэсць дачок і пяць сыноў. З іх да сталага веку не дажылі дзве дачкі (памерлі ў 12 і 13 гадоў).

Як пісаў Антон Луцкевіч, характар панны Эміліі быў мілы. З фотаздымкаў, якія змешчаны ў кнізе Юліяны Вітан-Дубейкаўскай, на нас пазірае мілавідная дзяўчына. Мусіць, таму дома і сярод сяброў панну Эмілію Люцыю звалі Ляляй.

Невядома, па якой сцежцы пайшла б «маладая, поўная сіл, жыццярадасная Ляля» (словы А. Луцкевіча), калі б не Першая сусветная вайна. Мажліва, беручы прыклад з сястры Юліяны, пайшла б на Вышэйшыя жаночыя курсы, здала б іспыты за курс імператарскага універсітэта ў Пецярбургу і занялася б навукай. Мажліва, пайшла б вучыцца на акторку.

У яе былі акторскія здольнасці. «Ляля добра грала й пяяла, мела мілы галасок», — сведчыла сястра. Пра тое, што ў панны Мэнке «невялікі, але вельмі мілы голас», пісаў і Антон Луцкевіч.

На сцэне яна дэбютавала на другі дзень Калядаў 1916 г. Францішак Аляхновіч ставіў сваю п’есу «На Антокалі».

Першая і бясспрэчна ўдалая «проба пяра» пана Аляхновіча — так ацэньваў п’есу рэцэнзент Антон Луцкевіч. «Камедыя Аляхновіча ‟На Антокалі” была тады проста шлягер. (…) ‟На Антокалі” ставілі даволі часта. Трэба зазначыць, што Аляхновіч патрапіў падабраць адпаведных аматараў і ансамбль гэтай п’есы быў выняткова добры. Ляля іграла Зоську, і міла звінеў яе галасок», — згадвала Юліяна Вітан-Дубейкаўская. «Добрай партнёркай Язэпа ў ролі Зоські была п. Ляля Мэнке. Яе ігра адзначывалася поўнай свабодай і натуральнасцю… Дуэты, адспяваныя ёю разам з п. Бароўскім, публіка нагр011дзіла доўгімі оплескамі. Шкада толькі, што ў часе спеву трудна было дачуцца слоў, каторыя становяць часць акцыі», — пісаў рэцэнзент. Праз няпоўныя 23 гады ён згадваў: «…яна выступіла перадусім у камедыі-аперэтцы Аляхновіча ‟На Антокалі”, іграючы вельмі ўдала ролю Зоські». І дадаваў: «Далей пайшлі іншыя п’есы, у якіх Ляля Мэнке выступала з вялікім поспехам, здбываючы агульную сімпатыю».

Было б дзіўна, калі б у такой паненкі не з’явіліся адаратары. Вайна вайною, а жыццё брала сваё. Як пісаў паэт, «маладыя гады, маладыя жадання». У асысце Лялі Мэнке мы сустракаем нямецкіх афіцэраў — лейтэнанта Пэтэра Р. і лейтэнанта Л. (шкада, што не названыя іх прозвішчы)… А потым яе «ад’ютантамі» сталі маладыя аўстрыйскія афіцэры-ўкраінцы, якія трапілі на службу ў Вільню ды хадзілі ў вольны час на беларускія спектаклі.

ЁН

Сялянскі сын з засценка Мацюлішкі пад Вільняю, ён быў старэйшы за яе на чатыры гады: нарадзіўся 20 студзеня 1892 г. Пасвіў быдла і хадзіў у народнае вучылішча ў Лаварышкі. Хутка слава пра яго здольнасці дайшла да пані Гелены Стамброўскай, і яна забрала хлопца ў свой дом і падрыхтавала да паступлення ў III клас гімназіі. З аднаго боку, бацьку быў гонар, што ягоны сын стаў гімназістам, з другога — вялікі клопат, але з пятага класа сын пачаў вучыцца сваім коштам, бо зарабляў на вучобу і жыццё рэпетытарствам. Паколькі вучань ён быў здольны і выхаваны, гімназічныя настаўнікі рэкамендавалі яго ў лепшыя дамы Вільні. Значыць, і заробкі ў яго былі больш-менш прыстойныя.

Апынуўшыся ў II Віленскай мужчынскай гімназіі ў асяроддзі пераважна панскіх ды чыноўніцкіх сыноў, юны Бронюсь Тарашкевіч хутка стаў там «сваім». Яго палюбілі за шчырасць і добразычлівасць, кемлівасць і дасціпнасць, начытанасць і кампанейскасць.

Панічам, мусіць, імпанавалі арыстакратычныя манеры гэтага мужыцкага сына[3].

[3] Ва ўспамінах Юліяны Вітан-Дубейкаўскай чытаем: «Вось, — казала я, — Тарас сын селяніна, а з выгляду і манераў — арыстакрат». У жыццяпісе «Слова пра Браніслава Тарашкевіча» Аляксандра Бэргман паведамляла: «…людзі, успамінаючы Тарашкевіча праз дзесяткі гадоў, пачыналі з такой заўвагі: ‟Ці ведаеце вы, што Тарашкевіч быў вельмі элегантны і меў манеры свецкага чалавека?”».

Аляксандра Бэргман, спасылаючыся на ўспаміны Вацлава Бітнэра[4] ды Яна Рубля[5], паведамляе, што за кучаравую галаву, блакітныя вочы, белы колер скуры і ружовасць твару аднакашнікі празвалі Бранюся Агнусам. Разам з Вацлавам Бітнэрам, Мечыславам Недзялкоўскім[6], Клаўдзіем Дуж-Душэўскім ды іншымі Бронюсь уваходзіў у польскую вучнёўскую арганізацыю «Wyzwolenie». Хлопцы вельмі ж налягалі на старажытнагрэцкую мову, і таму атрымалі мянушку Эліны.

І ў той жа час сябры палякі ведалі, што Бронюсь — беларус.

Усё пачалося з беларускае газеты і з беларускіх адозваў, якія бацька прывозіў дадому з Вільні. Стаўшы гімназістам, ён апынуўся пад уздзеяннем братоў Луцкевічаў. У VII класе, калі яму было 17–18 гадоў, свядома далучыўся да беларускага руху і стаў сябрам Сацыялістычнай Грамады. У беларускіх колах ён атрымаў мянушку Тарас.

Гімназію Браніслаў Тарашкевіч закончыў у 19 гадоў са срэбным медалём і паступіў у Імператарскі універсітэт у Пецярбургу.

Тут спынімся. І працытуем, што пісаў пра маладога Браніслава Тарашкевіча ягоны амаль равеснік Ян Станкевіч: «Скончыўшы гімназію, ён [Тарашкевіч] пад націскам кіраўнікоў беларускага руху (галоўна братоў Луцкевічаў) паступіў на гістарычна-філялагічны факультэт унівэрсытэту, замест, як хацеў і да чаго гадзіўся сваім характарам і здольнасцямі, выбраць мэдыцыну»[7].

Цікавая дэталь, ці няпраўда? Ва ўсякім разе біёграфам Браніслава Тарашкевіча ёсць, што абмеркаваць.

Студэнт Браніслаў Тарашкевіч звяртае на сябе ўвагу акадэміка Аляксея Шахматава, становіцца старастам Беларускага навукова-літаратурнага гуртка студэнтаў С.-Пецярбургскага універсітэта. Яго пакідаюць ва універсітэце «з мэтай працягу заняткаў і атрымання вучонай ступені».

Аляксандра Бэргман, даследуючы жыццёвы шлях Браніслава Тарашкевіча, пісала: «Цяжка паверыць, каб малады, сімпатычны, кампанейскі, пераважна вясёлы і дасціпны студэнт не карыстаўся ўвагай дзяўчат». І знайшла імёны дзяўчат, якія кахалі Браніслава. Гэта Ганна Галубянка, якая разам з Браніславам хадзіла ў народнае вучылішча, і яе (мабыць, стрыечная) сястра Мар'я Галубянка.

І яшчэ адно сведчанне. Антон Луцкевіч быў заўсёды дзелавы ў сваіх лістах да дзеячаў беларускага руху: нічога асабістага! І раптам у ягоным лісце Браніславу Тарашкевічу ад 13 лютага 1920 г. чытаю такое: «Бывай здароў і кінь зводзіць дзяўчат!». Цікавы штрых да партрэта Тараса.

Як бачым, і ў Лялі Мэнке, і ў Браніслава Тарашкевіча былі адаратары і адаратаркі, але крыніцы не паведамляюць нам, што Яна ці Ён самі былі па вушы закаханыя ў кагосьці.

НА ВІЛЕНСКІМ БРУКУ

Яны сустрэліся ў 1918 г. у Вільні. Няма ніякіх сумненняў, што іх пазнаёмілі браты Луцкевічы. Калі ў верасні 1915 г. у Вільню прыйшлі немцы, сёстры Юліяна і Эмілія Мэнке актыўна ўключыліся ў беларускае жыццё, у працу Беларускага камітэта дапамогі пацярпелым ад вайны, які стаў прыкрыццём для нелегальнага Беларускага народнага

4 Бітнэр Вацлаў (1893–1981), вучыўся разам з Б. Тарашкевічам, юрыст, грамадскі дзеяч, хрысціянскі дэмакрат, пасол на Сойм Польскае Рэспублікі ў 1922–1935 гг.

5 Рубель Ян, вучыўся разам з Б. Тарашкевічам, вайсковы суддзя.

6 Недзялкоўскі Мечыслаў (1893–1940), вучыўся разам з Б. Тарашкевічам, дзеяч і тэарэтык Польскай сацыялістычнай партыі (ППС), пасол на Устаноўчы Сойм, пасол на Сойм Польскае Рэспублікі ў 1922–1935 гг., прадстаўнік ППС у Сацыялістычным Рабочым Інтэрнацыянале.

7 Станкевіч Я. На бакох успамінаў В. Рагулі // Бацькаўшчына. 1958. 11 траўня.

камітэта. Яны сталі пасярэдніцамі паміж акупантамі і беларускімі дзеячамі. Юліяна Мэнке была запрошаная ў рэдакцыю «Zeitung der 10. Armee», а Эмілія дапамагала нямецкаму публіцысту Вальтэру Егеру з «Zeitung der 10. Armee» і Антону Луцкевічу рыхтаваць да друку кнігу «Weissruthenien. Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung» — першую значную беларусазнаўчую працу ў Нямеччыне. Не менш важным было тое, што сёстры Мэнке перакладалі на нямецкую лісты, звароты і мемарандумы арганізаванай беларускай грамадскасці, адрасаваныя нямецкім уладам у Вільні і ў Берліне. У кнізе Антона Луцкевіча «Барацьба за вызваленне» (2009) змешчаны не адзін такі дакумент.

26-гадовы кандыдат С.-Пецярбургскага універсітэта Браніслаў Тарашкевіч перажываў у 1918 г. свой першы зорны час. У 1918 г. у Вільню прыехаў аўтар класічнай працы «Беларуская граматыка для школ». Тут, у роднай Вільні, ён надрукаваў сваю працу. Можна сказаць, што ўлетку 1918 г. Браніслаў Тарашкевіч ужо ўвекавечыў сябе (праўда, у той час мала хто здагадваўся пра гэта).

Пішучы ўспаміны, Юліяна Мэнке занатавала тое, якое ўражанне пакінуў Браніслаў, тое, што ў яе і ў Браніслава былі супольныя настаўнікі, і тое, што Браніслаў спадзяваўся на Юліяніну дапамогу ў вывучэнні гоцкае мовы, праз якую ён хацеў зразумець пэўныя тонкасці мовы старaславянскай. Пра што размаўлялі ў 1918 г. Эмілія і Браніслаў, дзе яны бывалі — пра гэта гісторык не напіша: брак канкрэтных звестак. Юліяна пра гэта змаўчала. Таму белетрысты маюць шырокае поле для фантазіі. Яны смела могуць пісаць, што «мілы, выхаваны, з добрымі манерамі малады хлопец, цікавы суразмоўца, культурны, мяккага характару» Браніслаў (так яго характарызавала Юліяна) не мог не спадабацца і Эміліі. Мала таго, Эмілія закахалася ў Браніслава.

Сведчанні гэтае закаханасці пацвярджаюцца лістамі, пісанымі ў 1919 г. А ў 1918-м Браніслаў, дачакаўшыся выхаду сваёй граматыкі[8], выедзе з Вільні. Якраз аб той пары, у верасні 1918-га, з эвакуацыі на радзіму вяртаўся Менскі настаўніцкі інстытут. Ужо ў Яраслаўлі інстытут паступова пачаў ператварацца ў вышэйшую навучальную ўстанову: у навучальны план былі ўключаныя германскія і французская мовы, палітычная эканомія, філасофія, сацыялогія. Па вяртанні ў Менск[9] інстытут да канца 1918 г. быў пераўтвораны ў Беларускі педагагічны інстытут — першую вышэйшую навучальную ўстанову Беларусі XX ст. У інстытуце збіраўся нацыянальны выкладчыцкі корпус: Мікалай Байкоў, Усевалад Ігнатоўскі, Вацлаў Іваноўскі, Яўхім Карскі, Антон Неканда-Трэпка… Да іх далучаўся і Браніслаў Тарашкевіч. Ён стаў выкладчыкам беларускае і — ягоная ж мянушка Элін! — старажытнагрэцкае моваў[10].

НЯГОДЫ

Ад восені да 1918-га да лета 1919-га і Ляля, і Браніслаў нямала перажылі.

1 лістапада 1918 г. памерла пані Аўгустына Амілія Мэнке. А 1 студзеня 1919 г. у Вільню ўвайшлі аддзелы Чырвонай Арміі. Пакуль у Вільні і ў Віленскім краі арганізоўвалася бальшавіцкая ўлада, беларусы на чале з Іванам Луцкевічам і сёстры Мэнке заснавалі Віленскую беларускую гімназію. Само сабой, пры новай уладзе сям'я купца II гільдыі,

[8] 10 верасня 1918 г. у «Гомане» з'явіўся ананімны артыкул «Рэформа правапісу». Яго аўтар (бясспрэчна, Антон Луцкевіч) анансаваў выхад у свет кнігі Браніслава Тарашкевіча і, у прыватнасці, пісаў: «Разумеючы, якую вагу мае аднароднасць правапісу ў беларускіх выданнях, мы з гэтага нумару ўводзім у "Гомане" сістэму п. Тарашкевіча і прызываем усіх выдаўцоў і працаўнікоў на літаратурнай ніве дзяржацца гэтага ж правапісу».

[9] У Менску інстытут узялі на сваё ўтрыманне ўрад БНР і нямецкая ўлада.

[10] Цікава, ці ёсць хоць адзін знаўца старажытнагрэцкае мовы ў цяперашнім Педагагічным універсітэце імя Максіма Танка?

да таго ж немца, не магла пачувацца спакойна. Не мог пачувацца спакойна і «стары» сацыяліст Іван Луцкевіч. Бальшавікі двойчы завіталі да яго на кватэру: першы раз па беларускія архівы, другі — па яго самога. Толькі смяротная хвароба ўратавала Івана Луцкевіча ад арышту.

Якою ж радасцю для віленчукоў і нават для віленскіх беларусаў быў прыход у горад 19 красавіка 1919 г. Войска Польскага!

Беларускія сацыялісты (бадай усе) былі рамантыкамі. Многія з іх успрымалі бальшавікоў як адну з сацыялістычных партый і кіраваліся ў дачыненні да іх прынцыпам сацыялістычнай салідарнасці. Яны, падобна на тое, і думкі не дапускалі, што адна сацыялістычная партыя можа пачаць знішчэнне іншых. Перад прыходам бальшавікоў 10 снежня 1918 г. у Менск практычна ўсе выкладчыкі настаўніцкага інстытута і нават Старшыня Рады БНР Язэп Лёсік ды былы Старшыня Рады і Народнага Сакратарыяту Іван Серада засталіся ў горадзе. Праўда, і бальшавікі яшчэ не дарэшты азвярэлі. І ўсё ж у 1919-м Вацлава Іваноўскага, Антона Неканду-Трэпку і Браніслава Тарашкевіча яны арыштавалі.

Калі Вацлава Іваноўскага ды Антона Неканду-Трэпку бальшавікі пратрымалі ў Смаленску да верасня, дык Браніславу Тарашкевічу ўдалося вылузацца з іх рук раней. Ужо ў чэрвені мы зноў бачым яго ў Вільні (9–10 чэрвеня 1919 г. тут праходзіў Беларускі з'езд Віленшчыны і Гарадзеншчыны). Але ўжо неўзабаве пасля з'езду (12 чэрвеня) паўнамоцны прадстаўнік БНР у Варшаве Аркадзь Смоліч накіраваў Браніславу Тарашкевічу ліст, у якім прасіў яго ўзяць на сябе абавязкі сябра Беларускай дыпламатычнай місіі ў польскай сталіцы[11]. 15 чэрвеня Аркадзь Смоліч паведамляў Часоваму прадстаўніку Урада БНР у Варшаве Лявону Дубейкаўскаму, што Браніслаў Тарашкевіч прызначаны ў склад дыпламатычнай місіі ў Варшаве[12].

Прысутнасць Тарашкевіча ў Варшаве спатрэбілася, каб узмацніць місію. Сацыялдэмакрат Лявон Дубейкаўскі быў добра вядомы ў польскіх колах, але, бадай, шырэйшае кола асабістых знаёмстваў меў у Варшаве сацыял-дэмакрат Браніслаў Тарашкевіч. Думаю, што яго прызначэнне, як і прызначэнне віцэ-прэм'ера БНР Аркадзя Смоліча, у польскую сталіцу было ініцыяванае Антонам Луцкевічам, які ў той час ад'язджаў з Берліна ў Парыж — на мірную канферэнцыю.

ЛІСТЫ З ЗАКАПАНЭ

У тыя чэрвеньскія дні 1919 г. Іван Луцкевіч нарэшце паддаўся на ўгаворы сяброў і паплечнікаў і вырашыў ехаць у санаторый у Закапанэ.

Што Іван Луцкевіч быў безнадзейна хворы і што ён мог не вярнуцца з Закапанэ, — пра тое ведалі бадай усе, хто знаў яго асабіста.

У найбліжэйшым атачэнні вырашалася пытанне, хто будзе суправаджаць слабога і проста безпаможнага Івана. Было вырашана, што ад віленскіх беларусаў з ім паедзе Іван Чарапук (Янка Змагар). Іван Луцкевіч хацеў, каб у Закапанэ паехала і Юліяна, але яна была занятая ў гімназіі. Таму вырашылі адправіць у Закапанэ Лялю.

Я, здаецца, забыў сказаць, што мілавідная і надзеленая мілым галаском Ляля таксама мела праблемы са здароўем. Яна ўжо двойчы хварэла на плеўрыт, у яе быў выяўлены туберкулёзны працэс. Бальшавіцкая акупацыя, звязаныя з ёю трывогі і недаяданне не дадалі Лялі здароўя.

19-га ці то 20 чэрвеня 1919 г. яны ўчатырох — Іван Луцкевіч, Ляля, Іван Чарапук і Уладак — выехалі з Вільні.

---

[11] БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 227. Арк. 42.

[12] БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 236. Арк. 5.

Пра тое, як яны прыехалі ў Варшаву, як начавалі ў гасцініцы Соркіна на Налеўках, як з Варшавы дабраліся да Закапанэ, як жылі ў гатэлі, а потым у санаторыі, як да іх у жніўні (роўна за тыдзень да смерці Івана Луцкевіча) прыехала Юліяна, — пра ўсё тое Ляля напісала ва ўспамінах «Яго апошнія дні». Гэтыя ўспаміны былі надрукаваныя ў зборніку «Памяці Івана Луцкевіча ў першыя ўгодкі смерці Яго. (20.VIII.1919–20.VIII.1920)» (Вільня, 1920) і з каментарамі перадрукаваныя ў кніжцы «Пра Івана Луцкевіча: Успаміны, сведчанні» (Менск, 2007).

Прыехаўшы у Закапанэ, Юліяна назаўтра ж напісала ліст Браніславу Тарашкевічу ў Варшаву:

Дорогой наш пан Тарас!

Если бы пан Антон не мог теперь приехать в Варшаву по делам общественным, то все же я Вас очень прошу ему пространной телеграммой сообщить, чтобы выезжал немедленно, если еще хочет повидаться с братом. Бедный наш Иван совсем плох, последние 2 недели его состояние до того ухудшилось (главное, сердце очень аслабело), что доктора находят, что его агония может протянуться maximum недели 2–3, а вообще каждый день можно ждать конца. Я, конечно, не могу теперь оставить Ивана и мою бедную Лялю, которая так боится покойников, одну, она тут от волнения и стараха расхворается и не будет знать, что делать. Если Антон приедет, то выправляйте его немедленно к нам; он может пробыть тут день (…) и опять вернуться к своим делам в Варшаву, потеряет он на это 2 1/2 суток. Иван, бедняга, неимоверно обрадовался моему приезду, Вас очень благодарит за письмо, которое я должна была ему прочесть. Бачыце[13], так слаб наш бедный Иван… (…)

Да, если Антон приедет, то пусть с собой привезет 4 ф [унта] белого хлеба (длинные булки)[14], немного чаю и какао, а для Ляли шоколад и фрукты. Антону особо я не пишу, передайте, когда приедет, ему это письмо[15].

У той час, як Юліяна клікала ў Закапанэ Антона Луцкевіча, Ляля Мэнке сумавала там без Тараса. Яе лістоў да Браніслава Тарашкевіча засталося ўсяго некалькі. Дзяўчына таго часу, бадай, не магла напісаць у лісце да маладога чалавека адкрыта пра свае пачуцці. Затое ў яе быў прэтэкст, каб паклікаць Тараса ў Закапанэ:

…Приезжайте… если хотите Ивана видеть живым, и то не теряйте ни минуты, он умирающий и доктор сказал, что он *искусственно* постарается его поддержать до приезда Антона[16].

Гэты ліст датаваны 19-м жніўня. А 20 жніўня Іван Луцкевіч памёр.

Браніслаў Тарашкевіч, мабыць, быў адзіны беларускі дзеяч, які адведаў Івана Луцкевіча ў Варшаве на Налеўках. Ён быў адзіны дзеяч, які прыехаў да Івана ў Закапанэ. Прыехаў са спазненнем. Але не адно да Івана ехаў ён.

Пра што размаўлялі Ляля і Тарас у Закапанэ, дзе яны хадзілі — пра тое няхай піша раманіст. Ці гісторык у хаўрусе з раманістам. Тут хачу звярнуць увагу на адну недакладнасць. Юліяна Вітан-Дубейкаўская пісала, што яна заставалася з сястрою ў Закапанэ да 30 жніўня. Але вось мы чытаем ліст Лялі Мэнке з гэтага гарадка, датаваны 1 верасня 1919 г.:

---

13 Гэтак у тэксце ліста.

14 Над гэтымі словамі надписана: «с хлебом тут недостаток».

15 БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 227. Арк. 170–171.

16 Тамсама. Арк. 169.

Вы, негодный Тарасик, уехали и погоду с собой увезли. Вот уже второй день дождь и мгла. Тоска невыносимая…

Без каго тужыла, па кім сумавала Ляля Мэнке — можна здагадацца.

ЯШЧЭ АДЗІН ЛІСТ

Такім чынам, мы не ведаем, калі дакладна сёстры Мэнке пакінулі Закапанэ. Затое мы дакладна ведаем, што на пачатку кастрычніка 1919 г. яны былі ў Вільні. На пачатку кастрычніка ў Вільню з Варшавы прыехаў Антон Луцкевіч. Шостага дня ў касцёле Святога Яна мела адбыцца жалобная імша за душу Івана Луцкевіча. А напярэдадні ў Цэнтральнай Беларускай Радзе Віленшчыны і Гарадзеншчыны быў наладжаны прыём у гонар Антона Луцкевіча. У той жа вечар Ляля напісала ліст Тарасу.

Тарасик, милый! добрый вечер!

…сегодня устроили в раде прием Антону. Понятно, как полагается, энное количество речей, и никто, никто из них даже намеком не вспомнил Ивана покойного. Я чувствовала, Тарасик, ясно чувствовала, как это больно[17] Антону, и мне было обидно и за него, и за Ивана. И я не ошиблась. Антон стал говорить, и голос его дрогнул, когда он словно вскользь вспомнил брата покойного. Мне так больно стало, и невольные слезы выступили на глаза. Знаешь, Тарасик, раньше я не понимала, насколько они мне близки, но когда над ними такая беда стряслась, тогда я только почувствовала, насколько они мне близки и дороги. И только потом за ужином Горецкий исправил общую оплошность и, подговоренный мною, улучив удобный момент, вспомнил Ивана и вообще всех умерших деятелей белорусских. Он говорил просто, но мило и от всего сердца.

Далей Ляля прызнавалася Тарасу, што адчувае сябе чужою ў тагачасным (восень 1919-га) беларускім грамадстве, бо гэтыя беларусы глядзелі на сёстраў Мэнке і нібыта пыталіся: чаго яны тут? «И только присутствие Антона, тень Ивана и мысль о Тебе является единственным связывающим элементом. Да еще милое соседство Горецких сглаживало это неприятное впечатление»[18].

СПРОБА ЭПІЛОГУ

Думаю, ліст Лялі Мэнке ад 5 кастрычніка 1919 г. не патрабуе лішніх каментараў. Слова «милый», тое, што Яна звярталася да Яго на «ты», і даверлівасць даюць дастатковае ўяўленне пра адносіны паміж Ёю і Ім. Можа, трохі больш святла на характар гэтых адносінаў пралівае і ліст Юліяны Мэнке да Тараса ад 15 лістапада 1919 г. З яго мы даведваемся, што ў польскай сталіцы Браніслаў Тарашкевіч быў прыхварэў, і Юліяна запрашала яго ў Вільню: «Тут поухаживаем за Вами и Антоном, присылайте его к нам»[19]. З іншага ліста, напісанага Антонам Луцкевічам і датаванага 26-м студзеня 1920 г., мы даведваемся, што аб гэтай пары Браніслаў Тарашкевіч быў ужо ў Гедымінавай сталіцы. Антон Луцкевіч меў намер неўзабаве зноў выехаць у Парыж, таму прасіў свайго Тараса: «Пакланіся ад мяне пп. Мэнке і дапытайся, якія яны ўжываюць парфумы і якія нумары носяць рукавічак!»

Аляксандра Бэргман, якая ў манаграфіі «Слова пра Браніслава Тарашкевіча» ўпершыню звярнула ўвагу, што ў 1918–1920 гг. яе герой «наладзіў шчырыя адносіны з Ляляй

[17] Далей закрэслены словы «и обидно».

[18] БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Адз. зах. 227. Арк. 173–174.

[19] Тамсама. Арк. 177.

Мэнке», адзначае і тое, што «вярнуўшыся ў Вільню, Тарашкевіч закватараваў у доме Мэнке на вуліцы Бакшты, 21»[20]. Яна ж піша, што з 1922 года Тарашкевіч жыў ужо на вуліцы Віленскай, 12. І тое піша, што ў 1921 і 1922 гг. ён неаднойчы прыязджаў у фальварак Мігаўка. Гаспадаром мігаўкі быў былы рэдактар-выдавец «Нашай Нівы», «Сахі» і «Лучынкі», заснавальнік Радашковіцкай беларускай гімназіі Аляксандр Уласаў (ад Мігаўкі да Радашковічаў рукой падаць). Бліжэйшы да Мігаўкі фальварак належаў шваргу Аляксандра Уласава — вядомаму дзеячу культуры, заснавальніку Менскага царкоўна-археалагічнага музея Андрэю Снітку[21]. А ў пана Андрэя была дачка-студэнтка Вера. Панна Вера таксама закахалася ў Тараса.

…Мы ведаем, што ў 1923 г. каталік Браніслаў Тарашкевіч павянчаўся ў праваслаўнай царкве на варшаўскай Празе з Верай Снітчанкай. Ведаем, што праз год пасля гэтага Ляля Мэнке выйшла за інжынера Эдварда Кулешу.

Не буду тлумачыць, чаму Браніслаў Тарашкевіч з дзвюх закаханых у яго дзяўчат выбраў Веру Снітчанку. І не спрабую гадаць, што перажывала Ляля, калі даведалася пра новы раман Тараса. Гэтым няхай займаюцца раманісты.

Анатоль СІДАРЭВІЧ

---

[20] Юліяна Вітан-Дубейкаўская пісала, што іх дом Мэнке меў нумар 19. Магчыма, пазней нумарацыя памянялася.

[21] Пад гэты музей пан Андрэй Снітка пабудаваў адмысловы дом (так званая Юбілейка, дзе ў 1918–1920 гг. знаходзіліся ўстановы БНР, а цяпер цяпер месціцца Дом мастацтваў).

«Пачнем збіраць зярно к зярняці...»

ЖЫЦЦЯПІС СЯРГЕЯ МАЛЕВІЧА Ў ЛІСТАВАННІ ЭМІГРАНТАЎ

Звычайна ў такіх выпадках пішуць: у энцыклапедычных даведніках пра яго звестак няма[1]. Завочныя роспыты этнографаў плёну таксама не далі.

Не было, відаць, ніякай біяграфічнай інфармацыі і ў Вітаўта Тумаша, калі ён распачынаў свае ўласныя пошукі. Адпраўным пунктам яму, цалкам магчыма, паслужыла публікацыя М. Каспяровіча «Матэрыялы да вывучэння Віцебскай краёвай літаратуры і мастацтва» («Маладняк». 1927. № 6. С. 64), дзе гаворыцца, што мастак Казімір Малевіч, заснавальнік і тэарэтык асобнай плыні ў мастацтве — «супэрматызму», «паходзіць з с. Малева Менскай ці Віцебскай г.».

Згадка пра вёску Малева і вызначыла патрэбнага карэспандэнта.

Тут самы час прадставіць эпісталярных суразмоўнікаў, пра лёс якіх вядома значна больш.

Адзін з іх, Вітаўт Тумаш (20.12.1910, в. Слягліца, цяпер Вілейскі раён Мінскай вобласці — 23.04.1998, Нью-Ёрк), закончыў Віленскую беларускую гімназію і медыцынскі факультэт Віленскага універсітэта (1937), быў актыўным дзеячам Беларускага студэнцкага саюза. У 1940–1941 гг. — старшыня філіі Беларускага камітэта самапомачы ў Ліцманштаце (Лодзі), з ліпеня 1941 г. да другой паловы лістапада 1941 г. — бургамістр Менска. Напрыканцы 1941 г. выехаў у Германію, дзе займаўся лекарскай практыкай. Рэдагаваў газету «Раніца», што выпускалася ў Берліне, працаваў у берлінскім аддзеле Самапомачы. З 1948 г. жыў у ЗША, адзін са стваральнікаў Беларускага інстытута навукі і мастацтва ў Нью-Ёрку, ягоны старшыня (1955–1982). Сфера навуковых зацікаўленняў Тумаша дастаткова шырокая, але галоўным, бясспрэчна, было вывучэнне Скарынавай спадчыны.

Другі, Алесь Вініцкі, нарадзіўся 26 снежня 1891 г. у вёсцы Малева. Па заканчэнні Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі выкладаў у школе. Падчас Першай сусветнай вайны быў мабілізаваны, па заканчэнні Іркуцкага ваеннага вучылішча ваяваў. Скончыў вайну капітанам. У міжваенны час і ў часе Другой сусветнай вайны працаваў па фаху — настаўнікам. Потым — эміграцыя, лагеры ДП. У 1956 г. прыехаў у Амерыку, працаваў на заводах. Па выхадзе на пенсію пачаў пісаць гісторыю эміграцыі. Памер 24 лістапада 1972 г. у Лос-Анжэлесе.

Галоўная праца А. Вініцкага (але не адзіная — у лонданскай бібліятэцы імя Скарыны захоўваецца машынапісная копія «Гісторыя беларускага скаўтынгу») — «Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох» (Лос-Анджэлес, 1968) — была няўцямна перадрукаваная ў Беларусі адно першаю часткаю[2]. Нямала да напісання гэтай працы сваімі ўспамінамі, у кнізе — ананімнымі, прыклаўся і В. Тумаш.

Выдрукаваныя ніжэй лісты нагадваюць матрошку: у рэканструкцыі біяграфіі Сяргея Малевіча — дэталі жыцця А. Вініцкага, а там — і звесткі пра невядомую нам Лідзію Філатаву.

Але мы абмінулі галоўнае: кім жа быў гэты Сяргей Малевіч, чым менавіта зацікавіў дырэктара Беларускага інстытута навукі і мастацтва?

Пра тое — у лістах амерыканскіх беларусаў, якія захоўваюцца ў архіве БІНІМа і публікуюцца з захаваннем моўных і арфаграфічных асаблівасцей.

[1] Вялікі дзякуй Зміцеру Саўку за дапамогу ў пошуках літаратуры, недасяжнай у амерыканскіх бібліятэках.

[2] Гл.: Вініцкі Алесь. Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадах / Прадмова Г. Сурмач. Мінск, 1994. 231 с.

15.01.1968 г.
Нью Ёрк

Вельмі паважаны Спадар Вініцкі!

Калісьці я даставаў ад Вас лісты з запытамі пра розныя пытаньні з гісторыі беларускае эміграцыі, цяпер маю адно цікавячае мяне пытаньне да Вас з крыху ранейшае гісторыі.

Прыпадкам даведаўся, што Вы родам ці з самога Малева, ці нейдзе недалёка ад Малева. У сувязі з гэтым і маё пытаньне. У 1907 г. у Пецярбургу ў выданьні Імпэратарскай Акадэміі Навук вышла кніжка С. Малевіча «Белорусские песни»[3]. Гэта запіс беларускіх народных песьняў і словаў з Малева і колькі суседніх вёсак, кніжка паважна навукова апрацаваная, на бачынаў звыш 200. Ці Вам прыпадкам нешта можа ведама пра гэтага С. Малевіча, хто ён, скуль ён і ці ня з суседняга ад Малева вёскі маёнтку Малева?

Другая, зьвязаная з гэтым справа, датычыць Казіміра Сэвэрынавіча Малевіча, выдатнага мастака, аднаго з творцаў т. зв. абстрактнае плыні мадэрнага мастацтва, які паходзіў зь Беларусі. Яго значэньне для гісторыі разьвіцьця абстрактнага мастацтва паважнае і агульна на сьвеце прызнанае. Дакладнае месца нараджэньня Казіміра Сэвэрынавіча Малевіча пакульшто няведамае[4].

У мяне паўстае пытаньне, ці Казімір Сэвэрынавіч Малевіч ня будзе часам сынам «С. Малевіча», аўтара вышэй названае кніжкі? Падцьверджаньне гэтага дапушчэньня ўстанавіла-б дакладней і месца паходжаньня мастака Казіміра Малевіча, нейкі час прафэсара Віцебскае мастацкае школы[5].

Калі-б у Вас былі ў гэтай справе нейкія весткі, дадзеныя ці хоць-бы меркаваньні, буду за іх удзячны.

У глыбокай пашане

Ваш Вітаўт Тумаш

20.01.1968 г.
Лос Анжэлос

Высокапаважаны Спадар Доктар!

Гэтым перасылаю Вам ведамыя мне весткі аб С. Малевічу.

Аўтар зборніка «Белорусскіе песні» Сяргей Малевіч, сын айца Аляксандра Малевіча, сьвятара Праваслаўнай Царквы ў вёсцы Малева Ланьскай воласьці Слуцкага павету Меншчыны, нарадзіўся прыблізна ў 1880 годзе.

Па сканчэньні Клясычнай Гімназіі ў Слуцку, Сяргей Малевіч запісаўся на вышэйшыя студыі ў Сан-Пецярбурскім Імпэратарскім Унівэрсытэце на Гісторыка-Філёлёгічным факультэце, які й скончыў прыблізна ў 1902–1903 г. Апрача ўнівэрсытэту, паводля ягоных словаў, скончыў ён і Архэалёгічны Інстытут там-жа ў Пецярбургу.

---

3 Малевич Сергей. Белорусские народные песни. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 82. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1907. 194 с.

4 Казімір Малевіч нарадзіўся ў Кіеве або ў яго ваколіцах.

5 Цікава, што жаданне павязаць Казіміра Малевіча з Беларуссю праз сваяцтва з аўтарам «Белорусских народных песень» карцела не аднаму В. Тумашу. Адам Мальдзіс у «Голасе Радзімы» (№ 27, 19 ліпеня 2007 г.) паведаміў: фалькларыст Арсень Ліс устанавіў, што бацька мастака, Севярын Малевіч, цікавіўся народнай творчасцю і ў 1907 г. апублікаваў у «Вестях Императорской Российской Академии наук» збор беларускіх песень, запісаных на Капыльшчыне. Як сведчыць выдрукаванае тут ліставанне, гэта не адпавядае праўдзе.

Будучы студэнтам, летнія вакацыі С. А. праводзіў у вёсцы Малева. Часта яго наведваў, магчыма, таксама студэнт, Чудоўскі са Случчыны ці з самога Слуцку.

Пасьля заканчэньня унівэрсытэцкіх студыяў, Сяргей Малевіч працаваў настаўнікам гімназіі ў г. Рэвеле — сяньнешняй сталіцы Эстоніі, а пазьней быў пераведзены на становішча Інспэктара Клясаў у Гімназіі ў С.-Пецярбурзе. У часе майго пабыту ў ужо пераіменаваным Петраградзе, у сьнежні 1916 г., я наведаў Сяргея Малевіча на ягонай кватэры, магчыма, пры Гімназіі, на «Большом Проспекте».

Пасьля рэвалюцыі, ратуючыся ад галоднай сьмерці, Сяргей Малевіч з Петраграду ў 1919 г. пераехаў у вёску Малева, але не застаў ужо свайго бацьку жывым. Пражыўшы два гады ў Малеве, пераехаў ён у г. Нясьвіж. Там цяжкаю фізычнаю працаю зарабляў колькі мог на пражыцьцё свае сям'і, якая складалася з чатырох асобаў — бацькі́, дачка й сын. Але гэтая праца трывала толькі некалькі месяцаў. Пачалі працу гарадзкія школы, і Сяргей Малевіч быў запрошаны на працу настаўніка ў мясцовай Расейскай гімназіі.

У 1923 г. С. Малевіч з сям'ёй пераехаў у Кракаў. Паводля чутак, ён там меў працу пры ўнівэрсытэце.

Запіс беларускіх песьняў для вышэйназванага зборніка быў зроблены ім у часе зімовых (Калядных) вакацый у Малеве ў 1902 ці 1903 г. Прыехаў С. А. да бацькі ўжо жанаты на жыдоўцы. У пэўным часе заклікаў ён на кватэру старэйшых вучняў мясцовай царкоўна-прыхадзкой школы, у тым ліку быў і я. Даў нам С. А. сшыткі і алавікі, пры гэтым расказаў, як трэба запісваць ад бацькоў песьні й казкі.

Кажны вучань, запісаўшы песьнямі ўвесь сшыток, прыносіў яго С. А., атрымліваў за працу 5 капеек і новы сшытак для далейшага запісу. «Лазара» запісаў ён сам са словаў калекі-жабрака, які сядзеў на возе, а зімою на санках з голаю галавою і сьпяваў свае жабрачыя духоўныя песьні, у тым ліку й «Лазара», падыгрываючы сабе самому на старэнькай леры[6].

Алесь Вініцкі.

[н. д.]

Высокапаважаны Спадар Доктар!

Перасылаю Вам кароткія весткі аб Сяргею Малевічу. Дакладна аб ягоным жыцьці й працы ў Кракаве я нічога ня ведаю. Учора, 19.1, на Вадохрышча, я езьдзіў у расейскую царкву з мэтаю сустрэць там сына пазьнейшага папа ў Малеве — В. Смоліча, які павінен ведаць аб жыцьці Сяргея Малевіча ў Кракаве. На вялікі жаль, у царкву Смоліч не прыехаў, таму наша сустрэча не адбылася. Напішу яму й папрашу ў яго далейшых інфармацыяў аб С. А., па атрыманьні якіх зараз-жа перашлю іх Вам.

Што датычыцца Казіміра Сэвэрынавіча Малевіча, дык ён з Сяргеем Малевічам ня мае нічога супольнага. Ужо самыя імёны кажуць, што Сяргей праваслаўны, а Казімір каталік, а да гэтага сын Сяргея ў 1923 годзе меў 10–12 гадоў, а калі й скончыў школы, дык толькі ў Польшчы, дый імя гэтага хлопца было іншае (не памятаю добра, але называлі неяк сьмешна). Прозьвішча «Малевіч» у нас было даволі пашыранае. Напрыклад у тым самым часе, як запісвалі мы песьні для Сяргея Малевіча, настаўніцаю ў нашай школе была Вера Малевіч, якая неміласэрдна цягала нас за вушы й шлёпала з размаху даланёй па твары ды й так, аж іскры сыпаліся ў ваччу. Яна ня мела ніякага сваяцтва з папом Малевічам.

[…]

Алесь Вініцкі

[6] Малевич Сяргей. Белорусский нищенский «Лазарь» // Живая старина. Вып. 2. СПб., 1906.

11.02.1968 г.
Лос Анжэлос

Высокапаважаны Спадар Доктар!

[…]

Ад сп. Смоліча ніякіх вестак аб Сяргею Малевічу не атрымаў з тае прычыны, што ён нічога аб ім ня ведае. Сустракаў ён у Вільні дочку С. Малевіча, якая працавала асыстэнткай пры ўнівэрсытэце.

У мяне ёсьць знаёмая старэнькая жанчына з суседняга фальварку. Жыве яна цяпер, пасьля павароту з высылкі, у Польшчы ў свайго зяця д-ра Крашэўскага. У тых далёкіх часох яна з маткаю часта бывала ў а. Малевіча, таму павінна добра ведаць аб іх, а ў 20-х гадох яна таксама жыла ў Нясьвіжы й магчыма сустракалася з Сяргеем Малевічам. Бяручы гэта пад увагу, пару тыдняў таму я напісаў да яе ліст з просьбаю напісаць аб Сяргею Малевічу ўсё, што ёй ведама. Па атрыманьні ад яе ліста напішу Вам аб выніку мае просьбы.

[…]

З глыбокай пашанай да Вас
Алесь Вініцкі.

21.02.68 г.
Los Angeles

Высока Паважаны Спадар Доктар!

Пры гэтым перасылаю весткі да жыцьцяпісу Сп. С. Малевіча, напісаныя Сп. Лідаю Філіпавай. Бацькі яе — Паржэцкія, мелі хвальбарак пры вёсцы Аліхоўка (па-расейску Ольховка) прыблізна адзін клм. ад в. Малева.

Я хацеў пераслаць Вам лісток, напісаны Лідзіяй Феліксаўнай, але на ім няма яе падпісу. Што да настаўніцкіх курсаў у Кракаве (здаецца, у Lobzowie pod Krakowem), то патрэбных Вам інфармацыяў можа даць сп. Філарэт Родзька[7], які на гэтых курсах, здаецца, быў. Вось ягоны адрас: F. Rodzko, 40 Deerfield Road, Somerset, NJ, 08873.

Перапісаў я дакладна і па-расейску з ліста Л. Ф., а Вы можаце скарыстаць з тых вестак, якія Вам патрэбныя. Сардэчна Вітаю Вас і Вашую сямейку й жадаю ўсяго найлепшага.

З глыбокай пашанай А.Вініцкі.

12.02.1968 г.
м. Дрэздэнко, Польша

Да жыцьцяпісу Сп. Сяргея Аляксандравіча Малевіча.

«Ваші сведенія о Сергее Александровіче почті точные. Добавлю к нім, что знаю. Родился он пріблізітельно в 1877 ілі 1879 году. В всяком случае знаю, что он был много старше меня — лет на 7 ілі 9 (я роділась в конце 1886 г.).

Ученіе он начал в Мінске, но после какой-то неудачі он перевелся в Слуцк. Окончіл Слуцкую гімназію в 1890 г. По случаю перехода із одной гімназії в другую он, кажется, потерял одін год, а потому прі окончаніі был довольно веліковозрастным, может, і прі поступленіі был старше другіх. О его возрасте говоріт і тот факт, что на первом, кажется, курсе універсітета он женілся. Жена его — Петербургская еврейка.

[7] Філарэт Родзька (27.01.1890, Наваградчына — 05.03.1977, Нью-Джэрсі) — беларускі дзеяч, у 1919–1920 гг. удзельнік вайсковых фармаванняў С. Булак-Балаховіча. У 1942–1943 гг. — настаўнік Наваградскай настаўніцкай семінарыі, з 1943 г. — дырэктар беларускай прагімназіі ў Навагрудку. Ад 1949 г. — на эміграцыі. Быў першым старшынёй аддзела БАЗА ў штаце Нью-Джэрсі, старшынёй аддзела Рады БНР у Нью-Джэрсі. Бацька Усевалада Родзькі і Галіны Русак.

Детей імелі двое: дочь Антоніна і сын Дуда (настоящего імені не знаю). В 1922 г. Сергей Александровіч учілся в Кракове на двухлетніх (еслі не трехлетніх) курсах, которые былі організованы для подготовкі учітелей польскіх школ с преподаваніем на польском языке. На этіх курсах былі одновременно с мужем моей сестры Мані.

По окончаніі этіх курсов он как старый філолог с высшім образованіем преподавал в Краковском універсітете русскій язык.

Как відно, то в молодості он пробовал свої сілы в поэзіі. На каком-то патріотіческом юбілее в гімназіі чіталі его проізведенія — оду (еслі так можно назвать) в честь одного із деятелей. Носіла она характер патріотіческій по духу того времені.

Будучі студентом, он от этого стіхотворенія отказывался, как от содержанія, так і от формы стіхосложенія. Однажды в одолженной мною от него кнігі для чтенія, я нашла лісток, запісанный стіхамі. Вот его начало:

Мне чудятся в сумраке ночі
Знакомой усадьбы Ольховкі
Весёлые каріе очі
Какой то головкі…

Дальше не помню.

В то время в Ольховке гостіло много молодежі, а потому каждая із Ольховскіх девіц могла прінять это стіхотвореніе на свой адрес.

Я помню, как он собірал белорусскіе песні, даже некоторые он запісал со слов сестры Мані. Дочь Антоніна одно время (перед войной) была сотрудніцей радіо в Вільне (конфэрансье). О годе смерті Сергея не знаю, но умер он, кажется, в Кракове. Сын, кажется, был офіцером.

Я Сергея відела в 1922 і 23 г.г. в Ольховке і в Несвіже. Проізвел на меня непріятное впечатленіе. Обьясняю это тем, что состоятельные люді, попадая в нужду, не умеют её мужественно переносіть.

Лідія Феліксовна Філатова».

Лявон ЮРЭВІЧ

НАУКА, СРЕДА, МОМЕНТ
Материалы к биографии И. И. Замотина и А. М. Евлахова

До революции варшавская филологическая школа была на слуху. С последней трети XIX в. вплоть до Первой мировой войны в этом учебном заведении собрались выдающиеся специалисты эпохи. Их трудами издавались «Русский филологический вестник», «Известия Варшавского университета», в которых почитали за честь напечататься лучшие славянские филологи: А. Н. Веселовский, В. Н. Перетц, Б. И. Ярхо и многие другие. В первые десятилетия XX в. «филологический» тон в университете задавали профессора Е. Ф. Карский (лингвист, фольклорист, белорусовед; с 1916 г. — академик), И. И. Замотин (историк русской литературы XIX в.), А. М. Евлахов (теоретик-методолог, специалист по западноевропейской литературе) — признанные ученые, авторы многочисленных монографий и учебных пособий.

С началом Первой мировой войны университет, в связи с активными боевыми действиями, был эвакуирован в Ростов-на-Дону. Летом 1917 г. он стал Донским Университетом. Годы межвоенных общественно-политических катаклизмов не могли не отразиться на труде ученых. «На Дон, на Дон!» — восклицал герой классического романа.

Нетрудно себе представить, что состояние тамошней филологии мало кого занимало во время гражданской войны. Тем не менее кое-что происходило. Например, А. М. Евлахов издает в 1916–1917 гг. в Ростове третий том своей фундаментальной работы «Введение в философию художественного творчества», монографию «Гергарт Гауптман. Путь его творческих исканий», а также полемическую брошюру «Кто получает пощечины в новой драме Л. Андреева»[1]. Начинает научную деятельность ученик И. И. Замотина и А. М. Евлахова, преподаватель Саратовского университета А. П. Скафтымов. Последний поддерживает с учителями в эти годы переписку[2]. Но в то же время ученые ищут более стабильного существования, чем «донское».

В этот момент приходит сообщение об организации в Минске Белорусского государственного университета. Эмигрантский критик Антон Адамович впоследствии писал[3], что именно с подачи Е. Ф. Карского, бывшего варшавского и ростовского ректора (в 1916 г. перешедшего на другую работу), были приглашены и вскоре переехали в Минск многие преподаватели варшавской школы. Но Антон Адамович, как известно, был большим мистификатором и часто группировал факты по схемам собственного производства. Сравним факты.

Первым варшавским филологом, откликнувшимся на призыв ректора БГУ В. И. Пичеты, был А. Н. Вознесенский, однокурсник А. П. Скафтымова, оставленный И. И. Замотиным в 1913 г. при университете[4]. Вряд ли академика Е. Ф. Карского мог заинтересо-

---

[1] О переписке А. М. Евлахова с Л. Н. Андреевым см.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1978. М.,1980. С. 250–253.

[2] См.: Коллекция книг и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. С. 38–41, 62–63.

[3] См.: Адамовіч А. Да пабудовы навуковае гісторыі беларускае літаратуры // Адамовіч А. Да гісторыі беларускае літаратуры // А. Адамовіч. Мінск: Выдавец ІП Зміцер Колас, 2005. С. 1113–1139.

[4] «За сочинение “Русская журналистика 40-х гг. XIX в. в её главных направлениях” ему была присуждена степень кандидата филологических наук. Оставлен на кафедре русской словесности для подготовки к профессорскому званию, с 1915 г. ассистент, затем приват-доцент этой кафедры» (Казанский университет. 1804–2004: биобиблиографический словарь. Т. 2. Казань, 2004).

вать молодой ученый, вчерашний аспирант. Скорее всего, А. Н. Вознесенский приехал в Минск из Ростова-на-Дону по собственной инициативе, движимый амбициозными планами по организации литературной работы в абсолютно новом учебном заведении, где к тому же было значительно проще получить преподавательское, а позднее и профессорское звание (последнего он достиг в 1927 г.).

Приехав в Минск осенью 1921 г., А. Н. Вознесенский сразу же включился в работу: занимает должность секретаря и председателя предметной Литературной комиссии на факультете общественных наук, в качестве преподавателя по кафедре русской литературы в связи с польской читает в 1921–1922 гг. курс истории русской литературы XIX в. и ведет семинарские занятия, а также выступает с публичными лекциями — о Некрасове, Короленко, Есенине[5]. 27 апреля 1922 г. А. Н. Вознесенский берет отпуск для перевозки из Ростова семьи, имущества и библиотеки (в Ростове он находится вплоть до осени)[6]. К этому же времени (начало лета 1922 г.) относится и ходатайство проф. И. И. Замотина о зачислении его профессором по кафедре русской литературы БГУ[7]. Таким образом, наиболее вероятной представляется версия о том, что именно А. Н. Вознесенский повлиял на решение И. И. Замотина о переводе в Минск — это могло произойти как при личной встрече, так и в переписке. По крайней мере, академик Е. Ф. Карский, находившийся в Петербурге и предпочитавший в то время наблюдать за БГУ на расстоянии, вряд ли мог участвовать в вопросе переезда И. И. Замотина в Минск. Официально профессором по кафедре русской литературы И. И. Замотин был утвержден 1 октября 1922 г.

Жизнь и деятельность И. И. Замотина в Минске стали материалом для многих публикаций[8], но быт его до сих пор рисуется в основном по детским воспоминаниям З. С. Мелких, дочери профессора-медика С. М. Мелких[9]. Вместе с тем некоторые документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, свидетельствуют, что подростковое восприятие Зинаиды Мелких представляло быт Замотина несколько идиллически. По крайней мере, можно с уверенностью утверждать, что при всех плюсах работы в новом университете пожелания ученого не всегда своевременно рассматривались и учитывались правлением БГУ, что вызывало вполне понятную напряженную реакцию ученого. В такой «жилищной» проблематике И. И. Замотин был не одинок. Этот «вопрос» (который, как известно, способен испортить любого человека) волновал также и других ученых БГУ. Так, мы видим непонимание со стороны правления БГУ по отношению к А. Н. Воз-

[5] См.: Хроника БГУ // Працы БДУ. 1922. № 1. С. 208–218; Белорусский Государственный Университет за 1921–1922 академ. год / сост. зам. ректора С. З. Каценбогин. Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1922. 40 с.

[6] НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5–6.

[7] НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 73.

[8] См.: Гаварушка Я. Прафесар з глыбінкі // Чырвоная змена. 1990. 12 верас.; Яго ж. Любімы настаўнік // Голас Радзімы. 1989. 27 крас.; Іофе Э. Першы беларускі акадэмік // Настаўніцкая газета. 1999. 16 кастр.; Яго ж. Ён увасабляў сваю эпоху // Адукацыя і выхаванне. 1997. № 11. С. 115–120; Яго ж. «Вельмі паважанаму прафесару Замоціну…» // Настаўніцкая газета. 1995. 3 чэрв.; Конан У. Іван Замоцін: на сумежжы дзвюх культур // І. Замоцін Творы: літаратурна-крытычныя артыкулы / склад. Я. М. Гаварушка, навук. рэд. У. Конан. Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. С. 3–32; Ляшук В. Ля вытокаў (да 120-годдзя з дня нараджэння педагога І. І. Замоціна) // Адукацыя і выхаванне. 1993. № 10. С. 88–97; Мушынскі М. Беларуская крытыка і літаратуразнаўства (20–30-ыя гады) / рэд. А. М. Адамовіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 376 с.; Яго ж. Каардынаты пошуку: беларуская крытыка: набыткі, перспектывы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. 253 с.; Рублевская Л.,Скалабан В. Доска с черного хода // Советская Белоруссия. 2007. 19 янв.

[9] См.: Мелких З. С. «Минувшее проходит предо мною…» // Нёман. 1990. № 10. С. 154–166.

несенскому[10], когда только со второй попытки правление пришло к решению тривиальной бытовой проблемы[11].

Подобного рода затруднения испытывал и теоретик литературы Е. И. Боричевский, сын минского нотариуса, перехавший из Москвы не только из патриотических соображений, как указывается в ряде посвященных ему публикаций. В феврале 1922 г. он обращается в правление Белорусского Государственного Университета с заявлением: «Ввиду того, что я, в связи с назначением преподавателем Университета, переезжаю с семьей в Минск, обращаюсь с просьбой к Правлению Университета поддержать мое ходатайство перед Отделом Коммунального Хозяйства об освобождении для меня комнат в доме моих родителей, преклонность возраста которых и связанная с этим беспомощность явились одним из мотивов моего переезда в Минск»[12]. Но даже в бывшем собственном доме Боричевскому не сразу удалось освободить для себя помещение[13]. Хотя, если говорить о трудностях, то, конечно, бытовые проблемы померкли, когда начались 1930-е гг.[14].

Примечателен переезд в Минск третьего филолога из бывшего Варшавского университета — А. М. Евлахова, известного методолога литературоведения, критика, специалиста по романо-германской филологии[15]. Перевод его из Донского университета состоялся, во-первых, благодаря содействию И. И. Замотина, с которым А. М. Евлахов поддерживал дружеские отношения и вел переписку[16], а во-вторых, благодаря щедрому воспомоществованию со стороны БГУ в размере 10 000 рублей. В одном из писем Евлахов сообщает:

[10] Протокол заседания Правления Белорусскаго Государственнаго Университета, от 16 сентября 1922 года.

Слушали:

18. Заявление ассистента С. А. АКВИЛОНОВА о предложении ему со стороны преподавателя А. Н. ВОЗНЕСЕНСКАГО очистить для него занимаемое им, АКВИЛОНОВЫМ, помещение в доме Б.Г.У. № 4.

Постановили:

18. Приняв во внимание то, что С. А. АКВИЛОНОВ получил занимаемое им ныне помещение не от А. Н. ВОЗНЕСЕНСКАГО, а от Правления, разъяснить А. Н. ВОЗНЕСЕНСКОМУ, что за предоставлением ему помещения С. А. АКВИЛОНОВА он должен обращаться не к последнему, а в Правление.

Оставить С. А. АКВИЛОНОВА в занимаемом им помещении. В случае повторного возбуждения А. Н. ВОЗНЕСЕНСКИМ вопроса о выселении С. А. АКВИЛОНОВА вопрос этот разрешить по выслушании заявления и объяснения по этому поводу и со стороны С. А. АКВИЛОНОВА (НАРБ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 10, л. 36–37).

[11] Протокол № 43 заседания Правления Белорусскаго Государственнаго Университета, от 28 сентября 1922 года.

Слушали:

5. Заявление препод. А. Н. ВОЗНЕСЕНСКАГО о передаче в его пользование и той части предоставленной ему Правлением Б.Г.У. квартиры в доме Б.Г.У. № 4, которую ныне занимает пока ассистент С. А. АКВИЛОНОВ, ввиду переезда к нему, А. Н. ВОЗНЕСЕНСКОМУ на жительство его жены и сына.

Постановили:

5. Во изменение постановления Б.Г.У. от 16 сентября с.г. подтвердить право А. Н. ВОЗНЕСЕНСКАГО на всю, предоставленную ему Правлением Б.Г.У., квартиру в доме Б.Г.У. № 4 (НАРБ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 10, л. 39–40).

[12] НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 23.

[13] См.: Правление БГУ — Заведующему Муниципальными домами. 17 июня 1922 г. (НАРБ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 22, л. 71).

[14] О судьбе Е. И. Боричевского см.: Платонаў Р. «З працы ў Акадэміі зняць…»: Удакладненне да біяграфіі вучонага-літаратуразнаўцы Яўгена Барычэўскага // Роднае слова. 1997. № 12. С. 183–191.

[15] Подробнее см.: Пиксанов Н. Евлахов // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 4. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 10–13; Тахо-Годи Е. А. Евлахов Александр Михайлович // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь / глав. ред. П. А. Николаев; ред. колл. В. Н. Баскаков [и др.]. [М.], 1989. Т. 2: Г — К. — М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 209–210.

[16] НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 2712. Л. 8.

«…хотел переехать из Пятигорска, после отдыха, в Баку, куда меня усиленно звал Университет и где утверждаться не нужно. Ваша телеграмма, полученная накануне отъезда, этот последний план изменила, так как лично мне хотелось переехать именно в Минск, и вопрос о Баку, т.[аким] обр.[азом] отпал»[17]. Интересно, что в Баку, в Азербайджанский государственный университет, А. М. Евлахова звал не кто иной, как Вяч. Ив. Иванов. Последний предлагал Евлахову «сразу две кафедры — западноевропейской литературы и истории искусств»[18]. Однако Евлахов предпочел обществу знаменитого поэта и философа компанию бывших коллег по университету. Правда, пробыл он в Минске недолго. О трудовом стаже его в БГУ записано: «с 16-го июля 1923 г. по 1 октября 1924 г. состоял штатным профессором Белорусского Государственного Университета по кафедре западноевропейских литератур (Педагогич.[еского] фак.[ульте] та)»[19]. Вызывает интерес тот факт, что Минск был, по всей видимости, последним местом, где А. М. Евлахов работал как литературовед. В дальнейшем он (закончив в Баку свое медицинское образование, которое начал в Ростове и продолжил в Минске) полностью переключился на специфические проблемы психологии и психиатрии[20]. По словам Антона Адамовича, Евлахов так скоро уехал преподавать психиатрию и психологию именно потому, что почувствовал небезопасность вопросов литературоведческих. Возможно, это и так — он ни разу не был репрессирован и мирно закончил свою жизнь в Ленинграде на 87-м году жизни.

Что касается его варшавских (ростовских, минских) коллег, то перед ними открывались гораздо более мрачные перспективы. В 1930 г. был уволен из БГУ и выслан из Беларуси А. Н. Вознесенский как «идеалист» и «шовинист». В 1934 г. как профессор МГПИ он был арестован в Москве и осужден на 5 лет лагерей по печально известному «Делу Российской национальной партии», или «Делу славистов»[21] (сумев выжить в лагере, А. Н. Вознесенский продолжил свои литературоведческие изыскания в Казанском университете, профессором которого являлся вплоть до самой своей смерти в 1966 г.). И. И. Замотин (избранный к тому времени действительным членом Академии наук БССР) был арестован в 1938 г. «как участник контрреволюционной националистическо-шпионской организации, существовавшей в Академии наук БССР <…> занимался шпионской деятельностью в пользу польской разведки и в своих литературных "трудах" протаскивал контрреволюционную нацдемовскую линию»[22]. Вскоре старый профессор был этапирован в лагерь, где и умер[23].

---

[17] НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 2712. Л. 10–11.

[18] См.: Тахо-Годи Е. А. Евлахов Александр Михайлович… С. 209; см. также: Котрелев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 329.

[19] НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 2712. Л. 29.

[20] Примечательны сочувственные ссылки Л. С. Выготского в «Психологии искусства» на ранние работы Евлахова (см. Выготский Л. С. Психология искусства / под ред. Вяч. Вс. Иванова. М.: Искусство, 1968). Завершение Л. С. Выготским книги совпало (1925 г.) с дебютом А. М. Евлахова в качестве психолога: Евлахов А. М. Психология творчества как биологическая проблема // Журнал теоретической и практической медицины, изд. Азербайджанского гос. университета. Т. I. Кн. 3–4. Баку, 1925.

[21] См.: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. Н. И. Толстой, Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов. М.: Наследие, 1994. 285 с.

[22] См.: Рублевская Л., Скалабан В. Доска с черного хода // Советская Белоруссия. 2007. 19 янв.

[23] Интересен один из разговоров А. П. Чудакова с Л. Я. Гинзбург: «Помнится, [Лидию Гинзбург] заинтересовала моя запись о визите к литературоведу П. А. Журову, которому тогда, в 83-м году, было 98 лет. Он был участником венгеровского семинария, но ни Оксмана, ни Тынянова, ни Комаровича в нем не помнит — в его время их там еще не было! <…> В 35-м году Журов был сослан, в 38-м получил новый срок, уже в лагерь, в Вычегду. Там встретил Замотина.

— Автора монографии о романтизме? И. И.?

— Его. Он был уже немолод. Там и погиб». (Чудаков А. Разговариваю с Гинзбург // Новое литературное обозрение. 2001. № 49 (magazines.russ.ru/nlo/2001/49)).

Не устаешь удивляться тому, что было сделано учеными 1920-х гг. за совсем короткий срок и, зачастую, без необходимых для того условий. И еще более горько осознавать то, что работа практически каждого из них была остановлена. Насильственным методом — самым действенным и эмпирически бесспорным из всех возможных методов.

Тихон ЧЕРНЯКЕВИЧ

Материалы к биографии И. И. Замотина и А. М. Евлахова

№ 1

В Главпрофобр Р. С.Ф.С.Р.

№ исх. 1634
1/VII — 1922 г.

Правление Белорусскаго Государственнаго Университета, прилагая при сем заявление профессора Донского в Ростове н[а]/Д[ону] Университета И. И. Замотина просит перевести его в Белорусский Университет в гор. Минск, на кафедру истории русской литературы.

Назначенные на ту же кафедру: проф. Ташкентскаго Университета Евфимов в Минск не приехал, а преподаватель Шаров отказался от своего назначения.

Ректор Университета
Управляющий Делами
Зав.[едующий] Общим Отделом

НАРБ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 22, л. 73.

№ 2

Срочно. В Правление 22/VIII 22 г.

В Правление Белорусского
Государственного Университета

В виду перевода моего в Белорусский Государственный Университет прошу Правление Университета предоставить мне отдельную квартиру с необходимыми удобствами (освещением, водою и т. д.) по возможности в ремонтированном виде. По чисто семейным условиям без предварительного [нрзб.] квартирой я лишен возможности тронуться с места и переезжать из Ростова в Минск.

О предоставлении мне отдельной квартиры (не комнаты или двух комнат в чьей-либо семье или квартире) прошу меня уведомить по телеграфу и по возможности непродолжительном времени, т. к. устроить свой переезд из Ростова в Минск я мог бы не позже конца августа м.[есяца] нов.[ого] ст.[иля]

25/VII 1922 г. Проф. И. Замотин
Ростов н/Д.
Димитриевская ул. д. 58, кв. 4
Проф. И. И. Замотин

Управделами БГУ 17 / VIII 1922 г. (подпись)

НАРБ, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 2969, л. 5.

№ 3

Правление Государственного
Белорусского Университета

Профессора Замотина И. И.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В виду того, что отсутствие квартиры, которую я надеялся получить сразу по приезде в г. Минск, не только ставит в затруднение мою семью, но и лишает меня возможности приступить к занятиям в университете, прошу Правление принять меры к тому, чтобы мне была в ближайшие дни предоставлена квартира в имеющемся в распоряжении Университета бывшем помещении Наркомюста, как наиболее пригодном для частной квартиры. Но так как освобождение и ремонт целой квартиры в названном доме может затянуться на некоторое время (неделя — две), прошу мне в том же доме предоставить временно комнату или две на этих же днях, чтобы я мог поселить туда семью и поставить домашние вещи, прибытие которых, в количестве около 100 пудов на днях ожидаю. В виде [нрзб.] позволю себе указать на то обстоятельство, что просьбу о квартире, о необходимых условиях своего переезда в Минск, я направил в Правление еще летом, в июле месяце.

19 окт.[ября] 1922 г. И. Замотин

НАРБ, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 2969, л. 3.

№ 4

9/X — 1925 г.

СПРАВКА

Настоящая справка выдана профессорам Белорусского Государственного Университета, С. М. Мелких и И. И. Замотину в том, что им, согласно постановления Правления от 6 октября с.[его] г.[ода] предоставлена квартира, состоящая из 6 комнат по Советской № 33, занимаемая профессорами Медишевым и Яржембским.

Управл.[яющий] Делами
Ст.[арший] Делопроизводитель

НАРБ, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 2969, л. 22.

№ 5

В Правление
Белорусского Государственного Ун[иверсите]та

В средине октября мес [яца] по распоряжению Правления Б.Г.У. я был (в числе других жильцов дома № 14 по Интернациональной ул.) спешно выселен из занимаемой мной квартиры. Выселяя меня и моего соседа по квартире проф. С. М. Мелких, Правление предоставило нам квартиру № 3 в доме № 33 по Советской улице. Эта квартира однако оказалась свободной лишь отчасти; две комнаты, как раз те именно, которые, по соглашению с проф. Мелких, должен занять я, до сих пор остаются в распоряжении проф. С.[ельско]-Х.[озяйственного] Института Яржемского. Не имея, таким образом, пока никакой квартиры, я помещаюсь с своею семьею и имуществом в одной небольшой (около 4-х кв. саж.) комнате, уступленной мне временно проф. С. М. Мелких. Переезжая сюда

я, правда, выразил согласие на то, чтобы некоторое время потесниться в ожидании, пока освободится вся квартира, но это «некоторое время» определялось тогда лишь двумя неделями, т. е. до первых чисел ноября, когда предполагал выехать и проф. Яржемский; теперь я живу, не имея своей квартиры, уже около месяца и не имею никакой уверенности в том, что такое положение не продлится еще месяц или даже два.

Занимая в течение месяца вместе с семьею и всеми вещами площадь в четыре квадратные сажени, я испытываю ряд неудобств, которые тяжело отзываются как на моей личной жизни и жизни моей семьи, так в особенности на всей обстановке моей научной и педагогической работы: 1) Небольшая комната, где я помещаюсь, по необходимости так заставлена вещами, что едва остается проход от одной стены до другой; вещами, главным образом — ящиками с книгами, пришлось заставить и переднюю и часть еще одной комнаты проф. Мелких и тем самым стеснить жильцов квартиры. 2) Расставить свою кровать на день я не имею возможности за отсутствием места; приходится ее расставлять вечером и каждый раз убирать утром, что отнимает много времени и непроизводительно усложняет трудовой день. 3) Так как приходится за теснотою по необходимости спать близко к окну и балконной двери, то я давно уже сильно простужен и вследствие сильного кашля с трудом читаю лекции и веду групповые занятия. 4) Мой ребенок, вынужденный за теснотою постоянно толкаться в передней и на кухне, заболел и слег в постель и в настоящее время с трудом поправляется; жена тоже начинает хворать в этой необычной обстановке, при которой у целой семьи нет в сущности достаточного, в смысле даже минимальной площади, домашнего угла. 5) Так как небольшая кухня не может разом обслужить трех семейств, то мы вынуждены лишь изредка, когда удается, готовить себе обед, а когда это не удается, питаемся кое-как, т. е. обходимся без горячей пищи. 6) Комната, в которой мы помещаемся, непосредственно примыкает к передней, и потому постоянные звонки и посетители других квартирантов не только лишают меня возможности отдохнуть хотя бы полчаса в промежуток между утренней (Педфак, Рабфак, Инбелкульт) и вечерней работой (Педфак), но и не дают спокойно выполнить самую минимальную работу; приходя вечером после лекций и заседаний домой, я по той же причине, именно благодаря соседству с комнатой, занятой проф. Яржемским, откуда нередко до полночи и даже позже слышны разговоры, долго не могу заснуть, несмотря на усталость. 7) Наконец — и это самое главное — я лишен всякой возможности развернуть свою обычную научную работу (доклады, статьи для печати, книга по методике для издания в Минске, подготовительные работы по изданию белор[усских] писателей для Инбелкульта) и нормальную подготовку к лекциям и групповым занятиям, потому что все мои книги и рукописи по необходимости вот уже около 1,5 мес[яцев][24] лежат в передней в ящиках, разобрать которые не представляется возможным за отсутствием места вне занимаемой мною комнаты и за теснотою самой комнаты, не вмещающей не только письменного стола, но даже и кроватей.

Указывая на эти неудобства, я, конечно, учитываю, что Правление может совершенно не интересоваться тем, как живет и питается моя семья, и тем, может ли проф. Замотин поставить для себя кровать на отведенной ему жилищной площади; я даже допускаю и то, что Правление не обязано интересовать, на чем проф. Замотин пишет свои программы, конспекты и очередные доклады для предметных комиссий по Педфаку и Рабфаку — на столе или на ящике. Но я думаю, что Правлению не безразлично, что квалифицированный научный работник, уже четвертый год работающий в Белорусском Государственном Университете, поставлен в самом начале учебного года в такие условия, что целых полтора месяца (а, может быть, еще и больше) должен вычеркнуть из своей текущей научной работы. Кроме того я полагаю, что Правление, взявши на себя

[24] Книги пришлось упаковать еще на прежней квартире для переезда. — *Прим. И. И. Замотина.*

спешное выселение меня из прежней квартиры, тем самым взяло на себя и труд срочно подыскать соответствующее для меня помещение. Между тем с момента моего выселения из прежней квартиры интерес ко мне со стороны университетского хозяйства выразился только в том, что за октябрь месяц с меня взяли за квартиру попрежнему 30 руб[лей], хотя я половину октября просидел на прежней квартире с наполовину упакованным имуществом и, следовательно, вполне квартирой, можно сказать, не пользовался, а вторую половину месяца прожил уже в небольшой комнате (4 кв[адратных] саж[еней]), которую вряд ли следует облагать 30-ю рублями, — да, к тому же, в октябре месяце я на вынужденный спешный переезд израсходовал около 40 рублей. Ту же плату предполагалось удержать из моего содержания и за ноябрь месяц, и мне пришлось лично объяснять и доказывать, что я все еще не имею квартиры и живу в комнате, предназначенной для проф. С.М. Мелких.

Описывая создавшееся для меня неблагоприятное квартирное положение, я не могу не отметить резкой разницы, которая в данном случае проводится между научными работниками. Три года тому назад я вынужден был занять отведенную мне университетом квартиру в грязном виде без всякого ремонта и прожил в ней в такой обстановке три года (отремонтирована была в конце концов только одна комната и то лишь потому, что в ней грозил падением потолок) и в настоящее время мне пришлось вселиться в другую квартиру так спешно, что не удалось заблаговременно даже вымыть пол в той комнате, которая сейчас сплошь заставлена вещами и не может быть вымыта и приведена в порядок. И вот в то время, как для меня почему-то обязательна спешность и срочность для выселения и вселения, лишающая меня возможности позаботиться даже о санитарной стороне своего жилища — другой научный работник имеет привилегию оставаться в отведенной мне квартире сколько угодно времени, пока в его будущей квартире не произведут ремонт во всех деталях, и тем самым ставит меня в тяжелое положение.

В виду вышеизложенного прошу Правление принять срочные меры к освобождению предназначенных мне 2-х комнат в квартире № 3. Так как выезд проф. Яржемского зависит от ремонта, который должны произвести в его будущей квартире в Горках, то не найдет ли возможным Правление ходатайствовать перед Наркомпросом об ускорении этого несложного, повидимому, ремонта (оклейка обоями комнат, окраска окон и т. п.), требующего всего несколько дней работы, с тем, чтобы проф. Яржемский мог в ближайшее время освободить занимаемое им помещение в доме № 33.

17 ноября 1925 г. Проф. И. Замотин

НАРБ, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 2969, л. 23–24.

№ 6

РЕКТОРУ БЕЛОРУССКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Профессора по кафедре западно-европейских литератур
Донского Госуд.[арственного] Университета,
магистра истории всеобщей литературы —

Александра Михайловича Евлахова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сим имею честь заявить, что я готов был бы занять кафедру истории западно-европейских литератур вверенннаго вам Университета, если бы последний согласился на нижеследующие мои условия: 1) предоставить мне лектуру итальянского языка,

2) предоставить мне с семьей, состоящей из жены и 5 чел. детей, квартиру из 5–6 комнат и 3) оплатить переезд мой с семьей (т. е. семи человек) с необходимым багажем и небольшой библиотекой, так как никаких своих средств, кроме получаемого жалованья, я не имею.

В случае согласия на эти условия, я просил бы вас оформить мой перевод в Белорусский Университет с таким расчетом, чтобы я мог уже летом переехать в г. Минск.

Мой адрес: Ростов н /Д,, ул. Никольская, 102.

При сем прилагаю мое [curriculum vitae] и список моих научных трудов (на обороте).

Ростов н/Д., 20 Апреля 1920 г.

Проф. А. Евлахов

НАРБ, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 2712, л. 2.

№ 7

Ректору
Государственного Белорусского Университета

Проф. Донского
Государственного Университета
А. М. Евлахова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Проф. И. И. Замотин сообщил мне, что в первых числах июня бумага о моем избрании была передана Вами на утверждение в Гус. По его словам, вполне возможно, что утверждение последует в августе или сентябре. Если это действительно так, меня это поставит в очень затруднительное положение. Кроме меня, в Ростове специалиста по моему предмету нет, и бросить кафедру на произвол судьбы в самом начале учебного года, не предупредив об этом и не дав возможности подыскать заместителя, едва ли будет удобно. С другой стороны, и мои личные интересы требуют выяснения этого вопроса в ту или иную сторону теперь же, не позже средины июля: необходимость определения положения в уч.[ебных] заведениях детей (одни учатся, другие поступают), необходимость озаботиться здесь приобретением на зиму угля и пр.[очего]. Ввиду этого, если утверждение моего перевода — лишь вопрос времени, я бы просил 1) отвести мне квартиру (постоянную или временную — до приискания постоянной) теперь же и 2) выслать мне аванс в сумме, какую Вы найдете возможной, чтобы я мог переехать немедленно, т. е. к средине июля. В противном случае, повторяю, как мне ни хочется переехать в Минск, это едва ли мне удастся. Профессор И. И. Замотин находился в таком же положении и смог выехать лишь в октябре, но 1) по кафедре русской лит[ерату]ры у нас имеется второй профессор, 2) у него маленькая семья и единственный ребенок — не учебного возраста. Условия моего позднего переезда — много сложнее, и потому я бы просил выяснить вопрос о моем утверждении теперь же и сообщить мне об этом.

Ростов н / Д
Никольская 102

28/6 1923 Проф А. Евлахов

ПОЛУЧЕНО 12 / 7 1923

НАРБ, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 2712, л. 8–9.

№ 8

Пятигорск
Крайняя 12
25/7 1923

Вашу телеграмму я получил перед отъездом в Пятигорск, и тогда же ответил на нее краткой телеграммой же, так как подробней решил написать Вам письмом. Обстоятельства сложились так, что, не получая утверждения до 20-го июля и не зная, когда могу надеяться получить его, я решил, что держать семью все лето в душном большом городе нецелесообразно и отправил ее в Ейск Куб.[анской] обл.[асти]; сам же хотел переехать из Пятигорска, после отдыха, в Баку, куда меня усиленно звал Университет и где утверждаться не нужно. Ваша телеграмма, полученная накануне отъезда, этот последний план изменила, так как лично мне хотелось переехать именно в Минск, и вопрос о Баку, т.[аким] обр.[азом] отпал. Теперь, имея телеграмму Вашу об утверждении, я, соответственным образом, изменил и все остальные свои планы. Прошу Вас, по получении этого письма, выслать подъёмные (червонцами) на имя жены моей: Ростов н [а] / Д [ону] Никольская, 102 Эрмионии Николаевне Евлаховой. Числа 15–20 августа я выеду в Москву, где пребуду несколько дней, и, самое позднее, в конце августа буду в Минске, где сам займусь вопросом о квартире, а тогда уже переедет моя семья.

Меня смущает лишь одно: что мне делать с роялем и на какие средства перевозить его? Постановление Правления об отпуске мне средств на перевозку 10 пудов багажа, кроме книг, ставит меня в почти безвыходное, в этом отношении, положение. У меня двое детей учатся в консерватории, и быть без рояля мы не можем. Не будете ли Вы так любезны придумать что-нибудь для перевозки еще рояля?

Прошу вас также выслать на имя жены мандат на следование до Минска на 7 лиц с поименованием всех: Александру Михайловичу Евлахову, жене его Эрмионии Николаевне, и детям: Александру, Эрмионии, Ариадне, Оресту, Иринию. С почтением А. Евлахов

НАРБ, ф. 205, оп. 3, ед. хр. 2712, л. 10–11.

ЧЕЛОВЕК В ТРАГИЧЕСКИЕ МИНУТЫ ИСТОРИИ

Воспоминания одного из крупнейших детских кардиоревматологов Беларуси, кандидата медицинских наук Минны Рувимовны Лапидус.

Запись 5 июля 1989 г.

Расшифровка, литературное редактирование и комментарии Я. З. Басина

От публикатора

Случилось это летом 1989 г.

Тот год был переломным для мировоззрения людей, проживших всю сознательную жизнь при советской власти и впитавших догмы системы этой преступной власти едва ли не с молоком матери. Вал разоблачительной литературы, телевизионных передач, общественных дискуссий; распахнутые архивы спецслужб, открытые базы данных для тех, кто хочет узнать о судьбах исчезнувших в годы сталинского беспредела родных и близких, раскопки на местах массовых расстрелов… Все будоражило воображение и пробуждало надежды, что началась новая эпоха и что с этого дня уже будет совсем не так, как было при большевиках.

Разговоры на «перестроечные» темы возникали везде — в кругу друзей, на работе, на улице, в очередях… Один из них, во дворе моего дома, настолько взволновал меня, что я решил продолжить его. Правда, все началось с невинной вроде фразы:

— А мой папа уже в тридцатые годы знал, что Сталин — бандит. И что все окружение его — бандитское!

Эти слова произнесла Минна Рувимовна Лапидус, прекрасный врач-педиатр, с которой я подружился благодаря своей институтской подруге Доре Голдовской (в девичестве Гофман). Минна Рувимовна подкрепила свое утверждение фактами из жизни отца, известного минского хирурга. Выслушав все это, я осторожно спросил:

— А как ваш отец мог еще до войны знать о бандитской сущности Сталина? Для этого нужно было, как минимум, быть где-то очень близко от него и его окружения и знать все секреты кремлевской кухни, что было совсем небезопасно. А ваш отец жил в Минске, — в глубокой провинции, работал в клинике, в области, весьма далекой от политики… Откуда он мог получать такую информацию?

Моя собеседница на миг задумалась, а потом уверенно ответила:

— От моей тетки, родной сестры мамы. Это была старая бундовка. Она жила в Москве, но скрывалась у нас на квартире, бывало, что по нескольку недель, когда в Москве начинались аресты старых партийцев. Аресты прекращались, и она возвращалась к себе.

— А как ее имя? — спросил я.

В семидесятые годы вместе с доцентом БГУ Михаилом Ивановичем Иосько я активно занимался разработкой истории возникновения и развития белорусской социал-демократии доленинского периода и даже вписал во второе издание его монографии «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Белоруссия» (Минск, 1985) две главы. Так что мой вопрос не был чисто риторическим: я кое-что знал о тех людях.

— Это была наша тетя Женя. Евгения Гурвич.

Право, было от чего придти в смущение.

К этому времени уже вышла ходившая около двадцати лет по редакциям журналов и издательствам рукопись моей художественно-документальной повести «Зов Прометея», посвященной дружбе великой украинской поэтессы Леси Украинки с минчанином, одним из первых белорусских социал-демократов Сергеем Мержинским («Зов Прометея», Минск, 1987). Активным участником разворачивавшихся в повести событий была Евгения Гурвич, которая для Сергея фактически являлась наставником в революционной борьбе. Это было последнее десятилетие XIX в. — очень интересное время, эпоха либеральных свобод, наступивших в первые годы правления Николая II.

О том, как сложилась судьба Евгении Гурвич в послеоктябрьские годы, мы с Михаилом Ивановичем так и не смогли узнать. Было бы логичным предположить, что она погибла во время одной из сталинских «чисток», но пока доказательств не было, писать об этом мы не могли.

И вдруг такая информация появилась — совершенно неожиданно и там, где ее и искать не пришло бы в голову. И я пошел к Минне Рувимовне с диктофоном. То, что я от нее услышал, мне показалось настолько интересным, что я решил запись ее рассказа обнародовать. Разрешение на это я получил от нее самой, позвонив, будучи пару лет назад в США, у нее дома, в Миннеаполис.

Рассказ Минны Лапидус — это не только срез эпохи. Это еще и воскрешение в памяти большой группы людей того времени, по больше части медиков — профессоров и доцентов, докторов и кандидатов наук, министров и их заместителей… Имен, совершенно ныне забытых. Расшифровка их было делом весьма хлопотным, об иных и в архивах никаких сведений не сохранилось. Но дело стоило того.

Самым сложным оказалось восстановить сведения о главном герое воспоминаний — об отце рассказчицы. Сложно было потому, что следы самой Минны Рувимовны у меня затерялись, и уже не могу ей сегодня позвонить и все выяснить.

Известно только, что Рувим Исаевич Лапидус — хирург, кандидат медицинских наук, доцент. Работал в 1920–1922 гг. в Игуменском уезде (ныне Червенском районе), затем в Минске. В годы войны — главный хирург военных госпиталей, майор медицинской службы, 22 декабря 1942 г. награжден медалью «За оборону Сталинграда». Кроме того, среди его военных наград есть еще ордена Красной звезды и Отечественной войны. С 1952 г. — доцент кафедры факультетской хирургии Минского медицинского института.

(В поисках мне помогали бывший сотрудник Музея истории медицины Беларуси Фреда Абрамовна Сагальчик, бывшая заведующая справочно-библиографическим отделом библиотеки Белорусского медицинского университета Сима Михайловна Марголина и моя добровольная помощница Наталья Городецкая.)

Яков БАСИН

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

1

Мне в 1937 г. было 11 лет, а когда ушли из жизни Голодед[1] и Червяков[2] — еще меньше.

В тот день, когда мы узнали, что они покончили собой, мы были на даче в Ратомке. Приехал папа, который уже тогда все понимал, что происходит в стране. Приехал страшно расстроенный. Он должен был улететь по какому-то очень срочному вызову на операцию. Обычно он летал на санитарном У-2, который принадлежал санавиации. Но в этот день как только они поднялись в воздух, отказал мотор. Летчику удалось спланировать и посадить самолет на летное поле аэродрома, но на земле самолет развалился. И летчик, и отец чудом остались живы. Отец был потрясен тем, что случилось. Он уже не стал возвращаться в клинику и приехал к нам на дачу. Там я и спросила у него, почему Голодед и Червяков оказались врагами народа.

— Ты еще маленькая, — ответил он, — и не поймешь. Но ты все-таки не думай: они не враги. Происходит нечто очень страшное: идет борьба за власть.

А через год он уже все мне объяснил.

Из нашего дома исчезали люди.

Я училась в очень престижной школе — № 5. В Минске было две русские школы — № 4 и № 5. Одна была рядом с Публичной библиотекой, вторая — на улице Ленина. В эти школы могли попасть дети военных и разных начальников. Потом появилась еще одна русская школа — № 42. Но в нашей школе учились дети руководителей республики. Например, в одном классе со мной учились двойняшки Роза и Борис Гуревичи, дети известного в прошлом командира Красной Армии. Еще Има Куделька — дочка наркомфина, Яша Хейфиц — сын редактора газеты «Рабочий», дочка заместителя редактора этой газеты Эди Фишбейн. И еще дети менее ответственных товарищей.

Когда мы вступали в пионеры, торжественное обещание давали Голодеду. К нам в школу часто приходил Червяков. Голодед и Червяков жили во 2-м Доме Советов. Это на улице Ленина, где был старый военный универмаг. На этой улице и была наша школа. Часто, когда мы шли домой со второй смены, мы видели их машины. В Минске тогда машин было очень мало, а у них были особые машины — впереди неслась фигурка оленя. И мы собирались вокруг этой машины и рассматривали ее. А водитель нас отгонял. Милиционер тоже: «Уходите, уходите» — он стоял у входа в дом. Но когда выходил сам Червяков, он сажал нас всех в машину и просил водителя покатать нас. Мы ехали до площади Свободы и назад. Радости нашей не было конца.

Голодед с нами всегда здоровался.

В соседней 20-й школе учились две девушки — Валя Голодед и Зося Червякова. Школа была белорусской. Девочки были старше меня. Смотрели мы на них с обожанием. Они ходили мимо нашей школы. А улица К. Маркса называлась «Школьный проспект» — все школьники туда выходили гулять. Кто постарше, назначал там свидания. Мы, маленькие, бегали следить, кто кому свидания назначает. В 1937 г. я перешла в пятый класс. В тот год в учебниках белорусского языка мы заклеивали портреты

[1] Голодед Николай Матвеевич (1894–1937) — партийный и государственный деятель БССР. Репрессирован. В момент ареста — председатель Совнаркома БССР. Арестован 14 июня 1937 г. и спустя 7 дней, 21 июня, во время очередного допроса выбросился из окна 5-го этажа здания НКВД.

[2] Червяков Александр Григорьевич (1892–1937) — советский государственный деятель, в 1937 г. — председатель ЦИК БССР и один из председателей ЦИК СССР. 19 июня 1937 г., во время проходившего XVI съезда КП(б)Б, затравленный злобными выступлениями делегатов, не выдержав напора клеветнических обвинений, застрелился в своем рабочем кабинете.

белорусских поэтов — Чарота[3], Александровича[4] и др. А еще нас заставляли учить наизусть письмо белорусского народа товарищу Сталину. Его написали Я. Купала, Я. Колас, Александрович и другие поэты. Письмо готовили на шелке к Декаде белорусского искусства в Москве. Каждая страница вышивалась, а потом все такие страницы были переплетены. Получилась книга. Вышивали лучшие вышивальщицы.

В этом письме-книге были такие строчки:

Ты — сонца, што зямлю асвяціла
І ласкай сагрэла палі, гарады.
Ты — рэк паўнаводных імклівая сіла,
Празрыстасць крыніц — дарагі правадыр.

Табе наша шчасце, любоў і з'яднанасць,
Табе пяе песню сусветная шыр.
Вядзі ж нас, любімы, табой мы з'ядналы,
Ты наша жыццё — дарагі правадыр.

Я помню, как мой папа ходил и страшно плевался.

— Ты не должна учить стихи про этого убийцу, про этого страшного человека. Ты должна помнить, что это очень плохой человек, что это только начало, что самое страшное еще впереди.

Он предвидел все это страшное.

2

После гибели Голодеда и Червякова (а нам, детям, запретили в школе эти имена упоминать) началось это самое страшное. Сначала из нашего класса исчезли Роза и Борис Гуревичи. Они жили в доме, где сейчас Военторг. Но когда их отца арестовали, их переселили в комнату без отопления на Немиге. Их старший брат учился в 9-м классе нашей школы. Он исчез вместе со своим отцом. Остались дети с мамой, простой местечковой женщиной. А 7 ноября 37-го, когда нам всем велели придти на демонстрацию, Роза и Борис не появились. На Немиге, где они жили, их дверь в квартиру открывалась прямо на улицу. На двери уже висел замок. Так о них до сих пор ничего неизвестно.

Исчезла Има Куделько — сначала арестовали отца[5], потом ее не стало. За ней исчез Яша Хейфиц, а вот отца Эди Фишбейн не тронули, и мы доучились до 8-го класса, т. е. до войны. В соседнем классе училась Майя Стырно — дочка заместителя главного редактора журнала «Большевик Белоруссии». Сначала арестовали папу, потом маму, и Майя с младшим братом осталась с бабушкой. Их хотели забрать в детский дом, но бабушка не дала.

Потом арестовали мужа медсестры, с которой работала в детском диспансере окулистом моя мама, — еврейки Гильчерской. Ее русский муж, Розин, был директором Высшей партийной школы в Минске. Дочку Аллочку (нам было по 10 лет) забрали в детский дом. Время было тогда не очень сытное, и мама всегда находила что-нибудь, что можно отнести Аллочке, чтобы подкормить ее.

---

[3] Чарот Михась [наст. Куделька Михаил Семенович] (1896–1937) — белорусский поэт и общественный деятель (в 1924–1931 гг. — член ЦИК БССР). 24 января 1937 г. арестован как член так называемой контрреволюционной организации белорусских нацдемов. Расстрелян.

[4] Александрович Андрей Иванович (1906–1963) — белорусский советский поэт. В 1934–1937 гг. — заместитель председателя правления Союза писателей БССР, с 1936 г. — член-корреспондент АН БССР. В 1938 г. репрессирован.

[5] Куделько Иван Фаддеевич (1891–1938) — партийный и государственный деятель БССР. В момент ареста — нарком финансов БССР, член президиума ЦИК БССР.

Несколько позднее стали арестовывать профессоров. Моя одноклассница Испра Гиммельфарт (ее отец был профессором Института химии Академии наук) осталась с сестрой Вилей (Вилена — сокращенное от Владимир Ильич Ленин; так ее назвал при рождении отец). Обеих забрали в спецдетдом, но там их разделили. Испра, ставшая Ирой, закончила после войны педтехникум, а Виля приняла на себя все черты детей-уголовников, став совершенно неуправляемой.

В соседнем классе училась моя подруга Нелли Сигнанова. Она с родителями незадолго до нашего знакомства переехала из Гомеля. Ее отец (кстати, еврей) после того, как арестовали все правительство, стал на время вторым секретарем ЦК. Семья переселилась в гостиницу «Европа», у них появилась машина. Нелли заважничала. Жить в «Европе» было престижно: туда селили всех начальников, которые приезжали в Минск работать из других городов. А однажды Нелли пришла в школу и похвасталась, что им, наверное, дадут квартиру в Доме Советов, где жил Червяков. Но прошло совсем немного времени, и она пришла в школу заплаканная, села тихонько и положила голову на руки, на стол. К ней подошел учитель географии Алексей Ильич Жилуцкий, тихонько что-то спросил, а потом сказал:

— Дети, не надо трогать Нелли.

В школе воцарилась такая обстановка, что периодически на занятия приходили и другие девочки и мальчики, тихонько, как Нелли, садились и точно так же клали голову на руки. И мы уже знали, что это означает. Это был 1937 год. К концу учебного года из 34 человек в классе осталось 14, и на следующий учебный год из 4 пятых классов сделали 3 шестых, а к концу года осталось и совсем два шестых класса. Но в школу набрали еще детей, и опять получилось три шестых класса.

Отец работал доцентом мединститута и консультировал в лазарете пограничников, который располагался на улице Дзержинского. Лазарет принадлежал ведомству НКВД, но лечили там только пограничников: сказывалась близкая к Минску граница. Для отца это было очень существенно: лечить работников НКВД он, скорее всего, не пошел бы.

И это был 1937 год. Мы все не спали. Спать ложились одетыми, в первую очередь отец. Квартира была коммунальная — угол Ленина и Кирова, 2-этажный дом, сгоревший во второй день войны. Две комнаты из пяти занимал спецкор «Правды» еврей Шклярнин, еще две комнаты занимали мы и одну майор НКВД Соловьев. Из нашего дома тоже забирали людей: за ними приезжали черные «воронки». Внизу арестовали соседа, потом еще одного, и когда они подъезжали, а было это чаще всего ночью, то они брали дворничиху или дворника и звонили в дверь нужной квартиры. А утром мы узнавали, кого именно «взяли».

Машин в Минске было так мало, что звук каждой из них был далеко слышен. Не спали взрослые, не спали и дети. Все готовились к чему-то. Сосед, спецкор, имел телефон, и если папу вызывали в клинику, то звонили ему. Жена его нигде не работала, так как у них были две больные дочки. У одной — то, что тогда называлось золотухой (теперь мы знаем, что это детская экзема). Спецкор сам обычно печатал на машинке. Но однажды он начал заставлять жену печатать. Он перестал почему-то ходить на работу, ночами не спал. Жили они на то, что зарабатывал машинописью, оба.

Однажды в два часа ночи подъехала машина. Все были дома — и мы, и соседи. Черная машина остановилась у нашего подъезда. Все слышали шаги по лестнице. Дом был старый. На одну лестничную площадку выходили три наших квартиры. Шаги останавливаются у нашей двери. Звонок. Открылись все двери сразу, и в них показались хозяева всех трех квартир. Все — в кальсонах. Мой отец — тоже. Кальсоны тогда носили все мужчины. Майор НКВД Соловьев, Правдин, мой отец. Все стоят, и я за папой выскочила (я вообще была папиной дочкой). Еще один звонок, более настойчивый. Майор спра-

шивает: «Вам кого?» — «Лапидуса». Майор и Правдин облегченно вздыхают и уходят в свои квартиры. Щелкают замки в их дверях. Папа открывает входную дверь. За ней — солдат в форме НКВД.

— Прошу Вас: в госпиталь привезли тяжелораненого.

У отца тряслись руки. Вернулся утром. Никто не спал, не мог уснуть: отец мог не вернуться.

3

Неприятная ситуация в классе: заплевали портреты Блюхера, Егорова, Якира, Тухачевского. Сначала пачкали — чертики, рожки, усы пририсовывали, это было престижно! Глаза им выкалывали. Потом заплевали их. Учителя расценивали это как акт патриотизма. Папа говорил, что они не враги народа, но я поступала, как все.

Арестовали директора школы, латыша. Он был вторым директором школы. Первым был Станкевич, который еще до революции был директором гимназии и до моих времен сохранил в школе дух гимназии. Латыша (нового директора) я хорошо запомнила по митингу в декабре 1934 г., когда убили Кирова. Тогда он размахивал кулаком и говорил о врагах, которые убили Сергея Мироновича. Чувство страха было огромно, боялись, что враги завтра убьют родителей, ибо враги эти везде и всюду. Он призывал нас к бдительности.

Когда шли процессы — Бухарин, Рыков и остальные, — нас каждый раз собирали в актовый зал, и мы кричали: «Смерть им!», и каждый раз выступал наш директор-латыш и кричал это первым. И вдруг его арестовали. Последнее время до этого он ходил мрачным и уже ничего не выкрикивал. Папа спрашивал:

— Опять у вас был митинг?

— Нет, не было.

— Значит, завтра будет.

Но митингов не было ни завтра, ни послезавтра: у нас появился новый директор — Грицкевич, очень культурный человек. Его сын сейчас профессор[6]. Его жена была профессор — акушер-гинеколог. Семья Грицкевичей была дружна с Рахилью Нисаниной, секретарем райкома, и ее мужем Паней, греком по национальности.

Однажды мать Нелли Сигнановой Вера получила от сестры письмо, что ее муж Нёма (Наум Соломонович) — в Сибири и что осужден он по такой-то статье. Шел 1938 год. Паня и Рахиль поехали в Москву и попали на прием к какому-то начальнику. Они просидели на Лубянке 6 часов, пока их приняли. Рахиль пошла на прием, а Паня ее еще пять часов ждал. И она добилась освобождения Нёмы. Она совершила подвиг, но это был безумный поступок. Нёма вернулся в 1939 г. Он дал подписку о неразглашении, и никогда никому ничего не рассказывал до последнего дня жизни. Несмотря ни на что, он никогда так и не усомнился в своем большевистском боге.

В 1939–1940 гг. повальных арестов уже не было. Когда мне исполнилось 14 лет, папа начал меня просвещать. Он мне тогда многое рассказал. Он хорошо разбирался в обстановке и знал, что Бухарин, Зиновьев и Рыков ни в чем не виноваты, что там, в Москве, шла борьба за власть, что Сталин расправился со своими политическими противниками, что герой революции Троцкий тоже не был шпионом и т. д. О личности Сталина он почти ничего не знал, как, впрочем, и большинство людей в то время.

Отец до 1921 г. жил в Петрограде, был в курсе политической жизни, ходил на все митинги. В России было тогда два героя — Ленин и Троцкий, говорил он. Так и кричали: «Да здравствует Ленин!» и «Да здравствует Троцкий!» Троцкий был героем, и его по-

[6] Грицкевич Анатолий Петрович — доктор исторических наук, профессор.

пулярность не уступала популярности Ленина. Когда умер Ленин, никто не сомневался, что лидером будет Троцкий.

Вообще-то комплиментов отец не дарил никому — ни Ленину, ни Троцкому. Он говорил, что коммунизм принесет в страну голод, что красный террор — это очень страшно, но начался он еще до Сталина. Отец объяснял мне: Ленин умел делать шаг назад. Когда он увидел, что разруха и голод, он ввел НЭП, который стал избавлением для народа. Страна зажила новой жизнью. Отец говорил: «Вряд ли бы Ленин пошел на такую страшную коллективизацию» — он по-своему объяснял мне причины голода на Украине.

4

Что такое голод, мы знали хорошо. Отец, видимо, и пошел подрабатывать в лазарет НКВД, что там, кроме прочего, были еще и хорошие пайки, по карточкам. В нашем доме был хлебный магазин. Особые очереди за хлебом были в 1930–1932 гг. Тогда в 12 часов ночи папа шел занимать очередь, его сменяла мама, а с трех до утра стояла наша домработница Катя. Надо было отоварить хлебные карточки. А вот в лазарете НКВД по их служебным карточкам наша семья получала не сырой, а очень хороший хлеб (за ним ездила Катя). Иногда в том пайке бывало мясо, колбаса и даже белые булки.

В первом классе со мной за партой сидела Роза Гуревич. Ее отец был наркомпрод. Дети обычно приносили с собой завтраки. У меня обычно бывал кусочек хлеба, смазанный тонким слоем масла. Хотя моих родителей никогда не объявляли врагами народа, а я была единственным ребенком в семье, и мы даже в голодные годы не страдали, но белого хлеба я все же не видела. Роза же приносила французскую булку, густо смазанную маслом. Она была разрезана пополам, и Роза разнимала эти половины, одну отдавала Борису, а другую съедала сама. И мне всегда казалась, что она ест нечто необыкновенное. Такие булки были не только у Розы Гуревич. В нашем классе было много детей, принадлежавших к особой касте. Эти люди дружили, их дачи были вместе (сначала в Слепянке, а потом в Дроздах). Но я не помню, чтобы кто-нибудь из них меня угостил.

И вот наступил день, когда Катя впервые принесла из лазарета НКВД эту белую булку. И я взяла половину этой булки с маслом, принесла в школу и тоже ела на глазах у всего класса. Но я увидела глаза своей подруги Лоры Гольман (не еврейки), и я взяла ее за руку, завела в какой-то закуток, и мы вместе с ней съели эту булку.

Товары появились в магазинах в 1939 г. Карточки отменили еще в 1936 г. (во всяком случае, до начала террора). 1937 год, год террора, не был голодным. Катя наша собирала хлебные корки. Я ела плохо, и на меня кричали: «Люди голодают, а ты перловую кашу не ешь!» Помню, что было много гречки: она и продавалась, и ее также можно было получить на карточки. Гречневую кашу я тоже не любила, и мне тоже говорили: «люди пухнут от голода, а ты здесь выкомариваешь». А картошки не было, ее тоже давали по карточкам.

Наш дом был интересным. Построен он был каким-то богатым человеком. Сначала был поставлен деревянный дом, а к нему уже была сделана каменная пристройка. Деревянная часть выходила во двор. В ней были подвалы. В них хранилась государственная картошка, там же ее и продавали. Для нас это было очень удобно: и хлеб, и картошка, не отходя от дома. Очередь на картошку занимали за 2–3 дня. Сначала велась запись, а в последнюю ночь уже надо было дежурить. Дежурила обычно Катя. Веранда наша выходила во двор, и когда бывала перекличка, Катя кричала сверху, что она есть. Люди ночами стояли у нашего дома — за хлебом, за картошкой.

В Белоруссии с голоду никто не умирал, хотя папа и рассказывал, что приходили люди из других мест — с детьми, и эти люди умирали от голода. От отца же я узнала, что творилось во время голода на Украине, когда умерло несколько миллионов человек.

— ОН нарочно устроил этот голод, — говорил отец.

Не было другого человека, которого бы так ненавидел мой папа. Он звал его Другом. «Друг всех свиней, поросят и быков», «Отец народов» и другие самые ругательные слова. Даже в 1952–1953 гг., когда вообще стало страшно для евреев и ко мне приходили мои подруги с мужьями — Лиза Гельфер, Геня Давыдович, он при них начинал ЕГО ругать. Я говорила: «Папа, ради бога!» Но папа уже тогда не мог сдержать эмоции.

— Вот подождите, — кричал он, — будут еще вагоны. ОН всех нас выселит в Сибирь! Уже стоят эшелоны!

Отец многое, очень многое знал, понимал, мог прогнозировать события. Он даже говорил о том, будет кризис революционной идеи. Я запомнила рассказ о том, как он после революции жил в Петрограде, посещал митинги, и на одном из них слушал Жаботинского. Тот сказал так: «Евреи! Мы дали миру одного бога — Христа. За этого бога нас уже терзают две тысячи лет. Но все наши страдания — мелочь, крупица, капля по сравнению с тем, какие страдания нам предстоят за другого нашего бога — Маркса».

5

Папа знал очень много. Главное, он знал, что Сталин — бандит. Во всей этой партийной кухне он очень хорошо разбирался. А дело было в том, что у нас дома периодически появлялась родная сестра мамы — Евгения Адольфовна Гурвич[7].

Тетя Женя родилась у моего дедушки в первом его браке, а мама — во втором, позднем. Мама была намного моложе тети Жени.

Я еще была совсем маленькой девочкой, когда она, приехав из Москвы, ходила вместе со мной искать домик 1-го съезда РСДРП. Мы нашли его, и на нем была соответствующая табличка, но тетя Женя сказала: «Это все равно не тот домик. Господи, как они мне все надоели! Пускай ЭТО будет тот домик!»

Она была бундовка[8] и очень дружила с моим отцом. Она очень хорошо знала Сталина. В начале века она бежала с Троцким из ссылки. Она знала Ленина и с ним не раз встречалась. Вот она-то и знала всю эту кухню.

Она приезжала к нам много раз, почти каждый год, пока ей позволяло её здоровье. Она очень много беседовала с папой. Последний раз он ее видел в 1934 г.

Ее не раз садили. И в 1927 г., и в 1928 г. Даже маму мою однажды заодно с ней посадили. От меня это все скрывали. Она очень хорошо знала все о красном терроре. Она умерла в 1935 г. Все первые процессы — «Шахтинское дело»[9] и др. — она считала фальсификацией, и папа вслед за ней говорил: «Все это выдумки».

[7] Гурвич Евгения Адольфовна (1861–1935) — участница народнического и социал-демократического движения в Беларуси, сестра И. А. Гурвича. Получила образование в Швейцарии. Участвовала в организации и проведении 1-го съезда Бунда (Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше. Сентябрь 1897 г., Вильно) и 1-го съезда РСДРП (март 1898 г., Минск), член Минского совета Бунда. Автор перевода первой публикации «Капитала» К. Маркса на русский язык (совместно с Я. Заком). Арестована, сослана в Восточную Сибирь, откуда бежала вместе с Л. Троцким. До 1906 г. — в эмиграции, в 1917 г. — член исполкома Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1923 г. выслана из Минска как бывшая участница меньшевистской фракции РСДРП. Работала в Москве научным сотрудником Института К. Маркса и Ф. Энгельса, состояла во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльных.

[8] Бундовец, бундовка — сленговое название члена Бунда.

[9] «Шахтинское дело» — один из первых сфальсифицированных ОГПУ судебных процессов в СССР (май–июль 1928 г., Москва). В создании контрреволюционной «вредительской» организации была обвинена группа инженеров и техников Донбасса (5 обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные — к длительным срокам заключения).

В семье Гурвичей все были революционеры. Застрельщиком был, видимо, Исаак, который был на год старше тети Жени. Он был одним из лидеров движения народников, и почти всю жизнь прожил в Америке[10]. Туда же эмигрировали другие участники революционного движения из семьи Гурвичей.

Бывала у нас в Минске и двоюродная сестра тети Жени — Роза. Однажды по дороге на какой-то конгресс Интернационала она подарила мне очень красивый костюмчик, и у меня все спрашивали: «Девочка, где тебе его купили?» Она тогда вообще привезла целый чемодан тряпок. А на обратном пути она привезла мне куклу, которая говорила «Мама». У куклы было имя — Мисс Мери. Я ее, правда, звала Галей.

Тогда Роза просидела с отцом всю ночь напролет. Вот от этих двух женщин отец и знал все подробности партийных интриг.

Евгения Адольфовна не погибла в годы массовых репрессий. Она умерла. Мы об этом ничего не знали, но однажды мама прочитала некролог то ли в «Правде», то ли в «Известиях». Она прибежало ко мне в школу: «Тетя Женя умерла!» А папа сказал: «Слава богу, что она умерла дома, а не у НИХ в подвалах. Все равно ОНИ бы они ее замучили».

Тетя Женя была необыкновенно умная, но страшно некрасивая женщина. После того как она перевела на русский язык «Капитал» К. Маркса, она обрела большую популярность. В тюрьме она сидела в одиночке и перестукивалась с мужчиной-революционером из соседней камеры. Он влюбился в нее по этим разговорам. Они договорились пожениться после освобождения. Но когда он ее увидел, ему стало немножко худо. Это было для нее страшным ударом.

Замужем тетя Женя никогда не была. Жила в семье своей племянницы Розы, которая работала заместителем наркома путей сообщения в Москве. Роза закончила Институт красной профессуры, и всю жизнь была большим начальником. Она и войну начала большим начальником. У Розы была дочь Вероника. Тетя Женя безумно любила эту Веронику и помогла ей в совершенстве овладеть английским и немецким языками.

Тетя Женя умерла осенью или зимой. Помню только, что я была в осеннем пальто, когда ко мне в школу прибежала мама. Из семьи Розы уже никого не осталось в живых. Фотографии Жени Гурвич были дома у нас, но ничего не сохранилось.

Во всех книгах имя-отчество тети Жени пишется Евгения Адольфовна, но это очень странно, потому что и тетя Женя, и мама были в паспорте Ароновны. Их отец был учителем. Получив образование, он обзавелся каким-то документом, согласно которому мог жить вне черты оседлости. Это был очень образованный человек, и все его дети стали революционерами. Его имя было Арий[11].

---

[10] Гурвич Исаак Аронович (1860–1924) — участник народнического и социал-демократического движения в Беларуси, брат Е. А. Гурвич. Будучи студентом Петербургского университета, неоднократно арестовывался за революционную деятельность. Во время сибирской ссылки написал книгу «Переселение крестьян в Сибирь», а уже в американской эмиграции — книгу «Экономическое положение русской деревни». Более 30 лет прожил в США, издавал русскоязычную газету «Прогресс», был одним из основателей американской социалистической партии. Вернувшись после революции 1905 г. в Россию, избран депутатом II Государственной думы от Минска, но с наступлением реакции вернулся в США, где опубликовал книгу «Иммиграция и труд». Долгие годы переписывался с Ф. Энгельсом. В 1921 г. выслал в дар вновь открывшемуся Белорусскому государственному университету несколько тысяч томов собственной библиотеки. Умер в Нью-Йорке.

[11] Речь идет о том, что по какой-то причине во всех литературных источниках у брата и сестры Гурвичей разные отчества: Исаак везде пишется «Аронович», а Евгения почему-то «Адольфовна». Это давало «бдительным» редакторам возможность для маневра: в Белорусской советской энциклопедии (1971, т. 4) Адольфовичем стал и Исаак, а в обоих изданиях монографии М. И. Иосько «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Белоруссия» (очерк «Минчанин пишет Энгельсу…», 1967, 1985) инициалы Исаака вовсе не расшифрованы. Подлинное отчество Исаака Гурвича («Ариевич») можно найти только в дореволюционном издании «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Ефрона (т. 6, с. 843).

Тетю Женю арестовывали и в Минске, и дважды в Москве. Ее приезд в Минск обставлялся тайной, и меня предупреждали: никому не говори, что приехала тетя Женя. Она даже не выходила из дома, когда появлялась у нас. Тетя Женя была намного старше мамы (мама была 1900 г. р., а тетя Женя — 1861 г. р.). Когда началась революция, тетя Женя жила в Минске с моей мамой. Моя бабушка умерла в первые послереволюционные годы, и тетя Женя жила с ними. Дом, где они жили, стоял на улице Садовой (там теперь сквер Я. Купалы).

В моей памяти сохранился образ сухонькой старушки в очках, очень плохо одетой, которая очень плохо себя чувствовала. Она ходила с палкой и была полуслепой. За ней иногда приезжала машина, и мне это очень нравилось, так как меня тогда катали на ней. Папа с ней разговаривал часами, иногда они проводили без сна ночи напролет, поэтому папа понимал тайный смысл всего, что в стране происходило. Он говорил про Сталина и его окружение: «Это стадо бандитов». Тетя Женя все это «стадо» очень хорошо знала.

Много позднее, когда я уже работала в 20-й детской поликлинике, мне кричали, что я антисоветчица. Особенно старалась парторг по фамилии Морозко. А я ей в ответ кричала: «У меня родная тетка была организатором 1-го съезда РСДРП, а вы мне здесь говорите, что я несоветский человек. Я — советский человек, но этих… ненавижу!»

ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО

1

22 июня было воскресенье. По воскресеньям все работали. Мои родители тоже.

Мне 15 лет. Я влюбилась в симпатичного мальчика Леву из 4-й школы. Я его плохо знала, был он форменным оболдуем, но все вокруг влюблялись, и я решила, что мне тоже надо влюбиться. Мне тогда вообще все нравились.

22 июня должно было состояться открытие Комсомольского озера, и мы договорились, что пойдем на это событие всей компанией. Туда должен был прийти и этот Лева. Мы пришли туда, и вдруг начались какие-то разговоры, что началась война. На озере было малолюдно и не интересно, и мы решили, что вечером пойдем гулять по городу. В Минске на гастролях тогда был МХАТ, и, когда мы с подругой ближе к вечеру пошли гулять, то на Ленинской и К. Маркса увидели прогуливавшихся Николая Хмелева и Аллу Тарасову. Моя подруга знала их всех в лицо. Мы остановились и стали на них глазеть. Те остановились тоже.

— Девочки, вы хотите, чтобы мы вам автограф написали?

А мы тогда даже не знали, что это такое.

Вечером мы гуляли с двумя мальчиками из спецшколы, которая располагалась в здании нынешнего Суворовского училища. Незадолго до войны вышел страшный закон, по которому всех мальчиков после 7-го класса забирали в ремесленное училище. Надо было готовить рабочий класс, а то все бросились учиться, а простых рабочих не было. И действительно, наших самых лучших мальчишек забрали в ремесленное училище. Это был как бы «трудовой фронт». Причем забрать туда могли и из 8-го, и из 9-го классов. И тогда родители тех, чьи дети еще не пошли в ремесленное училище, стали срочно отдавать их в техникумы, а также в спецшколы. Мальчиков в обычной школе вообще не осталось.

Когда я вернулась домой, у подъезда ждал отец:

— Иди немедленно домой! Война, а ты где-то шляешься! Я уже всю округу обегал, а тебя не нашел.

А ночью началась бомбежка, и бомбили непрерывно. И мы бегали в убежище, которое было по улице Кирова. Но на это убежище упала бомба, и никто оттуда не вышел.

А потом стали говорить про другое убежище, там, где сейчас БПИ, и мы стали бегать туда. 23 июня мама получила повестку из военкомата, и она пошла туда. Ее отправили в Червень. Папе повестки не пришло.

В город стали поступать раненые из Молодечно, из Барановичей.

В это время в комнате майора жили другие люди, тоже из НКВД, а майора до этого перевели в Белосток. (Позднее мы узнали, что попал в плен и погиб в концлагере Тростенец.) С новыми жильцами, их домработницей и дочкой Ларочкой я пошла в убежище. Мама вручила мне портфель с вещами: платье, юбка, кофточка, что-то из еды. Сидели несколько часов. Город бомбили страшно. И вот часов в 6 вечера крики на все бомбоубежище: «Минна! Минна!». Это папа меня разыскивал — ходил и кричал в темноте. «Я здесь, папа!» — «Иди сейчас же ко мне!.. Где твои вещи?» — «Вот портфель!» А соседи (их домработница) портфель мне не отдает: «Я здесь сама положила свои вещи. Утром отдам».

Я как стояла в ситцевом платьице и туфельках на босу ногу, да еще какая-то жакеточка на мне была, — так я пошла. Папа повел меня к себе, во 2-ю больницу. Он ушел в операционную — раненые все прибывали и прибывали, а мы с Катей сидели в подвале, в морге. С нами была семья профессора Мангейма[12]: он сам, его жена и двое детей — Рая и Яша. Там было безопасно: стены во 2-й больнице монастырские. Мангейм ранее перенес инсульт, и у него не действовала правая рука. До этого он оперировал, а теперь уже не мог. Он заведовал кафедрой хирургии, на которой работал и мой отец. После инсульта Мангейма на папу выпала огромная нагрузка, и он фактически выполнял главные роли на кафедре. В 1941 г. папа даже защитил докторскую диссертацию, но она так и погибла, затерялась, и восстановить не удалось.

2

Все время рвались бомбы, кто-то принес нам поесть. Наступила ночь, раненых все везли и везли. Потом наступил день, а мы все сидели в этом морге. Город уже горел. В 9 часов вечера (это уже было 24 июня) вдруг из операционной спускается папа: «Собирайтесь, надо что-то делать!» Отзывает Мангейма, с ними еще главный врач клиники Брук, его жена — акушер-гинеколог, и говорит:

— Сейчас прибыл муж старшей операционной медсестры. Он уверяет, что немцы уже на окраине Минска. Надо немедленно уходить.

На второй день уже не работало радио, не было телефонной связи, не выходили газеты, и мы могли полагаться только на слухи. А слухи были самые странные: Минск горел, а нас уверяли, что Красная Армия уже заняла Кенигсберг и совершает авиационные налеты на Берлин. Папа морщился и говорил, что слухи эти распространяли военные и работники НКВД, но все говорили: «Это же замечательно, что наши уже в Кенигсберге!»

Опять прибегает отец, в халате:

— Надо немедленно уходить, они вырежут всех нас! Я сейчас еще пару раненых обработаю — там уже никто не поступает, — и будем срочно уходить. Брук, поднимись со мной, помоги мне оперировать!

Но Брук не пошел. Он еще посидел с нами какое-то время, потом позвал свою жену и вышел с ней. Зашла еще, позвала обоих сыновей и ушла с ними.

Брук был еврей, а жена его русской. Жили они на улице Горького, напротив 2-й клинической больницы, в 3-м Доме Советов, где магазин на первом этаже. А 1-й Дом Сове-

[12] Мангейм Александр Ефимович (1892–1959) — хирург, доктор медицинских наук, профессор. Выпускник Парижского университета. С 1922 по 1941 г. заведующий кафедрой медицинского факультета БГУ (с 1934 г. — Минского медицинского института). После войны в Минск не вернулся, работал в медицинских институтах Душанбе и Черновцов.

тов был рядом с Домом Правительства, напротив мединститута (там потом был магазин «Оптика»). Он и сейчас стоит. В нем еще был горком комсомола. Но самым престижным все же был именно 2-й Дом Советов: там жил Червяков и другие лидеры Белоруссии. А Гикало[13] жил в одноэтажном особняке на улице Кирова, ближе к вокзалу. Там всегда стояла охрана.

Во 2-м Доме Советов жили самые большие «шишки», как говорили тогда, в то время как «шишки поменьше» жили в 1-м и 3-м домах Советов. Наркомы жили в обычных домах, у них были 3–4-комнатные квартиры. Жили без роскоши. И дети у них были обычными, и одевались обычно, а отличались только французскими булками с маслом.

Брук побежал в корпус, где помещалась контора главного врача, и стал искать своего шофера. Того не было. Брук то приходил, то уходил и все говорил:

— Сейчас появится шофер. Сейчас появится шофер.

Машина действительно появилась, часа через два. Брук вбросил в машину свое пальто и сказал:

— Сейчас мы забежим, возьмем кое-какие вещи и поедем. Стойте здесь и ждите.

Дома у нас была Катя. Мама, как мы позднее узнали, уже была в Червене.

Я говорю:

— Папа, зайдем домой, хоть что-нибудь возьмем.

Он говорит:

— Ты не пройдешь. К тому же у нас нет времени идти домой.

— Но я же в одном летнем платьице, а ты в одном костюме.

— О чем ты говоришь?! Они тебя убьют и меня убьют. Ты же не понимаешь, что такое немцы.

— Давай пойдём.

Мы вышли с территории клиники. Дым, огонь. Люди задыхаются, ничего не видно.

— Папа давай потом, когда появится Брук, попросим его подъехать к нашему дому.

— Хорошо, мы попросим Брука, но он этого не сделает.

— Почему?

— Я его хорошо знаю.

Появилась машина. Брук сказал:

— Сейчас я заеду домой, а вы ждите.

Мы ждем. У Мангеймов были какие-то чемоданы, которые они потом потеряли. Мы видели, как машина заехала во двор Дома Советов и исчезла. Мы прождали долго, потом пошли туда во двор. Машины во дворе не было. Соседи сказали:

— Мы видели, как Брук грузился. Вещи все, чемоданы. Набил кузов и уехал.

Брука мы больше никогда не видели. Только потом узнали, что он попал в Оренбург (тогда Чкалов) и даже заведовал кафедрой.

3

Брук за все папе «отплатил». Он был начальником медслужбы погранотрядов НКВД и носил в петлице ромб, что было равносильно почти генеральскому званию (полковники носили 4 кубика). Папа с ним подружился, когда работал консультантом в лазарете НКВД. Брук ничего не умел, никогда не оперировал, а был только начальником. В 1938 г. его сняли с работы, но не посадили. Его разжаловали, выгнали из НКВД, и месяцев пять он не работал. От него все отвернулись, и единственный, кто с ним общался, был мой папа.

---

[13] Гикало Николай Федорович (1897–1938) — советский партийный и государственный деятель. В 1932–1937 гг. — Первый секретарь ЦК КП(б)Б. С февраля 1937 г. — Первый секретарь Харьковского ГК КП(б)У. Репрессирован.

Папа его поддержал и договорился с главврачем 2-й больницы, чтобы его взяли ординатором в хирургическое отделение. И его взяли. Папа рассказывал, как он учил Брука оперировать аппендицит. Научил. И грыжу делать научил. И Брук начал делать карьеру: сначала стал заведующим отделением, потом — заметителем главного врача, а потом — и вовсе главврачем больницы.

Но на этом папино милосердие и альтруизм не кончились. Начиная делать Брука оперирующим хирургом, он сказал ему: «Ты еще должен защитить диссертацию». У папы оставался фрагмент работы, который не вошел в его докторскую диссертацию. Он отдал Бруку эти куски. Брук был человеком очень способным — он быстро защитился и стал кандидатом наук…

И мы пошли пешком. Была ночь. Город горел. Дым забивал бронхи. Мы вышли на Московское шоссе. Оно было набито людьми. Шло масса народу, тысячи — с детьми, с чемоданами. Ехали НКВДешники. На машинах у них стояла мебель. Мы встретили наших соседей. Они ехали всей семьей. На их грузовике в кузове стоял даже шкаф.

— Лева, Лева, подвезите нас, — кричала я, но они не остановились.

Мы шли всю ночь и еще день. К вечеру у меня стали отекать ноги. И все время эту огромную массу людей обстреливали с воздуха. Когда мы видели, что самолеты спускаются, мы бросались в кусты.

Потом начались неприятности. Сначала Райка Мангейм потеряла чемодан с вещами. Потом потерялась сама Райка. А потом и сами Мангеймы потерялись. Возможно, они свернули на Смолевичи. А мы продолжали идти по шоссе. Не доходя километров 20 до Борисова, остановилась какая-то грузовая машина, и нас взяли. А толпа на шоссе не уменьшалась и была такая плотная, как на демонстрации.

В Борисове мы зашли в какой-то дом. Папа спросил:

— Где здесь живут евреи?

Нам дали попить, умыться, потом еще дали что-то поесть, но есть мы не стали. Папа говорит:

— Нам надо уходить. Уходите и вы. Немцы уже рядом, они прямо за нами.

— Нет, — говорят те, — мы из нашего дома никуда не уйдем.

Мы опять вышли на шоссе. Увидели подводу, нас немного подвезли. Стало темнеть. Вошли в какой-то поселок. Отец опять спросил:

— Где здесь живут евреи?

Нас впустили переночевать. Мы спали на маленькой детской кроватке вдвоем. Папа меня в 6 часов утра еле растолкал. И он опять уговаривал хозяев уйти на восток, а те говорили «нет».

Мы вышли на какую-то железнодорожную станцию. Там стоял состав. Кто-то сказал, что он пойдет на восток Мы сели в один из этих товарных вагонов, поехали в сторону Смоленска. Я уснула. Когда я проснулась, папа меня куда-то тащил.

— Бежим! Бомбят станцию.

Я бормотала, что я никуда не пойду, пусть убивают. Он не мог меня добудиться, и я ничего потом не помнила. Была это Орша. Папа таки вышвырнул меня из вагона. Кругом рвались снаряды. Наш состав разбомбили, и когда немцы улетели, мы сели на другой, с открытыми платформами. Проехали километров 30, и нас опять разбомбили. Сели еще на один поезд и доехали до Смоленска. Я была, как в бреду.

В Смоленске нас опять посадили в какой-то телятник, где было очень много людей, и повезли. Везли неизвестно куда, долго. Грязь, невозможно найти место, чтобы прилечь. Привезли в станицу Урюпинскую. На нас прибежали смотреть казаки: «Евреев привезли!» На нас смотрели, как на чудо, хотя много было и русских. Разместили в зале военкомата. Было много жен военных, партийных работников. Постелили сена, и мы

легли на полу спать. Потом нас отвезли в хутор Михайловский, это еще километров за 40. Начали спрашивать, кто какой специальности.

— Я — хирург, — сказал папа, — и хочу на фронт. Только возьмите с дочкой. Она будет работать медсестрой. Она умеет. (А мне на ухо: «Говори всем, что ты — медсестра, что ты все умеешь. Я тебя потом всему научу».) Возьмите меня в госпиталь. Лучше, конечно, в эвакогоспиталь, ведь я — квалифицированный хирург. Документы у меня все сохранились.

А назавтра была речь Сталина. Я проснулась, а папа:

— ОН говорит! ОН говорит!

Мы слушали эту речь и раз, и другой, и третий. Всё искали ответ на вопрос: что на самом деле происходит? В ЕГО речи пытались найти ответы на свои вопросы.

— Ты понимаешь, как ОН сказал: «Братья и сестры!» — кричал папа. — Сначала ОН их вырезал всех, а теперь ОН уже на них молится. Ишь ты: «Братья и сестры!».

— Папа, что будет?

— Я не знаю. Что будет — то будет. Надо знать, что делается на фронте. Ничего же не сообщается.

Это потом уже стало известно, что бои ведутся на Смоленском направлении, а это значит, что уже нет Минска. А потом уже появилось и Киевское направление.

— Ну что ж, немец уже занял Белоруссию и пол-Украины, — объяснял мне папа. — Плохо будет. Очень плохо. Большая беда будет. И ЕМУ это люди не простят. Не простят ни коллективизацию, ни 37-й год.

В этом отношении папа оказался плохим пророком. Но в целом он очень хорошо разбирался в происходящем и в последующем помогал мне осваивать эту науку.

— ЕМУ повезло: немцы проводят ту же политику, что и ОН, — объяснял мне папа. Они не распустили колхозы и уничтожают население. Они же не только еврейское население уничтожают! Они же ведут тотальный террор! Если бы немцы повели себя иначе, народ повернулся бы к ним. Народ слишком измучен Советами. Поэтому ЕГО счастье, что Гитлер оказался таким же бандитом, как ОН, и в этом ЕГО спасение… Гитлер — ученик Сталина, он у Сталина учился строить концлагеря. Я ненавижу Гитлера всей душой, но в отличие от Сталина он уничтожает только коммунистов и евреев, а не весь народ. А ЭТОТ уничтожал всех подряд, ОН ненавидит всех! Сталин — это такой бандит, который не приехал даже на похороны собственной матери.

Отец придерживался версии, что именно Сталин убил Аллилуеву. ЕМУ это ничего не стоило. Папа знал о ЕГО любовницах. Все, о чем сейчас пишут, он знал и об этом говорил раньше.

«РЕВУЩИЕ СОРОКОВЫЕ»

1

Всю войну папа был главным хирургом фронтового госпиталя № 2113. После того как немцы подошли к Урюпинску, госпиталь перебросили под Сталинград. Потом он оказался на левом берегу Волги, потом недалеко от г. Энгельса, в автономной республике немцев Поволжья.

Госпиталь обслуживал Сталинградское направление. Отец был награжден орденом Красной Звезды (за Сталинград), потом Отечественной войны и еще раз Отечественной войны. Когда шла Сталинградская битва, он стоял в операционной круглые сутки. Его лечение ожогов открытым методом не был признан руководством, теми, кто командовал эвакогоспиталями. Начальники госпиталей не признавали этих методов

лечения, и он с ними все время воевал. К сожалению, он всю жизнь воевал. Воевал не только с начальниками госпиталей, но и с комиссарами, с которыми никогда не находил общего языка. Он их терпеть не мог, считал, что они бездельники и только мешают работать.

Отец принципиально не желал вступать в партию. А ему предлагали — и под Сталинградом, и после Сталинграда. Может быть, если бы он вступил в партию, ему бы жить было легче. Но он говорил:

— В партию бандитов я вступать никогда не буду.

Потом эвакогоспиталь стал авиагоспиталем, и он обслуживал 8-ю воздушную армию (свой номер он при этом утратил) — был в Макеевке, в Польше, в Крыму, закончил боевой путь в Кракове.

После демобилизации отца в Минске ни за что не хотели брать на работу в мединститут. Предлагали только практическую работу. Отец писал в суд, в прокуратуру, в Москву, но уже в 1946 г. в этом вопросе уже ощущался государственный антисемитизм. Потом он все же добился, и его зачислили на должность доцента. Все остальные должности к этому времени уже были заполнены местными национальными кадрами. Эта же доля коснулась многих еврейских специалистов, вернувшихся из действующей армии. Мангейм остался в Черновцах, а в Минске появился новый заведующий кафедрой — профессор Петров[14].

Когда в конце сороковых началась кампания по борьбе с «космополитами»[15], отец страшно переживал. Его тоже первоначально уволили по сокращению штатов, и он остался без работы. Он опять доказывал, и ему дали полставки.

Время было ужасное. Каждый день в газетах кого-нибудь избивали: то писателей, то ученых. Но более всего занимались вейсманистами-морганистами[16] и борьбой с «лженаукой» генетикой.

2

Я кончила институт в 1949 г., и во время госэкзаменов у меня родилась двойня — две девочки. Работать я начала, когда им исполнилось 1 год и 5 месяцев, в 1950 г. Пришла в 1-ю клиническую больницу, в детское отделение, где заведовал кафедрой Василий Антонович Леонов[17]. Это был интеллигентнейший человек, знающий, который очень хорошо разбирался в теоретических вопросах, но не очень любил возиться с больными. Детей он не смотрел, а если и приходилось, то после осмотра всегда протирал

[14] Петров Николай Титович (1892–1954) — доктор медицинских наук, профессор. В 1935–1941 гг. — заведующий кафедрой общей хирургии Витебского мединститута, в 1943–1954 гг. — заведующий кафедрой факультетской хирургии Минского мединститута.

[15] «Борьба с космополитизмом» — шовинистическая кампания против «низкопоклонства перед Западом», выражавшаяся в «проработках» и шельмовании видных советских ученых и деятелей искусства, чьи работы не отвечали политике установления «приоритета России» во всех областях науки и культуры и были «заражены тлетворным влиянием Запада» (1948–1953). Среди подвергнутых остракизму было много евреев, но в целом кампания не носила откровенно антисемитского характера.

[16] «Вейсманисты-морганисты» — общее название представителей биологической науки в СССР — последователей австрийского естествоиспытателя, основоположника учения о наследственности (менделизма) Грегора Иоганна Менделя (1822–1884), немецкого зоолога и эволюциониста Августа Вейсмана (1834–1914) и одного из основоположников современной генетики, нобелевского лауреата 1933 г. американского биолога Томаса Ханта Моргана (1866–1945). Жестокая борьба с генетической наукой в СССР, которая велась с середины 1930-х гг., остановила ее развитие и привела к уничтожению крупных генетических школ.

[17] Леонов Василий Антонович (1889–1972) — педиатр, доктор медицинских наук, профессор, академик АН БССР, в 1948–1956 гг. — член Президиума АН БССР.

руки спиртом. Он читал прекрасные лекции, в которых уделял много внимания биохимии. Был великолепным теоретиком.

В те годы он был вице-президентом АН БССР. Президентом был Н. И. Гращенков[18], который сменил Жебрака[19]. Леонова даже выбрали депутатом Верховного Совета БССР. Это была торжественная минута для всей клиники, его поздравляли, все были горды за него и за себя. Леонов появлялся в 9 часов утра, проводил пятиминутку и уезжал в академию, но успевал дать ценные указания. Он был богом в клинике. «Леоновский дух» в больнице очень даже чувствовался. Но всю лечебную работу проводил Кацман Евсей Ефимович, в те дни еще доцент. Проявлений антисемитизма в отделении никогда не было. Он этого не допускал, хотя в терапии, где был профессор Степанов, это процветало во всем. Своего антисемитизма Степанов не скрывал, и в 1950-х гг. создал там страшную обстановку. Евреев оттуда всех просто изгнали, не осталось даже простых ординаторов.

Я работала участковым педиатром. У меня был самый далекий от центра участок — на Болотной станции. Тогда это была окраина города, куда надо было не меньше часа идти быстрым шагом. Да и сам участок был разброшен на 4–5 километров. Потом из этого одного участка сделали пять, но произошло это тогда, когда здесь были построены многоэтажные дома — считали по количеству детей.

Главным событием в клинике были профессорские обходы. Приводили больного, задавали пару вопросов, а потом мы забирались в дебри. Конек Леонова в те годы — теория Лысенко[20]. Он очень хорошо умел критиковать работы вейсманистов-морганистов, и делал это с большим удовольствием. Особенно доставалась Жебраку. Эпитетов было очень много. Мне в этом деле много непонятного. Все недоуменные вопросы я задавала отцу.

Мне иногда кажется, что Леонов в силу своей порядочности и образованности, в которых я ни на секунду не сомневаюсь, и сам понимал, насколько бессмысленна эта критика теории наследственности. Но он же зачем-то устраивал эти спектакли! Зачем он это делал?

А на одном из обходов мне стало совсем страшно. Вопросы, которые он обычно задавал во время своих обходов, были самыми неожиданными: к примеру, почему у грузин большие носы, а у монголов узкие глаза? Но на тот раз вопрос коснулся приоритета русской нации в науке, потому что в те года только и разговоров было, что все открытия делали только русские, а все остальные их обязательно крали. И Леонов вдруг сказал:

[18] Гращенков Николай Иванович (1901–1965) — невролог, доктор медицинских наук, профессор, академик АН БССР и АН СССР, в 1947–1951 гг. — президент АН БССР, в последующем работал в Москве.

[19] Жебрак Антон Романович (1901–1965) — генетик и селекционер, доктор биологических наук, профессор, академик АН БССР (1940). В июне 1945 г. — член делегации БССР на конференции в Сан-Франциско (США), где стал одним из подписантов Устава ООН. В 1947 г. — президент АН БССР. Выступал против царившего в СССР антинаучного «мичуринского учения». В октябре 1947 г. снят с должности за публикацию в американском еженедельнике «Science» («Наука») статьи с критикой этого учения. Основные работы по генетике проведены после смерти И. Сталина в 1953–1965 гг. — в Институте биологии, а с 1963 г. — отделе генетики и цитологии АН БССР.

[20] Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) — биолог, в 1940–1965 гг. — директор Института генетики АН СССР, академик АН СССР, трижды лауреат Сталинской премии. Выдвинул концепцию наследственности, изменчивости и видообразования, которую назвал «мичуринским учением». Считал, что искусственным путем можно вывести абсолютно любые растения, отрицал теорию хромосомной наследственности. Получил полную поддержку И. Сталина, в результате чего теория Лысенко была признана единственно правильной, а ее критика воспринималась как вредительство. Идеи Лысенко в течение тридцати лет внедрялись в сельское хозяйство административными методами. Прежде чем выяснилось, что все это не более чем шарлатанство, в СССР была полностью разгромлена генетика.

— А ведь этот жулик Лавуазье украл у Ломоносова закон о сохранении материи в природе[21].

Когда он назвал Лавуазье жуликом, даже моя наивная душа поняла: он сам во все это не верит. Но при этом поносил он генетиков страшно. Мы все пытались разобраться в этом и понять, наконец, как это природа смогла создать живой белок из неживого вещества. Вообще-то я этого до сих пор не могу понять. По-моему, и Леонов ничего не мог понять в том, что придумали оппоненты теории наследственности, но тем не менее рабочий день начинался именно с того, что последними словами обзывали вейсманистов-морганистов и хвалили Лепешинскую[22] и Лысенко. Это было вроде как утренняя молитва. А вслед за ними начинали ругать космополитов — писателей и ученых, но, правда, несколько меньше, чем генетиков. И так продолжалось до 1953 г. Тогда стало совсем страшно: началось «Дело врачей»[23].

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1952 г.

1

О том, что московские профессора Вовси и Виноградов[24] были посажены раньше, чем официально было объявлено о начале «Дела врачей», я узнала, когда только возникли слухи на эту тему. Сведения были очень достоверны. Когда я была в гостях у родственников в Ленинграде, заболел муж моей двоюродной сестры Володя Баранов. Заболел он тяжело, диагноз был неясен, и его повезли в Москву показать профессору Виноградову, но выяснилось, что его нет. Решили воспользоваться связями каких-то родственников с высшим эшелоном медицины и попасть на прием к Вовси, но и тот уже не работал.

В те самые дни по Москве и Ленинграду поползли слухи, что эти «кремлевские» врачи связаны с какими-то иностранными разведками — не то английскими, не то амери-

---

[21] Одним из козырей в проводимой сталинским руководством борьбе за приоритет русской науки было доказательство, что всемирный закон сохранения материи и движения был открыт русским ученым Михаилом Ломоносовым (1711–1765), а не жившим на поколении позже французским химиком Антуаном Лавуазье (1743–1794), как это описывалось обычно в истории химии.

[22] Лепешинская Ольга Борисовна (1871–1963) — биолог, академик Академии медицинских наук, лауреат Сталинской премии (1950). Основные труды по гистологии. Проповедовала антинаучное представление о неклеточной структуре живого вещества.

[23] «Дело врачей» — антиеврейская акция, предпринятая сталинским руководством в конце 1952 — начале 1953 г. Девять крупнейших в стране медицинских авторитетов (в том числе 6 евреев) были обвинены в том, что «злодейски подрывали здоровье больных», ставили заведомо неверные диагнозы и неправильным лечением губили пациентов. Среди их жертв якобы оказались ушедшие из жизни незадолго до этого советские политические деятели А. А. Жданов и А. С. Щербаков. Главным пунктом обвинения стало утверждение, что большинство участников террористической группы связаны с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией *"Джойнт"*», работающей под эгидой американской разведки. После объявления об аресте врачей в СССР началась разнузданная антисемитская кампания. Подготовка к открытому судебному процессу прекратилась со смертью И. Сталина.

[24] Вовси и Виноградов — основные фигуранты по «Делу врачей».

Вовси Мирон (Меир) Семенович (1897–1960) — терапевт, академик АМН СССР, генерал-майор медицинской службы, в 1941–1950 гг. — главный терапевт Советской Армии. С 1935 г. — руководитель терапевтического отделения Московской клинической больницы им. С. П. Боткина. В конце ноября 1952 г. был арестован, подвергнут жестоким пыткам и объявлен главарем антисоветской террористической организации.

Виноградов Владимир Никитич (1882–1964) — терапевт, академик АМН СССР. В 1934–1946 гг. — заведующий терапевтическим отделением Кремлевской больницы, в 1948–1951 гг. — главный терапевт Лечсанупра Кремля. В момент ареста в ноябре 1952 г. — профессор-консультант.

канскими — и, кроме того, якобы брали крупные взятки у населения. Тогда же прозвучала еще одна фамилия — Егоров[25]. Причем как раз фамилии Виноградова и Егорова повторялись часто, а Вовси редко.

Незадолго до этого, в начале 1948 г. (я тогда еще была студенткой), в Минске поднялся страшный шум. В еврейской среде начались разговоры, что приехал Михоэлс[26], что он должен принять спектакль еврейского театра «Восстание в гетто». Но случилась трагедия, и Михоэлса убили. В Минске начались разговоры по поводу того, как это произошло. Говорили, что его пригласил к себе в гости профессор Шапиро[27], который жил на Белорусской улице, рядом со стадионом «Динамо». А город тогда был так разрушен, что на этой улице стояли только маленькие домишки и не было никакого освещения. Именно здесь и убили Михоэлса: он еще с одним человеком[28] шел к Шапиро поздно вечером. Все кости у Михоэлса якобы были переломаны, так как грузовик, который его сбил, несколько раз проехался по нему. Так гласила молва.

Тело Михоэлса поместили в морг мединститута. В городе стали говорить, что распутывать дело будут Лев Шейнин и братья Тур[29], которые тогда вместе писали пьесы и были очень популярны. События обрастали самыми невероятными слухами, но наверняка никто ничего не знал.

Прошло некоторое время, и имя Михоэлса начало мелькать на страницах газет среди имен актеров, которых причисляли к числу космополитов. Потом появились сообщения о советских писателях-евреях, и шли прозрачные намеки на то, что они продались

---

[25] Егоров Петр И. (1899–1967) — доктор медицинских наук, в 1947–1952 гг. — начальник Лечебно-санитарного управления Кремля, один из основных фигурантов по «Делу врачей».

[26] Михоэлс Шломо (Соломон Михайлович Вовси, 1890–1948) — актер и режиссер, один из основателей и с 1929 г. художественный руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР. В 1942–1948 гг. — председатель Еврейского антифашистского комитета. 13 января 1948 г. убит в Минске в результате спланированной акции органов МГБ по личному приказу И. Сталина. В пятую годовщину убийства, 13 января 1953 г., было опубликовано официальное сообщение о «Деле врачей», в котором Михоэлс впервые гласно назван «еврейским буржуазным националистом», который, будучи двоюродным братом кремлевского терапевта Мирона Вовси, якобы завербовал его в сионистскую организацию «Джойнт», являющуюся «филиалом американской разведки».

[27] Шапиро Моисей Наумович (1884–1970) — хирург, травматолог и ортопед, доктор медицинских наук, профессор. В 1923–1957 гг. — работа в Минском медицинском институте. В 1945–1950 гг. — директор Белорусского НИИ ортопедии и восстановительной хирургии.

[28] Спутником Михоэлса был московский театральный критик Владимир Голубов-Потапов, приехавший с ним в Минск по поручению Комитета по Сталинским премиям для просмотра выдвинутых на премию спектаклей в Белорусском театре оперы и балета (опера Е. Тикоцкого «Алеся») и Белорусского театра им. Я. Купалы (пьеса А. Мовзона «Константин Заслонов»). В. Голубов-Потапов был негласным сотрудником НКВД и одним из организаторов ликвидации Михоэлса. Убит вместе с ним для прикрытия заказного характера преступления, которое было представлено общественности как несчастный случай. Похороны Михоэлса в Москве были обставлены со всей торжественностью, хотя спустя 5 лет он был «разоблачен» как сионистский агент.

[29] Слухи о том, что дело об убийстве Михоэлса будут распутывать драматурги Лев Шейнин и бр. Тур, основывались на факте приезда в Минск следователя по особо важным делам Прокуратуры СССР Льва Романовича Шейнина (1906–1967). Литераторы долгие годы выступали как соавторы. Используя детективный сюжет, они создали имевшие шумный успех пьесу «Очная ставка» и сценарий фильма «Встреча на Эльбе» (1949).

Надежды еврейской общественности на их участие в расследовании дела Михоэлса были еще связаны с их еврейским происхождением (братья Тур — это литературный псевдоним Леонида Давидовича Тубельского, 1905–1961, и Петра Львовича Рыжея, 1908–1978), о чем заявляли на следствии арестованные члены Еврейского антифашистского комитета. На основании их показаний Лев Шейнин был отстранен от работы в Прокуратуре СССР и 19 октября 1951 г. арестован (освобожден 21 ноября 1953 г.).

какой-то разведке. В прессе набирала силу разнузданная кампания по нагнетанию антиеврейских настроений, но когда публиковались списки евреев-космополитов, в их числе всегда было две-три русских фамилий.

Слухи становились все страшнее. Жилось трудно, и ко всей этой молве поневоле прислушивались. Было плохо с продуктами: не было мяса, масла, сахара. Правда, в Западной Белоруссии еще не начиналась коллективизация, и поэтому на базаре появлялось все это, причем даже не дороже, чем в магазине. Но по мере того как создавались колхозы, с рынка начало все исчезать. Тогда, чтобы получить масло в магазине, надо было отстоять огромную очередь. Масло продавали расфасованным по 150–200 гр. Так же был расфасован и сахар.

Но вдруг в конце 1949 — начале 1950 г. очереди внезапно исчезли: продукты просто перестали покупать. Поползли слухи, что их отравили евреи. Мы тогда жили на Цнянской улице. Возле нас был магазин, в котором директор и его заместитель были в прошлом врачами. Люди говорили: «Не ходите покупать у них продукты: там всё отравлено».

Я спрашивала у папы, зачем эти слухи, кому они выгодны.

— Понимаешь, дочка, их распространяют МВД или МГБ, чтобы возбудить ненависть к евреям.

Отец уже тогда хорошо понимал ситуацию, как понимал ее и в 1930-х гг.

2

В январе 1953 г. во всех газетах появилась небольшая статейка — «Врачи-убийцы». И там вместе с двумя десятками еврейских фамилий были фамилии Виноградова и Егорова. Заметка была набрана мелким шрифтом, на нее даже трудно было сразу обратить внимание. Но фамилии врачей были набраны большими буквами. Возникла масса недоумений. Все перешептывались: «Что это?», «Зачем им это надо было?», «Неужели им было мало денег?».

Моя подруга Мирра Миневич прибежала ко мне первой:

— Минна, зачем они хотели убивать людей?

Геня Далидович, Лиля Гельфанд и другие мои подруги задавали те же вопросы. Я тоже была растеряна и ничего им не могла сказать. И только придя домой, я всё узнала от отца.

— Понимаешь, дочка, это — провокация. Это — страшная провокация, чтобы сделать с нами то, что сделали с татарами, с чеченцами, с ингушами. Для евреев это грозит страшными последствиями.

Отец во всем этом очень хорошо разбирался.

А назавтра у нас в клинике был митинг. Он проходил раздельно в трех корпусах. В первом корпусе митинг проводил Алексей Иванович Шуба[30] и парторг Яценко, в нашем, педиатрическом, — заместитель главного врача Александр Иванович Корхов[31] и профессор Леонов.

Корхов открыл митинг и сразу предоставил слово Леонову. Тот сказал:

— Товарищи! Все вы знаете, что случилось страшное: люди в белых халатах, врачи, такие же, как и мы, стали убийцами. Они хотели убить членов правительства, и среди

[30] Шуба Алексей Иванович (1912–1971) — один из руководителей партизанского движения в Минской области, командир партизанской бригады. С 1944 г. — заведующий отделом здравоохранения. В 1952–1971 гг. — главный врач 1-й клинической больницы г. Минска.

[31] Корхов Александр Иванович (1919–2005) — в 1951–1956 гг. — заместитель главного врача 1-й клинической больницы г. Минска, в 1956–1964 гг. — главный врач 3-й городской больницы г. Минска.

этих врачей — те, кто работал в Четвертом Главном управлении Минздрава, то есть в Кремлевской больнице, где лечат наших вождей. Среди них — Егоров и Виноградов. Виноградов и Егоров.

Леонов не назвал ни одной еврейской фамилии.

Работали мы тогда не только в стационаре. Это была так называемая трехзвеньевая система: больница — через день прием в поликлинике — и ежедневно участок. Получалась ставка с четвертью. Каждое утро мы приходили в больницу, где вели по 8–10 больных, и делали обход.

Евреев у нас тогда было много, и мы слушали Леонова, опустив голову, но когда он сказал о Виноградове и Егорове, я огляделась: евреи все смотрели в пол, а весь остальной зал — на Леонова.

Потом слово взял Корхов. Он тоже повторял только две фамилии: Виноградов и Егоров.

3

Корхов появился у нас незадолго до этого, а раньше он был начальником медсанчасти НКВД. По званию он был полковником. Молод, привлекателен, строен. Когда у нас было распределение, пришел на комиссию — красивый, в военной форме. К нему все подходили: «Возьмите на работу к себе меня». (Я тогда ждала ребёнка и к нему не подходила.) Из органов его выгнали: жена — еврейка. Мы ее знали. Эмилия Абрамовна потом долго работала в 1-й клинической больнице, заведовала отделением.

Корхов начал службу в армии в 1941 г. Он принес нам в клинику жесткие армейские порядки. До войны он окончил четыре курса мединститута, потом, чтобы получить диплом, прошел еще один, ускоренный курс. Всю войну был в действующей армии, попал в Белоруссию. Был он в клинике заместителем главного врача. Был человеком жестким, относился ко всем, как к солдатам: все должны были перед ним стоять «по стойке смирно». Его все боялись, но не очень уважали. А я со своей строптивостью и со своим длинным языком ссорилась с ним чаще, чем кто-либо другой. Но когда он так выступил на митинге, у меня все перевернулось: он же мог сказать иначе.

Но нашлось кому говорить иначе и без него. Попросил слово Усов[32], тогда аспирант кафедры детских болезней, бывший фронтовик. Он был членом партии и выступал на всех собраниях. Человек эмоциональный, невыдержанный. Человек, который знал, чего он хочет, который знал, что ему нужно для карьеры. На него работали две лаборантки. В клинике Усов сразу оказался в рядах руководства. Когда Леонов приглашал к себе на совещание доцентов, ассистентов, он говорил: «И вы, Иван Нестерович, тоже зайдите». В больнице на всех собраниях Усов был одним из носителей партийной идеологии.

И вот он выходит на трибуну, с горящими черными глазами, невысокий, худоватый, с совершенно гитлеровскими усами. Что-то в его облике было от тех гитлеровских фанатиков, которых любили показывать тогда в кино. Он выбросил вперед руку, раскрыл пальцы и крикнул:

— Задушить эту черную мерзкую гадину. Мне стыдно, что я окончил мединститут и имею такое же звание врача, как и эти люди. Я их задушу своими руками, и мы все будем душить их. Они пустили свои черные, грязные щупальца в Москве, но я уверен, что эти щупальца есть и в Белоруссии. И нам предстоит еще большая работа: мы должны найти эти щупальца, их разветвления и разрубить их. Мы не оставим ни одной из этих черных гадин на этой земле.

Это был такой ужас! Нельзя было поднять голову.

---

32 Усов Иван Нестерович (1921–1994) — педиатр, доктор медицинских наук, профессор. С 1951 г. — сотрудник Минского медицинского института, с 1967 г. — заведующий кафедрой педиатрии.

— В войну люди этой национальности прятались в тылу, в Ташкенте. Я прошел весь фронт и не видел их там. Они скрывались по тылам. Теперь они хотят лишить жизни наше правительство. Мы им этого не позволим.

В этот вечер у него было ночное дежурство. И он дежурил с моей подругой Геней Далидович. Задал ей такой вопрос: «Скажите, Геня Львовна, почему люди вашей национальности такие трусливые? Вот я воевал с 1942 г. и до конца войны. Я не встретил ни одного еврея. Почему они такие подлые и такие трусливые?».

Геня мне это передала, а я у нее спросила: «Почему же ты, Генечка, не сказала ему, что твой муж протопал всю войну — сначала солдатом, потом сержантом, потом лейтенантом? Почему не сказала ему, сколько раз он был ранен? А про своего отца почему ты ему не рассказала, про своего этого старого большевика, которого повесили в 1939 году в Польше?»

«Я боялась сказать хоть одно слово. Я боялась. Мне было страшно, Минна».

4

Самым страшным, тем не менее, было на этом митинге не выступление Усова. Самым страшным было выступление Кацмана[33].

Добрый доктор Кацман, которого обожали все дети. К ним он обращался не иначе, как «жаба ты маринованная». Доктор, которого обожали все мамы и папы. Его никто не приглашал на трибуну. Маленький, толстенький, кругленький, он выкатился туда сам.

— Разрешите мне слово, — и побежал.

Я внутренне охнула: «Что он будет говорить?.. Зачем он пошёл?..» А он вышел к трибуне и буквально со слезами в голосе произнес:

— Мне стыдно, что я являюсь представителем этого же поколения врачей. Мне стыдно, что эти люди опозорили звание врача. Мне стыдно, что я являюсь человеком той же национальности, что и они. Я думаю, до какой степени подлости может упасть человек, если он может убивать своих пациентов. Я — старый врач. Всю жизнь я спасал людей, детей, а оказалось, что есть врачи-убийцы. Но самое страшное, что они не одиноки, ведь в этой клике оказались Мейерхольд[34], то есть нет — Михоэлс. Ведь Михоэлс оказался связан с «Джойнтом»[35]. Ведь он — двоюродный брат Вовси. И мы должны не забывать, что Михоэлс приезжал сюда, а куда он шел? Он же шел к профессору Шапиро! А может быть, он шел к нему на связь? Может, от Шапиро идут веточки в какие-то стороны?! И мы должны разобрать все до косточки.

---

[33] Кацман Евсей Ефимович (Хаимович) (1893–1970) — педиатр, доктор медицинских наук, профессор. С 1921 г. — сотрудник Белорусского НИИ охраны материнства и детства, в 1938–1968 гг. — доцент (с 1956 г. — профессор) кафедры детских болезней Минского медицинского института.

[34] Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) — режиссер, актер, один из реформаторов современного театра, народный артист России. В 1920–1938 гг. возглавлял театр в Москве. Репрессирован. Поскольку в основе фамилии Мейерхольда стоит слово «мейер», созвучное с еврейским именем, великого режиссера нередко причисляют к числу еврейских деятелей культуры.

[35] «Джойнт» (Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов) — еврейская благотворительная организация. Основан 27 ноября 1914 г. для оказания помощи сотням тысяч евреев России и Австро-Венгрии, оставшимся без крова в районах военных действий во время Первой мировой войны. Свою деятельность продолжил в 1920–1930-х гг. До 1939 г. выделил огромные суммы на цели эмиграции евреев из нацистской Германии. В годы Второй мировой войны израсходовал около 79 млн долларов на оказание помощи европейским евреям и на их спасение. В советских антисемитских кампаниях становился объектом нападок и клеветы. В частности, на весь мир в начале 1950-х гг. прозвучало «Дело Сланского» — судебный процесс в Чехословакии по обвинению группы видных деятелей государства во главе с генеральным секретарем компартии страны Рудольфом Сланским (наст. Зальцман, 1901–1952) в заговоре с целью свержения коммунистического режима. Это дело было пробным камнем по использованию «Джойнта» в качестве мнимого представителя американской разведки.

Других выступлений я уже не помню.

Назавтра я подошла к Корхову:

— Александр Иванович! Забудьте все грубости, которые вы от меня слышали. Все плохие слова, которые я вам говорила, забудьте. Я теперь буду дежурить, когда вы захотите, делать столько визитов, сколько вам будет нужно. Двадцать плюс двадцать… Сколько нужно будет, столько я и буду делать. С сегодняшнего дня я вас очень уважаю. Вы — настоящий человек.

Но я со своим длинным языком подошла и к Кацману.

— Евсей Ефимович! Как вы только могли? Зачем вы это сделали? Это же страшно, что вы сделали! Я не смогу вам теперь подать руку.

Когда я рассказала это папе, он меня страшно ругал.

— Неужели ты не понимаешь, что если Кацман всенародно продал Шапиро, что ему стоит пойти и передать кому нужно твои слова! У тебя маленькие дети. Что ты наделала?!

А в это время слухи про Шапиро поползли по всему городу. Говорили, что и его арестовали, и что он — враг. В городе говорили обо всех известных евреях-врачах: и что их арестовали, и что их поймали, когда они сеяли рак. В нашем районе жила очень известная женщина — зубной врач. Ее знали, любили, к ней стремились попасть. Так о ней стали говорить, что ее поймали за руку, когда она сеяла рак.

5

Среди фамилий, которые тогда назывались, была и фамилия моего отца. Об этом стали говорить громко. Две фамилии тогда звучали в Минск громче всех: Шапиро и Лапидус. Страшно, но во 2-й клинике с речью (и даже с еще худшей, чем Кацман) выступил уролог Плисан[36]. Люди вели себя по-разному.

Отец не стал спать по ночам, и мы все вслед за ним. Мы ждали, что с минуты на минуту за ним придут.

На митинге в терапевтическом корпусе страшную погромную речь произнес Степанов[37]. Шуба просто зачитал то, что было напечатано в газете. А вслед за Степановым с такой же погромной речью выступил парторг Яценко, рентгенолог. А потом они же пошли проводить митинг в 3-й корпус. Степанов прямо сказал:

— Всех их надо гнать! Всех, потому что евреям-врачам доверять больше нельзя.

Люди же говорили страшное, и ходить на визиты стало невозможно. Если раньше их было по 20–25 в день, то теперь стало по 4–5. То есть вообще, любых визитов на дому, особенно на тех участках, где были врачи-евреи. Были семьи, которые ко мне очень хорошо относились и часто приглашали меня на визиты, но именно от них я вдруг услышала такое:

— Доктор, мы вам дадим сало или деньги, но, пожалуйста, не ставьте нигде отметок, чтобы моему ребенку дали отравленное лекарство или сделали отравленную прививку. Мы же знаем, что вы можете такую отметку в истории болезни сделать. Мы вам все отдадим, только не делайте такой отметки.

---

36 Плисан Оскар Григорьевич (Ошер Гдальевич) (1902–1990) — хирург, кандидат медицинских наук, доцент. В 1945–1966 гг. — доцент кафедры факультетской хирургии Минского медицинского института, одновременно в 1950–1954 гг. — главный хирург Минского облздравотдела, в 1950–1966 гг. — главный уролог Минского горздравотдела.

37 Степанов Павел Николаевич (1895–1982) — терапевт, доктор медицинских наук, профессор. В 1949–1953 гг. — заведующий кафедрой госпитальной терапии Минского медицинского института, одновременно до 1951 г. — главный терапевт Минздрава БССР. В последующем (1953–1970) — работа в Смоленском медицинском институте.

Я была совсем молодым врачом. До этого мне никогда ничего не предлагали — ни подарков, ни денег, а тут вдруг такое… Относилось население ко мне хорошо. Но многие стали после моего прихода вызывать другого врача, русскую женщину, и если та тоже выписывала такое лекарство, то тогда они шли и заказывали его, а если оно хоть немного отличалось, они не заказывали.

Был у меня на участке ребенок с заражением крови, сепсисом. Он был очень тяжелый, постоянно высоко лихорадил. Из стационара его выписали. Он был на дому. Я водила к нему консультантов: Хашковскую, Чубкову, чьи мужья — Сержанин[38], Стельмашонок[39] — были известными в городе людьми. Не столько для дела, сколько для успокоения родителей, чтобы убедить их, что я ребенку ничего плохого не сделала. А ребенку становилось все хуже и хуже. И они уже вообще начали отказываться от визитов врача. Жили они далеко, ехать к ним надо было на пролетке, а пролетка была не всегда. Идти пешком приходилось более часа. И однажды мама ребенка сказала:

— Если ребенок умрет, отвечать будете вы. Наверное, в больнице его заразили этим сепсисом такие, как вы. Но если ребенок выздоровеет, я всем скажу, что вы — честная женщина. И если вас захотят посадить, я вас спасу.

А ребенка, кстати, удалось спасти.

6

Вообще-то ко мне относились хорошо, но за спиной, видимо, обговаривали. В стационаре я вела палату больных с пневмонией. Мамы не давали делать уколы, особенно если дежурили сестрички-еврейки. А процедурной сестрой у нас была Гильевская. Ее в 1937 г. посадили (после ареста мужа, директора Высшей партшколы). В 1947 г., после 10 лет лагерей, она оказалась в Минске и работала у нас. Это была очень опытная сестра, она делала все внутривенные, ставила капельницы, делала переливания крови. К ней врывались мамы и просили:

— Посмотри получше. Ты же русская, ты же наша. Посмотри, я тебя очень прошу, надежда только на тебя: нет ли тут чего-нибудь отравленного?! Мы надеемся на вас, как на русскую женщину, что вы ребенку отравленную кровь не вольете.

Но это обычно были очень простые женщины, и потом, когда их дети поправлялись, они уходили без злости. Иногда они даже делились сомнениями: все ли было так, как им об этом говорили.

Корхов и Леонов ходили по палатам, разговаривали с женщинами, пытаясь как-то сгладить острые углы. У нас в отделении не было того ажиотажа, какой был в других отделениях. Всех терапевтов, к примеру, из стационара сразу же убрали на участок. От многозвеньевой системы отказались. Инициатором был профессор Степанов. В стационаре оставили одних клинических ординаторов, зачислив на эти должности только русских врачей, а евреев отправили на участок, и все остались на одну ставку.

Правда, через 2–3 месяца и в детском отделении перестали давать вести палаты участковым врачам, но тут не делали различия между русскими и евреями. Дежурить по стационару нам позволили, но это тоже было очень тяжело: матери не давали осматривать детей — они ведь знали, кто есть кто, у кого какая фамилия. Хотя те, кто пролежал с ребенком хотя бы несколько дней, были проще и больше доверяли.

[38] Сержанин Петр Николаевич (1903–1972) — акушер-гинеколог, кандидат медицинских наук, доцент. В 1947–1954 гг. — заместитель министра здравоохранения БССР, одновременно (1945–1970) — заведующий кафедрой акушерства и гинекологии Белорусского института усовершенствования врачей.

[39] Стельмашонок Иван Моисеевич (1902–1976) — хирург, кандидат медицинских наук, доцент. В 1944–1954 гг. — доцент (с 1950 г. — заведующий) кафедры госпитальной хирургии Минского медицинского института. В 1953–1961 гг. — директор этого института.

7

Самыми тяжелыми оказались январь и февраль 1953 г. Все это время я ходила по участку и плакала. И не только я. Русские тоже плакали, им тоже было очень тяжело. И все ждали, чем же это все закончится. Газеты почти не читали, питались слухами, а их кто-то усиленно подогревал. Каждый раз, когда я приходила на визит, мне говорили: «А знаете, арестовали этого, того, Берковскую, например, педиатра». Я говорила: «Ну что вы, я с ней только вчера разговаривала».

Обычно среди «арестованных» оказывались самые известные врачи: терапевт Резник, хирург Лившиц. А то, что Шапиро «давно сидит», никто в городе не сомневался. Но в Белоруссии так никого и не посадили, хотя, если бы все это не оборвалось, кого-то, возможно, и в самом деле посадили бы. А вот с работы увольняли, это было. Еще до этой истории убрали главврача 1-й клинической больницы Шульца[40], парторга Родина, сняли абсолютно всех заведующих отделениями — евреев. Причем убирали без каких бы то ни было мотиваций.

Вот что мне позднее рассказала Рахиль Эфраимовна Мазо[41]. В 1949 г. министр здравоохранения Коваленок[42] объезжал все больницы. Мазо тогда заведовала отделением. Ее муж Малинин[43] еще работал не в Совете Министров, а в Академии наук. И вот приезжает министр.

— Я буду обходить корпуса, пусть меня встречают все завотделениями и завкафедрами.

По первому корпусу его сопровождал в этом обходе Шульц. Там его все устроило. Во втором корпусе его в своем кабинете встретил Леонов, а Мазо смотрела тяжелого больного. Потом и она подошла. Леонов ее представил:

— Рахиль Эфраимовна Мазо. Очень способный доктор. Наша завотделением.

— Это завотделением? — спросил Коваленок. — Это не завотделением. С завтрашнего дня вы заведовать отделением не будете. У вас есть здесь телефон? Дайте. Это Шульц? Мазо не фигура для завотделением. Чтобы завтра такой заведующей в больнице не было.

И назавтра отделением заведовала уже Симонова. Нашли быстро. Но у Леонова жена была еврейка, Гуревич. Он все прекрасно понимал. Назавтра он сказал Мазо:

— У меня в институте открывается вакансия аспиранта. Подавайте заявление. С завтрашнего дня вы — аспирант Академии наук.

Увольнения евреев происходили практически во всех клиниках, аптеках, поликлиниках. Например, в 1-й детской поликлинике главным врачом была Бухман Мария Моисеевна. Ее заменили Тутаевой. В целом, это пошло на пользу, потому что Бухман была плохим администратором, плохим педиатром, была ленива, но она была членом партии, и «наверху» это всех устраивало. Сняли же ее не потому, что она была плохим администратором, а потому, что была еврейкой. И все это было еще за несколько лет до собственно «Дела врачей».

---

[40] Шульц Файвель Яковлевич (1901–1963) — хирург, первый директор Минского медицинского института (1937–1941). В 1946–1952 гг. — главный врач Первой клинической больницы г. Минска. Позднее (1952–1959) — ассистент кафедры факультетской хирургии Минского мединститута.

[41] Мазо Рахиль Эфраимовна (1910 —?) — педиатр, доктор медицинских наук, профессор. В 1944–1948 гг. — заведующая детским отделением 1-й клинической больницы г. Минска. С 1949 г., после окончания аспирантуры, — сотрудник (с 1966 г. — профессор) кафедры педиатрии Белорусского института усовершенствования врачей.

[42] Коваленок Михаил Иванович (1900–1958) — в 1940–1948 гг. — министр здравоохранения БССР, в 1944–1958 гг. — доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней Минского медицинского института.

[43] Малинин Сергей Николаевич (1907–1972) — экономист, государственный деятель БССР. В 1946–1947 гг. — директор экономики АН БССР, в 1947–1953 гг. — сотрудник аппарата ЦК КПБ, в 1953–1965 гг. — председатель Госплана БССР.

Ходить по городу в это время было страшно. Если в тебе узнавали еврея, могли подойти и сказать:

— Долго ты здесь будешь травить наших?! Ничего, скоро мы уже с тобой разберемся!

Бросали в лицо: «Жидовская морда!». Не стесняясь, обзывали «жидами». Евреи спрашивали друг у друга: «Что будет дальше?» Никто не знал, чем это все может кончиться. Потом пошли слухи: масло отравлено, сахар отравлен, директора магазинов отравляют продукты. Снимали с должностей директоров и заместителей директоров магазинов — евреев. Это были черные дни.

8

Папа работал в клинике. Доцент. Его отстранили от операций. Заведующий кафедрой профессор Петров сказал: «Надо учить молодых, а вы можете присутствовать».

Отца несколько раз вызывал к себе главврач клиники Павлюков, который работал ассистентом. (До него был Розенман, муж профессора Несвижской[44], но его тоже сняли.) Павлюков говорил:

— Ты же знаешь… Петров тебе сам сказать не может, но, может быть, тебе стоит самому подать заявление об уходе? Твое имя часто называется в письмах. Говорят, что ты связан с Шапиро. Ты — один из старейших врачей, и у тебя большие связи. Может быть, тебе и в самом деле уехать?

И тогда мы решили: папе стоит уехать. Он уволился и уехал. Вернулся только после смерти Сталина, в апреле 1953 г. Он жил у родных в Ленинграде, нигде не работал. В Ленинграде у нас много родственников — и по линии матери, и по линии отца. Когда отец вернулся, его на работу брать не хотели. Устроился через два года. Сначала, в конце 1954 г., взяли областным хирургом, и лишь потом на полставки ассистентом в 3-ю клиническую больницу.

Потом, когда главврачом 3-й клиники был назначен Корхов, мы стали с ним большими друзьями. Он взял отца на работу. Когда у сына Корхова возникла саркома ноги, отец ходил делать ему перевязки. Когда позднее отец вышел на пенсию, Корхов дал ему ставку консультанта поликлиники. Отец занимался лечением трофических язв. К нему ездили со всей Белоруссии.

Министр Коваленок был страшным антисемитом. Он ушел со своего поста только после того, как у него развился прогрессивный паралич (он болел сифилисом). Ужасно вел себя в этот период[45] Евстафьев[46] — он был замминистра. В министерстве еще были и Инсаров, и Беляцкий, и Кардаш[47]. Лучше других вел себя Беляцкий. Непорядочно по отношению к отцу вели себя Инсаров и Кардаш.

С 1947 по 1949 г. горздравом заведовал А. Шуба. Он евреев на работу не брал. Потом его исключили из партии и сняли с работы якобы за сотрудничество с немцами, хотя он

---

[44] Несвижская Софья Соломоновна (Шифра Шлемовна) (1897–1981) — терапевт, доктор медицинских наук, профессор. С 1928 г. — сотрудник Минского медицинского института. В 1960–1969 гг. — заведующая кафедрой терапии.

[45] «…В этот период» — имеется в виду период антисемитских кампаний в СССР, имевших большой общественный резонанс: борьба с «безродными космополитами», «Дело Еврейского антифашистского комитета» и «Дело врачей» (1948–1953).

[46] Евстафьев Николай Тимофеевич (1903 — ?) — отоларинголог, доктор медицинских наук. В 1945–1973 гг. — заведующий кафедрой ЛОР-болезней Белорусского института усовершенствования врачей. В 1943–1949 гг. — заместитель министра здравоохранения БССР.

[47] Инсаров Иван Анисимович (1903–1983) — в 1948–1966 гг. — министр здравоохранения БССР. Его заместителями в описываемый период были доктор медицинских наук, профессор Беляцкий Дмитрий Павлович (1906–1982, замминистра в 1943–1959), кандидат медицинских наук, профессор Кардаш Иван Брониславович (1919–1993, замминистра в 1949–1974), Сержанин П. Н. (см. выше).

был Героем Советского Союза, командиром партизанской бригады[48]. И в эту бригаду брали евреев. Полгода он сидел, а потом работал во 2-й клинике ординатором. Папа всех пострадавших пригревал, и Шуба потом говорил папе: «Теперь я многое понял». Он был из числа «антисемитов по принуждению». А ведь были такие, которые все понимали с самого начала. Это были очень порядочные люди. Например, Ольга Антоновна Копыткова — ассистент. Она все понимала.

9

О том, что освободили врачей, мы узнали в 6 часов утра из передачи зарубежного радио, которое слушал вернувшийся из Ленинграда отец. Би-Би-Си в 5.45 передало. Сначала мы не поверили. Но в 9 часов утра передало и наше радио.

Я помню этот день, как день христианской Пасхи: все евреи целовались. Обнимались и целовались. И плакали. И в этот день ко мне подошел Кацман:

— Ну, ладно. Уже не надо сердиться.

И мы с ним тоже поцеловались. Подошел Леонов:

— Поздравляю вас, Минна.

— И я вас поздравляю, Василий Антонович.

Я была молодой, красивой, и ко мне они еще просто с симпатией относились.

Это был всенародный праздник в нашей клинике, в нашем отделении. Но доцент Легенченко[49] сказала:

— Ах, я ничего не понимаю. Я ничего не понимаю: где здесь правда, где здесь ложь? Все-таки выяснится, и их еще выведут на чистую воду. Кому это понадобилось сделать так, что они оказались не убийцы и не враги? Я этому сообщению не верю.

С холодцом встретил это сообщение и Усов. Естественно, Легенченко хотела стать доцентом, а место это должен был освободить Кацман. Усов намеревался стать ассистентом, а ассистентом была Гольдина. Ее, кстати, в те дни отправили на пенсию, но она вернулась в клинику. А вот Кацмана не трогали, хотя фамилия его часто звучала среди фамилий «врачей-отравителей».

Папа позднее рассказал, что в те страшные дни к ним в клинику попал майор НКВД с прободной язвой. Папа его оперировал в ночное дежурство. Майор сказал папе:

— Доктор, готовятся вагоны, строятся поселения в Сибири. Вас будут всех выселять.

А ведь кое-кто исчез совсем. Бломберг, еврей, вышел из гетто с ребятами, собрал партизанский отряд и очень многое сделал с этим отрядом. Уже после войны его вызвали в Москву, и он исчез. Растворился. Потом мы узнали, что его расстреляли[50]…

Минна ЛАПИДУС

---

[48] Автор ошибается: А. И. Шуба не был Героем Советского Союза. В 1969 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

[49] Легенченко Марина Ивановна (1925 — сент. 2009) — педиатр, доктор медицинских наук, профессор. Дочь известного акушера-гинеколога И. С. Легенченко. В 1951–1993 гг. — сотрудница кафедры детских болезней Минского медицинского института (в 1972–1992 гг. — заведующая кафедрой).

[50] Скорее всего, автор имеет в виду Рафаила Моносовича Бромберга. В июне 1941 г. он закончил третий курс Минского юридического института. После прихода немцев попал в лагерь «Дрозды», но выдал себя за цыгана и был освобожден. Вступив в антифашистское подполье, стал членом группы, в которую входила Мария Осипова, связная отряда «Дяди Димы» (Давида Киймаха). Когда началась подготовка к ликвидации Кубе, был отправлен на Большую землю за специально подготовленной для этой цели миной. Линию фронта переходил с большой группой офицеров Красной Армии во главе с Николаем Никитиным, пробивавшейся к «своим». После многократных допросов на Лубянке, был арестован и приговорен к тюремному заключению якобы за сотрудничество с оккупантами. Освобожден после войны по личному ходатайству М. Осиповой (см.: Скобло В. На уцелевшем челне. М., 2006. С. 512–518).

О НИКОЛАЕ ИВАНОВИЧЕ ХАРЛАПЕ — УЧИТЕЛЕ
Эскиз портрета

Жизненные вехи Николая Ивановича Харлапа достаточно неопределенны. Он родился 4 декабря 1905 г. в Вильно в семье белорусско-польской интеллигенции. С самого начала 1920-х гг. семья жила в Латвии, в Даугавпилсе. Его отец учительствовал в городе, возглавлял Союз белорусской интеллигенции и был одним из основателей Белорусской гимназии. Он умер в 1923 г. Мать, Мария Васильевна, после смерти мужа вынуждена была учительствовать во 2-й начальной школе. В семье было трое детей, помимо Николая брат Михаил (?), закончивший Латвийский университет по специальности строителя-архитектора и покончивший жизнь самоубийством в начале 1930-х гг., и дочь Людмила. Мать умерла в начале 1950-х гг., скорее всего в 1952 г. Николай Иванович учился в Тарту на юридическом факультете в конце 1920-х гг. Во время войны два года учительствовал под Даугавпилсом в Скрудалиенской школе, и, по воспоминаниям одного из учеников, он появился как-то неожиданно и неожиданно исчез, и ученики не имели представления о его дальнейшей судьбе. Но всегда его помнили как яркого человека, который много с ними занимался, возил в Даугавпилсский театр. С ним жила мать. После войны Николай Иванович оказался в Риге, работал в консерватории, у него были консерваторские друзья, я помню Николая Федоровского, достаточно известного пианиста. С 1950 г. до смерти в ноябре 1964 г. был учителем немецкого языка во 2-й слокской школе. Года два он жил с матерью в совершенно немыслимых условиях в здании школы, в двух малюсеньких комнатах на втором этаже, на который нужно было подниматься по крутой лестнице. Мария Вавильевна, насколько я помню, из дому не выходила. После ее смерти Николай Иванович жил в Риге в очень маленькой комнате на ул. Ф. Энгельса, у сестры. Летом постоянно жил в Валтари, где у сестры была дача. Слокскую школу, в которой он оказался по причинам, разыгрывавшимся в Латвии в 1949–1950-х гг., не покинул, хотя во второй половине 1950-х гг. такие возможности у него были. До конца жизни приезжал в Даугавпилс, где у него сохранились какие-то старинные связи и где, видимо, были похоронены отец и брат. Но он никогда об этом не говорил, а спрашивать, естественно, не представлялось возможным. О фактах его жизни я узнавал от разных людей, в том числе от упомянутого ученика Марии Васильевны, но они говорили главным образом по каким-то детским впечатлениям, разговорам, слухам.

Судьба свела меня с Николаем Ивановичем случайно, как и положено судьбе. И это самая большая удача моей жизни. 2-я слокская школа была школой молодой, открытой в 1946 г., поскольку в Слоке, небольшом городке Рижского района, в 35 км от Риги, на Рижском взморье, оказалось достаточно много русского населения, главным образом благодаря целлюлозно-бумажной фабрике. Массовые переезды из «старых республик», как тогда говорили, и из Латгалии усиленно пополняли школу. В 1949 г. в Латвии была проведена коллективизация, но коллективизации предшествовал массовый исход молодых людей из сельского мира. Рижские заводы, Слокская фабрика, торфоразработки нуждались в рабочих, и это была единственная возможность бежать от надвигающихся колхозов. Нынешний статус Латгалии, региона заброшенных хуторов и необрабатываемой земли, в значительной степени определен 1949 г. Мои родители «бежали» в самом начале 1949 г. Весной я закончил 3-й класс Нерзенской 7-летней школы. От дедовского хутора до школы было 3 километра. В большой комнате парты стояли в три ряда, и каждый ряд представлял класс, в трех этих классах преподавал один учитель. Учительницей была Ядвига Ивбуле, лет десять назад Генрих Сомс, наш историк, показал мне фотографии учителей латгальских школ 1930-х гг., на одной из них я увидел свою первую учительницу.

Нравы были патриархальные. В школе время от времени показывали кинофильмы, и директор оставлял меня ночевать у себя. «Кинозал» был небольшой, и младшие сидели на полу перед экраном. Что показывали, не помню; помню только «Александра Невского»; фильм Эйзенштейна, естественно, не мог не восхитить детское сознание. Хорошо помню 25 марта 1949 г. Неподалеку от нашего хутора находился хутор, на котором с семьей жила молодая учительница латышского языка. Мимо хутора я ежедневно ходил в школу и из школы. Утром я увидел забитые крест-накрест окна, раскрытые двери в сарае и хлеву, валявшиеся во дворе вещи. Чувство страха было главным чувством и взрослых, и детей, боялись ложиться спать. Страх был долгим не только в деревне, но и потом в Слоке. Вечером закрывали ставни и долго сидели в темноте, не зажигая ламп. Замирали от звука проезжающих машин. То ли до школы, то ли в самом ее начале со мной случилась какая-то болезнь, от которой я едва не умер, время от времени терял сознание, почему-то боялся бабушки, отцовской матери: когда она появлялась из комнатных сумерек, меня охватывал страх. Потом долго меня преследовал кошмар: я ложился спать и через какое-то время просыпался от того, что тону; и эта картина была реальной, меня держали на руках, говорили какие-то слова, я их сознавал, но сознавал и другое: я тону. Приступ длился час-полтора. Последний раз нечто подобное я пережил лет в четырнадцать; хорошо помню, как надвигалось на меня что-то неотвратимое.

1 сентября 1949 г. я пошел в 4-й класс 2-й слокской школы, и это был, по-видимому, самый мучительный год моей жизни. Я был встречен и учениками, и учителями, мягко говоря, недружественно. Во-первых, я действительно мало что знал. Во-вторых, моя речь была несколько специфической, не столько с точки зрения лексической, сколько интонационной, к концу предложения интонация повышалась, и мой «взвизг» вызывал бурную реакцию учеников и некоторых учителей. Учительница русского языка, молодая и вальяжная дама, жена какого-то заводского начальника, начинала смеяться, и ее бурно поддерживал класс. Хорошо запомнил ее раздраженно-веселый вопрос: «У тебя, Федоров, есть русский язык?» Спрошено было, конечно, не так, но именно так я воспринял (и запомнил) вопрос. Я, имея в виду учебник русского языка, простосердечно ответил: «Нет!» Класс и учительница смеялись до слез. После этого ходить в школу стало мукой, и я просил родителей отправить меня назад, в деревню. С тех пор во мне живет недоверие к учительскому сословию. Учитель узнаваем мгновенно — походкой, выражением лица, взглядом, костюмом, непререкаемостью суждений и т. д., и т. д. Почему-то носителями этого властного учительского микрокосма являлись, как правило, женщины.

1 сентября 1950 г. в нашем классе появился новый классный руководитель, сразу же поразивший нас неординарностью облика и разговора. Кто-то воскликнул: «Влипли!» В параллельном классе — Владимир Иванович, учитель рисования и/или труда, знакомый, предсказуемый, с добрым, круглым лицом, очень русским. Николай же Иванович был непонятен, таинственен, непредсказуем; и его узкое, худое, аскетическое лицо воспринималось каким угодно, только не русским. В класс он вошел стремительно, на уроке не ходил, не переставлял себя, а, казалось, бегал; непрерывно двигались руки, речь была быстрой, под стать движениям; да и говорил он какие-то не вполне понятные вещи; ни учительского «сюсюканья», ни учительской императивности. И когда он сказал, что будет вести у нас немецкий язык, язык, с которым были связаны коннотации только что миновавшей войны, образ нового учителя сформировался не только как непонятного, но и как чужого. Новый учитель меня испугал; кто-то заговорил, что надо просить другого классного руководителя, кто-то попросился в параллельный класс. Николай Иванович не укладывался в учительский стереотип, сложившийся в нашем сознании за четыре школьных года. Николай Иванович не казался человеком школы, а вот Владимир Иванович, даже Валентина Павловна были истинными ее людьми.

Я жил неподалеку, метрах в 150, от того школьного здания, в котором жил Николай Иванович, и мы время от времени встречались с ним у водопроводной колонки; и это тоже не соответствовало его облику; ведро было чуждым в его руках атрибутом. Тем более, что, здороваясь, он всегда снимал шляпу. Само по себе «снятие» шляпы не было в то время чем-то необычайным, но никто из учителей-мужчин шляпы перед учениками 5-го класса не снимал, в лучшем случае слегка к ней притрагивался.

Исключительно важное событие в моей школьной жизни произошло через месяца два, в октябре – ноябре 1950 г. Раздавая тетради с контрольной работой (как будто по итогам первой четверти), Николай Иванович мою работу назвал лучшей в классе, единственной, которой он смог поставить пятерку (я до сих пор помню эту пятерку: на левой странице после нескольких строк стояла цифра 5, написанная стандартными красными чернилами, но ломкая, наклоненная вправо, столь характерная для Николая Ивановича). Дело естественно было не в пятерке (пятерки все-таки в моей школьной жизни случались и раньше), дело было в комментарии Николая Ивановича. Не верится мне в истинность той высокой оценки моей работы, которая прозвучала на уроке. Но совершенно очевидно, что Николай Иванович достаточно быстро увидел и понял то, что со мной происходило, и слова его преследовали единственную цель — освободить меня от того комплекса неполноценности, который сформировался во мне в четвертом классе, вывести из того мучительного состояния, в котором я пребывал. То, что случилось осенью 1950 г., я воспринял как освобождение, как озарение. Когда прозвенел звонок, я ощущал себя другим человеком.

В моей памяти это один из самых радостных и самых важных дней, это день моего рождения!

Боже мой, с какой страстью я начал изучать немецкий язык! Так внезапно нахлынувшая на меня любовь к немецкому языку распространилась и на другие предметы, в том числе и на русский язык. Кто-то сказал, чтобы научиться безошибочно писать, надо каждый день переписывать не менее трех страниц какого-либо нормативного текста, и я целый год с удовольствием, продиктованным необходимостью, выполнял назначенную норму.

С тех пор так и пишу по три-четыре страницы каждый день, не менее. «Привычка свыше нам дана…»

И я начал читать!

Не помню, какой разговор случился с Николаем Ивановичем у колонки, но отчетливо помню, что он случился у колонки и касался чтения. (Мы жили на одной улице, разрезанной вертикальной улицей, возле центра пересечения находилась колонка, которой пользовались жители довольно обширного пространства: от Николая Ивановича до колонки было метров сто, мне — метров пятьдесят; сразу же скажу, что два важнейших центра моей школьной жизни — школа и библиотека — находились от моего дома, наверное, на расстоянии ста метров, только налево по вертикальной улице, ведущей к Лиелупе.) Николай Иванович попросил меня прийти к нему сразу же, как отнесу воду. Тогда-то я в первый раз и увидел Марию Васильевну; она что-то спросила у Николая Ивановича на неизвестном мне языке, на этом же языке он, естественно, и ответил (позже я понял, что они говорили по-французски). Кстати говоря, Николай Иванович в совершенстве владел немецким, французским и латышским, хорошо знал латынь. Не знаю, как хорошо он владел эстонским, но когда через несколько лет мы ездили в Тарту, то в разных общественных местах он общался по-эстонски. Английского языка не знал, но понемногу изучал, постоянно читал книги на английском. Я пришел к Николаю Ивановичу, и он дал мне томик с избранными рассказами Гоголя. Вначале был Гоголь, хотя он и не стал *моим* писателем. Когда я возвращал книгу, Николай Иванович что-то спросил о моем впечатлении; больше всего мне понравился «Вий». Так началось мое чтение, читал я постоянно, к окончанию

школы русская и западная классика в основных образцах была мною прочитана. Библиотека стала для меня на все слокские годы одним из самых дорогих мест. Летом 1952 г. (после 6-го класса) я читал «Фауста», у меня долго хранились две больших общих тетради с выписками и моими комментариями. Это тоже по совету Николаю Ивановичу. Стоило Николаю Ивановичу упомянуть какого-нибудь писателя или какое-нибудь произведение, я мгновенно все прочитывал. Поэзия пришла позже — в старших классах. Осенью 1955 г. я пережил бурное, но кратковременное увлечение поэзией Есенина (тогда вышел первый послевоенный двухтомник Есенина), которое Николай Иванович не одобрил, но настойчиво советовал внимательно прочесть другой двухтомник, почти одновременно с есенинским изданный, — Блока. Тогда же Николай Иванович подарил мне журнал «Знамя» со стихами из «Доктора Живаго», которые меня ошеломили на всю жизнь, тогда же многие из них я выучил наизусть. Блок, Пастернак и Мандельштам стали моими вечными спутниками, хотя в разные времена на первый план выходил один из них. В последние школьные годы я знал наизусть множество стихов как XIX в., так и XX. Знал всего «Демона», большие куски из «Евгения Онегина» и т. д., и т. д. Благодаря Николаю Ивановичу в 1956–1958 гг., уже после окончания школы, я прочитал романы Мережковского, Алданова, почти полный комплект «Современных записок» и многое-многое другое. Из советской литературы, кроме программных произведений, не знал ничего, только Паустовского (и это тоже от Николая Ивановича; он как-то сказал, что его мама после войны прочитала «Телеграмму», рассказ совершенно не знакомого ей писателя, и была потрясена неожиданной для советских писателей человечностью; это не цитата, но смысл точен). И в последних школьных классах и после школы мы вели постоянные разговоры о литературе, спорили, Николай Иванович читал все, что нравилось мне. Мое увлечение Эренбургом не одобрял («о нем много дурного писали в эмиграции»). «Французские тетради» оценил высоко. Я храню первое издание «Французских тетрадей» (1958) не только Эренбурга ради, прежде всего ради одного единственного фрагмента, энергично подчеркнутого Николаем Ивановичем: «Нужно быть правдивым во всем, даже в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины» (это Монтескьё, процитированный Эренбургом). Думаю, что подчеркнуто было для меня.

Чтобы закончить «пятерочный» сюжет, скажу только, что в 6-м классе состоялся, так сказать, мой бенефис. В школу приезжала какая-то высокая комиссия, вместе с нею на уроках присутствовала Валентина Павловна; и на всех уроках (то ли пяти, то ли шести) меня вызывали к доске, что было несколько абсурдно (с точки зрения комиссии, если в ее обязанности входила проверка ученических знаний). Подводя итоги, уже после комиссии, Валентина Павловна рассказывала: «Я попросила учителей назвать лучшего ученика класса. Ответили: Федоров. — Новенький, что ли? — Нет, — сказали. Я поверить не могла, что это ты».

Не будь той поразительной пятерки по немецкому языку, моя жизнь сложилась бы иначе.

В 6-м классе, т. е. в 1951/52 учебном году, после смерти Марии Васильевны, стали происходить невероятные события. И то, что началось в 6-м классе, продолжалось до последнего звонка.

Во-первых, в нашу жизнь вошли рижские театры. По субботам или воскресеньям мы ездили на дневные спектакли, а позже и на вечерние, по преимуществу на балетные и оперные; пересмотрели, переслушали весь репертуар — и по нескольку раз; ездили и на все гастрольные спектакли. В театре мы быстро кое-что поняли; и когда мы увидели балет о колхозной рыбацкой жизни, и танцовщицы и танцовщики были одеты в рыбацкие робы, почти такие, какие мы видели в рыбацком колхозе в Каугури, то это вызвало весьма веселое настроение. Ездили мы и в драму, русскую и латышскую; после какого-то спектакля Н. Барабанов позвал нас в свою уборную и нежно с нами разговаривал. Однажды был разговор и с Ю. Юровским, правда, не в уборной, а в коридоре, после спектакля.

Большим театральным событием стали гастроли Даугавпилсского театра летом 1954 г.; потряс (в полном смысле этого слова) «Гамлет», поставленный С. Э. Радловым; в Риге тогда много говорили и о театре, и о «Гамлете», и в особенности о Яковлеве-Гамлете.

Мы никогда не устраивали специальные обсуждения, это были спонтанные разговоры, в которых *наряду* с нами принимал участие и Николай Иванович, как я понимаю, умело нас направлял. После окончания школы мы смотрели и другие шекспировские постановки Радлова, уже переехавшего в Ригу, — «Короля Лира» и «Макбета» в главных ролях. Я читал и сразу же, и позже, что рижские постановки Радлова (он умер в 1958 г., в том же году умер и Ю. Юровский) были неудачны, но меня они потрясли и подлинностью, и высоким трагизмом, и красотой сценического пространства.

Кстати говоря, когда года через три московский театр, кажется, им. Маяковского привез в Ригу своего «Гамлета», то он не произвел большого впечатления; до недавнего времени я и не помнил актера, игравшего Гамлета (он явно проигрывал радловскому Гамлету). Но пару лет назад я увидел телевизионную передачу, которую вел Михаил Козаков, из уст Козакова я услышал, что именно он был «воплотителем» московского Гамлета пятидесятилетней давности.

В передаче говорилось о московском «Гамлете» как о событии большого культурного и идеологического масштаба, как о *первой* в Советском Союзе послевоенной постановке шекспировской трагедии, постановке, с которой началась *оттепель* и т. д., и т. п., и это напоминало словоизвержение известного гоголевского персонажа. Правдой было только одно — то, что шекспировский «Гамлет» со второй половины 1930-х гг. был под негласным запретом, поскольку главный герой не соответствовал образцу советского героя, проще говоря, потому что Гамлет был не похож на Павку Корчагина.

Когда что-то напрочь забыто (а вряд ли должно быть забыто имя Сергея Радлова), тогда возникают, расцветают псевдомифы.

С середины 1950-х гг. в Риге начался выставочный и концертно-театральный бум. После Москвы в Ригу привезли выставку Николая Рериха, и Рерих два десятка лет не покидал меня. Приезжали со своими оркестрами Евгений Мравинский и Кирилл Кондрашин. Приезжали Давид Ойстрах и Леонид Коган. Приезжал Ростропович. Кстати говоря, в 1973 г., перед самым отъездом, в Дзинтари играл опальный Ростропович. После Риги ему разрешили концерты в Екабпилсе и в Даугавпилсе. Я был в Дзинтари, и там зал был полон. Через два дня в Даугавпилсе зал был заполнен наполовину, увы!

Незабываемы до сих пор ежегодные длительные гастроли Московского Камерного оркестра под управлением Рудольфа Баршая. Я и сейчас слышу и вижу «Прощальную симфонию» Гайдна, ее финал, в частности: вместе с гаснувшей свечой падал и последний звук.

Я забежал вперед, но то, о чем я сейчас написал, началось в 1952–1953 гг. (а годы-то какие!!!). Так совершенно естественно, без принуждения, без нажима осуществлялось наше образование.

Самое важное событие в жизни 6-го класса — поставленный Николаем Ивановичем спектакль по пьесе Евгения Шварца «Золушка», полноценный, многочасовой, многоактный спектакль. Основная роль была виртуозно сыграна Николаем Ивановичем — режиссером, искусствоведом, художником, балетмейстером, музыкантом, историком и решительно всем. Спектакль готовился почти весь учебный год. Премьера состоялась на весенних каникулах в Слокском Доме культуры, потом еще раз играли в Кемери, в курзале. Помню листы с костюмами, декорациями, нарисованные Николаем Ивановичем. Когда репетиционный период приблизился к завершению, девочки вместе с матерями (помощницами на протяжении всего существования театра) приступили к шитью костюмов: класс превратился в швейную мастерскую, сложные работы выполнялись дома. Время действия — эпоха Людовика XIV, представленная

в интерьере, в костюмах, в танцах и т. д. Танцы измучили до предела, хотя и был избран облегченный вариант: танцы не соответствовали эпохе Людовика XIV, мы танцевали танцы более позднего времени — полонез, падекатр, падеграс, фигуры которых я помню до сих пор, как и текст своей скромной, но приятной роли — старшего придворного, того, который примеряет туфельку к девичьим ножкам:

По воле королевы,
По слову короля,
Примерьте все вы,
Прекраснейшие девы,
Башмак из хрусталя.

На первых порах Николай Иванович и сидел за роялем, и показывал па, и учил владеть телом (трудно было с руками); нам казалось, что он знает и умеет все.

Какой же это был колоссальный труд — поставить многоактную пьесу с учениками 6-го класса, ничего не умеющими, ничего не знающими, отнюдь не столичными, провинциальными скромниками. Меру труда Николая Ивановича мы осознали позже. Об этом без волнения, без потрясения и сейчас, через почти 60 (!) лет, вспоминать невозможно. Один человек делал всё: учил произносить текст, двигаться на сцене, шить костюмы, танцевать, рисовать декорации и т. д., и т. д. Надо сказать, «артисты» работали самозабвенно.

Зал Дома культуры был полон: ученики, родители, горожане.

Аплодисменты длились и длились. Мы-то на сцене находились вне времени, говорили, что аплодисменты длились не менее получаса.

Но ведь были еще разговоры о королевской Франции, о Людовике XIV, о салонах, о тогдашнем театре и т. д., и т. д. Все это побуждало влюбляться и в историю, и в культуру, и в Перро, и в его современников, побуждало искать и художественные, и даже научные книги. Я абсолютно ничего не помню, что говорилось много лет на уроках истории, но я хорошо помню, что говорилось во время работы над спектаклем.

Каждый спектакль был и образованием, и воспитанием, и Бог знает, чем еще, в сущности — всем!

Несколько лет каждый год Николай Иванович ставил по спектаклю: это были «Снежная королева», «Два капитана» (по роману Каверина), наконец, настало время классики, Пушкина. В 9-м классе был поставлен «Борис Годунов» (не весь — отдельные сцены), а в 10-м — сцена из «Евгения Онегина». Онегин был пиком моей театральной карьеры; до сих пор помню свои мученья в заключительной сцене: выбежать на сцену (то есть вбежать в комнату Татьяны) и пасть к ее ногам. Сцену репетировали без конца, до отчаянья, надо было пасть, как это делали люди света — и искренне, и красиво.

О нашем «Евгении Онегине» писали в местных газетах и даже были фотографии.

Это единственный спектакль, о котором сохранилось печатное свидетельство. О других — ни слова. Печально, что все кануло в Лету; никто — ни зрители, ни учителя, ни ученики, не рассказали о театре, который 5–6 лет существовал во 2-й слокской школе, театре, труппа которого состояла из учителя и учеников.

Кстати говоря, в театр вовлекались все ученики; премьеров не было; премьер в одном спектакле, в другом — на заднем плане. Николай Иванович говорил, что он подбирал на роли по внешности, по характеру и т. д. Но мне кажется, что Николаем Ивановичем руководило другое — руководило стремление как можно больше школьников вовлечь в художественную, в эстетическую стихию.

Об остальном скажу кратко.

Было много внешкольных акций, которые надо разделить на принудительные и добровольные.

К числу *принудительных* относятся ежегодные поездки в колхоз — на месяц и даже больше, не помню, начиная с 5-го или 6-го класса. За исключением одного года с нами ездил Николай Иванович. Посылали нас к черту на кулички, куда-то под Олайне, на картофельные поля, которые тонули в черной жиже. Черное поле, моросящий дождь, утомительная работа, большая холодная комната, где мы спали на соломе. Длинные борозды, у каждого по борозде, рядом со мной и наравне со всеми работал Николай Иванович (както на замену ему приехала молодая учительница, которая выполняла роль «вдохновительницы и организаторши наших трудовых побед»). Николай Иванович или что-то напевал, или бормотал стихи, стихи чудные, которые сразу запоминались. Через несколько лет я узнал эти стихи: это были стихи абсолютно запретного тогда Гумилева.

Для Николая Ивановича были безусловны определенные жизненные принципы, определенные принципы поведения, определенные мнения, но он никогда не читал лекцию (или нотацию), не делал программных заявлений о том, как надо и что надо; наше воспитание и образование проходило как бы случайно, между прочим, во время каких-то дел и каких-то разговоров, так сказать, на картофельном поле или за обедом. И это гораздо более магически воздействовало на нас, чем декларации, лекции и т. д.

К числу *добровольных* внешкольных акций относились поездки и походы. Были однодневные поездки — в Сигулду, в Кокнесе, в Елгаву (на пароходике). Но особый смысл имели многодневные, чаще всего двухнедельные пешеходные экскурсии. Первый из таких походов состоялся летом 1953 г., после окончания 7-го класса, но в нем участвовали и ученики 6-го класса. В июле 1953 г. мы прошли пешком по долине Гауи от Вангажи до Валмиеры (100 км), останавливаясь на два, на три дня в Сигулде и Цесисе. Ночевали в палатках, иногда в шалаше, питались консервами, макаронами, варили кашу, покупали молоко. Самое главное, мы жили вместе, из школьников формировалось какое-то более высокое содружество, центром которого был Николай Иванович. Мы пели, устраивали ночлеги, варили ужины, разговаривали, дурачились, купались, учились общению, дружбе, учились разговорам, выходящим за пределы повседневных границ. Чтобы любить землю, страну, по ней надо не поездить, а пройти, впитать ее дух, ее душу.

Следующим летом мы ходили по Курземе, доехали на пароходе до Елгавы, совершили бросок в Рундале (во дворце была школа), а потом по долине Абавы дошли до Мориц-сала. С тех пор я влюблен в маленькие курземские городки — Кандаву, Кулдигу, в неширокую Абаву, на берегах которой мы подолгу жили, помогли убрать сено двум пожилым людям, за что были награждены ужином (картошка и селедка в большой чашке сметаны).

В конце того же лета мы прошли по местам «лачплесисовской» мифологии.

В 1955 г. мы совершили двухнедельную поездку в Михайловское. Расположились в Ворониче, спали на сеновале, бабка Марья кормила нас молоком с хлебом, и целыми днями бродили по совершенно пустым местам. Тогда еще не было восстановлено Тригорское, в Петровском был заросший, непроходимый парк, фундамент дома был в крапиве и лопухах. Потом я не раз бывал в Михайловском, но моя первая встреча не шла ни в какое сравнение с последующими.

Наконец, после окончания школы, в начале июня 1956 г., мы совершили автобусную поездку в Ленинград через Псков, в котором провели два дня.

Школу закончили 20 человек (10 юношей и 10 девушек), и все мы были озарены личностью Николая Ивановича, все мы ощущали себя его детьми.

Тем не менее Николаю Ивановичу как учителю не был уготован благостный путь по модели: пришел, увидел, победил. При несомненной позитивной целостности этот путь был достаточно драматичен. В отношениях между нами и Николаем Ивановичем случались кризисы. Человек высокой культуры, безукоризненных манер, но в высшей степени импульсивный, Николай Иванович иногда выходил из себя; правда, *никогда*

не позволял публично выходить из себя по адресу конкретного человека; в этом случае «беседа» проходила наедине и не была разносом. Но по адресу класса, т. е. коллектива, который в какой-то момент оказывался несостоятельным, это случалось. Однажды, когда значительная часть класса не подготовила урок и к тому же после физкультуры вела себя шумно, Николай Иванович схватил стоявший перед ним стул и начал стучать им по столу. Это был единственный подобного рода случай, но столы ломались иногда и без помощи стула. Должен сказать, что мы мгновенно осознавали *справедливость* его реакции; более того, в этих взрывах было так много естественного, человеческого; мы рано поняли естественность поведения Николая Ивановича; и его взрывы никогда не были предметом даже разговоров, тем более пересудов.

Глубокий кризис в наших отношениях, тем не менее, случился в конце 6-го класса, и это странно, потому что это был год «Золушки». Я совершенно не помню, *что* привело Николая Ивановича к его решению, но ни секунды не сомневаюсь, что это решение было необходимо, что-то в классе шло не в должном направлении. Но хорошо помню, что Николай Иванович пришел на очередное классное собрание и объявил, что он вынужден уйти с должности классного руководителя, поскольку он осознал свое бессилие (именно так: бессилие). И руководить классом в этой ситуации он не имеет права. Его уход потряс меня, потряс всех без исключения, мы плакали, мы не представляли своей жизни без него. Но он был непреклонен.

Он вернулся 1 сентября. И его уход помог, видимо, нам многое осознать в человеческих отношениях, помог осознать самих себя, хотя урок был очень суров.

Самое катастрофическое событие в жизни класса, в жизни школы и в слокской жизни Николая Ивановича случилось 19 мая 1955 г., в конце 9-го, предпоследнего класса, когда я был исключен из школы за клевету на советскую школу и без права получения среднего образования. Для Николая Ивановича, если иметь в виду его биографический статус, это было не меньшим потрясением и не меньшей угрозой, тем более что я считался его любимым учеником.

Но об этом говорить сейчас не буду: это особая история.

Наши отношения с Николаем Ивановичем восстановились через месяц-другой, сверх того, они обрели более высокий, более «взрослый» и дружеский характер.

Моя последняя встреча с Николаем Ивановичем состоялась в июле 1964 г. После окончания института я был призван в армию, первый год служил под Калининградом, в Пионерске, а с сентября 1963 г. в г. Острове под Псковом, в полку морской авиации. Я возвращался из командировки, из г. Балтийска; в Калининграде не оказалось билетов на поезд Калининград — Ленинград, и военный комендант отправил меня в Остров через Ригу, и я был ему очень благодарен, поскольку в Кемери жила моя семья, и у меня была возможность часов 10–12 побыть дома. В Кемери мы пошли в парк, и я издалека увидел Николая Ивановича, сосредоточенно на что-то смотревшего. Этим «что-то» оказался пробившийся из-под земли источник. Он поднял голову только тогда, когда мы подошли к нему едва ли не вплотную. И казалось, в первый момент он меня не узнал.

Он сказал только: «Боже мой, сегодня я видел вас во сне».

Через три с половиной месяца он умер от рака на 59-м году жизни.

С тех пор я верю, и это не раз подтверждалось, в неслучайность подобных случайностей.

Федор ФЕДОРОВ[1]

---

1 Фёдараў Федар Паліеўктавіч (нар. у 1939 г.) — доктар філалагічных навук, прафесар Даўгаўпілскага універсітэта, член-карэспандэнт Латвійскай Акадэміі навук.

ГІСТОРЫЯ АЛЕКСА КУРЗЭМА: З КОЙДАНАЎСКАГА ГЕТА Ў ЛАТЫШСКАЕ СС

У самым цэнтры гэтай гісторыі знаходзіцца Беларусь, а таксама ў яе абсягі трапляе Латвія, Нямеччына, Аўстралія, Брытанія. Але, прынамсі да апошняга часу, беларускія рэаліі амаль не гучалі ў прэсе і ў кнігах, якія ўжо паспелі з'явіцца. Гэтая гісторыя пра габрэйскага хлопчыка з Койданава Ілью Гальперына ў гады Другой сусветнай вайны — не толькі пра цуд выратавання, але і пра цану выжывання. Неверагодныя абставіны і сенсацыйнасць падзей, нават на фоне той вайны, ужо былі тэмай жывых абмеркаванняў. Але некаторыя сюжэты так і засталіся непрагаворанымі.

УРАТАВАННЕ

Нагадаем для пачатку канву гісторыі. Койданава ад чэрвеня 1932 г. стала Дзяржынскам і цэнтрам польскай аўтаноміі ў БССР, якая пратрымалася да 1937 г. Калі горад быў заняты немцамі, першае, што гаспадарліва зрабіла новая ўлада, — ўтварыла гета, куды былі сабраныя ўсе мясцовыя габрэі. Ужо 21–22 кастрычніка 1941 г. насельнікі Койданаўскага гета, а гэта каля 1600 чалавек, былі расстраляныя ў бліжэйшым лесе. Экзекуцыю, праўдападобна, праводзіў літоўскі паліцэйскі батальён. Цяпер мы можам рэканструяваць, што менавіта ў ноч з 21 на 22 кастрычніка 1941 г. пяці- ці шасцігадовы Ілья (узрост можна назваць толькі ўмоўны) проста ўцёк з гета і са свайго роднага горада — напярэдадні маці сказала, што заўтра яны загінуць: «Ты павінен быць адважным, мусіш трымаць за руку брацika, калі будзем выходзіць з дому».

Але ўратаваўшыся, Ілья выпадкова апынуўся каля месца знішчэння і стаў на адлегласці сведкам забойстваў: «Я быў амаль знішчаны горам. Памятаю, кусаў руку, каб не плакаць наўзрыд. Я баяўся, што мяне знойдуць у лесе. Не памятаю дакладна, што было потым. Напэўна, я некалькі разоў губляў прытомнасць. Гэта было жахліва. Калі страляніна спынілася, я не ведаў, куды ісці, таму схаваўся ў лесе, бо ня мог вярнуцца дахаты. Я застаўся зусім адзін»[1].

Далей былі блуканні па зімовых лясах і вёсках: хто падкормліваў, а ў каго, трэба меркаваць, бадзяга проста краў харчы. Значна пазней наш герой прыгадваў: «Я грукаўся ў хаты, і людзі давалі мне лусту хлеба, але казалі, каб я сыходзіў. Ніхто мяне не прытуліў». Ілья выжыў дзякуючы адзежы, якую здымаў з забітых жаўнераў.

ТАЛІСМАН

У нейкі момант уратаваны габрэйскі хлопчык натрапіў на латышскі батальён, які пазней стаў часткаю Вафэн-СС. Ілья Гальперын да гэтага часу не можа зразумець, чаму латышскі сяржант Екабс Куліс пашкадаваў яго. Ільі дапамагло тое, што ў яго была арыйская знешнасць, і яны абодва змаглі захаваць таямніцу яго сапраўднага паходжання. Такім чынам, ён набыў новае імя і новую біяграфію: меркаваны беларускі сірата стаў «сынам палка» латышскай пранямецкай вайсковай адзінкай (цяпер мы ведаем, што гэта быў 18-ты Курляндскі ахоўны батальён), яму далі імя Ульдзіс Курзэмніекс, што азначае «курземец / курляндзец, жыхар Курзэме (Курляндыі) — заходняй правінцыі Латвіі».

[1] Успаміны Алекса Курзэма гл.: Głuchowski P., Kowalski M. Nie trzeba mnie zabijać. Warszawa: Agora, 2008 (Biblioteka Gazety Wyborczej). S. 30–38.

Вядома, што 18-ы батальён быў перадыслакаваны з Рыгі ў Беларусь у маі 1942 г. і размешчаны ў Стоўбцах[2]. Значыць, сустрэча Ільі з латышамі адбылася не раней гэтага тэрміну, а ўвесь час да гэтага ён бадзяўся і вымушаны быў выжываць. Для маленькага жаўнера спецыяльна пашылі мундзір, які вельмі яму падабаўся. Разам з латышскімі вайскоўцамі Ульдзіс пабываў і на Усходнім фронце — пад Волхавам, у аблозе Ленінграда. Урэшце, ён стаў своеасаблівым талісманам латышскага аддзела.

Мы можам толькі здагадвацца, што яшчэ пабачыў маленькі жаўнер у Беларусі і на фронце[3]. Але не менш напоўненым сімваламі было яго жыццё ў Рызе. Тут, у гэтым старажытным горадзе Ульдзіс патрапіў пад апеку сям'і Екаба Дзэніса — героя барацьбы за незалежнасць Латвіі і дырэктара шакаладнай фабрыкі «Лайма», вядомай таксама і ў пазнейшыя савецкія часы. З прадукцыяй «Лаймы» звязаны яшчэ адзін сюжэт з жыцця Ульдзіса — захаваўся нямецкі прапагандысцкі фільм, у якім маленькі хлопчык у нямецкім мундзіры абыходзіць у шпіталі параненых жаўнераў Вермахта і раздае ім шакаладкі той самай фабрыкі. Нават дзеці змагаюцца — такі быў лейтматыў стужкі. Праўдападобна, гэты фільм аглядаў Гітлер і даў санкцыю на пашырэнне знятай хронікі. Так габрэй з Койданава стаў сімвалам нацысцкай прапаганды — «самым маладым жаўнерам Райху». Фільм паказвалі ва ўсіх нямецкіх кінатэатрах, і Ульдзіс вельмі ганарыўся сваёй роляю. Што таксама выглядае амаль фантастычным — стужку гэтую ўжо ў наш час знайшлі ў фондах Латвійскага архіва кінафотадакументаў.

Амаль ідылічнае жыццё Ульдзіса ў Рызе скончылася з паспяховым наступам Чырвонай Арміі. 21 кастрычніка 1944 г., у трэцюю гадавіну знішчэння Койданаўскага гета, Ульдзіс Курзэмніекс, разам з сям'ёй Дзэнісаў, назаўжды пакінуў Латвію на борце лайнера «Генерал Штойбэн». Гэты карабель на працягу 1944 г. здзейсніў некалькі эвакуацыйных рэйсаў, вывозячы з Латвіі і Літвы мясцовых цывільных і параненых нямецкіх жаўнераў. І менавіта лайнер «Генерал Штойбэн» 10 лютага 1945 г. удала патапіць субмарына пад камандаю будучага пасмяротнага Героя Савецкага Саюза капітана Аляксандра Марынеска. Тады на дно пайшло 3,5 тысячы чалавек — больш, чым у катастрофе «Тытаніка».

УСПАМІН

Як бы то ні было, Ульдзіс трапіў у Германію, пасля акупацыі якой знаходзіўся ў лагерах для перамешчаных асобаў у Заходняй зоне, а ў 1949 г. выехаў у Аўстралію. Там яго імя было адаптаванае на ангельскі лад — Алекс Курзэм, а далей пачаліся размераныя клопаты жыхара шчаслівай краіны. Падвойнае жыццё, здавалася б, заставалася ў мінулым: «З'язджаючы з Еўропы, я сказаў сабе: "Забудзься на мінулае. Ты едзеш у новую краіну, пачынаеш новае жыццё. Адключыся і нават не думай пра гэта. Я ўсім казаў, што мае бацькі загінулі ў часе вайны, але ў дэталі не ўлазіў"». Курзэм так шмат перажыў у дзяцінстве, што рэшту жыцця вырашыў правесці, як сапраўдны латыш, — не спяшаючыся, не прыцягваючы да сябе ўвагі.

Нешта змянілася ў канцы 1990-х: рыхтуючыся да аперацыі, Алекс спужаўся, што можа памерці пад чужым іменем. Тады, у 1997 г., нікога не папярэджваючы, ён адправіўся ў Оксфард, дзе ў слынным універсітэце выкладаў культурную і сацыяльную

[2] Гл.: Литвин Алексей. Латышские полицейские («шутцманшафт») батальоны в Белоруссии (1941–1944 гг.) // «Уничтожить как можно больше…»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941–1944 гг.: сборник документов / Фонд «Историческая память»; сост. А. Р. Дюков, В. В. Симиндей и др.; сопр. ст. А. М. Литвин. Москва, 2009. С. 30.

[3] Аб удзеле 18-га Латышскага батальёна ў антыпартызанскіх акцыях маюцца дакументальныя звесткі: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 510. Воп. 1. Спр. 29. Арк. 68–85; «Уничтожить как можно больше…». С. 57.

антрапалогію яго сын Марк. І распавёў яму ўрыўкі сваіх успамінаў, якія, выявілася, захаваліся, схаваныя ў самых далёкіх частках мозгу Алекса. Ужо Марк Курзэм, узброены веданнем методык і архіваў, распачаў пошук сапраўднай біяграфіі свайго бацькі.

ВЯРТАННЕ

У Дзяржынску, па вуліцы Кастрычніцкай, 12 яны знайшлі нават дом Гальперыных, 1900 г. будоўлі. Цяпер там жыве беларуская сям'я К. Няма толькі печы для хлеба, а выгода па-ранейшаму на двары. Беларуская правінцыя па якасці жыцця так мала змянілася ад пачатку XX ст.! Прыходзяць і сыходзяць людзі і этнасы, час жа застыў.

Але далейшыя пошукі прынеслі новыя сенсацыі. Выявілася, што бацька Ільі, Саламон Гальперын, сёння ўжо нябожчык, тады выжыў, бо з пачаткам вайны падаўся на ўсход. Пасля вайны ён стварыў новую сям'ю, а ягоны сын — друкар Эрык Гальперын і сёння жыве ў Мінску.

Марк Гальперын напісаў кнігу «Талісман. Раскрыццё тайны нацысцкага маленства майго бацькі»[4]. Пасля прачытання рукапісу адзін з прафесараў-скептыкаў Марка засумняваўся ў праўдзівасці ўспамінаў Алекса Курзэма, мяркуючы, што хлопчык быў нашмат старэйшым і сам далучыўся да нацыстаў. А цяпер, маўляў, ён перапоўнены пачуццём віны і пакутуе ад так званага сіндрому несапраўднай памяці. Нью-Ёркская асацыяцыя ахвяраў Халакосту таксама ўсумнілася ва ўспамінах Алекса і патрабавала прыцягнуць койданаўскага аўстралійца да адказнасці за супрацоўніцтва з карнікамі. Але пасля таго, як габрэйская даследчая група з Мінска пацвердзіла шмат з таго, што распавёў Алекс Курзэм, даследчыкі Халакосту змянілі сваю рэзалюцыю.

Алекс Курзэм стаў медыйнай персонай. Апроч мноства паведамленняў у прэсе, з'явілася яшчэ адна кніга, якую напісалі два журналісты польскай «Газеты Выборчай» Пётра Глухоўскі і Марцін Кавальскі — «Не трэба мяне забіваць» («Nie trzeba mnie zabijać»). У кастрычніку 2007 г. яны запрасілі аўстралійца ў Польшчу, дзе правялі багата часу ў размовах і ў падарожжы з ім па краі. Апроч самой неверагоднай гісторыі журналістаў цікавілі хоць нейкія сляды повязі героя з Польшчай. Таму яны з цікавасцю рэагавалі на асобныя словы Алекса, якія ён памятаў з далёкага дзяцінства. Напрыклад, слова «папіросы» — ага, гэта па-польску, не «сігарэты», як па-расійску…

Сам Алекс Курзэм не ўкаранёны ні ў якую нацыянальную традыцыю: ён вымушана парваў з латышскім асяроддзем, быць жа аўстралійцам — зусім не абавязкова мець англа-саксонскае паходжанне. У яго нічога няма ад габрэйскай традыцыі, якую яму папросту не паспелі прышчапіць, — і гэта асабліва відаць у стужцы Мар'і Дрэгер «Усё, каб жыць», знятай па выніках паездкі Алекса ў Польшчу. У Варшаве ён апынуўся ля сінагогі, і мясцовыя юдэі, даведаўшыся пра гісторыю Курзэма, прапанавалі наладзіць яму супольную малітву. На развалінах свайго жыцця Алекс не верыць ні ў аднаго бога. І гэта відаць: пры іудзейскай малітве яму было ніякавата. Калі ж Пётра Глухоўскі і Марцін Кавальскі запыталіся ў Алекса, кім ён сабе адчувае, то той адказаў: «Хутчэй, беларусам, чым габрэем»[5].

Да такога адказа я быў найменш усяго падрыхтаваны. Колькі ведае тае Беларусі Алекс Курзэм?! Толькі тое, што там жыла ягоная сям'я… Але і цяпер там жывуць яго брат, пляменнікі, кузіна. Здаецца, я зразумеў. Беларусы — гэта як гліна, як прырода. Яны ёсць, але яны і нейтральныя. Імі можа стаць амаль кожны, калі хто захоча і калі паўстане такі выбар.

---

[4] Kurzem, Mark. The Mascot: Unraveling the Mystery of My Jewish Father's Nazi Boyhood. London: Rider, 2007.

[5] Гл.: Głuchowski P., Kowalski M. Nie trzeba mnie zabijać. S. 271.

А ЯК З ЛАТВІЯЙ?

Як толькі Алекс у 1997 г. пачаў узгадваць і гаварыць, з боку латышскай супольнасці Аўстраліі на яго пасыпаліся прэтэнзіі, што ён нішчыць добрае імя грамады. А яшчэ раней раздаваліся ананімныя тэлефонныя званкі і прыходзілі лісты: «Ты ёсць адным з нас, быў пры тым, усё бачыў. Маем на цябе вока ўвесь час… Жыццём абавязаны толькі нам… Маўчы».

Калі сяржант Екабс Куліс у 1942 г. знайшоў сірату, ён зразумеў, што той габрэй. Латыш не проста змаўчаў, але загадаў і знойдзенаму хаваць таямніцу. Напэўна ж, і сёння Алекс распавёў са сваёй службы яшчэ не ўсё.

Беларускі гісторык Аляксей Літвін спецыяльна вывучаў дзейнасць латышскіх паліцэйскіх батальёнаў у Беларусі. Трэба нагадаць, што акупаваная немцамі Беларусь была ўключаная ў Райхскамісарыят Остланд з сядзібай у Рызе. А. Літвін высветліў, што 18-ы Латышскі паліцэйскі батальён, у якім служыў Курзэм, у колькасці 395 чалавек, прыбыў у аператыўнае падпарадкаванне камандавання паліцыі бяспекі Беларусі ў маі 1942 г. з Рыгі. У далейшым батальён дыслакаваўся ў Стоўбцах. А. Літвін адзначае, што «ў гістарычнай памяці беларускага народа аб латышскіх паліцэйскіх батальёнах… засталіся негатыўныя звесткі як аб карніках, многія з якіх размаўлялі парасійску і вызначаліся жорсткасцю ў адносінах да беларусаў».

Вельмі гучную прэс-канферэнцыю правёў 12 сакавіка 2009 г. у Маскве Алесь Белы, дзе заявіў, што ў карных аперацыях на тэрыторыі Беларусі ўдзельнічала не менш як 10 латышскіх батальёнаў. Інфармацыю з той прэс-канферэнцыі вельмі актыўна распаўсюдзілі латвійскія СМІ, даўшы ёй адпаведную назву — «Латышоў абвінавачваюць у генацыдзе беларусаў».

Як атрымалася, што немцам удалося рэкрутаваць у свае вайсковыя адзінкі досыць вялікую колькасць латышоў? Актыўны ж удзел гэтых латышскіх аддзелаў у масавых знішчэннях габрэяў, а таксама ў карных акцыях супраць вясковага беларускага насельніцтва (яны знішчалі «як мага болей рускіх») задакументаваны.

У многім такія звыродлівыя формы рэакцыі сталі рэалізацыяй нацыянальных комплексаў латышоў, якія ад XIII ст. знаходзіліся пад нямецкім панаваннем — нават тады, калі краем кіравалі Рэч Паспалітая, Швецыя ці Расія. І трэба адчуць увесь жах латышоў, калі іхняя рэспубліка, першая іхняя дзяржава, была акупаваная 17 чэрвеня 1940 г. Саветамі. На іх зямлю прыйшла ўлада, якая не прызнавала прыватнай уласнасці і для якой не існавала асабістых правоў. Савецкі напад выглядаў на ўварванне варвараў. Масавыя дэпартацыі з Латвіі пачаліся ўжо ў 1941 г. і дасягнулі піку 14 чэрвеня — у той дзень было выслана больш за 15 тыс. чалавек. Таму зусім не дзіўна, што калі часткі Вермахта ў тым жа месяцы ўвайшлі ў Латвіі, латышы ўпершыню ў сваёй гісторыі з энтузіязмам віталі немцаў. Невялікі край даў найбольш з усёй Еўропы жаўнераў у войскі Вафен-СС — больш чым венгры, нарвегі, фіны і эстонцы разам узятыя. Супраць Чырвонай Арміі і партызанаў ваявала каля 150 тыс. латышоў. Трэба сказаць, што латышскія жаўнеры разам з немцамі на тэрыторыі Латвіі біліся да апошняга — Курляндская групоўка, так званы Курляндскі кацёл, здалася толькі 9 мая 1945 г., ужо пасля капітуляцыі самой Германіі.

Латышы дорага заплацілі за супрацоўніцтва з немцамі: пасля вайны высяляліся цэлыя мястэчкі, дэпартацыі пазбавілі Латвію яе нацыянальнай эліты, а народ — шчыльнай сувязі са сваёй зямлёй. Быў штучна створаны дэфіцыт працоўнай сілы, які папаўняўся за кошт імігрантаў пераважна з РСФСР.

Сёння латышскія гісторыкі і палітыкі вельмі чулліва рэагуюць на ўсе абвінавачванні ў саўдзеле латышскіх вайсковых аддзелаў у генацыдзе габрэяў. Калі ў Чэхіі рыхта-

ваўся пераклад кнігі Марка Курзэма «Талісман», латвійская амбасада як афіцыйную інфармацыю распаўсюдзіла рэцэнзію на тэкст кнігі. У гэтым тэксце даследчык з Музея акупацыі Латвіі Ульдзіс Нэйбург пералічыў шэраг фактычных недакладнасцяў у кнізе[6].

Сам жа Алекс Курзэм у шматлікіх інтэрв'ю падкрэслівае, што ён удзячны латышам, якія яго выратавалі. У адказ на абвінавачванні латышоў ён адказвае, што адносна яго яны заўжды паступалі добра. «Яны занялі месца маіх бацькі і маці».

Алег ДЗЯРНОВІЧ

---

[6] Neiburgs U. Marka Kurzema «Laimes nesējs». Starp mītiem un patiesību // Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata. 2006. Karš pēc kara 1944–1956. Rīga, 2007. 308–317. lpp. Ангельскі пераклад гэтага артыкула гл. на сайце амбасады Латвійскай Рэспублікі ў Празе: http://www.am.gov.lv/en/prague/news/press-releases-of-embassy/2009–02–25/.

ЧАЛАВЕК, ЯКІ ТРЫМАЎ У РУКАХ МЕСЯЦ[1]

The whole object of foreign travel is not to set foot on foreign land. It is to at last set foot on one's own country as a foreign land.

G. K. Chesterton

УСТУП

У амэрыканцаў, а мо й ня толькі ў іх, ёсьць традыцыя: на Каляды замест віншавальнае карткі рассылаць ліст, дзе-б распавядалася пра самае важнае, што адбылося ў тае сям'і за прамінулы год.

Отжа й на Каталіцкія Каляды 1960 г. беларускія сем'і ў Нью-Ёрку й Чыкага, Нью Джэрзі і Кліўлендзе атрымалі віншавальны ліст наступнага зьместу[2]:

«*Вясёлых Каляд і Шчасьлівага Новага Году!*

З гэтымі сьвяточнымі пажаданьнямі перасылаю таксама некаторыя навасьці з нашага прыватнага жыцьця. Апошні год прайшоў шчасьліва, бязь ніякіх нешчасьлівых выпадкаў і з многімі сваесаблівымі ўражаньнямі.

Дачка Вольга-Елізавета пачала трэці год школы, вучыцца добра, знае добра панямецку й разумее штораз больш па-беларуску; з восені пачала таксама іграць на раялі, і я надзеюся, што некалі будзе іграць для нас з "Беларускі Песенны Зборнік"[3]*, што з радасьцю мы атрымалі з Cleveland. Сын Аляксандар скончыў 7-мы год і ўжо ходзіць у першую клясу, і думаю, ён вырасьце на добрага Амэрыканца й Беларуса.*

Бацька й брат зь іх жонкамі ўжо патроху апанавалі нармальны трыб жыцьця й чуюцца, я думаю, шчасьлівымі, як і кожны з нас. Беларуская прэса й кружэлкі, а таксама частыя сустрэчы не дазваляюць нам забыцца таксама краіну нашага паходжаньня — Беларусі. Я асабіста хаця вельмі заняты фахова, знаходжу заўсёды нагоды для папулярызацыі праўды аб Беларусі і яе народзе: частыя гутаркі як сябра Toastmasters International[4] *ды другія даклады аб Савецкім Саюзе, інфармацыя аб сабе самым і т. д. даюць на гэта добрыя прычыны. Інфармацыі аб Беларусі на ангельскай мове ёсьць вельмі карысным матар'ялам у такой працы, асабліва для тых, хто ставіцца недаверліва да некаторых маіх цьверджаньняў. Дзеля гэтага дзякуй грамадзкае для тых беларускіх арганізацыяў, што стараюцца выдаваць чы перавыдаваць інфармацыі аб Беларусі на ангельскай мове*».

У даны час іграе калядная музыка, калядныя песьні: амэрыканскія, нямецкія, польскія. Мае калегі й суседзі-амэрыканцы пытаюць: а дзе калядныя песьні краіны, зь якой я паходжу? Думаю, што такія пытаньні маюць другія Беларусы, пражываючыя ў Злучаных Штатах ды Канадзе. Было-б вельмі пажадана мець кружэлкі беларускіх калядных песень! Можа, хтось паддзержыць мяне ў гэтым пажаданьні.

---

[1] Дзякуй за дапамогу ў зборы зьвестак пра жыцьцё героя артыкулу спн. Вользе Вярбіцкай, сп. Б. Данілюку, др. Я. Запрудніку, др. В. Кіпелю.

[2] Тут і далей дакумэнты цытуюцца з захаваньнем стылістычных і артаграфічных адметнасьцяў існікаў.

[3] Куліковіч М. Беларускі песенны зборнік. Выдавецтва Згуртаваньня Беларускай Моладзі. Кліўленд, 1960. 228 с.

[4] Арганізацыя, утвораная ў 1924 г., мэтаю якой ёсьць дапамога ў разьвіцьці мастацтва публічных прамоваў.

У гэтым годзе спаткаў мяне вялікі гонар як навукоўца ды, думаю, як эмігранта наагул, а Беларуса асабліва. Department[5] Сельскае Гаспадаркі Злучаных Штатаў Амэрыкі прыгласіў мяне быць адным із сямі сяброў, спэцыялістаў па спажыўчай індустрыі і навуцы Злучаных Штатаў для інспэкцыі спажыўчай індустрыі, навуковых установаў і інстытутаў у гэтай галіне ў Савецкім Саюзе. Я быў прадстаўніком мясной індустрыі і навукі ў гэтай галіне. Год часу заняло атрыманьне візы ды другія фармальнасьці. Але 24 чэрвеня Pan American[6] самалёт забраў нас праз Ісландыю, Нарвэгію, Швэцыю й Фінляндыю ў Маскву, куды мы прыехалі 27 чэрвеня савецкім Ілюшыным-18 з Гэльсінак, дзе мы мусілі чакаць 3 дні на самалёт.

Нашым спонсарам у Савецкім Саюзе была арганізацыя пад назовам Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР, некалькі асоб з гэтай арганізацыі былі ўжо мне знаныя із спатканьня ў маёй фірме вясной гэтага года як члены савецкай дэлегацыі ў ЗША. Мы атрымалі сталага праважатага, аднаго савецкага навукоўца, і адну тлумачку, спэцыялістку ангельскае мовы і добра адукаваную партыйна жанчыну. Плян паездак быў так уложаны, што ад 9 рана да позьняга вечара, часамі да 12 часоў ночы мы былі службова заняты і, рэч ясная, пад надзорам гэтых савецкіх урадаўцаў.

Мы наведалі некалькі фабрык фруктовых і авашчных (гароднiна) кансэрваў, мясных фабрык, некалькі калхозаў і саўхозаў і таксама пару навукова-дасьледчых інстытутаў і навучальных установаў у галіне спажыўной індустрыі і біяхіміі. Усяго за 30 дзён прабываньня ў Савецкім Саюзе мы наведалі 35 аддзельных аб'ектаў у наступных гарадох чы каля гэтых гарадох: Масква, Загорск, Кіеў, Адэса, Хэрсон, Кішынэў, Тэраспаль, Тбілісі, Горы, Баку, Ашхабад і Алма-Ата. Рэч ясная: нам былі паказаныя самыя лепшыя аб'екты, і тыя ў некаторых аспэктах былі прыблізнай якасьці чы індустрыйнай выдайнасьці, як падобныя фабрыкі ды інстытуты ў Злучаных Штатах. Аднак мы бачылі й такія фабрыкі, дзе мэханізацыя была вельмі слабая й ручны труд іграе галоўную ролю. У агульным савецкая спажыўчая індустрыя на 20–30 год адстаўшы ад Злучаных Штатаў Амэрыкі і галоўная цяжкасьць — гэта адсталая, непрадуктыўная выдайнасьць савецкае сельскае гаспадаркі, асабліва жывёлагадоўлі й мясазагатовак.

Жыцьцё ў людзей ў горадзе настолькі палепшыла, што жонка з мужам, працуючы, могуць зарабіць на хлеб і небагатую адзежу для сябе й двое дзяцей. Вопратка і ежа вельмі дарагая. Два-тры месяцы трэба працаваць, каб зарабіць на касьцюм; месяц працы на пару бацінак, прыблізна дзень працы на поўлітра водкі і г. д. Жыцьцё ў вёсцы настолькі палепшыла, што цяпер няма таго паліцыйнага тэрору, што быў пры Сталіне. Аднак матар'яльна мала што зьмянілася, і калхозьнікі ў аснаўным жывуць з прыгародных участкаў ды мусяць «арганізаваць» грошы па-за калхозам. Гэта арганізацыя палягае на продажы самагонкі або ўцяканьне ў горад на працу, застаўляючы жонку ў калхозе. Аднак уцячы ў горад — трэба мець пашпарт, які цяжка дастаць для калхозьніка, а жыць у калхозе цяпер пашпарта ня трэба.

Мушу прызнаць, што савецкія навукоўцы і ўрадоўцы, што былі назначаны нас сустракаць, былі ветлівыя і госьцяпрыімныя. Але па-за рамкі праграмы нам вылезьці было цяжка, і яны былі абмежаваныя ў іх дзеяньні таксама. У дабавак да прафесіянальных ведаў, рэч ясная, назьбіралася матар'ялу й некалькі сот зьнімак з сацыяльнага, культурнага й нацыянальнага жыцьця Расейцаў, Украінцаў, Грузінаў і Азербайджанцаў. За выняткам Грузіі, усюды ў гарадах пануе руская мова й культура, хаця надпісы ўрадаў у аснаўным у мовах даных рэспублік; расейскі шрыфт пануе для малдаўскай, азербайджанскай і казахскай моваў.

---

5 Аддзел (*анг.*)

6 Назоў адной з амэрыканскіх авіякампаній

На доказ свабоды ў Савецкім Саюзе мне было дазволена гасьціць 4 сяброў з вёскі, дзе я нарадзіўся. Яны мелі цяжкасьць дастаць білеты і сесьці на цягнік, але, раз у цягніку, яны прыехалі без перашкод да мяне ў Маскву. Там я сам імі заняўся, падзякаваўшы за прапанаваную помач мець праважатага з Інстытуту, паколькі я сам мову расейскую ведаю і ўжо Маскву ведаў з першага тыдня побыту ў Савецкім Саюзе.

Спатканьне было мілае й поўнае ўражаньняў. Жанчына, адказная за пакоі ў «Гостиница Советская», была ў бядзе найсьці свабодныя пакоі для маіх сяброў, калі іх не хапала для дыпляматаў. Яна была так растроена, як я сказаў, што цэлы калхоз хоча прыехаць мяне бачыць і, каб я меў дастаткова грошы, яшчэ найменш 10 асобаў прыехала-б пабачыць іх амэрыканца.

26 ліпеня, пасьля выдачы 1200 даляраў, я аставіў Маскву і выехаў у Польшчу. Меў пастой і перасадку ў Вільні, але ня было часу наведаць горад. У Польшчы правёў 8 дзён, дзе быў гасьцём Польскага мяснога інстытуту. Наведаў Варшаву, Лодзь, Познань, Кракаў, Тарнаў, Закопанэ, Гдыню й Гданьск. Бачыў аднаго калегу са школьнай лавы ў Вільні; іх некальку жыве ў Гданьску й Шчэціне.

Пасьля наведаў мясныя інстытуты й фабрыкі Даніі, Нямеччыны, Англіі й Галяндыі. У Утрэхт, Галяндыя, прымаў удзел і меў даклад па біяхіміі мяса на 6-м Зьезьдзе мясных інстытутаў Эўропы, дзе былі прадстаўнікі з 22 дзяржаў Эўропы, улучна Савецкі Саюз і сатэлітныя дзяржавы. Зьезд адбываўся ў часе ад 28 верасьня па 2 кастрычніка.

У Нямеччыне быў праездам у Мюнхэне, дзе правёў адну ноч. Мяне сустрэлі на станцыі сябры У. Цьвірка[7], У. Бакуновіч[8] і Сп. Сяцькоўскі[9]. Мелі гутарку аб іх працы ў Мюнхэне, і сапраўды, мы мусім быць ім удзячныя за іх працу і ахвярнасьць на ніве беларускай. Спаць не было калі. У 12 гадзін ночы сустрэў Сп. Бортніка[10], зь якім гутарка заняла цэлую ноч. Як нам усім ведама, Сп. Бортнік прадстаўляе БНР на розных імпрэзах ў Нямеччыне ў адсутнасьці Прэзыдэнта БНР. Бортнік працуе цяпер тлумачом у нямецкім Чырвоным Крыжы і мае сродкі да жыцьця. Ён мае таксама добрую кватэру, дзе мог бы прымаць прадстаўнікоў другіх нацыянальных арганізацыяў, каб ён мог умэбляваць ягоную рэзыдэнцыю. Аднак на гэта ягоныя даходы не выстарчаюць. Мне прыйшло на думку, што паскольні Сп. Бортнік ёсьць прадстаўніком БНР на Нямеччыну, магчыма, яго сябры і калегі ў Амэрыцы змаглі-б сабраць адпаведную суму грошы для закупу ўмэбляваньня для Сп. Бортніка, каб зрабіць зь яго кватэры рэзыдэнцыю прадстаўніка БНР у Нямеччыне, у якой з гонарам можна было-бы прымаць прадстаўнікоў другіх, нам прыязных, нацыянальных арганізацыяў ў Нямеччыне і Эўропе. Я прапаную такую акцыю й прашу адгукнуцца ў гэтай справе. Спадары Бортнік, Цьвірка, Бакуновіч і Сяцькоўскі перадаюць прывітаньні ўсім іхным сябрам-Беларусам у Амэрыцы.

У Англіі наведаў Беларускі Дом на 52 Penn Road і Marian House на Holden Ave. У Беларускім Доме спаткаў старую знаёмую з UNRAA Univ. Спадарыню Ніну Якубовіч (Якімец) зь яе сынам, 18-гадовым інтэлігентным юнаком. Спн. Якубовіч стараецца выехаць у Амэрыку, але ня мае добрага спонсара. Я прагледаў эміграцыйныя бумагі, і толькі афідавіта на памешканьне й працу ей не хапае, каб прыехаць у Амэрыку. Я гутарыў ад-

[7] Уладзімер Цьвірка (да эміграцыі — Вадзім Сурко) (2.01.1928, м. Мір, Наваградчына — 15.03.1992, Мюнхэн), грамадзкі дзеяч, журналіст, а ў апошнія гады й рэдактар газэты «Бацькаўшчына», супрацоўнік Радыё Вызваленьне / Свабода.

[8] Уладзімер Бакуновіч (10.01.1926, в. Малыя Сьцяблевічы, Лунінецкага пав. — 23.05.1992, ЗША), грамадзкі дзеяч, эканаміст. Быў журналістам газэты «Бацькаўшчына».

[9] Юры Сяцькоўскі (6.05.1926, в. Залесьсе, Смаргоншчына — 13.02.1995, Мюнхэн), журналіст Радыё Вызваленьне / Свабода.

[10] Уладзімер Бортнік (15.01.1910, Шаркаўшчына — 16.06.1988, Мюнхэн), грамадзкі дзеяч.

носна яе так званай палітычнай справы і думаў, гэта ўся справа ня важная сяньня. Ёй як матцы, ратуючай сына, многа чаго прашчаецца, і я асабіста згадзіўся, каб маё прозьвішча яна ўжывала як сьведку ў гэтай справе. Яе сын прыгожа гутарыць па-беларуску, і спадарыня Ніна ўлажыла шмат працы выгадаваць яго беларусам. Я зьвяртаюся да беларускіх Арганізацыяў у Амэрыцы памагчы Спадарыні Якубовіч праз выстаўленьне патрэбнага афідавіту[11] прыехаць у Амэрыку. Яна і яе сын Юрка памножаць беларускую сям'ю ў Амэрыцы двума актыўнымі сябрамі. Калі будуць цяжкасьці з фармальнага боку (справа палітычная), я абяцаю даць помач. Яе адрас: Nina Jakubowitsch, Byelorussian Home, 52 Penn Road, London, N. 7, England[12].

У Marian House, Holden Avenue, London, N. 12 я сустрэў трох паважаных Айцоў Марыянаў: Льва Гарошку[13], А. Надсона[14] і Язэпа Гэрмановіча[15]. Прыемна ўпершыню было пазнаць Айцоў Гэрмановіча і Надсона і ўзноў сустрэць Айца Гарошку. Прыемна было ўбачыць прыгожы Marian House з табліцай перад уваходам, дзе залатымі літарамі па-ангельску напісана: Byelorussian Catholic Chapel of SS. Peter & Paul (Byzantine Slavonic Rite).У доме знаходзіцца багатая бібліятэка, дзе некаторыя гістарычныя акты

[11] Affidavit (анг.) — пісьмовая заява пад прысягаю. Дакумэнт, неабходны ў той час для атрыманьня амэрыканскай візы, — забавязак жыхара ЗША перад уладамі, што новым эмігрантам заапякуюцца.

[12] Пра Н. Якубовіч ведама надта мала. Барыс Данілюк у адмыслова напісаных для гэтай публікацыі ўспамінах згадвае: «Якубовічышкаў пры немцах было дзьве сястры: старэйшая Ніна й малодшая Валянтына. З першай я быў знаёмы бліжэй, бо з паўгоду працавалі ў той самай установе, а з малодшай было толькі, як кажуць, шапачная знаёмства. Былі яны родам, здаецца, з паўдзённа-заходняе Слонімшчыны, але адкуль дакладна, ня ведаю. Абедзьве былі адукаваныя; Ніна нават вучылася крыху ў Вільні, малодшая мабыць не пасьпела пайсьці вышэй сямігодцы. Да майго знаёмства з Нінай дайшло так: у канцы 1941 ці пачатку 1942 гадоў у Слонім прыехаў доктар Ермачэнка зь ягонай сакратаркаю Нінай Войтанка, і з гэтае прычыны быў скліканы сход, на жаль, невялікага слонімскага беларускага актыву, на якім госьць абвесьціў, што немцы дазволілі стварыць беларускую дапамогавую арганізацыю «Weissruthenische Selbsthilfe», і што ён прыехаў, каб неадкладна арганізаваць круговую і раённую ўправы ў Слоніме. Адразу-ж адбыліся выбары ў абедзьве ўправы, і на сакратарку акруговае была выбраная Ніна Якубовіч. У раённай управе я, пакінуўшы месца сакратара, стаў скарбнікам, Аўген Кіслы — сакратаром. На старшыню акруговае ўправы Ермачэнка паставіў прывезенага з сабою адукаванага ў Пазнані інжэнэра Рыгора Зыбайлу. Ён быў родам з-пад Косава, у 1939 г. лучыў у нямецкі палон, зь якога яго выпусьцілі заняць месца старшыні беларускага камітэту ў Белай Падляскай. На ейную першую гасподу Самапомач атрымала шыкарны як на тагачасныя ўмовы і даволі вялікі дом выселенага жыдоўскага аптэкара Градзенскага на Магістрацкай вуліцы, дзе пасяліўся і Зыбайла, прыехалы з Гародні сакратар Аляксей Васіленя й Ніна Якубовіч (гэта апошняе магло быць толькі маім уражаньнем ад ейнае, як мне здавалася, бесперапыннае прысутнасьці ў будынку). Крыху пазьней нас перасялілі ў больш сьціплы будынак плябані касьцёлу Сьв. Андрэя на Замосьці, а пад лета Ніна заявіла, што едзе на працу ў Нямеччыну, што неўзабаве й зрабіла. Перад ейным выездам, аднак, паказалася, што яна цяжарная, і нам было незразумела, як у такім стане немцы ўзялі яе на работу. Там у яе нарадзіўся сын. Узноў сустрэў я яе ажно ў пачатку 1946 г. ужо студэнткаю Ўнівэрсытэту UNRRA ў Мюнхэне. Яна не была вялікай актывісткаю ў Беларускім Студэнцкім Згуртаваньні, а пасьля закрыцьця ўнівэрсытэту неяк хутка паехала на працу ў Англію. Іна Якубовіч расказвала маёй жонцы, што ейнага сына немцы пасьля нараджэньня забралі ў прытулак ці аддалі на адаптацыю, адкуль Ніна пазьней яго нейкім чынам выкрала. Якія палітычныя першакоды маглі быць у ейным прыезьдзе ў Амэрыку, не магу ўявіць, бо ня думаю, каб хто мог быць нагэтулькі неасьцярожны, каб дапусьціць яе да палітыкі ці ўзяць у якікольвечы вывед. Здаецца, яна памёрла даволі молада. Чуў, што й сын памёр маладым». Застаецца дадаць да ўспамінаў Б. Данілюка, што сын Н. Якубовіч Юрка быў пазьней выкінуты з Згуртаваньня Беларусаў Вялікабрытаніі «за дзейнасьць, шкодную для арганізацыі».

[13] Леў Гарошка (26.02.1911, в. Трашчычы Наваградскага пав. Менскай губ. — 28.07.1977 г., Парыж), архімандрыт, рэлігійны, грамадзка-культурны дзеяч, пісьменьнік.

[14] Аляксандар Надсон (да эміграцыі — Бочка) (нар. 08.08.1926 г., Гарадзея), апостальскі візітатар для беларусаў-каталікаў усходняга абраду ў эміграцыі.

[15] Язэп Германовіч (20.02.1890 г, Гальшаны Ашмянскага пав. Віленскай губ. — 26.12.1978 г., Лёндан), сьвятар, рэлігійны й грамадзкі дзеяч, пісьменьнік, рэдактар часапісу «Божым Шляхам».

аб усходняй царкве ёсьць адзінымі экзэмплярамі ў сьвеце. Зь яе карыстаюцца студэнты тэалёгіі ангельскіх унівэрсытэтаў. Бяз сумніву, нашы Айцы Марыяне ў Лёндане ня толькі прапаведуюць Слова Божае, але й папулярызуюць вельмі эфэктыўна слова аб Беларусі і яе гісторыі. На жаль, я ня мог пазнаць Яго Эксцэленцыі Біскупа Часлава Сіповіча[16], які пасьля ягонай хіратоніі на Эўхарыстычным Кангрэсе ў Мюнхэне быў у той час на візыце ў Сьвятога Айца ў Рыме. Гэта гістарычная падзея ў жыцьці Беларусаў каталікоў ня можа ня радаваць і Беларусаў праваслаўных, як гэта было са мной. Айцы Гарошка, Надсон і Гэрмановіч перасылаюць таксама іхныя шчырыя прывітаньні іх знаёмым і сябром Беларусам у Амэрыцы.

Апошні тыдзень у жнівені я правёў у Галяндыі. Справы службовыя не дазволілі мне наведаць Лювэн і Айца Робэрта[17] *і Айца Смаршчка*[18]*. Аднак я меў доўгую тэлефанічную гутарку із Айцом Смаршчком, у галоўным па лініі ССФ*[19] *на Паўночную Амэрыку. Айцец Аўген перасылае прывітаньні ягоным сябром-Лювэнцам у Амэрыцы.*

З такой колькасьцяй навасьцей я сеў на Pan American jet[20] *і за 7 гадзін быў зь Лёндану ў Дэтройце. Думаю, што некаторых з Вас сустрэну хутка і тады падзелімся думкай больш. Магчыма, штосьці падасца ў прэсу, як час будзе зрэлы на гэта. Цяпер прашу ўсе гэтыя весткі прыняць як прыватныя інфармацыі і не ссылацца на іх у ніякіх афіцыйных інфармацыях у беларускай прэсе.*

Дай Божа, каб наступны год быў плённы ў нашым прыватным і грамадзкім жыцьці![21].

Аўтарам ліста быў Аўген Вярбіцкі.

Доктар Аўген Вярбіцкі.

Частка І
ЖЫЦЬЦЯПІС СЛАВУТАГА ЗЕМЛЯКА: З АДНОЎЛЕНАГА

З часоў Казіміра Семяновіча, які апублікаваў у Амстэрдаме ў 1650 г. сваю кнігу «*Artis Magna Artilleriae Pars Prima*» ў лацінскай мове, пазьней перакладзеную ў мовы ангельскую, францускую, нямецкую, дасягненьні эмігрантаў-ліцьвіноў у тэхніцы, навуцы праходзілі неяк незаўважнымі. Хоць нібыта ёсьць хрыбет Чэрскага, мінэрал Дамэйкіт, але іхныя імёны ня зьвязваліся з Беларусьсю. Пра паходжаньне або не згадвалася зусім, або яно прыпісвалася іншым народам. У самой Беларусі эміграцыя не вывучалася, а пагатоў не гаварылася аб нейкіх дасягненьнях у навуцы. Ды й сама эміграцыя, трэба прызнаць, гэтаму не надавала вялікай увагі: свая сваіх не пазнаша.

А пісаць пра каго было, нават калі браць толькі паваенны час: важныя патэнты ў радыёкамунікацыі меў Анатоль Комар; Аўген Ярашэвіч быў адным з вядучых інжынэраў у распрацоўцы нью-ёркаўскае сэткі мэтро; на атамных станцыях працаваў

[16] Часлаў Сіповіч (25.11.1914, в. Дзедзінка Браслаўскага пав. Віленскай губ. — 04.10.1981, Лёндан), біскуп, навуковец, ініцыятар і заснавальнік Беларускага дома айцоў марыянаў у Лёндане й Беларускай бібліятэкі імя Ф. Скарыны і музея пры ёй (травень 1971).

[17] Робэрт ван Каўэлярт дэ Уілс — флямандзец з паходжаньня, быў вялікім прыяцелем беларускіх студэнтаў. Менавіта шмат у чым дзякуючы яму, маладыя эмігранты зь Беларусі атрымалі магчымасьць студыяваць у Лювэне. Пра яго піша Барыс Рагуля ў сваёй кнізе «Беларускае студэнцтва на чужыне».

[18] Аўген Смаршчок (25.09.1914, Зэльва Гарадзенскага пав. — 25.09.1984, пад Лювэнам), сьвятар БАПЦ.

[19] Студэнцкі Стыпэндыяльны Фонд.

[20] Самалёт (*анг.*).

[21] Захоўваецца ў архіве БІНІМ.

Аляксандар Жогла; Васіль Русак і Лявон Касоўскі мелі патэнты ў турбіннай тэхніцы, а Аляксей Арэшка — у хіміі. Янка Жучка доўгія гады быў рэдактарам часапісу «*Сталь*». У даведнікі 1950–1960-х гг. па хіміка-крысталаграфіі ўкладзена ладна працы Зоры Кіпель. У NASA працавала Ната Каракулька. Вітаўт Кіпель ад 1982 да 1985 г. рэдагаваў месячнік «*Новыя тэхнічныя кнігі*» (выдаваўся ад 1915 г.). Шырэй ведамы грамадзтву ўклад у навуку Барыса Кіта. Але асягненьні Аўгена Вярбіцкага вылучаюцца нават на гэткім зусім нешэраговым фоне.

Згадкі пра яго, нячастыя й подбегавыя, у нашым друку абмяжоўваюцца збольшага слушнымі, але агульнымі мейсцамі:

«У галіне біяхіміі ў Амэрыцы быў ведамы д-р Аўген Вярбіцкі, адзін з сусьветных лідараў у дасьледаваньні ірадыяцыі»[22]; «У галіне біяхіміі стаў шырака вядомы Я. Вярбіцкі, які нарадзіўся на Міншчыне, у мястэчку Краснае, у 1922 г. Сапраўдны член Нацыянальнай акадэміі Навук ЗША, ён выканаў прыярытэтныя дасьледаваньні па ірадыяцыі, распрацаваў мэтады радыяцыйнага кантролю прадуктаў харчаваньня»[23]; «Пасьля абароны дактарату Аўген Вярбіцкі пераехаў у штат Аёву і пачаў спэцыялізавацца на хіміі мясной прадукцыі. Пазьней атрымаў пасаду галоўнага навукоўца ў ваеннай лябараторыі дасьледаваньняў ежы ў ЗША. Ён — адзін з выдатных навукоўцаў, вынікі працы якога былі выкарыстаныя ў касьмічных палётах амэрыканскіх астранаўтаў. Выдатнасьць навукоўца-беларуса была адзначаная, калі амэрыканскія астранаўты вярнуліся зь Месяца і прывезьлі адтуль месяцавую пароду — кавалачак яе быў уручаны таксама і др. А. Вярбіцкаму»[24]; «спэцыяліст у захаваньні ежы, які быў адказны за харчаваньне першай амэрыканскай экспэдыцыі на Месяц»[25].

Хоць ведама пра жыцьцё А. Вярбіцкага на Беларусі мала, у тым ліку і ягонай сям'і — удаве, сыну й дачцэ (пад час адной з нашых тэлефонных размоваў дачка Вярбіцкага наракала на шматлікія пераезды з аднаго штату ў другі, калі яны мусілі пакідаць за сабой дакумэнты, паперы, што-б сёньня маглі распавесьці пра бацьку, ягонае жыцьцё й працу; з пытаньняў да яе зрабіла выснаў: ведама мне пра А. Вярбіцкага больш, як сям'і), — асобныя факты льга аднавіць.

Аўген Вярбіцкі нарадзіўся 4 студзеня 1922 году недалёка ад Маладэчна. У нэкралёгу малой бацькаўшчынаю называецца вёска Краснае[26]; сам-жа ён, запаўняючы анкету ў Беларускі Інстытут Навукі й Мастацтва (БІНІМ), пазначыў месцам нараджэньня Таршчыну — іншую вёсачку, што таксама каля Маладэчна.

Бацька Аўгена, Максыміліян, быў старастам у вёсцы, і на разуменьне суседзяў сям'я была заможнаю. У памяці-ж Аўгенавых дзяцей, Вольгі і Аляксандра, з аповядаў пра даэміграцыйнае мінулае (нешматслоўных і заўсёды неахвотных) засталася земляная падлога ў хаце, вялікая печ пасярэдзіне, на якую забіраліся ўсёй сям'ёй, каб сагрэцца. Меліся ў гаспадарцы парсюкі й каровы.

Гэтага, відаць, было дастаткова, каб зьвінаваціць Максыміліяна ў кулацтве й прысудзіць да 8-і гадоў у лягерох Сыбіры. Забягаючы наперад, скажу, што адбыў ён толькі тры гады з усяго тэрміну, бо быў вывезены на фронт, дзе яго сьпехам абучылі вайсковай прафэсіі міннага тральшчыка.

---

[22] Кіпель Вітаўт. Беларусы ў ЗША. Менск, 1993. С. 305.

[23] Гапоненка Вольга. Навуковая эліта беларускай дыяспары: адметныя рысы і асаблівасці вывучэння // Беларуская Дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый. Беларусіка Albaruthenica. 2001. № 17. С. 9.

[24] Камінскі Ю. Беларусіка ў Ратгерскім унівэрсытэце // Беларус. № 491, сьнежань 2003.

[25] Арлоў Уладзімер. Імёны Свабоды. Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода. 2007. С. 410.

[26] Беларус. № 329, красавік–жнівень. 1986. С. 7.

У Татаршчыне засталася маці, Аўдоцьця-Ганна з дому Ганецкіх, з Аўгенам, ягоным старэйшым братам Пятром і наймалодшаю Вольгаю.

Аўген хадзіў у школку — да яе было два кілямэтры прз лес, магчыма, менавіта ў Краснае, а ў часе вайны студыяваў у адміністрацыйна-гандлёвай школе ў Маладэчна, зарганізаванай Барысам Кітом у 1943 г.[27].

Пётр-жа запісаўся ў маладэчанскую паліцыю. Не ўпаляваўшы яго, партызаны, помсьцячы, забілі маці — звычайная на той час справа. Валянцін Тарас у сваіх успамінах згадвае: «[...] за плячыма быў партызанскі атрад, дзе бачыў я і бяссудныя расстрэлы, самаўпраўства й жорсткасьць асобых аддзелаў, бязьлітаснасьць ня толькі да старастаў і паліцаяў, але і да іх сем'яў, да іхніх малых дзяцей»[28]. Напэўна, менавіта пасьля гэтага забойства дзеці Вярбіцкіх прымусова былі вывезеныя ў Нямеччыну й раскіданыя па розных гарадах.

Па вайне Вярбіцкі апынуўся ў францускай акупацыйнай зоне ў Равэнсбургу ў польскім лягеры DP[29], дзе жыло нямала беларусаў, у тым ліку Барыс Кіт, Юры Сабалеўскі, Павал Сьвірыд, Эмануіл Ясюк, Віктар Войтанка. Прабыў ён там, відаць, зусім нядоўга, бо прыкладна ўжо ў 1945 г. прыехаў з купкай моладзі (разам з Аляксеем Арэшкам, Васілём Русаком, Галінай Родзькай, Аўгенам Кудасавым, Надзяй Юрэвіч ды іншымі) у Мюнхэн, дзе акурат у той час быў заснаваны Ўнівэрсытэт УНРРА. Унівэрсытэт быў унікальнаю інстытуцыяй: яго стварылі самі DP — для DP[30].

Амаль адразу тут было зарганізавана Студэнцкае Згуртаваньне[31] (паводле афіцыйнае статыстыкі ва Ўнівэрсытэце вучылася 120 беларусаў, але ў Згуртаваньні сябрамі было толькі 60), пачаў выходзіць часапіс «*Крывіцкі Сьветач*».

На сёньня пра навучаньне й побыт паваеннай беларускай моладзі ў Эўропе ведама параўнальна няшмат; зацікаўленых можна адаслаць да кнігі Барыса Рагулі «*Беларускае студэнцтва на Чужыне*»[32], у якой колькі старонак прысьвечана й Мюнхэну, а таксама да ўспамінаў Янкі Запрудніка пра Дванаццатку[33].

Тым каштоўней новая інфармацыя, якой ёсьць успаміны аднаго з былых сакурсьнікаў Вярбіцкага, Барыса Данілюка, напісаныя для гэтага артыкулу: «*Што да атмасфэры ў Мюнхэнскім Беларускім Студэнцкім Згуртаваньні, дык 1946 г. быў уздымам у патрыятычным настроі й дзейнасьці згуртаваньня ды аптымістычным поглядзе студэнтаў на іхнюю будучыню. У дзейнасьці Згуртаваньня гэта пазначылася пасьля выбару на студзеньскім ці лютаўскім сходзе на старшыню замест Барыса Семянкевіча Міхася Тулейку. Зарганізаваўся хор пад кіраўніцтвам Расьціслава Разджэсьцьвенскага, палепшыў выгляд "Крывіцкага Сьветача" ў новай вокладцы, было зладжанае годнае й людное сьвяткаваньне 25 Сакавіка. У красавіку беларусы з Рэгенсбургу бралі ўдзел у зладжаным міжнароднай арганізацыяй студэнтаў Унівэрсытэту*

[27] Адзінец Аляксандар. Паваенная эміграцыя: скрыжаваньні лёсаў: зборнік успамінаў. Мінск, 2007. С. 610.

[28] Тарас Валянцін. На выспе ўспамінаў. Вільня: Інстытут Беларусістыкі, 2007. С. 115.

[29] DP — Displaced Persons, лягеры для перамешчаных асобаў.

[30] Holian Anna. Displacement and the Post-war Reconstruction of Education; Displaced Persons at the UNRRA University of Munich, 1945–1948. Contemporary European History. Cambridge: May 2008. Vol. 17. Iss. 2.

[31] Гл. падрабязьней: Вініцкі Алесь. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гг. Частка III. Арганізацыі. Лос Анжэлес, 1968. С. 58–75.

[32] Рагуля Барыс. Беларускае студэнцтва на Чужыне. Мінск, 2006. 188 с.

[33] Запруднік Янка. Дванаццатка: дакумэнтальная аповесьць пра дванаццацёх беларускіх хлапцоў у Нямеччыне, Вялікабрытаніі і Бельгіі, 1946–1954 гг. Нью Ёрк, 2002. 510 с.

УНРРА вялікім канцэрце; адбыліся экскурсіі ў горы й на возера Аммэрсее, быў заснаваны Беларуска-Ўкраінскі Міжстудэнцкі Камітэт Супрацоўніцтва й выдадзены 16-старонкавы бюлетэнь. У кастрычніку[34] *на зьезьдзе ў Мюнхэне была закладзена Цэнтраля Беларускіх Студэнцкіх Арганізацыяў (ЦБСА)*».

Перарвем тут успаміны, каб сказаць колькі словаў пра арганізацыю, да якой Вярбіцкі меў самае непасрэднае дачыненьне.

1–2 лістапада 1947 г. у Марбургу адбыўся Агульны Студэнцкі Зьезд дэлегатаў ад усіх беларускіх студэнцкіх арганізацый на выгнаньні. Гэты зьезд распрацаваў статут Студэнцкага Стыпэндыяльнага Фонду (ССФ) пры ЦБСА. Мэта ССФ — фінансавая дапамога студэнтам у іхным навучаньні па-за межамі Беларусі, на ежу, набыцьцё абутку, апраткі, кнігаў; не падарунак — пазыка, якую сябры арганізацыі мелі вярнуць (і вярталі), як толькі станавіліся на ногі, каб маглі студыяваць іншыя.

Кіраўніцтва ССФ выдала адозву: «*Грамадзяне! Калі мы хочам, каб праваднікамі нашага грамадзтва ў будучыні былі сьветлыя людзі з хрысьціянскім заходня-эўрапэйскім сьветапоглядам, калі мы хочам, каб наш народ стаяў на культурным узроўні зь іншымі эўрапэйскімі народамі і прыймаў актыўны ўдзел у тварэньні сучаснай культуры й цывілізацыі, то ня даймы й заняпасьці нашаму студэнцтву!*»[35].

Адозва мела посьпех. Дастаткова сказаць, што ўжо на 31.10.1947 г. у касе ССФ было больш за 17 тысячаў марак.

У кіраўніцтва ССФ у розныя часы ўваходзілі Ўл. Цьвірка, Ул. Набагез, Б. Рагуля, а. А. Смаршчок, Я. Запруднік, К. Калоша, А. Протас, А. Арэшка. Але ад самага заснаваньня Фонду ў ім працаваў Аўген Вярбіцкі — спачатку як шэраговы сябра, а пазьней як скарбнік й старшыня філіі ССФ на Паўночную Амэрыку. Са сьмерцю Вярбіцкага Фонд спыніў сваё існаваньне.

Дамо зноў слова Б. Данілюку: «*Увесь гэты ўздым і аптымізм зламаўся, калі ў канцы 1946 ці пачатку 1947 г. стала ведама, што Ўнівэрсытэт зачыніцца з канцом веснавога сэместру 1947 г. Не далі рады спыніць гэтую бяду ні шматлюдныя дэманстрацыі студэнтаў, ні намаганьні шчырадбайнае апякункі Ўнівэрсытэту УНРРАўскае працаўніцы амэрыканкі Галіны Гашынскае; удалося толькі прадоўжыць існаваньне навучальнае ўстановы на адзін сэместар.*

Зразумелая рэч, што сярод студэнтаў гэта выклікала паніку, большасьць пачала шукаць магчымасьці для далейшае адукацыі ў нямецкім інстытуце ў Марбургу ці ўкраінскіх унівэрсытэтах у самім Мюнхэне ды Рэгензбургу, але нямецкі браў надта неахвотна, а дыплём украінскага бадай нічога не даваў для далейшага навучаньня. Меншасьць пачала рыхтавацца да выезду ў іншыя краіны».

Аўгену Вярбіцкаму пашанацавала скончыць навучаньне ў мюнхэнскім Тэхналягічным унівэрсытэце ў 1948 г. і тамсама, у 1949 г., здабыць навуковую ступень. Далося гэта няпроста; каб пражыць, ён мусіў гандляваць на чорным рынку алеем, цыгарэтамі, мылам, гарэлкаю, чакалядам. Рабіў ён гэта весела, натхнёна, і не губляўся нават у небясьпечных сваймі наступствамі сустрэчах з МР[36].

Аўген прыехаў у ЗША ў 1949 г. жанатым чалавекам: 22 красавіка таго самага году пабраўся шлюбам з мясцовай дзяўчынаю — Эльзай Г. Мамбаўэр, якая, як пісала газэта

---

[34] 16 кастрычніка 1946 г.

[35] Гл. таксама: Паведамленьне. Стыпэндыі ССФ. // Бацькаўшчына. № 10(13). 1948. 4 крас. С. 4; Паведамленьне Ўправы Студэнцкага Стыпэндыяльнага Фонду. // Бацькаўшчына. № 26(29). 1948. 5 вер. С. 4.; Беларускія патрыёты! // Бацькаўшчына. № 12(55). 1949. 18 трав. С. 4; Студэнцкі Стыпэндыяльны Фонд. //Бацькаўшчына. № 14(244). 1955. 3 крас. С. 4.

[36] Military Police — ваенная паліцыя.

«*Беларус*» з нагоды выставы ейных твораў у беларускіх асяродках, «нарадзілася й студыявала ў Нямеччыне, а з 1955 году сталася амэрыканскаю грамадзянкай. У дадатку да мастацтва, ейная вышэйшая асьвета ўлучае сфэрыкальную трыганамэтрыю, мэдыцыну й камэрцыю. Мастацкія веды здабывала яна ў Нямеччыне й Швайцарыі, а таксама ў ЗША»[37]. Жанімства з грамадзянкаю Нямеччыны й дало эмігранту правы скончыць студыі ў гэтай краіне.

Амэрыканскае жыцьцё маладой сям'і пачалося ў «беларускіх» гарадох — Саўт-Рывэр, затым Нью Браўнсьвік, дзе Вярбіцкі працаваў на мэблявай фабрыцы. І невядома, як бы склаўся лёс здольнага эмігранта, каб ён, дзякуючы доктару Фрэду Дэтэрэйджу, не атрымаў тады стыпэндыі ад Унівэрсытэту ў Агаё.

Далейшая навуковая біяграфія Вярбіцкага, як яна пададзеная ў адным з тамоў «*Who Was Who in America. With World Notables*» (том 13, 1998–2000 гг. New Providence, NJ: Marquis Who's Who)[38]: пасьля здабыцьця навуковых ступеняў інжынэра агранамічных навук (1948) і доктара агранамічных навук (1949) у Нямеччыне, у Агаеўскім Унівэрсытэце абараніў другую доктарскую дысэртацыю — па біяхіміі (1953) і тамсама працягваў свае студыі — да 1956 г.

У 1956 г. узначаліў дасьледніцкі аддзел Rath Packing Co. у штаце Аёва — кампаніі, заснавай у 1891 г., што спэцыялізавалася ў пытаньнях захаваньня мясных вырабаў, у прыватнасьці шынкі й вэнджанай грудзінкі. Тут Вярбіцкі вынайшаў новыя мэтады кансэрвацыі шынкі, пры якой яна не губляе сваёй сакавітасьці, ды садзейнічаў у распрацоўцы frankfurter — сёньня гэтак папулярнага хот-дога.

Менавіта пад час працы ў гэтай кампаніі, якую, як сьведчаць карыкатуры мясцовых газэтаў, падазравалі ў дзейнасьці ня толькі навуковай, але й выведніцкай, Вярбіцкі й зьдзейсьніў падарожжа ў СССР, пра якое яшчэ будзе гаворка.

Тыя гады былі надта спрыяльнымі для Вярбіцкага: ягоныя навуковыя зацікаўленьні й патрэбы краіны супалі. Шэраг кангрэсмэнаў выказваўся пра вайну з СССР як пра *непазьбежнае заўтра*. Чорна-жоўтыя знакі на будынках — пазнакі сховішчаў на выпадак ядзернай атакі — нагадвалі аб савецкай пагрозе; пра тое-ж сьведчыла зьбіцьцё саветамі ў 1960 г. амэрыканскага самалёта-разьведчыка[39]. Артыкулы ў часапісе «*Life*» распавядалі, як сям'я з пяці чалавек можа выжыць у пакоі 3×4 метры з тэлевізарам і прыладамі для заняткаў спортам. Калі вайны-ж ня будзе, пісалася ў тых рэклямных артыкулах, дзеці могуць выкарыстоўваць бомбасховішчы для гульняў, тата — для сяброўскага покеру, а маці як пакой для прыняцьця гасьцей. Людзьмі авалодвала «бункерная мэнтальнасьць».

Бацькі, каб забясьпечыць больш-менш прыстойны ўзровень жыцьця, мусілі шукаць падпрацоўкі. Даход сярэдняй сям'і ў 1960 г. складаў 5.620 даляраў, у 1966 г. ён вырас да 7.436. Мінімальны заробак у гадзіну ў 1960 г. быў 1 даляр — гэта прыкладна чатыры з паловаю даляраў у грашох на 1990 г. Есьці па-за хатаю, перакусваць па дарозе з аднаго месца працы да другога зрабілася мусам. Рэй Крок ведаў, што ён робіць, калі пачаў раз-

[37] Беларус. 1970. № 157. С. 4.

[38] Гэта далёка не адзінае выданьне падобнага кшталту, дзе занатавана імя А. Вярбіцкага. Да прыкладу назаву яшчэ: American Men & Women of Science. A biographical directory of today's leaders in physical, biological, and related sciences. Physical & Biological Sciences. New York, R. R. Bowker. Выданьні 12 (1971–1973), 13 (1976), 14 (1979), 15 (1982), 16 (1986); Who's Who in the East. Wilmette, IL: Marquis Who's Who, выданьні 14 (1974–1975), 15 (1975–1976), 16 (1977–1978), 18 (1981–1982), 19 (1983–1984), 20 (1985–1986), 21 (1986); Biography and Genealogy Master Index. Farmington Hills, Mich.: Gale, Cengage Learning, 1980–2008.

[39] Гэта здарылася 1 траўня 1960 г.

гортваць ланцуг МкДональдсаў спачатку ў бізнэсовай частцы гарадоў, а пасьля і ва ўсіх астатніх раёнах. У 1960 г. іх было ўжо болей за 100[40].

Натуральна, спэцыялісты фаху Вярбіцкага былі на часе.

Наладзіўшы прафэсійнае жыцьцё, Аўген кінуўся ў росшукі сваякоў. Бацьку ён выпадова знайшоў праз польскую газэту, і ў 1958 г. той прыехаў у ЗША разам з сваёю другою жонкаю, палячкаю Чэславаю. Брат Пётра пазьбег выдачы саветам, запісаўшыся ў францускі замежны легіён. Ваяваў у Марока, потым у Індакітаі. На запросіны Аўгена ў Амэрыку прыехаў у 1956 г. (ён загіне ў 1961 г. у аўтамабільнай катастрофе). Вольга знайшлася ў Польшчы, дзе вывучылася на настаўніцу, выйшла замуж за мясцовага пекара, Антона Броша. Яны эміґравалі ў ЗША ў 1962 г. і пасяліліся ў Чыкага.

Прапрацаваўшы ў Rath Packing Co. да 1962 г., Вярбіцкі атрымаў прапанову ўзначаліць дасьледніцкі аддзел ваеннай лябараторыі ў адным з прыгарадаў Бостану, у Націку, штат Масачусэтс (афіцыйны назоў — U. S. Army Natick Laboratories).

Гісторыя гэтай лябараторыі сягае ажно ў 1775 г., калі Другі Кантынентальны Кангрэс прыняў рэзалюцыю, згодна якой упершыню вызначалася пасада генерала-інтэнтандта. У 1912 г. з асобных інтэнданцкіх аддзелаў быў створаны асобны корпус, які адыграў немалую ролю ў падтрымцы рэгулярных амэрыканскіх войскаў у Францыі ў часы Першай Сусьветнай вайны. Разам з тым з пачаткам Другой Сусьветнай вайны сталася відавочным, што праца па забесьпячэньні войска ўсім неабходным ва ўмовах джунгляў ці пустыняў толькі распачынаецца; асабліва тое датычылася харчаваньня, якое імгненна псавалася пры адсутнасьці лядоўняў у паходных умовах. І па заканчэньні Другой Сусьветнай было прынятае рашэньне аб стварэньні адмысловай лябараторыі, якая-б занялася вырашэньнем гэтае праблемы. Месцам стварэньня былі абраныя ваколіцы Бостана як багатага на навуковыя ўстановы, унівэрсытэты, а значыць, і спэцыялістаў, і таму, што яны былі кліматычна разнастайнымі.

Першы камень у фундамэнт будучай лябараторыі заклалі 30 траўня 1953 г.

Вярбіцкі працаваў над праблемай ірадыяцыі, г. зн. выкарыстаньня атамнае энэргіі заміж ахалоджваньня для перахоўваньня харчовых прадуктаў. Ягоныя вынаходніцтвы дапамаглі ўвесці ў рацыён жаўнераў мяса, якое пасьля ірадыяцыі не патрабавала лядоўняў.

Нават болей, NASA[41] таксама далучылася да гэтае праграмы, і мяса, апрацаванае па рэцэптах А. Вярбіцкага, было сэрверавана амэрыканскім і савецкім астранаўтам, удзельнікам першага міжнароднага касьмічнага палёту *Апалон-Саюз* у ліпені 1975 г., а таксама ўдзельнікам *Апалон 12* (лістапад 1969 г.) і *Апалон 17* (сьнежань 1972 г.).

У знак прызнаньня навуковага даробку вучонага Вярбіцкі быў запрошаны прысутнічаць пры старце Апалона з мысу Канавэрал. Пасьля палёту ён атрымаў амэрыканскі сьцяг разам са здымкам усіх астранаўтаў і касманаўтаў і іхнымі аўтаграфамі ды дробненькім кавалачкам месяца.

У 1981 г. ірадыяцыйная праграма была пераведзеная ў падначаленьне Дэпартамэнту Сельскай Гаспадаркі ЗША і перамешчаная ў Філядэльфію, штат Пэнсыльванія. З усіх

[40] Аўтары кнігі «Eating in America» пісалі пра сытуацыю ў 1960-я: «Americans are consuming, along with anheard-of amounts of valuable proteins in their meats and cereals, and along with vast quantities of fruits and vegetables full of good nutrients and vitamins, tens of billions of dollars worth of packaging, additives, and advertising, as part of their total estimated two hundred and fifty billion dollar contribution to the food industry, agribusiness, and the conglomerate corporations that decide what we will be allowed to eat». Waverly Lewis Root and Richard de Rochemont. Eating in America: A History. New York, Morrow, 1976. P. 443.

[41] The National Aeronautics and Space Administration — дзяржаўная інстытуцыя ЗША, адказная за нацыянальную касьмічную праграму.

супрацоўнікаў лябараторыі адно Вярбіцкі атрымаў прапанову пераехаць на новае месца працы, што ён і зрабіў. Там і працаваў да самай сваёй заўчаснай сьмерці.

Як паведамляў «*Беларус*», «*кангрэсмэн Уільям Ўайтгрэт із штату Вірджынія моцна рэкамэндаваў у афіцыйным выданьні Кангрэсу ЗША “Конгрэшэнал Рэкорд” (Кангрэсовыя Запісы)*[42] *за 30 верасьня 1983 г., б. Е 4693) знаёміцца з навуковымі артыкуламі др. Аўгена Вярбіцкага аб вартасьці ірадыяцыі ежы як спосабе ейнага перахоўваньня. Тэксты гэтых артыкулаў кангрэсмэн Ўайтгрэт зьмясьціў у “Кангрэсовых Запісах” за 24 сакавіка й 12 ліпеня 1983 г. (пачынаюцца яны адпаведна на б.б. Е 1329 і Е 3413).*

Кангрэсмэн Ўайтгрэт бачыць іронію ў тым, што распрацаваная амэрыканскімі вучонымі тэхналёгія ірадыяцыі ежы, якая дазваляе перахоўваць прадукты без засольваньня або рэфрыджырацыі на працягу месяцаў, шырока ўжываецца ў Індыі, Кітаі ды іншых краінах, але мала пашыраная ў Злучаных Штатах.

[...] *Др. А. Вярбіцкі — адзін з навукоўцаў-піянераў у галіне ірадыяцыі ежы. Цяпер у амэрыканскіх сродках інфармацыі шмат гаворыцца аб тым, што неўзабаве — у сувязі з праблемамі забруджанасьці прыроднага навакольля — ірадыяваныя прадукты зьявяцца ў шырокім продажы ў Амэрыцы.*

У газэце “Вашынгтон Пост“ за 25 студзеня 1984 г. паданае выказваньне др. А. Вярбіцкага як навуковага аўтарытэту пра бясьпечнасьць ірадыяванае ежы»[43].

Вярбіцкі вёў насычанае й напружанае жыцьцё. Ён багата вандраваў — ад Нямеччыны й Румыніі да Тайлянду і Японіі, браў удзел у міжнародных канферэнцыях і сам выступаў з дакладамі. Супрацоўнічаў з часапісам «*Chemical Abstracts*», распісваючы для яго савецкія навуковыя выданьні; быў заступнікам рэдактара прафэсійнага часапісу харчовай прамысловасьці «*Food Research*». У 1970 г. быў абраны сябрам Нью-ёркаўскай Акадэміі Навук. Сябра Амэрыканскага Хімічнага Таварыства, Амэрыканскага Інстытуту Тэхналёгіі Ежы, Амэрыканскага Таварыства Мясное Прамысловасьці, ганаровы сябра Амэрыканскага Таварыства для Прагрэсу Навукі.

У лістах да Вітаўта Тумаша Вярбіцкі часта наракаў на сваю занятасьць «па фаху» ды перапрашаў за малы ўдзел у дзейнасьці БІНІМу. Зрэшты, акрамя працы ў ССФ, Вярбіцкі быў актыўным у Беларуска-Амэрыканскім Задзіночаньні, з’яўляўся намесьнікам старшыні Галоўнай Управы БАЗА, старшынём беларускага камітэту Рэспубліканскай партыі ад штату Масачусэтс. Аматар п’есаў Ф. Аляхновіча ад часоў удзелу ў школьных спектаклях, ён быў ініцыятарам БІНІМаўскага праэкту — праўда, не рэалізаванага — выданьня збору твораў пісьменьніка; друкаваўся ў газэце «*Бацькаўшчына*» і «*Запісах БІНІМ*» — пераважна пад псэўдонімам *др. А. Дунін*, бо праз своесаблівасьць свае працы й працадаўцаў не хацеў надта засьвечвацца ў палітычных выданьнях[44].

Гэта ў лісьце да Тумаша, зь якім Вярбіцкага зьвязвалі даўнія сяброўскія адносіны, ён тлумачыў падставы свайго выхаду з Рады БНР:

---

[42] «The Congressional Record» — афіцыйнае выданьне Кангрэсу ЗША, выдаецца з 1873 г.

[43] Пра др. А. Вярбіцкага ў «Кангрэсавых Запісах» // Беларус. № 316. Люты 1984. С. 5.

[44] Дунін А., др. Да пытаньня Whiteruthenia ці Byelorussia // Запісы БІНІМ. 1954. № 1 (5). С. 44–48; Дунін А., др. Аб патрэбе інфармацыі. Пытаньне нашай нацыянальнай назвы // Бацькаўшчына. № 42 (121). 19 каст. 1952. С. 6; № 43 (122). 26 каст. 1952. С. 2, 4; № 44 (123). 2 ліст. 1952. С. 34; № 45–46 (124–125). 16 ліст. 1952. С. 5; Дунін А. Аб заданьнях беларускага студэнцтва // Бацькаўшчына. № 46 (228). 12 сьнеж. 1954. С. 2–3; № 47–48 (229–230), Каталіцкія Каляды 1954. С. 6; № 1–2 (231–232). 7 студз. 1955. С. 7–8; Вярбіцкі А. «Спадчына» годна рэпрэзэнтуе Беларусь // Бацькаўшчына. № 6–7 (288–289). 11 лют. 1956. С. 5–6; Вярбіцкі А., др. З майго падарожжа ў Эўропу // Бацькаўшчына. № 28–29 (310–311). 15 ліп. 1956. С. 2; № 30 (312). 22 ліп. 1956. С. 3; № 31 (313). 29 ліп. 1956. С. 4; № 32 (314). 5 жнів. 1956. С. 4; № 33 (315). 12 жнів. 1956. С. 3–4.

«*Вельмі паважаны Др. Тумаш!*

23-га г. месяца я паведаміў Вас як Старшыню Рады БНР[45] *аб тым, што я прымаю Амэрыканскае грамадзянства і такім чынам выходжу з праўнае юрысдыкцыі Прэзыдэнта і Ўраду БНР на эміграцыі. Сяньня, прыватнай дарогай, хачу даць некалькі асабістых выясьненьняў. Думаю, што сярод Радных ёсьць асобы, што маюць Амэрыканскае грамадзянства й надалей лічацца правамоцнымі сябрамі Рады. Я гэтай дарогай ня мог пайсьці, па-першае, дзеля праўнага прынцыпу й пашаны да законаў як ЗША, так і Рады, а па-другое, што ў маім асабістым палажэньні я не магу замаўчаць майго дачыненьня да Рады, так як часта прыходзіцца мне даваць персанальныя данныя аб маіх дачыненьнях да грамадзкіх, палітычных чы культурных арганізацыяў.*

Тады аставаўся толькі адзін выхад — гэта аставацца надалей без Амэрыканскага подданства. Аднак гэта было-бы ня толькі мне асабіста не на карысьць, але не на карысьць нашаму Беларускаму эміграцыйнаму грамадзтву. Я ў першую чаргу ня ёсьць палітыкам, а ў галоўным імкнуся быць навукоўцам, і таму калі змагу зрабіць на карысьць Беларусі, то толькі па навуковай дарозе. Аднак каб быць навукоўцам, трэба надалей здабываць фаховыя веды й вырабляць сабе папулярнасьць праз публікацыі й здабываньне адпаведнага становішча на ўнівэрсытэце чы ў індустрыяльных навукова-дасьледчых інстытутах. На гэта мне абавязкова патрэбна мець праўнае заплечча як Амэрыканскі грамадзянін. Вось-жа гэта ёсьць адна з галоўных прычынаў, якія мяне склалі выслаць Вам ліст за 23-га г. м.

У будучыні, калі Рада і Прэзыдэнт будуць адчуваць, што я ім магу быць памоцным у якой-колечы справе, калі трэба будзе матэрыяльная падтрымка чы штось іншае, я з ахвотай буду ім памоцным, хіба што (хоць гэта не праўдападобна) мой пачын будзе ня ў згодзе з законамі ЗША. Таксама я буду рад і буду чуцца вельмі ганарова ўзнагароджаны, калі буду паінфармаваны аб працы й клопатах Рады, таму што я хачу быць у курсе Беларускага Вызвольнага Руху. Свой вольны час буду ў будучыні ў галоўным аддаваць навуковае працы аб Беларусі, а таксама для росту БАЗА»[46].

Аўген Вярбіцкі памёр ад сардэчнага прыступу 29 чэрвеня 1986 г. у Філядэльфіі.

Газэта «*New Solidarity*» за 22 жніўня ў нэкралёгу назвала яго «надзвычайна свабодным чалавекам»: «*Вярбіцкі казаў пра сябе як пра тройчы вызваленага. У 1939 г., любіў паўтараць ён, я быў вызвалены з-пад Польскага ярма, і ў выніку таго вызваленьня мой бацька быў сасланы ў Сібір. У чэрвені 1941 г. нямецкія нацысты вызвалілі мяне ад Рускага ярма. У выніку гэтага вызваленьня я быў арыштаваны ў верасьні 1943 г. як зьвязаны з партызанамі й прымусова высланы ў Нямеччыну, у Потсдам. У лютым 1945 г., калі рускія занадта блізка падыйшлі да мяне, я, хоць і быў мусам высланы сюды, памятаючы пра забойства маёй маці, канфіскацыю ўсёй нашай маёмасьці, не хацеў свайго вяртаньня ў СССР і таму рушыў далей, у Аўстрыю, Баварыю, дзе быў вызвалены трэці раз — француска-мараканскім войскам. І цяпер я кажу сваім дзецям: я вельмі вольны чалавек, я быў вызвалены тройчы*».

У 1998 г. сям’я Вярбіцкіх была запрошаная ў Лябараторыю ў Націку на адмысловую цырымонію занясеньня ягонага імя ў Залю Славы. Цяпер там вісіць партрэт Аўгена Вярбіцкага й плітка з такімі словамі:

---

[45] Вярбіцкі памыляецца: Тумаш ніколі ня быў Старшынём Рады.

[46] Ліст ад 30.01.1955 г. захоўваецца ў архіве БІНІМ.

CUM SCIENTIA DEFENDIMUS
In Memoriam
Dr. Eugen Wierbicki
is inducted into the U. S. Army Soldier Systems Center Hall of Fame
this sixth day of November 1998, for his scientific accomplishments while serving
as Chief of Irradiation Food Development, from 1962 through 1981,
at the U. S. Army Natick Laboratories.

Under Dr. Wierbicki's leadership, the U. S. Army pioneered the research and development of high dose radappertized foods and for three decades has been recognized as the world leader and authority on this advanced method of preserving food This process offers tremendous potential for improving the quality and safety of operational rations.

Частка II
BACK IN THE USSR: ЛЕТА 1960 г.

А цяпер, пазнаёміўшыся з героем, вернемся да падарожжа з Каляднага віншаваньня.

Пра яго Аўген Вярбіцкі мусіў скласьці справаздачу — «*Official United States Food Industry Research Team to the USSR. June 27 — July 27, 1960. A Partial Trip Report*», адну з копіяў якога даслаў дырэктару БІНІМ Вітаўту Тумашу з наступным суправаджальным лістом:

«*Паважаны Спадар Тумаш! Перасылаю Вам на перахоў копію майго рэпорту аб Савецкім Саюзе. Гэты рэпорт адрасую ў архіў Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва.*

Гэты рэпорт можаце выдаваць для чытаньня для сяброў Інстытуту, якія змогуць захаваць наступныя прадумовы:

1. *Рэпорт ня можа стацца публічным дакумэнтам.*
2. *У ніякіх артыкулах або прамовах будуць падаваны якія-колечы інфармацыі і ссылкі на рэпорт і маё прозьвішча, хаця матар'ял можа быць выкарыстоўваны для карыснай працы.*
3. *Жадная частка рэпорту ня можа быць апублікаваная ў прэсе ангельскай, беларускай чы другой*»[47].

Сёньня, калі А. Вярбіцкі больш як дваццаць гадоў таму пайшоў з жыцьця, можна зазірнуць у той сакрэтны рапарт і распавесьці пра яго бяз боязі зрабіць нейкую прыкрасьць аўтару ці спрычыніцца да новае эскаляцыі халоднае вайны.

Афіцыйная дэлегацыя ад ураду ЗША складалася з сямі чалавек, кіраўнікоў розных кампаній амэрыканскай харчовай прамысловасьці. Уваходзіў у яе й Фрэд Дэтэрэйдж, мэнтар і апякун Вярбіцкага; можна дапусьціць, што менавіта ён параіў адказным урадоўцам здольнага эмігранта ня толькі як адмыслоўца ў сваёй галіне, але і як перакладчыка і знаўцу савецкіх рэалій.

Трэба адзначыць, што Вярбіцкі згадзіўся на прапанову ўвайсьці ў склад дэлегацыі — прапанову ганаровую ды шматабяцальную што да будучай кар'еры (і тое засьведчыла прызначэньне ў лябараторыю ў Націку) — не без ваганьняў і страху: вярнуцца ў СССР, нават часова, нават грамадзянінам ЗША, было страшна. Вярбіцкі расказваў аб прапанове лічаным сябрам — Вітаўту Тумашу, Янку Запрудніку, раіўся зь імі, бо баяўся магчымых правакацыяў, але тут-жа на прамілы Бог прасіў нікому з беларускай грамады не распавядаць пра гэта.

Справаздача Вярбіцкага дае падставы выказаць здагадку адносна магчымых прычынаў падобнай сакрэтнасьці.

---

47 Ліст ад 15.03.1961 г. захоўваецца ў архіве БІНІМ.

140-старонкавы машынапісны тэкст складаецца з дзьвюх частак. Першая — «*Мясная індустрыя ў СССР. Крытычны аналіз мясной індустрыі ў Савецкім Саюзе*» — цікавая сёньня бадай хіба толькі адмыслоўцам, а вось разьдзел «*Разнастайныя ўражаньні пра паездку ў СССР*» прымушае дапусьціць, што задачы перад удзельнікамі дэлегацыі (кожнаму — асобныя!) былі пастаўленыя ня толькі навуковыя: нездарма-ж Вярбіцкі не абмяжоўваецца адно выкладам уражаньняў, далёкіх ад пытаньняў харчовай прамысловасьці, але й наўпрост выказвае парады што да ідэалягічнай палітыкі ЗША ў дачыненьні да СССР агулам (Вярбіцкі часта замест *СССР* піша проста — *Расея*) і нацыянальных рэспублік у прыватнасьці. Напэўна, перабольшаньнем было-б назваць місію Вярбіцкага «шпіёнскаю», але намер ягоных начальнікаў з кіраўніцтва арміі ЗША скарыстаць веды й вопыт былога савецкага грамадзяніна несумненныя.

І сапраўды, апавядаючы пра пабачанае, Вярбіцкі часта зьвяртаўся да ўласнага вопыту — свайго мінулага: «*Савецкі Ўрад сьцьвярджае, што ў Савецкім Саюзе няма непісьменнасьці й што ўсе савецкія грамадзяне ўмеюць чытаць і пісаць. Гэта праўда, што непісьменнасьць бадай ліквідаваная ў Расеі, разам з тым вялікая колькасьць савецкіх грамадзянаў, што працуюць у калгасах і саўгасах, могуць толькі напісаць сваё імя й прачытаць надпісы на крамах, калі стаяць у чарзе па хлеб, цукар або прамтавары, якія дзяржава завезла ў іхныя вясковыя “магазыны”*[48]*. У вёсцы, дзе я нарадзіўся, толькі 3 з 20 сямей магла выправіць сваіх дзяцей у сямігадовую школу, а пераважная болшасьць абмяжоўвала сваю адукацыю трыма клясамі пачатковай школы. Як я спазнаў у Маскве, сытуацыя не нашмат зьмянілася ў параўнаньні з 1941 годам*» (с. 76).

«*У 1940–1941 г. я наведваў “Педтэхнікум” у Маладэчна, бо мой бацька быў сасланы ў Сыбір, і праз гэта я ня мог наведваць звычайную школу. Пасьля заканчэньня “Педтэхнікуму” я мог выкладаць у 3–4 гадовай школе ў адной з беларускіх вёсак за 300–400 рублёў у месяц.*

[…] *Мой сябра, Алесь Е., атрымаў прафесыю школьнага настаўніка пад час нямецкай акупацыі ў Беларускай Настаўніцкай Сэмінарыі ў Вільні ў1943–1944 гг. За гэта ён адседзіў 4 гады ў расейскім канцэнтрацыйным лягеры (зьвінавачаны ў беларускім нацыяналізьме), а пасьля гэтага меў дазвол выкладаць толькі арытмэтыку й фізкультуру, бо выкладаньне астатніх прадмэтаў патрабуе “сацыялістычнага сьветапогляду”, а ён рахаваўся “ненадзейным элемэнтам”. Ягоны сёньняшні заробак як настаўніка ў сямігадовай школе каля Менску складае 300 рублёў ($30) у месяц. Ён хварэе на сухоты — насьледак канцэнтрацыйнага лягеру — але ня ў стане заплаціць за санаторый. Гэта яшчэ адзін аспэкт жыцьця настаўнікаў у Савецкім Саюзе, маласведамы на Захадзе, і які ўсяляк адмаўляецца Савецкімі чыноўнікамі*» (с. 78).

Прыдалося і веданьне Вярбіцкім расейскае мовы: «*Нашым пастаянным перакладчыкам у СССР была міс Эльвіна Владзіміраўна Уколава, кабета прыкладна 35 гадовага веку, супрацоўнік Міністэрства Замежных Спраў. Яна валодае ангельскаю моваю даволі добра, але ня ведае тэхнічных і навуковых тэрмінаў. Яна добра падрыхтаваная ў камуністычнай фразэалёгіі і ня раз спрабавала ўжываць гэта пры перакладах. Яна нават насьмельвалася самастойна адказваць на пытаньні, скіраваныя да расейскіх навукоўцаў, тлумачачы, што ведае адказ і сама. Пасьля назіраньняў за ёю цягам двух дзён у Маскве, я адклікаў яе ўбок і сказаў, што для нас яна проста перакладчык, які мае перакладаць слова ў слова нашыя пытаньні і адказы нам. Я таксама сказаў, што абмяркую з кіраўніком дэлегацыі варыянт замены яе на іншага перакладчыка, а яна страціць магчымасьць тры тыдні вандраваць па СССР. Яна не пратэставала, а толькі паабяцала больш адказна ставіцца да сваёй працы*» (с. 84).

---

48 У справаздачы А. Вярбіцкі часта ўжываў у двукосьсі беларускія й рускія словы.

«[...] *У заключэньне на гэтую тэму скажу, што перакладчыкі, прымацаваныя да замежных дэлегацый, адбіраюцца з палітычна надзейных служкаў расейскага камуністычнага рэжыму, і іхныя пераклады часта зьначваюцца на карысьць камуністычнага ўклада жыцьця. Таму наступныя амэрыканскія дэлегацыі ў Расею мусяць мець у сваім складзе чалавека, які гаворыць і разумее расейскую мову добра. Пэўныя веды пра расейскія звычаі, гісторыю, псыхалёгію й нацыянальныя характарыстыкі нерасейскіх грамадзянаў Савецкага Саюзу кімсьці з удзельнікаў дэлегацыі таксама вельмі пажадана, асабліва калі асобныя аспэкты савецкага жыцьця будуць цікавыя для амэрыканскага ўраду*» (с. 85).

Афіцыйная справаздача А. Вярбіцкага, напісаная на мяжы з травэлёгам, а дзе-нідзе і ўспамінамі, вартая ўвагі з розных аспэктаў: побытавымі дэталямі СССР улетку 1960 году, паглядам эмігранта, былога грамадзяніна гэтай краіны, — поглядам збоку; адзначэньнем тых аспэктаў жыцьця, якія могуць быць цікавымі, як піша аўтар, амэрыканскаму ўраду, ды ўрэшце й зьменамі ў псыхалёгіі самога аўтара. Асобныя фрагмэнты з гэтае працы й прапануюцца ўвазе шаноўнага чытача. Урыўкі даюцца ў перакладзе з ангельскае мовы, зьмяшчаюцца без пазначэньня старонак, але з пазнакаю пропускаў.

Аўген Вярбіцкі. Разнастайныя ўражаньні пра паездку ў СССР

«Інтурыст» — дзяржаўная турыстычная агэнцыя Савецкага Саюзу. Арганізацыя нібыта мусіць дапамагаць замежным турыстам з замаўленьнем гатэляў, самалётных квіткоў, прадастаўляць перакладчыкаў і быць памагатымі тым наведвальнікам, хто прыехаў з шчырым жаданьнем спазнаць, што такое Савецкі Саюз і хто такія ягоныя грамадзяне. [...]

Трэба адзначыць, што эксурсаводы Інтурысту пераважна прывабныя, інтэлігентныя, з добраю моваю маладыя юнакі й дзяўчаты, шчыра адданыя расейскай камуністычнай прапагандзе, і яны не задумваючыся падманваюць і прапагандуюць марксізм, калі на гэта вядуцца замежныя турысты. Паколькі ўсё гэта зроблена ў імя турызму, расейскі Інтурыст — гэта ганьба сусьветнага міжнароднага турызму. Экскурсаводы Інтурысту віжуюць за заходнімі турыстамі й даюць справаздачы сваім начальнікам. Магчыма, яны кіруюць вобыскамі ў рэчах турыстаў, што спыняюцца ў гатэлях Інтурысту, і запісваюць іхныя тэлефонныя размовы.

Каб атрымаць ад экскурсаводаў як мага больш карысьці, заходнія турысты мусяць ведаць загадзе, што яны хочуць пабачыць і што наведаць. Інакш яны будуць завезеныя ў месцы, дзе камуністычны лад жыцьця будзе паказаны ў найбольш прывабным насьвятленьні. […]

Праз увесь час знаходжаньня ў Савецкім Саюзе мы былі пад несупынным наглядам. З-за напружанага раскладу мы амаль ня мелі часу быць самім. Кожны дзень, пачынаючы ад 9 ранку, мы былі ў розных прадстаўнікоў харчоваў прамысловасьці СССР. Міс Эльвіна й таварышч Дзегцяроў трымалі нас пад сваім пільным наглядам праз увесь час спатканьняў і наведваньняў. Калі-ж мы былі вольнымі, звычайна да 9 ранку, за намі наглядалі супрацоўнікі гатэляў.

Найбольш шчыльнае віжаваньне доктар Дэтэрэйдж і аўтар гэтага рапарту адчулі ў Адэсе. Я папрасіў др. Дэтэрэйджа пайсьці са мной на спэктакль Беларускага Дзяржаўнага Тэатру імя Янкі Купалы, які выступаў на сцэне Ўкраінскага Тэатру ў Адэсе, 7 ліпеня 1960 г. Др. Дэтэрэйдж ласкава згадзіўся пайсьці са мной, хоць ні слова не разумеў па-беларуску.

Пад час нашага знаходжаньня ў тэатры, за намі ўвесь час хадзіў чалавек, трымаўся ён на адлегласьці некалькіх крокаў. Ён-жа ішоў за намі да самага гатэлю. Мы пачуваліся надта няўтульна, бо былі ўжо прыцемкі, а вакол ня было ніводнага таксі. […]

Праз увесь час знаходжаньня ў Савецкім саюзе мы былі цалкам ізаляваныя ад зьнешняга сьвету. Адзіныя весткі, якія мы маглі атрымаць з Захаду, былі ад амэрыканскай амбасады ў Маскве. Па-за гэтым, ніякіх зьвестак пра Амэрыку — толькі тыя, што друкаваліся ў расейскіх газэтах. У нас было два прымача (др. Дэтэрэйджа й др. Левіта), але трансьляцыя заходніх перадачаў пастаянна перарывалася.

Расейскія газэты, уключна з «Правдой» і «Известиями», надта невялікія (4 або максымум 6 старонак), і зьмяшчаюць толькі кароткія, адным абзацам, паведамленьні пра падзеі ў сьвеце. Звычайна расейскія газэты прапануюць чытачам прапагандовы матар’ял двух напрамкаў: 1. Кіруючая роля Камуністычнай расейскай сыстэмы ў сьвеце, змаганьні за мір, у навуцы, спорце й культуры. 2. Кампанія «Ненавідзім Амэрыку». […]

Добры прапагандовы матар’ял для расейскіх камуністаў даецца і амэрыканскімі грамадзянамі, якія ведамыя як культурніцкія ці прамысловыя лідэры ў ЗША й хто купіўся на расейскую вэрсію «мірнага суіснаваньня». Таму ня дзіва, што расейская «Правда» ад 3 ліпеня 1960 г. прысьвяціла нямала месца кліўлендзкаму індустрыялісту містэру К. Ітану, зьмясьціўшы нават ягоны здымак. Артыкул прысьвечаны наданьню Ітану Ленінскай Прэміі Міру. Для расейскай прапаганды такія «Ітаны» вельмі патрэбныя, каб пераканаць чытачоў у слушнасьці камуністычнай справы.

Актыўнасьць расейскіх перакладчыкаў і экскурсаводаў «Інтурысту», расейскіх газэтаў, радыё й тэлебачаньня сьведчыць пра зарганізаваную працу расейскіх камуністаў у змаганьні за сусьветную ўладу. Гэта Трэцяя Сусьветная вайна, да якой расейцы ставяцца вельмі сур’ёзна, а мы таго ня хочам бачыць. Каб перамагчы ў гэтай вайне, расейцы маюць тысячы адмысловых школаў, дзе навучаюцца будучыя прафесіянальныя прапагандысты. Прыкладна каля 200 тысячаў студэнтаў навучаецца там. Вялікая колькасьць тых прапагандыстаў будзе працаваць сярод расейцаў, але тыя, хто вучыцца найлепш, хто добра вывучыць замежныя мовы, будуць пасланыя за мяжу ў якасьці дыпляматаў, сакрэтных агентаў, бізнэсмэнаў.

Ведаючы расейскіх камуністаў зь дзяцінства, я перакананы, што калі расейскія камуністы былі-б упэўненыя ў ваеннай перамозе, яны-б распачалі Трэцюю Сусьветную вайну адразу. Паколькі расейскія камуністы ведаюць, што ЗША й астатні вольны сьвет мацнейшы за іх, яны не пачынаюць глябальнай вайны. Таму ЗША ў лепшых умовах для стварэньня лякальных праблемаў для расейскіх камуністаў. […]

Што сярэдні ўзровень жыцьця ў савецкіх грамадзянаў ніжэйшы за аналягічны ў Амэрыцы, вядома, але невядома, наколькі ніжэйшы.

Пасьля азнаямленьня з травэлёгамі амэрыканскіх турыстаў у Расею, што часта друкуюцца на старонках розных амэрыканскіх часапісаў, я мушу зрабіць наступную заяву: жыцьцё расейцаў звычайна падаецца ў значна лепшым насьвятленьні, чым ёсьць на самой справе. Адна з прычынаў — знаёмства апавядальнікаў з жыцьцём у гарадах, а таксама з «выпадковымі» сустрэчамі з расейскімі грамадзянамі, падрыхтаванымі экскурсаводамі «Інтурыста», якія маюць «памагчы» амэрыканцам.

Я веру, што такія сустрэчы з навуковымі супрацоўнікамі, як у нашае дэлегацыі, вельмі карысныя ў размовах твар-у-твар. І хоць яны ня могуць адкрыта выказвацца супраць расейскіх камуністаў, у будучым яны змогуць аказваць нейкі ўплыў на савецкі ўрад, калі будуць ведаць жыцьцё й прафэсійную дзейнасьць іхніх калегаў у ЗША. […]

Багата амэрыканскіх грамадзянаў, што прыехалі ў ЗША з тэрыторыяў, цяпер падуладных Савецкаму Саюзу, асабліва з Заходняй Украіны й Заходняй Беларусі, ведаюць пра нішчымніцу ў месцах, дзе яны нарадзіліся. Шмат хто атрымоўвае лісты, у якіх просьбы аб дапамозе, пераважна абутку і вопраткі. Я ведаю некалькіх чалавек, што паслалі пачакі праз амэрыканскі паштовы сэрвіс у Чыкага, Нью Ёрку ды іншых гарадох ЗША.

Пачак коштам у 55 даляраў для некаторых старых людзей у калгасах роўны іхнай гадавой пэнсыі.

Амэрыканскі Ўрад ці адпаведныя арганізацыі могуць атрымаць нямала інфармацыі пра жыцьцё савецкіх калгасьнікаў ад амэрыканскіх грамадзянаў, што лістуюцца з сваймі сваякамі ці сябрамі ў Савецкім Саюзе.

Далей падаюцца заробкі й кошты на асобныя рэчы ў Савецкім Саюзе як частка рапарту. Лічбы падаюцца ў савецкіх рублях як яны былі на час нашага візыту ў СССР. Каб перавесьці рублі ў даляры, трэба рахаваць 10 рублёў = 1 даляр:

Заробкі ў месяц: дырэктары заводаў — 4000–5000, галоўныя інжэнэры — 3000–4000, старэйшыя навуковыя супрацоўнікі — 2000–3000, малодшыя — 1200–2400, брыгадзіры на заводах — 1000–1500, рабочыя з фахам — 1000–1200, рабочыя бяз фаху — 400–500, калгасьнікі ў перадавых калгасах — 400–600, у занядбаных — 200–300, саўгасьнікі адпаведна 400–600 і 100–200.

Кошты: сьвініна (фунт) — 7 рублёў, сыр — 15–20, памідоры — 2, бульба — ¼, алей — 25, хлеб — 1,5 іржаны, 2,5 белы; вэндліна — 13, гарэлка за паўлітра — 26–30, піва за паўлітра — 4, мінэральная вада — 2, шампанскае — 30–35, маргарын — 6, цыгарэты за пачак — 2–5, мужчынскі гарнітур — 1700–2000, мужчынская кашуля — 150–250, мужчынскія пантофлі — 350–400, нагавіцы — 300–400, жаночыя пантофлі — 200–400, ровэр (у Кіеве) — 700, аўтамабіль — 25.000–48.000. […]

Пэнсыі. Адна знаёмая кабета 75 гадоў, якая жыве з дачкою і зяцем, мае 0,3 га (0,74 акраў) садку ды штогадовую пэнсыю 1000 рублёў (100 даляраў). Грошы аддае зяцю, у якога яна жыве й харчуецца ўзімку. Разам з тым, улетку яна ходзіць ад дому да дому ў пошуках ежы. Яны з нябожчыкам-мужам кароткі час жылі ў ЗША пасьля Першай Сусьветнай вайны, але вярнуліся назад. Я вучыўся ў школе зь ейнымі дзецьмі. Дзеці, народжаныя ў ЗША, вярнуліся сюды ў 1934–1935 гг. і цяпер жывуць у Нью Джэрзі. Я паслаў ім вестку. Яны плянуюць паслаць пачак маці, якая амаль сасьлепла й страціла здароўе. Я перакананы, што калі-б Дзяржэпартамэнт зьвярнуўся да савецкага ўраду, яна-б атрымала дазвол выехаць да сваіх дзяцей. Яна з дачкою й зяцем плянавалі выехаць у Польшчу як былыя польскія грамадзяне, а адтуль у ЗША Але сёньня такія магчымасьці ў дачыненьні да Заходніх тэрыторый Беларусі і Ўкраіны больш не існуюць.

Гэты прыклад характарызуе ўзровень жыцьця старэйшага пакаленьня ў Савецкім Саюзе, і мо ня можа быць абагульняльным для ўсяго СССР, але вельмі яскравы для эўрапэйскіх раёнаў. […]

Пад час нашага візыту ў Савецкі Саюз мы наведалі розныя савецкія рэспублікі, якія, у адрозьненьне ад ЗША, рэпрэзэнтуюць розныя народы й розныя нацыянальнасьці. Усе яны маюць уласную мову, адрозную ад расейскай, праўда, гэтага мы амаль не заўважылі, бо кіраўнікі, што сустракаліся з намі, былі або расейцамі або гаварылі па-расейску. […]

Мы не наведалі ніводнага мястэчку ў Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы. Але мы сустрэліся зь некалькімі беларусамі ў Маскве. Я сам беларус. Беларусы ведамыя ў ЗША як White Russians, што ўводзіць у зман, бо гэтак сама называецца частка расейскіх нацыяналістаў, якія прыехалі ў Амэрыку пасьля бальшавіцкай рэвалюцыі ў Расеі. Беларусы не расейцы, і гэткі назоў як White Russians толькі заблытвае. Ёсьць у ангельскай мове назоў «Bielarus», што па-беларуску й па-расейску гучыць адрозна ад назову «рускі». Беларусы маюць сваю мову, адрозную ад расейскай, хоць таксама прыналежную да ўсходнеславянскай моўнай групы, і нават расейскімі лінгвістамі яна вызнаецца за самастойную. Беларусы маюць адрозны характар. Яны шануюць сваю літаратуру, культуру і гісторыю.

25 сакавіка 1918 г. Беларуская Народная Рада абвесьціла незалежнасьць Беларускай Народнай Рэспублікі з сталіцаю ў Менску. Чырвоная Армія акупавала Беларускую Дзяржаву і абвесьціла яе 1. 01.1919 г. Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікай. Беларуская ССР сёньня займае толькі ¾ ад беларускай тэрыторыі з насельніцтвам у 8 мільёнаў чалавек, тады як усё беларускае насельніцтва перад Другой Сусьветнай вайной складала каля 15 мільёнаў. Беларуская ССР ёсьць сябрам ААН.

З-за геаграфічнага месцазнаходжаньня, вольнага духу й прагі незалежнасьці беларускі народ вычувае жорсткія рэпрэсіі ад расейскіх камуністаў. [...]

У савецкай фразэалёгіі ёсьць выраз, што Савецкія рэспублікі мусяць быць нацыянальнымі па форме, але сацыялістычнымі па зьместу. «Сацыялістычны» і «расейскі» сталіся сынонімамі, што суправаджаецца ўслаўленьнем «кіруючай ролі» расейскай мовы, расейскай культуры, расейскіх пісьменьнікаў — у той час, як любоў да нацыянальнай мовы, нацыянальных герояў зрабілася падставаю абвінавачваньня ў «буржуазным нацыяналізме». Я наведваў Беларускую Настаўніцкую Школу ў 1940–1941 гг., калі ўсе лекцыі нібыта меліся быць у беларускай мове. Але большасьць настаўнікаў было расейцамі, і ў іх быў «вольны выбар» выкладаць па-беларуску ці па-расейску. Нават настаўнікі беларускай мовы й літаратуры гаварылі міжсобку па-расейску па-за сьценамі клясы, бо баяліся зьвінавачваньня ў нацыяналізме.

Падобная сытуацыя захавалася да сёньня, хоць і ў меншай ступені; расейцы занялі амаль усе ключавыя пасады ў рэспубліцы, аддаўшы нацыяналам найменш значныя — каб прадэманстраваць сьвету, асабліва маладым нацыям Афрыкі і Азіі, як бліскуча камуністы разьвязалі нацыянальныя праблемы ў сябе.

Мясцовае насельніцтва ня надта радае такому становішчу. Калгасьнікі ня любяць сваіх старшыняў, дасланых з Расеі кіраваць імі. Згодна савецкіх законаў, старшыня калгасу абіраецца самімі калгасьнікамі, але ў сапраўднасьці такога амаль ніколі не адбываецца.

Мясцовая інтэлігенцыя адчувае глыбокае абурэньне з прычыны русыфікацыі, фальсыфікацыі нацыянальнай гісторыі, літаратуры, мастацтва, г. д., што сыходзяць наўпрост з Масквы, ад «старэйшага брата». На самой справе нацыяналы — грамадзяне другой катэгорыі ў нібыта роўнапраўнай дзяржаве, і яны пакутуюць праз адсутнасьць роўных магчымасьцяў у палітычных і адміністрацыйных сфэрах у сваіх уласных рэспубліках.

Гэтая малаведамая праблема ў Злучаных Штатах. Я сутыкнуўся з тым, што мне было вельмі цяжка вытлумачыць маім амэрыканскім сябрам, што я беларус, не расеец. Калі-ж я працягваў намаганьні, яны гублялі цярпеньне, пачыналі называць мяне нацыяналістам і казаць, што нацыяналізм у Амэрыцы рахуецца нядобраю справаю. Магчыма, шэраг зь іх ня хоча задумвацца над падобнаю праблемаю й лічаць усіх, хто жыве ў СССР, — расейцамі. З падобных паглядаў пішуцца й выдаюцца ў ЗША кнігі пра СССР; складаецца ўражаньне, што такі афіцыйны пагляд амэрыканскага ўраду на праблему нацыянальнасьцей.

З майго асабістага вопыту й веданьня рэалій я магу сьцьвярджаць, што няма ніводнай выключна «расейскай» рэспублікі ад пачатку стварэньня Савецкай дзяржавы ў 1917–1922 гг. Ёсьць Саюз Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік, дзе кожная рэспубліка мае свае нацыянальныя адрозьненьні ад Расеі. Сталінская канстытуцыя 1936 г. падкрэсьліла гэтыя адрозьненьні, сьцьвярджаючы, што кожная зь іх рэпрэзэнтуе нацыянальную дзяржаву, дабраахвотна ўвайшоўшую ў СССР, і якія маюць права выйсьці адтуль у любы час. Гэта ўжо іншае пытаньне, наколькі сапраўды магчыма пакінуць той Саюз.

Мы можам называць гэта нацыяналізмам, нам гэта можа падабацца ці не, але мы мусім прыняць гэта як факт і прынамсі паспрабаваць вывучаць праблему больш пільна, як мы вывучаем іншыя аспэкты Савецкай сыстэмы. [...]

Сыходзячы з стану рэчаў на сёньня, я веру, што любая палітыка ў бок СССР будзе неэфэктыўнай, калі нацыянальныя праблемы й надалей будуць ігнараваныя. Па сваім характары нерасейцы ёсьць патэнцыйнымі сябрамі Захаду, і пры адпаведным разуменьні Захад можа выкарыстаць нацыянальную праблему ў халоднай вайне з Расеяй.

Наступныя захады могуць быць скарыстаныя ў халоднай вайне з Расеяй:

Штогод «Кангрэсовыя Запісы» публікуюць прамовы сэнатараў ЗША з нагоды сьвяткаваньня гадавіны незалежнасьці нацыянальных рэспублік (1918–1922). Але амэрыканскі народ і замежныя краіны бадай ня ведаюць пра тое, бо амэрыканская прэса замоўчвае падобныя факты. Інфармацыйныя артыкулы з падобнай нагоды ў «*New York Times*», «*TIME*», «*Life Magazine*» могуць спрыяць адукацыі амэрыканскіх грамадзянаў у справе нацыянальных праблемаў у СССР;

6 і 8 ліпеня 1959 г. Сэнатам была прынятая пастанова прасіць былога Прэзыдэнта Эйзэнхауэра аб прызначэньні трэцяга тыдня ліпеня як Тыдня Паняволеных Народаў і выдаваць штогод праклямацыю, аж пакуль свабода й незалежнасьць ня будуць здабытыя ўсімі краінамі ў сьвеце, уключна з паняволенымі нацыямі Расейскай Камуністычнай Імпэрыі. Амэрыканская прэса амаль не надае ўвагі гэтай падзеі. Тыдзень Паняволеных Народаў мусіць адзначацца ў ЗША шырака. Паняволеныя народы заўсёды будуць удзячныя Амэрыцы за ініцыятыву ў дэманстрацыі спачуваньня да іхняга змаганьня;

Перадачы на Савецкі Саюз мусяць выкарыстоўвацца больш эфэктыўна. «Голас Амэрыкі» мусіць мець перадачы ў беларускай, украінскай, іншых мовах нерасейскіх нацыянальнасьцяў Савецкага Саюзу. Прынамсі двойчы на тыдзень у дакладна вызначаны час, каб людзі ў СССР маглі сачыць за імі.

«Радыё Свабода» ў Эўропе, фінансаванае Амэрыканскім Камітэтам за Вызваленьне [ад бальшавікоў], мусіць даваць больш перадачаў на нерасейскай мове народам у СССР і не забараняць сваім супрацоўнікам, нерасейцам па нацыянальнасьцям, гаварыць сваім суайчыньнікам пра нацыянальныя праблемы дома. «Радыё Свабода» ў Мюнхэне да лета 1960 г. менавалася «Радыё Вызваленьне». Перад Парыскім самітам савецкі ўрад пераканаў урад ЗША пазбавіцца ад слова «Вызваленьне» — у імя захаваньня «сяброўскай атмасфэры». Гэта была вялізная памылка, паколькі «Радыё Вызваленьне» было адзіным цьвёрдым голасам у вабароне паняволеных народаў СССР.

Я чуў ад беларусаў, што маюць дачыненьне да «Радыё Свабода», нібы супрацоўнікі радыё ня маюць дазволу перадаваць цалкам прэзыдэнцкае вітаньне з нагоды Тыдня Паняволеных Народаў, і толькі са спазьненьнем у тры тыдні некалькі параграфаў было перададзена. Напэўна, і гэта было зроблена з мэтаю не злаваць Хрушчова перад Парыскаю канфэрэнцыяй. […]

Мы мусім паглядзець праўдзе ў вочы й вызнаць, што мы знаходзімся ў сапраўднай вайне, і гэтая вайна, «халодная вайна», мусіць быць намі выйграна. Гэта ня значыць, што мы мусім уступіць у атамную вайну. Калі мы выйграем халодную вайну, атамная будзе без патрэбы. […]

Вось мае камэнтары да бачанага, што, спадзяюся, будуць карысныя чытачам гэтага рапарту й ураду.

Лявон ЮРЭВІЧ

ЖЕНЩИНА В РЕДАКЦИИ

От редактора

Гродно повезло с мемуаристами, как не повезло ни одному другому городу в Беларуси. В нем жил Быков. И едва ли не самые проникновенные страницы своей последней книги — «Доўгая дарога дадому» — Василь Владимирович посвятил ему, своей молодости, своим друзьям.

Но об особенностях гродненской жизни того периода мы узнаем не только из мемуаров Быкова. Стереоскопическую картину создают сразу три взгляда, три авторские версии одних и тех же событий — книги Алексея Карпюка «Развiтанне з iлюзiямi» и Бориса Клейна «Недосказанное» не просто дополняют быковский рассказ. Все вместе — общий «гродненский текст», своеобразная гродненская энциклопедия 1960–1980-х гг. Когда-нибудь, когда белорусское телевидение станет свободным в выборе сюжетов, мы увидим жесткий исторический сериал о том времени, где будут истории трех друзей — двух писателей-белорусов и историка-еврея, людей, которыми их родина может гордиться по праву.

Однако эти три текста — мужской взгляд. Воспоминания Фриды Пугач — попытка женщины рассказать о том, что она видела изнутри. И пусть автор старается меньше вспоминать об испытаниях, которые выпали на долю ее семьи, рассказ о времени, в котором она жила, не становится менее ценным. Скорее, наоборот. Искренне жаль, что мы не дождались воспоминаний другой замечательной женщины, Инны Карпюк, также бывшей свидетельницей и участницей описываемых событий.

Фрида Матвеевна Пугач родилась 9 марта 1931 г. в м. Хойники Гомельской области. В 1938 г. переехала с родителями в Гомель, а в 1940-м — в Барановичи. Оттуда 22 июня 1941 г. ей удалось с матерью и братом бежать от наступавших немцев (отец был призван в армию).

После войны семья вернулась в Беларусь.

Окончила среднюю школу в Новогрудке. С 1948 по 1953 г. училась на отделении журналистики Белгосуниверситета. С 1954 г. постоянно жила в Гродно и работала в редакции областной газеты «Гродненская правда» — литературным сотрудником, старшим корреспондентом, а с 1979 по 1986 г.— завотделом информации.

Фридой Пугач были опубликованы в газете сотни корреспонденций, очерков, репортажей. По ее инициативе печатались популярные «Субботние страницы», велись циклы «Лицо нашего города», «Наше свободное время», поднимались проблемы развития здравоохранения, туризма, спорта. Я помню эти статьи, помню, как читали и реагировали на них в семьях гродненцев, в том числе в моей семье.

С 1992 г. вместе с мужем, известным историком Борисом Клейном, живет в США. Имеет двух сыновей и трех внуков.

Редактор альманаха может лишь поблагодарить журналиста и историка литературы Сергея Шапрана за подсказанную Фриде Матвеевне идею написать воспоминания и поблагодарить саму Фриду Пугач за разрешение опубликовать их во втором томе альманаха «Асоба i час».

ЖЕНЩИНА В РЕДАКЦИИ

Раньше мне не приходило в голову писать «об утраченном времени». Не потому, что жизнь в Америке стерла из памяти былое. Никуда не ушли годы, проведенные в редакции «Гродненской правды»: они со мной, многое помню даже в деталях, а кое-что теперь осознаю глубже. Это понятно: чем ближе к концу, тем больше тянет к началу…

Но с кем поделиться? И вот прибыло письмо из Минска от Сергея Шапрана. Он попросил написать воспоминания «об этом времени и о Василе Быкове». Посчитал, что мой рассказ стал бы важным свидетельством — еще и потому, что других очевидцев теперь почти не осталось.

В том коллективе, где работал и Василь Быков, я провела больше тридцати лет, как говорится, от звонка до звонка. Никаких привилегий не имела. Трудилась, как считали, всегда много и добросовестно. Когда я там появилась, среди сотрудников мне была знакома еще по университету только Ирина Суворова (будущая вторая жена В. В. Быкова).

Не могу пожаловаться, ко мне никто не придирался (за исключением одного негодяя). Но и не выдвигали меня так долго, сколько могли.

В мемуарной книге «Доўгая дарога дадому» Быков рассказывает о двух периодах своего пребывания в «Гродненской правде». Первый раз в 1949 г. он туда устроился корректором, вычитывал белорусские и русские тексты. Но вскоре его опять призвали в армию. Приехав в Гродно спустя семь лет, решил вернуться в газету. И вот как он описывает встречу с тогдашним главным редактором: «…Василь Булай сперва спросил про мою партийность и, услышав ответ, молча развел руками. Он вообще не любил свои мысли выражать словами. Видимо, усвоив некоторые уроки 30-х годов, в разговоре отдавал преимущество жестам, которые можно было понимать как угодно. Но тут я понял правильно — работы нет».

Правда, потом, по рекомендации А. А. Соловьева, знавшего Быкова «по первому пришествию», его взяли.

К тому времени я уже работала в редакции литсотрудником. И принял меня весной 1954 г. тот самый В. П. Булай. Я, выпускница отделения журналистики БГУ, сначала была направлена в барановичскую «Красную звезду», но через полгода пять областей республики, в их числе и нашу, упразднили; следовательно, закрылась и моя газета. Тут я обратилась в Гродно.

Василий Петрович Булай помнил моего отца, Матвея Наумовича Пугача, по совместной работе в предвоенной барановичской газете. И, несмотря на свою опасливость, верно подмеченную Быковым (а также мой пресловутый «пятый пункт»), рискнул взять меня на как раз освободившееся место. Между прочим, хрущевская оттепель еще не наступила…

Всего год назад умер Сталин. Похороны его пришлись как раз на день моего рождения. Мама позвонила мне в Минск из Новогрудка, чтобы осторожно напомнить:

— Доченька, сегодня очень печальный день…

Но у меня самой хватило ума не собирать в общежитии друзей. Один из них, которому надоела беспрерывная трансляция траурной музыки, выключил радиорепродуктор. Сосед по комнате тут же донес на него. Бедного Марка исключили из комсомола и, само собой, выгнали из университета.

В Гродно ощущалась какая-то особая атмосфера. Повернешь за угол — и как будто попала в другой век. Красивые чистые улицы, с фонарных столбов свисают цветы в горшочках. Кто-то же их поливал! Здесь люди живут иначе…

Лето 1954 г. Еду в первую командировку: поручили осветить областной комсомольско-молодежный слет, проходивший в Берестовице. Как добираться? Как знаешь. Ни автобусной станции, ни регулярного междугородного сообщения в Гродно еще не было. Ранним утром выхожу на Советскую площадь, вместе с другими долго жду. Наконец подкатывает допотопный автомобиль. Из двери высовывается контролерша и объявляет маршрут. Мне подходит.

Сойдя на окраине Берестовицы, направилась туда, где звучал духовой оркестр. На слете выслушала много высокопарных речей. В перерыве подошла к первому секретарю обкома комсомола, спросила, не прихватит ли меня с собой обратно в Гродно, — на автобус здесь рассчитывать трудно. Вроде пообещал.

Торжество завершилось. Поджидаю в назначенном месте секретарскую машину. Вот она показалась из-за поворота и…промчалась мимо. Только мелькнуло в окошке надменное лицо комсомольского босса.

Тогда я настолько была ошарашена, хоть плачь! Это потом уже рассуждала: почему он позволил себе такую низость? Видел же, что девушка одна, что темнеет, — но укатил. Посчитал, должно быть, что не престижно ему ехать в персональной машине с такой «мелкой сошкой».

Плакать бесполезно. Пришлось голосовать. Обрадовалась, когда рядом тормознул «козел». Увидев в машине кроме шофера пожилую пару, решилась сесть. Но пассажиры сошли в первой же деревне. И тут я со своего заднего сидения заметила, что водитель пьяный вдрызг. Машина у него прыгала, виляла. Он все оглядывался на меня и с придыханием бормотал:

— Че-ерненькая …

В Малой Берестовице я попросила его остановиться, дескать, пересяду к нему. Но вместо этого выпрыгнула из машины и побежала куда глаза глядят. Пьяный пытался меня догнать, но ему загородил дорогу какой-то человек. Я слышала увещевания:

— Да брось, зачем она тебе нужна?

Бежала вдоль темных домов, пока не различила вывеску «Почта». К счастью, было еще открыто. Там две женщины спрятали меня за ящиками.

Пьяный, видно, сообразил, куда я могла подеваться, и заскочил в помещение.

— Где эта б…?! Довезу ее до Гродно!

Еле выпроводили. Я отсиделась в закутке. Поздно вечером с рейсовой почтовой машиной меня отправили в Гродно. Узнав, как мне досталось, квартирная хозяйка ужаснулась:

— Так будете работать всегда?

Репортаж сдала на следующий день. А вечером у меня было свидание. Но я не стала посвящать молодого человека в свое берестовицкое приключение. Рассказала уже потом, когда он стал моим мужем…

А какое-то время спустя мне понадобилось заглянуть к цензору, чтобы отвоевать для публикации в газете что-то «запретное». Захожу к нему и… какой пассаж! Вместо прежнего цензора вижу того самого секретаря обкома комсомола, который бросил меня на остановке в Берестовице. Видать, не сложилась у него партийная карьера. Теперь эта морда будет блюсти этику в печати.

Какой была редакция той поры? Она находилась в центре города, метрах в пятидесяти от ул. Советской, в старинном здании, протянувшемся вдоль ул. Клары Цеткин (не знаю, сохранилось ли это название). Перед зданием — небольшой скверик с памятником маршалу Соколовскому. В том скверике иногда видела Быкова с маленьким сыном: он жил неподалеку, на ул. Олега Кошевого.

В середине 1950-х еще не было кинотеатра «Гродно», без которого сейчас невозможно представить себе эту часть города. И мне по пути из редакции домой на улицу Энгельса приходилось идти через кустарник.

… Мысленно возвращаюсь в ту часть здания, которую отвели нам (половину его занимал Дом народного творчества). Внизу — типография с допотопными линотипами и грохочущей печатной машиной. Поднимаюсь по шаткой лестничке на второй этаж, прохожу по узкому полутемному коридору. Слева машинное бюро, корректорская, где начинал Быков, отделы сельского хозяйства, культуры. Комната попросторней — отдел партийной жизни. Память подсказывает, что тут посидел и Алексей Карпюк, но скоро уволился, не по нем была тематика.

По правой стороне — секретариат. Василь вспоминает его в мемуарах как шумный центр редакционной жизни. Действительно, все мы там постоянно мелькали перед его глазами. Тогда и в мыслях не было, что к нам, быть может, приглядывается большой писатель.

Дальше по коридору небольшй зальчик, где проводились собрания, летучки. Насколько помню, Василь Владимирович в них редко участвовал, а если и бывал, то сидел молча, скрестив руки на груди. В самом конце кабинетик с четырьмя сдвинутыми вместе столами: отделы промышленности и информации. Здесь я работала, а первым начальником был Андрей Данилович Колос.

В условиях той тесноты каждый был на виду. Появление кого-то нового сразу замечалось. Так что, увидев впервые в коридоре молодого симпатичного мужчину с оттиском газетной полосы в руках, я подумала: «Кого это к нам занесло?» А он внимательно посмотрел на меня, вежливо поздоровался. Знавшая всех Софья Борисовна Лайхтман, сотрудник сельхозотдела, сказала мне, что это наш работник, демобилизованный офицер, вернулся с Курил.

Потом пригляделась к нему получше. Офицер, а никакой строевой выправки. Походка «невоенная», разговаривает как бы не спеша. То и дело поправляет рукой непослушную челку. Таким, по первым впечатлениям, запомнился мне Василь Быков.

И спустя годы он сохранял свою манеру держаться: всегда я видела его собранным, скромно одетым, неизменно вежливым со всеми.

Если выйти из редакции и стать спиной к памятнику Соколовскому, то по левую руку была закусочная, которую упомянул в своих мемуарах Быков. Сам он тоже сюда заглядывал. Были среди наших мужчин отмечавшиеся здесь регулярно, это называлось «сходить на уголок». Виктор Кизевич, например, мог задержаться там надолго, оставляя вместо себя в кабинете пиджак. Если он срочно нужен был, догадывались, где его найти. Он вообще никуда не торопился.

Спешу я как-то в редакцию, а Виктор стоит возле закусочной и окликает меня:

— Чего бежищь? Когда ты быстро идешь, то теряешь свой «струй».

Это слово из местного диалекта. Вообще-то, «струй» — по-польски «наряд». Но тут Кизевич, который презентовал себя эстетом, имел в виду мою осанку. С тех пор я при любой спешке припоминала его замечание и старалась держаться прямее.

Случалось, и Сергей Крапивин «вдохновлялся» там с самого утра, а потом, не вставая из-за рабочего стола, выдавал целую полосу по отделу партийной жизни. Его материалы, кстати, отличались неплохим языком.

То заведение не обходил стороной наш фотокор Виктор Костин. Это была фигура колоритная. Меня в самом начале поразило, как он разорялся на летучке в ответ на мое замечание о фотоиллюстрациях:

— Сама попробуй! Учат всякие… Я мог после войны устроиться в фотоателье, загребал бы деньгу, а тут только мотаюсь!

Да, участок достался ему трудный. Даже приличной камеры долго не имел, но снимки в основном делал удачные. В этом белесом русачке намешано было всякое: грубость, хвастовство, простонародная хитреца и подкупающая откровенность. На совместных выездах по заданиям он донимал бесконечными историями подвигов на войне, а также побед на «женском фронте» (правда, в это мало кто верил).

Родом он был из Вышнего Волочка, что давало повод шутнику Денисову называть его Витя с Волочок.

Особенный престиж придавало Костину обладание легковой автомашиной — ведь в городе тогда почти ни у кого не было личных автомобилей. Та сильно подержанная «шкода» выглядела не менее экстравагантной, чем ее владелец. Однажды я имела удовольствие в ней прокатиться. Втиснулась с трудом, а когда двинулись, показалось, будто еду по улице… на своем мягком месте.

Надо заметить, что самобытность этого характера сделалась как бы редакционным достоянием, и Василя тоже привлекала. Когда Виктор Павлович травил байки, Быков любил его подзадоривать.

Костин ушел на пенсию ровно в положенный срок. Сколько я ни просила его после этого сделать снимок для «Субботней страницы», он наотрез отказывался:

— Хватит! Ты не понимаешь, что я чувствую, когда смотрю в аппарат на лица. Они все у меня перед глазами.

…Угловая забегаловка, памятник городской старины, место стольких встреч, задушевных мужских разговоров, — увы, давно закрыта. Такие объекты не попадали в советский набор достопримечательностей.

Вот в Праге, куда мне довелось попасть в 1959 г. с одной из первых гродненских туристских групп, нас сводили в знаменитую пивную «У калиха» («У чаши»). В начале XX в. ее посещал писатель Ярослав Гашек, и потом он привел туда же своего бессмертного героя, бравого солдата Швейка. Там разрушениями не увлекались…

Тогда многое меня поразило в Чехословакии, и своими впечатлениями я подробно поделилась с читателями нашей газеты. Сама же вернулась из турпоездки с новой, «европейской» короткой стрижкой и в туфельках на тонких каблучках. На улицах слышала в свой адрес замечания, одна женщина даже догнала:

— Смотри, не сломай ноги!

Другая, бросив взгляд на мою прическу, покрутила у виска пальцем: «Я у мамы дурочка?».

Редакционные будни… Как знакома мне та газетная рутина, которую описывает Быков: «Сначала вычитывал тассовские и белтовские ленты, которые передавались по телетайпу, потом правил тексты переводов с белорусского на русский и наоборот… Моей правкой журналисты были недовольны. Все так пишут, говорили они…».

Быков понял: ведь действительно, от Москвы до Минска в печати «руководствовались собственными партийными правилами стилистики. Почему "Гродненская правда" должна руководствоваться другими? И я махнул рукой. Пусть идут, как шли до тех пор, эти бессмертные выражения типа: ведут борьбу, ведут уборку, ведут подготовку. И много других…».

Да, в этом он вынужден был подчиниться навязанному конформизму. Но мне думается, что уже тогда в нем вызревал протест, который он выразит своим писательским словом.

Дело, конечно, не только в стилистике. Шаблон внедрялся во все, его отражала сама структура редакции. «Ведущими» считались отделы партийной жизни, пропаганды, со-

ветской работы. Их роль — распространять коммунистическую мистику, «нацеливать» трудящихся. Им и место в газете отводилось главное.

Несколько ближе к жизни были отделы промышленности, сельского хозяйства. Там хоть ставились какие-то реальные проблемы, но их не очень заостряли. Упор делался на успокаивавший «позитив» — чтобы не подумали, Боже упаси, что партия чего-то не доглядела. Остальные материалы (культура, быт, отдых) считались второстепенными.

Советский газетчик выступал в двойной роли. Надо было и писать самим, и поставлять «организованные» материалы — не меньше двух в месяц. Это значило систематически сочинять за других, причем ярко и убедительно.

Так сложилось исторически. Когда в стране преобладали неграмотные, принято было писать заметки от их имени. И хотя время изменилось, эта практика продолжалась. Более того, вместо коротких заметок сочинялись пространные опусы. Сельхозотдельцы рассказывали в печати от имени доярок подробности доения и кормления коров, как будто они только этим и занимались. Мне тоже приходилось, как в сказке Пушкина, воплощаться в ткачиху, в повариху, в «сватью бабу Бабариху».

Ладно бы только за рядовых — готовились статьи за директоров, научных работников, секретарей райкомов. Хорошо, если те предоставляли какие-то заготовки, а то ведь попадались и недовольные: дескать, «его» материал написан не на должном уровне. Вознаграждение, разумеется, выписывали им, что многим нравилось. Помню только одного совестливого, который пытался отдать незаработанные деньги настоящему автору.

Вообще, большая часть газетного гонорара уходила так называемым внештатникам. Мнение о том, что мы тогда благоденствовали, — сказка. Помню такой случай. В гости к сотруднице отдела писем А. Лебедевой приехала армянская журналистка. Анна Тимофеевна хорошо ее приняла, показала памятные места города, но ту особенно привлек ювелирный магазин. Зашли туда, и гостья, глянув на витрину, всплеснула руками:

— У вас еще бриллианты продаются?! У нас их уже не купишь.

Она тут же приобрела дорогие серьги. А дома у Лебедевой рассказала, что ей в Ереван каждый сезон из окрестных хозяйств доставляют бочонки меда, сливочного масла, орехи, прочие дары. Пишешь о людях, вот и благодарят. Под конец, как бы в назидание, заметила:

— Бедно вы, белорусы, живете.

Бухгалтер редакции Лена подсчитала нам:

— Если вы откажетесь на полгода абсолютно от всего, может, и купите себе бриллиантовые сережки.

Отличалась ли «Гродненская правда» от других газет? Думаю, да.

Схемы были общие по всему СССР, но наш край все же имел специфику. Это прежде всего близость к границе. С одной стороны, больше внешнего наблюдения, но уже с 1960-х нам стали доступны польское телевидение и пресса. Властям приходилось считаться с тем, что наши люди более раскованные.

Складывались приграничные контакты. И мы тоже обменивались статьями, визитами с «Газетой Бялостоцкой». Она вряд ли была лучше — профессиональный уровень наших журналистов, пожалуй, был выше. Но там разрешалось больше касаться повседневной жизни, людских интересов, быта.

Однажды мне поручили сопровождать польских коллег по мицкевичским местам в Новогрудок.

— А потом сводите на молокозавод, что решит и проблему обеда. Там знают.

И правда: дирекция завода выставила такой набор своей продукции, что я прямо ошалела. Разнообразные сыры-твороги, прекрасное масло и т. д. Нашлось и что выпить. Особенно порадовала поляков отменная сметана:

— Така смачна, — похваливали они. — Добже поводзи се новогрудчаном.

Я знала, что в местных магазинах торгуют все больше плавлеными сырками. А отличную сметану делали на спецзаказ. Чтобы начальники «здоровеньки булы».

Довелось мне увидеть и внушительное угощение на Волковысском мясокомбинате, когда там проводился республиканский семинар пищевиков по обмену опытом. После официальной части «семинаристы» перешли в соседний зал, где сразу оживились при виде богато накрытых столов. Для них-то привычное дело, а мне стало неловко пробовать все эти шинки, грудинки, колбасы и прочее. Вот, подумала я, если б можно было что-нибудь из этого свободно купить в нашем магазине, расплатиться и законно унести домой. А тут кто за все платит?

Да мы и рассчитывались за эти показушные траты — нашей скудостью, вечными очередями, приниженностью.

Всего за несколько лет до этого «дорогой Никита Сергеевич» провозгласил, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Сразу по стране прокатилась волна соревнования за звание бригад коммунистического труда. Неужели кто-то принимал всерьез? Я свидетель.

Позвонили в редакцию с Гродненского тонкосуконного комбината: там молодежная бригада постановила добиться высокого звания. Конечно, ее заранее наметил партком. Но надо было видеть энтузиазм самих ткачих. Я их знала, они и без того отлично работали, а тут вдруг поверили, что во всей жизни назревают перемены. Что-то давало повод к такой вере: еще веяло «оттепелью». Была та пора, когда свежи были впечатления от фильма «Летят журавли»…

Репортаж о новом почине ткачих я писала искренне.

Теперь, с расстояния в полвека, обдумываю все. Выходит, и я приложила руку к показухе. Но, собственно, в самой идее трудового соревнования и сейчас не вижу ничего плохого. Это не сугубо советская затея. Я очень удивилась, когда впервые заметила в американском супермаркете Доску почета с фотографиями работников, а над ними надпись «Лучшие по профессии». И везде, где приходится бывать, — в магазинах, учреждениях, банке — непременно вывешены портреты передовиков.

Беда же не в названии (ясно, оно у нас было лживым), а в том, что многое превращалось в пустую говорильню. Приходя на тонкосуконный комбинат в разные годы, я заставала все те же грохочущие старые станки, от которых глохли мои знакомые ткачихи. Они старились, уходили на мизерную пенсию, но за всю жизнь так и не дождались реальных перемен.

А в обществе усиливался зажим, повсюду сквозил фальшивый стиль. Вспоминается, как в выставочном зале на ул. Ожешко устроен был показ помпезных творений соцреалистов. Заглянув в книгу отзывов, я встретила и такую запись: «Замечательные картины! В них отражен весь эпофос нашей эпохи».

Сын тогда очень смеялся. В нашей семье это стало почти метафорой.

«Эпофос нашей эпохи» окружал все плотнее, просто мешал дышать.

Считают, что многое, напечатанное в тех газетах, шло как бы «мимо», не отвечало простому человеческому запросу. Это правда. Но публиковались, находили одобрение читателей и материалы из жизни.

В мемуарах Быков скромно упоминает о своем газетном дебюте: как ему передали из отдела культуры письмо о квартирной несправедливости, и он за выходной день написал фельетон. Хотя он печатался иногда и под псевдонимом, которого я не помню, мы узнавали его авторство по своеобразному языку.

Еще в конце пятидесятых привлек внимание большой очерк Быкова об одном заводском мастере, не похожий на обычный журналистский текст. В другой раз я с интересом прочитала его зарисовку о парикмахере. Раньше служба быта представала у нас, скорее, как объект насмешек. А он в коротком материале сумел показать необычную судьбу. Никто из нас так не писал.

Тем более приятно мне вспомнить, что однажды Василь Владимирович специально зашел в наш отдел, чтобы сказать, что ему понравилась моя зарисовка. Я написала о кондукторе автобуса, которая в юности мечтала стать врачом, но этому помешала война. Видимо, мне удалось передать время.

Немало тогда писали о военном, партизанском прошлом. И вот в 1960-м в нашей газете появилась рецензия Ирины Суворовой на повесть Быкова «Журавлиный крик». В ней высоко оценивалось творчество начинающего писателя. Я сразу нашла в журнале «Маладосць» эту повесть и поняла, что рядом — подлинный талант. Потом вышли другие его произведения. Все о нем заговорили. Одни радовались, других насторожила непривычная достоверность прозы.

Сам Быков с ростом известности ни в чем не менял отношения к нам. Он никогда не давал почувствовать своего превосходства.

В облике Василя выделяют его серьезность, сосредоточенность. Но я замечала, что он охотно откликался на шутку, любил посмеяться. Как-то, выходя из машинного бюро, я услышала громкий смех в соседней комнате. Приоткрыв дверь, увидела, что хохочут над рассказом Л. М. Денисова. Завотделом советской работы, бывший подводник, умел смачно «выдать» смешное. Тут Леонид Михайлович рассказывал, как однажды они «отметились» вместе с прежним ответственным секретарем Киркевичем. Пришлось доставить того домой. Супруга Киркевича, вместо благодарности, отвесила мужу хорошую оплеуху. На что тот, повернувшись к Денисову, поучительно заметил:

— Правильно нас жены критикуют!

Эта история очень развеселила Быкова.

Вернусь к более серьезному. С кем постоянно встречался Василь, приходя на работу в старую редакцию?

Он тепло вспоминает одаренного белорусского поэта Михася Василька. Я тоже его хорошо помню. Очень чувствительный, деликатный был человек. Меня он всегда ласково называл: «Фридочка». Но такое было впечатление, что его изнутри одолевал холод. Почему-то я представляю себе его стоящим спиной у печки, греющим руки (у нас тогда не было парового отопления). Подробности его трагической судьбы мне не были известны. А те стихи на богатом белорусском языке, которые я читала в нашей газете, волновали тонким лиризмом.

В секретариате я не раз замечала Быкова беседующим с Георгием Алексеевичем Цветницким, большим эрудитом. Хотя и без высшего образования, а только окончивший польскую гимназию, он мог дать справку на любые темы, в том числе и кулинарные. Однажды по его рецепту я даже испекла пирог.

Одной из первых в редакции встретила Василя Владимировича, как он пишет, «старая газетчица» Цыпина. Я тоже застала Анну Ильиничну. Небольшого роста, энергичная, с неизменной папироской, она была и знатоком своего дела, и авторитетной партийкой. Ревниво относилась к журналистской этике, на собраниях требовала неукоснительного соблюдения партийной линии.

Ее мужа, Н. Дзенискевича, видного белорусского партработника, в 1937 г. расстреляли. Никогда она об этом не распространялась. Считала, что со сталинскими репрессиями покончено.

Но, видимо, жизнь не убедила Анну Ильиничну, что прошлое ушло безвозвратно. Я это поняла по ее поведению в самый разгар гонений на В. Быкова, А. Карпюка и моего мужа, Бориса Клейна.

Шел май 1971 г. На лесной дороге в Пышках мы столкнулись с Анной Ильиничной, уже пенсионеркой. И хотя прежде она относилась ко мне доброжелательно, на этот раз молча проследовала мимо, как будто нас уже не было.

Но так получилось, что вечером в кинотеатре «Гродно» наши места оказались рядом. Ее дочь, актриса Гродненского театра Инна Дзенискевич, бывшая одноклассница Бориса, и ее муж Исаак Семенович Рубин, врач и заслуженный тренер БССР по боксу, люди заметные в городе, демонстративно обняли нас. Тогда и Цыпина, спохватившись, тоже заулыбалась нам…

Глубоко засело в людях то, что Быков, вспоминая свою беседу с редактором Булаем, назвал «уроками тридцатых годов». Ведь и Василий Петрович был в 1937 г. арестован. Но ему каким-то чудом повезло (как повезло и моему отцу): он уцелел. А страх навсегда остался с ними.

Разными были люди редакции. Отделом культуры в начале 1950-х заведовал некто Николай Похилко. Человек средних лет, полноватый, в очках, он выглядел интеллигентом, но настораживал его какой-то ускользающий взгляд. На новогодней вечеринке (кажется, 1956 года) он подошел ко мне и стал «исповедоваться». Мол, при Сталине завели «Дело врачей», и в Гродно тоже искали «отравителей» среди врачей-евреев. Похилко знал, за кого я вышла замуж, поэтому спросил:

— Вы, наверное, посмотрели подшивку?

Конечно, я уже прочитала фельетон, написанный им в феврале 1953 г. в соавторстве со следователем, в котором он «разоблачал» главврача железнодорожной больницы Самуила Семеновича Клейна (моего будущего свекра).

— Это была неправда, — признался Похилко, — но нам сказали, что так надо.

«Нам сказали…» Сколько раз подобной ссылкой оправдывали свой добровольный выбор в пользу зла. Вот и этот отводил от себя вину. А то, что по его подстрекательству отца моего мужа, старого доктора-фронтовика, готовились посадить, ему было неважно. Правда, Сталин внезапно умер, провокационное «Дело врачей» заглохло.

Похилко куда-то убыл из Гродно, но этого «люмпен-интеллектуала» я все еще помню.

На его место пришел человек иного склада. Виктор Солдатов на общем фоне сразу выделялся. Высокий, подчеркнуто собранный, всегда элегантный, даже щеголеватый. В обращении прост, доброжелателен. Выяснилось, что непьющий, разве что в праздничной обстановке. Но и там больше, чем положено, он не раскрывался.

Общим с Быковым у них было офицерское прошлое, и сидели они какое-то время в одном кабинете.

…Иду утром на работу, вижу: впереди вышагивает Солдатов. На ходу то и дело достает из кармана книжечку, что-то в ней сверяет, кладет обратно в карман. Меня это немного интригует, но я не приближаюсь. Сталкиваемся у самой редакции. Виктор Александрович приветливо здоровается и закрывает свою книжечку. Это оказывается миниатюрный англо-русский словарик.

Я удивилась: вот молодец! Изучает язык. Но зачем? Никто из наших сотрудников этим не баловался: бесполезное дело, нигде не применишь.

Секрет скоро раскрылся — для нас. У самого же Солдатова, вероятно, была уверенность, что он окажется там, где иностранный язык нужен. И действительно, его направили в Москву на учебу, а в 1959 г. он попал в число журналистов, сопровождавших Н. С. Хрущева в поездке по Индии. Потом его послали собственным корреспондентом

газеты «Сельская жизнь» в Вашингтон. Хотя мне кажется, к сельскому хозяйству он имел отдаленное отношение.

Теперь мы наблюдали за его творчеством со стороны. Статьи не выходили за рамки официоза. Из Америки Виктор с женой Раисой (она раньше работала корректором) приехали в Гродно, в гости к ее родным. В редакции была устроена встреча с бывшим коллегой. Нам хотелось узнать из первых уст живые подробности далекой заокеанской жизни.

Виктор выглядел еще более элегантным. Старался показать, что не зазнался, говорил просто, но неизменно соблюдал дистанцию. Он рассказывал, как нелегко приходится советским корреспондентам за рубежом: поездки из американской столицы контролируются, сведения предоставляют неохотно. Вообще, США переживают трудные времена. Сельское хозяйство в упадке. И так далее в общепринятом стиле.

На следующий год он снова побывал в Гродно, и мы услышали от него то же самое. Хорошо помню, как в конце беседы Быков подошел к Солдатову и с иронией спросил:

— Так что, Виктор, уже все фермеры там разорились?

В одном этом вопросе было все его отвращение к пропагандистской фальши.

По вечерам мы смотрели программу «Время», которая тоже сокрушалась по поводу бедствий американских трудящихся. Особенно застрял в памяти вашингтонский комментатор этой программы. Плачущим голосом он вещал:

— Холодные ветры дуют на берегах Потомака…

Могли ли мы с мужем подумать, что поселимся на том самом берегу? Для меня это звучит особенно комично, ведь здесь Юг, какие холодные ветры? Он, разумеется, имел в виду «политическую погоду», сетовал на тяготы бытия.

Недавно я перечитала «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова, написанную в 1936 г., и обратила внимание на такие строки в этой книге: «…В любом пункте Соединенных Штатов человек может найти абсолютно все удобства». Писатели подчеркнули «всю грандиозность американского Standard of Life — то есть, уровня жизни». А нам и тридцать, и сорок лет спустя внушали, что мы при социализме живем лучше их.

Я вижу и положительное, и отрицательное в американской действительности, но могу подтвердить, что Standard of Life здесь был и остается высоким. Не хочу сказать, что советские журналисты-международники писали одну неправду. Но они так перемешивали правду с ложью, чтобы увести от главного — понимания нашего реального положения. А без этого понимания что могло измениться?

Когда я пришла в редакцию, большинство сотрудников были зрелыми людьми: воевали, имели немалый трудовой стаж. К какому поколению можно отнести меня саму? Иногда, полушутя, я называю себя «женщиной середины прошлого века». Да, моя сознательная жизнь начиналась в сороковые годы XX столетия. Но и в тридцатых я немножко пожила. Даже не верится, как далеко назад «забралась»…

Каким-то образом, хотя почти все потеряно во время войны, сохранился у меня оригинальный документ. Вот он.

Пахвальны ліст

Выдадзен гэты ліст Хойніцкай раённай кансультацыяй гр. Пугач Соне за добрае выхаваньне свайго дзіцяці Фрыды, частае наведваньне кансультацыі, папулярызацыі яе ідэй, акуратнае і добрасумленнае выконваньне рад кансультацыі, як па кармленьню дзіцяці, гэтак і па выхаваньню і выкананьню правіл гігіены ў дамашніх абставінах.

Заг. Хойніцкай райбальніцай Дуньне

Заг. кансультацыяй Ушакевіч

8 сакавіка 1932 г.

М. Хойнікі.

Ниже печать: «Гомельская інспектура аховы здароўя».

Мне всего год, а власть уже заботится об «идейной каше».

С другой стороны, слыша сейчас о резком падении рождаемости, о многих проявлениях бездушия к матерям и детям, я не спешу во всем осуждать тех хойникских медиков, с их нелепой фразеологией партийной гигиены. Они хоть вспомнили о моей маме…

А пяти лет я чуть не стала жертвой всенародного энтузиазма. В 1936 г. по сталинской Конституции с большой помпой проводились первые выборы в Верховный Совет СССР. В Хойниках люди спешили с самого утра в клуб, чтобы заявить о своей преданности. Родители взяли меня с собой. Двери клуба открылись, толпа хлынула внутрь и меня сбили с ног. Чуть даже не затоптали, но кто-то успел поднять и пронести к самой избирательной урне с криком: «Чья?». Родители обрадовались, увидев свою дочку, плывущую поверх голов.

…Война застает нашу семью в Барановичах. 23 июня 1941 г. отец еле успевает отправить меня с мамой и братом в Минск: немцы рядом. У папы повестка из военкомата, он призван. Ночь на 24 июня провели в доме возле радиозавода. Комаровку бомбят… Днем на Московском шоссе вливаемся в многотысячный поток бегущих из горящей столицы. Эта ужасная картина исчезнет из памяти только вместе со мной.

Проходит несколько лет, и вот я снова в Минске, студентка БГУ. Осень 1948 г., еще не кончили асфальтировать главную улицу города. Мы с подругами спешим на лекции из общежития на Немиге. Сзади мерный топот, позвякивают котелки: нас обгоняет колонна немецких пленных. В основном молодые, завидев девушек, посмеиваются, отпускают солдатские шуточки. Мы их слов не понимаем, но догадываемся и негодуем:

— У-у, гады, еще смеются!

Немцев ведут достраивать университетский корпус. А мы слушаем первые курсы лекций.

Историю БССР читал холеный преподаватель с бородкой и со странной фамилией Абецедарский. Много часов отводилось на основы марксизма-ленинизма. Перед первой сессией отставник-ассистент, то ли я ему не понравилась, то ли, наоборот, понравилась, влепил мне прямо в книжку: «незачет». Вся группа пошла отстаивать меня в деканат, чтобы допустили к сессии. Три экзамена я сдала на «отлично».

Мы восхищались лекциями доцента Барага по древнерусской литературе. Высокий, худой, он передвигался по аудитории, как большой аист, машинально перекладывая на наших столах попавшиеся под руку предметы. И при этом, завораживая эрудицией, сыпал цитатами из апокрифов. В конце семестра мы заготовили цветы, чтобы вручить их Барагу, по примеру другого отделения филфака. Но секретарь университетского комитета комсомола успел запретить: нашего доцента объявили «космополитом».

На собрании досталось студентке, которая за день до этого преподнесла цветы Барагу. Она наивно оправдывалась:

— Мы же благодарили его как преподавателя, а не как космополита!

Конечно, атмосфера в полном смысле сталинская. Но и в ней были просветы. Однажды в аудитории появился красивый мужчина средних лет, с приятным голосом. Оказалось — писатель Иван Мележ. Он признался, что роль лектора для него непривычна. Рассказывал не только о белорусской литературе, но просто, по-человечески говорил с нами о жизни. На экзамене про своему предмету был снисходителен, радовался, если студент хоть немного читал белорусские книги. А если и отвечал по-белорусски, Мележ по-доброму улыбался. И я свою пятерку у него заработала.

Будучи студенткой, я в минском троллейбусе наблюдала такую сценку. На остановке вошел доцент Ларченко, выглядевший живописно в вышитой рубашке. Он продолжал разговаривать с коллегой по-белорусски. Другие пассажиры с удивлением присматривались к ним.

Конечно, не все сводилось к учебе. Были интересные встречи, концерты, свидания. Я танцевала на самодеятельной сцене, и многие это запомнили.

А остальная жизнь связана с городом на Немане.

Я приехала, когда в нем жило тысяч пятьдесят; пришло время, и написала в газете, что нас стало сто тысяч. Теперь — втрое больше.

На моих глазах строители делали разметку будущего азотно-тукового завода. Я и не представляла себе, какая махина здесь вырастет и как она изменит судьбу города. Потом не раз готовила репортажи и интервью из цехов объединения «Азот», продукцию которого знают во многих странах.

Гродненская ТЭЦ — привычный объект городского пейзажа. А я была там в начале стройки. Инженер, поводив по местности, вдруг сказал:

— Станьте вот здесь.

Он как бы обвел меня воображаемым кругом:

— Будете вспоминать, что стояли в центре главной трубы.

Я действительно это вспоминаю. Как и то, что проехалась в первом городском троллейбусе. Что написала о закладке парка у Коложи. Об открытии областной больницы в Пышках. Да мало ли…

Не совсем доверяю тем эмигрантам-сверстникам, которые якобы полностью отмежевались от прошлого. Недавно один из них решительно заявил:

— Я закрыл квартиру в Минске — и обо всем прежнем забыл.

Оказалось, что он ничего не забыл и, в сущности, ни в чем не переменился, только «исправил» в своих оценках плюсы на минусы, а минусы — на плюсы. Мне это не по душе.

В моей судьбе, может, больше потрясений, чем у подобных «нигилистов», но от своих корней не отказываюсь. Что же, забыть новогрудское кладбище, где похоронены мои родители? Или не вспоминать бесчисленные прогулки с детьми вдоль неманского берега в Пышках? Я их привозила сюда еще в колясках, а потом они здесь «на равных» рассуждали со мной.

Мы из этого леса уходить насовсем не собираемся.

В начале 1960-х редакция переселилась в помещение на улице Полиграфистов (ранее предназначавшееся для Дома быта), поближе к вновь построенной типографии.

Газета теперь выходила только на русском — белорусское издание упразднили. Василь Быков продолжал сотрудничать; регулярно выходили подготовленные им литературные страницы Иногда удивляло, зачем ему, уже создавшему значительные произведения, возиться с начинающими, а то и с графоманами. Наверное, черта его характера: никогда не отталкивать людей. Он каждому автору давал обстоятельный ответ.

Встретив в его книге упоминание о стихоплете Е., я сразу расшифровала отставного полковника Евстигнеева. Тот и в наш отдел предлагал вирши «по случаю», иногда настолько кстати, что отвязаться было трудно. Быков попробовал это сделать, посоветовав ему направить особо патриотический опус в «Правду». Каково же было удивление Василя, когда Евстигнеев принес главную центральную газету со своими стихами на первой полосе!

В 1965 г. журнал «Новый мир» напечатал повесть Быкова «Мертвым не больно». После этого его стали яростно преследовать. У нас же с мужем появилась к нему особенная симпатия. Борис, заходя ко мне в редакцию, иногда обменивался с ним

несколькими фразами. Но после одной поездки в Минск взволнованно поделился, что летел в самолете вместе с Василем и у них был долгий интересный разговор. Под конец Быков сказал:

— Странно, что мы не общаемся ближе.

С тех пор они подружились. После этого он и ко мне заметно потеплел. Иногда бывал у нас дома. Как-то, придя с работы и застав его у нас, я быстренько побежала на кухню и приготовила на скорую руку горячие бутерброды. Этот способ тогда был в новинку. Он оценил:

— Вы, оказывается, хозяйка хорошая.

В ноябре 1968 г. мы собрали гостей, чтобы отметить сорокалетие Бориса. Пришли и Карпюки, Василь Быков с женой Надей. Я, правда, отметила про себя, что он держался немного скованно — то ли потому, что среди новых для него людей, то ли из-за невеселых событий.

Для Карпюков же наша компания была привычной. Алексей запросто заходил и к нам, и к родителям Бориса. Ему нравилось послушать истории его мамы Аси Моисеевны. С Ингой мы подружились, еще когда наши дети были совсем маленькими.

Натиск косности ощущался везде, но в редакции мы это чувствовали острее. На летучках цензор информировал об очередных запретах: нельзя писать о том, упоминать об этом. А «внутренний цензор» подсказывал, не говори вслух о том, молчи об этом.

У нашего Гродно появился побратим — французский город Лимож. Начался «обмен любезностями». Первыми, разумеется, поехали туда городские начальники. Потом к нам прибыла большая группа старшеклассников лиможского лицея. Меня послали их сопровождать.

Сейчас мне даже неудобно об этом говорить, но я, взрослая женщина, мать двоих детей, чувствовала себя в их обществе стесненно, настолько раскованно и свободно они себя держали. Их повезли в образцовый «агрогородок» Вертилишки, где они ставили в тупик председателя колхоза Дубко своими смелыми вопросами.

С ответным визитом отправился в Лимож гродненский народный ансамбль танца «Неман». Перед их отъездом я договорилась с одним из танцоров, чтобы он фиксировал наиболее яркие моменты поездки и потом поделился впечатлениями с читателями газеты. По возвращении он пришел в редакцию.

Ансамбль имел успех, но больше всего парня поразили условия жизни. Поселили ребят в семьях простых горожан. Его взял к себе один рабочий, который имел просторный двухэтажный дом. Танцор, тоже из рабочей семьи, подробно мне рассказывал, как прожил неделю в «человеческих условиях». И так осторожно прошептал: «Вот бы это моим родителям».

Из подготовленного мною интервью выбросили даже то, что его поселили в собственном доме рабочего, оставили скромное — «в семье».

Жизнь шла своим чередом, но назревало ощущение неудовлетворенности. Надоедали примитивные будни. Хотелось что-нибудь изменить, хотя бы внешне. Я пошла учиться шить и по выходным сама мастерила себе ситцевые платья. Они тогда были в моде, кое-где даже устраивались «ситцевые балы». Один раз заявилась я в своей обновке «с кринолином» в редакцию, а Ира Суворова заметила:

— Ты прямо как дама с собачкой.

Так я и не поняла, был это комплимент или наоборот.

Забавно вспомнить одну авантюру. Мне подсказали адрес парикмахерши в Вильнюсе, которая делала новомодные химические завивки (у нас в Гродно до таких еще не

дошли). Я сагитировала Ингу Карпюк поехать вместе. Литовка-парикмахерша показала класс. Мы себе понравились и, воодушевленные, поужинали в ресторане «Вильнюс». Довольно легко, поскольку был выходной, устроились в гостинице. Но заснуть не могли, всю ночь говорили по душам.

Назавтра вернулись домой красотками. Мой муж одобрил перемену. А Инга со смехом рассказала:

— Алексей не принял. Сказал: «Гэта не ты». Наверное, это в самом деле не мой стиль.

Потом, сколько лет я ее знала, она оставалась со своей строгой прической.

Я не входила в тесный круг Быков — Карпюк — Клейн, но многое было мне известно. Их особенно тяготила атмосфера застоя. В мире, в том числе и совсем рядом, в Польше и Чехословакии, происходили большие перемены. Мы узнавали о них по «чужому» радио, но далеко не все сочувствовали этому.

В августе 1968 г. почти всех редакционных мужчин мобилизовали «на военные сборы»: назревало вторжение в Чехословакию. Помню, раздосадованный Виктор Лукашенко взорвался:

— Из-за каких-то чехов я должен страдать!

Тогда ему не приходило в голову, что страдать доведется не из-за чехов. Развалили все без них.

Бывало, в квартире раздавался телефонный звонок Василя или Алексея, и Борис все бросал, уходил в назначенное место. Когда в 1968 г. Василь доверил мужу, как «первому критику», рукопись своей новой повести «Праклятая вышыня», я тоже ее прочитала. Кстати, мне помнится, читали мы ее под названием «Пропащая рота». Но его не пропустили. Впечатление от повести было настолько сильным, что несколько дней я как будто прожила среди ее героев.

Позднее на подаренном мужу сборнике «Повести» Быков сделал такую надпись: «Борису Самойловичу Клейну в знак давней дружбы, когда нам пришлось съесть не один пуд горькой соли. Сердечно…».

Могу сказать, что свою долю этой «горькой соли» съела и я.

Главным редактором в те годы был А. Д. Колос. Он поощрял в сотрудниках творческую жилку. Ценил участие Василя Владимировича как литконсультанта. Однако именно при этом редакторе в нашей газете публиковались перепечатки хулительных статей из республиканских и союзных изданий о произведениях Быкова. Видно было, что при его внешнем спокойствии он тяжело переживал эти нападки.

Мои коллеги, насколько знаю, не участвовали в акциях против Быкова и его друзей — во всяком случае, открыто. Но совсем остаться в стороне, вероятно, было невозможно. Вспоминаю одно необычное партийное собрание. Не знаю, сохранились ли протоколы; расскажу, что запомнилось.

Время было выбрано неспроста. К нашей организации был причислен Алексей Карпюк, глава областной организации писателей. Он не только отказался осудить Быкова за «искажение правды о войне», но, наоборот, публично одобрял его позицию. Секретарь обкома Ульянович специально вызывал его, чтобы пригрозить: пеняй, мол, на себя. Вас обоих с Клейном «отлучим» от Быкова. Тогда и тот, может, «одумается». Вызывали Алексея и в КГБ. На всех троих активно собирали компромат.

И тут нас срочно созвали на закрытое партсобрание, чтобы осудить Карпюка.

Удобнее репрессировать человека, которого до этого удалит из своих рядов низовая парторганизация. Я даже помню, кто где сидел в зале, но не припоминаю, чтобы сам Карпюк присутствовал. Его обвиняли в «вызывающем антипартийном поведении».

Представитель горкома потребовал исключения из партии. Нашлись такие, кто это поддержал. Нависло напряжение.

Но тут замредактора А. А. Соловьев сказал, что голосовать за исключение Карпюка не будет. Я тоже выступила в поддержку нашего друга Алексея, хотя понимала, что даром это может не пройти. Напомнила я чью-то мысль: бояться надо не того, кому можно сломать хребет, а того, у кого хребта нет.

Здесь хочется сказать несколько слов об Андрее Абрамовиче Соловьеве. Я работала с ним с самого начала. Он выполнял то, что полагалось по его руководящей должности, но до известного предела. И во все времена оставался высоко порядочным. Его тепло вспоминал в мемуарах Быков. А я ценю то, что в трудную для меня пору он не только не отвернулся, а морально поддержал. Когда травили моего мужа, нам постоянно звонили домой провокаторы, грозили мне расправой. Однажды я не выдержала и, выйдя из своего кабинета, уединилась в пустом зале, чтобы расплакаться. Как раз там меня увидел Андрей Абрамович. Он по-отечески спросил:

— Что произошло?

Узнав причину, тут же позвонил начальнику городской телефонной станции и попросил оградить журналистку от нападок. После этого звонки, явно организованные КГБ, прекратились.

То собрание постановило большинством голосов: «ограничиться» строгим выговором Карпюку. Позже, в 1972 г., они все равно с ним расправились, но без нашего участия.

В семидесятые страна вступала застойным брежневским темпом: торжества, юбилеи, награды (меня они миновали). Широко отмечалось 25-летие победы в Отечественной войне. Мне поручили подготовить страницу о городе-герое Ленинграде. Важно было там найти и что-то связующее с Гродненщиной.

Разыскала инженера Войцеховского, который в годы войны был командиром партизанской бригады в Принеманском крае. Он пригласил меня к себе домой. На кухне его небольшой ленинградской квартиры за чашкой чая состоялась теплая беседа. Хозяин рассказал мне, в частности, об Алексее Карпюке, командире одного из подчиненных ему отрядов. О его мужестве, смелых рейдах, авторитете среди бойцов. Интервью с Войцеховским я включила в свою «страницу». Но вскоре узнала, что этот человек сыграл предательскую роль в деле Алексея. Подробности рассказаны в воспоминаниях Карпюка и Быкова.

Оказывается, бывший комбриг бывал в Гродно, охотно проводил время в их обществе. В присутствии обоих вспоминал о доблести бойцов отряда Карпюка, называл имена общих друзей-партизан. Быков пишет, что даже невольно завидовал: такая сохранилась дружба, есть с кем встретиться, повспоминать. А у него самого однополчане разбросаны по свету или лежат в братских могилах. «Минуло немного времени, — продолжает Василь, — и перестал завидовать. Довелось сочувствовать …»

Алексею предъявили обвинение, что никакой он не партизан, сотрудничал с гестапо и т. д. К делу было подшито и показание Войцеховского, что якобы он не назначал командиром Карпюка и вообще о таком отряде ничего не слышал.

Алексей бросился в Ленинград к бывшему своему комбригу. Тот, как ни в чем не бывало, обронил:

— Леша, чего ты хочешь? Я написал то, что мне сказали. Могу тебе другое написать — по правде.

Бумажка «по правде» уже не могла опровергнуть лживую.

Почему я вновь возвращаюсь к этой истории? Потому что сама встречалась с тем человеком, записывала его искренние слова, которым просто нельзя было не поверить. И вдруг такое.

На моих глазах несколько раз менялся редакционный состав. Некоторые «вырастали», уезжали в Минск, становились редакторами республиканских изданий. У меня сменилось шесть завотделами. Каждый со своим нравом, не всегда легким. Может, и я не для всех была подарком.

Окружающие знали меня как неконфликтную, избегающую обострений. Но в начале этих заметок я упомянула об одном негодяе. Не хотела распространяться, но, думаю, надо рассказать и о нем.

Однажды прихожу на работу, а у меня новый заведующий (Колоса выдвинули на должность замредактора). Этот новый сразу мне не понравился: квадратное лицо, угрюмый взгляд. И буркнул в сторону:

— Синилов.

Начальство не выбирают — надо работать,

Однако заданий не дает, как будто вообще игнорирует. На вопросы отвечает раздраженно. Иногда неожиданно веселится, острит, как ему кажется, удачно и сам хихикает.

Мне подумалось: может, в человеке есть и другая сторона? Как-то засмеялась на его «остроту». Но он тут же скуксился, вернулся в свою скорлупу. И я поняла, что ему не моя отзывчивость нужна, а заискивание. Нет, я в этом не участвую!

…Читаю недавно присланный из Минска «беларускі біяграфічны альманах *"*Асоба і час*"*». Внимание привлекают помещенные в нем документы осени 1958 г., когда по всему СССР велась кампания осуждения поэта Бориса Пастернака за публикацию на Западе романа «Доктор Живаго».

По примеру московских товарищей и белорусские писатели единодушно осудили «позорный поступок» и требовали беспощадной расправы над нобелевским лауреатом.

В памяти возникает мой Синилов, злобно бросивший мне, едва войдя в кабинет:

— Ваш Пастернак! Я бы их всех повыгонял. А может, и больше!

— Чей «ваш», кого — «их»? — только и сказала я.

Но он уже уткнулся в бумаги.

А в следующий раз он бросил:

— Ваши предки спаивали моих.

Мои предки? Один дед вернулся с Первой мировой войны без ноги, только и мог, что чинить обувь. Другой дед занимался извозом. Оба сами были трезвенниками, и пить никого не приучали; да и можно ли вообще кого-то заставить пьянствовать?

Я почувствовала прямую враждебность и отреагировала:

— Вы что, белорусский националист?

Но засомневалась: если так, то зачем он прибавил себе «-ов»? Ведь говорили, что настоящая его фамилия Синила. Хотел казаться более русским? Нет, дело, пожалуй, не в национальности. Просто тип ненавистника (о таких был стишок: «Черносотенному роду нет переводу…»).

В дискуссию он не вступил, зато загнал в дальнюю командировку на кирпичный завод. Однако привезенный мною критический материал придержал. А когда я через неделю поинтересовалась о его судьбе, с издевкой отрезал:

— Вы пишете не по-русски. «Центрофуга» — вместо «центрифуга».

— Всего-то? Это техническая ошибка. А почему вы, такой знаток русского, говорите «хочем» вместо «хотим»?

Тут шесть страниц моей статьи полетели на пол, сопровождаемые воплем:

— Вы работаете у меня, но можете убираться!

— У вас?! — возмутилась я. — Ну, нет. Я работаю в редакции «Гродненской правды», так же, как и Вы. Но больше вместе работать не будем.

И тут же пошла к замредактора. Неожиданно Колос сказал:

— Я удивляюсь, как ты терпела столько времени.

На редколегии приняли соломоново решение: меня перевести в отдел информации, а на мое место в отдел промышленности — новенького, Сашу Шабалина. Тот продержался с Синиловым месяца два.

Не разобравшись поначалу, его избрали председателем профсоюза. Но очень быстро моя однофамилица Елена Павловна Пугач, корректор по белорусскому изданию, выдержанная и культурная, заявила на собрании, что из профбюро выходит:

— С хамом работать не хочу.

Тут вот что характерно. Тяжеловес Синилов с начальством не задирался и власть никогда не ругал, отыгрывался на тех, кто послабее. «Наверху» он явно имел поддержку, ибо его назначили председателем областного Радиокомитета. У нас его новым подчиненным не завидовали.

Куда веселее было работать с Яркиным. Этот, прибывший из Латвии, внушал к себе респект седой копной волос, обходительностью и глубокомысленным взором. Его даже считали талантливым. И правда, он умел написать красиво. Даже не верилось, что можно сделать очерк из ничего.

Но, как выяснилось, особенное дарование он проявил по части выпивки. Бывало, по целым дням отсутствовал, потом прибегал и хватался за дело с повышенной активностью. Судорожно вывываливал на пол содержимое всех ящиков, включая мусорный: искал черновики ненаписанных статей. Да, пером он владел, только трудно сказать, в каком состоянии лучше.

Каюсь, я не раз прикрывала его перед начальством, когда он запивал, говорила, что Виктор Лаврович болеет. Запланированное по отделу старалась сдавать в срок. Но делать это было все труднее.

Однажды Яркин расписал гродненца, якобы участника французского Сопротивления, совершившего чудеса героизма. После публикации поднялся шум. Группа горожан, репатриантов из Франции возмутилась: вранье, мы этого типа знаем, он никакого отношения к войне не имел.

Вскоре Яркина уволили.

Одно дело заведомая неправда, другое — ошибки. От них никто не был застрахован. Со мной тоже произошел досадный случай.

Был селькор в Щучинском районе, который заваливал все отделы новостями из жизни деревни. Мы даже радовались, что село у нас богато представлено. И вот, накануне очередного Дня Победы, ко мне попали два его письма. В одном он перечислил ветеранов, вернувшихся с войны, в другом — тех земляков, кто погиб. Я решила объединить оба письма в одну информацию

Но в той деревне, как и во многих других, у половины сельчан одинаковая фамилия, а имена и отчества только меняются местами (скажем, Болеслав Михаилович или Михаил Болеславович). И вот по моему недосмотру один из здравствующих попал в число погибших. Естественно, это не понравилось ветерану, работавшему пожарником в Желудке, и он пожаловался в райком партии. Оттуда позвонили в обком, а те, в свою очередь, дали нагоняй редактору.

Богуш вызвал меня на ковер. Александр Владимирович грустно смотрел в окно. Он не привык меня ругать, но тут был особый случай. Разговор был короткий:

— Езжайте извиняться.

Правда, разрешил взять машину.

Увидев автомобиль у своего дома, хозяин вышел навстречу. Узнав, зачем я здесь, удивился:

— Так вы из-за этого специально ехали?

Я изо всех сил старалась понравиться. Напомнила народное поверье, дескать, кого по ошибке «похоронили», тот долго жить будет. Расспрашивала о военном прошлом. Он был мобилизован в 1944 г. после освобождения их местности, дошел до Германии — вот и медаль заслужил. Я заверила, что об этом напишем в газете.

И как раз пришла его жена. Приняла участие в разговоре и вдруг заметила:

— Тады хто мог адкупіцца, у армію не пайшлі. А ў бацькі майго грошаў не было…

Я даже растерялась: непривычно было услышать подобное. Эта вставка как-то снизила пафос нашей беседы. Но свою миссию я выполнила.

Я упомянула о так называемых организованных материалах. Это была привычная рутина, когда мы писали за других. Но в стране нередко проводились политические кампании, и от нас сверху требовали печатать «отклики» трудящихся. Редактор срочно собирал сотрудников, доводил поставленные партией задачи, и тут же расписывали, что кому делать.

На одну такую планерку меня не позвали. Почему — я поняла позже. С мая 1970 г. в стране усилилась антисионистская кампания. Центральная печать публиковала заявления видных советских евреев с осуждением сионизма и Израиля. Дошла очередь и до областных газет. У нас, как водится, распределили, кто «организует» еврея-инженера, кто — таксиста, кто — строителя, а кто — научного работника.

До сих пор не знаю, почему меня к этому не привлекли. Было неудобно? Или сомневались насчет моей реакции? Но вышло так, что мне не пришлось прямо участвовать в некрасивом деле. Однако подошла Лебедева:

— Знаешь, мне поручили организовать выступление твоего Бориса. Как его найти?

Догадавшись о цели, я отрезала:

— Вам поручили, вы и ищите.

Муж отказался писать нужное им заявление.

А 6 мая 1971 г. моего мужа, доцента и кандидата исторических наук, исключили из партии и сразу уволили с преподавательской работы. Обвинили в том, что выступил против вторжения советских войск в Чехословакию. Что называл кремлевское руководство «группой выродков», которые доведут до катастрофы. Утверждал, как писали в доносах и справках, что у нас в стране нет демократии и свободы. В лекциях проводил враждебные взгляды. Припомнили ему и отказ от осуждения Израиля.

После случившегося я подумала: теперь моя очередь. Из редакции, видимо, попросят. Что ж, пойду на швейную фабрику, о которой писала. Может, доверят пуговицы пришивать.

На следующее утро забежала в отдел Ирина Суворова и обронила:

— Фрида, замри! Никому ничего не объясняй.

Мне казалось, что замерла не только я, а вся редакция. Но вдруг зашел Б. Е. Попов. Наш секретарь партбюро был явно растерян:

— Я сейчас из горкома. Мне даже дела не показали. Что там такое против Бориса?

Молчу. А он продолжает:

— Говорю им: у нас в редакции работает его жена!

Он знал, что в подобных случаях «продолжение следует», но не получил указаний. Другие ко мне не подходили — ни с осуждением, ни с сочувствием.

Накануне я сказала Василю Владимировичу, куда Бориса вызвали. Он был очень расстроен. А вечером Быков и Карпюк встречались с ним на условленном месте — у Коложи.

Пока не определилась ситуация, я взяла отпуск. Через несколько дней мне домой позвонил мой завотделом Виктор Иосифович Лукашенко:

— Фрида Матвеевна, на редколлегии принято решение…

Я насторожилась: вот оно! Но услышала:

— Вам дали ставку старшего корреспондента. Редактор, правда, засомневался: мужа исключили, а мы будем поощрять жену. Но его убедили, что даем ведь не мужу, а Фриде Пугач.

Практически это означало прибавку к моим ста еще пятнадцати рублей. Но дело не только в этой сумме. Меня до слез тронул неожиданный гражданский жест. Правда, редактор А. В. Богуш рекомендовал мне:

— Пока подписывайте свои материалы псевдонимом.

Некоторое время мои статьи шли за подписью Ф. Матвеева.

Мужа на работу не брали. Стоило подать заявление куда-нибудь на свободное место, на следующий день оказывалось, что оно занято. Попытался уехать в другой город — предупредили, что и там «достанут». Расчет был на то, чтобы гродненцы видели нашу отверженность и извлекали уроки.

Мы нарочно ходили на прогулки в центр города, одевались аккуратно. Я не хотела, чтобы кто-нибудь злорадствовал по поводу моего «убитого» вида. Раз, выйдя из парикмахерской со свежей прической, наткнулась на Алексея. Глянув на меня, Карпюк воскликнул:

— Ну, ты даешь!

Он понял, почему я это делаю.

Отбросив стеснение, я пошла по инстанциям.

Первый секретарь горкома А. И. Могильницкий, даже не предложив мне пройти дальше двери своего кабинета, съязвил:

— Скажите спасибо, что не посадили.

Неожиданно для себя я присела в церемонном поклоне и процедила:

— Спа-си-бо!

Он молча погрозил мне пальцем.

Я поняла, что надо подняться на следующую ступень. В приемной секретаря обкома Г. Ф. Фомичева, которого знала по работе, меня осадили: никого не принимает. Однако не успела я вернуться домой, как оттуда позвонили:

— Приходите, вас Григорий Филатович примет.

По дороге в обком соображала: почему для меня сделано исключение?

Фомичев принял любезно.

— У нас в стране, — сказала я секретарю обкома, — как будто все имеют право на труд, олнако моего мужа никуда не берут. А у него семья. Даже на овощную базу, куда его вроде бы направили юрисконсультом, и то не взяли.

— На овощную базу?! — деланно возмутился Фомичев. Он для вида сделал какую-то пометку в календаре. Потом как бы невзначай поинтересовался:

— Наверное, муж с вами делился?

А-а, вот для чего я понадобилась: заполучить еще факты против мужа и его друзей.

— Мне дискутировать некогда, — ответила я, — работа, дети.

Он тут же потерял ко мне интерес.

Результатом визита было устройство Бориса на овощную базу. Но через несколько месяцев мы решили: лучше никакой работы, чем такое унижение. Оказалось, это далеко не предел.

В конце октября меня срочно вызвал из редакции сын Саша. Дома я увидела мужа в подавленном состоянии, он молча протянул письмо:

«Тов. Клейну Б. С. Ректорат Гродненского медицинского института просит Вас прибыть на заседание Ученого Совета 28 октября с. г. в 17–00 в 4-ю аудиторию по ул. О. Кошевого по вопросу лишения Вас ученого звания доцента и ученой степени кандидата исторических наук.

И. о. ректора мединститута

Доцент Н. Симорот».

Что меня поразило: по сути уже в извещении о повестке заседания оглашалось их решение: лишить! Ночью мужу стало плохо, вызвали скорую помощь. Утром я пошла в институт. Показав Симороту его бумажку, сказала:

— Борис Самуилович на ваше заседание не придет. Хотите сделать грязное дело — делайте без него.

— Как человек, как врач и как ученый я вас понимаю, — посочувствовал Симорот и поднял глаза кверху. — Но нам сказали…

— А завтра, — заметила я, — вам скажут, что его надо повесить. Тоже исполните?

Он замялся.

Впоследствии я не раз «проигрывала» все эти встречи с бонзами и сама удивлялась, откуда бралась моя такая дерзость. Думаю, от отчаяния. А еще от презрения к беззаконникам. Они ведь тоже понимали, что творят.

Сколько раз потом мы, гуляя с мужем в Пышках, перебирали эпизоды случившегося с нами — и смешное, и печальное, — то и дело сетуя:

— Где мое перо!

И вот эхо из далекого прошлого отозвалось… Но как много пришлось вынести и нам, и нашим родителям, и сыновьям.

Как-то младший сын прибежал домой расстроенный. Старый хрыч из соседнего дома сказал мальчишкам, указывая на Женю: «Не играйте с ним, он сын врага народа».

В общем, нам отведено было восемь лет «тощих коров», по библейскому счету. Мы смогли их пережить. Потом мужу вернули отобранное. И он сделал, казалось бы, невозможное: защитил докторскую диссертацию и стал профессором. А мне, наконец, было позволено возглавить отдел информации.

Мировое признание пришло к Василю Быкову, и с ним властям пришлось считаться. Ему даже предоставили квартиру в Минске. В 1978 г. к нему уехала Ирина Суворова. Нас это не удивило, мы давно догадывались об их близких отношениях. На информационной доске в холле редакции регулярно появлялись открытки и телеграммы от Василя Владимировича: он не забывал поздравить нас с праздниками.

Не знаю, как другим, а мне тогда стало не хватать его присутствия, приветливой улыбки и того немого вопроса, который я часто видела в его глазах. Он как бы старался без лишних слов понять, что у меня на душе. И я воспринимала это как его поддержку.

Я радовалась, что в круг тем нашего отдела не входили ни пропаганда, ни партийная жизнь. Мне нравилось писать об облике города, новостях культуры, о спорте и увлечениях. Брать интервью у интересных горожан.

Надо сказать, с мнением печати люди считались. Соблюдалось хорошее правило: отвечать на все письма. Многие верили: если напишешь в газету, чего-нибудь добьешься. Далеко не всегда эти надежды оправдывались. Но обратная связь с читателем поддерживалась. Не знаю, существует ли она теперь.

На выступления газеты откликались по-разному. Поступали официальные ответы о принятых мерах, иногда возражения. Рядовые граждане отзывались по-своему. Случалось и непредвиденное.

Однажды утром Виктор Лукашенко с серьезным видом протянул конверт:

— Я получил отклик на свою статью.

Опубликованная накануне его статья «Легкий хлеб» критиковала одного спортивного тренера.

Открываю конверт и со смехом грохаюсь на стул. На клочке бумаги — всего одна корявая строчка: «Засраниц, у самого у тибя легкий хлеб».

На мой смех пришел сосед по кабинету Валентин Жвалевский. Виктор Иосифович с таким же глубокомысленным видом подал и ему конверт:

— Отклик на мою статью.

То же — с другими коллегами. Все веселились и говорили, что автор письма неправ только в одном: употребил букву «и» вместо «е».

Кстати, о «легком хлебе». Трудились мы напряженно, нередко сидели допоздна. Мотались по районам. Уж не говорю о постоянных ночных бдениях: раз в неделю приходилось дежурить по выпуску номера. И хорошо, если шло гладко, а то ведь еще с хрущевских времен вошло в обычай сыпать на голову газетчикам речи, доклады, съезды и прочую официальную галиматью с пометкой «Срочно в номер». Это значит, что почти готовую газету пускали на переверстку. И работай в типографии лишние часы, иногда до утра.

Одно мое памятное дежурство пришлось на ноябрьский день 1982 г. Вычитала последнюю полосу и пошла в газетный цех. Верстальщик Рахматов спросил:

— Это уже все? — он посмотрел на часы. — Неплохо справились.

Оживились, посмеялись. И вдруг в цехе появился редактор Богуш.

— Что его занесло? — всполошился Рахматов. — Он же обычно сюда не ходит.

Александр Владимирович был ужасно возбужден:

— Вы тут шутками занимаетесь, а пришло важное сообщение. Надо очень серьезно отнестись. Брежнев умер!

Мы переглянулись: значит, нам сидеть. Переверстка…

В тот момент до меня даже не дошел символический смысл происшедшего.

Когда давление служебного пресса немного ослабевало, мы находили себе отдушину. Коллективно отмечали в ресторане День печати, выпуск 10-тысячного номера газеты и т. п. Такие совместные походы поощрялись в годы застоя как средство сплочения. Юбилеи некоторых коллег отмечали у них дома. Там, естественно, не очень соблюдали субординацию. И люди представали с неожиданной стороны. Помню, как на вечере у Т. А. Мозоль, покончив с тостами, стали петь. Корректор Капитолина Сухнева затянула:

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала…

Целиком песню приводить не буду. Она о том, как родня уговаривает:

Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты.

А заканчивается так:

В Красной Армии бойцы, чай, найдутся,
Без тебя большевики обойдутся.

Было особенно забавно, что песню с чувством подхватил В. А. Калиногорский, завотделом партийной жизни и секретарь нашего партбюро. Они с Сухневой были земляки, по-моему с Вологодчины, оба окали. От него я не ожидала подобной вольности, ему больше свойственна была напускная важность.

Иногда устраивали совместные поездки — на озеро Свитязь или в Литву. Ездили к нашим подшефным на погранзаставу. Однажды вечером сделали привал в лесу. Мужчины

разожгли костер, у кого-то оказались бутерброды, и даже было чем согреться. В общем, расслабились. И тут редактор смутил Вячеслава Котта:

— Давай, раскошеливайся.

Мы заметили, что у Славы в руках большая сумка. Тот вынужден был ее раскрыть и достать вкуснейшие домашние копчености. Он, оказывается, днем заскочил в родную деревню, и мама снабдила его припасами.

Котт — человек оригинальный, выше всех ростом (поэтому шутили, что одного «т» ему мало). Он единственный среди нас почти всегда говорил по-белорусски. Статьи его тоже выделялись, даже сами названия были нетривиальны: скажем, «Вода», «Хлеб» и т. п. В них непривычно глубоко для тех времен ставились серьезные проблемы.

После этой поездки долго вспоминали, как в лесу «ограбили кота».

Один за другим уходили на пенсию мои коллеги. И вот уже я сама, хотя трудно было это сознавать, стала ветераном. Напоследок еще успела поработать в новом здании, которое построили специально для редакции на улице Антонова.

Приходили молодые. Запомнился Сергей Островцов — с его тягой к краеведению, Николай Маркевич — с острым взглядом на современность.

Заканчивалась целая эпоха. Я радовалась, что дожила до свободы слова. Сколько умных людей, долго молчавших, высказались наконец. Какие интересные публикации появлялись в газетах, в том числе и в «Гродненской правде»! Все ждали не только слов, но и дел. С этим, однако, было сложнее.

Реальный быт оборачивался разрухой. Вспоминаю, как в домоуправлении мне вручали талоны на масло и водку, которая становилась нашей валютой. За любой ремонт в квартире расплачивались бутылками: слесаря предпочитали их деньгам. Все меньше чувствовалось заботы о людях, к нам возвращались прежние унижения. Терпеть их, после преувеличенных надежд на перемены — становилось все труднее.

Так получилось в моей жизни, что за дальнейшим я слежу уже издалека. Связи с редакцией давно оборвались. Тем неожиданнее оказался звонок мне в Вашингтон Лебедевой. Она приезжала из Гродно в Чикаго, к своему сыну. Повспоминали с ней и хорошее, и печальное. Вдруг Анна Тимофеевна сказала:

— А ты знаешь, что Н. была сексотом?

У меня мелькнула мысль: откуда она может знать?

«Н.» — милая Валентина Павловна, долго трудившаяся в отделе писем. Женщина добрая, чуткая, в трудное время выручала меня и деньгами в долг. Мы вместе ходили на вечерние курсы вязания (тогдашняя моя психотерапия).

Поверить этому? Или вспомнить, что сама А. Т. детально интересовалась подробностями моей жизни? Что мне сейчас об этом гадать? Знаю, что «секретное сотрудничество» было тогда в большой моде. Прошла ли эта мода сейчас?

Когда я начинала в старой редакции, у нас на столах стояли чернильницы. Теперь пишу на компьютере. Интернет позволяет вступать в виртуальный мир. Внимательно слежу и за происходящим в Беларуси, особенно в духовной жизни.

Отрадно, что Василь Быков и Алексей Карпюк все больше привлекают внимание на родине. Такие личности — действительно гордость нации. Никогда не сомневалась, что и в Минске, и в Гродно будет увековечено имя Василя Быкова. И вот узнаю, что планируется создание его музея. Жаль только, не смогу в нем побывать. И не сумею положить цветы на могилу Алексея Карпюка и недавно ушедшей его жены Инги.

Меня тронуло, насколько тщательно, любовно собрал в своей книге «Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця» Сергей Шапран факты из жизни Быкова. Я хочу добавить еще одну деталь.

…Весной 2002 г. в нашей вашингтонской квартире раздался телефонный звонок. Я взяла трубку.

— Фрида? — услышала издалека полувопросительное.

— Василь Владимирович! — заволновалась я.

— Вы узнали? — удивился он.

Как было не узнать его голос, знакомый на протяжении многих лет?! Он позвонил из Германии. Как раз заканчивал работу над своей книгой «Доўгая дарога дадому», хотел уточнить с Борисом некоторые подробности.

Потом пришли его письма. Последнее от 23 марта 2003 г., отправленное из Праги, перед возвращением в Минск. Он писал о своей тяжелой болезни, как бы стараясь не слишком огорчить. В этом тоже проявился он.

Скоро мы получили горестную весть о его кончине…

У нас на книжной полке стоят рядом мемуары Василя Быкова и Алексея Карпюка. Недавно к ним присоединилась вышедшая в Минске книга Бориса Клейна «Недосказанное. Имена».

Почему сегодня такое разное отношение к нашему «утраченному времени»? Быть может, потому, что на самом деле оно и не утрачено вовсе. Только ощущают его не одинаково. Ведь на долю одних выпало слишком много. Для других же, как недавно пошутил мой сын Женя, живущий в Чикаго, самым важным событием в жизни было то, что они один раз застряли в лифте. Их исповедями пестрит интернет…

Фрида ПУГАЧ

СШЫТКІ БАРЫСА ПАЛОЎНІКАВА

Барыс Грыгор’евіч Палоўнікаў нарадзіўся 18 красавіка 1937 г. у горадзе Томску.

Закончыў літаратурны факультэт[1] у Ленінградзе (1960), потым вышэйшыя сцэнарныя курсы ў Маскве — пры Дзяржкіно (найверагодней, у 1965–1967 гг.).

Першая жонка — журналістка Заміра Ібрагімава[2], дачка класіка азербайджанскай літаратуры Мірзы Ібрагімава[3]; дзеці — Таццяна (1961) і Глеб (1966). Некаторы час Палоўнікаў жыў і працаваў у Новасібірску.

У Беларусь Палоўнікаў трапіў, калі шукаў магілу бацькі, які загінуў пад Воршай напрыканцы вайны (пахаваны ў братняй магіле).

У Мінску Барыс Палоўнікаў з’явіўся ў 1969 г. Заступіў на пасаду рэдактара кінастудыі «Беларусьфільм». Супрацоўніцы студыі папрасілі майстра мантажу Веру Іванаўну Калядзенку ўзяць на кватэру «вельмі творчага чалавека», якому не было дзе жыць. (Калядзенка працавала над фільмамі «Праз могілкі» (1964), «Горад майстроў» (1965), «Я, Францыск Скарына» (1969), «Прыгоды Бураціна» (1975), «Дзяржаўная мяжа» (1980–1987), «Падзенне ўверх» (1998) ды інш.).

У 1970 г. Палоўнікаў і Калядзенка пабраліся шлюбам. У 1971 г. у іх нарадзіўся сын Грыгорый.

Сям’я жыла небагата. Каб зарабіць грошай, Палоўнікаў браўся за «індустрыйна-вытворчыя» замовы. У 1973 г. у Беларусі па ягоным сцэнары быў пастаўлены тэлефільм пра будаўнікоў «Быць чалавекам». У архіве Палоўнікава захоўваецца рэжысёрскі сцэнар стужкі пад назвай «Індустрыйная балада» (на рускай мове).

Але да савецкай улады стаўленне Палоўнікава было крытычнае: ён непрыхавана кпіў з людзей, якія ўступалі ў Камуністычную партыю. Аднойчы яго за гэта ледзве не пабілі.

Увогуле, Палоўнікаў меў калючы характар, яго раздражняла несапраўднасць, ён грэбаваў бяздарнасцю. Часам Палоўнікаў выпрабоўваў людзей: казаў рэзкасць — і глядзеў на рэакцыю. Але, паводле словаў Веры Калядзенкі, «ён быў яршыстым звонку, але добрым у душы» — «прывабным кракадзілам», які любіў рабіць падарункі.

У хаце часта былі аператар Дзмітрый Зайцаў, аператар Барыс Аліфер, пісьменнік Георгій Марчук (з 1970 г. працаваў на «Беларусьфільме», звяртаўся па кансультацыі

---

[1] Калі меркаваць па датах і асяроддзі знаёмых, гэта мог быць факультэт журналістыкі Санкт-Пецярбургскага (Ленінградскага) дзяржаўнага універсітэта, выпуск 1960 г. Але ў сецевым блогу выпускнікоў Палоўнікава няма (сайт: http://jourfac.blogspot.com/ ад 09.12.2009).

[2] Ібрагімава Заміра Мірзаўна (нарадзілася ў 1938 г. у Ленінградзе) — расейская журналістка, пісьменніца. Закончыла журналісцкі факультэт Ленінградскага дзяржаўнага універсітэта (1960). Працавала ў газетах «Маладосць Сібіры» (1960–1962), «Савецкая Сібір» (1962–1973), часопісе «ЭКО» (1973–1975). Была ўласным карэспандэнтам «Літаратурнай газеты» па Сібіры (1975–1988), уласным карэспандэнтам часопіса «Аганёк» па Сібіры (1988–1993). Член Саюза журналістаў, Саюза пісьменнікаў СССР (1983). Аўтарка кніг «Не дзеля славы, а дзеля карысці…» (1978), «Сібір не па чутках» (1981, з А. Аганбегянам), «Навуковец і час» (1986). Па п’есе Ібрагімавай «Самотным прадстаўляецца інтэрнат» пастаўлены аднайменны фільм (1983). Выдала зборнік вершаў «Залата апалага лісця» (1998). Узнагароджана залатым знакам «Годнасць Сібіры». З 1995 г. выкладае журналістыку ў Новасібірскім дзяржаўным універсітэце. Палоўнікаў і Ібрагімава пабраліся шлюбам да 1961 г. — альбо ў Ленінградзе, альбо ў Новасібірску.

[3] Ібрагімаў Мірза Аждар аглы (нарадзіўся ў 1911 г.) — азербайджанскі пісьменнік і грамадскі дзеяч. У артыкулах пра Ібрагімава няма звестак пра дачку. А ў сецевай біяграфіі Ібрагімавай (Ібрагімава Заміра Мірзаўна, http://print.biografija.ru/? id=48037 ад 09.12.2009) нічога не гаворыцца, што ейны бацька — пісьменнік Мірза Ібрагімаў. Але, са словаў наступнай сям’і Барыса Палоўнікава (Веры Калядзенкі і Палоўнікава-малодшага), гэта так.

да Палоўнікава). Паводле словаў Калядзенкі, мінскую кватэру наведаваў і сцэнарыст Генадзь Шпалікаў[4], які яшчэ ў 1966 г. склаў для рэжысёра Віктара Турава[5] кінааповесць «Я родам з дзяцінства».

З самім Туравым Палоўнікаў не спрацаваўся. Пісьменнік пачаў ствараць сцэнар «Жыццё і смерць двараніна Чартапханава» паводле «Нататак паляўнічага» Івана Тургенева. Але Тураў ад паслугаў Палоўнікава адмовіўся, пакінуўшы ў сцэнарыстах Аляксея Тулушава, што выклікала канфлікт.

Затое на фільме «Парашуты на дрэвах» Палоўнікаў быў на здымачнае пляцоўцы неафіцыйным перамоўшчыкам паміж кансультантамі з органаў і рэжысёрам Іосіфам Шульманам.

Барыс Палоўнікаў сябраваў з пісьменнікам Уладзімірам Караткевічам: яны вялі шумныя (часам і начныя) спрэчкі пра літаратуру. Да беларускай мовы і культуры Палоўнікаў ставіўся з павагай і разуменнем. Пазней у вершаваным лісце да сына ёсць узгадка пра «мову», якую сын-школьнік лянуецца вучыць. З сучасных рускіх аўтараў Палоўнікаў цаніў паэта Віктара Саснору, з якім ліставаўся; вельмі любіў дзіцячага пісьменніка Віктара Галяўкіна[6].

У 1976 г. Палоўнікаў развёўся. Паводле ўспамінаў сведкаў, чытаў на судзе вершы, давёў суддзю да смеху. З’ехаў у Ленінград.

Ізноў ажаніўся, нарадзілася дачка.

Загінуў пры нявысветленых абставінах у 1996 г.

Творчы лёс Палоўнікава трагічны. Індустрыйныя нарысы і сцэнар, што быў пастаўлены, здзіўляюць сваёй анемічнасцю, а дзённікавыя нататкі і вершы апякаюць болем і праўдай. Яшчэ ў сярэдзіне 1960-х, падчас навучання на сцэнарных курсах, Палоўнікаў прыдумаў сцэнар фільма «Жывыя» («Живущие»). (У хатнім беларускім архіве няма.)

Савецкая сцэнарыстка і пісьменніца Вера Панова[7] склала Палоўнікаву ліст, дзе растлумачыла, што аўтар таленавіты, але сёння не час такое друкаваць. У адным з дзённікаў Палоўнікаў назваў сваё пакаленне «трагічна падцэнзурным».

У мінскіх бібліятэках і ў сеціве аніякіх намёкаў на творы Палоўнікава не выяўлена, калі не лічыць сцэнара «Індустрыйнай балады».

Затое ягоны беларускі архіў даволі цікавы.

Зацемкі Палоўнікава ўяўляюць з сябе некалькі сшыткаў і разрозненыя аркушы (як друкаваныя, так і запісаныя ад рукі).

На аркушах занатаваныя творы:

1) «Душа, што баліць» («Душа болящяя») — друкаванае апавяданне на 14 старонках, складзенае, як ліст старой жанчыны сваячцы. **2)** Прысвечанае Дзмітрыю Зайцаву вытворчае апавяданне «У пошуках бацькі» («В поисках отца»). 19 старонак, ад рукі, сіняй

---

4 Шпалікаў Генадзь Фёдаравіч (1937–1974) — рускі паэт і сцэнарыст, ключавая фігура часоў «адлігі». Сцэнарыст такіх фільмаў, як «Я крочу па Маскве» (1963), «Застава Ільіча» (падцэнзурны варыянт: «Мне дваццаць гадоў», 1964). Пісаў вершы і песні.

5 Тураў Віктар Цімафеевіч (1936–1996) — беларускі кінарэжысёр, сцэнарыст. Класік беларускага кіно. У 1989–1996 гг. вёў рэжысёрскую майстэрню ў Беларускай акадэміі мастацтваў. Сын Барыса Палоўнікава Грыгорый паступаў на курс да Турава, але прыняты не быў.

6 Саснора Віктар Аляксандравіч (нар. у 1936) — расейскі паэт і празаік. Аўтар зборнікаў «Студзеньская залева» (1962), «Трыптых» (1965), «Коннікі» (1969), «Вяртанне да мора» (1989) і інш. Творы Сасноры разыходзіліся ў самвыдаце. Галяўкін Віктар Уладзіміравіч (1929–2001) — мастак, празаік і кніжны графік. Аўтар кніг «Сшыткі пад дажджом» (1959), «Мой добры тата» (1964), «Вітаю вас, птушкі» (1968) і інш.

7 Панова Вера Фёдараўна (1905–1973) — рускі савецкі празаік, кінадраматург. Аўтарка раманаў «Спадарожнікі» (1946), «Часы года» (1953), «Сярожа» (1955; экранізаваны ў 1960 г.).

асадкай. **3)** Незавершаны вытворчы нарыс «Сем гадоў тварэння» («Семь лет творения»). 8 друкаваных старонак, праўленых алоўкам, і 4 акрушы, запісаныя ад рукі сінім атрамантам. Рукапісны варыянт блізкі да друкаванага, але маюцца дадаткі і разыходжанні. **4)** Незавершанае апавяданне «Пасля смерці» («После смерти»). 2 старонкі, дробным почыркам, сіні атрамант. **5)** Тры старонкі нататак «Як жылі нашы продкі» («Как жили наши предки») — пра гісторыю старажытнай Русі. Ад рукі, чорны атрамант, неразборліва. Магчыма, часткай нататак з'яўляюцца дзве друкаваныя старонкі пад нумарамі 3 і 4 пра шального палкоўніка, які ідзе па заваяванай Еўропе. **6)** Заяўка на поўнаметражны ігравы фільм «Уніз па рацэ і далей» («Вниз по реке и дальше»). Вытворчая драма. 22 друкаваныя старонкі. На тытуле прастаўленая дата і месца — г. Масква, 1969 год, на апошняй старонцы для зваротнай сувязі — маскоўскі адрас сцэнарных курсаў і мінскі адрас: Мінск, вуліца Леніна 9, кв.15. Асобна ёсць і старонкі заяўкі, запісаныя ад рукі сінім атрамантам. **7)** Разрозненыя аркушы з друкаванымі і рукапіснымі ўрыўкамі, што не паддаюцца атрыбуцыі. **8)** Заяўка на дакументальна-хранікальны фільм, прысвечаны Ларысе Рэйснэр[8]. 10 друкаваных старонак. Асобна, на дадатковым тытульным аркушы, алоўкам па-руску напісана «Рейснер». **9)** Сцэнар поўнаметражнага ігравога фільма, камедыі «Жаніцца, сапраўды, не смешна» («Жениться, право, не смешно»). 1970 г., 78 друкаваных старонак. Сцэнар камедыі пра безнадзейнае сватаўство з дапамогай кампутараў (!) складзены ў Беларусі.

Самыя цікавыя ў архіве Палоўнікава — дзённікі:

1) Тонкі школьны сшытак 1959 г., прысвечаны ірландскаму пісьменніку Джэймсу Джойсу. Сінім атрамантам (на рускай мове) занатаваныя ўрыўкі з артыкулаў пра Джэймса Джойса за 1934, 1935, 1937, 1940, 1941 г. **2)** Агульны сшытак 1959 г. на 48 аркушаў — філасофскі. Пераважаюць канспектыўныя выпіскі з філосафаў (Гегеля, Спінозы, Геракліта, Платона і г. д.). Напрыканцы сшытка — радкі з «Літаратурнай газеты» за 1929 г. «Пісьменніку няма дзе жыць», ранні варыянт верша Мікалая Забалоцкага «Ладзейнікаў» (1932) ды ягоная паэма «Свята земляробства» (1929–1930). Паміж філасофскімі нататкамі, перад канспектам спецыяльнай тэорыі адноснасці развагі Палоўнікава пра тое, што ён напіша ў сорак гадоў і верш «Я знаю вас коварных и угрюмых…». На старонках 17–18 — урывак з ліста Палоўнікава да Віктара Шклоўскага. **3)** Найцікавейшы — карычневы нататнік за 1960–1963 гг. Ён пазначаны як «Записки малозначащего человека, помыслы коего направлены на взращение душевной мудрости». Пераважна дзённік пра Ларысу Рэйснэр, аб якой Палоўнікаў складаў сцэнар. У сшытку таксама зацемкі пра сучаснасць 1960-х, вершы Пастарнака, нататкі пра Хэмінгуэя і фон Нэймана, сыравіна да п'есы, што абдумваў Палоўнікаў, колькі ягоных вершаў. **4)** Дзённік за 1962 г. пад назвай «Различные речения современного русского народа». У сшытку недавершаны чарнавік артыкула «Сапраўднасць і літаратурныя штампы», незавершаныя чарнавікі да апавядання «Справядлівая вайна Агаф'і Міхайлаўны» і п'есы «Сэрца ў мяне для ўсіх». Прыватныя зацемкі. **5)** Агульны сшытак на 96 аркушаў пад назвай «Знаёмыя і блізкія». Вёўся сінім і чорным атрамант-

[8] Рэйснэр Ларыса Міхайлаўна (1895–1926) — расейская рэвалюцыянерка, пісьменніца, журналістка. Блізкая знаёмая Мікалая Гумілёва. Удзельніца грамадзянскай вайны, ваенкам Волжскай флатыліі, камісар штаба флота (сталася кананічным правобразам камісаркі з п'есы Вішнеўскага «Аптымістычная трагедыя»). Разам з мужам Фёдарам Раскольнікавым у 1921–1923 г. была з дыпламатычнай місіяй у Афганістане. З кастрычніка 1923 г. — на канспіратыўнай працы ў Нямеччыне, што супала з гамбургскім паўстаннем і гітлераўскім путчам. Сышлася з рэвалюцыянерам Карлам Радэкам. Надрукавала кнігі «Гамбург на барыкадах», «Жалеза, вугаль і жывыя людзі» (1925). Складала нарысы пра Кахоўскага, Трубяцкога, пісала артыкулы для «Известий». Натхніла Пастарнака, які называў яе «ўвасобленай звабай», на вобраз Лары («Доктар Жывага»). Памерла ў Маскве ад тыфу. Ларысе Рэйснэр прысвечаная аднайменная манаграфія Галіны Пржыбароўскай (2008).

там. Запісы пра знаёмых Палоўнікава, урыўкі п'есы. На тытульным аркушы надпіс ад 12 лютага 1965 г.: «Цяпер магу канстатаваць з усёй пэўнасцю і адназначнасцю, што я ані храна не здолеў занатаваць ані пра знаёмых, ні пра блізкіх, акрамя як пра самога сябе! І тое ладна!». **6)** Карычневы паэтычны сшытак уяўляе з сябе завершаны паэтычны зборнік са сваім сюжэтам. Вершы з «рэйснэраўскага» сшытка ў ім амаль усе паўтораныя.

Дзённікі напісаныя жывой мовай, Палоўнікаў трапна і густоўна прыкмячае дэталі — адчуваецца дух эпохі. На жаль, запісаў беларускага перыяду ў паперах Палоўнікава няма (калі не лічыць вытворчых апавяданняў і «кампутарнай» камедыі)[9]. Затое ў маскоўскіх нататках фігуруюць Віктар Шклоўскі, Карнэлій Зялінскі, Леў Нікулін, Вера Інбер. Яны ўзгадваюць пра Ларысу Рэйснэр, Троцкага, Леніна, Радэка, Маякоўскага і Замяціна. Рэвалюцыйна-мемуарныя ўспаміны пераплеценыя з побытам 1960-х, калі камуністычная ідэя дасягнула піку і пачала надломвацца. Гэта стварае адмысловы эфект — камічны і трывожны адначасова.

Для друку нататкі Палоўнікава падзеленыя на чатыры тэматычныя часткі.

Першая частка пад умоўнаю назвай **«Голас валькірыі»** — дэтэктыўна-рэвалюцыйная гісторыя Ларысы Рэйснэр. Завяршаецца яна заяўкай на фільм. Нататка Палоўнікава пра чырвоную музу складзена вельмі акуратна, кінаграматна — і палітычна асцярожна. Сцэнарыст пакінуў па-за межамі цыдулкі небяспечныя імёны і дэталі.

У 1977 г. выйшла карціна «Ларыса Рэйснэр», але няма ніякіх пазнакаў, што яна пастаўлена паводле заяўкі Палоўнікава[10]. Стужка малавядомая, да і сам вобраз зацятай рэвалюцыянеркі быў ужо залішнім для застойнай эпохі.

У 1989 г. убачыў свет фільм «Арыядна», прысвечаны прыватным стасункам Рэйснэр і Гумілёва. А нацыянал-бальшавікі абвесцілі Рэйснэр сваёй музай і з захапленнем параўналі камісарку, што звабіла Палоўнікава ды многіх яшчэ, з баронам Унгернам і бацькам Махно.

Другая частка — **«Праца»** — кантраст «рэйснэраўскім» мемуарам і яшчэ большы кантраст паэтычным старонкам. Але яна цікавая як дакументальнае сведчанне жыцця Палоўнікава ў Беларусі. Позірк звонку. І забытая ўжо сёння, дэкларацыйная эстэтыка вытворчага рамана. Прыводзіцца ўрывак нарыса «Сем дзён тварэння».

Трэцяя частка, якую каментатар рызыкнуў назваць **«Жыццём»,** — паэтычны зборнік Палоўнікава і два ўрыўкі ягонай прозы. Творы маюць самастойную мастацкую каштоўнасць — і было бы неабачліва схаваць іх ад чытача.

Вершы працягваюцца і ў чацвёртай частцы — **«З лістоў»**, але там яны ўлучаныя ў эпісталярны жанр.

Мінскі архіў Палоўнікава прадставіў для публікацыі ягоны сын (пасынак рэжысёра Уладзіміра Бычкова) Грыгорый.

Аўтарскае напісанне пакінутае нязменным, толькі выпраўлена адна апіска і дададзеныя коскі ў зваротах.

Урыўкі, што выклікалі ваганне — ставіць іх ці прапусціць, бо яны закрэсленыя, узятыя ў квадратовыя дужкі — [].

Пропускі, незавершанасць тэксту, тлумачальныя ўстаўкі пазначаныя — <…>.

Андрэй РАСІНСКІ

---

[9] Характэрная фраза з апавядання «У пошуках бацькі»: «И вот он второй день в Минске, но города толком так и не рассмотрел, потому что с утра до вечера торчал на заводе, стараясь не прозевать первый образец нового быстродействующего электронно-вычислительного чуда».

[10] Дакументальная стужка Марыяны Таўрог, 15 хв. Вытворчасць: «Центрнаучфильм».

I. <ГОЛАС ВАЛЬКІРЫІ>

4 XII 59 г. <…>

Из письма[11]: «Многоуважаемый Виктор Борисович[12].

Я полагаю, что моё письмо явится для Вас незначительной неожиданностью; так как к подобного рода вещам вы привыкли с того самого момента, когда жизнь и деятельность Ваша вышла за рамки Вашей личной собственности.

Мне лично доставляет беспокойство лишь то, что просьба, с которой я осмелился к Вам обратиться, будучи благосклонно принятой, отнимет у Вас время, которое, к сожалению, у каждого ограниченно.

Я заранее хочу признаться в том лукавстве, которое невольно вселилось в меня, когда я понял, что должен написать Вам.

Та просьба, которая толкнула меня написать Вам, не является ни причиной, ни поводом, а вернее, и тем и другим одновременно.

Она — причина по отношению к тому, чем я вынужден заниматься, и она — повод по отношению к тому, чем Вы являетесь для меня.

Нас познакомил Маяковский[13]. Во всяком случае, он намекнул на факт Вашего существования.

Позднее я охладел к поэзии Владимира Владимировича. Она мне казалась лабиринтом, в котором он, как это ни странно, запутался и попал не туда, куда следовало. Возможно, его туда затащили. Но дело, пожалуй, не в этом.

Я подчас удивляюсь, что моему примирению с поэтом способствовали Вы, Виктор Борисович.

Таким образом, я могу утверждать, что наши отношения имеют свою историю».

12 III 60 г.[14]

О Москве.

Живу на Ленинских горах в башне Вавилонской[15], которую бог забыл разрушить. От этой забывчивости, а может быть от равнодушия мне одна выгода: живу в отдельной комнате, под боком душ, и я с непривычки принимаю его по два раза в день.

Первым делом посетил Чурина[16], и он поведал мне о новостях. А их великое множество и все такие, которые для обывателей клад.

Потом звонил разным архаическим старичкам.

---

[11] З першага, філасофскага, сшытку, пасля чатырох старонак канспекта пра спецыяльную тэорыю адноснасці Эйнштэйна. Далей — нататка пра сустрэчу з рэктарам, што мусіць адбыцца, і зацемкі пра старажытнагрэцкіх філосафаў (Фалеса, Анаксімандра, Анаксімена, Геракліта).

[12] Шклоўскі Віктар Барысавіч (1893–1984) — тэарэтык літаратуры і кіно, пісьменнік, сцэнарыст. Заснавальнік Таварыства па вывучэнні паэтычнай мовы (ОПОЯЗ, 1916–1919), уваходзіў у «ЛЕФ» (1923). Ключавая фігура фармалізму (расейскага варыянту структуралізму).

[13] Маякоўскі Уладзімір Уладзіміравіч (1893–1930) — расейскі савецкі паэт, рэфарматар паэтычнай мовы.

[14] Адсюль і надалей — сшытак 1960–1963 гг. пра Ларысу Рэйснэр.

[15] Маецца на ўвазе галоўны будынак Маскоўскага дзяржаўнага універсітэта. Пабудаваны напрыканцы 1940-х — пачатку 1950-х гг. у стылі сталінскага ампіру.

[16] Знаёмы Барыса Палоўнікава, журналіст. Найверагодней — Ігар Уладзіміравіч Чурын. Як і Заміра Ібрагімава, выпускнік журналісцкага факультэта Ленінградскага універсітэта (1960). Працаваў у газеце «Ленинградская правда» ў аддзеле інфармацыі. У 1997 г. быў намеснікам галоўнага рэдактара газеты «Санкт-Пецярбугскія ведамасці». Узнагароджаны медалём «За заслугі перад Айчынай» II ступені.

Л. Никулин[17] голосом умирающего ханжи пробормотал, что с памятью у него нынче плохо становится, а посему о Рейснер ничего толком сказать не может.

Позвонил еврею Грицу[18]: Можно Теодора Соломоновича?

— Кто его спрашивает? — спокойный женский голос.

— Видите ли, я из Ленинграда…

— Теодор Соломонович умер два месяца назад[19], — и короткие гудки.

Наивная, жестокая бестактность провинциала. Я представил себя на месте этой женщины, очевидно, жены.

Брайнина отказалась сообщить что-либо, сославшись на полную неосведомлённость[20].

Шкловский хрипло и нудно советовал искать брата Ларисы Михайловны, о котором никто ничего не знает[21].

Инбер[22] с неврастеническим визгом прокудахтала о нездоровье, о том, что ничего толком не помнит[23].

Одним словом, все они — старые, подыхающие клячи. Впрочем, клячи воспитанные: согласились, что я ещё раз позвоню им.

Был сегодня на выставке московских художников. Случайно увидел, как обходил «владенья свои» министр культуры Михайлов[24]. Около семенил какой-то хлыщ в очках и, тыча перстом, давал пояснения.

Министр вертел толстыми пальцами, положив их на живот, и молчал. Вокруг него какие-то невообразимо толстые бабы.

— А? — спрашивал иногда министр обрывисто, словно командывал «раз-два».

Иногда он что-то говорил весёлому лысому человеку, и тот свободно и запросто отвечал ему.

— А? — вырывалось у министра. Впечатление, будто он глухой.

---

[17] Нікулін Леў Веньямінавіч (1891–1967) — рускі пісьменнік, сцэнарыст. У 1917 г. скончыў Маскоўскі камерцыйны інстытут. У 1911–1912 гг. жыў у Парыжы, слухаў лекцыі ў Сарбоне, знаёміўся з кінавытворчасцю. Ад белых перайшоў да чырвоных; уваходзіў у паліткіраўніцтва Балтыйскага флоту. У 1921 г. уключаны ў склад афганскай амбасады, хоць Рэйснэр хадайнічала за Восіпа Мандэльштама. Па выніках паездкі Нікулін надрукаваў першую кнігу «Чатырнаццаць месяцаў у Афганістане» (1923).

[18] Грыц Тэадор Саламонавіч (1905–1959) — савецкі пісьменнік, літаратуразнаўца. Удзельнік грамадзянскай і Другой сусветнай вайны. Блізкі да «ЛЕФа», знаёмы Данііла Хармса. Аўтар артыкулаў пра Брусава, Маякоўскага. Даследчык творчасці Веліміра Хлебнікава.

[19] У Кароткай літаратурнай энцыклапедыі дата смерці — 7 лістапада 1959 г.: за 5 месяцаў да тэлефоннае гутаркі. Магчыма, што Палоўнікаў зрабіў запіс не адразу, а праз пэўны час.

[20] Брайніна Берта Якаўлеўна (1902–1984) — савецкі літаратурны крытык. Аўтарка кніг пра Фёдара Гладкова, Валянціна Катаева, Стэфана Зар'яна, Канстанціна Федзіна. Брайніна перабольшвае сваё няведанне: да «Выбраных твораў» Ларысы Рэйснэр, што выйшлі ў 1958 г., яна склала прадмову.

[21] Рэйснэр Ігар Міхайлавіч (1898/99–1958) — усходазнаўца, адзін з заснавальнікаў расейскай індалогіі і афганістыкі. Брат Ларысы Рэйснэр. У 1917 г. — у Народным камісарыяце юстыцыі і Сацыялістычнай акадэміі. У 1919–1921 гг. — разам з сястрой і Фёдарам Раскольнікавым з місіяй у Афганістане. Пра Ігара Рэйснэра ў 1960 г. «ніхто нічога не ведаў» — бо ён ужо два гады як памёр.

[22] Інбер Вера Міхайлаўна (1890–1972) — руская савецкая паэтка. Аўтарка лірычных зборнікаў «Сыну, якога няма» (1927), «Напаўгаласы» (1932), «Анкета часу» (1971). Разам з Карнэліем Зялінскім уваходзіла ў гурток канструктывістаў.

[23] Закрэслена «знает».

[24] Міхайлаў Мікалай Аляксандравіч (1906–1982) — савецкі партыйны дзеяч. У Камуністычнай партыі з 1930 году. Міністрам культуры СССР быў у 1955–1960 гг.

Художник Писарев[25], похожий на пожилого мальчика, старался забежать вперёд министра и что-нибудь сказать. Но министр не слышал.

Надо было видеть, как этот Писарев (не чета, конечно, настоящему Писареву[26]) буквально из кожи лез, чтобы быть замеченным. Заметили растаявшего от счастья Рафаэля.

— Жаль, не видели ваших работ, — сказал Михайлов.

— Ничего, ничего! Наши работы маленькие. Я Дагестан больше пишу.

— А? — выпрыгнуло у министра. — Дагестан? Закончим? — и министр повернулся к лысому человеку.

— Да, да! — сказал тот. — Где же наши супруги?

— О! Не беспокойтесь, — учтиво сказал хлыщ. — Они отдыхают. — И его коротенький перст указал на одну из скамеек.

Ах, Писарев! Ах, Рафаэль московский! Ах, выродок! Никудышный, жалкий живописец. Сколько благ извлечёшь ты из этого почти случайного знакомства. Впрочем, министр уже забыл о тебе. Впрочем, ведь ты — Писарев!

15 III 60 г.

Зинаида Рихтер[27] сказала:

«Лариса была ревнива к чужому успеху. Однажды она была у меня, и мы о чём-то мило и долго беседовали, а потом она поехала в "Известия". И вдруг мне оттуда звонят:

— Рейснер закатила истерику: почему, мол, поставили материал Рихтер, а не её, Рейснеровский материал».

Эту мысль Рихтер повторила несколько раз, всё время кокетливо подчёркивая, что это, конечно, не для печати.

Кстати, верить или не верить у меня нет оснований. Могло быть, а могло и не быть.

Владимир Мартынович Василенко[28], ныне спецкор «Известий», а тогда секретарь, ничего не говорил отрицательного о характере Рейснер.

Он говорил:

«Весёлая была. Умница! Талантливая. Мне приятно было с ней беседовать. Шутить любила, по-флотски. Это у неё с фронта. В редакцию с коньками приходила. Была самоуверенна. Однажды принесла очерк: Ну, здесь нечего править!

И вдруг нахожу: вместо "надеть" — "одеть". Сконфузилась, а потом засмеялась: описка».

Когда умерла, К. Радек[29] корифеем траура был. Сутками не отходил от гроба. Она лежала стриженая, как все тифозные. Радек один раз даже челюсть вставную забыл: старый и страшный еврей! А она — красавица была, весёлая!»

---

[25] Звесткі пра асобу адсутнічаюць.

[26] Пісараў Дзмітрый Іванавіч (1840–1868) — рускі публіцыст і літаратурны крытык.

[27] Рыхтэр Зінаіда Уладзіміраўна (1890–1867) — расейская журналістка, пісьменніца. Публікавалася ў «Известиях» (1918–1930), шмат вандравала (Сванецыя, Алтай, Кіргізія, Сібір); удзельніца арктычнай экспедыцыі і паветранага пералёту Масква – Пекін. Супрацоўніца РОСТа, спецыяльны карэспандэнт «Правды» (з 1934). Склала кнігі нарысаў «Каўказ нашых дзён» (1924), «Залаты Алдан» (1927), «Ля белай плямы» (1931), «Святы абавязак» (1944), «У палярную ноч» (1952).

[28] Васіленка Уладзімір Мартынавіч (1892–1960) — журналіст, паэт. Працаваў літаратурным сакратаром газеты «Известия». Знаёмы паэта Сяргея Ясеніна, захаваў рукапісы ягоных твораў. Выдаў свае зборнікі вершаў «Андрэй Родзін: Раман у вершах» (1917), «Шчарбатае сэрца» (1925), «Чорная рэчка» (1927).

[29] Радэк Карл Бернгардавіч (1885–1939) — рэвалюцыянер, журналіст. Выключаны з Нямецкай сацыял-дэмакратычнай партыі пасля свары з Р. Люксембург, з 1903 — у РСДРП. За савецкім часам друкаваўся ў «Известиях» і «Правде». Рэпрэсаваны. З Л. Рэйснэр быў разам у Нямеччыне, дзе планавалася камуністычнае паўстанне.

Вера Инбер рассказала:

«Мне выпало дежурить ночью. Когда я пришла Радек и Сейфулина[30], обнявшись, рыдали над гробом. Жуткая сцена».

Что-то расскажет мне Лев Никулин?

Да! Когда я сообщил Рихтер, что в каком-то немецком журнале утверждается, что Россия знала трёх женщин-журналистов: Екатерину II, Рейснер и Рихтер — то она нервно засмеялась и воскликнула польщено: Вот как! А я не знала этого. Не может быть!

Кстати, все три — не русские. Впрочем, в России немцы и евреи, поляки и прочие иноземцы оказали большое влияние на культуру. Список таких фамилий бесконечен.

Корнелий Зелинский[31] сообщил, что он знал Ларису Рейснер, но она относилась к нему иронически, как в общем-то ко всему. Он подчеркнул это, сославшись на её очерк в «Петроградской правде» о Чека. Он сказал, что этот очерк произвёл на него большое впечатление смелостью выводов, ироническим отношением к изображаемому. Зелинский согласился с тем, что Рейснер могла и наверняка испытывала сомнения в период между «Афганистаном» и «Гамбургом».

По-видимому, тут нужно искать корни в 19 годе, в политике военного коммунизма. Резкий переход к НЭПу вызвал большой отрицательный резонанс во многих душах.

«Гамбург» явился спасением, делом. Он как бы довёл надежду на мировую революцию, т. е. то, чего так ждали в первые годы после Октября.

Зелинский сообщил, что Рейснер сильно отличалась от остальной голодной журналистской братии: хорошо одевалась, от неё пахло духами. Держалась смело и вызывающе. Это, конечно, не могло не отразиться на её взаимоотношениях с миром журналистов, который был к ней недоверчив.

К Замятину[32] и к беспартийной молодёжи, сказал Зелинский, она относилась сочувственно. Это ей диктовала её большая культурность. Зелинский подчёркивал, что она относилась ко многому скептически, по пословице: перемелется — будет мука! (Его дословное выражение.)

Он согласился с мыслью, что Рейснер всё равно больше десяти лет не прожила бы. Ей пришлось бы разделить судьбу Радека.

— Если бы, конечно, не эмигрировала, — добавил Зелинский.

По тем временам и по нынешним понятиям, сказал Зелинский, Рейснер жила хорошо, обеспеченно.

И все в один голос твердят: Красивая, умная, весёлая. Злая! Вот именно!

16 III 60 г.

Вчера в семь часов позвонил Чурину. Договорились встретиться у кафе «Отдых».

Вышел из автобуса и почувствовал, что мёрзну. Пока добежал до кафе, закоченели руки, ноги, лицо. Игорь уже был там. Прошли до площади Маяковского, болтая о пустяках. Я рассказывал о своём разговоре с Зелинским, а он о газетных новостях.

---

30 Сейфуліна Лідзія Мікалаеўна (1889–1954) — савецкая пісьменніца.

31 Зялінскі Карнэлій Люцыянавіч (1896–1970) — савецкі крытык, літаратуразнаўца. Адзін з арганізатараў групы канструктывістаў. З 1924 г. — асноўны тэарэтык кірунку (удзел у зборніках «Мена ўсіх» (1924), «Дзяржплан літаратуры» (1925), «Бізнэс» (1929) і інш.). У 1930 г. з канструктывізмам парваў. Надалей выступаў з афіцыйных пазіцый сацыялістычнага рэалізму, але не згубіў глыбіні позірку і здольнасці зачароўваць людзей. Сучаснікі называлі яго «Кар'ерый Падлюцыянавіч (Палюцыянавіч) Вазялінскі».

32 Замяцін Яўген Іванавіч (1884–1937) — рускі пісьменнік. Аўтар гратэскна-сатырычнай аповесці «Павятовае» (1913), антываеннай аповесці «На кулічках» (1914), за якую прыцягваўся да суда. У творах «Пячора» (1920), «Мамай» (1921), «Агні святога Дамініка» (1923), «Атыла» (1928) папярэджваў пра небяспеку дэградацыі чалавецтва. Асноўны твор — антыўтопія «Мы» (1920). Эміграваў у 1931 г.

— Хрущёва[33] маленько грипп подвёл, — сказал он. — Вылет в Париж назначен на 23 марта.

Я сообщил ему, что американцы запустили ракету в сторону солнца. Он об этом не знал. Впрочем, это его не заинтересовало, и вообще он выразил недоверие: Так ли это?

Так, зубоскаля и шутя, проваландались до девяти часов и, оказавшись у Охотного ряда, решили зайти в какой-нибудь ресторанчик. Зашли в «Неву», где-то рядом с МХАТом. Разделись, прошли к столику, сели. Обстановка провинциальная: низкий потолок, сумеречный свет (видимо, от табачного дыма), скатерти не первой свежести.

— А Москва-то самоварная, — сказал я.

— Есть и люкс, если карман широкий, — ответил Игорь и вдруг, нервно хихикнув (иногда на него находит этакая экстравагантная импульсивность), прошептал:

— Я тут как-то с чувихой был — ну, знаешь!

Я, конечно, не знал, но мне стало любопытно: я никогда раньше с ним не разговаривал на сексуальные темы.

— Ну, и… — сказал я самым равнодушным голосом.

— Проводил Гречук[34] и такая скука нашла, — сказал Игорь. — У Киевского вокзала подцепил какую-то проблядь и заволок её сюда.

Он снова хихикнул, кинув на меня тревожный, двусмысленный, сумасшедший взгляд.

— Она нос в меню, выбирает: чёрную икру, коньяк. У меня чесотка по телу: в кармане 54 рубля. На моё счастье ни того, ни другого не оказалось: до нас съели и выпили. Она ест, пьёт, а я сижу ни жив ни мёртв: деньги считаю. Расплатился: осталось 80 копеек. Ей-богу, хотел убежать.

— Ну, и потом?

— Назначил ей свидание, а сам назавтра в Сталинобад улетел. Так и пропала моя чувиха!

Бедный мальчик! Старая история, уходящая в розовые времена рыцарства. Незнакомка, Дама сердца, которую боготворят и которой поклоняются, как идолищу; а тем временем насилуют персиянок и молодых евреек из пригородов Иерусалима. Ну, этот-то ни богу свечка, ни чёрту кочерга! <…>

17 III 60 г.

Зинаида Рихтер только что сказала по телефону:

— Простите, я хотела бы вам помочь, но у меня мучительные головные боли. Не знаю, как и быть.

Голос нервный, испуганный, больной.

— Я бы так хотела рассказать вам о ней, — помолчала и вдруг неожиданно: — Может быть, я скоро с ней встречусь.

Ей-богу, быть свидетелем старческой неврастении неприятно. Стал успокаивать.

— Что вы! — воскликнула она. — Я не боюсь, я жду её. Нет, я не боюсь. Возраст!

---

[33] Хрушчоў Мікіта Сяргеевіч (1894–1971) — савецкі дзяржаўны і партыйны дзеяч. На пасадзе Першага сакратара ЦК КПСС выступіў з крытыкай сталінскага культу. Скінуты ў выніку партыйнай змовы (1964).

[34] Агульная знаёмая Чурына і Палоўнікава. Верагодна, Грачук Наталля Уладзіміраўна, разам з Чурыным выпускніца журналісцкага факультэта Ленінградскага універсітэта (1960). Публіцыстка. У «Санкт-Петербугских ведомостях» друкавала матэрыялы па гісторыі Пецярбурга. Склала кнігу «Пецярбург. Хвілі гісторыі» (2007).

Просила позвонить в понедельник. Позвоню, а тебе: «Нет больше Зинаиды Владимировны!»[35]

И я снова — болван болваном.

Позвонил Виктору Борисовичу, он оказался сегодня любезен: разговорился и под конец пригласил к себе. По его словам Рейснер относилась сочувственно к Замятину и вообще к такого рода интеллигенции. Шкловского она любила, Виктор Борисович утверждает, что она влюблена была в Маяковского.

— Где-то мы были все вместе. Лариса забыла сумочку. Володя бросился за ней и принёс. «Вот, теперь вы будете её нести за мной», — сказала кокетливо Лариса. Ей явно льстило, что Володя так ведёт себя по отношению к ней.

— Я готов нести вашу сумочку хоть в зубах, — сказал якобы Маяковский.

Шкловский не советует доверять Радеку. Радек был политик и журналист и ему ничего не стоило соврать. Всё это так, и всё-таки в его словах есть вероятностная истина.

Когда Рейснер была в Гамбурге, Шкловский был в Берлине. Он знает о ситуации в Германии в те годы.

Любопытная деталь: когда Рейснер заболела тифом, её обрили, и она очень беспокоилась о своём виде. Ей хотелось хорошо выглядеть.

Он рассказал, что, якобы, Рейснер попала однажды на заседание Совнаркома. Без приглашения. После заседания Ленин[36], якобы, сказал ей вежливо, что неудобно являться без приглашения. А явилась она в сафьяновых полусапожках.

Я спросил его, о чём могла Рейснер говорить с Блоком[37]. Шкловский хмыкнул и сказал:

— Она была красивая женщина.

Вот всё, что я запомнил из этой беседы.

Потом поехал к Никулину. Квартира его где-то на седьмом этаже. Позвонил.

Сидит в кресле этакий старый пудель, хитрыми глазками: зырк!

— Здравствуйте!

Сначала сдержанно:

— Знаком с Ларисой с 12 года. Литературная барышня. С акмеистами якшалась. В году, видимо, в шестнадцатом познакомилась с гальдемарином Раскольниковым[38]. Дворянином, но членом партии. Может быть, это и определило то, что она так легко перешла к Октябрю. Кроме того, акмеисты не очень-то её привечали, поэтому ей легко было с ними рвать.

18 год — фронт. Троцкий[39].

Тут Лев Никулин встал и прикрыл дверь: в соседней комнате была его жена.

— Так вот. В Афганистане я спросил её в лоб: «Скажите, Лариса, были вы близки с Троцким?» Она засмеялась раскатисто и проговорила: «Ну, что вы! На диване, в вагоне… Что я, машинистка!»

---

[35] Рыхтэр пражыла яшчэ сем гадоў.

[36] Ленін Уладзімір Ільіч (1870–1924) — арганізатар Кастрычніцкага перавароту (1917), заснавальнік савецкай дзяржавы. Калі Рэйснэр сапраўды заявілася на пасяджэнне Саўнаркама, то запрасіць яе мог Раскольнікаў — у тым выпадку, калі сам быў запрошаны на пасяджэнне.

[37] Блок Аляксандр Аляксандравіч (1880–1918) — знакаміты рускі паэт.

[38] «Гальдемарин» замест «гардемарина» — так у Палоўнікава. Раскольнікаў Фёдар Фёдаравіч (1892–1939) — расейскі рэвалюцыянер. Сын святара. Намеснік наркама па марскіх справах (1918). У 1919–1920 гг.— кіраўнік Волжска-Балтыйскай ваеннай флатыліі, кіраўнік Балтыйскага флоту (1920–1921). З жонкай Ларысай Рэйснэр быў у Афганістане; калі Рэйснэр з’ехала, то атрымаў ад яе ліст на развод.

[39] Троцкі Леў Давідавіч (1879–1940) — арганізатар Кастрычніцкага перавароту, стваральнік Чырвонай Арміі. Прайграў Сталіну ў барацьбе за лідэрства. Забіты ў Мексіцы агентам НКУС.

Между прочим, до Афганистана был такой эпизод: её отец[40] был уволен с какой-то должности Зиновьевым[41]. Она помчалась в Москву. Я случайно поехал с ней. Мы ночевали в теперешнем институте Маркса-Энгельса, а тогда во дворце Долгоруких. Я уже лёг. Она сидела на диване в халате, накинутом на голое тело, и разговаривала по телефону с Троцким. Минут пятьдесят.

Не знаю, зачем и к чему, но Никулин сказал: Халат поминутно распахивался. Она была обольстительная женщина!

Я представил себе бедного юнца в этой пикантной ситуации.

Она была близка с Каменевыми[42]. Я слышал, как они говорили: Мы полковники при генералах.

Думается мне, что в Рейснер был преизбыток честолюбия. Она любила рассказывать о таком случае:

Когда правительство переехало в Москву, то в скором времени где-то открыли магазин с дореволюционными товарами. Все «руководители» бросились туда. До Ленина дошли об этом слухи. Он попросил дать ему списки. Оказалось, что Стеклов[43] с супругой заграбастали больше всех.

— А что, платит Стеклов подоходный налог? — спросил Ленин.

Стеклов, прослышав об этом, срочно заплатил тысяч 200, что ли.

А Ленин, якобы, сказал:

— Вот видите, Рейснер. Барынька, а взяла меньше всех![44]

Рейснер это, конечно, льстило. А вообще-то она относилась к Ленину с большим уважением. По поводу прогулок с Блоком. Ей этого не прощали. Особенно матросы. Держалась она барыней.

Не любили её за цветистость, вообще-то, за демагогию. Не верили: слишком громко говорила. По-моему, в некоторых частях драмы, называемой Революция и Гражданская война, Рейснер переигрывала. Увлекалась декламацией. Да и авантюризмом.

---

[40] Рэйснэр Міхаіл Андрэеевіч (1868–1928) — расейскі правазнаўца, сацыяльны псіхолаг, гісторык. Кандыдат права (дысертацыю абараніў у А. Л. Блока — бацькі вядомага паэта). Вылучыў ідэю «пралетарскага інтуіцыйнага права». Пісаў пра фрэйдызм («Фрэйд і ягоная школа пра рэлігію», 1924). Склаў тэкст дэкрэта пра аддзяленне царквы ад дзяржавы. З дачкою Ларысай выдаваў у 1915–1916 гг. часопіс «Рудзін». Па пратэкцыі свайго зяця Раскольнікава ў 1919–1920 гг. быў кіраўніком палітаддзела фронту, што выклікала незадаволенасць матросаў. У аўтабіяграфіі, дзе ўзгадваюцца крыўды, канфлікту з Зіноўевым Рэйснэр не назваў.

[41] Зіноўеў Рыгор Яўсеевіч (1883–1936) — рэвалюцыянер, савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч. Расстраляны падчас «вялікага тэрору». Калі адбыўся канфлікт з Рэйснэрамі, узначальваў Петраградскі савет (1917–1926).

[42] Сям'я Льва Каменева. Каменеў Леў Барысавіч (1883–1936) — рэвалюцыянер. У 1918–1926 гг.— старшыня Маскоўскага савета. Жанаты з сястрой Троцкага. Падчас сталінскіх чыстак расстраляны; уся ягоныя сваякі рэпрэсаваныя. Ёсць публікацыі, што Ларыса Рэйснэр і Раскольнікаў апраналі сына Каменева ў гарнітурчык цэсарэвіча Аляксея.

[43] Сцяклоў Юры Міхайлавіч (1873–1941) — расейскі рэвалюцыйны дзеяч, публіцыст. У 1917 г. — член Выканкама Петраградскага савета.

[44] Калі такі эпізод сапраўды меў месца, а не прыдуманы Рэйснэр, то гэта вынятак з правілаў. Рэйснэр не хавала сваёй любові да раскошы і да «трафейных» арыстакратычных дабротаў. Усевалад Раждзественскі так апісвае ейны побыт: «Ларыса чакала нас у невялікім пакойчыку, папазавешаным экзатычнымі тканінамі… На шырокай і нізкай тахце валяліся шматлікія ангельскія кнігі разам з таўшчэзным старажытнагрэцкім слоўнікам. На нізкім усходнім століку зіхацелі і іскрыліся крышталёвыя грані незлічоных флакончыкаў з духамі і нейкія медныя, нацёртыя да бляску, пасудзіны і скрыначкі… Ларыса была апранутая ў нешта кшталту халата, прашытага цяжкімі ніткамі».

О НЭПе. Конечно, колебалась и даже не принимала. Посмотреть VI том «Истории Москвы», выпущенной Академией Наук. Ленин тоже говорил об интеллигенции, упавшей духом в связи с НЭПом.

Далее. Ревнивой была, тщеславной и подчас несправедливой. Случай в Кабуле: Приехал для переговоров Джелал-паша и при нём два адъютанта. Один из них красивый, породистый турок. Рейснер с ним кокетничала. Конечно, о близости не может быть речи. Просто кокетничала, от скуки, от безделья. При посольстве была секретарша, миловидная особа, с которой этот турок тоже вёл себя дружески и игриво.

Дело дошло до того, что Рейснер выжила эту бедную секретаршу. Ей пришлось уехать из Кабула.

Ещё один эпизод. Когда Никулин был в Кронштадте, там служил и Всеволод Рождественский[45]. Случилось так, что его забрала Чека, якобы за дезертирство. Он куда-то отлучился и пришёл позже положенного часа.

Какими-то путями дошло до Горького[46], тот попросил через кого-то Никулина поспособствовать освобождению Рождественского. У Никулина были знакомые в Чека. Кажется, он назвал фамилию Барашев[47]. Так вот, он пришёл к нему и стал просить.

— Ну, их к ебеней матери (дословные слова), — сказал этот чекист. — Ночью всех прикончим. Вот списки.

Но Никулин умолял, доказывал, говорил о стихах, о поэтах. И неумолимый чекист вычеркнул из списков фамилию Рождественский. Сейчас Рождественский лежит при смерти[48]. Итак, подаренные сорок лет он прожил по-крайней мере с какой-то пользой.

Кстати, Никулин вскользь упомянул, что Горький, якобы хотел предоставить «Серапионам»[49] возможность выехать за границу. Для спасения литературы! Вот какие годы были.

Ещё Никулин сказал, что он встречал Замятина в парижском посольстве, видимо, в 1930 году. Тот держался корректно.

Рассказывал также о Ленине. Хорошо рассказывал. О Радеке отзывался брезгливо. В конце посоветовал не доверять Шкловскому и Зелинскому: они, мол, её плохо знали. А, Шкловский, например, убегал за границу. Ну, да потом вернулся[50].

Удивительная вещь история. Неразборчивая, слепая, похотливая шлюха.

18 III 60 г.

Совсем забыл: Василенко рассказывал, что однажды он встретил Рейснер у Рихтер. Лариса ругала Маяковского последними словами. Такой, сякой, а главное — бабник. Может быть, между ними вышло что-то вроде ссоры и её самолюбие было уязвлено.

---

[45] Раждзественскі Усевалад Аляксандравіч (1895–1977) — рускі паэт і перакладчык. Закончыў Ленінградскі універсітэт (1925). Аўтар зборнікаў «Вялікая Мядзведзіца» (1926), «Гранітны сад» (1929), «…Зямное сэрца» (1933), «Акно ў сад» (1939), «Ладага» (1945). Перакладаў беларускую паэзію.

[46] Максім Горкі (Пешкаў Аляксей Максімавіч; 1868–1936) — рускі пісьменнік і грамадскі дзеяч.

[47] Асоба не ўстаноўленая.

[48] Палоўнікаў зарана «пахаваў» яго. Раждзественскі пражыў яшчэ 17 гадоў.

[49] «Серапіёнавы браты» (па назве гуртка сяброў з аднайменнага рамана Гофмана) — літаратурная група ў Петраградзе ў 1921–1929 гг. У гурток уваходзілі І. Груздзеў, М. Зошчанка, У. Іванаў, В. Каверын, Л. Лунц, М. Нікіцін, Л. Палонская, М. Сланімскі, М. Ціханаў, К. Федзін. Сумесны зборнік — «Серапіёнавы браты» (1922). Аддавалі ўвагу мастацкаму майстэрству, абвінавачваліся ў фармалізме. Падкрэслівалі сваю апалітычнасць.

[50] Нягледзячы на ўзаемную насцярожанасць, у 1934 г. асноўныя героі нататок сустрэліся пад вокладкай адной кнігі. Як сведчыць Аляксандр Салжаніцын у «Архіпелагу ГУЛАГ», артыкулы да рарытэтнага зборніка «Беламорска-Балтыйскій канал імені Сталіна» напісалі: Максім Горкі, Карнэлій Зялінскі, Віктар Шклоўскі, Вера Інбер, Леў Нікулін.

Лев Никулин не подтверждает версию о влюблённости Рейснер в Маяковского. Он говорит, что перед отъездом в Афганистан встретил Маяковского. Тот спросил:

— Что, уезжаете? С Ларисой?

— Лариса с Раскольниковым, — сказал Никулин.

— Ах, так, — и Маяковский криво усмехнулся.

Никулин говорит, будто он почувствовал в его словах резкую неприязнь к Рейснер. Надо поподробнее узнать у Шкловского.

Я всё чаще и чаще жалею о том, что поздно спохватился и стал записывать различные интересные факты. А надо бы. Год назад я вместе с Олегом Целковым[51] был на даче у Назыма Химкета[52]. Он рассказывал много интересного. Тогда же познакомился со Слуцким. Человек он любопытный, а главное — характерный для нашего времени[53].

Вознесенский, Булат Окуджава и вся братия, которая тогда была в гостинице[54] — всё это могло бы пригодиться. Это жизнь интеллигенции, богемы. В какой-то степени[55].

Сам я штудирую книгу Уэллса «Павлов и Фрейд». Написано элементарно и увлекательно. Интересна книжка Теплова «Очерки о кибернетике». Эшби и Винер для меня средневековые маги — недоступны. «Доктор Фаустус»[56] — книга волнительная, но временами скушно её читать.

<…>

8 VII 62 г. Деревенька Сапожок[57]. Два десятка деревянных, глинянных домишек. Сюда приезжают молодые механизаторы из Белоруссии. Приезжают не от хорошей жизни. Поселяют их в общежитии. В «Сапожке» нет клуба, нет и кино. Живут в комнате

---

51 Найверагодней, Цалкоў Алег Мікалаевіч (нар. 1934) — рускі мастак, прадстаўнік «неафіцыйнага» мастацтва. Вучыўся ў Маскоўскай сярэдняй тэатральнай школе (1949–1953), у Беларускай Акадэміі мастацтваў, адкуль выключаны за «фармалізм». У 1958 г. закончыў Ленінградскі тэатральны інстытут па спецыяльнасці мастак-тэхнолаг сцэны. З 1977 г. — на эміграцыі ў Парыжы. Каронныя вобразы Алега Цалкова — каляровыя маскі-морды з вачыма-шчылінамі. Палоўнікаў мог пазнаёміцца з Цалковым альбо ў Ленінградзе, альбо ў Маскве.

52 Назым Хікмет Ран (сустракаецца і напісанне, як у Палоўнікава, — Хімкет; 1902–1963) — турэцкі паэт. З арыстакратычнай сям'і. У СССР, дзе навучаўся, уступіў у Камуністычную партыю (1922). За зборнік вершаў «Тэлеграма, што паступіла ўначы» (1932) асуджаны турэцкімі ўладамі на 5 гадоў турмы: агулам у турэцкіх турмах правёў 17 гадоў. У 1950 г. праз Чорнае мора ўцёк у Румынію, адтуль — у СССР.

53 Слуцкі Барыс Абрамавіч (1919–1986) — расейскі паэт. Удзельнік вайны. Першы верш надрукаваны ў 1941 г., наступны — у 1953 г.. У артыкуле 1955 г. Ілья Эрэнбург высока ацаніў Слуцкага, з чаго пачалася слава паэта. Антысталінскія вершы Слуцкага «Бог» і «Гаспадар» доўга хадзілі ў спісах. Паэзія Слуцкага, зближаная з жывой гутаркай і прозай, паўплывала на Еўтушэнку, Бродскага і многіх іншых. Да 1959 г. выйшлі паэтычныя зборнікі Слуцкага «Памяць» (1957), «Час» (1959). У 1958 г. Слуцкі далучыўся да цкавання Пастарнака, чаго не мог сабе дараваць.

54 Вазнясенскі Андрэй Андрэевіч (1933–2010) — рускі паэт, класік. Булат Шалвавіч Акуджава (1924–1997) — пісьменнік, знакаміты выканаўца аўтарскіх песняў. К 1960 г. Вазнясенскі выдаў толькі два першыя зборнікі, а Акуджава склаў першыя песні.

55 Фраза «В какой-то степени» прыпісаная збоку алоўкам.

56 Маюцца на ўвазе кнігі: Уэллс Г. К. Павлов и Фрейд. Москва, 1959 (аўтар не фантаст Уэлс, а фізіёлаг); Теплов Л. Очерки о кибернетике. Москва, 1959. «Доктар Фаустус» (1947) — раман Томаса Мана. Норбэрт Вінэр (1894–1964) — матэматык, заснавальнік кібернетыкі. Ягоны твор «Кібернетыка, альбо Кіраванне і сувязь у жывёле і машыне» быў перакладзены на рускую мову ў 1958 г. Адначасова ў Маскве была надрукаваная кніга Вінэра «Кібернетыка і грамадства». Уільям Рос Эшбі (1903–1972) — ангельскі псіхіятр і кібернетык. У 1959 г. на рускай мове надрукаваны ягоны твор «Уводзіны ў кібернетыку».

57 Верагодна, ля Новасібірску, дзе ў той час жыў Палоўнікаў.

впятером. Спят на нарах. Готовить некому, стирать некому. Когда уезжали, политрук училища сказал:

— Поедете на целину, там всё есть. Хорошо будет!

Среди пятерых — парень. У него — дочка. Увёз от жены, поёт неплохо. Часто в командировках бывал. Подолгу иногда. Однажды с полгода не был. Приезжает, жена с хахалем песни поёт. Взял дочку и уехал с этими ребятами.

Живут плохо. Кое-как. Грязно, скучно, тяжело. Не нравится. Хотят после уборки разъехаться.

Я у директора спрашиваю:

— Сколько из приезжих останется после уборки.

— Все, — говорит, — останутся. Им у меня нравится.

— А они говорят, что не останутся.

— Кто это говорит? Это те говорят, которые работать не любят.

Между прочим, они вкалывают день и ночь. Ребята добродушные, весёлые и если злые, то жизнь заставляет. Как сказал мне один:

— Жизнь прикрутит, сразу погаснешь.

Надо бы написать. Попробую для радио.

<…>[58]

Рейснер

VI-68

ЗАЯВКА
на полнометражный документально-хроникальный фильм о
жизни Ларисы Михайловны Рейснер

Ещё до титров, до названия фильма на экране появляется серия фотографий. Это изображение одного и того же человека с момента рождения и до смертного одра.

Лариса Михайловна Рейснер совсем ещё ребёнок.

А на этой фотографии ей 7–8 лет.

А вот ещё одна: Рейснер лет 14–15. Видно, что она обещает быть красавицей.

И в 18 лет она, действительно, становится красавицей, типичной аристократкой, назначение которой кружить головы блистательным офицерам, адвокатам, молодым да и не молодым литераторам, короче говоря, всем мужчинам своего круга.

Но уже по одной фотографии ясно, что барышня слишком самостоятельна и импульсивна, чтобы примириться с обычной, заурядной судьбой. Она из тех, кто сам делает свою судьбу, максимально используя все обстоятельства. И если эти обстоятельства благоприятствуют, такие, как она, становятся героинями. Тем более, у неё есть предшественницы: в литературе — это женщины, воспетые Тургеневым и Чернышевским, в жизни — Софья Ковалевская, Софья Перовская, Вера Засулич[59] и многие другие.

Обстоятельства благоприятствуют: в истории мира случилось неслыханное — Октябрьская революция. Рейснер на её стороне.

Вот она в кожаной куртке комиссара.

---

[58] Дзённік не абрываецца, але далей — асобныя творы Палоўнікава, запісаныя на папяровых аркушах.

[59] Кавалеўская Соф’я Васілеўна (1850–1891) — матэматык, пісьменнік, публіцыст. Першая жанчына — член-карэспандэнт Пецярбургскай АН. Пяроўская Соф’я Львоўна (1854–1881) — руская рэвалюцыянерка, народніца. Арганізатарка забойства Аляксандра II. Павешана. Засуліч Вера Іванаўна (1849–1919) — рэвалюцыянерка, народніца. Пратэстуючы супраць лупцоўкі палітвязня, страляла пецярбургскаму кіраўніку Трэпаву ў ніз жывата. Апраўдана судом прысяжных.

Среди матросов.

Среди солдат.

Вот она на гамбургских баррикадах.

В редакциях газет.

На собраниях и митингах.

И вдруг, словно выстрел из-за угла, Ларису Михайловну подкашивает смерть. Ей тридцать лет, она молода, энергична, талантлива и неотразимо красива. Она много успела сделать, но сколько бы она ещё сделала, если бы не эта трагическая случайность.

Дико, ошеломляюще видеть эту женщину, лежащую в гробу.

Но такова итоговая черта жизни: рождение и смерть. А между ними…

Появляется название фильма:

Поясной портрет Ларисы Михайловны, написанной маслом незадолго до её кончины.

За кадром голоса-воспоминания людей, знающих Ларису Михайловну лично. Говорят мужчины и женщины, говорят разное, сбивчивое, но очень тепло и эмоционально. Наконец, выделяется чей-то один голос и повествование укладывается в намеченное русло. Пошла первая новелла.

Новелла первая:

«На той далёкой, на гражданской»[60]

На экране Виктор Шкловский. Он начинает рассказывать о Рейснер-комиссаре, о Рейснер-солдате:

«Люди старой литературной культуры умели принять февраль и первые дни Октября, но у Ларисы хватило дыхания и веры на путь от Афганистана и Гамбурга».

Слова Шкловского — только зачин очевидца. Дальше на кинохронике и свидетельствах других людей, на документах и фотографиях будет строиться эта новелла.

18 год. Восточный фронт. Лариса Михайловна среди матросов. Она принимает непосредственное участие в боях, ходит в разведку.

Казань, захваченная белыми.

Прикинувшись беженкой, Рейснер пробирается в город, где её арестовывают и только благодаря изумительной находчивости она избегает расстрела. Добытые сведения помогают быстрейшему взятию города.

О храбрости и мужестве женщины-комиссара слагаются легенды. И Всеволод Вишневский[61] делает её прообразом своей героини в «Оптимистической трагедии». Отдельные эпизоды из одноименного фильма также могут быть использованы в этой новелле.

А кончится она гамбургским периодом, гамбургским восстанием, где Рейснер была в самой гуще событий, среди восставших моряков и рабочих. Заключает новеллу воспоминания о Рейснер дочери Эрнста Тельмана[62] Ирмы Тельман, которая помнит Ларису Михайловну ещё по Гамбургу 1923 года.

Вторая новелла:

Отбивкой границы между двумя новеллами будет служить всё тот же поясной портрет Л. М. Рейснер. И как только он появляется, меняется тональность и ритм фильма, снова звучат голоса-воспоминания.

---

[60] Радок з песні Б. Ш. Акуджавы «Сентыментальны марш».

[61] Вішнеўскі Усевалад Віталевіч (1900–1951) — савецкі пісьменнік. Падчас грамадзянскай вайны быў пулямётчыкам, палітычным кіраўніком на флоце. П’еса Вішнеўскага «Аптымістычная трагедыя» (1933) была экранізаваная ў 1963 г., заняўшы першае места ў кінапракаце (46 млн гледачоў за год).

[62] Тэльман Эрнст (1886–1944) — дзеяч міжнароднага працоўнага руху, лідэр нямецкіх камуністаў. Забіты ў Бухенвальдзе па загадзе Гітлера і Гімлера.

Теперь ведущим является рассказ Софьи Ароновны Свировской[63], квартирной соседки Ларисы Михайловны, которая много лет прожила с Рейснер, так сказать, в домашней обстановке и знает её с иной, более повседневной, более интимной стороны, просто, как женщину, не очень счастливую лично, со своими горестями и бедами, когда бы никто и не подумал, что это та самая легендарная Рейснер, в кожанке, ловко перехваченной ремнём, на котором висит отнюдь не игрушечный пистолет.

Тем более интересно разобраться, почему эта женщина, которая легко и по праву могла стать салонно-литературной дамой, больше того, не просто блистательной хозяйкой литературно-артистического салона, но и недурной поэтессой, пишущей, правда, несколько холодноватые, несколько подражательные, но мастерски отточенные стихи, почему эта женщина бросилась, очертя голову в Революцию, став её пламенным трубадуром, её певцом и полпредом.

Вторая новелла — это интроспекция в юность Ларисы Михайловны, в предреволюционные годы, когда формировалась её личность, её характер, её мировоззрение.

Рейснер родилась в Польше первого мая (знаменательная дата) 1895 года. Фотографии покажут её семью: мать, брата, отца профессора-юриста, которого нередко посещали профессиональные революционеры: стареющий Бебель, молодой Карл Либкнехт[64]. В 1910 году их дом навестил Владимир Ильич Ленин.

1913 год. Альманах «ШИПОВНИК». Тоненькая книжица, где напечатана драма юной Рейснер «АТЛАНТИДА». Как и полагается 19 лет, в ней ставятся проблемы мирового значения.

Журнал «РУДИН». Его главный автор 20-летняя Лариса Рейснер. Статьи, очерки, стихи:

…Сегодня, как вчера, озлобленно-усталый
Я отдохнуть пришла в безлюдный Эрмитаж.
И день благословил серебряный и талый,
Покрывший пепельной неясностью порталы,
Как матовым стеклом анатолийских роз.

Однако, время, эпоха вносили свои прозаические коррективы в мироощущение, которое не могло оставаться доморощенно-абстрактным.

Первая мировая война.

Революционные брожения среди рабочих и студентов. Откровенно обречённое положение царского режима.

Политическая борьба большевиков, ясность их программы. Это с одной стороны.

А с другой — искушающая философия Бердяева, теософические изыски Андрея Белого, мистицизм Вячеслава Иванова[65]. Рейснер лихорадочно осмысливает происходящее. И когда свершается Революция, она ясно отдаёт себе отчёт, на чьей она стороне.

---

63 Звесткі пра асобу не адшуканыя.

64 Бебель Аўгуст (1840–1913) — дзеяч нямецкага і міжнароднага рэвалюцыйнага руху. Дэпутат ад працоўных у нямецкі парламент (1867), заснавальнік Нямецкай сацыял-дэмакратычнай партыі (1869). Аўтар кнігі «Жанчына і сацыялізм». Карл Лібкнехт (1871–1919) — дзеяч нямецкага і міжнароднага рэвалюцыйнага руху. Адзін з заснавальнікаў Камуністычнай партыі Нямеччыны. Забіты падчас няўдалай спробы ўсталяваць савецкую ўладу ў Германіі.

65 Бярдзяеў Мікалай Аляксандравіч (1874–1948) — рэлігійны рускі філосаф; у 1922 г. высланы з Расеі. Андрэй Белы, сапраўднае Барыс Мікалаевіч Бугаеў (1880–1934) — рускі паэт, тэарэтык і практык сімвалізму. Вячаслаў Іванавіч Іваноў (1866–1949) — рускі паэт-сімваліст. На пачатку XX ст. Мікалай Бярдзяеў уваходзіў у Рэлігійна-філасофскае таварыства; Андрэй Белы захапляўся акультнай антрапасофіяй Штэйнера (варыянтам тэасофіі), а Вячаслаў Іваноў эксперыментаваў з містыкаю і сэксуальнасцю. (Падрабязней: Эткинд А. М. Содом и Психея (Очерки интеллектуальной истории Серебряного Века). Москва, 1996.)

Новелла третья:

И снова мы видим портрет Рейснер. Видим под другим углом, более сдержанно, сурово.

Первые дни, недели, месяцы после Революции.

Первые декреты, воззвания, призывы.

Брест-Литовский мир. Голод. Разруха. Блокада.

Петроград и Москва — два бастиона Революции, где рождаются не только идеи, но и оружие, батальоны и полки Красной гвардии. Вместе со всеми Рейснер борется за победу пролетариата. Борется оружием и пером, которое в её руках посильнее любого оружия. О литературной работе Л. М. Рейснер может начать рассказ Николай Тихонов[66] или Всеволод Рождественский.

Газетная полоса становится для Рейснер тем плацдармом, откуда она разворачивает наступление против врагов Революции, откуда она призывает на штурм мирового капитала, призывает темпераментно, плакатно, романтически и подчас наивно. Ей кажется (да и не только ей одной!), что до победы революционных масс в мировом масштабе не так уж далеко, что ещё несколько усилий и вся Европа, даже Америка последуют примеру России. Международная обстановка первоначально укрепляет эти надежды: революция в Венгрии, в Германии и т. д.

Но главное заключалось в том, что её революционные призывы и лозунги рождались не в кабинете, она их черпала из людских сердец, она вместе с солдатами прошла тяжёлыми дорогами революционных побед, она была в центре происходящего. Теперь Москва и Петроград посещаются ей редко. Она вместе с Волжской флотилией и солдатами Восточного фронта освобождает сёла и города, она описывает бои и создаёт целую галерею новых героев — героев Революции.

А когда появляется в Москве, то первым делом спешит повидать друзей: Александра Блока, Владимира Маяковского, «серапионовых братьев» и многих других.

Кончается гражданская война и Рейснер едет в Афганистан, помогает устанавливать дружеские отношения с этой страной. Имеется фильм, снятый оператором Намтным, где рассказывается об этой поездке[67]. Рейснер одной из первых среди советских журналистов поднимает тему борьбы против колониального господства. Идеалы коммунизма — её вера! Их осуществление — насущная задача дня! Где бы она ни была, чтобы не видела — результат один: книги! Книги, проникнутые верой в победу мирового пролетариата.

Кто-то сомневается в её искренности, кто-то подозревает её в искусственной экзальтированности, кто-то пускает слух, что Рейснер манерничает и только прикидывается революционерной, а на самом деле её призвание — мёртворождённый снобизм и эстетство. Но Рейснер делает своё дело, не оглядываясь и не прислушиваясь к инсинуациям.

Конечно, её путь не безоблачен и лёгок, ей пришлось от многого отказываться и многое приобретать в мучительных поисках. Она уезжала в Афганистан, когда доживал свои последние суровые дни «военный коммунизм», а вернулась в Москву, когда уже начиналось с одной стороны спасительное, а с другой вызывающе разгульное и ошарашивающее кишение НЭПа. Для Рейснер этот период был и критическим, и оздоровляющим в смысле реального восприятия жизни. Она поняла, что пути революций извилисты и трудны, а подчас и неисповедимы, как пути Господни. Но эти сомнения, однако, ничуть не отразились на темпах её творчества. Словно предчувствуя жуткую краткость отпущенного ей времени, она торопится, спешит осмыслить Октябрьскую

[66] Ціханаў Мікалай Сямёнавіч (1896–1979) — рускі савецкі пісьменнік і грамадскі дзеяч. Аўтар паэмаў «Самі» (пра Леніна; 1920), «Кіраў з намі» (1941).

[67] Звесткі не адшуканыя.

революцию на примере восстания декабристов. Она пишет свою самую зрелую книгу «ДЕКАБРИСТЫ».

1925 год — итоговый рубеж в жизни Ларисы Рейснер. Итоговый во всех смыслах. К этому моменту заканчивается её «эволюция», как личности, она становится вполне зрелым человеком, литератором и коммунистом. И на этом же рубеже обрывается её жизнь, яркая и полнокровная, завидно талантливая и трагически короткая.

Размеры заявки не позволяют полно обрисовать очень многогранный облик этого человека. В её жизни смешались легенда и суровая революционная практика, миф и повседневная работа газетчика. Её красота и талант порождали зависть и восхищение, её внезапная смерть поразила воображение современников, как финал древнегреческой трагедии с её всепобеждающим неумолимым роком.

Лариса Рейснер осталась в памяти знавших её как чудо совершенства, как идеальное сочетание духовной и физической одарённости.

Её жизнь и судьба — это своего рода феномен, трагическая загадка которого будет всегда волновать исследователей.

Снять фильм о Ларисе Михайловне — это значит рассказать не только об удивительно яркой личности, рождённой Революцией, но ещё раз передать уникальную атмосферу той эпохи — эпохи, положившей начало новому летоисчислению.

Предполагается, что в фильме будут использованы материалы киноархивов из Госфильмофонда, в частности, французский фильм «От царя до Ленина»[68], фотографии и документы из архива Л. М. Рейснер, который хранится в государственной публичной библиотеке им. Ленина, в Литературном архиве и в частных руках тех людей, которые так или иначе имеют отношение к судьбе Рейснер.

Разумеется, намеченная структура фильма, как и названия ленты и новелл, её составляющих, условны и могут быть изменены в процессе написания сценария. Но хотелось бы сохранить неизменным принцип ведения повествования в целом, то есть начинают и заканчивают каждую новеллу современники Л. М. Рейснер. Это придаст фильму дополнительную достоверность и убедительность.

Борис ПОЛОВНИКОВ

II. ПРАЦА

Семь лет творения

Впервые я попал в Могилёв зимой, уже подспудно набухшей теплом и от того слякотной и промозглой. [Половина города плавала в тяжёлом простоквашном тумане: где-то с бухты-барахты прорвало теплотрассу и многие дома катастрофически теряли живой дух, в том числе и высотная «модерновая» гостиница «Могилёв», воздвигнутая как знак широкого гостеприимства. Утечку этого духа мы тогда восполнили горячим, душистым чаем со свежей сдобой, который нам предложили как нечто ритуально-повседневное, чем враз и примирили с недоразумением на теплотрассе. Согласитесь, что немного сыщется гостиниц, где в любое время вы можете прямо у себя на этаже, в номере, испить живительного чайку.

Но мы, разумеется, приехали не за тем,] нас интересовал «Лавсанстрой», где генподрядчиком строительный трест № 17. В ЦК ЛКСМБ, в отделе рабочей молодёжи, нам предложили[69]:

[68] Звесткі пра фільм не знойдзеныя.

[69] Канец старонкі.

— Коли вы уж хотите внести поправочные коэфициенты в ваш киносценарий, поезжайте на Всесоюзную комсомольско-молодёжную ударную стройку в Могилёв. Там и люди, и организация труда, и масштабы — всё на уровне третьего, решающего года пятилетки. И обязательно познакомьтесь с бригадой Михаила Краснова[70], ведь ваш фильм о строителях…

Теперь это всё позади. Двухсерийная телевизионная картина «Быть человеком!»[71] отснята, смонтирована и показана по Центральному телевидению. Теперь не нам судить о её достоинствах и недостатках[72]. Но тогда мы вместе с режиссёром Александром Игишевым[73], действительно, внесли много «поправочных коэффициентов»[74] в сценарий. И в этом был «виновен» «Лавсанстрой», в частности, бригадир монтажников Михаил Краснов, с которым, к сожалению, повидаться удалось только мельком. <…>[75]

---

70 Беларускі будаўнік, герой нарыса Барыса Палоўнікава.

71 **«Быть человеком»** («Быць чалавекам»), працоўная назва «Індустрыйная балада» — ігравы двухсерыйны каляровы фільм. (64 мін+66 мін). Выйшаў на экраны 17 снежня 1973 г. Жанр: вытворчы тэлефільм. Фільм зняты па замове Дзяржаўнага камітэта Савета Міністраў СССР па тэлабачанні і радыёвяшчанні. Сцэнар Барыса Палоўнікава паводле аповесці Г. Немчанкі «Вітаю, Галачкін!» (1966). Рэжысёр: Аляксандр Ігішаў. Аператар: В. Нікалаеў, мастак: В. Кубараў, кампазітар: Л. Молер, гукаапературатар: В. Усціменка; другі рэжысёр: А. Лейзенберг, мантаж: Вера Калядзенка; рэдактар: Яўген Росцікаў, дырэктар: І. Лявоненка. Ролі выконваюць: Н. Сектыменка, Б. Уладамірскі, Ю. Каморны, Н. Зоткіна, Н. Санько, Л. Румянцава, А. Луцэвіч, К. Верамейчык і інш. (Все белорусские фильмы: Каталог-справочник. Т. 2. Игровое кино (1971–1983). Минск: Беларуская навука, 2000. С. 54).

72 «Тое, што было натуральным і лагічным у кнізе, у тэлефільме прывяло да штучнасці многіх сітуацый, іх сфальшаванасці. І не выратоўваюць ні *"вытворчыя пейзажы"*, ні модныя гальштукі, ні сучасныя песні»; «Чаму персанажы (язык не паварочваецца назваць іх *"героямі"*) у фільме не размаўляюць, не гутараць (не будзем пакуль гаварыць пра змест іхніх гутарак), а… дэкламуюць… дэкламуюць… утрыруюць… педалююць, адным словам — выступаюць!» — пісалі крытыкі ў 1974 г. (Все белорусские фильмы: Каталог-справочник. Т. 2. Игровое кино (1971–1983). Минск: Беларуская навука, 2000. С. 55.)

73 Ігішаў Аляксандр Сяргеевіч (нар. 1940, Магадан) — рэжысёр. Закончыў рэжысёрскі факультэт ВГИКа (1964, майстроўня Міхаіла Рома). Аўтар фільмаў «Збіральнік аблокаў» (1963), «У мяне ўсё добра» (1978), «Я — Хортыца». На «Беларусьфільме» працаваў у 1971–1974 гг.

74 Палоўнікаў спрабаваў ажывіць для экрана безнадзейна састарэлую нават для 1970-х гг. аповесць Немчанкі. «Першы крок назад, — адзначае крытыка галоўную няўдачу карціны, — аўтары зрабілі тады, калі звярнуліся да аповесці, што выйшла ў свет у 1966 годзе… пакінуўшы без зменаў канфліктныя сітуацыі тых часоў» (паводле: Все белорусские фильмы: Каталог-справочник. Т. 2. Игровое кино (1971–1983). Минск: Беларуская навука, 2000. С. 54).

75 Гэты нарыс (у архіве — недавершаны) мае яшчэ 4,5 старонкі друкаванага тэксту на вытворча-будаўнічую тэму. На асобных аркушах — чатыры першыя старонкі нарыса, запісаныя ад рукі. Сярод іх ёсць такія радкі: «А начиналось так. Семь лет назад, на окраине Могилёва, видавшего и перевидавшего всякое (повторяю: город древний, как история России, здесь где-то среди полустёршихся от человеческих ног холмов захоронен легендарный Машека, крестьянский сын, поднявший смердов на самого князя Святославича и нашедший много веков спустя свою истинную славу в стихах Янки Купалы), — так вот, семь лет назад на окраине Могилёва развернулось гигантское, по масштабам города строительство: Комбинат синтетического волокна…».

III. ЖЫЦЦЁ

Стихи, написанные в апреле 1965 года.

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Я приспособился.
Я — сник.
Я оккупирован послушностью.
О, жизнь — непобедимый Сфинкс!
Я — пас перед твоею сущностью.
Я подданный твоих садов.
Эгоцентрист, тобой развенчанный.
Я начинал, как все, с азов —
познанье начиналось с женщины.
Она лежала, как земля
лилово-белая от зноя.
Она дышала, как зима,
уже объятая весною.
Она струилась и текла,
как Млечный путь — дугообразно.
И безразлично — как века.
Она была, увы, прекрасна.
И я воробыш, муравей,
проживший жизнь свою нехитро,
защёлкал, словно соловей,
сперва пронзительно и хрипло.
Потом, подумав, что люблю,
и наплевав на кавалерство,
я стал подобен королю
счастливому — без королевства.
Я знал, что женщина глупа.
Я знал про это убеждённо.
Она мерцала, как луна.
Бесстрастно.
Тихо.
Обнажённо.
Ах, жалкий умник!
Как я сник,
став воплощением послушности.
О, жизнь — непобедимый Сфинкс,
Непознаваемая в сущности!

ТРАМВАЙНЫЙ ТРИПТИХ

1

Трамвай похож на таракана:
он нервно лапками сучит,
он умирает.
В полнакала
электросердце в нём стучит.

Ах, сердце — кровяная сумка!
Я помню, как в глухой ночи
от ожидаемого стука
ты разрывалось на клочки.
И растекалась кровь ручьями.
О, если б это были сны!
А массы лозунги кричали
О наступлении Весны!
Да сгинет мрак!
Да будет царство
трудолюбивых медных лбов!
И стало.
Вот и распрекрасно.
И к чёрту к ближнему любовь!

2

Трамвай затих, как алкоголик,
упавший в спелую траву.
А я сижу, как на иголках,
не ведая, куда плыву.
Куда несёт нас ветер эры[76],
аэросани злой судьбы.
О, эти новые химеры —
семирамидины сады!
Где каждый нищий станет принцем
и феодалом — муравей,
а идеалом тощий принцип,
пока не лопнешь, ешь и пей!
Пока не вздрогнешь, как от грома.
И блудным сыном до зари
уйдёшь неслышно из-под крова
родной и проклятой Земли!

3

Трамвая нет.
А есть движенье,
желание проникнуть в суть
цветка и солнца сопряженье,
устроив над Природой суд.
Но что ей суд и приговоры
всех трибунальных мудрецов!
Мы только дилетанты — воры
её распахнутых дворцов.
И задыхаясь пылью млечной,
перерождаясь в чернозём,
мы только мягкий наконечник
стрелы, что Временем зовём.
И от рожденья до рожденья
лишь возрождение азов.

---

[76] У паэме Палоўнікава «Рычаг Архімеда» такія самыя радкі, але з іншым фіналам.

Трамвая нет.
А есть движенье!
Крутись Природы колесо!

ГИМН НАУКАМ
(Шутка)[77]

Три гиганта, три урода
гибли в сложностях теорий.
Тридцать три длиннющих года
ремонтировали море.
Море возражало мирно:
не валяйте дурака.
Морю подложили мину,
превратили в облака.
Облака, томясь от скуки,
падали в разливы рек.
Три гиганта от науки
напрягают интеллект.
Вы, гиганты, не робейте.
Ваш союз непобедим.
Сок томатный чаще пейте!
Жуйте чаще витамин.
Конструируйте ловушки
для мифических врагов.
Ба-ба-бахайте из пушки
в безоружных воробьёв.
Ваш священный труд упорен.
Но нельзя ли хоть пока,
чтобы море было морем,
облаками — облака.
Что науки потеряют,
если снами будут сны?
Три гиганта приступают
к интеграции Весны!

ИФИГЕНИЯ[78]

Коли ножом её, палач!
Терзай, ублюдок её тело!
Не надо, девочка, не плачь.
Ещё одно святое дело
свершится нынче над тобой:
тебя прирежут, как овечку.
Потом зажгут за упокой
грошовую, как спичка, свечку,
начнут молитвы бормотать
о будущем — оно прекрасно!

[77] Падзагаловак дапісаны алоўкам.

[78] Алоўкам перад вершам пастаўлена галачка.

О бормачи, вам вековать!
О мир всеобщего маразма,
империй, партий, бардаков.
Всё нынче в наилучшем виде.
О мир счастливых дураков,
убивших девочку в Авлиде!

ПЕСНЯ

У женщины медные волосы
струятся по грустным плечам.
Какие мне мудрые глупости
она говорит по ночам!
И я зачарованно слушаю,
от всех прегрешений далёк.
Хотел бы я женщину лучшую,
да лучшей не выдумал бог.
Рассвет наступает замедленно,
как трудно рождаемый стих.
И плавятся волосы медные
в горячих ладонях моих.
Прости мне, что жил я так карточно,
легко — от двери до двери.
Двоих на Планету достаточно:
я слушаю — ты говори.
На сонные синие простыни
рассветные тени легли.
Бесценные женские глупости —
ночная улыбка Земли!

ОДИНОЧЕСТВО

Оно приходит по ночам
и намертво сжимает горло.
В руках ночного палача
я приговора жду покорно.
Судьбу свою не обойдёшь.
Я это знаю не по книгам.
Эй, сукин сын, куда гребёшь?
Ты раб галерный.
И не пикай!
Ведь ты прикован, как и все.
Нет, это притча не из мифа.
Как все на проклятой Земле,
тащи свой камень,
сын Сизифа!
За фунт дешёвой требухи
не продаётся первородство.
За чьи бездарные грехи
нам головой платить придётся!

Какие лозунги ещё
с очередным придут пророком?
Какой нечаянный просчёт
последним явится уроком?
О как мучительно молчать
и приговора ждать покорно…
Так приходи же по ночам
и намертво сжимай мне горло,
Одиночество!

РЫЧАГ АРХИМЕДА[79]

Поэма

Прелюдия

У моря есть свои законы.
Они прозрачны, как хрусталь.
Но если в догмы ты закован,
законов скованы уста.
Противоречить им не вздумай:
им так служители нужны.
Они текучи, как самумы,
и, как сумнамбулы, сложны.
Открой их скрытое строенье,
мой Фауст — рыжий Архимед,
чтоб повышалось настроенье
пищеварительных бесед.
Чтоб разножалось населенье
и царствовало во веках
над всей Вселенной, на селе
и
в индустриальных городах.
Чтоб в каждом доме помидором
росла и крепла детвора!
Чтоб в каждом доме
дружным хором
кричали б:
Эврика! —
с утра.
Мой благородный сиракузец,
я вижу боль в твоих очах.
Давай начнём с тех самых кузниц,
где ты выковывал Рычаг,
где ты вынянчивал Идеи
и бородою обрастал,
считая, что на самом деле
Природа вобщем-то проста.
Проста, как дважды два четыре.
И ничего-то проще нет.

[79] Пазнака алоўкам на палях: «Не надо».

…До нашей эры в нашем мире
Родился мальчик Архимед.
Дитя нашли на солнцепёке.
Ребёнок был почти рахит
и с виду очень одинокий,
он только небом был прикрыт.
Не радуясь такой находке,
его унёс домой старик.
Из рахитичной детской глотки,
как шнур, разматывался крик.
Подкидыш, мокрый лягушонок,
Химера среди бела дня!
О, если бы уже с пелёнок
нам Гений объявлял себя!
Какое было бы удобство
для всех догматиков земных
делить по праву первородства
на полноценных и иных
сперматозоиды, гаметы
и так удачно сочетать,
чтоб получались Архимеды,
которых и не сосчитать!
Но, к сожаленью, населенье
нам не даёт таких примет,
поскольку есть Приспособленье,
в котором гибнет Архимед.

Глава,

в которой стихотворной речью
рассказывается о теле, погружённом
в H_2O

Над Средиземным морем — жарко.
Сицилия — как бы яйцо —
Дождь Солнца втягивает жадно
сухим и праведным лицом.
Сицилия — почти что Сцилла.
Измаяно мычат волы.
Встаёт вопрос:
какая Сила
толкает тело из воды?
Вопрос мучителен, как язва.
Решать до греческих календ.
И Архимеду стало ясно:
необходим Эксперимент!
Расправив бороду, как парус,
неугомонный, как прибой,
он только с мужеством на пару
с Природою вступает в бой!
О, Мужество —

слепая лошадь!
Валяй в аллюр!
И о ла-ла!
Но только ниспошли мне, Боже,
не расколоть случайно лба!
Нечаянно не очутиться
среди пронырливых подлиз.
И понимать не разучиться
Вещей первоначальный смысл.
Прекрасна праведность стремлений:
и Правды зыбкий Идеал
больших и малых населений
во все аллюры нас кидал.
Ах, Идеал — модальность Мира,
мобильность миллионных масс
и механическая мера
бюджетности партийных касс.
Как нарывались мы на драку,
устраивая тарарам.
На гильотину и на плаху,
по тюрьмам и концлагерям
кидали нас.
Кидайте дальше,
туда,
откуда нет вестей!
Мы не приемлем вашей фальши,
Иезуиты всех мастей,
в сутане,
в кителе,
во фраке,
единственный нам выбор дан:
на веки вечные мы в драке
за Идеал!
И Мужества слепая лошадь
наверняка
Герою моему поможет
умножить силу Рычага.
Однако предварять без цели
развязку вряд ли стоит,
но
поговорим ещё о теле,
что в H_2O погружено.

Попытка первая

Афродита — морская пена.
Но вот — Елена!
Не женщина, а знак Измены.
Её прекрасной нарекут
и волоокой.

У Елены,
как волны, волосы текут.
Глаза мерцают, как кораллы,
струятся руки, словно дождь,
а бёдра — мрамор из Карарры…
Роскошная у Зевса дочь!
Когда она в начале Мая
придёт на суд в троянский храм,
то встанут старцы, понимая,
что им она не по зубам.
И про себя почтут за счастье,
что лицезреть её смогли
как воплощение Зачатья
и вдохновение Земли!
Всё так.
Но я считаю лично
и вас прошу в виду иметь,
что все Елены — для обычных,
а для Великих — это смерть!
Одно, когда Елене предан
Парис, похожий на омлет…
Ну, а Елена с Архимедом?
Что б делал с нею Архимед?
Да только дай он сдуру маху,
он — гениальный, как дельфин,
лежал бы ржавым батискафом
на дне её глухих глубин!
Страшнее не было б убытка
для покорения высот!
И значит — первая Попытка
ни в счёт!

Попытка вторая.

Толчок. Разбег. Ещё толчок.
И тело весу неподсудно.
Как время медленно течёт!
О, как медлительна секунда!
Какая тягость — высота.
Какая гадость — малодушье.
Летает в сумерках Сова,
как раструб, растопыря уши.
Пари, Сова, как мир стара,
над ерундою графоманий.
Ты — Архимедова сестра
и часовой его страданий!
Садись устало на плечо,
вам столько вынести придётся!
Уж ты-то знаешь,
что почём

и что вообще не продаётся.
…Спят Сиракузы.
Море спит.
А лунный свет, как снег, — он тает.
Лишь Архимед один не спит,
он свой Рычаг изобретает.
У каждого есть свой Рычаг
и неизбежность назначенья.
Судьба одних — рубить с плеча,
других — на спинке по теченью.
А третьих — жить не сволочась,
не прятаться под юбкой в бурю,
и если выпадет твой час,
принять в лицо его, как пулю.
Спят Сиракузы.
Как гантели,
у Архимеда голова.
Итак,
нас приближает к цели
Попытка два.

Попытка третья.

Полмира — это Рим.
И Рим рождал рыданья.
Учёный — пилигрим!
Его Держава —
Знанья!
Его седло —
Закон!
Его узда —
Природа.
Космополитом он
живёт среди народа.
Его удел — дела.
Его судьба — вопросы:
как движутся тела,
чтоб двигались матросы
от острова на материк
и — неприкосновенно!
Учёный — это крик
немой, как ночь Вселенной.
Он знает, что и как,
и знает, что не знает.
Учёный, как маяк,
один в ночи пылает!
Пылает на кострах
и бредит заграницей.
Его терзает Страх
пред ликом Инквизиций.

Он смертен, как и все:
как слон,
как вошь,
как тля!
Но Мужество его
бессмертно!
И Земля
по кругу своему
летает голуба
благодаря ему!
Благодарю тебя,
мой рыжий Архимед,
Коперник древний мой,
презревший всех Химер.
Вступив в неравный бой
с Природою
и покоряя
стихию H_2O,
ты доказал, что ешь не зря
свой хлеб
и молоко
пьёшь,
набираясь сил.
Тебя прирежет ночью нож,
мой Архимед,
мой сын,
мой прадед,
тень моя,
болезнь!
И жизнь, как клоп, любя,
я знаю, как бывает лень
казнить самих себя!
Судьба моя — как стон весла,
как сны, которым несть числа.
Не лучше ли казнить козла
Как воплощенье Зла!
И знак Проклятья надо всем
в тот самый миг возник,
когда решили:
глупо всем
самих себя казнить!
Одни уходят в алкаши,
другие — в передовики,
чтоб жрать свинные гуляши
и мять пуховики.
Одни глухи, как ни кричи.
Другие — с ликом Будды —
энтузиасты-стукачи,
идейные Иуды,

с утра орущие ура
легионерам Рима.
Ликуй, лягавая мура!
Зверей, саркома мира!
Предательство — твой вечный риск.
И в трусости — победа.
…Ревёт остервенело твист
над трупом Архимеда!

Глава,

в которой Архимеда убивают
и одновременно поют Осанну!

Его убили рано-рано,
когда роса ещё студёна.
Его убили, как барана…
По-изуверски!
Убеждённо!
Его убили из-за веры,
наняв немого палача.
Его убили изуверы,
моральный кодекс бормоча.
Нас постоянно убивают.
И как красиво, постепенно
на крест гвоздями прибивают…
Зато потом на постаменты!
И как бывало — не в отрепьях
стоим —
прирученные боги —
и дышим ладаном бессмертья
мы —
смертники своей эпохи!
Талантливые отщепенцы!
Их тьма не только на Руси.
Нас убивают постепенно,
чтобы из мёртвых воскресить.
Чтоб, опорочив, возвеличить,
казнив — помиловать гуртом
и потчевать красивой притчей
о Справедливости!
О том,
что никакого нет рассчёта
расстреливать и —
к богу в рай!
Что лишь умельцы Хозрасчёта
действительный построят Рай!
Они такой закон откроют.
Ну, а попроще говоря,
они удвоят и утроят
и вобщем Чудо сотворят!

Они такие алгоритмы
уже придумают, что бес-
помощными станут рифмы
средь этих праведных чудес!
…Куда несёт нас ветер Эры?
Аэросани злой судьбы?
О, эти новые Химеры —
Семирамидины сады!
Где каждый нищий станет принцем
и феодалом — муравей!
А Идеалом — тощий принцип,
пока не лопнешь,
ешь и пей!
Пока не вздрогнешь,
как от грома!
И блудным сыном до зари
уйдёшь неслышно из-под крова
родной и попранной Земли,
как Лот, не чая обернуться
на проклятое Богом,
но
пора, пожалуй, нам вернуться
к Судьбе Героя моего.

Отступление за нашу Эру.

До нас —
Донос?
До нас —
дубравы?
И пел пастушеский кларнет?
Какие времена и нравы
до нас?
Неужто Архимед
был первый
с помощью цифирьки
перевернувший шар земной,
чтоб он носился,
словно в цирке
гимнасты, —
книзу головой?
Чтоб он рыдал и улюлюкал,
и преждевременно седел,
и, вдруг опомнившись, аукал,
надеялся, и молодел,
и снова б мчался на орбите,
забыв про зависть и про месть,
уверовав, что есть арбитр
мудрей и праведней, чем меч!
Добрей и правильней, и лучше
всех ожиданий и надежд!

…Чем дальше в лес, —
темней и гуще!
И только звательный падеж
нам остаётся, как спасенье,
как воскресенье и полёт.
Как он звучит на сонной Сене!
А на Гудзоне как поёт-
ся?
Хуже ли? Тоскливей?
[Но нам придётся подождать[80],
чтоб грянул гром!
Пронёсся ливень!
И проза вышла бы гулять
из лагерей
да вдруг по школам,
хотя бы тихо, ну ушко.
Каким бы это было шоком!
Увы, то время не пришло!] <…>

<27 I 63 года>[81]

ЛОШАДИ, КАК И ЛЮДИ

Они грустят и тоскуют.
Лошади, как и люди,
умеют нежно любить.
В их лошадином черепе,
слегка похожем на лодку,
низкие и высокие
желания могут быть.
Лошади изъясняются
на взрывчатом диалекте.
Их речь, как гроза, проносится,
земли из конца — в конец.
Если кобыла вскрикнет —
ей на другом континенте

---

[80] Апошнія радкі перакрэсленыя. Паэма недапісаная.

[81] Наступныя два вершы — пра канёў і зайцаў — узятыя з «рэйснэраўскага» сшытку. Па настроі і тэме блізкія да «Рычага Архімеда». Вершам папярэднічаў наступны запіс:

«Через пару часов.

Водка пошла хорошо. То есть на голове никак не отразилась, хотя водка — дрянь порядочная, болотнинская в особенности.

Сейчас, прервавшись на минуту, ходил *"звёзды считать"*. На дворе мороз, воздух звенит, и провода тревожно гудят, и звёзды моргают испуганно, словно набедокурили. А в стороне, на ледяных горках зычные баса мужиков:

— Мать твою за руку!

И нервный женский визг:

— Ой, упаду!

— Падай, падай, падла! Этого мне и надо!

Странно чувствует сябе живой человек да ещё выпивший в такой ситуации. А русский интеллигент, беспомощный и нервный, спрашивает: что есть смысл жизни?

Пока пил, прихлёбывал, жевал корочку засохшей сдобы, подсочинил стишки:».

юный, как Май, Ромео
взрывчато откликается,
готовый на всё жеребец!
Он презирает условности,
ему плевать на границы!
Остановите — он бросится
грудью пахать океан.
Нет! Вы уже опоздали.
Он, раздувая ноздри,
захлёбывается…
И этим он отличается
от нас, двуногих землян!
Всё кончено.
Пляшут дельфины
бессмысленный дикий танец,
осатанелый танец…
Смерти его посвятив.
Лошади, как и люди.
Когда погибает любимый —
невесть откуда рождается
Джульетты страстный мотив!
Кончается всё трагедией.
Люди привыкли к этому.
Людям упрямо кажется,
что мир им таким и дан.
А лошади, лошади бедные
Не понимают этого:
и тонут, и ржут, и тоскуют,
что их разделил океан![82]

18 II 63 г.

* * *

Раз-два-три-четыре-пять.
Вздумал заяц поплясать.
Несмотря на явный риск,
полюбился зайцу твист.
Ну, не твист, так рок-энд-ролл.
Дело, видимо, не в том.
Жалко зайца от души.
Он забыл, что есть ежи.
У ежей иголки — бритвы[83].
Им они всего нужней.
У ежей иголки — бивни.

---

[82] Зацемка пасля верша: «Кстати, трагедия Ромео и Джульетты страстно современна. Стоит написать на знакомом материале нечто подобное. Девушка Лаура и юноша Иван! Наивно, но так может быть!». Далей ідзе верш пра зайцаў і вожыкаў.

[83] Самога Палоўнікава почасту называлі калючым. Вера Калядзенка гаварыла пра яго: «Аблічча, быццам ваўчынае, а ўнутры такі зайчык».

Нету страха у ежей.
Ходят по лесу ежи,
как турецкие паши,
на боку кривые сабли.
Тише, заяц, не дыши!
Ходят по лесу ежи,
учиняют грабежи.
Зайца вешают за ножки.
Ну-ка, милый, попляши!
Время — мутная река.
Где ты, радуга-дуга?
Вниз башкой танцует заинька.
Тихо тянутся века.

Август 1965 года.

* * *

Как мамонт раненый трубя,
проламываюсь сквозь себя!
Сквозь вещи цепкие!
Сквозь век,
нагромоздивший столько чучел!
Судьба моя, как велотрек —
для невезучих!
Я белкой меченой мечусь
и пью без меры.
Я лучше верить научусь
во все Химеры!
Вот ты, отпетый идиот,
уже с пелёнок
тот самый честный Дон-Кихот?
Я — дон-Подонок!
Я — дон-Ублюдок!
Конформист!
Да будь я проклят троекратно!
XX век!
Остановись!
Верни мне мужество обратно!
Я не могу спихнуть с себя
эпохи бремя…
Как мамонт раненый трубя,
проламываюсь сквозь время!

Сентябрь 1966 г.

БЕШЕНАЯ!

Какая же ты бешеная!
Убегаешь плача от судьбы крутой.

Оглянись, любимая,
на меня повешенного,
на меня распятого
самим собой!
Чёрт меня подначил
видеть всё навыворот,
как-то сикось-накось,
не наоборот.
Подожди, голубчик,
тебя ещё вывернут,
чтобы жил без вывихов,
обормот!
Но удастся если,
если не устану
и не ожирею, ближних возлюбя,
я ещё воскресну,
я ещё восстану
и по праву сильного
прощу тебя!

Сентябрь 1966 г.

* * *

Моя судьба — как лента телетайпа:
не ведаю, куда меня несёт.
Вся жизнь моя — как нервы телепата,
как скальпель лазера,
как бабочкин полёт,
исполненный особого значенья:
живой и мёртвой, только бы к луне!
Вся жизнь моя — одно приготовленье:
сгореть в одном-единственном огне.
Я падаю в костёр самоссоженья,
чтобы себя бояться перестать,
чтоб строчкой,
сыном,
облака движеньем,
как Фениксу, —
из пламени восстать!

Август 1964 г.

ПЕСНЯ

Моя натура исковеркана,
в мозгах полощется туман.
И я опять,
опять, наверное,
устрою нынче драбадан!

Пусть из милиции телега,
судьба моя — как велотрек!
Зато приятель и коллега
великий гном — Тулуз-Лотрек[84]!
Зато я снова на Монмартре,
где отродясь я не бывал.
Зато я снова, будто к матери,
к ногам монмартровским припал.
Зато невеста — Мона Лиза,
а я — шальной XX век!
И не стукач!
И не подлиза!
А просто странный человек.
И потому — всю жизнь измаянно.
И потому же — пуст карман.
И тихо-тихо, неприкаянно
В мозгах полощется туман!

22.IX.67 г.

* * *

Ночь, как скрипка в футляре,
спит, смычок уроня.
А у нас трали-вали
и перезвон, и возня.
И охрипшая плёнка
уж ни взад, ни вперёд.
И кирнувшая Ленка,
словно плачет, поёт.
Словно смертно тоскуя,
рвётся крик из груди:
«Вот умру я, умру я!»
Не умрёшь, не дури!
Ну, поплачь для порядка,
небольшой это риск.
А ты, мать, психопатка!
Дайте Леночке твист!
Да не лезь ты в бутылку!
Поболит и пройдёт.
«На мою на могилку
уж никто не придёт!»
Плачет Ленка взаправду
всё сильней и сильней.
Бей их всех за браваду.
за бездарность их бей!

---

[84] Тулуз Латрэк, Анры дэ (1864–1901) — французскі мастак, постімпрэсіяніст. З арыстакратычнай сям'і. У дзяцінстве зламаў абедзве нагі, прысвяціў сябе жывапісу. З 1884 г. — на Манмартры, дзе пражыў да канца сваіх дзён. Маляваў танцаўшчыц, цыркачоў, спявачак, прастытутак. Меў слабое здароўе, а багемнае жыццё канчаткова падарвала яго.

За безумство безделья
будь возмездьем прямым!
Устыди их веселье
чистым плачем своим!
Но, как видно некстати,
загорелся сыр-бор:
сновно шумно «на хате»,
и идёт уговор.
И опять, как в начале,
и трезвон, и возня…
Ночь, как скрипка в футляре,
спит, смычок уроня!

<…>

1966 год.

* * *

Бездарен?
Увы, талантлив!
Как спичка в сырую полночь!
Как ливень в песках Аравии!
Как мост через океан!
О если бы я был бездарен.

24 IX 67 г.

* * *

Всё мечтаем.
И сходим с ума.
Неспроста происходит всё это.
Нас врасплох застигает зима
посреди разноцветного лета.
Посреди говорливых дождей
нас молчанье стеной застигает.
Посреди разноликих людей
мы к себе и в себя убегаем.
И тогда не страшна нам сума,
и чумы не страшны нам примета.
Всё мечтаем!
Пусть сводит с ума
нас мечтанье напрасное это!

25 IX 67 г.

* * *

Мы всё размотали и бросили,
а время бесшумно бежит.
Дешёвое золото осени

у нас под ногами шуршит.
А мы всё уходим на Запад,
как в Мекку уходим и — вот:
нам снятся какие-то запахи,
и кто-то обратно зовёт.
И нам никуда уж не деться,
хоть разум молчит и молчит.
И мы постигаем:
что детство
над нами тревожно стоит.
Стоит одинокая мама,
а в печке лишь призрак огня.
А мы всё мечтаем упрямо,
жалея, ругая, кляня!
Какие там к чёрту соблазны!
Какая там Мекка,
когда
одни беспросветные слёзы!..
Я — с вами!
Я — вами всегда!
Мы всё размотав,
вас не бросили.
Простите меня, дурака.
Дешёвое золото осени!
Да бог с ним!
Мы живы пока!

6 X 67 г.

ИГРЫ ОСЕНИ
Триптих

О, игры осени!
Вначале вы тихи,
как песни матери
в вечерний час вязанья,
как все неизречённые стихи,
живущие в глубинах подсознанья,
чей скрытый смысл
не осквернят уста,
и от хулы не потускнеют грани…
О воздух осени!
Хрусталeн твой состав!
А лик — рябинов,
словно фрески в храме.
Застенчивы причуды сентября.
Ещё беды не постигают листья,
Ещё горит надеждою заря…
Начало осени —
Безмерность бескорыстья!

II

Но в октябре
иных примет чреда
нам объявляет о своём наличьи:
простуженнее птичьи голоса,
медлительней и звонче вечера
и по утрам — крупа,
а не роса…
И на обед всё чаще суп из дичи.
О, истребленье глупых косачей!
На белом — чёрное!
Как будто гроздья гнева!
Как будто знаки ада, а не неба!
На деле же
они жнецы посева —
он в октябре
по-существу ничей.
И ничего хорошего не жди!
Лишь по ночам
слышнее запах снега,
стеклянней воздух
и мутней дожди
и явственнее признаки нужды:
ноябрь
уж рвётся
в новые вожди…
О, игры осени!
Вы таковы от века.

(III)[85]

И вот уже
вокруг белым-бело
от сброшенных десантных парашютов.
И ноябрю вдруг стало не до шуток:
как дьявола
сюда их принесло!
Он думает,
упершись в небо лбом:
О, ужас хаоса!
О, правота порядка!
Бессмертья нет.
А жизнь слишком кротка,
Жестока и —
бессмысленна[86] при том.
Да разве мудрено сойти с ума
лишь потому,
что был во всём доверчив…

85 Нумарацыя перакрэсленая. Каб захаваць структуру трыптыха, нумарацыя адноўленая.

86 У Палоўнікава апіска: «бессмысленно».

О, смысл осени!
Ты, как и всё, изменчивю
По улицам уж шастает зима!

14 X 67 г.

* * *

[Не копайтесь, умоляю, в прошлом![87]
Или хоть немножко погодя…
…На своих трудящихся подошвах
бегают автобусы, пыхтя.
Носятся трамваи,
спотыкаясь
на развилках трёх моих дорог.
…Не пытайтесь!
Вам я не покаюсь.
Знаю:
что не смог,
не уберёг,
растранжирил!
Заплутался в соснах.
Кажется, их было больше трёх…
…Ну, а может, заблудился в вёснах?!
Нет и нет!
Виною только трёп!
Треньканье!
Трезвон и пустомельство.
Трели новоявленных сирен.
…А теперь
Я — как отец семейства —
в женский день
преподношу сирень,
как автобус, город весь избегав,
про развилку трёх дорог забыв…
Кто я в мире?
Альфа и Омега всех тревог?
Иль пошленький мотив
суеты?
Да не копайтесь в прошлом!
Может — комплекс!
Может — даже два!
Может я,
как мой отец под Оршей, —
чернозём, ромашки да трава!
Только мне не приходилось падать
головой на Запад —
пятки врозь!
Только б мне не умереть, как падаль,
заплутать вконец не довелось…]

[87] Верш закрэслены, але асадкай іншага колеру.

* * *

А. Плитченко[88]

Сто ангелов летели над землёй,
не прилагая к этому усилий,
и, угощаясь свежей пастилой,
невинно любовались небом синим,
которое расплёскивало день
и всё щедрее поддавало жару,
и лишь один, по виду прохиндей.
нахлёстывал из горлышка водяру,
усугубляя прошлые грехи,
но как-то ухитряясь ненароком,
напившись в лоск, насвистывать стихи
и оставаться всё-таки пророком,
и грустно чувствовать,
что бог по сути слеп
и ко всему на свете равнодушен
и этот день ему совсем не нужен,
как и густой, но эфемерный след,
прочерченный по небу самолётом,
где ангелы по-ангельски чисты
доверчиво следили за полётом,
не ведая, что сочтены часы
их нудного и пошлого бессмертья,
что вот сейчас свершится торжество,
обычное средь нашего столетья,
во славу грозной слепоты его.
И сознавая безысходность эту
и бросив пить,
пророк и прохиндей
стал сочинять последнюю поэму
про доброту и праведность людей.

<ПАЛКОЎНІК>[89]

<…> Посапывает полковник, растопыря ноздри. Чудятся полководцу горящие города Европы. А за спиной развороченная страна — Россия, раскуроченный дом… Рыдает Ярославна на городской стене, исцарапав ногтями щёки.

Из какого Дона жаждет испить водицы её возлюбленный? Ох, не до жиру! Припасть бы только к прелой, высыхающей луже: зачерпнуть выжженной каской застойной влаги и пить, пить, пить, всё равно как целовать женщину, с которой впервые встретился и хочешь остаться с ней навсегда, но знаешь, что этому не бывать.

[88] Верш, верагодна, прысвечаны новасібірскаму паэту Аляксандру Плітчанку. Плітчанка Аляксандр Іванавіч (1943–1997) — нарадзіўся ў сяле Чумакова Куйбышаўскага раёна Новасібірскай вобласці. Закончыў Літаратурны інстытут імя Горкага (1982). Аўтар кніг «Буслы адлятаюць за шчасцем», «Аблокі, дрэвы, травы», «Чатыры белыя кані», «Словы раслінаў», «Бацькоўскі сад». Перакладчык алтайскага эпасу. Рэцэнзаваў кнігу вершаў Галіны Шпак «Кераміка». У 1998 г. заснаваная паэтычная прэмія імя Аляксандра Плітчанкі.

[89] Урывак з двух старонак пад нумарамі 3 і 4 не мае пачатку і завяршэння. Назва дадзеная ўмоўна. Прыводзіцца невялікі кавалак з 4-ай старонкі.

Трамбуют дорогу усталые сапоги. Вперёд! Вперёд! Раз-два-три! Как младенцы, лежат на груди автоматы. Позвякивают лопаты — универсальный инструмент: убьют — закопают, не убьют — самому копать придётся[90].

Ноют натруженные пятки. Нет, не будет им ни вечной славы, ни вечного покоя!

Снятся полковнику стремительные марши. Вперёд!! Вперёд!! Шагает по сожжённой, дымящейся Европе, подбадривает себя песенкой насчёт Катюши, радуется, что теперь-то уж всё пойдёт распрекрасно, и не подозревает и не хочет знать, что он из всех, из всех самый усталый[91], самый измотанный, [досыта] нахлебавшийся. А за спиной развороченная страна — Россия, раскуроченный дом. Рыдает Ярославна на городской стене: не она ли ему говорила: ох, не до жиру!

Посапывает полковник! Вылазь, Витька, пока посапывает: увидит — уши надерёт. Витька смеётся: не маленький! Смеётся[92] небрежно, задиристо, бессмысленно: не маленький! И ясно, чёрт побери, что он самый что ни на есть ребёнок. Ребёнок с высшим образованием.<…>

IV. <З ЛІСТОЎ>[93]

10.I.83 г.

Дорогая Вета!

Я получил твою открытку и от всего сердца благодарю тебя за все слова, в ней сказанные. Очень жаль, конечно, что болеет Гриша (болел, надеюсь!), а также жаль, что ты просишь за что-то тебя простить. Ты передо мною ни в чём не виновата, виноват я, но моя вина не от мира сего, и в ней я тоже не виноват. Эта сила вне меня, надо мной, во мне — чуждая и желанная, горькая, злая и неотвратимая, это — амок, постоянная, подспудная лихорадка, влекущая меня, конечно же, в пропасть. Я не только не в силах бороться с ней, но и не хочу. Это мой ангел Смерти! Как можно с этим бороться?

Он, этот чёрно-белый Ангел, возвышает меня не только над стуком трамвайных колёс, но и над всеми моими просто человеческими привязанностями, от которых мне никогда не избавиться, поскольку они близки мне, как пелёнки младенцу, но и мучительны, как клопы для заключённого в одиночную камеру. Увы, между притяженьем и безгрешной невесомостью в перспективе инфаркт!

Во время первой мировой войны зародилась (в плену) новая душевная болезнь — психоз «колючей проволоки». У меня психоз её преодоления. Вернее, психоз повисшего на колючей проволоке. До свободы только усилие, но оно невозможно, так как что-то удерживает (причём, добровольно!) на шипах, на гвоздях, на терниях, вот и дёргаешься, как недорезанный, и орёшь, и стонешь, и плачешь, и радуешься…[94]

---

90 Далей закрэслены сказ: «Куда же гонят и кто этих всесильных, умудрённых тысячелетней мудростью людей, чего они не поделили? Ведь у них так устали ноги!».

91 Прыпісаныя ад рукі словы «усталый, самый измотанный, самый досыта нахлебавшийся» — паверх закрэсленага: «добросовестный уполномоченный смерти». Слова «досыта» ўзятае ў дужкі. «Нахлебавшийся» — замест закрэсленага «хлебнувший».

92 Слова «смеётся» замест закрэсленага: «И по тому, как он смеётся — полчища смешинок рассыпаются по его добродушной роже, — и по тому, как он говорит —».

93 Прыводзяцца ўрыўкі з розных лістоў Барыса Палоўнікава да Веры Калядзенкі і сына Грыгорыя. Урыўкі пастаўленыя не ў храналагічнай, а ў сюжэтна-тэматычнай паслядоўнасці.

94 Канец старонкі. На адваротным баку — верш і пастскрыптум для сына.

О, сладкое безумство доверять
и растворяться без остатка в лоне
луны и женщины.
Потом на небосклоне
в закатный час
свою судьбу читать.
Как поздно вы
явились, письмена,
неявные и мягкие, как сумрак.
О, сколько было сутолоки в сутках,
но как легко тяжёлая луна
притягивала нас
к своим созвездьям,
где танец был —
дрожание цветка
пред радостным и грозовым возмездьем…
…Плывут воспоминаний облака.
О, горькое безумье сожалеть
и тяготиться возрастом и болью.
И стойко ждать,
когда же за любовью
себя объявит
верная мне смерть!
Sik!

P. S. Для Гриши.

Здравствуй мой хороший, умный, послушный, тихий и дальносмотрящий Григорий Борисович!

Я всё жду, когда ты, надежда моя и опора, откажешься от блошиной веры в хоккей и перейдёшь в шатры иного духа, царство которого шахматы, Гёте, Скрябин и чуть-чуть частушки про сопли из ушей преждевременно усопших… Одним словом, умней! Пора. Рога уже трубят, прислушивайся к закату… Целую, жму руку, даю подножку. Твой всегда.

4 III 83 г.

Наконец-то, мой сынуля[95],
прибыла твоя писуля
в славный город Ленинград!
Я, само собою, рад!
Хоть письмишко в пол-листочка,
но старался ты не зря:
что ни слово, что ни строчка,
то и новая мысля!
Сразу видно: свой умишко
развивает крупно Гришка!
Пусть забросил шахматишки,

[95] Палоўнікаў рэгулярна складаў вершавана-гумарыстычныя лісты сыну. Друкуецца адзін з такіх лістоў.

в музыкалке был давно —
время тратится у Гришки
всё до капли на кино.
В дальний угол кинув книжку,
он в «Октябрь» бежит вприпрыжку.
На экране скачут кони,
мчатся, воя, поезда,
драки, выстрелы, погони,
все герои хоть куда!
Замирая от восторга,
смотрит он, разинув рот.
Так смотрел бы долго-долго,
хоть неделю напролёт!
Ну их к чёрту с ихней школой,
с их зубрёжкой чепухи!
Он совсем не тот, который
наизусть зубрит стихи
на какой-то глупой мове,
от которой голова
пухнет от прилива крови,
забивая все слова!
Я, мой умница, не скрою.
так казалося и мне,
что с пустою головою
легче прыгать по земле.
Но, попрыгав, спохватился
и за голову схватился:
голова моя пуста,
как пустынные места!
Мой урок — тебе наука,
хоть и слушать это — скука!
Ты как хочешь поступай:
хошь — в кинухе пропадай,
хошь — футбол весь день гоняй!
А когда закончишь четверть —
сколько троек посчитай!
…Жизнь моя, увы, не прочна.
Я пишу, жую, дышу.
Рву написанное в клочья
и опять пишу, пишу!
Может быть, я обалдел?!
Но таков уж мой удел!
Вот и всё, мой умный Гришка.
И спасибо за письмишко.
Председатель дохлых мух
твой отец и лучший друг!
P. S. Не забудь поздравить маму
с распрекрасным женским днём.
Хрякни квасу полстакану
и занюхай огурцом!

23 XII 82 г.

Колыбельная для младенцев, взрослеющих не по дням…[96]
Ну, засыпай скорее, бога ради,
а то придут сейчас из КГБе.
Про нас с тобой там столько знают дяди,
что столько мы не знаем о себе!
У них большие, как антенна, уши,
как микроскоп, сверхзрячие глаза.
Им наши мысли — раз чихнуть подслушать
и разглядеть, кто против, а кто — за!
Ну, а про эти наши разговоры
известно, если даже мы молчим.
Ведь к их услугам разные приборы,
а также добровольцы-стукачи.
Они не любят, если им перечат,
они, как боги, правильные все.
И коли неизбежна с ними встреча,
то только, на худой конец, во сне.
Но лучше всё же добровольно сдаться,
чтоб хоть частично избежать невзгод.
Вполне возможным может оказаться,
что ты давно прочислен наперёд.
Ну, а сегодня засыпай спокойно,
а завтра ясность в голову внеси.
И всё обдумав благостно и стройно,
сам на себя смиренно донеси!

3 I 83 г.

Когда кругом темно и вьюжно[97],
душа в предчувствии беды
дрожа сжимается послушно
в комок трусливой немоты.
И заболев смертельной болью
и ощущая близкий крах,
ты проклинаешь рабью долю
не в силах пересилить страх.
Но будучи над самой бездной,
когда уже ни шага вспять,
ты вдруг увидишь свет небесный,
готовый и тебя принять.
И пусть с постыдным запозданьем —
воскреснет и твоя душа!
Хоть стоили твои страданья
не больше ржавого гроша.

Б. Половников

Да друку падрыхтаваў і каментары склаў *Андрэй РАСІНСКІ*

[96] Асобны аркуш з ліста за 23 снежня 1982 г.

[97] Асобны аркуш з ліста за 3 студзеня 1983 г.

«ИСПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ И ИСТОРИЕЙ» Письма Василя Быкова Ингриде Соколовой (1966–1981)

Начатый в окончание зимы 2007 г. поиск писем и автографов народного писателя Беларуси Василя Быкова для его Полного собрания сочинений, выпускаемого Союзом белорусским писателей и московским издательством «Время», приводил подчас к неожиданным результатам. Один из таковых — письмо латышской писательницы И. Соколовой. Ингрида Николаевна, в частности, писала:

«Вы делаете святое дело: Василь честно заслужил вечную память.

В своей книге "Фигуры на фоне" я Василю посвятила очерк на 15-и страницах. Это личные воспоминания, начиная с боев на Карпатах в 1944 г. и 49 писем. Сегодня нашла и редкую его фотографию с моим мужем в Ялте в 1972 г. Есть и книги с надписями.

Письма и фото могу скопировать. Если нужно — очерк перевести на русский. Так — как же быть?»

Уже в январе 2008 г. произошло наше знакомство в небольшой квартире Ингриды Николаевны почти в центре Риги на улице К. Вольдемара (бывшая улица М. Горького).

Литературовед, И. Соколова окончила филологический факультет Саратовского университета и аспирантуру Ленинградского университета, доктор филологических наук, заслуженный деятель культуры Латвии, лауреат премии им. Н. Островского, кавалер орденов Отечественной войны I и II степени, «Знак почета»…

Многое поразило тогда в гостеприимной хозяйке: и ее радушие, и живость ума, несмотря на преклонный возраст (Ингрида Соколова практически ровесница Василя Быкова), и неподдельный интерес к тому, что происходит в Беларуси — и в обществе, и в литературе (Ингрида Николаевна, в частности, расспрашивала, кого из ушедших писателей помнят и издают; я назвал несколько имен. «А Максима Танка?.. Красивый был человек… Я была немножко влюблена в него»). Поразил неугасающий интерес и — что важнее — верность памяти Вилиса Лациса, народного писателя Латвии, с которым Соколову связывала не только научная работа (ее кандидатская и докторская диссертации посвящены творчеству В. Лациса), но и многолетняя дружба. Вот и теперь, в последний день нашей встречи (а таковых было несколько, я не раз бывал потом на ул. К. Вольдемара — чтобы вернуть письма Василя Владимировича и попросить прокомментировать некоторые из них) Ингрида Николаевна планировала написать последнюю страницу своей книги о Лацисе (уже в марте получил из Риги письмо: «На "ура" прошел в печать "Мой Лацис", — писала Ингрида Николаевна. — Вышла и его книга, которая пролежала 69 (!) лет. Свой долг исполнила — он ведь и мне сделал много доброго»). Но что еще нельзя было не приметить — как светлело лицо, какие добрые и нежные интонации начинали звучать в голосе, когда речь заходила о Быкове, который для И. Соколовой никак не Василь Владимирович — только Василь. Впрочем, оно и понятно: их первая встреча произошла на войне, когда будущему писателю было только двадцать… Хотя я был несколько удивлен: познакомились они в 1944-м (да и встреча-то была случайной и мимолетной — Василь Быков вместе с товарищем помогли Ингриде Соколовой перейти в Карпатских горах через ущелье), в следующий раз говорили по телефону через почти двадцать лет — неужели Быков сразу вспомнил ту девушку? Ингрида Николаевна: «О! Там была такая пропасть, что это невозможно было забыть!..»

(Поразительно слышать это от человека, среди наград которого ордена Отечественной войны и медаль «За отвагу».)

Об этой и последующих встречах с Василем Быковым, о многолетней переписке с ним Ингрида Николаевна написала эссе (оно опубликовано в ее книге «Фигуры на фоне» (Sokolova I. Figūras uz fona: Pārdomas, vērojumi, sarakste. Rīga: Zinātne, 2003; в сокращенном виде в авторском переводе на русский — в первом выпуске альманаха «Асоба і час»). И что самое важное — все письма Василя Владимировича и поныне бережно сберегаемы Ингридой Соколовой, все почти полсотни писем, открыток и телеграмм (их копии теперь хранятся в домашнем архиве В. Быкова). Огромная ценность их очевидна, даже если бы письма эти не содержали ничего существенного: они написаны рукой Василя Владимировича и датируются начиная с далекого 1966 г. Однако бесценны они вдвойне, поскольку содержат, помимо бытовых моментов, пусть порой и несколько беглый, но яркий в деталях рассказ о том, с каким трудом доходили до читателя перемалываемые в цензорских жерновах быковские «Атака с ходу» и «Сотников», какое подчас смятенное душевное состояние овладевало автором, когда повести его разносил в клочья шквальный огонь партийной печати, тем самым обрекавший их на десятилетия забвения, когда имя писателя не однажды фигурировало в докладных высоких чинов КГБ и ЦК КПСС. В этих письмах нередко обнаруживаются штрихи к творческой биографии народного писателя, которых нигде больше нет — ни в письмах даже к московским друзьям Лазарю Ильичу Лазареву, Валентину Дмитриевичу Оскоцкому или же Григорию Яковлевичу Бакланову, с которыми Быков эпистолярно был наиболее откровенен; нет ни в последней, мемуарной книге «Долгая дорога домой». И вот, выясняется, эти многозначительные детали и эпизоды литературной жизни 1960–1970-х гг. — казалось, навсегда утраченные — были засвидетельствованы все-таки им самим. Потому еще столь велика ценность эпистолярного наследия, не одно десятилетие сберегаемого Ингридой Николаевной Соколовой — человеком, который и поныне с полным на то правом называет Быкова так просто — Василь.

Сергей ШАПРАН

Письма Василя Быкова Ингриде Соколовой
(1966–1981)

Многоуважаемая Ингрида!

Мне было очень приятно получить Ваше письмо с хорошими словами в мой адрес и вдвойне приятно оттого, что слова эти принадлежат специалисту-литератору да и фронтовику к тому же. Последнее обстоятельство особенно для меня дорого, я знаю, настоящие фронтовики всегда будут на моей стороне, хотя это и связано с определенного рода риском. Но есть вещи, стоящие по ту сторону выгоды и расчета, жаль, что не все понимают это даже и в литературе.

Спасибо Вам за приглашение в Ригу, спасибо за все хорошее, что Вы делаете для литературы и для меня лично. Желаю Вам душевной бодрости, выдержки и самое главное — хорошего здоровья.

С уважением,
Василь Быков

27 июня 1966 г.

Рукописный текст.

Дорогая Ингрида Николаевна!

После продолжительного вояжа вернувшись домой, нашел Вашу открыточку, за которую мое Вам искреннее спасибо. К сожалению, заведено так, что вниманием единомышленников мы не избалованы, потому каждая весточка такого рода дорога и желанна. Вот только то, что Вы сообщали об А. Бочарове, меня крайне опечалило, я не знаком с ним лично, но давно знаю этого замечательного критика по печати, а за рецензию в № 5<-м> «Дружбы народов» буду всею жизнью обязан ему[1]. Очень прискорбно! Очень обидно, что, кроме всего прочего, еще и болезни на хороших и честных людей…

Еще раз спасибо Вам. При случае доведется оказаться в Риге — позвоню Вам.

С уважением
и приветом Ваш Василь Б.

29 ноября 1966 г.

Рукописный текст.

<Декабрь 1966 г.>

Дорогая Ингрида, мы поздравляем Вас и Вашего супруга с новым, лучшим, счастливым 1967<-м>!

С уважением обнимаем Вас

Надежда[2] и Василь Быковы
из Гродно

Рукописная открытка б. к.

---

[1] Бочаров Анатолий Георгиевич (1922–1997) — русский критик, литературовед. Речь идет о его рецензии «Спор продолжается и сегодня…» (Дружба народов. 1966. № 5), практически единственном положительном критическом отзыве о повести В. Быкова «Мертвым не больно», появившемся в самый разгар инициированной ЦК КПСС кампании разгрома этого произведения в советской печати.

[2] Кулагина Надежда Андреевна (1923–1982) — первая жена В. Быкова.

<Март 1967 г. (?)>

Дорогая Ингрида!

Мы все поздравляем Вас с 8 марта и желаем Вам, как-нибудь одолев хворь, почувствовать себя бодрой, здоровой и радостной. Пусть в этот день в Ваше сердце вселится настоящая Весна, без которой трудно жить и невозможно работать.

Быковы.

Рукописная открытка б. д.
Может быть датирована не ранее марта 1967 г. — года издания открытки.

Дорогая Ингрида!

Вы совершенно правы: нынешняя гадкая весна просто истязает психологически; проснешься утром — ни к чему не лежит душа, как только взглянешь в окно. Холод, снег. И тем не менее надобно побороть себя, взять в руки свое настроение и заставить коечто делать. Хотя, конечно, сделанное таким образом не дорого стоит, для того ремесла, которое именуется литературой, все-таки надо горение, под'ем, озарение. Но — что поделать…

Вы спрашиваете о военной литературе. Мне думается, что на фоне уже написанного остались интересными еще 2 аспекта этой темы, а именно: исторический и морально-этический. Первый для меня важен тем, что позволяет осмыслить массу неразработанного в войне, ее самые глухие углы и самые трагические месяцы, которые, как это знают фронтовики, во все послевоенное время тщательно замалчиваются в военной литературе. Как и второй. Война поставила множество морально-этических проблем, которые никак невозможно подменить газетным героизмом, патриотизмом и пр. Смерть — скверная штука и она выкидывала на войне самые неожиданные коленца. В этом нам дает пример литература Польши, Чехословакии, Югославии. Мне думается, что у нас еще не появилось по-настоящему глубокого психологического произведения о войне. Верные ее внешней правде были, а внутренней еще нет.

Мы с Надеждой (кстати, которая мне все время хвалит Вас — так вы ей пришлись по душе) от всей души поздравляем Вас обоих с Вашим юбилеем[3] и теперь желаем Вам Золотой. Было бы очень здорово приехать к Вам на такое торжество, но увы!.. Отложим до лучших времен.

«Атака»[4] понемножку движется, хотя работа идет с трудом. Да и рвения прежнего нет.

Очень-очень жаль Ан. Боч<арова>[5]…. Просто проклятие какое-то… При случае — мой ему самый низкий и самый братский поклон. Помоги ему бог.

Ну и, конечно, с 1-маем Вас!

Ваш Василь Б.

25 апреля 1967 г.

Рукописный текст.

---

[3] В 1967 г. Ингрида Соколова и ее супруг Михаил Васильевич Соколов (1918–1984) отметили 25-летие свадьбы.

[4] Речь о повести «Атака с ходу» — такое название ей будет дано в редакции журнала «Новый мир». В оригинале на белорусском повесть известна как «Праклятая вышыня». В данном случае, именуя повесть «Атакой», В. Быков, скорее всего, имел в виду одно из первоначальных названий — «Атака на світанні»; работа над ней будет закончена, как помечено автором в рукописи и машинописи, в ноябре 1967 г.

[5] В 1967 г. А. Бочаров перенес инфаркт.

Здравствуйте, уважаемая Ингрида!

Рад был получить весточку от Вас, хотя, разумеется, некоторые вести, сообщенные Вами, радовать не могут. Вообще это возмутительно — ставить поездку за границу в зависимость от внешнего вида туриста, с костылями он или нет, с настоящими руками или с протезами[6]. Так дело может далеко зайти. И мне думается, надобно Вам обратиться повыше, может в Москву, добиваться персонального допуска-выпуска.

Мы тут живем без радостей и вроде бы без печалей, возможно, это самый наилучший образ из всех возможных. Надя с младшим сыном[7] уехала в Коктебель, я с Сергеем дома. Работаю. Повесть заканчивается, хотя это и не «Атака», а нечто другое. И вряд ли она появится даже в «Н<овом> М<ире>». Получается что-то несуразное во всех смыслах.

В начале лета я был в Москве и во время одного выступления встретился с однополчанами — оказывается, еще есть такие. Правда, они не из 4<-й> армии, а из 5-й, из 111<-й> СД[8], в которой я служил еще прежде. Очень приятная была встреча, хотя люди, конечно, изменились, можно сказать, вовсе стали незнакомыми. Но все же. И в этом смысле, мне думается, надо писать как можно больше, ведь время идет, уходят люди, да и из памяти многое теряется. Надо свидетельствовать тем, кто еще может это делать, гораздо активнее: художественными сочинениями, воспоминаниями, очерками или просто записками. Пусть даже они не будут напечатаны, это не так важно. Важно исполнить свой долг перед человечеством и историей.

В Ригу, видимо, пока с’ездить не удастся. М. б. после.

В. Астафьев[9] оч<ень> хороший парень и отл<ичный> прозаик.

Так я желаю Вам всяческих благ. И здоровья, разумеется. Большой привет Михаилу.

С уважением и приветом
Василь.

10 августа 1967 г.

Рукописный текст.

Здравствуйте, дорогие
Ингрида и Михаил!

Ну вот мы и отпраздновали самый большой праздник и опять вошли в трудовые будни. Правда, судя по всему, праздничный тон еще долго будет присутствовать в искусстве и нашей жизни, привыкнув к нему за последние годы, просто невозможно себе пред-

[6] Речь идет об отказе И. Соколовой в выезде за границу на основании того, что она, будучи инвалидом Великой Отечественной войны I группы (с 1944 г. у И. Соколовой ввиду травмы позвоночника паралич обеих ног), передвигалась на костылях.

[7] Младший сын писателя Василий Быков (р. 1957), в настоящее время живет в г. Гродно.

[8] СД — стрелковая дивизия. Вообще говоря, фронтовая биография В. Быкова выглядит следующим образом: 08.1942–10.1943 — курсант Саратовского пехотного училища (г. Саратов); 10.1943–01.1944 — командир взвода 399-го стрелкового полка 111-й СД (2-й Украинский фронт); 01.1944–04.1944 — на излечении в госпитале № 2623 (г. Александрия, Украинская ССР); 04.1944–12.1944 — командир взвода 924-го СП 252-й СД (2-й, 3-й Украинские фронты); 12.1944–01.1945 — на излечении в госпитале № 5258 (г. Сегед, Венгрия); 01.1945–05.1946 — командир взвода 1245-го СП 10-й бригады (3-й Украинский фронт) (согласно анкете, заполненной В. Быковым 15 сент. 1966 г. Личное дело писателя Быкова В. В. Хранится в Союзе белорусских писателей).

[9] Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) — русский прозаик; как и В. Быков, фронтовик и автор «Нового мира», писавший на военные и деревенские темы.

ставить, как бы мы были без него. Очевидно, надобно и нам, литераторам, изыскивать какие-то близкие, сопричастные юбилеям формы, иначе просто нечего делать. Поэтам, кажется, в этом смысле гораздо легче, прозаикам труднее.

Но — самое главное — здоровье. Очень печально, когда оно вынуждает желать лучшего. Но что делать? Не мы придумали войну, но вот расплачиваемся за нее мы. И при этом еще должны делать вид, преисполненный гордости и доблести.

Юбилеи наших юбиляров, Ингрида, были в общем скромные. Брыль уехал в вояж по Волге, Панченко скрылся в Крыму. Правда, оба получили по ордену «Трудового», хотя зато лишились награды в связи с 50-летием Октября. Но, как мне кажется, освоились оба с ролью руководителей Союза пис<ателей> БССР весьма успешно[10].

Ингрида, Вы пишете о военной прозе и своих рассказах. Конечно, военная проза ныне сошла на нет, интерес к ней упал, как никогда прежде, но писать, по-моему, все же надо. Надо свидетельствовать упорно и нелицеприятно, особенно тому, кому есть о чем свидетельствовать.

Правда ли, что А. Бочаров во время войны был на должности в Смерше? Если это так, то просто удивительно. Особенно в свете его рецензии о моей повести в «Дружбе народов»[11].

А в Ригу мы как-нибудь доберемся. Нежданно-негаданно.

Очень, очень желаем здоровья!

И бодрости душевной.

С уважением Быковы, оба.

14/XI-67 г.

Рукописный текст.

<Декабрь 1967 г.>

Дорогие Соколовы,

сердечно поздравляем Вас с Новым, лучшим, 1968-м! Желаем Вам в нем много солнечных дней, исполнения Ваших желаний и, разумеется, лучшего здоровья, которое оч<ень> и оч<ень> важно.

Часто вспоминаю Ригу, и наши беседы, и Вашу милую квартирку. Жаль, не удалось повидать Ваше поместье[12], но буду надеяться.

У нас все тихо-спокойно, работается неважно. «Новый мир» обещает в № 3<-м> или 4<-м>[13].

Обнимаем всех Вас
Ваши Быковы

Рукописная открытка б. к.

---

[10] В 1966–1971 гг. Брыль Иван Антонович (1917–2006) и Панченко Пимен Емельянович (1917–1995) были секретарями правления СП БССР.

[11] Речь о ранее упомянутой рецензии А. Бочарова на повесть «Мертвым не больно», один из главных героев которой, капитан Сахно, служит в особом отделе. Между тем А. Бочаров в СМЕРШе не служил.

[12] Имеется в виду дача И. Соколовой в писательском поселке Муряни под Ригой.

[13] Речь о публикации повести «Атака с ходу»: Новый мир, 1968, № 5.

Здравствуйте дорогие
Ингрида и Михаил,
Иришка[14] тоже!

Как Вы живете? Как здоровье? Как настроение и пр. и пр.? Впрочем, вопросов всегда больше, чем возможности на них ответить, потому отвечайте по своему выбору, будем рады.

Кажется, вот дожили до весны, у нас несколько дней стоит хорошая, солнечная погода. Что-то эта зима показалась очень долгой, так хочется весны и солнца.

Литературные мои делишки в какой-то неопределенности. «Н. М.» по повести[15] сделал ряд замечаний, пришлось наново переписать концовку (последнюю главу), убрать все острое, я прямо-таки пал, было, духом. Но что делать? Пришлось перерабатывать, такова уж, видно, наша доля. Но и после этого нет никакой уверенности, что пойдет, никто этого не может сказать, все ссылаются на бога и на случай. Мало того, что с каждым годом писать все труднее по чисто субъективным причинам, так еще и объективно все труднее печататься.

Но — как-нибудь. Жить трудно, но надо.

От всего сердца обнимаю всех Вас,
Ваш Василь Б.

3 марта 1968 г.

Рукописный текст.

Дорогие Ингрида и Михаил, здравствуйте!

Не знаю, чем Вас утешить. Ингрида, — все совершенно не имеет цены, если плохо со здоровьем. А Вы ведь такая молодчина в этой упорной борьбе с недугом — держитесь как-нибудь, боритесь. Трудно это, но надо. Надо не только Вам…

У нас все более-менее, но, конечно, далеко не блестяще, да и не может быть блестяще. Прорабатывают, упоминают… И все за старые грехи, разумеется, новых вроде бы еще и не нажил, а тот факт, что за старые уже получил в свое время, ныне не имеет значения[16].

Повестушка в урезанно-обструганном виде вроде бы идет в № 6<-м> «Н. М.», по крайней мере уже набрана, хотя это еще ничего не значит. Из № № 4–5 снята последняя книга И. Эренбурга[17], в редакции в апреле работала комиссия МГК. Так что им тоже не позавидуешь.

У нас был неплохой апрель — все зазеленело, но в последние дни холод и дождь.

Авось летом как-нибудь свидимся. Спасибо Вам за приглашение — Надежда вся в работе, ребята в учебе, хотя учатся не ахти и потому что весна и вообще.

Дорогая Ингрида, очень-очень желаем Вам держаться, несмотря ни на что.

---

[14] Дочь И. и М. Соколовых.

[15] Речь об «Атаке с ходу».

[16] Очевидно, что речь о разгроме в советской печати повести «Мертвым не больно».

[17] Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — русский прозаик, поэт, публицист, дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1953); повесть И. Эренбурга «Оттепель» (1954) дала название целому историческому периоду в общественно-политическом развитии СССР. Очевидно, в письме В. Быкова речь идет о воспоминаниях И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», в частности о последних частях Книги седьмой, которые впоследствии будут опубликованы в самиздатовском журнале Р. Медведева «Политический дневник».

И — пишите, хотя иногда, под настроение.

И еще — с Первым маем Вас, с Днем печати, радио и, разумеется — Днем Победы!

С уважением и дружески
В. Быков

29/IV-68 г.

Рукописный текст.

Дорогие Ингрида и Михаил!

Спасибо Вам за трогательное письмо-приглашение — очень было бы заманчиво побывать в Риге и у Вас на Горького, в знакомой и памятной мне квартире. Но, к сожалению, не получится: сами пригласили родственников — должны приехать на праздник. Так что как-нибудь в другой раз, на другое-летие, или вообще без-летия, случайно, нежданно-негаданно.

А на душе действительно собралось чертовски много и очень нерадостного, от черных мыслей недолго и запить даже в одиночку. Кажется, так скверно еще не приходилось, особенно мне; по крайней мере такое удручающее стечение большого и малого, общественного и личного я переживаю впервые. Повесть дружно лупят в Москве и Минске, в издательствах везде всё вылетело, а тут еще и некоторые друзья обнаруживают удивительное непостоянство мыслей и отношений. Есть отчего придти в уныние. Действительно, в удивительное время живем… Похоже на то, что надо всерьез кончать с этой литературой да переквалифицироваться в управдомы или еще в какую-нибудь специальность. Менее вредную[18].

Таковы дела.

Дорогие Михаил и Ингрида, вы уж великодушно извините нас за этот невольный отказ. Но мы будем мысленно с вами и поздравим Михаила с 50<-летием>. Дай Вам обоим бог доброго здоровья. Это — главное.

На этом жмем Ваши руки
и обнимаем.
Ваши Быковы.

25/X-68 г.

Рукописный текст б. к.

<Декабрь 1968 г.>

Дорогие Соколовы,
Ингрида, Михаил и Иринка!

Мы, все Быковы, сердечно поздравляем Вас с Новым, лучшим (будем на это надеяться) 1969<-м> годом.

---

[18] После публикации «Атаки с ходу» в «Новом мире» на ее автора обрушилась новая кампания шельмования — клеветнической окрестил повесть начальник Главполитуправления армии генерал А. Епишев; в печати «Атака с ходу» будет названа «серьезной неудачей», ее критики, вспоминая «Мертвым не больно», будут писать, что «в осмыслении военных событий, связанных с периодом наступления наших войск, В. Быков остался на своих старых позициях»; «В. Быков словно «буксует» на когда-то выбранном тематическом пятачке, повторяя, а не углубляя себя»; также последуют обвинения в создании «окопной микроправды» и т. д., и т. п. Вдобавок «Атака с ходу» будет снята из издательских планов: предложенная белорусским СП для готовящегося в «Лениздате» к 50-летию БССР сборника «Белорусские повести», она будет заменена на «Альпийскую балладу»; в ее издании автору будет отказано и в Минске.

Дай бог Вам в нем лучшего здоровья, душевной собранности и много ясных безоблачных дней.

С уважением
и приветом В. Быков

Рукописная открытка б. к.

<Март 1969 г. (?)>

Дорогая Ингрида!

Поздравляю Вас и Иринку с Вашим весенним днем 8 марта! Все никак не удосужусь вырваться в Ригу, хотя и хочется, но, к сожалению, пути-дороги ведут стороной, все больше в московском направлении. К тому же еще постепенно превращаюсь в сидня — когда больше тянет к покою, одиночеству, которого не так и много даже здесь, в Гродно. И еще хочется поработать, хотя всякая работа теперь не приносит ожидаемых радостей.

А как Вы? Как самое важное и самое трудное для Вас — здоровье? Поберегитесь как-либо, укрепитесь, иначе очень плохо жить на свете. Хотя, конечно, напрасно я пишу все это…

Надеюсь, как-нибудь мы все же свидимся в этот год, возможно летом-весной, не мы к Вам, так Вы к нам, в Друскенинкай, а?

На этом обнимаю Вас всех, и поздравляю и желаю здоровья! А Михаилу жму дружески руку. Ваш Василь Б.

Рукописная открытка б. д.

<Апрель – май 1969 г.>

Дорогая Ингрида!

Получил Ваше письмо, спасибо за память. Рад Вашей поездке и оч<ень> печалюсь известию, что поздно Вы обратились, но что делать? К сожалению, время не имеет обратного хода, приходится мириться с тем, что есть. У нас пока все тихо, дожили до Первомая, настроение, однако, подавленное, хотя вроде бы и переживать пока нечего. Немножко работаю, но без нужной уверенности, Надя каждый день в школе, а вечером за подготовкой, Сергей[19] наш в этом году абитуриент, куда-то надо отсылать — кончилось детство. Возможно, летом как-нибудь объявимся в Риге — хотелось бы, но вот разные соображения держат больше дома, иногда по делам бываю только в Минске, реже в Москве.

Поздравляем Вас всех с Первомаем, желаем солнечного лета и здоровья. Держитесь, крепитесь!

Привет Михаилу и Иришке!

Рукописная открытка б. д. Датируется исходя из содержания.

Дорогая Ингрида!

Сегодня получил Ваше письмо, за которое самое искреннее Вам спасибо. Видимо, произошла почтовая неувязка и кто-то из нас недополучил одно письмо, т. к. мне кажется, что я Вам писал весной. Ну да бог с ним, это дело всегда поправимое.

Спасибо Вам и за приглашение в Ригу, — вряд ли и в этом году мы сумеем воспользоваться им. Надежда весь июль будет на повышении квалификации в институте

[19] Старший сын писателя Сергей Быков (р. 1952), в настоящее время живет в г. Минске.

усовершенствования, Сергей наш в этом году окончил школу и поступает в военное училище — идет по стопам отцов — с ним еще хлопот, п<отому> ч<то> прилежанием-то он не отличается. Ну а я — я чуть-чуть работаю и хандрю — готовлюсь устоять перед критикой и ее оглобельными ударами, первый из которых уже нанесен И. Мотяшовым. На этот раз заступников у меня нет, не поможет ни один печатный орган, буду бит нещадно[20]. Ну что ж — заслужил. Давно пора бросить эту проклятую войну и переходить на лирическую прозу о людях хороших, стариках-пенсионерах, о любви, удачной и счастливой, разумеется.

Дай бог, чтобы Вам было хорошо в Мурянах, мой самый сердечный привет Михаилу, Иринке (наверно, уже большая?!), будет Анатолий[21] — кланятесь ему от меня. Его я не забываю…

А пока обнимаю всех Вас
Ваш Василь из Гродно.

5 июля 1969 г.

Рукописный текст б. к.

---

[20] После публикации в «Новом мире» (1969, № 3) повести В. Быкова «Круглянский мост» советская печать вновь обрушилась всей своей оглушительной мощью на гродненского писателя — на этот раз прежде всего в виде «обличительных» статей бывших партизан. Впрочем, первый «залп» по писателю был дан рецензией литературного критика И. Мотяшова «Так что же произошло у Круглянского моста?: О новой повести Василя Быкова» (Литературная газета, 1969, 2 июля). Надо заметить, В. Быков провидчески пишет: «На этот раз заступников у меня нет, не поможет ни один печатный орган». Действительно, в защиту «Круглянского моста» не будет напечатано ни одной рецензии, за исключением разве что второй статьи И. Мотяшова «Логика жизни и эмоции: Еще о повести В. Быкова *“*Круглянский мост*”*, и не только о ней» (Литературная газета, 1969, 24 сент.), назвать которую оградительной можно условно — лишь потому, что основана она на многочисленных письмах бывших партизан, возмущенных первой публикацией критика. Однако на этом публичная защита повести будет остановлена. О многом в этой связи говорит свидетельство писателя Г. Бакланова, который также пожелал выступить в качестве оппонента И. Мотяшова: Г. Бакланов сообщал, в частности, Быкову в письме от 6 сентября 1969 г.: «Я, конечно, понимал, что *“*Литературка*”* не напечатает статью, но все же попытался, пошел свои услуги предложить, поговорил с замами, ибо редактор в творческом отпуске. Для приличия несколько дней что-то они обдумывали, потом сказали, что не будут разворачивать дискуссию <…>» (Архив В. Быкова). В пользу же того, что многие статьи против «Круглянского моста» были по сути заказными, свидетельствует письмо Быкову от русского писателя Ю. Бондарева: «Вчера разговаривал с Козловым по поводу его статьи, Вам известной. [Речь, очевидно, о публикации *“*Подвиг народа вечен*”* (Правда, 1969, 20 июля), И. Козлов писал, в частности: *“*…к сожалению, приходится констатировать, что в той же повести "Круглянский мост" конкретно-историческое исследование нашего гуманизма подменено абстрактными суждениями о полярности добра и зла вообще. Ситуации повести нарочито усложнены, герои поставлены в условия, искусственно запутанные, порой — ложные. Честно говоря, странно даже видеть все это у такого знатока фронтовой жизни, каким является В. Быков, каким он показал себя в особенности в "Третьей ракете", "Фронтовой странице", "Альпийской балладе". Никому и никогда не следует забывать, что идейно верная и четкая позиция художника — то главное, без чего не может получиться настоящего произведения*”*. — *С. Ш.*] Объяснил мне, что требовали от него большей решительности, а он пытался смягчить, спустить на тормозах. Ни черта не поймешь, хотя и ясно все! Сказал, что относится к Вам — как к человеку талантливому и высказал сожаление, что не печатают отдельными книгами последние Ваши вещи» (из письма от 18 сент. 1969 г. Архив В. Быкова).

[21] А. Бочаров.

<Ноябрь 1969 г.>

Дорогая Ингрида!

С трудом узнал Ваш почерк, спасибо Вам за ялтинское письмо. Работать я, конечно, не смогу приехать, но на денек-другой в Ригу, возможно, вырвусь в ближайшее время. Как только кончу борозду (очередную).

Кланяюсь Михаилу и Ирине.

Обнимаю Василь.

Рукописная открытка. На штемпеле — 18.11.1969 г.

<Декабрь 1969 г.>

Дорогие Ингрида, Михаил
и Иринка!

Поздравляю Вас с Новым, может быть, лучшим!
Будьте здоровы и счастливы!

Ваш Василь Б.

P. S. С Ригой пока, как видите, ничего не вышло. В Москве познакомился наконец с Анатолием Б<очаровым>. Очень милый и порядочный человек.

В. Б.

Рукописная открытка б. д. На штемпеле — 29.12.1969 г.

4 окт. 70 г.

Дорогая Ингрида,

спасибо за письмо и за хорошие слова о повести. Написал — как написалось, надо бы лучше, разумеется, но не сумел. Но и так хорошо — критика на этот раз смилостивилась, рецензии хорошие. Хотя начальство имеет свое мнение. Но на то оно и начальство.

В Белоруссии повесть еще не вышла, после длительных мытарств будет, кажется, в № 11<-м> «Полымя»[22].

У нас это лето было не совсем удачным, хотя Надя с Васей успели обернуться на Юг и с Юга (Сочи) до холеры, но потом сидели дома, ждали в отпуск Сергея. Он — с прошлого года курсант военного училища в Полтаве, пошел по отцовским стопам. Побыл месяц и уехал опять на год. Младший ходит в 7<-й> кл<асс>. Надя по уши занята в школе и дома — нет свободной минутки. Я теперь лодырничаю, ничего не пишу и не хочется. Надо бы, конечно, с’ездить в славную вашу Ригу, которую я люблю, но… Как-нибудь, может, в будущем. На с’езд мне не попасть — на это будут другие, более угодные, которых, слава богу, у нас в изобилии. Как и везде.

На этом я откланиваюсь. Очень желаю тебе, Ингрида, по возможности держаться в смысле здоровья. Все остальное — прилагательное к этому большому существительному.

Сердечный привет Михаилу и Иринке.
Надя тоже кланяется.

Ваши гродненские Быковы.

Рукописный текст.

[22] Речь о повести «Сотников», опубликованной в 1970 г. в авторском переводе в «Новом мире» (№ 5). В оригинале «Сотников» появится в № 11 «Полымя» — после неоднократных, в феврале и августе, обсуждений повести на заседаниях редколлегии и после внесения значительных правок и сокращений, предложенных П. Бровкой, А. Велюгиным, П. Ковалевым, И. Пташниковым, М. Танком.

<Декабрь 1970 г.>

Дорогие Соколовы — Ингрида, Иришка и Михаил! Поздравляю Вас <с> Новым, м. б. лучшим 1971 годом. Пусть он принесет Вам доброе здоровье, солнечные дни и безоблачное настроение в Вашей Риге. Я же в этом Новом году собираюсь кое-что написать, но уже без прежней задиристости — хватит. Буду кроток, как агнец[23]. М. б. в 1971<-м> свидимся — (надо бы!), но с годами является склонность к оседлости, тем более, что проблема дороги, билета, гостиницы становится все более затруднительной.

Обнимаю Вас всех,
Ваш Быков В.

Рукописная открытка б. д.

<Февраль – март 1971 г.>

Дорогие Ингрида и Иришка,

поздравляю Вас самым сердечным образом с самым весенним праздником[24]. Пусть Вам будет тепло и солнечно!

У меня же радостей не бог весть сколько, немножко работаю, без особого удовольствия, правда, жду 2-й № «Дружбы народов», где А. Бочаров, как мне сказали, написал замечательную рецензию на моего «Сотникова»[25]. Спасибо ему, он последовательно и регулярно отстаивает меня в этом журнале.

Так — пусть будет солнце! И немножко здоровья.

Ваш Василь Б.

Рукописная открытка б. д.

<Апрель – май 1971 г. (?)>

Дорогие Ингрида
и Михаил!

Поздравляю Вас с праздником нашей давней большой победы! Будьте здоровы, благополучны и по возможности счастливы. Летом авось свидимся.

Обнимаю —
В. Быков

Рукописная открытка б. д. Может быть датирована не раньше мая 1971 г., поскольку сама открытка издана 15 декабря 1970 г.

---

[23] Очевидно, что В. Быков имеет в виду повесть «Обелиск», которая будет опубликована в журнале «Маладосць» в 1971 г.

[24] С праздником 8 Марта.

[25] Речь о статье: Бочаров А. Выбор, достойный человека // Дружба народов. 1971. № 2.

31 октября 71 г.

Дорогая Ингрида!

Спасибо тебе за хорошее письмо с хорошими вестями, поздравляю с окончанием работы[26], что всегда радостно, потому что является как избавление. Трудно, конечно, предвидеть, как ее примут, но не это важно — важно, что сказано то, что должно быть сказано. Правда имеет свою непреходящую силу, которая умеет постоять за себя.

Я работаю не так и много, пишу коротенькие вещи, много вожусь с переводами. Это для меня важно потому, что в Москве еще можно ждать кое-какой объективности отношений — здесь же увы! Здесь писатели оцениваются без всякого учета их литературных заслуг, в цене — заслуги совсем иного сорта.

Я никогда не занимался драматургией и даже недолюбливал театр. Но вот МХАТ меня соблазнил, написал пьесу о подпольщиках[27], которая теперь начинает свое «прохождение» по инстанциям. Было уже рассмотрение в Министерстве культуры СССР, будет еще не одно. Без министерства ведь ни один театр не может ничего поставить. Даже МХАТ. Несмотря на то, что он готов начать работу, есть уже и режиссер, но нет еще визы министерства и все стоит.

«Обелиск» будет в № 1<-м> «Нового мира». Это маленькая повесть об одном частном случае.

Надя в этом году много работает в школе, классное руковод<ство> и проч. Васек учится в 8 кл<ассе>. Сергей на 3 курсе военного уч<или>ща в Полтаве. Как ваша Иринка, где она? Наверно, уже кончила?

Надя и я поздравляем вас всех с годовщиной Октября.

Привет Михаилу и Ирине.

И — всего наилучшего.

Василь Б.

Рукописный текст.

<Декабрь 1971 г.>

Дорогие Соколовы,

будьте здоровы и по возможности счастливы в Новом, 1972 году.

Только что из Москвы с похорон человека, без которого осиротела литература[28]. Похоронили в дальнем углу Н<ово->Девичьего. Было много разного. Из республик на похоронах был один Г. Абашидзе[29], больше никого. Похороны прошли на уровне московской городской организации. Вел панихиду С. Наровчатов[30].

Обнимаю — Василь.

Рукописная открытка б. д.

---

[26] Речь об автобиографической книге И. Соколовой «Моя трилогия» (на латышском будет издана: Sokolova I. Mana triloģija: Izlase. Rīga: Liesma, 1973).

[27] Возможно, речь о пьесе «Решение».

[28] Речь о Твардовском Александре Трифоновиче (1910–1971) — русском поэте, главном редакторе журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970). Умер 18 декабря 1971 г.

[29] Абашидзе Григорий Григорьевич (1914–1994) — грузинский поэт, прозаик, председатель правления СП Грузинской ССР.

[30] Наровчатов Сергей Сергеевич (1919–1981) — русский поэт, литературовед, публицист, секретарь СП СССР, первый секретарь Московского СП РСФСР.

<Февраль – март 1972 г. (?)>

Дорогая Ингрида!

Прежде всего поздравляю тебя с праздником 8 марта, желаю быть по возможности здоровой, бодрой и счастливой.

Письмо твое получил вчера, очень печально с Михаилом, дай бог ему поскорее одолеть инфаркт. Действительно, столько на вас наваливается, наверно достается Иришке? Как она?

У нас все пока слава богу, здоровье кое-как тянет, Надя очень загружена в школе — так получилось в этом году. Я по глупости своей влез в драматургию и теперь не знаю, как вылезть. Самый неблагодарный жанр л<итерату>ры. Недавно прислал письмо Толя[31], что-то там пишет обо мне. А вообще писать стало неинтересно… Читал твою статью в «Литгазете», хорошая статья. Жаль, что ты редко появляешься на ее страницах. А может, и хорошо.

Читаю Толстого. После него ничего больше не хочется.

Ну так — как-нибудь, Ингрида!

Сердечный привет Ирине и пожелание выздороветь — Михаилу. Василь.

Рукописная открытка б. д.
Может быть датирована не раньше 1972 г., поскольку издана в 1971 г.

<Апрель – май 1972 г. (?)>

Дорогие мои Соколовы,
Ингрида и Михаил!

В этот самый радостный для нас день[32] примите мои солдатские поздравления с самыми сердечными пожеланиями. Будьте по возможности здоровы и по возможности счастливы.

Привет Иринке.

Обнимаю,
Василь Быков

Рукописная открытка б. д. б. к.

Дорогие Соколовы,

шлю Вам всем свой братский привет и поздравляю с наступающим праздником. Надеюсь, что у Вас все хорошо, Михаил, наверное, уже вернулся из Ялты с окрепшим здоровьем, Ингрида же всегда была молодцом по этой части и держится. Надо держаться, что же нам еще кроме остается, как не стоять перед болезнями, возрастом, невзгодами жизни. Правда, еще надо работать…

Я вот, подкрепив елико возможно, свою хворь, влез в обычные дела литератора-надомника: кое-что пишу, переписываюсь с читателями, издателями тоже — после длительного перерыва начали понемножку издавать. Кроме того, приходится участвовать в юбилеях — пока чужих, но чем черт не шутит, — авось доживем и до собственного. Кроме того кое-что печатаю в журналах — в № 11<-м> «Невы» читайте новую повесть[33].

---

[31] А. Бочаров.

[32] Открытка «9 мая — день Победы». Может быть датирована не раньше апреля – мая 1972 г., поскольку издана в этом году.

[33] Речь о повести В. Быкова «Дожить до рассвета».

Посылаю Вам, Михаил, ялтинские снимки Ваши с Лакшиным и Сыдыкбековым[34]. При случае напишите о своем житье.

С уважением и приветом
В. Быков

P. S. Надежда тоже Вам кланяется.

28 окт. 1972 г.

Мы — на новой квартире.
Адрес: Гродно-25, ул. Свердлова 18 кв 30.

Рукописный текст.
Последние два предложения дописаны слева от текста по вертикали.

<Декабрь 1972 г.>

Дорогие Ингрида, Михаил, Иришка!

Сердечно поздравляю всех вас с Новым, 1973 годом! Пусть он будет добрее и милосерднее ко всем нам во всех смыслах и в смысле нашей встречи тоже.

Доброго Вам здоровья! И — немножко радости.

Сердечно,
Ваш Василь из Гродно.

Рукописная открытка б. д.
На штемпеле на конверте — 27.12.1972 г.

Дорогая Ингрида!

Закрученный сонмищем гостей, посланных мне богом в это лето, я прозевал твой юбилей и теперь, хотя и с опозданием, хочу наверстать упущенное. Прежде всего, я сердечно поздравляю тебя с …летием-летием, очень желаю тебе доброго здоровья и главное — легкого настроения, которое подобает иметь юбиляр<у>. Все-таки это здорово — дожить до такого возраста, особенно если иметь в виду нашу юность и тех многих наших ровесников, которым не судьба была дотянуть и до половины нашего. Ну а старость — что ж! По крайней мере в ней сугубо демократический момент, который властвует над всеми и избежать который никто не в состоянии — от Максимова до Михалкова[35]. Будем утешать себя мыслью, что наша старость не будет хуже нашей лучезарной юности.

Проходящее лето для меня лично было самое бездарное и бесплодное из всех лет: совершенно не писалось, все время раздергалось по мелочам, на какие-то скучные общения… Самое лучшее, что удалось прочесть, — это книга Швейцера[36] да двухтомник литературного наследства, посвященного И. Бунину[37], которого я очень уважаю как писателя и человека. В лит<ературной> периодике пустота и цинизм многих дельцов от литературы, которые

[34] Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1994) — русский критик, литературовед, член редколлегии журнала «Новый мир» (1962–1970). Тугельбай Сыдыкбеков (1912 — ?) — прозаик, поэт, народный писатель Киргизии (1968).

[35] Сложно сказать, какого именно Максимова имеет в виду В. Быков, поскольку в СП СССР в то время состояло семь Максимовых. Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) — русский поэт, баснописец, драматург, председатель правления СП РСФСР, автор гимна СССР.

[36] Швейцер Альберт (1875–1965) — немецкий теолог, философ, музыкант и врач, лауреат Нобелевской премии мира (1952). Возможно, речь идет о его книге «Культура и этика» (М.: Прогресс, 1973).

[37] Речь, очевидно, о сборнике материалов «Иван Бунин: В 2 книгах» ([Кн. 1. Из творческого наследия Бунина: Письма. Кн. 2. Статьи и воспоминания о Бунине: Сообщения и обзоры]. М.: Наука, 1973).

превратили последнюю в обычную кормушку. Иные — в весьма доходную. Я бесконечно ломаю голову над вопросом — чем бы заняться более сносным, более терпимым для души — и не нахожу ответа. Видимо, чересчур избалованы мы той же литературой, развращены этим ремеслом, что уже не в состоянии зарабатывать свой хлеб каким-либо другим, более честным и обычным образом… Почему-то мне кажется особенно печальной участь прозаика, поэту же вроде бы лучше. По крайней мере у нас есть немало благополучных поэтов. Впрочем, не только поэтов… Не знаю совершенно, что будет дальше.

После длительного перерыва в заграничных поездках дал согласие съездить в Румынию. Жду вот, когда оформят документы, дадут разрешение. Если дадут только. Осенью, возможно, снова, как и в прошлый год, подъеду в Ялту, подлечить свою астму. Жена попрежнему работает в школе, сын (старший) окончил училище и уезжает служить в ГДР. Младший начинает 10-й класс.

А как ваша Иринка?

И вообще как и что вы все — я ничего не знаю. Как здоровье теперь твое, Ингрида, как Михаил? Как ваши Муряны[38]? Что в латышской литературе? В Латвии? Риге? Недавно еще у меня были кое-какие связи с Ригой, но почти все пообрывались. Один помер, другой замолчал…

Дорогая Ингрида! Я очень-очень обнимаю тебя и еще поздравляю — и с дожитием-прожитием до этих лет, и с награждением[39]. Когда-то ведь мы любили награждения, что-то они для нас значили… Сердечный привет Иринке и Михаилу, авось еще как-нибудь свидимся.

А пока — с наилучшими пожеланиями всем вам —
Ваш Василь Быков

16 августа 73 г.

Рукописный текст.

<Декабрь 1973 г.>

Дорогие
Ингрида, Михаил, Иришка,

будьте отменно здоровы, очень счастливы и вполне благополучны в Новом, 1974 году.

Мы не очень во всех отношениях, но ничего не можем поделать. Все зависит от бога и начальства!

Ваши Быковы

Рукописная открытка б. д.

Дорогая Ингрида!

Спасибо тебе за память и хорошие слова, спасибо за автореферат, который я прочитал с удовольствием. Я плохо знаю творчество В. Лациса[40], но считаю его оч<ень> крупным мастером, поэтому думаю, что твое обращение к нему правомерно[41].

[38] Имеется в виду дача И. Соколовой в поселке Муряни.

[39] И. Соколова была награждена орденом «Знак почета».

[40] Лацис Вилис Тенисович (1904–1966) — прозаик, народный писатель Латвийской ССР (1947), дважды лауреат Сталинской премии (1949, 1952), в 1940 г. — министр внутренних дел ЛССР, председатель Совнаркома (1940–1946), председатель Совета министров ЛССР (1946–1959), кандидат в члены ЦК КПСС (1952–1961).

[41] Имеется в виду автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Вилис Лацис. Жизненный путь, творческая эволюция». В. Лацису посвящена и диссертация И. Соколовой на соискание ученой степени кандидата филологических наук — «Раннее творчество В. Лациса» (1956).

Вот кое-как пережил юбилей, хотя до сих пор еще не могу прийти в себя от тысячи непривычных впечатлений, которые пришлось пережить. Трудоемкое это дело, не приведи бог! Но все обошлось, минуло, впереди — работа. И новые заботы. Сын окончил школу, поступает в мед.<ицинский> институт. Старший что-то не пишет из Германии. Дома старенькая мама, все не соберусь съездить к ней…

Ну и написать еще кое-что хочется. А здоровье тоже не дремлет и напоминает, что оно тоже не железное. Кое-как служило 50 лет, теперь вот не знаю. Что-то не очень стало. Скорее, наоборот.

А тут еще нет погоды! Солнце почти не видим. Впрочем, вы, наверное, тоже. Хмурое лето!

Как-нибудь, Ингрида, желаю тебе более-менее сносного здоровья. Ну и гладкой защиты[42]! Привет Михаилу и Иришке.

Ваш Василь Б.

14.VII.74 г.

Рукописный текст.

<Ноябрь (?) 1974 г.>

Дорогая Ингрида!
Дорогие Михаил и Иришка!

Корзину роз — к вашим ногам приносит с благодарностью ваш Василь[43]. И будьте здоровы (по возможности), счастливы (по потребности), благополучны в обязательном порядке. Что же касается диссертации и степени, то — будет. Я уверен.

Обнимаю всех —
Василь Б.

Рукописная открытка.
На штемпеле — 28.11.(?)1974 г.

Дорогая Ингрида!

Наверное, отвечаю не очень срочно, потому что был в Москве, только сегодня вернулся и нашел твое письмо. Рад, что ты будешь меня цитировать, но что я могу тебе написать по затронутому тобой вопросу? То, что было и как было, выразить нам не дано, увы! Мы можем лишь выражать что-то по поводу того, что было. Рожденный и выпестованный не нами миф о войне уже стал роднее и приятнее самой правды о ней, которую (правду) не любили ни во время, ни после войны. Наше знание войны, наш опыт ее — обуза, мешающая нам, гири на наших ногах. Те, кто скорее усвоил миф о войне, успешнее работают в военной теме. За примерами ходить недалеко.

Я думаю, есть, однако, одна возможность, пример тому дневник первых месяцев войны К. Симонова. Узкое, частное, но конкретное и честное свидетельство о ней. Без всякой беллетризации, без всяких претензий. Только там еще может быть какая-то правда. Хотя бы ее осколочки. Жаль, эту возможность я уже упустил, разбазарив по беллетристике лучшие частицы своего опыта. Но кто его сохранил, пусть не тратит время.

42 Речь о защите докторской диссертации (защищена И. Соколовой в 1975 г.).

43 На обороте открытки — букет цветов. Остается неясным повод написания послания, которое может быть датировано ноябрем 1974 г. — первые цифры на штемпеле (28.11) неразборчивы и обведены И. Соколовой.

О совещании[44], Ингрида, я сам мало что знаю. Кроме того, разве, что будет еще одна говорильня. Не знаю, поеду ли, после Москвы чувствую себя скверно, простудился или грипп подхватил, стараюсь не выходить на улицу…

Дорогая Ингрида, как всегда желаю тебе сносного здоровья. И пиши.

Сердечный привет Михаилу и Иришке (уже большой!)

Будь,
с поклоном Василь.

18.II.75 г.

Рукописный текст.

<Май 1975 г.>

Дорогие Ингрида и Михаил
С О К О Л О В Ы!

Сердечно поздравляю Вас с радостным днем нашей давней Победы. Очень желаю Вам солнечной весны, благополучия, рабочего настроения и

1). не стареть;
2). не болеть.

Обнимаю, Ваш В. Быков

Рукописная открытка б. д. На штемпеле — 8.05.1975 г.

Дорогая Ингрида!

Получил твое письмо и расстроился — действительно, так можно и рассориться. Но вот беда — твоего письма с вырезками и рецензиями я-таки не получал. Когда-то я думал, что только из-за границы не доходят рецензии, оказывается, и наша почта очень интересуется ими. Своими же, внутренними. Впрочем, они на непонятном языке, очевидно. Значит, переводят… А может, нет переводчика и такое бывает[45].

---

[44] Возможно, речь о Всесоюзном совещании «Бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне и советская литература», которое в течение трех дней (27 февраля — 1 марта) будет проходить в Минске. В. Быков не только примет в нем участие, но и выступит. К слову сказать, большой резонанс вызовет выступление главного редактора журнала «Дружба народов» С. А. Баруздина, который скажет, в частности: «…я думаю, что повторять не надо то, что было, — тех вещей, которых надо избегать по отношению к средним, глубоким, хорошим писателям, о которых спорят, а потом их долго-долго ругают, а потом они получают Государственную премию и ими начинают гордиться. *(Аплодисменты.)* Не надо повторять эти недостатки, и мы, наверное, будем ценить наиболее интересных, наиболее спорных, наиболее сложных писателей. А иногда занимаемся, простите, или бесспорно бездарными или сложными писателями — типа Солженицына. Лучше бы этим не занимались, а лучше бы занимались Василием Быковым всерьез и премию ему <надо было> дать 5 лет назад! *(Аплодисменты.)*» (Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 78, оп. 1, ед. хр. 350, л. 113. Стенограмма).

[45] Речь о статьях И. Соколовой, опубликованных в латвийской прессе на латышском языке. Надо полагать, корреспонденция В. Быкова действительно перлюстрировалась. Показателен рассказ русского критика и очеркиста И. П. Золотусского: «Наша новая встреча с автором "Сотникова" произошла в Ялте, в Доме творчества писателей, осенью 1972 года. <…>

Дня через три после его приезда он пригласил меня к себе в номер и показал нечто такое, что сразу заставило меня понять, как нелегко ему живется.

Несмотря на то, что был день, в номере горела настольная лампа. Быков подвел меня к ней, посадил за стол и положил в круг света, падавший от лампы, почтовый конверт.

Я рад буду прочитать все, что ты пишешь, кое-что и читал в журналах и в «Литературке», кажется. Правда, завтра я уезжаю в Крым, вернусь в середине ноября. Надо полечиться, не хочет униматься астма, осенью особенно. За этот суматошный год у меня было не много радости, по-прежнему одолеваю кино, с театром я слава богу разделался и больше в него (к нему) идти не намерен[46]. Скоро разделаюсь и с кино[47]. Все-таки написал еще повесть, вроде бы пойдет в «Нашем современнике» (в № 1<-м>)[48]. Опять война, фронт, пехота, стр<елковый> батальон и проч. Хотел написать правду, не знаю, что получилось. Как-то видел в Москве ваших Янсонса и Лию Бридаку[49]. Он очень сдал, она цветущая барышня…

Дорогая Ингрида! Мне бы очень хотелось подъехать, но… Множество дел и забот. Но, как-нибудь. М. б. я заеду из Ленинграда, где еще придется бывать по киноделам.

А пока я кланяюсь всем твоим — Михаилу и Иришке, — дай бог им здоровья. Тебе — здоровья особенного!

Обнимаю всех
ваш — Василь.

Надя тоже кланяется. В этом году она растит собаку породы колли по имени Кайра.

В.

12 окт. 75 г.

Мой телефон 5-45-45

Рукописный текст.

---

*“*Вот видите, — сказал он, — это письмо я получил сегодня*”*. На конверте был написан адрес Дома творчества и фамилия получателя: адресован он был В. Быкову. Обратного адреса и фамилии отправителя на нем не значилось.

Василь перевернул конверт и попросил внимательно рассмотреть его изнанку. Я долго всматривался, но ничего обнаружить не смог.

*“*А вы смотрите, смотрите!*”* — настаивал он, и я, поднесши конверт ближе к глазам, увидел, что его верхняя часть — та, которой заклеивают письмо, выглядит несколько не так, как нижняя. Вверху бумага показалась мне шершавее, тогда как низ конверта был гладкий.

*“*Это значит, — пояснил Быков, — что письмо перлюстрировали, т. е. вскрывали прежде, а потом, проутюжив, отправили мне*”*.

*“*И вы знали, что получите именно такой конверт?*”* — спросил я.

*“*Еще бы, ведь послал его и не далее, как два дня назад, именно я!*”*

Так он проверял, следят ли за его передвижениями или нет. Ответ был получен: следили. Не успел он появиться в Ялте, как соответствующие службы были предупреждены и взялись за дело. Но тут им не повезло — внутри конверта оказалась пустая открытка. Быков их переиграл» (Золотусский И. Знак беды: Три встречи с Василем Быковым // Литературная газета, 2004, 23–29 июня).

[46] В. Быков весьма скептично относился к своим драматургическим опытам и негативно — к самому театральному искусству, в частности писал: «…я решал для себя, что с театром больше связываться не буду. Мне вообще не нравилось это искусство с его чрезмерной условностью (или наоборот — натуралистичностью), неестественно громкими голосами актрис, постановочными вывертами. Я думал, что если пьеса стоящая, то лучше прочесть ее в одиночестве и представить себе ее сцены. А театр для тех, кто лишен собственного воображения» (Быков В. Долгая дорога домой / пер. В. Тараса. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2005. С. 311).

[47] В 1975 г. по сценариям В. Быкова поставлены фильмы «Дожить до рассвета» (реж. В. Соколов) и «Волчья стая» (реж. Б. Степанов).

[48] Речь о повести «Его батальон» (Наш современник, 1976, № 1).

[49] А. И. Янсонс — латышский прозаик; Л. Я. Бридака — латышская поэтесса, прозаик.

Дорогая Ингрида!

Вчера получил, а сегодня прочитал с радостью и наслаждением твою трилогию[50]. Сразу же спешу поздравить с удачей, несомненной и безусловной. Очень живо, эмоционально, умно и значительно. Это и исповедь духа, и описание (свидетельство) одной жизни, и завет потомкам. Очень верно и точно передан характер героини с самого детства и затем, через всю жизнь к нравственно-духовному вознесению сквозь все ужасы века и личную драму. Очень хорошо!

Кроме того, я был приятно удивлен, обнаружив, как часто переплетались наши с тобой пути в годы войны. В 41 г. я тоже был в Воронеже, затем в 42 году в Саратове, где учился в пехотном училище, ну и затем в боевых порядках 4-й гв<ардейской> армии. Правда, я не помню (а может, и не знал), в какой корпус входила наша 252<-я> СД, которой командовал генерал Горбачев[51], но все описанные тобой места мне знакомы. В Молдавии мы стояли под Корнештами[52], а перед наступлением сдвинулись к Пруту, под Скуляны[53], кажется. Каждый год 9 мая в Москве в Химках устраиваются встречи ветеранов дивизии, но я не езжу. Я знаю, кто там участвует, но из моего полка там нет никого — те, кого я знал и кто мне дорог, остались под Балатоном и Секешфехерваром[54], где едва не остался и я. Зимой 45-го я убыл по ранению в госпиталь и в 4-ю уже не вернулся. Попал в 27-ю армию.

Но это так, между прочим.

Я с трепетом читал в «Трилогии» многие страницы, в т. ч. и всю твою фронтовую одиссею, особенно запомнились страницы, где ты так бережно и трогательно пишешь о своем «командире взвода», о его любви и верности. По-братски обнимаю Михаила; молодец-гвардеец[55]! И вообще вы молодцы оба.

Я не помню, поздравлял ли я тебя с «докторшей»[56], если нет, то прими это мое запоздалое поздравление. Не каждому это удается, и если ты на такое нашла в себе силы, то слава тебе и хвала.

Я в трудах и заботах. Свалил с себя театр (будь он неладен), кажется, скоро разделаюсь с кино. Хочу заниматься впредь только литературой. В последних номерах «Маладосці» печатается новая повесть «Его батальон». Но лучше бы она не печаталась, а еще лучше — не писалась вовсе… «Остались от козлика рожки да ножки» и те обглоданные общими усилиями редактуры и цензуры[57].

---

[50] Речь об автобиографической книге И. Соколовой «Моя трилогия» (в переводе на русский будет издана под названием «Биография одного поколения» (М.: Молодая гвардия, 1980; 1987).

[51] Генерал-майор Горбачев Иван Александрович. 252-я стрелковая дивизия входила в состав 52-й армии 2-го Украинского фронта.

[52] Корнешты — город в Унгенском районе Молдавии.

[53] Прут — река в Украине, Молдавии и Румынии, левый приток Дуная. Скуляны — село в Унгенском районе, Молдавия.

[54] Балатон — озеро в Венгрии, одно из крупнейших пресноводных озер Европы. Секешфехервар — город в Венгрии.

[55] Речь идет о Михаиле Соколове, с которым Ингрида Николаевна познакомилась еще во время учебы в Московском военно-политическом училище.

[56] Имеется в виду присвоение И. Соколовой ученой степени доктора филологических наук.

[57] В «Маладосці» «Его батальон» опубликован с существенными правками. Еще в период редактирования В. Быков писал русскому критику В. Д. Оскоцкому: «По всей видимости, повесть получилась малоудачная, во всяком случае, трудная для прохождения, два месяца в *"Маладосці"* ее обстругивают и все еще не подписали, хотя уже проходят все сроки (идет в № 11, 12)» (из письма от 21 нояб. 1975 г. Копия. Архив В. Быкова). И позже посоветует А. М. Адамовичу прочесть повесть

В заключение — еще раз поздравляю с удачей, надеюсь, на рус<ском> языке книга будет напечатана в Москве — не иначе. Как-нибудь еще поживем, может, и, стало быть, встретимся.

Сердечный привет Михаилу и Иришке, мои тоже кланяются.
твой Василь Быков

13 ноября 75 г.

Рукописный текст.

<Декабрь 1975 г.>

Дорогие Соколовы,
Ингрида, Михаил, Иришка,

будьте здоровы и счастливы в Новом, 1976 году!

Авось мы в нем еще будем живы и кое-что напишем, и немножко напечатаем и м. б. встретимся и выпьем по рюмке за тех, кто никогда уже не выпьет…

Обнимаю, Василь Б.

Рукописная открытка б. д.
На штемпеле на конверте — 27.12.1975 г.

Дорогая Ингрида!

Был весьма удивлен, получив и прочитав эту рецензию Астафьева[58], хотя немного спустя мне стало все ясно. Есть такие писатели, которым нравится только то, о чем они пишут сами. Конечно, Виктор хороший прозаик, но все-таки человек он по складу своего характера нетерпимый, я помню, как он отнесся однажды к одной из моих повестей[59]. (Правда, спустя год он переменил свое мнение[60].) То есть я хочу сказать, что его оценки весьма могут быть субъективны и зависят от многих привходящих факторов. В данном случае, мне думается, решающим стало то, что его опыт войны отличается от твоего. Разумеется, в этом нет ничего удивительного, возможно, будучи солдатом, он хлебнул больше, но это не значит, что пережитое всеми остальными ничего не стоит. Я считаю, что написала ты хорошую книгу, исповедальную и правдивую, книга трогает и подкупает, читается с интересом и не надо тут никакого изображения, как пишет Виктор, это не роман, тут вправе и рассказ без обиняков. Кстати, именно такой форме когда-то отдавал предпочтение А. Твардовский, а уж он-то понимал толк в литературе.

не в оригинале, а в переводе на русский, поскольку «в белорусском варианте ее дочиста выпотрошили», редакция же «Нашего современника» «отнеслась благородно» (из письма от 16 дек. 1975 г. Архив А. Адамовича).

[58] Речь о письме В. Астафьева, который, прочитав «Мою трилогию», подверг ее жесточайшей критике, ввиду чего И. Соколова обратилась с письмом к В. Быкову, в котором задавалась вопросом: стоит ли вообще публиковать ее книгу в переводе на русский?

[59] Речь об «Атаке с ходу». В. Астафьев писал, в частности: «Прочел твою "Атаку" и что-то меня в ней глубоко не устроило. Написана она просто, доступно, уверенной рукой. Быт войны в ней суров и точен. Ротный сделан отлично, но вот в главном…

О чем повесть? О том, что еще одна атака и еще одна рота погибла… Но, во-первых, таких повестей уже тьма и, во-вторых, спустя так много лет после войны просто бытопись войны уже не устраивает такого привередливого читателя, как я» и т. д. (из письма б. д., на штемпеле — 24.10.1968 г. Копия. Архив В. Быкова.)

[60] Очевидно, имеется в виду еще одно письмо В. Астафьева, которое в архиве В. Быкова не найдено.

Другое дело, что, возможно, кое-где и кое-что в книге надо поправить, м. б. какие-то фразы — не более. И надо ее печатать. Где? — это всегда вопрос сложный, я не знаю твоих отношений с русскими издателями и их возможных оценок. Легко напр<имер> снова нарваться на какую-нибудь вкусовщину. Или групповщину. Но, пожалуй, стоит обратиться в «Дружбу народов», по-моему, это солидный журнал при порядочном редакторе[61]. И не переживай ради бога, не стоит. Выйдет книга и оценок будет уйма самых разнообразных. Как и читателей.

Желаю тебе бодрости и здоровья.

Сердечный привет Михаилу и Иришке,
твой Василь.

24.II.76

P. S. К сожалению, был в отъезде и 17 февр<аля> не мог посмотреть телевизор. Только 20<-го> вернулся.

В.

Рукописный текст.

Дорогая Ингрида!

Прежде всего прошу прощения за проволочку с ответом — был в отъезде недели 3<-и> и только на праздники вернулся в Гродно, где нашел невеселое твое письмо. Что делать, что я могу тебе посоветовать? Я не большой специалист по части устройства чужих жизней, в своей не могу разобраться и страдаю от разных несообразностей, тем более что очень часто устранить их не в наших возможностях. С возрастом круг этих возможностей и без того сужается, и держит нас в жизни большей частью инерция, служба, дело, работа. А потом и это отпадает, остается рыбалка, природа… Писание, литературная суета меня совсем не увлекают, пишу я трудно и редко испытываю удовлетворение от этого труда, грандиозная же ярмарка литературных дел и вовсе противна. Читать с годами становится все затруднительнее в смысле выбора, редко какая книга ложится на душу, отвращает фальшь, выспренность, безвкусица… Друзья? Немножко да, у меня есть несколько человек хор<оших> друзей, дружба с ними поддерживает в какой-то мере дух в теле. Но все остальное надобно находить в собственной душе. По мере возможности.

Рад, что твоя «Трилогия» пошла «в люди», конечно же ее надобно представить на конкурсе, где ее должны оценить, как она того заслуживает[62]. Что касается перевода на белорусский — я постараюсь выяснить при случае такие возможности в Минске, хотя у нас переводной л<итерату>ры издается очень немного и по большому выбору. Но попытаться можно. Парень мой Вася уже на 3 курсе, чувствую, что не очень его медицина увлекает, но он парень покладистый — терпит, учит, сдает. Надя не работает, хозяйничает дома, часто бывает тесновато под одной крышей. Но что делать? Сколько уже осталось той жизни! В этом году ничего не писал, все собираюсь — со временем

[61] Редактором «Дружбы народов» в это время был русский писатель Баруздин Сергей Алексеевич (1926–1991). В. Быков до сих пор печатал в «Дружбе народов» преимущественно рассказы (правда, еще в 1962 г. здесь была опубликована его повесть «Третья ракета», впрочем, редактором «Дружбы народов» (1960–1965) был тогда русский прозаик Смирнов Василий Александрович (1904/05–1979). В этом же журнале появлялись и статьи А. Бочарова, не раз выступавшего в защиту гродненского писателя. В 1983 г. Быков опубликует здесь роман «Знак беды», однако с существенными купюрами, на которые редактура будет вынуждена пойти под давлением Главлита.

[62] На конкурсе им. Н. Островского книга И. Соколовой получит 1-ю премию.

и с настроением, м. б. к зиме засяду за работу — что же еще нам остается? Плохо — начинает сдавать здоровье…

Я очень желаю тебе, дорогая Ингрида, сладить с собой и с настроением и при более-менее сносном здоровье — писать! Только это, по-видимому, и может продлить наши лета.

С братским приветом —
Василь.

Сердечный привет Михаилу и Иришке!
В. Б.

11 ноября 76 г.

Рукописный текст.

<Декабрь 1976 г.>

Дорогие Соколовы,
Ингрида, Михаил и
Иришка!

Будьте здоровы и счастливы в Новом, 1977 году. Авось еще встретимся в нем.

Ваш Василь Быков.

Рукописная открытка.
На штемпеле — 22.12.1976 г.

1 ноября 77 г.

Дорогая Ингрида!

Очевидно, получилась какая-то неувязка, а может быть по причине той, что я сменил адрес, я не получил ничего, кроме твоего письма от 8 октября. А в октябре (почти до самого конца) пробыл в Крыму, пытался подлечиться в санатории, но из этого ничего не вышло, и я вернулся как бы не в еще худшем состоянии из-за своего астм<атического> бронхита. А тут еще погодка подпортилась, хотя и в Крыму было холодно.

В общем жизнь становится мало радостной по ряду причин, главная из которых м. б. возраст, ну и еще здоровье, к литературным делам я как-то охладел и почти в них не участвую, понемножку пишу свое и то без прежнего энтузиазма. Из радостей последних лет была поездка в Париж на праздник «Юманите»[63], она дала какую-то встряску. Все остальное уже было и в общем приелось. Внутрилитературная атмосфера в Минске, наверно, как всюду, грызутся у корыта люто, стыдно смотреть.

Рассказы, конечно, присылай, прочту с удовольствием и напишу тебе. Относительно приезда в Ригу — было бы хорошо, но… Много различных но в жизни.

Шлю всем вам свои поздравления с праздником. Сердечный привет Михаилу и Иришке. И — будь здорова, дорогая Ингридка!

Обнимаю — Василь

Рукописный текст.

---

[63] Ежедневный печатный орган Французской компартии. Традиционный ежегодный праздник «Юманите» отмечался в 1977 г. в сентябре.

Дорогая Ингрида!

С большим интересом прочитал твои рассказы, в которых обнаружил массу знакомых по тем временам образов, деталей, моментов. У тебя хорошая память, сохранившая, кроме того, верность эмоциональному состоянию, которое улетучивается из психики скорее всего. В этом смысле хороши рассказы «Под Новый год» (эта маленькая повесть, полная драматизма и правды тех лет), «Умер, кто забыт», <«>Вспомни о стрекозе». В них живая реальность, нигде не появляется сомнение в достоверности, все правдиво, значительно, напряженно. Несколько уступают им «Фронтовой эпизод», «Утро, полдень, вечер», «Эдельвейс», где хотя тоже много достоверных деталей, но сама фабула выдает жесткую конструкцию, наличествует элемент «придуманности», сконструированности. «Предгорье» подкупает интересной трансформацией характеров, хотя сама эта трансформация и не показана, только зафиксирован ее результат, что, конечно, менее интересно для искусства.

Вот такие мои впечатления.

Надеюсь, рассказы будут напечатаны по-русски, они заслуживают того, и будут с интересом прочитаны бывш<ими> фронтовиками и нефронтовиками.

Жаль, я не могу прочитать, что ты написала в статье вообще и обо мне в частности. Но за хорошие слова — спасибо тебе.

Не ладится со здоровьем, а тут — поездки и разные мелкие неприятности. Что делать? Как-то надо переживать…

Сердечный привет твоим Иришке и Михаилу. Будем живы-здоровы — как-нибудь свидимся…

На этом я желаю тебе доброго здоровья и — работать по возможности, в меру таланта и желания.

С прив<етом>,
Василь

28.XI.77 г.

Рукописный текст б. к.

<Начало 1978 г.>

Дорогая Ингрида!

Пользуясь случаем, <хочу> послать тебе привет из Минска, где я теперь живу и где мы говорили о тебе. Дай бог тебе здоровья. Пиши мне. Мой нынешний адрес:

Минск-4
ул. Танковая 10 кв. 132
Быкову

Привет!

Рукописный текст б. д. б. к.

10 марта 78 г.

Дорогая Ингрида!

Я просмотрел повесть — конечно, сокращения чувствуются, они благо для издателей, но никогда не могут быть таковым для автора. Поэтому в книге желательно дать полностью. Иначе ведь уходят какие-то моменты, подробности, мысли, из которых и состоит любое произведение. Относительно рецензии я написал в «Литературку», если она за-

интересуется, то я кое-что напишу. Правда, всю зиму мне не до литературы — донимают семейные дрязги, ремонт квартиры, где тысячи дел и почти полный нуль возможностей. Но как-нибудь. Конечно, поздновато перекраивать свою жизнь в нашем возрасте, но уж так получилось у меня.

Поздравляю Иришку и ее родителей со знаменательным событием в их жизни. Пусть она будет счастлива!

И — будь здорова, дорогая Ингрида, авось в это лето встретимся в Риге или Минске.

Сердечный поклон Михаилу.
Василь

Рукописный текст.

<Май 1978 г.>

Дорогие Ингрида
и Михаил!

Поздравляю вас с радостным праздником нашей великой Победы! Будьте здоровы и счастливы, как вы того заслуживаете.

Обнимаю —
В. Быков

Рукописная открытка б. д. На штемпеле на конверте — 5.05.1978 г.

<Январь 1981 г.>

Дорогая Ингрида,
очень желаю тебе быть здоровой и счастливой в Новом, 1981 году. У меня вроде бы все ничего, кроме здоровья, которое, к сожалению, вынуждает желать лучшего.

Но — что делать…

Обнимаю, сердечно —
В. Быков

Рукописная открытка. На штемпеле на конверте — 6.01.1981 г.

Публикация и комментарии *Сергея Шапрана*

КОНЕЦ ОТТЕПЕЛИ
Страницы из дневника матери

Ведь если умирает человек,
С ним умирает первый его снег,
И первый поцелуй, и первый бой —
Все это забирает он с собой, —

всегда цитировала мама, узнав о чьей-то смерти. Когда же пришло время написать о ней, я сама сталкиваюсь с невозможностью рассказать о жизни другого человека.

Моя мама, Валентина Игнатьевна Гапова (1923–2003) — литературовед и критик. Родилась в Витебской области, училась на филологическом факультете Ленинградского университета (1940–1946), во время блокады была медсестрой в госпитале. В 1953 г. в ЛГУ защитила диссертацию о «белорусских» повестях Элизы Ожешко и прочла первый курс по польской литературе. С середины 1950-х гг. работала в Минске в пединституте, а с 1960 г.— в Институте литературы АН БССР. Занималась польской и белорусской литературами XX в. Автор книг «Эліза Ажэшка. Жыццё і творчасць» (1968), «Белорусско-русское поэтическое взаимодействие», «Перачытваючы *"Спадчыну"* Янкі Купалы» и других.

Мне хотелось бы собрать воедино те осколки ее жизни, которым я оказалась свидетельницей и слушательницей. Мама и бабушка, не специально, а как-то в повседневности, за мытьем посуды почти что, рассказали мне весь XX в. в его «экзистенциальных инкарнациях». Как в 1917 г. бабушке пришло письмо от молодого мужа из Ревеля, с корабля, где он служил младшим офицером: «Поля, с нас сорвали погоны, дальнейшей судьбы своей не знаю». Как в тридцать третьем шли и шли через Витебщину, уходя от голода, с черными лицами истощенные украинцы, и одной из них бабушка дала хлеба — не картошки, как давала каждый день, а хлеба, — и та поцеловала бабушкину руку.

Как в сорок первом пришло письмо от отца маме, студентке первого курса ленинградского филфака: «Домой не возвращайся, Витебск горит» — пришло, когда Витебск был уже сдан. Как в разбомбленном ленинградском зоопарке кричал слон; как был налет из двухсот самолетов и дрожала земля; как сгорели Бадаевские склады, и раненые ходили туда собирать расплавленный в почву сахар — и один из них дал маме кусочек этой сладкой земли, и она заходила потом в палату и думала: а вдруг он даст еще? Как отдала беременной соседке мешочек с гречневой крупой — грамм двести, просто так, потому что пожалела, — и сказала как-то мне: когда я буду «там» — и показала наверх, — это мне зачтется. Как привозили в госпиталь раненых с Синявинских высот, и им ампутировали обмороженные ноги прямо с валенками. Как бинтовала солдата по имени Федор Абрамов — и не размочила, а рванула присохщий бинт от раны, — и он закричал: «Ну как же ты так?» — и как потом через годы дружила с русским писателем Федором Абрамовым.

Как после эвакуации «в прифронтовом Саратове было мало лучше, чем в блокадном Ленинграде, и наши профессора приходили к нам в замороженное общежитие по вечерам читать лекции». Я до сих пор помню, как через сорок лет мама давала телеграмму к юбилею одного из тех профессоров: «Всегда помню Ваш семинарий по Достоевскому зимой сорок третьего года».

Как в 1946-м неделю добиралась теплушками в Сибирь, в Омскую область, куда попала в эвакуацию бабушка, пешком с тремя детьми и слепым мужем ушедшая из дома под Витебском и прошедшая пешком до Ржева — 16 дней. И как маме, потому что она

была гостья «из блокадного Ленинграда», детдомовские дети (мамины сестры и брат оказались в голодном военном детдоме) принесли то, что им дали на завтрак, — яйцо. Перед ней оказалось 25 яиц.

Как на послевоенном ленинградском филфаке, где преподавали живые классики — Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский — начались аресты в связи с делом «космополитов»: «В 1948 (м) году уехала на три месяца в Вильнюс в архив собирать материалы для диссертации по белорусским повестям Элизы Ожешко. Когда вернулась — почти все еврейские профессора уволены, некоторые в тюрьме. Гуковский в тюрьме умер. Моего руководителя Павла Наумович Беркова — он был в списках на арест — спас его ученик, который работал в Смольном. Вычеркнул из списка».

Как в конце 1950-х, приехав в Минск, случайно нашла у знакомых книгу поэта по имени Ковальский с надписью, сделанной его рукой, и потом, занимаясь молодыми поэтами 1920–1930-х гг., пошла к КГБ узнавать об их судьбе. Подождите, сказал ей человек за конторкой у входа. Она ждала минут сорок, потом к ней спустились и сказали: такой-то и такой-то никогда не были реабилитированы, потому что никогда не были арестованы… Как потом, во время перестройки, нашла в подмосковье дочь этого поэта, уже пожилую женщину, и отдала ей тот томик с надписью, сделанной рукой ее двадцатипятилетнего отца, расстрелянного в 1937-м.

Как начала книгу об Элизе Ожешко, польской писательнице, участнице восстания 1863 г., защитнице униженных и оскорбленных, ее фразой «Я — дочь страны крестов…».

Как знала названия растений, любила свою «озерную Витебщину», как увидела както на поле стаю аистов — восемнадцать — расправлявших крылья перед отлетом на юг — и вспоминала об этом, как о чуде, многие годы спустя.

Как когда-то, я была еще ребенком, мы шли с мамой по улице, и к ней обратилась женщина, как сейчас сказали бомжиха, или, возможно, пьяница, или больная, и мама с ней говорила. Женщина была грязная и оборванная, и все на нас смотрели, и мне было неудобно, я тянула ее за руку: «Мама, пойдем!» И она сказала: «К тебе обратился человек. Остановись и выслушай. От тебя не убудет». И я это запомнила.

Как записала в дневнике — я нашла эту запись недавно, в 1994 г., в то время, когда, кажется, не только деньги стали бумагой: «Как быть моему поколению? Неужели мы напрасно жили?».

Я не готова пока что рассказать эту целую огромную жизнь, возможно, интересную только мне и близким членам семьи, и остановлюсь на небольшом эпизоде — интеллектуальном Минске 1960-х. Это время кажется мне важным.

Память — это активный и творческий процесс, и для тех, кто пишет воспоминания, они в какой-то мере являются орудием самопознания. Внутренняя потребность рассказать о прошлом всегда вызывается сегодняшними обстоятельствами и требует переопределения как по отношению к событиям и людям, так и к той точке, из которой ведется повествование. Мы вспоминаем то, что кажется важным сегодня. Поэтому когда редактор этого альманаха Александр Федута предложил написать о моей маме — Валентине Игнатьевне Гаповой, я спросила почему. Она была очень образованным литературоведом и необычным человеком и создавала вокруг себя особое интеллектуальное и духовное пространство, но это ведь не всегда достаточное основание. Александр Федута сказал, что, «во-первых, о Валентине Игнатьевне хорошо говорят люди, которых я уважаю. Во-вторых,эту страну делали многие люди…».

Это очень убедительные причины, но мне кажется важным еще одно обстоятельство. Я думаю, что мамина судьба была типичной для своего социального слоя и времени. Эта судьба во многом воплотила черты поколения советской городской интеллигенции,

значительная часть которой вышла из провинции, успела получить образование в университетах у профессоров «старой школы», увидела в начале жизни страшную войну, которая осталась для них мерой всех вещей. Это поколение хранило в книжных шкафах ставшие опальными номера «Нового мира» с первыми публикациями «Ивана Денисовича» и «Москвы» с главами «Мастера и Маргариты»: в свое время я прочла эти обязательные для того круга книги именно в таких затрепанных журнальных первоизданиях. Рядом с ними на книжных полках во многих домах того времени лежали машинописные папочки — «Эрика берет четыре копии»: этим летом я нашла одну такую папку с завязочками, там были стихи Гумилева. На эти же полки были поставлены первые издания Василя Быкова и Владимира Короткевича. Чтение запрещенных или гонимых авторов было для той когорты напряженным актом создания личной автономии и проявления групповой солидарности — как и те особые разговоры, которые велись на многих кухнях. Именно тогда, в детстве, когда у нас дома собиралась мамина «компания», ее коллеги по работе в Институте литературы Академии наук БССР, журналисты, историки и многие другие — кто только ни заходил в дом! — я впервые слушала такие беседы о белорусской истории и культуре, которые «в открытом доступе» появились только во время перестройки.

Вместе с тем то поколение интеллигенции прожило свою профессиональную жизнь в советской системе и в каком-то смысле верило в нее. Для многих это была Родина, которая, став символом объединения во время войны, дала большой части этого поколения общую идентичность. Другим та система дала шанс «выхода в люди», восходящей социальной мобильности, присоединения к образованному сословию, и многие из той разнородной компании стали впоследствии профессионально и социально успешны.

Мамины рассказы, поступки, переживания являются частью той общей судьбы, свидетельством того, чем жило то поколение, на что отзывалось, что считало для себя важным. А самое главное в жизни — это помнить, понимать и знать.

КОНЕЦ «ОТТЕПЕЛИ»

Записи из маминого дневника, связанные с Владимиром Короткевичем, — культурные свидетельства, важные не только мне, — как мне кажется, требуют контекста. Думаю, они будут более понятны, если рассказать о судьбах еще двух человек, которые в то время довольно регулярно бывали у нас дома, потому что «компании», «разговоры на кухне», «гости» были частью жизненного стиля того поколения. Собираться вместе либо просто заходить и засиживаться допоздна было принято. Один из тех, кто бывал у нас в те годы, был Микола Прашкович. Как большинство сотрудников Института литературы АН БССР и, очевидно, того поколения белорусской интеллигенции вообще, он был выходцем из деревни и стал городским жителем, получив образование в университете и поступив в аспирантуру, а потом на работу в Академию наук. Он защитил диссертацию, сначала жил в аспирантском общежитии, потом получил однокомнатную квартиру. Эти скромные, но отдельные квартиры были событием и также знаком поколения, которое массово переселяясь в города, жило уже не в бараках или коммуналках, а в «семейных общежитиях», т. е. домах с современными удобствами. Получение квартиры было знаком успешного по советским меркам социального продвижения.

Областью, которой занимался Прашкович, были средние века, старинные летописи, литература того времени, начало славянского книгопечатания. В 1960-х гг. формировался устойчивый интерес к этим темам, в каком-то смысле они стали «горячими»: еще, конечно, не такими политизированными, как во времена перестройки, но начало было положено именно тогда. Во многих отношениях это было особое время. В конце 1960-х

вышла книга «450 год беларускага кнігадрукавання», которая включала восточнославянскую письменность в контекст белорусской национальной истории. Эту книгу покупали не только специалисты по средним векам. Приблизительно в это же время один из белорусских скульпторов сделал фигуру Скорины, которая была поставлена в главном здании Академии наук, где располагались институты литературы, языка и истории. Тогда же изображение Скорины стало регулярно появляться на картинах, гобеленах, барельефах и медалях, и постепенно его фигура вошла в популярное сознание.

В эти же годы был издан альбом «Слуцкія паясы», ставший событием среди гуманитарной интеллигенции, купить его считалось обязательным. Мне кажется, что это была одна из первых книг такого плана: во-первых, цветной альбом, посвященный материальной культуре на белорусских землях; во-вторых, изданный по-белорусски (потом подобных изданий стало много). Учитывая, что основная коллекция поясов из радзивилловских мануфактур оказалась после одной из мировых войн в Историческом музее в Москве, книга вызывала размышления о белорусской «спадчыне». Приблизительно тогда же минский митрополит сделал небольшую выставку поясов из своего собрания в помещении минского экзархата. Это было камерное событие, известное небольшому кругу, не выставка, а своего рода просмотр, но я знаю из рассказов мамы, что туда ходил Владимир Короткевич и был очень взволнован увиденным как свидетельством белорусской старины.

В те же годы искусствовед Ольга Терещатова ездила с экспедициями по Беларуси и собирала артефакты для открытого впоследствии при Институте искусствознания Академии наук Музея древнебелорусской культуры. В академической и интеллектуальной среде разговоры об этих экспедициях и находках будоражили воображение. Тогда же сектор археологии Института истории выставил в коридоре главного корпуса стеллажи, где были представлены орудия и украшения каменного и бронзового веков, найденные при раскопках нёманской или приднепровской культур. Иногда мама приводила меня к себе на работу, чтобы покормить в академической столовой перед второй сменой в школе, мы проходили по этому коридору: выставленные находки просто зачаровывали меня. «Стоянки древнего человека», о которых писалось в книжках про далекие земли, оказывается, «у нас» тоже были.

Очевидно, приблизительно тогда же, в конце 1960-х или начале 1970-х Адам Иосифович Мальдис начал составлять свою знаменитую биографическую картотеку: сведения о выдающихся выходцах из Беларуси, старинной Литвы, белорусских земель. Мама шутя называла это собрание «гробики», потому что он хранил его в длинных ящичках, сначала просто у себя на письменном столе в Институте литературы.

Еще были люди, которые не только помнили прежние времена, но и стояли у истоков. В белорусском театре играли Е. Ржецкая, Глебов и Платонов; Стефания Станюта была актрисой средних лет. В Зэльве жила вернувшаяся из лагерей Лариса Гениуш, в Вильнюсе — Зоська Верас. Была жива «тетя Владя» Романовская, жена Янки Купалы, создательница и вдохновительница его музея. В здании президиума Академии наук можно было встретить маленькую старушку в беретике с «пипочкой»: это была Галина Гартная, дочь Тишки Гартного, поэта и одного из создателей БССР, замученного в 1937 г. Были живы некоторые участники довоенного коммунистического подполья в Польше и Западной Белоруссии: часть из них прошла сначала польские тюрьмы, а потом и советские лагеря. С одной из них, Татьяной Буровой, мама дружила. Она считалась травницей: к ней, не афишируя этого, обращалась даже партийная номенклатура. Летом она уезжала собирать травы под Брест, и иногда приносила нам в подарок пахучие пучки. От домашних болезней они хорошо помогали. Еще можно было поговорить с участниками минского антифашистского подполья: пионерами мы ходили к некоторым из них домой записывать воспоминания. Представить в те времена, что

когда-то может возникнуть вопрос о «смысле» Победы, о том, «выиграл ли от этого народ» или это была война между Гитлером и Сталиным, было абсолютно невозможно. Я не знаю, был ли хоть один белорусский поэт, который в те годы хотя бы раз не написал о войне. Значительная часть белорусской литературы возникала как осмысление военного опыта и страданий народа во имя победы.

На месте ресторана «Журавинка», в центре города, стояли еще у реки деревянные домики: никакой гранитной набережной в том месте не было, а были земляные берега и травка. Еще только начали сносить старую улицу Немига. Говорили, что художники просили этот квартал оставить, что были неофициальные проекты его реставрации или, скорее, предложения сделать там всяческие кафе по типу Прибалтики, но в проект того индустриального города, который возникал на месте старого Минска, это не входило.

На углу улицы Сухой еще оставалось старое еврейское кладбище. Мама водила меня туда в стоматологическую поликлинику и как-то раз сказала: тут кладбище сносят. Мы ходили среди лежавших на земле памятников со странными буквами, а мама повторяла: «Боже мой». Я видела, что она очень взволнована, хотя тогда не понимала суть дела, но необычные буквы на камнях — и то, что они были здесь у нас, т. е. была какая-то тайна, а мы про это ничего не знаем, как-то странно тревожило. В том Минске еще стоял на своем месте — напротив нынешнего Театра кукол — маленький особняк Союза писателей рядом с громадой ЦК КПБ (ныне Администрация президента), где во время войны жил гауляйтор Кубе и где его и взорвала Елена Мазаник. Домик этот, отреставрированный и покрашенный, как пряничный домик, был снесен за одну ночь в 1988 г.: был — а через день только груда кирпича. А через неделю и ее нет. Комаровка еще была настоящим сельскохозяйственным рынком, где местные люди продавали местные продукты. Осенью и весной под ногами хлюпала коричневая жижа, вокруг стояли деревянные домики частного сектора. На Круглой площади, как называли старые минчане Площадь Победы, бывшую тогда, действительно, круглой, только что открылось кафе «Березка» с настоящим автоматом для эспрессо. Ленинский проспект — его называли просто «проспект» — заканчивался у обсерватории, где сейчас метро «Московская». Курасовщина была деревней далеко за городом, в леса под Логойском ездили за грибами на нанятом профсоюзом автобусе — в этих местах через несколько лет появился меморильный комплекс «Хатынь»…

Вместе с укреплением среди части интеллигенции интереса к национальной истории, поиску аутентичной народной культуры в городе происходил и другой процесс, направленный, казалось, в противоположную сторону. Минск модернизировался и становился современным. Когда мама приехала туда в середине 1950-х, на нынешней Октябрьской площади стояли военные «надолбы», а люди часто жили в бараках. От этого хотелось освободиться, перестроить, снести как знак осталости, бедности или военной разрухи. Я знаю случай, когда семья получила двухкомнатную квартиру в одном из первых хрущевских домов, и, войдя туда, муж лег и поцеловал пол.

Одновременно с обликом города менялась его культура: в нем появились «западные веяния». В Русском театре поставили американскую пьесу (!) про частную жизнь (!) «Двое на качелях» (я была слишком мала для того спектакля), и там играл очень красивый в молодости Ростислав Янковский. Он жил в одном подъезде с нами на четвертом этаже и иногда, спускаясь по лестнице, повторял роль. Его сын Игорь как-то положил мне за шиворот горсть градовых льдинок (и наши мамы возбужденно объяснялись по этому поводу), а брат Олег только еще собирался идти в актеры. В середине 1960-х в Минске прошла Неделя французского кино, там показали «Мужчину и женщину», современный (тому времени) фильм о современных отношениях, и об этом, о том, как ведут себя в этом фильме герои, тоже говорили в домах интеллигенции.

В Минске открылась вторая английская спецшкола, и на занятиях использовались магнитофоны, потому что надо было «ставить произношение». Появился большой водно-спортивный комплекс с открытым бассейном, над которым зимой поднимался пар; в парке Горького открылся планетарий, где на лекциях говорили о тайнах Вселенной и пришельцах из космоса. Напротив Академии наук стоял в окружении сиреневых кустов маленький розовый домик, кинотеатр «Зорька». Он был похож на сельский клуб в богатом колхозе, и вот на отстроенном девятиэтажными (!) домами бульваре Толбухина появился кинотеатр нового поколения — «Партизан». Никакой трехмерный «Аватар», никакие компьютерные спецэффекты не могут вызвать во мне тех чувств, которые были испытаны, когда мама повела меня на «Мою прекрасную леди» на широком экране с Одри Хэпбёрн.

Мы привыкли презрительно относиться к советской архитектуре тех лет, считая ее безликой, стандартной, коробками и т. д. Однако когда эти «коробки» начали входить в архитектурный образ Минска, отстроенного после войны в стиле сталинского ампира, воплощавщего совсем другой эстетический, градостроительный и философский канон и полностью изжившего себя морально к концу 1950-х, это казалось приходом какой-то новой жизни, дивного мира науки, технологий. Появление каждого современного здания отмечалось и обсуждалось.

Это перечисление разрозненных событий имеет целью не написать историю, но напомнить общую атмосферу тех лет. Кроме этого важно оговорить следующее обстоятельство.

С одной стороны, многие культурные инициативы, поиски, публикации, исторические разыскания тех лет шли наперекор той советской версии белорусской истории, литературе социалистического реализма и общей идеологии, которые культивировались тогда властью. С другой — все они были возможны, во многом, именно благодаря советской системе и в ее рамках. Художники, изображавшие Скорину на всех возможных поверхностях, а также размещавшие его в пространстве, делали это по заказам, за которые платило государство; этнографические экспедиции, археологические раскопки, альбомы и сборники и все остальное инициировались и оплачивались государством. Оно осуществляло цензуру и готово было платить вовсе не за все, но, как стало видно впоследствии, свободному рынку Скорина оказался не нужен вообще. Когда канадский историк Дэвид Марплз написал в своей книге «Belarus: from Soviet Rule to Nuclear Catasprophe»[1], что «советская власть и строила, и разрушала» Беларусь, он был абсолютно прав.

Микола Прашкович, занимаясь просветителем Симеоном Полоцким и другими близкими сюжетами, принадлежал к той когорте белорусских интеллигентов послевоенной формации, кто стремился ввести в общественное сознание новые взгляды на национальную историю и культуру. Явно или неявно, они находились в противоречии с историческим официозом. Внешне он казался каким-то «неустроенным». Очевидно, он был включен и в более широкие, выходящие за пределы Беларуси круги национально ориентированных интеллектуалов того времени. Состоя в переписке с внучкой Ивана Франко, он написал ей как-то в начале 1970-х, что коммунисты — это «зграя бандытаў». Позже стало известно, что он собирал деньги для преследуемых украинских активистов, но это письмо было использовано как формальный повод для его увольнения. Было созвано открытое партийное собрание института. Мама никогда в партии не состояла, но открытые партийные собрания требовали присутствия всего коллектива.

Первым на том собрании выступал «человек оттуда». Он зачитал отрывки из письма и спросил, какие будут мнения у коллектива. Первой — по рассказу мамы — вста-

[1] David Marples. Belarus: from Soviet Rule to Nuclear Catastrophe. 1996.

ла старший научный сотрудник Марина Барсток. Я помню ее немолодой женщиной с простой прической — просто постриженные в каре волосы, очень прямой, строгой и твердой. Знаю, что после присоединения Западной Беларуси в 1939 г. она с подругой на мотоциклах поехали в Белосток, чтобы посмотреть, как живут там люди. Встав, она спросила у «человека оттуда»: «А хто дазволіў чытаць прыватныя лісты?»

Собрание явно шло куда-то не туда. Не знаю, как руководство института (у которого не было выбора) выправило ситуацию — в конце концов, партком принял нужную резолюцию, но во время обсуждения выступал профессор Наум Соломонович Перкин, интеллигентный пожилой человек. Когда мама приводила меня маленькую к себе на работу, он обещал меня съесть: у него были усы, и тогда я его немного опасалась. Юношей он воевал в партизанском отряде; как-то они пришли в деревню, и местная девушка лет шестнадцати просилась к ним в отряд. Может быть, говорил он, я ей понравился, и она стала просить: возьми меня с собой, я хочу с вами уйти. «Но куда же мы могли ее взять? Мы ушли, а когда вернулись в эту деревню через три дня, она была сожжена вместе со всеми жителями». Эту историю он рассказывал неоднократно со слезами на глазах. На том собрании он почти кричал, обращаясь к Миколе: «Зграя бандытаў? І я таксама бандыт? Я ў партыю ўступіў у беларусіх лясах у 43-м!» Очевидно, что «расклады» советского времени были совсем не такими простыми и однозначными, как попытались впоследствии представить наиболее ярые «борцы с коммунистическим режимом».

На следующий день М. Прашкович не пришел на работу, хотя еще не был формально уволен; все обсуждали вчерашнее, и мама сказала, что нельзя оставлять его одного и что она поедет к нему домой, так как, очевидно, он находится в отчаянии. Вместе с ней поехала Эльвира Михайловна Мартынова, также старший научный сотрудник, жена Виктора Владимировича Мартынова, известного лингвиста, доктора наук, перебравшегося в Минск из Одессы в начале 1960-х. Я думаю, что эта поездка была одобрена руководством сектора, где работал М. Прашкович, но сейчас уже некого об этом спросить.

Сначала дверь никто не открывал, пока мама не закричала: «Микола, это я, Гапова, здесь мы с Эльвирой Михайловной!» Тогда Микола открыл дверь: выглядел он, по словам мамы, страшно, с опухшим, красным лицом, очевидно, лежал, отвернувшись к стене: вся его жизнь рухнула. Он все время повторял: «Я вінаваты, я вельмі вінаваты…» Мама сказала: «Нет, Микола, ты ни в чем не виноват», — но Эльвира Михайловна, показав на телефон — думая, что квартира прослушивается, — возразила: «Нет, Валентина Игнатьевна, он виноват». Они оставались там до вечера, приготовили еду и заставили Миколу поесть, долго разговаривали. Я не знаю, что иное можно было сделать в тот момент.

Микола Прашкович был уволен с «волчьим билетом» и очень долго не мог устроиться. Работал грузчиком, потом его взяли корректором в какое-то техническое издательство. Очевидно, он много пил и жил очень неустроенно: мужская часть того поколения вышедших из деревни интеллигентов вообще пила довольно много, это было принято. Возможно, просто не было иной модели проживания жизни, представления о том, что еще можно делать вне работы в городе, где не надо заниматься хозяйством, и если женщины эту проблему все-таки решают, то для молодых мужчин в то время другой модели еще не было. Он умер больным в родительском доме в начале 1980-х. Одним из тех людей, кто выступал на том собрании в его защиту, был Вячеслав Кондратьевич Зайцев. Это еще одна драматическая судьба и мамин старинный приятель.

Вячеслав Кондратьевич занимался южными славянами, сербской литературой и историей и с 1950-х гг. преподавал на филфаке Ленинградского университета. У него возникла сложная ситуация в связи с разводом и последующей женитьбой на своей бывшей студентке, и тогда руководство академии пригласило его в Минск в Институт литературы. Я не знаю, было ли здесь участие мамы, которая приятельствовала с ним

с конца сороковых — оба были в «славянской» аспирантуре филфака и преподавали там, — но переехав в Минск в середине 1960-х, он первые недели две жил у нас дома. Пригласив его, руководство сразу же обещало квартиру — но дом только сдавался, и ему надо было некоторое время где-то перебыть. Скоро он перебрался в квартиру в только еще строящемся Зеленом Луге. Мама звала его Слава, но они оставались на «вы» все сорок пять лет знакомства.

Для белорусской среды того времени это был человек необычный. Очень спортивный, красивый физически, подтянутый, энергичный, остроумный, светский. Он нес в себе какой-то современный «городской» элемент. Это важная характеристика, если помнить, что современная белорусская городская культура создана за последние несколько десятилетий, а тогда только еще начиналась. Большинство представителей белорусской интеллигенции маминого поколения только осваивали пространство городской повседневности. Они выросли в крестьянских семьях, воспринимали жизнь глазами людей, связанных с землей и каждодневным трудом на ней. Они знали и понимали природу, отзывались на ее явления — град, заморозок, дождливое лето, знали названия растений в поле, у них оставались в деревне родители, они отправляли туда на лето детей и сами ездили в отпуск и помогать копать картошку. Почти все остро отзывались на стихи о природе — их много писалось в то время и раньше, горевали о том, что исчезает деревня и наступает урбанизация.

Вячеслав Кондратьевич демонстрировал собой другой тип существования человека в городе. Он делал утреннюю гимнастику, следил за режимом дня и, стремясь внести вклад в общественное благо, ввел в Институте литературы производственную гимнастику в 11 утра. Могущие и желающие сотрудники выходили в коридор и строились в две шеренги, Вячеслав Кондратьевич показывал простые упраженния — руки в стороны, руки вверх — и заканчивалось все легкой пробежкой или быстрым проходом по академическому коридору.

Он писал шутливые стихи и как-то сочинил целую поэму с краткой характеристикой на каждого сотрудника. Там были такие строки:

…Адам питается сердцами дам,
Но это не мое сужденье —
У Гаповой такое мненье.

Мама говорила: «Слава, люди могут невесть что подумать», — но, кажется, эта поэма была напечатана в институтской стенгазете.

Кроме всего, Вячеслав Кондратьевич прекрасно пел. У нас дома иногда музицировали, когда собирались гости. Играла на пианино Галина Григорьевна Кулешова, преподавательница консерватории, которая короткое время учила меня музыке, иногда играл и пел с женой Эльвирой Михайловной русские романсы и Виктор Владимирович Мартынов. Владимир Короткевич пел белорусские песни, которых он знал множество и очень редких, но я более всего помню, как он пел романс на стихи Богдановича «Зорка Венера». Белорусские песни замечательно пела и жена А. И. Мальдиса Марыля Карловна. Зайцев пел обычно Вертинского — без какого-либо музыкального сопровождения, пел прекрасно, — и это был нетривиальный в тех условиях репертуар.

Происходило все это в двухкомнатной хрущевской квартире на первом этаже, с кухней в пять с половиной метров. Накрывала на стол белоснежную скатерть и мыла потом посуду мама, я, как могла, помогала ей. У нас всегда была красивая посуда, купленная, когда мама вышла замуж, и даже самая простая еда подавалась на хорошем фарфоре, но как-то раз не хватило ни чашек, ни стаканов для чая — их нужно было 18, и мама со смехом налила себе чай в баночку от сметаны. Доктор наук Мартынов сказал: «Валентина

Игнатьевна, позвольте мне пить из баночки» — и поменялся с мамой, а все рассмеялись. И вот в этой атмосфере Вячеслав Кондратьевич мог спеть декадентское «Ты едешь пьяная и очень бледная // По темным улицам совсем одна, // Тебе мерещится дощечка медная // И шторы синия яго окна» — он произносил последнюю строчку именно так.

Увлечением, а потом и в каком-то смысле судьбой Зайцева были пришельцы из космоса и летающие тарелки: новая в те годы тема, тайна, которую обсуждали в интеллигентских гостиных. Он рассказывал об этом завораживающе. Тогда же по советским экранам прошел фильм Эриха Даникена «Воспоминания о будущем», на него было не попасть, смотреть его ходили коллективами, за билетами стояли очереди. В фильме есть эпизод, где Даникен берет интервью у Вячеслава Зайцева на фоне заснеженных русских церквей, а тот говорит о некоторых памятниках культуры, которые не поддаются объяснению с точки зрения «человеческих возможностей».

Он увлеченно, даже со страстью, рассказывал о южных славянах, о сербском сопротивлении во время войны; перевел на русский язык и издал «Османа» Гундулича. В Минске Вячеслав Кондратьевич начал заниматься белорусским Возрождением — литературой позднего Средневековья, и первым дал ей совсем новую интерпретацию. Он поместил белорусскую литературу и феномен первопечатников в контекст Реформации и европейского гуманизма, однако защитить докторскую диссертацию ему не позволили, хотя уже был напечатан автореферат, по причинам не только политическим, но и в связи с карьерными опасениями некоторых его оппонетов. Неся европейские идеи, он невольно перешел дорогу тем, кто, занимаясь техническим комментированием старинных памятников, никаких идей по их поводу не имел и никакого их контекстуального прочтения не предлагал.

Справиться с Вячеславом Кондратьевичем оказалось не очень трудно. Он свободно говорил о своих пришельцах и даже читал лекции в академических институтах, а потом стал связывать тему пришельцев с Богом и напечатал в журнале «Байкал» статью «Боги приходят из космоса», где высказывал гипотезу, что Христос имел «материалистическое объяснение» и мог быть пришельцем, посетившим Землю. Постепенно Зайцев стал верующим и даже пацифистом: он говорил о том, что человечество накопило столько взрывчатых веществ, что их достаточно, чтобы разнести на куски Землю. Его это действительно волновало, но это волновало и Алеся Адамовича, который постепенно от военных повестей передвигался к общефилософским вопросам войны, страдания, гибели.

Своих взглядов Вячеслав Кондратьевич никогда не скрывал: это была свободная вера просвещенного человека. Как написал о нем Семен Владимирович Букчин, он был «упрямый одиночка», и вот все это начало расти как снежный ком: срыв защиты докторской диссертации, какая-то пасквильная статья в «Известиях», недовольство руководства Отделения общественных наук академии. Зайцев публично вышел из партии, так как считал ее политику безнравственной, и через некоторое время его уволили с работы. Мама рассказывала о собрании, где решался его вопрос, я не знаю, о партии или уже об увольнении, но во время перерыва, когда Вячеслав Кондратьевич вышел в коридор и оказался один, мама подошла к нему. «Валя, — сказал он, — они же не могут проголосовать против». «Нет, Слава, они именно так и проголосуют», — ответила мама, и он сказал: «В таком случае они фашисты».

Зайцева уволили, после этого начал ездить по городам с лекциями, был арестован, помещен в тюрьму, потом в психушку, года через два его выпустили, он продолжил заниматься тем же, но, кажется, со временем стал очень верующим человеком. Я помню один мамин разговор с ним, когда на вопрос, чтобы было за эти годы страшнее всего, он ответил: «Не тюрьма и не пересылка. А психиатрическая больница».

На заре того времени, о котором я рассказала, мамой в дневнике были сделаны следующие записи.

8 июля 1963 г.

Сегодня я вместе с Мальдисом и Пширковым пошли в СП на обсуждение (закрытое, в кабинете Бровки[2]) романа Короткевича «Леаніды не вернуцца на зямлю» (в «Полымі» роман печатался под названием «Нельга забыць»). История с изданием романа затянулась, слишком затянулась. В романе увидели отрыв интимной темы от общественной, обвинили в отсутствии «общественной атмосферы». Печатание романа приостановлено, всё разверстано, — с романом ознакомились в ЦК. (Шауро.)

Обсуждение происходило в кабинете Петруся Бровки, куда нас провел Б. Саченко. Мы опоздали ровно на час, да в нашем присутствии никто не нуждался — мы пришли для себя, из чувства солидарности с Короткевичем.

Это трудное время для Володи Короткевича.

Роман при редактировании подвергся частичному уничтожению, предложено полностью снимать фразы вроде: «Чыталі "Ціхі Дон" і жылі проста — лінейным, дысгарманічным жыццём». Вот и общественная атмосфера!..

Замредактора «Маладосці» Осипенко в крайнем усердии уничтожил бы в романе все живое, хотя в жизни это симпатичный мужчина и даже ценит талант Володи. Предложено еще раз изменить заглавие романа «Леаніды…», что касается старого названия «Нельга забыць», Володя забраковал его сам, оно было навязано в «Полымі». К моему удивлению, вельмі памяркоўна выступал Бровка, хотя это очень хитрый и умный человек. Заявил о своей заинтересованности в романе (видно, верит в талант?). В его заявлениях были справедливые моменты, но не лишенные оттенка превосходства и крайней осторожности: «Раман чытаецца цікава, — оценивает Бровка, — гэта важна… Аднак у рамане няма адзнак часу… Ёсць любоў і ўсё… Дайце хоць вонкавыя адзнакі часу. Тое, што адчуваецца літаратуршчына, — гэта нічога. Чалавек валодае культурай, многа ведае, адсюль увесь час адчуванні: "Ах, глядзіце, які я!" Вельмі кніжна, — калі гаварыць па шчырасці — ёсць уплыў Рэмарка і Хэмінгуэя». Затем Бровка советует подсократить поэму, которая включена в прозаический текст романа.

«Усе праўкі, калі пасядзець тыдзень, — заключает Бровка, — будуць зроблены. Караткевіч умее напружана працаваць. Калі ён напісаў за 60 дзён, дык за тыдзень з праўкай справіцца. Карэнна перапрацоўваць не трэба. Рэч такая. што яе не трэба ламаць. Наш абавязак — падтрымаць выданне рамана».

[…]

Заключительное слово Короткевича заняло 3 мінуты — он шел на большие уступки, чтоб только спасти роман для издания книгой: «З 90 % праўкі я згодзен. Там, дзе не згодзен, паспрабую абараніцца. Пашукаю месцы, думкі, каб абгрунтаваць тое, што лічу неабходным пакінуць». Падзякаваў за сяброўскую размову аб рамане».

Приписка другими чернилами через много лет: «Этот роман вышел через 20 лет — зимой 1984 г.!»

12 июля 1963 г.

Вчера, спустя сутки после открытого партийного собрания СП Белоруссии, у меня собрались В. Короткевич, А. Мальдис, А. Адамович, В. Оскоцкий с женой (приехал от «Литературной газеты» на собрание белорусских писателей после июльского Пленума). Были еще… (не имеют отношения к литературным делам).

Вечер как вечер — немного выпили, хотя вин был излишек. Мужчины позаботились. Потом… говорил Володя. Мы все были взволнованы и растревожены тем большим, прекрасным, что есть в Володе и его таланте.

[2] Петрусь Бровка был в то время председателем СП БССР.

Он говорил, читал стихи, пел неизвестные белорусские песни — создал атмосферу подлинной поэзии и каких-то тревожных чувств. Обладая колоссальной памятью и прекрасным слухом, он поет белорусские песни, которых нет даже в записях Р. Ширмы. По просьбе Алеся Адамовича и Нины Васильевны он начал напевать песенки Булата Окуджавы и Новеллы Матвеевой, особенно хорошо о Летучем Голландце, который уйдет с дымом, а из синей птицы испекут паштет.

В ответ на его тост «За Окуджаву» я дерзко сказала Володе, что его «талант и любовь к Окуджаве — несовместимы» и предложила Адамовичу выпить со мной за Блока — «Погружался я в море клевера» — сказала я, и чокнулись рюмками с Алесем, уточнили: «За Блока вместе с Адамовичем». Володя выпил с нами, поставив Богдановича на первое место. И тут же своим звучным голосом прочел нам чеканную блоковскую «Равенну». Последняя строфа итальянского стиха прозвучала пророчески торжественно:

Тень Данте с профилем орлиным
О новой жизни мне поет…

Мы взволнованно слушали, стихи он читает великолепно, живая речь его прекрасна — что не часто случается у поэтов. Потом я переспросила: «А из «Соловьиного сада»?

С какой-то горечью Володя сказал, что «настоящий “Соловьиный сад” есть у художника — глухого, как пень, как Бетховен — в московской квартире художника Н. Полякова (?). «Весь сад залит солнечными зайчиками, он полон радости, жизни… И однако, когда смотришь, чувствуешь, что и в нем не вырваться из черных каменных стен… Я, когда разбогатею и буду иметь деньги за свои книги, куплю эту картину и подарю Вам, пусть висит вот в этой комнате», — от слов Володи лица всех погрустнели. Володя уже давно ничего не получает — один роман в переработке, другой — «Каласы пад сярпом» — пишется, пьеса о Калиновском только еще отдана в театр.

Потом, по моей просьбе, он читал «Здратаваныя магілы» (стихотворение опубликовано в пятом номере «Маладосці»). Всем объяснил, почему посвятил Антеасу, а Нине Оскоцкой — смысл белорусского заглавия «Могилы за колючей проволокой».

Не могу забыть его выступления на открытом партсобрании СП Белоруссии 10 июля. Выступление Володи создало атмосферу человечности в зале. Выступал он после Р. Соболенки, который вслед за Бровкой поносил меня за защиту Б. Саченки, в особенности, в связи с рассказам «Канапляны чад» (сборник «Барвы ранняй восені»). Не героя рассказа, а автора обвиняли в безнравственности.

Володя сумел дать мощную «оплеуху» за примитив и пошлятину, выдаваемые в качестве нравственных начал. Смелым заступничеством за меня (в связи с прошлогодним спором в Союзе о «Канапляным чадзе») он многим напомнил о необходимости всегда и везде быть человеком.

Володя, рано или поздно, по праву займет место большого и талантливого белорусского поэта.

В. Оскоцкий в разговоре со мной (во время перекура на кухне) заявил, что Короткевич несомненно талантлив, но его надо бить, бить и бить, что его должен здорово воспитывать СП, чтоб реализовать его талант. Вот система воспитания талантов в наше время! Бить и не печатать!

…Один из последних тостов был за Володю, что воспринял он веьма нервно, трогательно, теребя душу: «Ребята, не надо!»

Он настолько тонко чувствует, что иногда рядом с ним становится, как на рентгене, кажется, просвечивает, не умеет людям делать больно. А на вид — длинный,

длинный мальчишка с огромными глазами, высоким лбом. Пьет много, но спасает то, что засыпает, а утром — снова свежий…

Рассуждения Володи о подлинности народной песни не могу воспроизвести».

Август 2–3, 1963 г.

Володя очень любит детей. Как-то к слову заметил, что боится иметь их. Почему?

Объяснил, что боится потерять свободу (очевидно, внутреннюю, творческую) из-за куска хлеба для детей. «Они заставят меня писать так, как они захотят. И я буду вынужден из-за ребенка пистаь так, как надо им…»

В связи с этим вопросом много говорит об атомной угрозе.

После новоселья у Мальдиса (Адам с семьей получил комнату в академическом общежитии) заехали ко мне домой Володя, Мартыновы, Мальдисы — всех нас привез Володя на такси, по пути захватив вина. Все были навеселе.

Володя читал нам «Трызненне мужыцкага Брэйгеля» и ненапечатанную «Черную баладу». В настроении его произошла перемена — по пути он дурачился, вел себя, как ребенок, в квартире стал пьяновато трагичен. Вообще у него много какого-то космического трагизма, страха перед атомным веком и его возможными катаклизмами.

Думаю, что к Володе рано или поздно придет необходимость семьи вместе с любовью к обыкновенной молодой женщине, не похожей на его героиню Гореву в романе «Нельга забыць». (Мележ, по-моему, очень удачно назвал ее «московской штучкой».) Многие детали романа и характер героини убеждают, что Горева слишком биографична, живая природа отношений и всей атмосферы романа, между тем, показалась многим слишком книжной, выдуманной.

5 августа 1963 г.

Была в редакции ЛіМа. Пришел огорченный Иван Чигринов. В издательстве из плана сняты книги — Пташникова, Кулаковского, Карпюка и его. Ходил к Матузову[3]:

— Калі вы будзеце мяне друкаваць?

— Тады, калі ты пачнеш інакш пісаць.

У меня «состоялся» неприятнейший разговор с редактором Н. Пашкевичем из-за статьи, невежественной и дикой, Кудрявцева о сборнике поэзии Короткевича «Вячэрнія ветразі» (статья в сборнике «Літаратура нашых дзён»). «Як гэта можа быць, каб сонцам памідоры брызгалі ў глотку?»

В конце концов договорились на статью (мою) о поэзии вообще, чтобы в центре не было разговора о Кудрявцеве — «Аб эстэтычным разуменні паэзіі».

20 сентября 1963 г.

На вечере у Л. Видела Володю. Пьет и пьян, вид ужасный, худой. Роман (очевидно, «Каласы пад сярпом тваім», — *Е. Г.*) *«зарезали», он снят с издания, а Володя все еще надеется: «Мой роман читает Шауро» (секретарь ЦК по идеолог. вопросам). О пьесе с нами не говорит, но за столом, глядя на молодого Володю Ларченко[4], заметил: «Моего Калиновского мог бы сыграть молодой Максим Танк или Володя Ларченко (характерный внешний типаж красивого белоруса с волевыми чертами лица). Калиновский внешне совсем другой, но героический романтический тип белоруса-борца представляется таким, зритель его принял бы именно таким…»*

---

[3] Матузов Захар — директор издательства «Беларусь» в 1960-х гг.

4 Ларченко Владимир — научный сотрудник Института литературы АН БССР.

Году в 1964 или 1965 в Минск приезжал Вольф Мессинг, и мама отвела к нему Короткевича, и тот сказал в конце встречи: «Все ваши книги будут изданы». Так и вышло.

Я не знаю, каким образом мама смогла устроить для В. Короткевича встречу с Мессингом, но вспоминаю в этой связи совсем другой случай из начала 1980-х.

Польская коллега написала маме, что выслала ей книгу по славистике, но бандероль не пришла, а тогда еще почта ходила аккуратно, и маму это так возмутило, что она отправила телеграмму министру. Министру связи СССР. С уведомлением о вручении. Телеграмма была приблизительно такого содержания: почта не доставила мне книгу по специальности, высланную из дружеской социалистической страны. У нас что, существует цензура или воруют на почте? Я помню, как она диктовала этот текст по телефону онемевшему оператору телеграфа.

Через пару дней пришло уведомление, что телеграмму доставили в приемную министра связи СССР, где секретарь расписалась в ее получении, а через несколько недель — официальное письмо от министра, что было проведено расследование (или как это называется) и что изыскивамое отправление на террриторию СССР не попадало. Очевидно, изъятием книг прямо на границе занималось другое ведомство. Министр связи отстоял честь своего.

Когда я рассказываю об этом случае, мне говорят: «Как она не боялась?» Я не знаю. Мама жила всю жизнь, заботясь и волнуясь: обо мне, бабушке, о родных. Но, как сказала она мне, после той первой ленинградской бомбежки решила никогда больше не спускаться в убежище.

Елена ГАПОВА

Юбілейнае

КУЛЬТАВЫ ДОЙЛІД
Да 50-годдзя смерці Івана Жалтоўскага

Кожны стыль — гэта варыяцыя на адзіную тэму,
што жывіць чалавечую культуру, — на тэму гармоніі.
Іван Жалтоўскі

Іван, тады яшчэ Ян, Уладзіслававіч Жалтоўскі нарадзіўся 27 лістапада 1867 г. у Пінску. Тут, у сталіцы Палесся, яму і наканавана было правесці свае першыя дваццаць гадоў жыцця. Уладзіслаў Жалтоўскі, ягоны бацька, памёр заўчасна, калі сыну было толькі адзінаццаць гадоў. Ягоная магіла да сёньня захавалася ў цэнтры старых рыма-каталіцкіх могілак у Пінску. Тутсама Ян/Іван Жалтоўскі скончыўшы быў школу, гімназію і рэальнае вучылішча. Пінская класічная адукацыя дазволіла яму затым лічыцца самым адукаваным і асвечаным архітэктарам СССР. Пра Івана Жалтоўскага цяпер ведае ўвесь свет як пра выбітнага дойліда, які стварыў вобраз той клішаваны Масквы, што ведамы бадай кожнаму, — імперская сталіншчына 1930–1950-х гг.

Ніхто з нашых айчынных архітэктараў не выклікаў гэтулькі процілеглых меркаванняў і супярэчлівых ацэнак, але і не прыцягваў гэткае пільнае ўвагі, як Жалтоўскі. Ягоныя архітэктурныя і эстэтычныя погляды развівалі, але і аспрэчвалі, у адзін час у іх бачылі адкрыццё, а ў іншы — казалі аб іх другаснасці. Яму закідалі таталітарызм і параўноўвалі з Альбертам Шпеерам, дойлідам Гітлера. Там часам самы шырокі і не самы шырокі глядач трыццатых і саракавых гадоў (у Амерыцы і у Еўропе, у Берліне ці ў Маскве, у Варшаве ці ў Амстэрдаме) не меў падозрання, што нейкае мастацтва ёсць таталітарным, але папросту ўважаў ягоную аптымістычную эстэтыку за сучасную. Па ўсім заходнім свеце панавала ар дэко, мала чым адрознае ад дэкаратывізму сталінскіх часоў. Аздоба тагачасных амерыканскіх хмарачосаў ледзьве не як дзве кроплі вады супадае з аздобаю маскоўскага метрапалітэна, над якой карпеў дойлід з Пінска Іван Жалтоўскі: бронза, краты, мармур, рымскія рэгаліі. Маскву Жалтоўскага, сярод іншых, будавалі і тысячы палітычных катаржанаў. Сталінскія сокалы-дойліды пад уплывам колішняга пінчука Івана Жалтоўскага, славутага будаўніка Масквы, вярнуліся на паўтысячы гадоў назад, у эпоху Паладыё й Альберці. Спаміж тым спакваля адрадзіўся і класічны косны акадэмізм. Бродскі запанаваў у жывапісе, Жалтоўскі — у архітэктуры.

Але, вінавацячы Жалтоўскага ў патуранні густам крамлёўскіх правадыроў ці ў анахранічным класіцызме, усе крытыкі мусілі і мусяць прызнаваць за Жалтоўскім найвышэйшы прафесіяналізм, акадэмічную выкшталцонасць і невераемную працаздольнасць. А вось жа вучоба ў Імператарскай Акадэміі мастацтваў, куды ён паступіў, маючы ўжо дваццаць гадоў, расцягнулася ў яго на 11 гадоў! Незаможная сям'я пінскага шляхціца мала чым магла дапамагчы свайму гэніяльнаму сыну, які праз тое мусіў несупынна падрабляць, брацца за розныя будаўнічыя замовы. Цягам ўсяго жыцця Жалтоўскі шмат часу праводзіў на будоўлі, часам не толькі здзяйсняючы архітэктурны нагляд, але і навучаючы сакрэтам майстэрства цесляроў, муляраў, тынкоўшчыкаў.

Нарэшце Жалтоўскі ў 1898 г. закончыў свой дыпломны праект «Народны дом», што быў зроблены ім у майстэрні прафесара Л. І. Тамішка, і атрымаў званне архітэктара-мастака. Па заканчэнні акадэміі Жалтоўскі выправіўся ў далёкі сібірскі Іркуцк, дзе меўся працаваць, але прыпыніўся ў Маскве, дзе атрымаў запрашэнне выкладаць у Строганаўскім вучылішчы. Так, збегам абставінаў Жалтоўскі звязаў свой лёс з Масквою, дзе і жыў да канца дзён сваіх. Адной з першых ягоных работаў тут стаў праект гатэля «Метраполь», што, аднак, згарэў ужо ў 1902 г., не паспеўшы адчыніць дзверы для гасцей.

У 1903 г. Жалтоўскі выйграў конкурс на ўзвядзенне будынка Скакавога таварыства. Паводле ўмоваў конкурсу, будынак патрабавалася запраектаваць у модным тады кшталце англійскае готыкі. Але, выйграўшы конкурс на праектаванне, Жалтоўскі выканаў адразу і новы праект у духу варыяцыі на тэмы расейскага ампіру і італьянскага рэнесансу. Дойлід з Пінску палічыў, што такая архітэктура будзе чужая Маскве, і патрапіў здзівіць і задаволіць тагачасную асвечаную публіку, выкарыстаўшы варыяцыі на класічныя тэмы. У ягонай версіі класічныя матывы атрымалі новы, амаль непазнавальны характар. Гэта быў першы ўзор таго адметнага стылю Жалтоўскага, які ён распрацоўваў усё астатняе жыццё.

Знаўцы архітэктуры адзначаюць змяшэнне матываў архітэктуры рэнесансу і расійскага класіцызму ва ўсіх праектах Жалтоўскага, зробленых на пачатку XX ст. Іншы тагачасны праект Жалтоўскага — загарадны дом у маёнтку Руперт пад Масквою — быў пастаўлены ў высакародным духу паладыянскіх вілаў блізу Вічэнцы. Сярод тых разнастайных густаў, што панавалі ў дойлідстве Расіі на пачатку XX ст., творчыя прыхільнасці Жалтоўскага, што палягалі на пераасэнсванні рэнесансавай спадчыны Італіі, былі выключэннем. Праз тое ягонае творчае крэда няможна з пэўнасцю атаясамліваць з неакласіцызмам, што ўбіраўся ў тыя гады ў сілу па ўсім свеце, бо ад самых сваіх першых работ ён натхняўся перадусім узорамі рэнесансу.

Тут трэба зазначыць, што знаёмства Жалтоўскага з Італіяй, яе культураю і моваю не было павярхоўным і адно тэарэтычным. Ад студэнцкіх гадоў у перапынках між будаўнічымі сезонамі ён шмат падарожнічаў па Еўропе, перадусім па Італіі, у якой бываў дваццаць шэсць разоў(!), нават у гады сталіншчыны. Там ён, прагны да ведаў, багата маляваў, рабіў архітэктурныя абмеры, шкіцаваў арнаменты і дэталі будынкаў. Ён нават здолеў зафіксаваць на стужцы званіцу сабора Сан-Марка, разбуранага ў ліпені 1902 г. з прычыны непрадуманай рэстаўрацыі. Гэты італьянскі досвед, да якога ён звяртаўся рэгулярна, шмат паспрыяў у далейшай ягонай працы. Жалтоўскі вольна валодаў італьянскай, зрэшты, і польскай, і нямецкай, і лацінаю, што моцна вылучала яго сярод усіх савецкіх калег-будаўнікоў. І, вядома ж, каласальным ягоным унёскам у развіццё ачыннае архітэктурнае тэорыі і гісторыі культуры стаў пераклад «Чатырох кніг аб архітэктуры» Андрэа Паладыё на рускую мову (выдадзены ў 1937 г.). Ён сам кіраваўся Паладыявымі прынцыпамі і шматкроць наўпрост пераймаў іх. Адным з палажэнняў гэтай тэорыі было палажэнне аб візуальным павелічэнні архітэктурнага аб’екта.

З ранніх відавочных спробаў прымянення прынцыпаў Паладыё ёсць маскоўскі асабняк Тарасава на Спірыдонаўцы (1909–1912), што доўгі час лічыўся адным з найлепшых пасля эпохі класіцызму ў расійскім будаўніцтве. Асабняк Тарасава значны яшчэ і тым, што ён адзін з першых сведчанняў станаўлення шырока вядомай тэорыі архітэктурнага арганізма, якую ўсё жыццё распрацоўваў майстар. Жалтоўскі стварыў вобраз больш лёгкага будынка, што валодае нарастаючай дынамікай. Асновай праекта Жалтоўскага стаў палац Тыене ў Віченцы, дзе фасады зверху робяцца больш грувасткімі, манументальнымі, а таксама прапорцыі венецыянскага Палаца дожэй.

Акадэмік А. В. Шчусеў, згадваючы свае студэнцкія гады, распавядаў, што вакол Жалтоўскага заўсёды збіраліся студэнты Акадэміі мастацтваў у Пецярбургу і размаўлялі пра мастацтва. Той перыяд ягонае біяграфіі ўжо можна лічыць зараджэннем культавай «школы Жалтоўскага». Імкненне да асэнсавання мастацтва, пошукі адказаў на пытанні эстэтыкі і законаў светабудовы, адрознівалі яго ўжо ў юнацтве. Яшчэ ў тыя гады ён пачаў ствараць сваю тэорыю аб кампазіцыі прыгожага. Такі падыход не мог не стаць педагагічным. Пакутлівы пошук Жалтоўскім ідэальнага архітэктурнага вобраза спрыяў шырокаму падыходу да вырашэння задачы, раскрываў індывідуальнасці

і развіваў ініцыятыву, у ім самім была закладзеная сістэма ўдасканалення майстэрства. Менавіта таму Жалтоўскі здабыў такую шырокую папулярнасць і любоў як выхавацель і настаўнік. Многія працавалі разам з ім і вучыліся на яго пабудовах. Але яшчэ большая колькасць людзей, некалькі генерацый архітэктараў, атрымалі веды і досвед, ўдасканальвалі майстэрства пад яго кіраўніцтвам ужо за савецкім часам.

Ужо да 1917 г. Жалтоўскі стаў адным з найбольш запатрабаваных дойлідаў, які будаваў дамы для самых багатых людзей Расіі. Але не толькі асабнякі. Менавіта яго запрасілі браты Рабушынскія, каб узвесці паселішча для работнікаў арганізаванага ў 1916 г. маскоўскага завода АМО. Унікальнасць асобы Жалтоўскага ўжо ў царскі час была прыкметнаю: у 1909 г. «за известность на художественном поприще» дойліду было прысвоенае званне акадэміка архітэктуры. На пачатку ХХ ст. прыйшло і прызнанне заслуг дойліда ў педагагічнай і асветніцкай дзейнасці. Доказам варта прывесці тое, што ў «Архитектурно-художественном еженедельнике Императорского Общества Архитекторов-художников» за 1914 г. пісалі: «Мастак-архітэктар І. В. Жалтоўскі шмат гадоў ужо з вялікай любоўю дзеліцца сваімі шырокімі ведамі ў гэтай галіне з кожным, хто цікавіцца, таварышам, і цяпер ужо знойдзецца нямала такіх, якія многім ў сваім мастацкім развіцці абавязаныя яму».

Мала каму ведама, што славутая званіца кафедральнага пінскага касцёла Унебаўзяцця Найсвяцейшае Панны Марыі зробленая паводле ягонага праекту. Ніжняя частка званіцы была пабудаваная ў сярэдзіне XIX ст. у духу ампіру. Але пасля пажару Жалтоўскі склаў новы праект яе рэканструкцыі і надбудовы, у выніку чаго яна стала ўдвая вышэйшаю і цалкам змяніла сваё аблічча, нагэтулькі гарманічна ўвайшоўшы ў барочны ансамбль былога кляштара францішканаў, што пра гэта ўжо мала хто задумваецца. Праект званіцы быў зацверджаны ў 1912 г., але з-за вайны і рэвалюцыі рэалізаваны толькі ў 1923–1924 гг. Славуты ўжо тады маскоўскі архітэктар Жалтоўскі акурат у тыя гады, да 1926 г., фактычна жыў у Італіі, спадчыну якой ён проста багоміў. Можна прыпусціць, што ён у тыя гады бываў і ў Пінску, мог пільнаваць будаўніцтва гэтае званіцы, наведваць бацькоўскую магілу…

Лёс абсалютнае большасці архітэктараў, якія атрымоўвалі адукацыю да рэвалюцыі, склаўся ў БССР драматычна. Напрыклад, у 1930-я гг. былі расстраляныя галоўныя архітэктары Мінска, Гомеля, Віцебска — Гайдукевіч, Шабунеўскі, Коршыкаў.

Але лёс Жалтоўскага стаў проста цудам. Ён спакваля пераўтварыўся ў найбуйнейшага мэтра, які прадвызначыў шляхі савецкае архітэктуры сярэдзіны ХХ ст. Менавіта да Жалтоўскага, руплівага і паслядоўнага захавальніка класічных традыцый, прыслухоўваліся і ўлады. Ведама, што пасля рэвалюцыі ён добрахвотна ўключыўся ў працу па стварэнні новага свету бальшавікоў — Масквы. Прычым пратэкцыю яму склаў сам наркам асветы А. В. Луначарскі, які ў 1919 г. пісаў Леніну: *«Горача рэкамендую Вам ледзь не самага выдатнага рускага архітэктара, які набыў усерасійскае і еўрапейскае імя — грамадзяніна Жалтоўскага».* Неўзабаве Жалтоўскі быў асабіста прадстаўлены правадыру. Вядома, што ў ліпені 1919 г. У. І. Ленін насамрэч гутарыў з дойлідам у будынку былое Маскоўскае гарадское думы пра распрацоўку першага бальшавісцкага плана рэканструкцыі Масквы. Пазней Жалтоўскі, які стаў і аўтарам мемуараў пра сустрэчы з Леніным пісаў: *«Падчас размовы Уладзімір Ільіч аддаў вялікую ўвагу пытанням азелянення горада. <…> Слухаючы Леніна, я выразна ўяўляў, якім цудоўным горадам павінна стаць будучая Масква».* Натуральна, што галоўным архітэктарам і аўтарам праекта стаў сам Іван Уладзіслававіч Жалтоўскі. У першыя ж паслярэвалюцыйныя гады дойлід удзельнічаў у перапланіроўцы Масквы.

Ім жа быў распрацаваны праект Усерасійскае сельскагаспадарчае выставы (пазней ВДНГ). Менавіта ў гэтыя гады пад кіраўніцтвам Жалтоўскага ўзводзяцца будынкі Маскоўскай ГЭС, Дзяржбанка на Няглінная, кінатэатры «Слава» і «Буревестник».

Да эрудыта і эстэта Жалтоўскага цягнулася моладзь, якая нядаўна была адданая ідэям фукцыяналізму і канструктывізму. Але мэтр перавыхоўваў іх у духу класікі, што, як тады здавалася, адкрывала новыя далягляды абнаўлення і высокага гуманізма. Пад уплывам Жалтоўскга яны штудыявалі найлепшыя дасягненні еўрапейскае спадчыны. Ён на занятках настойліва даводзіў вучням, што архітэктура — гэта не папяровая творчасць, а сапраўднае мастацтва. Ён рэкамендаваў ім унурвацца ва ўсе дэталі будаўнічае справы, вывучаць працу майстроў муроўкі і тынкоўкі, альфрэйную і цяслярскую справы, як некалі гэта рабіў і ён. У 1933 г. «для практычнага выканання велічэзных архітэктурных работ, прадугледжаных планам рэканструкцыі Масквы», былі створаны архітэктурныя майстэрні Массавета — 10 праектных і 10 планіровачных. На чале трох першых майстэрняў былі пастаўленыя адпаведна найбуйнейшыя архітэктары, якія пачалі сваю творчую дзейнасць яшчэ ў дарэвалюцыйнай Расіі: акадэмікі І. У. Жалтоўскі, І. А. Фамін і А. В. Шчусеў. На працягу перадваеннага дзесяцігоддзя архітэктурная майстэрня № 1 Массавета, кіраваная выбітным дойлідам, праектавала і будавала на ўсёй тэрыторыі СССР, і ў Беларусі таксама. Так паступова складваўся калектыў маладых архітэктараў-аднадумцаў, які пасля перарасце ў майстэрню-школу І. У. Жалтоўскага.

Схільнасць Жалтоўскага да рэтраспекцыі дазволіла яму з асаблівым бляскам прадэманстраваць глыбокае разуменне прыроды архітэктуры, філігранную тэхніку аналізу і сінтэзу яе мастацкай формы. Але толькі яму і, можа быць, мала каму з таленавітых яго паслядоўнікаў. У першыя ж гады пасля рэвалюцыі Іван Уладзіслававіч рыхтаваў маладых дойлідаў ва «Вхутемасе» і «Вхутеине», дзе вакол яго збіраліся выдатныя творцы, якія сталі пасля славутымі архітэктарамі: Г. Гольц, М. Паруснікаў, І. Собалеў, С. Кожын, В. Какорын, а таксама скульптары І. Шадр, С. Канёнкаў, С. Меркурый. А на пачатку 1930-х гг. у зноў арганізаванай Першай майстэрні Массавета пад яго кіраўніцтвам працавалі А. Уласаў, М. Баршч, М. Сіняўскі, Г. Зундблат, Я. Ёхэлес, К. Афанасьеў, В. Калона, П. Равякін, Н. Рыпінскі. Усе яны ў той ці іншай ступені могуць лічыцца вучнямі Івана Уладзіслававіча. А многія тыя гады, калі лютавалі рэпрэсіі, не перажылі…

Менавіта лінія Жалтоўскага ў вялікай меры вызначыла той шлях, па якім пайшло асваенне класічнай спадчыны ў савецкай архітэктуры ў гады культу асобы і што ўжо ў канцы 1950-х гг. прывёў да новага канфлікту паміж архітэктурнымі формамі і грамадскімі патрэбамі. Паводле іроніі лёсу менавіта гуманістычны і культурніцкі пафас Жалтоўскага сталі самымі яскравымі сімваламі эпохі культу асобы.

Ва ўзаемадачыненнях Сталіна і слыннага дойліда не ўсё было адназначна. Іван Жалтоўскі не раз выступаў у абарону помнікаў старасвеччыны. Часам ягоны аўтарытэт спрацоўваў. А часам ён патрапляў у пастку. Сярод іншых дакументаў захаваўся ліст Сталіна ў адказ на зварот дзеячаў культуры с просьбаю не руйнаваць славутую Сухараву вежу — адзін з сімвалаў старасвецкае Масквы: *«Тт. Щусеву, Эфрос, Жолтовскому и другим. Письмо с предложением — не разрушать Сухареву башню получил. Решение о разрушении башни было принято в свое время Правительством. Лично считаю это решение правильным, полагая, что советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня. Жалею, что, несмотря на все мое уважение к вам, не имею возможности в данном случае оказать вам услугу. Уважающий вас И. Сталин. 22. IV. 34 г.»*. То бок катэгарычна адмаўляючы ў захаванні унікальнага помніка, ён заахвочвае дойлідаў пераўзысці ўсё,

што было створанае да ягонай эпохі. І Жалтоўскі ўзяўся за пастаўленую правадыром народаў задачу. Ён стаў творцам маштабу, адпаведнага культу асобы.

У 1932 г. Жалтоўскаму было прысвоенае званне заслужанага дзеяча навукі і мастацтва РСФСР. Трыццатыя гады былі вельмі плённымі для дойліда. Ён шмат будуе ў Сочы, Грозным, Дом Саветаў у Махачкале, распрацоўвае праекты Інстытута літаратуры імя Горкага ў Маскве, тэатра ў Таганрогу, дома на Махавой вуліцы ў Маскве.

У 1939 г. І. У. Жалтоўскі быў прызначаны кіраўніком архітэктурнай майстэрні, што ў 1945 г. была рэарганізаваная ў школу-майстэрню Жалтоўскага. Вучні гэтай майстэрні бралі ўдзел у будаўніцтве і аднаўленні не толькі Масквы, але і гарадоў Беларусі. У ягонай маскоўскай майстэрні праектаваліся і карэктаваліся планы паваеннага аднаўлення Гомеля і будаўніцтва паасобных аб’ектаў у Мазыры і Пінску… Менавіта вучні Жалтоўскага — славутыя дойліды Баршч і Парусьнікаў — стваралі ансамбль праспекта Сталіна ў Мінску. Гэтак акадэмік архітэктуры Жалтоўскі спрычыніўся да будаўніцтва ў родным краі…

Месца для пабудовы тэатра ў Гомелі было абранае яшчэ перад вайною Іванам Жалтоўскім асабіста. Ягоны праект, зроблены напярэдадні вайны, у 1941 г. стаў асноваю для ягонае пабудовы ў 1947–1956 гг. Праект быў распрацаваны яшчэ ў 1940–1941 гг. Усесаюзным трэстам «Театрпраект». Аб’ёмна-прасторавая кампазіцыя будынка падпарадкавана строгай сіметрыі з акцэнтаваннем галоўнае восі, на якой размешчаныя ўсе памяшканні, ад вестыбюля да вялікае глядзельнае залы і падсобак. У мастацкім афармленні выкарыстаны традыцыйны для будынкаў Жалтоўскага чатырохкалонны портык з развітым франтонам, аздобленым скульптураю.

У 1949 г. пастановаю СНК БССР было вырашана аднавіць ў Гомелі будаўніцтва тэатра. Паваенным будаўніцтвам гомельскага тэатра кіраваў адзін з вучняў слыннага дойліда — ленінградскі архітэктар Аляксандр Тарасенка, які, дарэчы, пабудаваў таксама тэатры ў Ашхабаце, Ніжнім Тагіле і г. д. У будаўніцтве і абсталяванні тэатра з вялікім энтузіязмам удзельнічалі прадпрыемствы і будаўнічыя арганізацыі Гомеля. Відавочна, што працы, зробленыя архітэктарам А. В. Тарасенкам пад кіраўніцтвам Жалтоўскага, вымагалі карэктавання на месцы.Так атрымалася, што сцэнічная каробка гомельскага тэатра, выступаючы за асноўны аб’ём будынка, не гарманічна звязаная з агульнай архітэктурнай кампазіцыяй. У выніку павелічэння глядзельнае залы да 800 месцаў, нашмат больш, чым у перадваенным праекце, атрымалася такая недасканаласць, адыход ад першаснага ўзору культавага дойліда. Тым часам Гомель з нецярплівасцю чакаў тэатральнага свята. І 6 лістапада 1954 г. на прэм’еру спектакля былі запрошаныя гараджане і самі будаўнікі. Жыхары Гомеля памкнуліся ў светлы храм мастацтва, што ўвянчаны статуяй Мельпамены. На жаль, першапачатковы праект Жалтоўскага гэтага тэатра пакуль не знойдзены. Як і шмат іншых ягоных беларускіх праектаў…

У сярэдзіне 1950-х гг. у майстэрні-школе Жалтоўскага пад ягоным непасрэдным кіраўніцтвам выконваюцца ўсе конкурсныя работы, што праводзіліся ў Маскве: Барадзінскім панарама, Палац піянераў, Палац працы, Палац Саветаў на Ленінскіх гарах (1957), там жа пантэон Вялікім людзям (1952–1954), серыя праектаў тыпавых клубаў і кінатэатраў, Дом саюзаў ВЦСПС на Крымскай набярэжнай (1953–1957). На жаль, не ўсе яны былі ажыццёўленыя. Конкурс на дом ВЦСПС меў складаныя абмежавальныя ўмовы, будынак мусіў адпавядаць адначасова блізка размешчанай да ракі Масквы, галоўнай воднай артэрыі сталіцы, і да Садовага кальца, цяпер велізарнай транспартнай магістралі. Жалтоўскі зрабіў некалькі варыянтаў праекта. Амаль у кожным любімая архітэктарам вежачка, увянчаная каронай, завяршаюць раскрыццё плошчы на раку, пазначаючы ўваход у комплекс і падтрымліваючы сувязь маскоўскіх вышын-

ных дамінантаў — МДУ і Крамля. Пры кансультацыі І. У. Жалтоўскага быў створаны комплекс элітнага санаторыя «Горны» ў Ялце. Па сутнасці славуты дойлід выступаў натхняльнікам гэтага праекта, рэалізацыя і адказнасць за якаснае выкананне якога леглі на плечы членаў школы-майстэрні, ужо самастойных архітэктараў. Маляўніча раскіданыя карпусы і альтанкі-ратонда, лёгкія і ажурныя будынкі, працяты паветрам і паўднёвым сонцам, увасаблялі галоўную запаведзь акадэміка: архітэктура павінна гарманічна злучацца з прыродай. Бадай, гэтае збудаванне ёсць квінтэсэнцыяй метаду і поглядаў вялікага дойліда.

Напрыканцы 1940-х гг. школа Жалтоўскага пачала падлягаць крытыцы і ганенням, але ў 1950 г., калі майстрам школы на чале з мэтрам прысудзілі Сталінскую прэмію, крытыка і сумневы аціхлі…

Перад Вялікай Айчыннай вайной ён праектуе, а ў канцы 1940-х гг. будуе два жылыя будынкі ў Маскве: на Смаленскай плошчы і на Вялікай Калужскай вуліцы.

Наогул, дом на Смаленскай плошчы — адна з найлепшых работ майстра. Будаўніцтва было пачатае напярэдадні вайны і завершанае ў 1951 г. Нягледзячы на велізарны аб'ём і простую форму, будынак не выклікае адчування грувасткасці і манатоннасці. Гэта тлумачыцца ўмела знойдзенымі гарызантальнымі чляненнямі, светлай абліцоўкай, але перш за ўсё — арыгінальным рытмам дэкаратыўных уставак на ўзроўні 6-га і 7-га паверхаў, што імкнуцца да кампазіцыйнай цэнтра. Гэты «рух налева» падкрэслены і зрушаны ў бок Арбата магутнай аркай. Масіўны аб'ём дома завяршаецца з тарца вежаю, што стылізуе формы італьянскага рэнесансу і замыкае перспектыву значнага адрэзка Садовага кальца. У 1958 г. у цокаль будынка ўбудавалі вестыбюль станцыі метро «Смаленская», чым яшчэ больш ўзмацнілі «важкасць» левай часткі дома. На пачатку 1950-х гг. разам са сваімі вучнямі Жалтоўскі ўдзельнічае ў конкурсе на фасады буйнапанельных гмахаў. На конкурс імі былі прадстаўленыя шэсць дамоў рознай канфігурацыі.

Іван Уладзіслававіч Жалтоўскі глыбей за каго б то ні было ведаў і, магчыма, таньчэй за іншых класічную архітэктуру. Пры гэтым вызначаўся дзіўнай паслядоўнасцю ў сваёй творчасці. Ад пачатку і да канца сваёй шматгадовай дзейнасці ён не выходзіў з кола архітэктурных ідэй і тэм італьянскага Адраджэння. Апошняй буйной працай дойліда стаў конкурсны праект Палаца на Ленінскіх гарах. Вялікаму майстру было ў той час дзевяноста гадоў.

Памёр Жалтоўскі ў Маскве 16 ліпеня 1959 г. Так атрымалася, што разам з ім сышоў і той вялікі стыль, што быў ім створаны і развіты ў невераемных памерах, што насамрэч, як і наканаваў Сталін, пераўзышло амаль усё, створанае ў папярэдні эпохі. І гэтая акалічнасць паводле іроніі лёсу амаль разбурыла памяць пра вялікага дойліда часоў культу асобы. У 1960–1970-я гг. згадваць яго лічылася наогул непрынятым…

Як тое ні парадаксальна, вялікая бібліяграфія Жалтоўскага, ягоных перакладаў, артыкулаў і ўспамінаў да сёння слаба вывучаная. Наколькі аўтарскімі былі, напрыклад, запісы ягоных успамінаў пра Леніна? Сёння мы маем вялікую колькасць мемуараў ягоных вучняў, але даследаванняў менавіта ў беларускім кантэксце не праводзілася. Засталіся неапублікаванымі мемурныя нататкі пра сустрэчы з Жалтоўскім слынных беларускіх архітэктараў Уладзімера Караля і Яўгена Заслаўскага. Урэшце, недаступнымі пакуль ёсць для даследчыкаў шкіцы і праекты Жалтоўскага для беларускіх гарадоў. Роўна ж, як і ягонае ліставанне са Сталіным.

Жалтоўскі імкнуўся па-свойму асэнсаваць іх дачыненні да новых грамадскім умоваў і магчымасцям будаўніцтва. Гэты творчы вынаходніцкы пачатак парадаксальна выявіўся нават у тых выпадках, калі архітэктурныя матывы і формы, запазычаныя

ў Італіі, падаюцца амаль літаральнымі, як, напрыклад, у вядомым доме на Махавой вуліцы ў Маскве. За якім стаіць своеасаблівая і глыбокая філасофія архітэктуры, складае самы моцны бок творчае індывідуальнасці Жалтоўскага. І менавіта гэтая мяжа паміж кампіляцыяй, перайманнем і натхненнем аказалася вельмі тонкай, амаль няўлоўнаю. І менавіта яе разуменне Жалтоўскі, геніяльны настаўнік і дойлід ня здолеў перадаць сваім шматлікім вучням. Яны, заставіўшы Беларусь і ўсю шостую частку свету сваімі будынкамі, не здолелі ўзняцца да тых вышыняў, па-над якімі ззяў ягоны геній. На памяць пра земляка ў Беларусі засталіся два шэдэўры, што прыпісваюцца менавіта яму — званіца касцёла ў Пінску і тэатр у Гомелі. Але таксама і сотні будынкаў, узведзеных па ўсёй Беларусі ў эпоху Сталіна ягонымі вучнямі і пераймальнікамі.

Літаратура: Архітэктура Беларусі // Беларуская Энцыклапэдыя імя Пятруся Броўкі. Мінск, 1993; Воінаў А. А. Горадабудаўніцтва і архітэктура // Гісторыя беларускага мастацтва. Т. 5. Мінск: Навука і тэхніка, 1992; Градостроительство Белоруссии / В. И. Аникин, Е. Л. Заславский, И. А. Иодо, Г. А. Потаев, А. В. Сычева; под общей редакцией А. В. Сычевой. Минск: Вышэйшая школа, 1988; Астафьева-Дуглач М. И., Волчок Ю. П. И. Жолтовский // Зодчие Москвы XX в. М., 1988; Воинов А. А. История архитектуры Белоруссии. Минск: Вышэйшая школа, 1987; Зальцман А. Творчество Жолтовского // Архитектура СССР. № 3–4; Емельянова О. Л. Воспоминания о Жолтовском // Архитектура и строительство Москвы. 2003. № 4; Иван Владиславович Жолтовский // Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 1. М., 1957; Игнатьева Л. Жолтовский и московская архитектурная традиция // Архитектура СССР. 1987. № 3; Игнатьева Л. Иван Владиславович Жолтовский // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 12; Круглов М., Лебедев Г., Сукоян Н. Иван Владиславович Жолтовский. К 90-летию со дня рождения // Архитектура СССР. 1957. № 12. С. 21–28; Ощепков Г. Д. И. В. Жолтовский. Проекты и постройки. М.: ГСИ, 1953; Потапов Л. С. Силуэт Минска. Минск: Навука і тэхніка, 1980; Ревзин Г. И. Архитектурная теория И. В. Жолтовского // Искусство. 1988. № 10; Соболев И. Выдающийся мастер советской архитектуры. К 85-летию И. В. Жолтовского // Архитектура и строительство Москвы. 1952. № 2. С. 14–18; Фирсова А. В. Учитель (об архитекторе Иване Владиславовиче Жолтовском) / А. В Фирсова. Архитектура и строительство Москвы. 2004. № 3; Харэўскі С. Культавае дойлідства Заходняй Беларусі 1915–1940 гг. Вільня: ЕГУ, 2008; Хигер Р. Зодчий И. В. Жолтовский. К 100-летию со дня рождения // Архитектура СССР. 1968. № 2.

Сяргей ХАРЭЎСКІ

БЮВАР МАКСІМА ЛУЖАНІНА

Ядлоўцавы кій дарэмна чакаў яго ў прадаўгаватым калідоры — гаспадар з дому амаль не выходзіў. Куды там з дому! Бывала, пакуль датупае дзверы адчыніць — чакаць надакучыць. Таму, абазваўшыся да яго ў дамафон, я не выклікаў ліфт, а няспешна падымаўся па лесвіцы. Я на пяты паверх, ён з дальняга пакоя да ўваходных дзвярэй — даходзілі звычайна адначасова.

Аднойчы я спытаўся пра той адшліфаваны рукамі кій і пачуў, што гэта не проста кій, а посах і музейная рэліквія, бо належаў раней Якубу Коласу. Народны паэт падараваў яго свайму сакратару з пажаданнем доўгай хады па дарозе жыцця. Пажаданне збылося: новы гаспадар кія пражыў дзевяноста два гады і на сваё дзевяностагоддзе зладзіў тры творчыя вечарыны.

Дзень нашага знаёмства зафіксаваны аўтографам на кнізе «Трое»: «Пазнаёміліся, можа, і падружым. Міхасю Скоблу — жадаю дабра. Максім Лужанін. 28 лістапада 1994 года». Я і сёння люблю пагартаць яе, перачытаць эсэ пра Аркадзя Куляшова, Тодара Кляшторнага, Уладзіміра Жылку, Уладзіміра Караткевіча. «Дарога поруч прайшлася нелапая», — так пачынаўся лужанінскі ўспамін пра майго ўлюбёнага паэта Уладзіміра Жылку. Зачапіўшыся за незразумелае для мяне слоўца «нелапая», я пачаў распытвацца пра Жылку больш падрабязна — акурат рыхтаваў ягоны том для «Беларускага кнігазбора». Урэшце дамовіліся, што аўтар эсэ дапоўніць яго новымі згадкамі. І абяцанне сваё ён неўзабаве стрымаў. А пісьмовы дадатак падмацаваў унікальным здымкам, на якім два Уладзіміры — Жылка і Дубоўка — па-маладому бадзёра паглядаюць у аб'ектыў фотакамеры.

Гаварыў Максім Лужанін нетаропка. Пазначанай тэмы, як правіла, хапала на цэлую гадзіну, а то і дзве. Памяць ён меў выдатную, праўда, часам пачынаў расказваць ужо напісанае і надрукаванае. А я з далікатнасці не перапыняў. Сёння памяць мераюць кампутарнымі мегабайтамі. Думаю, што лужанінская памяць магла б паспаборнічаць з любым кампутарам, у ёй спарадкавана ляжалі незлічоныя «файлы» і паслухмяна адкрываліся на жаданне гаспадара.

Пра што і пра каго я ў яго пытаўся? Пра Юрку Лістапада, пра братоў Міколу і Рыгора Казакоў і Лістападаўскі працэс у 1926 г. Пра сустрэчу з Ганнай Ахматавай, якая перакладала вершы Лужаніна. Пра «Узвышша» і трагічны лёс ягоных чальцоў — Адама Бабарэкі, Уладзіміра Дубоўкі, Язэпа Пушчы. Пра ваенны побыт у Маскве і загадкавую смерць Янкі Купалы…

Пра штосьці Аляксандр Амвросьевіч расказваў ахвотна, пра штосьці — не вельмі, часам — адмоўчваўся. Я не адступаўся і ў сваёй настойлівасці, здаецца, перабіраў меру. Але, нягледзячы на гэта, адносіны Лужаніна да мяне заставаліся прыязнымі.

Аднойчы ён папрасіў пачытаць машынапіс падрыхтаванай для выдавецтва «Мастацкая літаратура» аповесці «Наўздагон за падвойнікам». Свежае, незамыленае вока і чуйнае вуха, звычайна, былі патрэбныя пісьменніку для апрабацыі новых рэчаў. І вось пільнавокім і чуйнавухім ён чамусьці палічыў мяне. Я прачытаў аповесць і даволі самаўпэўнена наставіў на палях галачак і пытальнікаў. Дакладна памятаю, што іх было значна больш, чым плюсаў і клічнікаў. Думаў, аўтар пакрыўдзіцца. Не пакрыўдзіўся і прыслаў адказ у пісьмовай форме — на пяці старонках дробным почыркам.

Дадаткова прыязніла нас і любоў да кнігі. Прачуўшы пра цікавае выданне, Лужанін прасіў пашукаць лішні асобнік і для яго. Наўзамен мог аддзячыць такім рарытэтам, якія і ў букіністычнай краме — рэдкасць. Помніцца, як ён сваёй нечаканай шчодрасцю здзівіў і сваіх хатніх (яшчэ жыла Яўгенія Эргардаўна Пфляўмбаўм, а даглядала іх абаіх

унучка Тодара Кляшторнага — Тамара), і мяне. Ды і сам, па-мойму, здзівіўся. Падвёўшы мяне да кніжнай шафы, Лужанін разнасцежыў ніжнія дзверцы і без ваганняў прамовіў: «Бярыце ўсё, што вам трэба!» Паліцы былі літаральна забітыя заходнебеларускімі і дарэвалюцыйнымі выданнямі. Я нерашуча ўзяў у рукі кнігу ў мяккай някідкай вокладцы, разгарнуў і прачытаў: «Мілай Жэні — Янка Купала»… Я паставіў кнігу на ранейшае месца, каб быць далей ад спакусы. Наступным трапіў мне ў рукі зборнік таго ж Янкі Купалы «Шляхам жыцця» — ужо без аўтографа. «Бярыце-бярыце», — зноў пабачыўшы нерашучасць на маім твары, гэтым разам не змоўчаў гаспадар. Я ўзяў. І сёння я люблю перачытваць Купалу не па новых выданнях, а па тым, заўважна пашкуматаным царскай цэнзурай, зборніку.

Здзівіў мяне Максім Лужанін і яшчэ раз. Я шанаваў і шаную паэтку Яўгенію Пфляўмбаўм. Мне пашчасціла размаўляць з ёю, хоць паэтка ўжо не ўставала з ложка. Памятаю, радавалася, калі я прынёс ёй кнігу Сяргея Дубаўца «Практыкаванні» з артыкулам «Тры паэзіі» — пра Наталлю Арсенневу, Ларысу Геніюш і яе, Яўгенію Пфляўмбаўм. У адзін са сваіх прыходаў я прыхапіў з сабой яе зборнік «На захадзе сонца» — на подпіс. Зборнік адразу забраў Лужанін, сеў за стол і на маіх вачах левай рукой (звычайна пісаў ён правай) напісаў колькі словаў і распісаўся: Яўгенія Пфляўмбаўм. Агаломшаны такім паваротам падзей, я спачатку хацеў абурыцца: чаму і па якім праве ён падпісвае чужыя кнігі?! Але ў гэты момант Лужаніна гукнулі да тэлефона, а па вяртанні ён неяк асабліва пранікліва паглядзеў мне ў вочы, і я не абурыўся, разумеючы, што тут мае месца нейкая сямейная таямніца, калі не драма…

З Анатолем Вярцінскім мы неаднаразова бывалі на лужанінскіх днях народзінаў, у тым ліку на шыкоўным застоллі ў таварыстве «Радзіма» з нагоды 90-годдзя. Там было шумна, шматлюдна, юбіляр сядзеў у паважным прэзідыуме… Мне больш падабаліся хатнія святкаванні — са сціплай пачосткай, але з раскошай размовы пра ўсё на свеце. Па коле пускалася маленькая срэбная чарачка, знойдзеная пасля вайны Лужаніным на папялішчы Купалавай хаты. У куце стаяў посах Коласа, на стале — чарка Купалы… Антураж! Натуральна, звінелі ў тых застоллях і больш ёмістыя чаркі, але злоўжыванняў не памятаю — да Лужаніна ішлі не з Бахусам абдымацца. Чаркавання з ім сам-насам я не памятаю, і тым не менш аднойчы паэт «узнагародзіў» мяне вершам-эпіграмай:

Міхась, Вы заўсёды ў раз’ездах,
І вас у мой бок не хіне.
А тут у абдымках жалезных
Хваробы трымаюць мяне.

Ды я ў камізэльку не плачу
Нікому, ў тым ліку і Вам.
Жадаю у справах удачы
І памяці — хоць на сто грам.

Гэтыя «сто грам памяці» і тады мяне збянтэжылі, ды і сёння прыгадваюцца, калі трэба адведаць каго са старэйшых, а часу ўсё не хапае і не хапае.

Ад Лужаніна я ўпершыню пачуў крамольны верш Уладзіміра Дубоўкі, які пачынаецца радкамі: «Падобны з твару да машчэй, а па душы — даўно нябожчык, ты жыў яшчэ, стары кашчэй, усё мінаеш хату з дошчак…». Гэты верш амаль дваццаць гадоў распаўсюджваўся ў машынапісных копіях, быў напісаны ў 1975-м, а ўпершыню апублікаваны — у 1994 г. у тыднёвіку «Літаратура і мастацтва». Увайшоў ён і ў Дубоўкаву кнігу «О Беларусь, мая шыпшына» (2002), укладзеную Змітром Давыдоўскім.

На маё пытанне, хто ж гэты «стары кашчэй», Лужанін адказаў адназначна: Пятрусь Броўка. Я папрасіў яго напісаць, дзе і пры якіх абставінах трапіў да яго гэты тэкст. Аляксандр Амвросьевіч тут жа прысеў да стала, на другім аркушы машынапісу зрабіў прыпіску ад рукі і абодва аркушы перадаў мне.

Вось тая прыпіска: «Уладзімір Мікалаевіч прыйшоў да нас ранічкай, як заўсёды, бываючы ў Мінску, — паснедаць разам. Тады, як успамінаецца, ён перш за ўсё папрасіўся паляпаць на машынцы. Калі праз паўгадзіны я зайшоў у свой пакой сказаць, што снеданне стыне, ён з усмешкай падаў мне гэтыя лісткі і пачаў рваць на шматкі прынесеныя з сабой кавалкі паперы, відаць, чарнавікі, накіданыя ўночы ў гасцініцы. Аддаць мне — не захацеў, толькі папрасіў: *"Цяпер не паказвай нікому, пакажаш, калі некага з нас не стане: мяне ці яго"*. Так і даляжаўся гэты верш да 1993 году, калі пры генеральнай падчыстцы архіва выгарнуўся з папкі, дзе складалася напісанае не мною».

Нягледзячы на такое прызнанне, даследчыкі да гэтай пары сумняваюцца, што Дубоўка прысвяціў свой знішчальны верш менавіта Броўку. Аўтар біяграфічнага рамана пра Дубоўку Алесь Пашкевіч лічыць, што «кашчэем» паэт назваў Кандрата Крапіву. А Зміцер Давыдоўскі, спасылаючыся на неапублікаваныя раздзелы ўспамінаў Дубоўкавай удавы Марыі Пятроўны, цвердзіць, што верш адрасаваны… самому Лужаніну.

А як жа сняданкі ў Мінску з маскоўскім госцем і просьба апублікаваць верш, калі «некага з нас не стане»?

Максім Лужанін пра многае паспеў расказаць і напісаць, але да апошніх сваіх дзён захоўваў пэўную асцярожнасць. Памятаю, паказваў ён мне віншаванне з Днём Перамогі ад кіраўніка краіны, згадваў пра нейкія зваблівыя прапановы ад вярхоўнай улады. І тут жа, разгарнуўшы нататнік, з усмешкай чытаў свежанапісаныя радкі: «Да вянца мяне вядуць, // хочуць, каб згалеў дашчэнту // і каб выдзьмуў у дуду // гімн ухвальны прэзідэнту». Гэткіх палітычна завостраных вершаў у Лужаніна назбіралася з дзесятак, і мне захацелася запісаць іх для радыё «Свабода». Паэт завагаўся, і тут, памятаецца, мне дапамагла Тамара Кляшторная: «Дзядуля, ну колькі можна баяцца?» Я хуценька дастаў дыктафон, пачаўся запіс. Але, не міргнуўшы вокам, Лужанін замест «прэзідэнту» прачытаў «неспадзеўку». Такой бяды, што ў адрэдагаваным на хаду вершы прападала дакладная рыфма і губляўся сэнс… Верш з перадачы, зразумела, выпаў.

Нядаўна ў сваёй фанатэцы я знайшоў той даўні запіс — трыццаць хвілінаў размовы. У радыёэфір, разам з астатнімі вершамі, у лістападзе 1999 г. пайшла толькі палова. А паколькі было гэта ў даінтэрнэтную эпоху, то тэкст гутаркі застаўся толькі на дыктафоннай касеце. Памятаючы сакрамэнтальнае «Verba volant scripta manent», прапаную чытачам альманаха поўны тэкст таго інтэрв'ю.

* * *

М. С.: Аляксандр Амвросьевіч, у пісьменніцкім даведніку пазначана, што вы вучыліся ў «трэцяй групе працоўнай школы I ступені». Назва не зусім звычайная. А навучанне якое было?

М. Л.: Навучанне было адпаведнае назве, але, калі ўжо гаварыць праўду, то паступіў я ў першы клас гімназіі, славутай Слуцкай гімназіі. Тады якраз савецкай улады на Случчыне не было, былі палякі, яны выселілі нашу гімназію і занялі яе пад польскую, імя Юльюша Славацкага. А мы вучыліся на Калоніі, гэта ўскраіна Слуцка, там былі будынкі барачнага тыпу, у адным з іх мы і вучыліся. Хадзіць туды было даволі далёка ад той кватэры, дзе я жыў у Слуцку, і я аднойчы спазніўся на лекцыю, прыйшоў пазнавата. У класе было халодна. Сярэдняга росту, даволі шчуплы чалавек хадзіў між партамі, і пальцечка ў яго было такое самае, як і ў мяне, на падбіўцы з ветрам. Ён адразу даў мне кніжку ў рукі

і кажа: «На, чытай!» Я паглядзеў: кніжка была надрукавана па-беларуску. Я бачыў раней адну беларускую кніжку — «Шляхам жыцця» Янкі Купалы, але Купалу я не адолеў. А настаўнік даў мне чытанку «Наша крыніца», якую выдаў Жылуновіч (Цішка Гартны) у Берліне. Ён там выдаў некалькі кніжак: гэтую чытанку, сваю кніжку (першую частку рамана «Сокі цаліны») і спеўнік Тэраўскага. Калі я адмовіўся чытаць, настаўніка гэта здзівіла: «Дык гэта ж твая мова, ты на ёй гаворыш!» Я прыгледзеўся і пачаў чытаць, але так, як у нашай вёсцы гаварылі. А ў нас трошкі своеасаблівае вымаўленне, у нас гавораць «аўёс», «прыўёз», «смолны», «палцы» — без мяккага знака. Я так і чытаў. Настаўнік трошкі пасміхаўся, а потым, калі я скончыў чытаць невялічкае апавяданне, сказаў: «Ну што ж, чытаць ты ўмееш. Гэта твая родная мова, і ты на ёй павінен чытаць». Потым высветлілася, што гэтага настаўніка завуць Юры Лістапад. Потым з гэтым прозвішчам была звязаная цэлая справа, якая называлася Лістападаўшчына. Судзілі групу вучняў і самога настаўніка ў менскім Доме працаўнікоў асветы, і мы бегалі туды глядзець і слухаць, як гэты працэс ішоў.

М. С.: Што вам запомнілася з таго працэсу?

М. Л.: Там казалі, што лістападаўцы быццам разлеплівалі нейкія адозвы. А сутнасці гэтай справы па маладосці мы не разумелі.

М. С.: Здзіўляе ваша бібліяграфія: 1930 год — тры кнігі, 1931 — таксама тры кнігі, 1932 — две кнігі. А паэту Максіму Лужаніну тады было ўсяго 20 гадоў з хвосцікам… Хто з вашых літаратурных раўналеткаў мог на той час пахваліцца гэткім жа выдавецкім поспехам?

М. Л.: Тут мне цяжка адказаць. Разумееце, якая справа, — тады ў выдавецтве не было такіх драконаўскіх законаў: калі ты выдаў кніжку сёлета, то налета ўжо павінен пачакаць. Тады было так: ёсць што друкаваць — друкуй. А ў мяне тады было напісана шмат. Я помню тыя гады. Помню, як выйшла першая кніжка «Крокі», потым — «Новая ростань». А потым пайшло па тры: «Неаплачаны рахунак», «Галасуе вясна за вясну», «Кастрычнікам, ліпенем, маем!». Была такая магчымасць. Калі чалавек пісаў, і плён гэтага пісання прызнаваўся дастойным публікацыі, то гэта і публікавалі. Так і ў мяне.

М. С.: А хто яшчэ шмат публікаваўся? Уладзімір Дубоўка? Паўлюк Трус?

М. Л.: Дубоўка скупаваты быў. У яго выйшла ў «Кніжніцы “Маладняка”» невялічкая паэмка «Там, дзе кіпарысы», і ў выдавецтве выйшла кніжка «Трысцё». А паміж гэтымі кніжкамі была даволі вялікая адлегласць. Апошняй выйшла «Наля», гады праз тры пасля «Трысця». Паўлюка Труса можна назваць найбольш плодным, таму што ў яго кніжкі выдаваліся і ў «Маладняку», і ў Беларускім дзяржаўным выдавецтве, якім тады загадваў Гартны. Пятро Глебка, Сяргей Дарожны таксама выдавалі па адной кніжцы. Можа быць, з майго боку гэта было нясціпла, але мае кніжкі мелі станоўчыя водгукі, і перашкод мне ніхто не чыніў.

М. С.: Хто для вас быў тады аўтарытэтам у літаратуры?

М. Л.: У «Маладняку» я мала набыўся, адразу пасля сканчэння пры Белпедтэхнікуме маладнякоўскай студыі нас усіх прынялі кандыдатамі ў члены «Маладняка». Гэта было, здаецца, у 1925 г. А ўвесну 1926-га мы выйшлі з «Маладняка» і пайшлі ўслед за старэйшымі, больш сталымі пісьменнікамі — за Бабарэкам, за Дубоўкам, за Кузьмой Чорным — ва «Узвышша». Адносіны ў нас былі вельмі таварыскія, не было такога размежавання. Не заўважалася, напрыклад, што я маладзейшы за Дубоўку, што ў яго за плячыма Брусаўскі інстытут і добрая кніжка вершаў, якою ўсе захапляліся. Жылі мы вельмі згодна. Аб’яднаўчай сілаю ва «Узвышшы» быў усё ж Адам Бабарэка. Ён быў, відаць, самы адукаваны сярод нас, па натуры — самы глыбокі, ён меў за

плячыма вялікую педагагічную практыку, пісаў артыкулы, рабіў уступныя даклады на маладнякоўскіх з'ездах. Артыкулы ён пісаў вельмі грунтоўныя, такія, што жывуць не адзін дзень. Мне Якуб Колас дзесьці ў 50-я гады гаварыў, што «вось Адам Бабарэка» (магчыма, Колас не назваў прозвішча, бо Бабарэка тады яшчэ не быў рэабілітаваны), «вось быў у нас адзін крытык, здольны чалавек, ён разгадаў кампазіцыю паэмы "Сымон-музыка", ён сказаў, што яна пяціпялёсткавая. А я так і задумваў». Без парады Бабарэкі (а ён фактычна чытаў увесь часопіс) ніхто з нас не мог надрукаваць вершы ва «Узвышшы». У другіх часопісах ці газетах — калі ласка, друкуй, а вершы для «Узвышша» абавязкова прачытваліся Бабарэкам. І самыя тонкія, самыя слушныя заўвагі рабіліся ім — па мове, па стылістыцы, па недасканаласці, па недагаворанасці ў самім змесце, калі не здолееў выцягнуць тэму.

Бабарэка заўсёды падказваў, як гэта зрабіць. І да яго нават у маладосці павага была, хоць, разумееце, маладосць — такая пара, поўная заўсёды сумняванняў. Я помню, як мы аднойчы паўночы хадзілі з Глебкам і Бабарэкам па Мінску і гаварылі пра сэнс жыцця. Мы тады пачалі задумвацца, для чаго мы жывем, і Бабарэка нам вельмі тонка гаварыў: «Прызначаны шлях свой рабі дарагім». І дадаваў: «Старайся, каб напісанае было дасканалым, давершаным, каб гэта кранала не толькі тваю душу, а кранала ўсіх, да каго тваё слова дойдзе»…

Бабарэка быў арыштаваны са старою групаю ўзвышаўцаў у 1930 г. Тады забралі Бабарэку, Дубоўку, Пушчу, засталіся на волі толькі Бядуля і Крапіва са старэйшых. З маладых узвышаўцаў тады, па-мойму, толькі Антона Адамовіча арыштавалі. Трэба сказаць, што ў Адама Бабарэкі быў вельмі складаны жыццёвы шлях яшчэ да прыходу ў літаратуру. Ён быў актыўным удзельнікам грамадзянскай вайны, а потым яго захапілі польскія легіянеры і дзесьці там у пастарунку, ці як называліся тыя катавальні, выразалі ў яго на спіне пяцікутную зорку. Здаецца, нехта больш дасведчаны ўдакладняў: вялікую і малую зоркі, але аб гэтым пэўна не зналі. Напрыклад, у мяне была гаворка з Дубоўкам наконт гэтай зоркі. Дубоўка не знаў, не зважаючы на тое, што яны з Бабарэкам разам адпачывалі і вельмі шчыра і часта абменьваліся пісьмамі — і па гісторыі «Узвышша», і асабістымі. І ўсё ж Дубоўка не знаў, што над Бабарэкам чыніліся такія здзекі.

М. С.: Як адчувалі сябе тыя, хто пасля арыштаў заставаўся на волі? Пра што, сустрэўшыся, размаўлялі?

М. Л.: Я тады жыў у Маскве. І там хадзіла такая прымаўка ці анекдот: «Як жывяце?» — «Як у аўтобусе». — «А што?» — «Адны сядзяць, а другія трасуцца». Так і было: адны сядзелі, а другія калаціліся. Я, напрыклад, чакаў, што паеду паўторна, бо паўторна паехалі Таўбін і Астапенка. Яны былі ізноў арыштаваныя, я знаў, дзе Таўбін жыў на кватэры, і там мне пра гэта сказалі. Адносін ніякіх не было. У Маскве адзін час, праўда, сабралася даволі многа беларусаў: Таўбін, Астапенка, я, Сядура (Глыбінны), Нічыпар Чарнушэвіч, сталымі масквічамі былі Міхась Дуброўскі і Канстанцыя Буйло. У Маскве існаваў Беларускі клуб, там працаваў, здаецца, такі Даніла Асташонак, ён пісаў апавяданні і рабіў добрыя цымбалы. І ўсе, хто наведваў Беларускі клуб, таксама развіталіся з воляй. Што датычыцца тагачасных падзей у Мінску, то я пра іх нічога не ведаў. Я ведаю адно: седзячы ў Маскве, я трымаў пра запас торбу з сухарамі, думаў, што давядзецца і мне паўтарыць дарогу, якую прайшоў у 1933–1934 гг. Але не паўтарыў. Відаць, проста праз нейкі выпадак, а можа, таму, што я вельмі сціпла займаўся выдавецкай работай і карэктурай, працаваў стыльрэдактарам і нідзе не быў відзён.

М. С.: Вы шмат гадоў працавалі сакратаром Якуба Коласа. Нядаўна ўнучка паэта Вера Міцкевіч у адной з нашых гутарак расказвала пра Коласа, які ўмеў падабацца жанчынам. Колас давяраў камусьці свае сардэчныя таямніцы?

М. Л.: У мяне з Канстанцінам Міхайлавічам, здаецца, сакрэтаў не было, але пра яго апошняе мінскае захапленне я даведаўся зусім выпадкам. Мы з ім тады былі ў Маскве, ён заставаўся ў гасцініцы, а я некуды ішоў — у кіно ці тэатр. Ён мне сказаў: «Ты выходзіш, дык вазьмі ліст Былінцы, па дарозе кінеш». Калі ён прамовіў слова «Былінка», я паглядзеў на прозвішча на канверце, і аказалася, што гэтую жанчыну я ведаў не горш, чым Якуб Колас, таму што яна працавала ў бухгалтэрыі газеты «Звязда». Звалі яе Аляксандра Кетлер. Гавораць, што Коласавых пісьмаў у яе было многа. Я пра гэтыя пісьмы, апрача данесенага да паштовай скрынкі, не ведаю. На адной з «Казак жыцця» стаяла: «Прысвячаецца М. Б.». Ператлумачылі: прысвячаецца Марыі Дзмітрыеўне, жонцы Коласа, але прысвячэнне расшыфроўвалася — «маёй Былінцы». Мне было няцяжка здагадацца аб гэтым. Сам Колас пра гэта не гаварыў. Я таксама ведаю пра яго ташкенцкае захапленне, бачыў вершы, якія пісаліся ў той час. Але Якуб Колас не даў мне таго сшытка. Ён меў яго ў руках у Маскве. Я прапаноўваў перадрукаваць вершы з яго, але ён адказаў, што перапіша сам. Такім чынам, вершаў ташкенцкага перыяду я не ведаю. А наогул, і Канстанцін Міхайлавіч, і Іван Дамінікавіч у прысутнасці жанчын ператвараліся ў праўдзівых джэнтльменаў — і далікатных, і ўважлівых. І жанчыны плацілі ім за гэтую ўвагу. Плацілі добрымі адносінамі.

М. С.: Вашы вершы на расейскую мову перакладала Ганна Ахматава. Але чамусьці гэтых перакладаў не фіксуе біябібліяграфічны слоўнік «Беларускія пісьменьнікі». Ці сустракаліся вы з Ахматавай, і чаму пераклады не адразу траплялі ў друк?

М. Л.: З Ахматавай я бачыўся толькі здалёк і здалёк ёй пакланіўся. Падысці і загаварыць з ёю я не асмеліўся. Было гэта на адным з пасьляз’ездаўскіх банкетаў, дзе прысутнічаў урад. Ахматава сядзела ў бакавой ложы, вакол яе было многа людзей, і я прыйшоў паглядзець на яе. Другая справа была з вершамі. Ахматава пераклала тры маіх вершы. Яны ўвайшлі ў кнігу «Стихи» на рускай мове, якая выходзіла ў Ленінградзе. Я бязмерна ёй удзячны. Мае не зусім паўнавесныя вершы (адзін вершык пра новы горад) пад яе рукою вопытнага майстра і вялікага паэта ператварыліся ў тое, што можа дайсці і, напэўна, даходзіла да чытача. Я пабачыў паведамленне ў замежным друку пра двухтомнік Ахматавай, які выходзіў за мяжой пад рэдакцыяй Струвэ. Там успамінаецца пра перакладзеныя вершы, але толькі пра два, трэці не згадваецца. Там змешчаныя некаторыя пераклады, але мае вершы ў адбор не трапілі, каб потым перайсці ў кнігу. Кніга мая ў Ленінградзе выходзіла ў неспрыяльны час — пасля жданаўскіх дакладаў, калі лаялі Аляксандра Пракоф’ева за тое, што ён пераклаў верш Уладзіміра Сасюры «Любі Украіну». І Ганна Ахматава тады таксама была, што называецца, у няласцы. І калі я прыехаў па справах кніжкі ў Ленінград, то ў выдавецтве мне, не саромеючыся, прапанавалі зняць пераклады Пракоф’ева і Ахматавай. Я доўга не вагаўся. Я не зняў гэтых вершаў і паехаў дамоў, думаючы, што кніжка мая не выйдзе. Але, аказалася, што і кніжка выйшла, і выйшлі ў ёй пераклады і Пракоф’ева, і Ахматавай.

М. С.: Нядаўна вы падпісалі ліст дзеячаў культуры да ўладаў — аб разбурэнні ў Мінску старых будынкаў. Ці была якая рэакцыя з боку тых, каму ліст адрасаваны?

М. Л.: Я падпісаў гэты ліст, таму што не мог не падпісаць. Я гаварыў пра разбурэнне старажытнага Мінска яшчэ Пятру Міронавічу Машэраву. І ён адною рукою прытрымаў разбуральнікаў. Тады напісалі ліст мастакі, а пісьменнікі не сабраліся падпісаць, апрача Рыгора Шырмы і мяне, больш подпісаў пад пісьменніцкім лістом не было. Я Машэраву тлумачыў: тое, што прапануецца, далёка не арыгінальнае — так пабудаваны Вашынг-

тон, ёсць элементы ленінградскай планіроўкі. Нам трэба як-небудзь захаваць тое, што ў нас ёсць сваё, але нейкім чынам звязаць яго з абліччам сучаснага горада. Скажам, як у Нью-Ёрку пабудаваны музей новага жывапісу Гугенхайма. Ён — як свердзел, як конус, пастаўлены вяршыняй уніз. Ты падымаешся па кружных дарожках знізу ўверх і глядзіш адну палавіну музея. Потым спускаешся і аглядаеш другую палову, з другога боку музея. Я думаю, што такая архітэктура была выклікана наступнай прычынай: будаваўся музей у цэнтры Нью-Ёрка, а зямля там страшэнна дарагая, таму і мусілі конус паставіць вяршыняй на зямлю і пашырыць у паветра… Што да нашага нядаўняга ліста, то я атрымаў паведамленне, што створана камісія, якой даручана «вывучыць пытанне, падрыхтаваць прапановы і вынесці на абмеркаванне».

М. С.: Мне прыгадваецца адзін з вашых даўніх вершаў: «Певень лопае крыллем і кукарэча. // Кліча раннюю зорку на дзённы палон, // І здаецца Радзіма дзіўною Турэччынай…». Чым вам сёння здаецца радзіма?

М. Л.: Мне радзіма — заўсёды была, ёсць і будзе радзімай. Я веру ў душу свае нацыі, у яе светланоснасць, у яе шырыню і глыбіню, у яе мужнасць і трываласць. Я проста шчаслівы, што да беларушчыны горнецца наша моладзь, што ўсе пачынанні, можа, не адразу, будуць працягвацца, і наша моладзь вывядзе краіну на шырокія далягляды. А гэта значыць — Беларусь жыла, Беларусь жыве, Беларусь будзе жыць. Будзе жыць і наша літаратура. У мяне ляжыць рукапіс кніжкі эсэ на аркушаў дваццаць — «Неспарадкаваная хата». Каб толькі былі папера і ахвотнікі друкаваць. Як кажуць, служу народу.

* * *

Аднойчы Максім Лужанін патэлефанаваў мне на працу і папрасіў зайсці «па важнай, але не пільнай справе». Адклад, як вядома, не ідзе ў лад — вечарам таго ж дня я няспешна падымаўся па лесвіцы ў элітным лужанінскім доме (вул. Янкі Купалы, 7). Жылі там пераважна былыя начальнікі, у тым ліку экс-прэм’ер-міністр Сяргей Лінг. Дзверы адчыніла заўсёды далікатная і прыветная Тамара. Лужанін чакаў мяне ў кабінеце. Перад ім на стале ляжала карычневая тэчка, падобная на бювар. У часы эпісталярныя нашы продкі ў бюварах захоўвалі паштовую паперу, канверты і свежую карэспандэнцыю. Аляксандр Амвросьевіч кіўнуў на тэчку: «Возьмеце гэта сабе. Пачакаўшы (тут ён зрабіў паўзу, каб я, відаць, зразумеў, якое *пачаканне* маецца на ўвазе), можаце распарадзіцца змесцівам гэтай папкі, як палічыце патрэбным».

Дома я адкрыў той бювар — здымкі, пажаўцелыя аркушы паперы рознага фармату з рукапіснымі і машынапіснымі тэкстамі, копіі нейкіх лістоў, напісаных ледзь не вяззю — цяжкачытэльных, з рознымі завітушкамі…

Я пачакаў, як і дамаўляліся. Прайшло амаль дзевяць гадоў, як Максім Лужанін пакінуў гэты свет. Стагоддзе ягонае было адзначанае вельмі сціпла — вечарынай у Музеі гісторыі беларускай літаратуры.

Для публікацыі ў альманаху «Асоба і час» я адабраў некалькі лістоў — самога Лужаніна, Міхася Клімковіча і Юркі Віцьбіча. Цікавыя яны найперш тым, што ў іх праліваецца святло на адзін няспраўджаны праект — выданне літаратурнага альманаха «Сталіца», які задумвалі выдаваць два сябры па «Узвышшы» Максім Лужанін і Лукаш Калюга. Не паспелі яны згуртаваць вакол ідэі аднадумцаў, як на стол начальніка сакрэтна-палітычнага аддзела ОГПУ леглі адпаведныя даносы…

Неабходна адзначыць, што ў лужанінскім бювары знаходзяцца ксеракопіі публікаваных лістоў. Месцазнаходжанне арыгіналаў мне невядомае.

ЛІСТ МАКСІМА ЛУЖАНІНА ЮРКУ ВІЦЬБІЧУ

[Лістапад 1932 г.]

Дарагі Юрка[1]!

Хачу Вас пазнаёміць з адною справаю. Я й Калюга[2] мяркуем зрабіць вось якую рэч. Нешта хочацца сьвежага, арыгінальнага, нясказанага. Апрыкралі банальныя формы часопісаў, траскучыя вершы ды іншае такое, чаго ня хочацца цягнуць на паперу. Мы мяркуем сабраць зборнік на аркушаў 7–8 лепшых сваіх рэчаў. Зборнік альманахавага характару. Думаем назваць яго «Сталіца». З гэтай назвы выцякае шмат чаго. Па-першае, усе матэрыялы павінны быць высокай якасьці, сталічныя, насупар затхласьці цяперашніх часопісаў. Матэрыялы павінны адпавядаць лёзунгу: «Навэля — ня ніжэй майстэрства О'Гэнры, верш — ня ніжэй, як Пастарнака. Вышэй дазваляецца». Па-другое, усе гэтыя матар'ялы павінны адыходзіць ад Менску. Сьмех сказаць, што пра нашу сталіцу не напісана нічога людзкага! Трэба ствараць вакол Менску такую атмасфэру пашаны, як і да іншых сталіц. Няхай пачатак будзе з літаратуры. Да ўдзелу мы прыцягваем выдатнага мастака Рамана Семашкевіча[3]. Цяпер у Менску ягоная выстаўка. Ён аформіць кнігу і ўвойдзе ў зборнік як аўтар з рэпродукцыямі лепшых карцін. Даў згоду яшчэ далучыцца Хадыка[4]. Як бачыце, капэля — нішто.

Дык вось, я пішу Вам. Калі гэтую справу ўпадабаеце, дайце навэлю, можна гістарычную — на менскім матэрыяле. Па-мойму, Вы трохі заседзеліся на тэрыторыі ад Віцебску да Латвійскай граніцы. Ляціце адтуль, Юрка, у сталіцу. Ваш удзел дужа пажаданы, бо мы вылучаем Вас з празаікаў як постаць арыгінальную і колёрытную. Так, апроч Вас, мне хацелася б прыцягнуць да гэтай справы Алеся[5]. Папрасеце за мяне ў яго прабачэньня, што не пішу асобнага ліста яму — дужа заняты, пазнаёмце з ідэяю ды пісанеце мне пра Ваш погляд. Чакаю адказу хуткага.

Ленінская, 25, кв. 4 (заўважце — 4, бо ліст згубіцца).

Пасылаю Вам чарговы экзэмпляр пакалечанай выдавецтвам кніжкі.

Цісну руку. Ваш Максім Лужанін.

ЛІСТ МІХАСЯ КЛІМКОВІЧА[6] Ў ОГПУ

[1933 г.]

Начальніку сакрэтна-палітычнага аддзела ОГПУ Бел[арусі].

У дадатак да пасланага мной Вам праз т. Бэндэ[7] ліста Юркі Віцьбіча да П. Глебкі[8] (ліст мне быў перададзены самім Глебка) дасылаю зараз ліст Максіма Лужаніна да Юркі Віцьбіча. Ліст гэты перадаў мне Віцьбіч, які прыехаў у Менск лячыцца.

У лісьце шмат цікавых мейсц для характарыстыкі мэтадаў работы нацдэмаўскай арганізацыі (спосаб падбора людзей, вярбоўка, маскіроўка формай новел, папулярызацыя ў нацдэмаўскім духу «нашай» сталіцы.

Старшыня Аргкамітэту ССПБ Міхась Клімковіч.

ЛІСТ ЮРКІ ВІЦЬБІЧА ПЯТРУ ГЛЕБКУ

Вяліж Заход[няй] воб[ласці], 1 красавіка 1933 г.

Дарагі тав. Глебка!

На вялікі жаль, не атрымаў яшчэ «Заклік»[9], але чытаў артыкул Кучара[10] ў «ЛіМу». Я не крытык, я толькі ўважлівы чытач і на маю думку Ваша памылка і для Вас менавіта не страшна, але страшна для пэўнай часткі чытачоў. Чытаючы Вашы творы (асабліва «Арка над акіянам» і «Арлянка») няма мажлівасці ўявіць сабе памылку гэтага парадку, а памылка ў артыкулу тлумачыцца бракам часу, які перашкаджае прадумаць да кроплі

рэч. Праўда, пяцігодка зроблена ў чатыры гады не за конт якасці, але ж чалавек не храномэтар і «рэцыдывістам» Вы тут не будзеце. Ваш анціпод у гэтым стасунку Лукаш Калюга. Не даю веры, што ён калі-небудзь памылкова напіша сацыяльна няшкодную рэч, бо сёньня ён з немым самсонасамасуеўскім поганенькім падходам узрывае «задний двор революции». Якабінец Марат хадзіў у дзіравых ботах, але ж ён не пераставаў быць для санкюлётаў Маратам. Мажліва, у бараках будаўнікоў Асінбуду па сьценах поўзалі клапы, але ж адсюль ні на адзін мэтр не паменьшыўся радыус уплыву Асінстану на жабрацкую адвеку ваколічнасьць.

Буйную памылку зрабіў Максім Лужанін. Разумны і разумны чалавек, а напісаў зусім не разумную рэч і спусьціўся да славутага Захара Бульбяніка[11], які ў свой час пісаў:

Цераз рэчку ляжыць кладка
Тонкая, ківаецца.
Мне савецкая уладка
Вельмі падабаецца.

Лужаніну чагосьці не хапае. Актуальнасьць і мастацкасьць у яго ў адваротна-прапарцыянальных адносінах, і паміж імі вялікія «нажніцы». Я дрэнна ведаю паэзію, але ў «Сьпявай, прыбой» адчуваецца ўплыў Асеева[12], у «Бальшавіцкай папраўкі да геаграфіі» — Кірсанава[13]. «Сьпявай, прыбой» па сваёй сацыяльнай важкасьці — варыяцыя на старую тэму: «Цір-лю-лі-ля, на вёсцы я».

«Рэцыдывіст», шчыра кажучы, — ганебная рэч, як ганебны, дарэчы, і выказванні ў апошніх лістах да Вас. Добры песьняр перакінуўся ў трубадура каганаў. «Праблема пяці рублёў» — паклёп на сёньня. Хочацца зрабіць праўку ў радку: «Пяць рублёў — дык гэта ж абед ды шклянка гарэлкі».

І, на жаль, памылкі робяцца ўсё больш і больш звычайнымі для Лужаніна. Трэба быць «алімпійцам», каб крычаць: «Буду я са ўсякімі Ушаковымі друкавацца!» А ў Андрэя Ушакова[14], і асабліва Максіму Лужаніну, ёсьць чаму павучыцца. Гэта дробязь, але надзвычай яскравая дробязь. Яшчэ больш яскрава наступнае. 10. XI. 32 г. я атрымаў ад Лужаніна прапанову прыняць удзел у альманаху «Сталіца», ініцыятары якога — ён і Калюга. Устаноўка альманаху: «Матар'ялы павінны быць высокае якасьці, сталічныя, насупар затхласьці цяперашніх часопісаў».

З рэпрадукцыямі лепшых сваіх карцін увойдзе «выдатнейшы мастак» Раман Семашкевіч. Хіба ж не разумее Лужанін, што гэта мадэрнізацыя старой, моцна патрапанай, але, на жаль, дашчэнту ня зьнішчанай, устаноўкі: «Каб нас угледзілі вякі і народы».

Дарэчы, Раман Семашкевіч, якога добра ведаю асабова, не выдатны мастак, а партач, «халодны шавец».

Я пішу Вам столькі пра Лужаніна таму, што паважаю яго як паэта і вельмі, і вельмі хачу, каб ён намацаў нагамі шлях.

Дзякую за каштоўную рэцэнзію на маю шматпакутную кніжку[15]. Сам яе яшчэ ня бачыў, але пазаўтра куплю ў Віцебску. Ня ведаю, чаму ў яе не ўвайшлі «Арцыбіскуп і сьмерд», «Грыміць Перакагрыж», «Ян Непамуцэн» і г. д. Адсюль яе аднабокасьць. За тры з паловай гады я напісаў 19 апавяданьняў і дзьве аповесьці («Арцыбіскуп і сьмерд» і «Лшона габоа бійрушалайм»). «Вятры заходнія» — сапраўды, як Вы трапна адзначылі, мяжа ў маёй творчасьці. Мне чамусьці здаецца дрэнным і мажліва не адназначным для мяне малюнак надыходу вясны ў параўнаньні з уцёкамі зьвярэй з пушчы, з змаганьнем зьвярэй за жыцьцё і асабліва з канцом апавяданьня. Надыход вясны сьмела можна скараціць на 50 %, і ад гэтага апісаньне палепшае, а ў канец апавяданьня: «Плылі над пушчай…» нельга нічога ні прыбавіць, ні скараціць. І гэта сьцісласьць («адточанасьць», як называе яе Ушакоў) здаецца, адназначнай для мяне. Напрыклад: «Было ў старой ткачыхі тры сыны — Юрыс, Альбэрт і Кароль». З каханьнем у мяне справа дрэнная. Між іншым, у апов. «Арцыбіскуп і сьмерд» адзін з герояў крычыць: «Тэклюся! Сэрцайка маё!»

Ультрарамантычны, сантымэнтальны падход. Мова — мая буйная загана. Дзеяпрыметнікі ў мяне з лёгкай рукі «Вясны»[16]. Акрамя русізмаў у мяне, здаецца, яшчэ шмат палянізмаў, што заўважана на першай палітрэдакцыі аповесці «Лшона габоа бійрушалайм». Мяне некалькі зьдзівіла наступнае: «Стыль ягоных апавяданьняў просты, роўны… Гэта ўсё страшна перагружвае стыль, робіць яго штучным…»

Вы пішаце: «Віцьбіч як пісьменьнік стаіць сярод нашых маладых нейк асобна». І тут у мяне вялікая просьба больш канкрэтызаваць маю асаблівасьць, якую адчуваю, але ня ведаю, калі толькі гаворка не па-за межамі рэцэнзіі. Дзякуй за дапамогу.

Вельмі і вельмі рад, што мая другая кніжка трапіла на палітрэдакцыю да Клімковіча. Назва «Пра жыцьцё, прапахлае жыцьцём» — штучная, нязграбная. Лепш будзе — «Пра людзей тваёй краіны». Пра аснача Самуся Галабурду і яго бацькоў, пра лябаранта Андрэя Шабету, пра скарбніцу Сколю Гадунскую, пра калбейніка Хацю Камара, пра інжынэра Рыгора Турбу, пра камандзіра дывізіёна Мартына Путру і г. д. «Тваёй» — таму што тут зварот да чытача незалежна ад яго нацыянальнасьці, таму што «маёй» — занадта лірычна. Таму што зразумела: «тваёй = маёй».

Як, на Вашу думку, гэта назва?

Працую над аповесьцю «Апошні Лянжэрон». Багата чытаю. Жадаю Вам усяго лепшага. Чакаю Ваш ліст.

З пашанай — Ю. Віцьбіч.

Вельмі прашу паведаміць наконт «Лшона габоа бійрушалайм». Ю. В.

* * *

У бювары Максіма Лужаніна знойдзецца яшчэ сёе-тое — для наступных выпускаў «Асобы і часу».

Міхась СКОБЛА

ЗАЎВАГІ

[1] *Юрка Віцьбіч* (сапр. *Шчарбакоў Серафім*; 1905–1975) — беларускі пісьменнік, грамадскі і культурны дзеяч; з 1944 г. жыў на эміграцыі.

[2] *Калюга Лукаш* (сапр. *Вашына Кастусь*; 1909–1937) — беларускі пісьменнік; у 1933 г. быў арыштаваны, высланы ў г. Ірбіт, у 1937-м — расстраляны.

[3] *Семашкевіч Раман* (1904–1937) — беларускі мастак і скульптар.

[4] *Хадыка Уладзімір* (1905–1940) — беларускі паэт; у 1936 г. арыштаваны і высланы на Далёкі Усход, дзе загінуў у адным з канцлагераў.

[5] Асобу *Алеся* высветліць не ўдалося.

[6] *Клімковіч Міхась* (1899–1954) — беларускі паэт і літаратурны функцыянер, быў адным са стваральнікаў і першым старшынёй Саюза пісьменнікаў Беларусі.

[7] *Бэндэ Лукаш* (1903–1961) — крытык-вульгарызатар, у 1930-я гг. займаўся палітычнай дыскрэдытацыяй беларускіх пісьменнікаў.

[8] *Глебка Пятро* (1905–1969) — беларускі паэт і навуковец, акадэмік Беларускай Акадэміі навук.

[9] *«Заклік»* — літаратурна-мастацкі часопіс, які выдаваўся Аргкамітэтам Саюза пісьменнікаў Беларусі.

[10] *Кучар Алесь* (сапр. *Евелевіч Айзік*; 1910–1996) — крытык, драматург; у 1930-я гг. ацэньваў беларускую літаратуру з вульгарызатарскіх пазіцый.

[11] *Захар Бульбянік* — псеўданім паэта-сатырыка *Захара Біралы* (1906–1993).

[12] *Асееў Мікалай* (1889–1963) — расійскі паэт.

[13] *Кірсанаў Сямён* (1906–1972) — расійскі паэт.

[14] *Ушакоў Андрэй* (1912–1941) — беларускі паэт; загінуў на фронце падчас Другой сусветнай вайны.

[15] Маецца на ўвазе кніга Ю. Віцьбіча *«Смерць Ірмы Лаймінг»* (1932).

[16] *«Вясна»* — літаратурны дадатак да бабруйскай акруговай газеты «Камуніст».

Да 80-годдзя Уладзіміра Караткевіча
«І ПАДУМАЦЬ ТОЛЬКІ, ШТО МЫ МАГЛІ Б НЕ СУСТРЭЦЦА»
Лісты і дарчыя аўтографы
Уладзіміра Караткевіча Рыгору Барадуліну

Што-нішто з аўтографаў Уладзіміра Караткевіча Рыгору Барадуліну раней друкавалася: «Каляды ў доме генія» факсімільна ўзноўлены ў барадулінскім «Здубавецці»; «Меню на Вялікдзень» і старадаўнюю песню «А за тым краем…», запісаную Караткевічам, Барадулін прыгадваў у эсэ «І коскі з месца не зрушу!..»; апошні з гэтай падборкі аўтограф сябра ён таксама ўжо даверыў свету. Між тым лістоў, паштовак, тэлеграм і дарчых аўтографаў Караткевіча ў народнага паэта захоўваецца чатыры з паловай дзесяткі. Сустракаюцца тыя аўтографы нярэдка ў самых нечаканых месцах: у нататніку, на малюнку самога Караткевіча, на адвароце фотаздымка, нават на этыкетцы з-пад гарэлкі. Часта — вытанчана жартоўныя, іншыя нават уголас прымушаюць рагатаць, напрыклад такі аўтограф на кнізе: «Найлепшаму майму сябру і вечнаму ўратавальніку Грышы (не, непачціва), Рыгору Іванавічу Барадуліну». У асобных выпадках — сумныя да камяка ў горле, такі настрой авалодваў Караткевічам, калі не стала ягонай жонкі Валянціны Браніславаўны, калі развіталіся з Акулінай Андрэеўнай Барадулінай… І паўсюль рассыпаныя звесткі-залацінкі да біяграфіі Караткевіча, да яго партрэта — літаратурнага і проста чалавечага.

І зноў жа амаль паўсюль лёгка прачытваецца найвялікшая павага і любоў да сябра. І гэта — без перабольшвання, бо ці магчыма нешта дадаць да такога прачулага прызнання: «Міламу Рыгору, без існавання якога сябе не мыслю і без якога я не існаваў бы ў поўнай меры такі, які я ў літаратуры ёсць»? Гэтыя ацэнкі падштурхоўваюць нават па-іншаму зірнуць на Рыгора Барадуліна. Яны быццам абярэг яму, своеасаблівая ахоўная грамата на будучыню… «Дарагому Рыгору Барадуліну з любоўю да яго самога, добрага і шчырага чалавека, і яго светлай, сапраўды вялікай, нашай, беларускай паэзіі. Нічога, браце, зразумеюць, побач з кім жылі» — гэтак абнадзейваў Караткевіч сябра ў 1964 г. Сорак шэсць гадоў таму. Амаль паўстагоддзя мінула. Барадуліну было 28, Караткевічу — 33. Усё жыццё, здавалася, наперадзе… Хоць так яно і было на самай справе — жыццю і сяброўству двух вялікіх сучаснікаў яшчэ быў час.

[Не раней 1960 г.]

Дарагому Грышку Барадуліну, панотцу беларускай сучаснай паэзіі, з любоўю, як другу, ад сэрца.

Уладзімір.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Вячэрнія ветразі: вершы, паэмы. Мінск: Дзяржвыд БССР, 1960.

Дарагому Рыгору Барадуліну з любоўю да яго самога, добрага і шчырага чалавека, і яго светлай, сапраўды вялікай, нашай, беларускай паэзіі. Нічога, браце, зразумеюць, побач з кім жылі.

Ул. Караткевіч.

25.I.64.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Блакіт і золата дня: апавяданні і аповесці. Мінск: Дзяржвыд БССР, 1961.

Дарагому нашаму генію, а для мяне проста другу і добраму хлопцу з вялікай любоўю — ягоны

Ул. Караткевіч

3 мая-траўня 65 г.

Аўтограф на адвароце фотаздымка.

Другу майму дарагому, Грышу Барадуліну, сонцу і месіку паэзіі нашай, найлепшаму на свеце сябру, залатому хлопцу ад У. Караткевіча, які ганарыцца быць ягоным сучаснікам

Валодзя.

10.VI.65

Менск.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Матчына душа: вершы. Мінск: Дзяржвыд БССР, 1958.

[Ліпень 1965 г.]

«Кожны мае свае Ушачы…»[1]

І вось цяпер сяджу я ў сваіх рагачоўскіх Ушачах[2], пішу (скончыў скарачаць «Хрыста») і ўспамінаю цябе і ўсё іншае такое. Як там Ваўчэнскае возера[3]? Ці пішуцца на ягоных берагах вершы? А ты ж мне на дзве тэлеграмы не адказаў. Хаця паштоўку грымзні. Слухай, ты памятаеш, што калі нас не забяруць у рады[4], то 7-га жніўня мы павінны быць у яго, Адама[5], а потым у Вільні. І таму трэба нам з табою чысла 6-га (7-га Адасю Хрыстоў узрост) сустрэцца ў Гудагаі[6], або 5-га ў Мінску. Думай над гэтым. І напішы мне, як ты мяркуеш з гэтым быць.

Цалую. Твой сябар

Уладзімір.

Прывітанне ад дзядзькі[7]. Кажа: «Напішы, што прама цалую хлапца».

Рукапісная паштоўка. На штэмпелі — 6.07.[неразб.].

---

1 Першы радок з паэмы Р. Барадуліна «Куліна».

2 Маецца на ўвазе г. Рагачоў Гомельскай вобласці.

3 Любімае возера Р. Барадуліна ва Ушачах, куды і была адрасаваная паштоўка.

4 У жніўні–верасні 1965 г. У. Караткевіч, Р. Барадулін і Г. Кляўко праходзілі вайсковыя зборы ва Уладзівастоку, у «Боевой вахте», штодзённай газеце Ціхаакіянскага флоту.

5 Мальдзіс Адам Восіпавіч (н. 1932) — беларускі літаратуразнавец, пісьменнік, перакладчык. Доктар філалагічных навук, прафесар. З 1962 г. быў навуковым супрацоўнікам Інстытута літаратуры імя Я. Купалы. Сябра У. Караткевіча.

6 Гудагай — мястэчка ў Астравецкім раёне Гродзенскай вобласці (тут жа, у вёсцы Расолы, нарадзіўся А. Мальдзіс).

7 Дзядзькі У. Караткевіча (брата маці) І. В. Грынкевіча.

Валі і Рыгору
ад
Міхала[8] і
Фамы Фаміча[9].
22 ліпеня 65 г.
Менск

Аўтограф на адвароце фотаздымка.

29.IV.66.
Рагачоў

Rygorus primus —
— salve!
Uladsimirus scribit![10]

Віншую цябе, маму, Валю[11] і Лану[12] з наступаючым святам. Жадаю табе здароўя, шчасця, доўгіх год. А таленту не жадаю, бо ён у цябе і так ёсць, а таму толькі ваюй і мей творчыя поспехі. Як з'ехаў я, дык хаця-б слова пісануў. Кепска, дзед! Не ведаю нават, дзе ты, траву топчаш ці асфальт. Пішу і на Ўшачы[13], і на Мінск. Будзь ласкавы, напішы ты мне, прыедзеш ці не. Буду ў Рагачове да 8–10-га. Але як атрымаю аб цябе ліст-тэлеграму, або тэлефонны званок, што будзеш — можам паседзець тут і да самога з'езду[14].

Ну вось, уласна, і ўсё. «Хрыста» скончыў, вершы праўлю. Можа, вазьмуся і за «Чазенію»[15].

Цалую цябе

твой Уладзімір.

Рукапісная паштоўка.

Рыгорка!

Віншую цябе з наступаючым святам, братка. Жадаю найлепшых — перш за ўсё творчых — поспехаў.

Як паехаў я, то ты ані словам не абмовіўся. Кепска! Не ведаю, нават, дзе ты, таму пішу і на Ушачы. Дай ты мне звестку, прыедзеш ці не. Пазвані, а, можа, ліст—тэлеграму дашлі. Я тут да 8–10-га, але як даведаюся, што ты будзеш — затрымаемся да з'езду. Цалую цябе.

29.IV.66 Твой сябра У. Караткевіч

Прыязджай, трэба абмеркаваць, што скажам на з'ездзе.

Рукапісная паштоўка.

---

[8] На фотаздымку У. Караткевіч разам з мядзведзем.

[9] Фама Фаміч — жартоўная мянушка, якую далі У. Караткевічу яго сябры.

[10] Рыгорус першы — вітаю! Уладзімірус піша! *(лац.)*.

[11] Жонку Р. Барадуліна Валянціну Міхайлаўну.

[12] Дачку Р. Барадуліна Ілону.

[13] Гэтая паштоўка, мусіць, была дасланая ва Ушачы, паколькі наступная паштоўка адрасаваная на мінскі адрас.

[14] Відаць, маецца на ўвазе V з'езд СП БССР, які 12–14 мая 1966 г. праходзіў у Мінску.

[15] «Чазенія» — аповесць У. Караткевіча.

[1965–1966 гг.?]

Пане Гжэгож!

Падацель сяго[16], як ты, пэўна, і сам здагадваешся, і ведаеш, прыйшоў да цябе не так сабе, а па нашай з табою дамоўленасці наконт рэкамендацыі (паколькі я далёка). Ты згадзіўся ўсё арганізаваць, і я вельмі ўдзячны табе. Калі ён цябе не застане — хай пакіне тэлефон і вы дамовіцеся аб сустрэчы. Моцна цісну тваю лапу.

У. Караткевіч

P. S. Абавязкова, тэрмінова пазвані Янку Брылю[17] і даведайся, як з паездкай весняй[18].

Рукапісны тэкст.

Геніяльнаму спяваку Беларусі-Ушаччыны-Латгаліі-Сібіры-Тувы-etc ад беларускага бялюткага баксёра Бена[19]. Аж язык высалопліваю ад асалоды, калі чую твае зорныя вершы.

Бенъ КАРАТКЕВІЧЪ[20]

16.XII.66 г.

Аўтограф на адвароце фотаздымка.

[1967 г.?][21]

Хлопцы выручайте обещал Заболотский[22] грошей выслать но студия не дала хоть одолжите а вышлите двадцать пять на адрес Брест 13 Московская 57/1 кв 36 лучше телеграфом через пару дней буду дома сразу отдам крепко вас всех целую и обнимаю много и хорошо тут работаю книгу почти кончил. Ваш Владимир.

Тэлеграма.

Любай маме, Куліне Андрэеўне[23] — ад усяго нашага Віцебска-Ушацкага сэрца

Ул. Караткевіч

24.II.68

Аўтограф на адвароце фотаздымка.

[16] Асоба не высветлена.

[17] Брыль Янка (Іван Антонавіч) (1917–2006) — народны пісьменнік БССР (1981), сябра У. Караткевіча.

[18] У другой палове мая (ці на пачатку чэрвеня) 1966 г. У. Караткевіч, Я. Брыль і Р. Барадулін «калясілі па Налібоцкім пушчанскім наваколлі» (Караткевіч У. Шляхі ў палях // Полымя. 1972. № 9). Аднак ліст можа быць датаваны і першай паловай 1965 г., бо ў чэрвені таго года У. Караткевіч, Я. Брыль і Р. Барадулін таксама падарожнічалі (па Магілёўшчыне і Віцебшчыне).

[19] На фотаздымку У. Караткевіч разам з сабакам пароды баксёр.

[20] Некаторыя літары прозвішча (у прыватнасці, «к» і «в») напісаны па прынцыпе люстэркавасці.

[21] Тэлеграма можа быць датавана 1967 г., бо не выключана, што размова ідзе пра ганарар за сцэнарый фільма «Житие и вознесение Юрася Братчика» (1967), на якім А. Забалоцкі быў аператарам; таксама ў 1967 г. у Брэсце была наладжаная чытацкая канферэнцыя па рамане «Каласы пад сярпом тваім», у якой удзельнічаў У. Караткевіч.

[22] Забалоцкі Анатоль Дзмітрыевіч (н. 1935) — аператар к/с «Беларусьфільм» (1960–1969); заслужаны дзеяч мастацтваў БССР (1967) і РСФСР (1976).

[23] Барадуліна Акуліна Андрэеўна (1909–1971) — маці Р. Барадуліна.

[5 сакавіка 1968 г.]

Только вернулся из Вильни узнал о твоей болезни вот бедолага слава богу что тебе лучше поправляйся скорей приезжай все друзья опечалены твоей болезнью выздоравливай пиши ещё долго на радость всем нам мы все тебя любим дурню будь счастлив а таланта тебе не занимать. Короткевич.

Тэлеграма.

Дарагім Грышу і Валі Барадуліным, сябрам маім вялікім у дужа цяжкі дзень, які мы, аднак, здолелі перанесці[24] (і заўсёды перанясем, толькі хай лепш не трэба), са шчырай братняй любоўю, каб жылі мы і сябравалі, пілі і пісалі яшчэ сто год.

Іхні Ўладзімір

Караткевіч

29.I.69 г.

Генію паэзіі нашай, генію Ушаччыны, Віцебшчыны нашай, Беларусі, Еўропы, усяго свету і ягонай геніялессе, з пяшчотнай любоўю.[25]

Міламу слаўнаму майму Зверх-Чалавеку, другу і брату Рыгору ад Неда-чалавека

Уладзіміра[26]

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Каласы пад сярпом тваім. Мінск: Беларусь, 1968.

2 красавіка 69 г.
Ялта

Рыгор!

Трымай пераклады[27].

Бачыш, ты атрымаеш іх якраз на пару дзён раней таго тэрміна, аб якім дамаўляліся. Пабачу я цяпер, калі ты выкалаціш пераклады з другіх.

Стараўся перадаць манеру старога, а манера ў яго цемнаватая. Яснасці няшмат. Так яно і атрымалася. Трэба было б яшчэ папрацаваць, высветліць, зрабіць лепей, але ж ты насеў з нажом, не думаючы, што я па 12 гадзін сядзеў на тых вайсковых зборах.

Ладна, абыйдзецца, мабыць.

Адрас мой: «Ялта, Дом творчасці пісьменнікаў, мне».

Тэлефон 2-33-61 (званіць лепей з 8[-і] да 9[-і] раніцы). Я гэта табе вось чаму кажу. Сяджу я тут амаль на бабах. Бурсаў[28] і «М[олодая] гв[ардия]» грошай не высылаюць, хаця Ваня і абяцаў, што даб’ецца, каб 25-га выслалі (я яму тэлеграму даўно даў). Пераплётчыкаў — таксама.

Таму просьба мая такая. Пазвані:

---

24 Немагчыма высветліць, што меў на ўвазе У. Караткевіч.

25 Гэты сказ напісаны вертыкальна і побач з папярэднім прысвячэннем.

26 Сказ напісаны тут жа на франтыспісе, але ніжэй і ўверх нагамі.

27 Магчыма, размова ідзе пра пераклад вершаў латышскага паэта Судрабкална Яна (1894–1975) і яго кнігу «Яшчэ адна вясна» (выйшла ў 1969 г. у Мінску; тут былі змешчаны пераклады У. Караткевіча «Сярэдневяковы чалавек», «Зломлены», «Лірычны скандал у бочцы»).

28 Бурсаў Іван Цярэнцьевіч (н. 1927) — беларускі паэт, перакладчык. З 1965 г. жыве ў Маскве. У 1969 г. у яго перакладзе выйшаў зборнік паэзіі У. Караткевіча «Вечерние паруса».

1) Пераплётчыкаў Ісак Абрамавіч (тэл. 3-11-55)[29].

Як справы з Кар[аткевічам?] Ён прасіў даведацца. Калі добра, то куды выслалі? Можа, дамоў? І нагадаць адрас ялцінскі.

2) Пазваніць Мішу Стральцову[30]. На работу, дадому не званіць. Як там справы. Ці не атрымана на дом з Масквы? Калі так — хай пазвоніць, а я дашлю яму даверанасць. А ён хай высылае хутчэй.

І ты мне звякні. А я ўжо тады сам табе пазваню, калі буду ведаць, што і як.

Ну, вось і ўсё. Моцна цісну руку.

Зрабі гэта абавязкова і хутчэй. Твой Уладзімір.

Рукапісны тэкст.

[1969 г.?]

RYGORU BARADULINU — УЛАДЗІМІР КАРАТКЕВІЧ[31] —
Вышэйшаму —
— ніжэйшы —
— дэдукую —
цалуючы прах пад
ягонымі ступамі.
Дарагому майму сябру —
МАЯ ІЛІЯДА * ВЕРШЫ[32]
— не чыя-небудзь, а мая, на знак трапятання, павагі, любові, яснаму нашаму ззянню, заранцы нашай

Уладзімір

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Мая Іліяда: вершы. Мінск: Беларусь, 1969.

[1960-я гг.?]

А за тым краем,
Як за тым раем
Цяжка ўздыхаем
І плачам.
Яшчэ раз,
Яшчэ раз,
Яшчэ раз убачым.
. . . .
Бойся, урад,
Бойся, кат,
Яшчэ раз убачым.

---

29 Далей ідзе сказ: «Ці з Масквы выслалі дакум [енты] на Караткевіча», які быў закрэслены.

30 Стральцоў Міхась (Міхаіл Лявонцьевіч) (1937–1987) — беларускі пісьменнік, крытык, перакладчык.

31 «УЛАДЗІМІР КАРАТКЕВІЧ» — тыпаграфскі надпіс на франтыспісе кнігі. На гэтай жа старонцы два малюнкі У. Караткевіча: уверсе сяброўскі шарж на Р. Барадуліна ў чалме; унізе — аўташарж: Караткевіч, стоячы на каленях і гледзячы ўверх (на Барадуліна), склаў рукі ў маленні.

32 «МАЯ ІЛІЯДА * ВЕРШЫ» — тыпаграфскі надпіс на фронтпісу кнігі; слова «мая» падкрэслена У. Караткевічам; ад прысвячэння: «Дарагому майму сябру —» да назвы «МАЯ ІЛІЯДА» ідзе стрэлка.

Яшчэ раз,
Яшчэ раз
Вернемся,
Убачым[33].
Барадулін,
Караткевіч

Рукапісны тэкст на адвароце этыкеткі ад «Столичной водки» са штампам «Ресторан “Неман”».

[12 мая 1971 г.]

Дарагі Рыгор смуткуем[34] разам вельмі кахалі тваю маці заўсёды будзем яе помніць любім цябе шкадуем трымайся цалуем. Караткевічы.

Тэлеграма.

«Мой первый друг, мой друг бесценный…»[35]

Любаму майму Рыгору Барадуліну на памяць аб усіх тых дастаслаўных і забаўных прыгодах, у якія ставілі нас гады, пражытыя разам, рука да рукі і плячо да пляча.

Ул. Караткевіч
17 лістапада 74 г.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Вока тайфуна: апавяданні і аповесці. Мінск: Мастацкая літаратура, 1974.

Бясцэннаму сябру, Рыгору Барадуліну — гэтую шматпакутную Зямлю пад Белымі Крыламі. З любоўю і пацалункам

Ул. Караткевіч
4 верасня 77 г.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Зямля пад белымі крыламі: нарыс. Мінск: Мастацкая літаратура, 1977.

Найлепшаму майму сябру і вечнаму ўратавальніку Грышы (не, непачціва), Рыгору Іванавічу Барадуліну

Уладзімір Караткевіч
17 сакавіка 78 г.

Аўтограф на кн.: Karatkevic U. Kralovska pomsta. Praha: Lidove nakladatelstvi.

33 Народная песня. Паводле сведчання Р. Барадуліна, «Уладзімір дужа шчымліва спяваў гэтую песню з часінаў паўстання Кастуся Каліноўскага, праўда, крыху з іншымі словамі:

Краю наш,
Раю наш,
Мы цябе не ўбачым» (Барадулін Р. Зб. тв. Т. 4. Мінск: Мастацкая літаратура, 2002. С. 194).

34 Тэлеграмма з нагоды смерці маці Р. Барадуліна Акуліны Андрэеўны.

35 Першы радок з верша А. Пушкіна «И. И. Пущину».

Так вось і я хварэю, дарагія мае. Пашкадуйце беднага за яго сабачае жыццё[36].

Уладзімір з
казарменна-баль-
нічным лёсам.

Пятроўшчына, 9 клініка.

26 красавіка 78 г.

Рукапісны тэкст.

Мілы Рыгорус!

Лічаных пару дзён засталося мне быць тут. Не ведаю, ці падлекаваўся я, а вось што запсеў ад няробства — гэта неабвержны факт.

І ўсё ж чыркаю табе паштоўку, пару словаў, у адказ на твае пару слоў, якія вельмі ўзрадавалі мяне. Толькі сюжэтаў тут у мяне так мала, што і вершы не прыдумаеш у адказ. Абдымаю цябе і цалую. Скора ўбачымся. Твой

Уладзімір.

17 ліпеня 79 г.

Друскенікі.

Рукапісная паштоўка.

Міламу майму Рыгору
Барадуліну, з
якім мы
«на ўзмежках цвілі і выстаялі»[37].
А мабыць, што выстаялі. Хаця
лепей сказаць аб гэтым пазней.

Ул. Караткевіч

24 ліпеня 79 г.

Рукапісны тэкст.

Славутаму другу майму, генію не толькі «вякоў мінулых», але і «вякоў будучых» (асабліва) — ад барзапісца таго, што мінула —

— Ул. Караткевіча

4 жніўня 79 г.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. З вякоў мінулых: апавяданні, аповесці. Мінск: Мастацкая літаратура, 1978.

---

[36] Подпіс пад малюнкам, на якім У. Караткевіч намаляваў хворага сабачку.

[37] Не зусім дакладная цытата з верша Р. Барадуліна «Дзятлінка», прысвечанага У. Караткевічу: «Таксама і Беларусь мая // На ўзмежках цвіла і выстаяла».

Пры Напалеонаўскай позе, пры яшчэ кімсьці, міт наган, міт партупея, міт…[38]

З глыбокім сорамам за сябе і з павагаю да таго, каму падпісваю — другу майму, Рыгору Барадуліну.

Ул. Караткевіч

18 красавіка 80 г.

Аўтограф на адвароце фотаздымка.

Годнаму нашчадку Францыска Скарыны і зямляку ягонаму Рыгору Барадуліну.

Ул. Караткевіч

19 красавіка 80 г.

Аўтограф у часопісе «Беларусь» (1980. № 4. С. 18), дзе было надрукаванае эсэ У. Караткевіча «Подзвіг Францыска Скарыны».

Мы не дачакаліся Вас, Рыгор Іванавіч! Адыходзім у мяккіх тапачках.

Ул. Караткевіч
Н. Кіслік[39]

3.VII.80
г. Мінск

«Бес удалился, смердя»
/Н. В. Гоголь/.

Рукапісны тэкст на адвароце лістка календара.

Грышачка ты мой. Самы-самы…. У дзень свайго пяцідзесяцігоддзя даю табе ў рукі гэты свой слабы дар. За Ушачы, за святую для нас памяць неацэннай тваёй Мамы, за Верасовачку, і Завечалле, і Задаброцце[40]. За тое, што ёсць на Беларусі ты, друг мой шчыры. І падумаць толькі, што Мы маглі б не сустрэцца.

Валасы дыбарам!

Твой да канца

26.XI.80 г. Ул. Караткевіч

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. З вякоў мінулых: апавяданні, аповесці. Мінск: Мастацкая літаратура, 1978.

Міламу, бясцэннаму майму сябру, Рыгору Барадуліну, паэту найвышэйшай літасцю Божай, каб жыць, і дружыць, і пісаць нам яшчэ сто год і тры гады, і каб ніхто не здолеў нас «спыніць і стрымаць»[41].

Ул. Караткевіч

5 студзеня 81 г.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Выбр. тв.: у 2 т. Т. 1. Мінск: Мастацкая літаратура, 1980.

---

[38] У. Караткевіч на фотаздымку стаіць у «напалеонаўскай» позе.

[39] Кіслік Навум Зіноўевіч (1925–1998) — беларускі паэт, перакладчык; пісаў на рускай мове.

[40] Верасоўка — хутар, на якім нарадзіўся Р. Барадулін; Вечалле —возера недалёка ад Ушачаў; Задаброцце — мясціны на Ушаччыне.

[41] Не зусім дакладная цытата з верша М. Багдановіча «Пагоня»: «Старадаўняй Літоўскай Пагоні // Не разбіць, не спыніць, не стрымаць».

Каляды ў доме генія

Кватэра ў Грышы лепшая на свеце:
Тут філіял Грунвальда ў кабінеце.
У шуфлядах — вершы лепшыя ў сусвеце,
І сто Індыраў скача ў туалеце.
. . . .
Між рукапісаў геній Барадулін
Згубіўся з жонкай, Ланай і Рыжуляй[42].

Уладзімір Караткевіч

7 студзеня 82 г.

Рукапісны тэкст.

Найдарожчаму сябру Рыгору Барадуліну ў адзін добры вечар на ўспамін аб ім.
«Блажэн муж, ідзежэ не ідзе на савет нечасцівых».

12 лютага 82 г. Ул. Караткевіч

Аўтограф на кн.: Короткевич В. Седая легенда: повести / пер. В. Щедриной. Москва: Советский писатель, 1981.

Меню на Вялікдзень 18 красавіка 1982 г.

Фарбаванкі.
Студзіна з хрэнам.
Студзіна без хрэна.
Хрэн без студзіны.
Целенціна, шпігаваная часныком, для важнасці па-польску.
Огеркі хіньскі (або в'етнамскія, хто іх ведае).
Бульба вараная a la Караткевіч.
Бутэрброды з сырам гарачым.
Крывое мяса (па-простаму каўбаса).
Сала a la свіння.
Кансервы скумбрыя п'янага пасолу.
Грыбы-баравікі над грыбамі палкаўнікі.
Масліны a la Арыстафан Папасатырас.
Зялёны гарошак па-заечаму (фірменнае Валі Барадулінай).
Лімон a la Кісламардзевіч.
Сыр хатні з радзімы Янкі Купалы.

———

Напіткі

Тураўская Юбілейная Крыварылаўка.
Жыватоўка з перцам.
et cetera, et cetera.

Дарагі Рыгор! Дасылаю табе меню, якое хацеў забраць. Віншую з 1 мая і жадаю тысячы год і дзвюх тысяч кніг. Будзь шчаслівы.

Уладзімір.

Дадатак да меню: «лыжка дзёгцю». Бо трэба, калі абяцаў, заходзіць да сяброў не толькі на Вялікдзень. Нават калі-б у цябе стрыечны брат адышоў да Абрама прабацькі

[42] Кошка Р. Барадуліна.

на піва — пазвані, папрасі жонку ці сябра. І не адгаворвацца, што меў на ўвазе 28 красавіка… 1983 года.

Справа, для якой ты быў патрэбен, — ляснулася. Цяпер пра яе і гаварыць не буду. Іншым можаш «званіць ужо з трамвая», але я ані разу, абяцаючы зайсці, не падвёў цябе.

Рукапісны тэкст.

Бясцэннаму майму Другу, Рыгору Барадуліну, перад творчасцю якога я ніколі не адчуваў нічога, акрамя захаплення, і якога шчыра люблю, — гэты шматпакутны раман[43].

Ул. Караткевіч
21 лютага 83 г.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Нельга забыць. Мінск: Мастацкая літаратура, 1982.

18 красавіка 83 г.

Валечка, дарагая![44]

З гэтымі страшнымі падзеямі[45] разгубіў усе мазгі. Згубіў адрас і не ведаю, куды ў энцыклапедыю я павінен быў адаслаць гэтую артыкуліну[46]. Можа, ты ведаеш, лепей разбіраешся і занясеш (і папросіш прабачэння, што я заліў машынапіс кавай: у гэтыя дні я, па-мойму, заліў ёю ўсе лісты і ўсе рукапісы). Загадзя дзякуй табе за гэта.

Я схаваўся. Нікога не магу бачыць, асабліва з сяброў. Як убачу — успамінаю, як ездзілі ў лес і шашлыкі смажылі і былі шчаслівыя. Ці яшчэ нешта ўспамінаю. І… сама разумееш.

Скора ўсё адно вымушаны буду з'явіцца. Трэба ж зборнік вершаў скласці[47]. А там зноў, як камета, куды-небудзь. Ад дома, дзе жыве непапраўнасць.

Цалую цябе і сябра твайго і майго найлепшага Рыгора. Скажы яму, што толькі думка аб тым, што ён жыве і працуе, і так! працуе, дае мне крыху асэнсавання неабходнасці цягнуць далей усю гэтую непатрэбшчыну і муру.

Ваш Уладзімір.

Рукапісны тэкст.

Міламу Рыгору, без існавання якога сябе не мыслю і без якога я не існаваў бы ў поўнай меры такі, які я ў літаратуры ёсць.

1.I.84 Уладзімір Караткевіч

Аўтограф на праспекце выд-ва «Мастацкая літаратура» «Владимир Короткевич. Vladimir Korotkevich».

---

43 Упершыню раман У. Караткевіча «Нельга забыць» («Леаніды не вернуцца да Зямлі») надрукаваны ў часопісе «Полымя» (№ 5–6) у 1961 г.; асобнае выданне рыхтавалася ў 1963 г., аднак набор кнігі быў рассыпаны, аўтара абвінавацілі «в абстрактном гуманизме и прочих смертных грехах» (з ліста У. Караткевіча да сям'і Е. Стулпана ад 16 лістап. 1963 г.; Верабей А. Летапіс жыцця і творчасці // Караткевіч У. Зб. тв.: у 8 т. Т. 8. Кн. 2. Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. С. 441). Выдадзены толькі ў 1982 г.

44 Ліст да жонкі Р. Барадуліна Валянціны Міхайлаўны, якая працавала ў выдавецтве «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя».

45 28 лютага памерла жонка У. Караткевіча Валянціна Браніславаўна.

46 Немагчыма высветліць, што меў на ўвазе У. Караткевіч.

47 Відаць, маецца на ўвазе зборнік паэзіі У. Караткевіча «Быў. Ёсць. Буду» (выйшаў у 1986 г.).

Дарагому, найлепшаму майму сябру, бясцэннаму Рыгору Барадуліну, чалавеку і паэту, якіх вельмі люблю — каб часам узяў і прыпомніў.

Ул. Караткевіч

10 лютага 84 г.

Аўтограф на кн.: Караткевіч У. Чорны замак Альшанскі: раман, аповесць. Мінск: Мастацкая літаратура, 1983.

[1984 г.]

[…][48] Сабрату […] А. Е. Макаёнак[49] — в память о совместном пребывании в ООН[50] — автор У-Танъ[51].

Аўтограф на кн.: У-Танъ. Стихотворения / Изданіе С. Дороватовского, А. Чарушникова. С.-Петербургъ: Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1900.

* * *

Дорогому Милому Ригору від однодумців.
Дарагому Любаму Рыгору ад аднадумцаў і калег.
Dargajam un milajam Rigoram no kolegiem un lidzbiedriem.
Drogiemy, milieny Rygor_______ od jednodumin i coliegem.
Дорогому, милому Рыгору от единомышленников и коллег[52].

Ул. Караткевіч, М. Стральцоў, Ieranims Stulpans

Рукапісная паштоўка.

— Рыгор Іванавіч, «Белавежскую» можаце?
— Магу, дружа, магу, стары, магу.
— А «Пліску»[53], Рыгор Іванавіч, можаце?
— І блізка магу.
— А «Сталічную», Рыгор Іванавіч, можаце?
— Магу!!!!!!!!!!!

[48] Тут і пасля слова «Сабрату» намаляваны іерогліфы. У гэтай жа кнізе ёсць два малюнкі У. Караткевіча.

[49] Макаёнак Андрэй Ягоравіч (1920–1982) — беларускі драматург, перакладчык, народны пісьменнік БССР (1977). Як член дэлегацыі БССР у 1965 г. удзельнічаў у рабоце XX сесіі Генеральнай Асамблеі ААН.

[50] Відаць, маецца на ўвазе ўдзел Р. Барадуліна ў 1984 г. у рабоце XXXIX сесіі Генеральнай Асамблеі ААН (у складзе дэлегацыі БССР).

[51] Тут, магчыма, яшчэ адзін жарт У. Караткевіча, бо гэтае ж самае імя — У Тан — насіў Генеральны сакратар ААН (1962–1971).

[52] На ўкраінскай, беларускай, латышскай, польскай і рускай мовах. Надпіс па-латышску зроблены, відаць, латышскім пісьменнікам Е. Стулпанам.

[53] Назва каньяка.

— А Хванч-Кару, Рыгор Іванавіч, можаце?
— Не магу, стары. Мяшаць баюся.
— Ну і дуп вы, Рыгор Іванавіч!

Рукапісны тэкст з подпісам «ПІФУЛЕЧКА»[54] *і, магчыма, самога У. Караткевіча, а таксама з трыма неразборлівымі подпісамі*[55].

Найвялікшаму беларускаму хунвэйбіну[56] і Маодзэдуністу Рыгору Барадуліну з вялікай падзякай ад яго кітайскіх паслядоўнікаў. Прыпадаем пад ногі твае, вялікі бахдыхан Нябеснай Імперыі нашай!

Мао 1

Мао 2

Мао 3

Рукапісны тэкст на адвароце паштоўкі «Председатель Мао Цзэ-дун на строительстве Шисаньлинского водохранилища. Китайская тушь. 1958 г.». Побач з подпісамі (Мао 1, Мао 2, Мао 3) напісаны іерогліфы.

Гіене — баяцца, сабаку — вішчаць,
Пацю — рокхаць у брудзе сваім.
А льву патрэбны саванаў гушчар,
Родны край і свабода ў ім.

І таму не пабойвайся, не чакай,
А скачком бяры частакол.
І рыкай. І калоціцца вораг няхай,
Калі гойсае леў вакол.

Жыві сярод кінутых родных лясоў,
Клыкамі за іх ірві…
Бо мы з табой не з гіен, не з псоў,
Бо мы — ільвінай крыві.

Рукапісная паштоўка (з выявай льва). Побач з вершам У. Караткевічам пазначана: «Льву Рыгору», ніжэй — «Леў Уладзімір».

Рыгору ад Альмы[57] і Ўладзіміра. Аблізваем па чарзе ягоную пысу. Вакол туман і лёд.

Аўтограф на фотаздымку.

---

[54] Літары «у» і «к» напісаныя па прынцыпе люстэркавасці.

[55] Тут і далей прыводзяцца аўтографы У. Караткевіча, вызначыць дату якіх не ўяўляецца магчымым.

[56] Хунвэйбіны («чырвоная гвардыя», «чырвоная ахова» (*кіт.*) — члены атрадаў студэнцкай і школьнай моладзі, створаных у 1966–1967 гг., актыўныя ўдзельнікі «культурнай рэвалюцыі» ў Кітаі, ініцыятарам якой быў Мао Цзэдун (1893–1976), кітайскі дзяржаўны і палітычны дзеяч, старшыня Камуністычнай партыі Кітая (1943–1976).

[57] На фотаздымку У. Караткевіч з сабакам.

Віншуем Барадуліна, Барадуліху і Барадулінятка з Вялікаднем!

Жадаем поспехаў, доўгіх год, новых кніг, высокіх учынкаў, здароўя, шчасця і ўсяго-ўсяго добрага.

В. і Ул. К.

Рукапісны тэкст на адвароце малюнка, на якім У. Караткевічам намаляванае кураня і яйка, напісана: «З Вялікаднем!».

Мілы Рыгор!

Жыві не «дзень за днём», а «стагоддзе за стагоддзем».

Ул. Караткевіч

Аўтограф на «Книжке-календаре».

Уступнае слова, публікацыя і каментары
Сяргея ШАПРАНА

Абрысы дзён мінулых

БЕЛАРУСКІ ПАДАРУНАК УЛАДЗІСЛАВУ МІЦКЕВІЧУ[1]

Вясной 1861 г. Уладзіслаў Міцкевіч наведаў радзіму свайго бацькі, што расцягнулася ад 11 сакавіка да 22 чэрвеня (з улікам выезду ў Пецярбург). Першым прыпынкам для яго стаў Мінск[2], далей былі Навагрудак і ваколіцы, затым Вільня. У адваротнай дарозе з Пецярбурга ён паўторна наведаў Віленшчыну, Навагрудак, маёнтак Губерня[3] Кобрынскага павета і Бярэсце[4]. Для тутэйшай шляхты сустрэча з сынам Адама Міцкевіча стала знамянальнай падзеяй, якая ўзмацняла патрыятычныя пачуцці і давала магчымасць, хоць і апасродкавана, дакрануцца да спадчыны свайго земляка, які як сярод эмігрантаў, так і сярод ліцвінаў успрымаўся сімвалам вольнасці. У аднагодкаў Адама Міцкевіча гэтая сустрэча ўзмацняла настальгічныя пачуцці і ў той жа момант пакідала надзею на паспяховаць таго руху, які імкліва разгортваўся з пачатку 1860-х гг. у Беларусі. Пацверджанне гэтаму — адсутнасць на сустрэчах, арганізаваных у гонар Уладзіслава Міцкевіча, выпадковых асобаў. Павітаць сына паэта сабраўся сапраўдны гонар шляхты.

Вандроўка Уладзіслава Міцкевіча на Украіну і Беларусь знайшла пэўнае адлюстраванне ва ўспамінах і літаратуры[5]. Адначасова з гэтым паўстала і некалькі пытанняў. Пачаткова Эдвард Паўловіч, а за ім Рышард Мяніцкі пазначаюць, што згаданая падзея адбывалася вясной 1862 г.[6], у той момант як сам Міцкевіч-сын і захаваўшыяся крыніцы сведчаць, што прыходзіцца гэта на 1861 г. Цікавым для даследчыкаў з’яўляецца згадка Міцкевіча аб альбомах фотаздымкаў, падараваных яму мінскай, наваградскай і віленскай шляхтай. Аднак гэты факт не знайшоў адлюстравання ў каталогах, прысвечаных міцкевічаўскім зборам.

Падчас працы ў 2006 г. у Польскай бібліятэцы ў Парыжы, праглядаючы інвентар неапрацаваных матэрыялаў (так званых акцэсій), мы натыкнуліся на назву справы, якая нас узрушыла. У перакладзе з польскай мовы гэта гучала як «Альбом фотаздымкаў, падараваных У. Міцкевічу ліцвінамі з Мінска ў 1861 г.»[7]. Аднак вялікага спадзявання на

---

[1] Артыкул паўстаў дзякуючы дапамозе Польскага гісторыка-літаратурнага таварыства і Польскай бібліятэцы ў Парыжы, а таксама Касе Мяноўскага. Выказваем таксама шчырую падзяку доктару гісторыі Яну Трынкоўскаму, доктару габілітаванаму Магдзе Міціньскай і кандыдату гістарычных навук Вячаславу Паўлаву, аказаўшым дапамогу ў зборы матэрыялаў.

[2] У адпаведнасці з падарожнай, атрыманай Уладзіславам Міцкевічам 28 лютага 1861 г. у Кіеве, у Мінску ён накіраваўся 11 сакавіка. Гл.: Muzeum Literatury imienia Adama Mickiewicza w Warszawie. Depozyt Biblioteki Polskiej w Paryżu (далей — Muz. Lit. Dep. BPP) 42, k. 8–9.

[3] У маёнтку Губерня жыў са сваёй сям’ёй малодшы брат Адама Міцкевіча Аляксандр. Уладзіслаў Міцкевіч прабыў тут некалькі дзён, наведаўшы таксама і ваколіцы. Ягонае апісанне навакольных мясцін, а таксама сваяцкія сувязі выклікалі прыезд у Губерню таксама сясцёр. Гл.: Kossak E. K. Rodzina M. Warszawa, 1991. S. 97, 100.

[4] Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. 1862–1870. Warszawa, 1927. S. 101–108; Zienkewicz T. Śladami ojca. Władysław Mickiewicz na Białorusi w roku 1861 // Acta Polono-Ruthenica. T. 2. Olsztyn, 1997. S. 351.

[5] Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 50–77; Marachow G. Przyjazd Władysława Mickiewicza na Ukrainę i polskie manifestacje patryotyczne w Żytomierzu w świetle urzędowej korespondencji // Blok-Notes Muzeum Litaratury im. Adama Mickiewicza. № 11. Warszawa, 1994. S. 165–173; Wiengerów Ł. O pobycie Władysława Mickiewicza na Ukrainie (Według niewydanych materiałów archiwalnych) // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 1956; Śnieżko A. Dworek Mickiewiczowski w Nowogródku. Lida, 1939. S. 43–46; Zienkewicz T. Śladami ojca. S. 341–352.

[6] Pawłowicz E. Wspomnienia. S. 88–87; Mienicki R. Ziemia nowogródzka w dobie porozbiorowej (1793–1915). Wilno, 1935. S. 35.

[7] Biblioteka Polska w Paryżu (далей — BPP), akc. 2305. «Album z fotografiami ofiarowany Wł. Mickiewiczowi przez Litwinów z Mińska w 1861 r.».

такую даследчыцкую ўдачу ў нас не было, бо папярэдне замоўленыя некалькі альбомаў, дзе павінны былі змяшчацца зацікавіўшыя нас фотаздымкі, аказваліся пустымі. І толькі праз нейкую гадзінку, калі нам ў рукі трапіў аксамітавы, карычневага колеру, ціснены золатам, памерам 26×20 см альбом, прыйшло разуменне, што мы натрапілі на каштоўнейшую архіўную знаходку. Гэты падарунак Уладзіславу Міцкевічу ад мясцовай шляхты з'яўляецца сапраўдным падарункам сучасным даследчыкам. Тут захаваліся як выявы Навагрудка і яго наваколля, так і цэлага шэрагу асобаў, здымкі якіх паходзяць дзесьці з канца 50-х гг. XIX ст.

Альбом са сховішчаў Польскай бібліятэкі ў Парыжы, на наш погляд, сфармаваны з фотаздымкаў, якія раней уваходзілі ў асобныя альбомы, падараваныя Міцкевічу пры яго наведванні Мінска, Навагрудка[8] і здымкаў, атрыманых у Вільні[9]. Хутчэй за ўсё, менавіта Мінскі альбом стаў асновай для ўключэння ў яго здымкаў, што захаваліся ад асобных альбомаў. У пацверджанне нашай думкі гаворыць тое, што першыя сем старонак[10] утрымліваюць мінскія матэрыялы. Далейшае размяшчэнне фотаздымкаў у альбоме прадстаўлена з парушэннем храналогіі падзей. Замест наваградскіх матэрылаў у альбоме прадстаўлена некалькі фрагментаў, звязаных з прыбываннем Уладзіслава Міцкевіча ў Вільні. На адным з аркушаў альбома захаваўся подпіс аб размяшчэнні там калісьці здымка Віктара (Віктарына), Альдона і Клеменса Занаў, падараванага Міцкевічу 1/13 красавіка 1861 г.[11], а на наступным змешчана гравюра Тамаша Зана. Адначасова з гэтым Міцкевічам пазначаецца, што здымкі ён атрымаў ад усіх асобаў, з якімі сустракаўся ў Вільні[12]. У самім жа Альбоме віленскіх здымкаў не захавалася, толькі ўмоўна мажліва адносіць да іх адзін з ненатаваных партрэтаў — маладой жанчыны перад люстэркам і мужчыны без прозвішча.

Яшчэ адным момантам, які выступае на карысць нашай думкі, з'яўляецца наяўнасць у альбоме паперы рознай якасці і колеру. Мінскія матэрыялы размешчаны на звычайнай альбомнай паперы жаўтаватага колеру, наступныя ж фотаздымкі знаходзяцца на рознай па якасці і колеры паперы. Факт спалучэння ў альбоме розных матэрыялаў падцвярджае таксама прынцып афармлення, які выкарыстаны ў дачыненні навагрудскіх фотаздымкаў. Толькі яны па краях абклеены белай рыфлёнай паперай.

Усяго ў альбоме размешчана 36 фотаздымкаў, сярод якіх знаходзяцца два групавыя здымкі і шэсць сюжэтных, прысвечаных Навагрудку і яго наваколлю. На фотаздымках змешчана 41 асоба, пад дзвюма з якіх адсутнічаюць прозвішчы. Здымкі ў альбоме раз-

---

8 Наваградскі альбом з памятным надпісам «Сыну бессмяротнага Адама Уладзіславу Міцкевічу на памяць ад наваградскіх землякоў аб яго побыту на роднай зямлі 22 сакавіка / 4 красавіка 1861 года ў Навагрудку» падараваў, як пазначаецца Аляксандрам Сняжко, Канстанцін Тuганоўскі. Гл.: BPP, akc. 2305, k. 10 (у адпаведнасці з умоўнай пагінацыяй); Śnieżko A. Dworek Mickiewiczowski. S. 45–46.

9 Адказаць на пытанне, ці існаваў асобны віленскі альбом, складана, таму што нават сам Уладзіслаў Міцкевіч недакладна апісвае гэты факт. У адным месцы ён пазначае, што альбом с фотаздымкамі яму быў падараваны і ў Вільні, а далей канкрэтызуе, што гэта былі асобныя фотаздымкі, якія не ўтрымлівалі нават подпісаў. Гл.: Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 70, 76.

10 Альбом не пагінаваны. Намі даецца ўмоўная пагінацыя, пры якой пустыя аркушы не ўлічваюцца.

11 Мажліва выказаць меркаванне, што варыянт падараванага ў 1861 г. Уладзіславу Міцкевічу фотаздымка сыноў Зана захоўваецца цяпер у «Альбоме Віктарына Зана», які В. Зан (1848—?) атрымаў ад маці на дзясяцігоддзе. На гэтым здымку захавалася выява жонкі і трох сыноў Тамаша Зана. Брыгіта Зан сядзіць на крэсле, а побач з ёй стаяць два хлопчыкі ў гімназічнай форме. Трэці хлопчык апусціўся з правага боку ад маці на калена. Фотаздамак не датаваны, аднак паходзіць ён, мажліва, з 1858 г., як і большасць з матэрыялаў, уключаных у гэты альбом. Гл.: Muzeum Litaratury im. Adama Mickiewicza w Warszawie (далей — Muz.Lit.) rkps 290. Album Wiktoryna Zana, k. 1; Katalog rękopisów Muzeum Litaratury im. Adama Mickiewicza w Warszawie. T. 1: sygnatury 1–500 / Oprac. T. Januszewski, W. Kordaczuk, G. Niedusyńska, M. Polakowska. Warszawa, 1996. S. 164–166.

12 Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 70.

мешчаны на дваццаці двух аркушах, акрамя гэтага напрыканцы альбома знаходзіцца адзін непрыклееныя фотаздымак.

На першай старонцы альбома знаходзіцца выява Божай Маці Бялыніцкай, выкананая ў фатаграфічнай майстэрні Антонія Прушынскага ў Мінску. На другой старонцы змяшчаецца рукапісны надпіс: «Сыну Адама Уладзіслава землякі ліцвіны ў Мінску 1861 г. 18 сакавіка», пасля чаго змяшчаюцца подпісы наступных асобаў: Мікалай Караткевіч, Аляксандр Валіцкі, Юзаф Казакоўскі, Рудольф Пішчал, Міхал Лажнеўскі, Антоній Бржазіцкі, Браніслаў Любічанкоўскі[13], Міхал Ялец, Багуслаў Семірадзкі, Міхал Янкоўскі, Нестар Буш, Юзаф Снядэцкі, Францішак Дабкевіч, Валерый Валодзька, Юзаф Любічанкоўскі, Ян Навакоўскі, Міхал Дабравольскі, Рыгор Раманоўскі, Люцыян Неслухоўскі[14], Аляксандр Барташэвіч, Браніслаў Крупскі, Эдмунд Булгак, Караль Станкевіч, Антоній Прушынскі, Яўген Мірскі, Антоній Івашкевіч, Мячыслаў Слізень[15]. На трэцяй старонцы альбома змяшчаюцца тосты, выказаныя ў гонар Уладзіслава Міцкевіча Аляксандрам Валіцкім[16] і асобай з ініцыяламі М. К.[17].

---

[13] Любічанкоўскі Напалеон Браніслаў (н. каля 1819 (х. 08.09.1821) — 07.1880) — шляхціц гербу «Любіч», нарадзіўся каля Рэчыцы (Асавец?), сын Яна (каля 1772—пасля 1833, доктар філасофіі, дырэктар гімназій у Магілёве, Мазыры, Навагрудку, член Камісіі па ліквідацыі Віленскага універсітэта, надворны саветнік) і Юзэфы, родны брат Отана (каля 1804 — да 1869) і Юзафа Леапольда (яго фотаздымак змешчаны ў альбоме), жанаты з Леанідай (Леанільдай) (каля 1830 — каля 1910) Солтан, з якой меў шэсць дзяцей. Пасля заканчэння Мінскай гімназіі з 1837 г. вучыўся ў Віленскай медыка-хірургічнай акадэміі. У 1840 г. за спрычыненні да дзейнасці таварыства Францішка Савіча быў арыштаваны і каля 2 гадоў утрымліваўся ў зняволенні. Пасля вызвалення працягнуў навучанне ў Харкаве. З канца 1840-х гг. займаўся ўрачэбнай практыкай, жыў у Мінску, працаваў мінскім гарадскім урачом. У 1854 г. становіцца калежскім асэсарам. З 13 жніўня 1863 г. знаходзіўся пад сакрэтным наглядам паліцыі «па палітычных справах». Затым па загадзе М. Мураўёва быў прывезены разам з сям'ёй у Вільню і высланы ў Аланецкую губерню. Жыў у Аланцы, займаўся прыватнай урачэбнай практыкай. Паліцыя атэставала яго наступным чынам: «Гатовы дапамагчы кожнаму. Усе яго любяць і паважаюць, асабліва просты народ. Добры ўрач, высокародны чалавек, добра ўплывае на людзей». Яго сын у 1868 г. вучыўся ў Аланецкай гімназіі. Памёр у ссылцы. Яго дачка Браніслава (22.07.1851–27.05.1928) пакінула ўспаміны, прысвечаныя ссылцы. Яго партрэт змешчаны ў выданні Ганны Брус. Гл.: Нацыянальны архіў Рэспублікі Карелія (далей — НАРК), ф. 1, воп. 36, спр. 91/1, арк. 133 адв. — 134; ф. 1, воп. 67, спр. 1/2, арк. 84; ф. 1, воп. 67, спр. 1/3, арк. 83 адв. — 84; Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей — НГАБ), ф. 319, воп. 2, спр. 1898; Na nieznane losy. Między Ołońcem a Jadryniem. Dwa pamiętniki z zesłania po powstaniu styczniowym / Opracowała A. Brus. Warszawa, 1999. S. 53, 83 i inne; Szarejko P. Słownik lekarzy polskich XIX wieku. T. 3. Warszawa, 1995.

[14] Неслухоўскі Люцыян (каля 1816 — каля 1880) — паходзіў са Слуцкага павета Мінскай губерні, былы сакратар Мінскай палаты грамадзянскага суда, калежскі сакратар, бацька паэта Івана Неслухоўскага (Янкі Лучыны). Падазраваўся ў спрычыненні да паўстання 1863 г., у выніку чаго з 10 ліпеня 1864 г. трапіў пад следства. Да 10 кастрычніка 1868 г. утрымліваўся пад наглядам паліцыі. Напрыканцы жыцця з'яўляўся дэпутатам ад Слуцкага павета ў Мінскім дваранскім дэпутацкім сходзе. Жыў з сям'ёй у Мінску на вул. Юр'еўская. Гл.: Пачынальнікі. З гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г. В. Кісялёў. Мінск, 1977. С. 467–468, 474; Zienkewicz T. Śladami ojca. S. 344.

[15] Акрамя пералічаных прозвішчаў захаваўся таксама подпіс Францішка Дульскага, які закрэслены. Уладзіслаў Міцкевіч ва ўспамінах яго таксама абмінае. Гл.: Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 53–54.

[16] Валіцкі Аляксандр (27.01.1826–01.06.1893) — музычны крытык, спявак, біёграф Станіслава Манюшкі. Каля 1863 г. заснаваў у Мінску кнігарню, вакол якой групавалася перадавая інтэлігенцыя. Сябраваў з Манюшкам, Вікенціем Дуніным-Марцінкевічам, Адамам Кіркорам, Уладзіславам Сыракомлем. За удзел у антыўрадавых выступленнях у 1863 г. быў сасланы ў Тамбоў. Вярнуўся са ссылкі ў 1867 г. і абаснаваўся ў Варшаве, дзе пачаткова працаваў ў музычным аддзеле «Варшаўскага весніка». З 1872 г. уладкаваўся карэктарам у друкарні В. Анчыца, а затым кракаўскай кнігарні Густава Гебетнера. Апошнія тры гады свайго жыцця выконваў абавязкі кусташа ў Радзівілаўскай бібліятэцы ў Нясвіжы. Гл.: Słownik biograficzny pracowników książki Polskiej. Warszawa- Łódź, 1972. S. 936.

[17] Хутчэй за ўсё, гэтай асобай з'яўляецца Мікалай Караткевіч. З усіх прозвішчаў, якія сустракаюцца ў альбоме, і тых, каго ўзгадвае ва ўспамінах Уладзіслаў Міцкевіч, падыходзіць толькі ён. Самі тосты зафіксаваны ва ўспамінах У. Міцкевіча. Гл.: Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 52–53.

Чацвёртая старонка змяшчае фота памерам 13 × 17 см, выкананая ў фотаграфічнай майстэрні Антонія Прушынскага, якое датуецца 18 сакавіка 1861 г. і паказвае дзесяць асобаў, размешчаных у два рады: верхні рад — сам уладальнік майстэрні Прушынскі, Міхал Дабравольскі[18], Багуслаў Серадскі і Валерый Валодзька; ніжні рад — Ян Навакоўскі, Юзаф Любічанкоўскі, Караль Станкевіч, Юзаф Барташэвіч, Мікалай Караткевіч, Міхал Янкоўскі.

На пятай старонцы змяшчаюцца асобныя фотаздымкі Яўгена Мірскага і Юзафа Снядэцкага, падпісаныя 19 сакавіка 1861 г. Шостая старонка змяшчае фота маладой жанчыны перад люстэркам без пазначэння прозвішча і даты. На сёмай старонцы знаходзіцца фотаздымак мужчыны сярэдніх гадоў па прозвішчы Ванькові[19].

На наступнай, восьмай старонцы, перад якой знаходзіцца шмат пустых лістоў, застаўся толькі адзін подпіс: «На памяць дарагому Уладзіславу, сыну Адама, у доказ брацкай любові ахвяруюць дзеці Тамаша — Віктар, Альдон, Клеменс Заны», датаваны 1/13 красавіка 1861 г., Вільня. Гэты фотаздымак, як згадвае Уладзіслаў Міцкевіч, трапіў да яго ад сям'і Занаў[20]. Да сучаснасці ён не захаваўся, застаўся толькі надпіс. Наступная старонка змешчае гравюру Тамаша Зана.

Дзесятая старонка альбома змяшчае прысвячэнне Уладзіславу Міцкевічу ад навагрудчанаў, дoff датаванае 22 сакавіка/4 красавіка 1861 г. На наступнай старонцы змешчаны тост, выказаны на абедзе ў гонар сына Адама Міцкевіча Канстанцінам Туганоўскім[21]. Пасля гэтага тэксту ў альбоме зноў ідуць пустыя аркушы[22].

Некалькі старонак альбома прысвечаны Навагрудку. На дванаццатай старонцы знаходзіцца фотаздымак Замкавай гары, на чатырнаццатай — выява (фотаздымак 17,5 × 14 см) адной з башняў Навагрудскага замка[23], семнаццатая старонка змяшчае фотаздымак памерам 13 × 11,5 см з выявай Навагрудскай ратушы, плошчы і дамініканскага касцёла. На дваццаць першым аркушы знаходзіцца фотаздымак адной з вуліц Навагрудка. Подпіс з дакладным пазначэннем аб гэтым адсутнічае. Але ўлічваючы той факт, што ўсе папярэднія і наступныя здымкі звязаны з Навагрудкам і яго жыхарамі, мажліва меркаваць, што перад намі выява навагрудскай вуліцы канца 50 — пачатку 60-х гг. XIX ст.

Трынаццатая старонка змяшчае фотаздымкі памерам 6 × 9 см трох чалавек — Канстанціна Туганоўскага, Уладзіслава Умястоўскага і адно фота, пад якім адсутнічае прозвішча.

На пятнаццатай старонцы — фотаздымак авальнай формы, на якім знаходзяцца Антоній і Антаніна Брахоцкія. Фотаздымак датуецца 28 сакавіка 1861 г. і ўтрымлівае акрамя гэтага назву маёнтка Морына.

---

18 Фота Міхала Дабравольскага пазнейшага часу змешчана ва ўспамінах Апалінарыя Свентаржэцкага. Гл.: [Świętorzecki A.] Ze wspomnień wygnańca / Spisała Z. Kowalewska. Wilno, 1911.

19 На фотаздымку адлюстраваны старэйшы сын Валенція Ваньковіча — Адам Ваньковіч. Пацверджаннем нашай думкі з'яўляецца другі фотаздымак Адама Ваньковіча, які змешчаны ў першым томе ўспамінаў Якуба Гейштара. Гл.: Gieysztor J. Pamiętniki z lat 1857–1865. Wilno, 1913. T. I. S. 259.

20 Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 76.

21 Словы Канстанціна Туганоўскага прыводзяцца Уладзіславам Міцкевічам. Гл.: Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 56–57.

22 На сёння ў альбоме адсутнічае старонка з прамовай Эдварда Паўловіча, пад якой пакінулі свае подпісы 69 навагрудчанаў. Аб гэтым згадваецца і самім выступоўцам, і Уладзіславам Міцкевічам. Гл.: Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57–58; Pawłowicz E. Wspomnienia. S 88–89.

23 Гэты фотаздымак адпавядае малюнку, які змешчаны ў выданні Эдварда Паўловіча. Гл.: Pawłowicz E. Nowogródek w XIX wieku. Lwów, 1902.

На шаснаццатай старонцы размешчана шэсць фота памерам 6,5 × 9 см — Уладзіслава Брахоцкага[24], Караля Бялапятровіча, Альбіна Чачота, Яна Наргілевіча[25], Аўгуста Несялоўскага, Стэфана Верашчакі.

Васемнаццаты і дзевятнаццаты аркушы альбома зноў утрымліваюць па шэсць асобных фотаздымкаў памерам 6,5 × 9 см. На першым з іх знаходзяцца Станіслаў Брахоцкі, Станіслаў Маліноўскі, Францішак Верашчака, Уладзіслаў Вяржбоўскі, Юльян і Канстанцін Кашыцы. На другім — Эдвард Паўловіч[26], Канстанцін Чачот, Адольф Мікульскі, Пётр Гнаінскі, Антоній Пуцята, Ян Маркевіч.

На наступным, дваццатым аркушы альбома змяшчаецца фотаздымак дырэктара Навагрудскай гімназіі Фелікса Чашніцкага[27]. На самім фота падпісана толькі адно прозвішча і пазначана яно ў іншай версіі — Часніцкі. Уладзіслаў Міцкевіч ва ўспамінах запісвае гэтую асобу як Часьніцкі і згадвае яго імя — Фелікс, што дазволіла нам у далейшым адшукаць архіўныя матэрыялы па гэтай асобе.

На апошнім, дваццаць другім аркушы альбома змешчаны тры фотаздымкі памерам 6,5 × 11 см, на якіх знаходзяцца Канстанцін Урублеўскі, Ануфрый Калупайла і Раман Бохвіц. Здымкі датаваны сярэдзінай мая 1861 г. і трапілі да Уладзіслава Міцкевіча ўжо пры вяртанні ў Парыж.

Асобна ў альбоме захоўваецца фотаздымак, на якім знаходзіцца дом Міцкевічаў[28]. На ганку стаяць некалькі дарослых з дзецьмі. На жаль, здымак зроблены са значнай адлегласці, што не дазваляе разгледзець твары людзей. Аднак мажліва меркаваць, што адным з тых быў сам Уладзіслаў Міцкевіч і здымак мог быць зроблемы падчас яго побыту ў Навагрудку, а апынуўся ў яго ці падчас вяртання, ці пазней быў перасланы яму ў Парыж. У 1922 г., калі Уладзіслаў Міцкевіч на схіле свайго жыцця яшчэ раз наведаў Навагрудак, ён таксама сфатаграфаваўся на фоне гэтага дома[29].

Работа над апрацоўкай прадстаўленых матэрыялаў была досыць складанай, што абумоўлівалася пошукам асобаў, пра большасць з якім нам не было вядома нічога, акрамя імя і прозвішча, а ў некаторых выпадках нават гэтага. Пачаткова мы адштурнуліся ад ідэі, што гэтых людзей, якія палічылі для сябе за гонар павітаць сына Адама Міцкевіча, не маглі не закрануць паўстанцкія падзеі 1863–1864 гг. Мы звярнуліся ў Інстытут гісторыі Польскай Акадэміі навук, дзе захоўваецца «Картатэка ўдзельнікаў январскага паўстання», складзеная калектывам гісторыкаў пад кіраўніцтвам прафесара Вікторыі Слівоўскай. Доктар

---

[24] Вядомы яшчэ адзін фотаздымак Уладзіслава Брахоцкага, які зроблены ў фотамайстэрні братоў Чыж у Вільні пасля вяртання былога наваградскага маршалка з ссылкі незадоўга да яго смерці. Арыгінал гэтага здымка, датаваны 1885–1890 гг., памерам 113×81 см, захоўваецца ў Аддзеле іканаграфіі Нацыянальнай бібліятэкі Варшавы і трапіў туды са збору Міхала Брэнштэйна. Гл.: Biblioteka Narodowa (далей — BN) F. 3726/II-2; Гарбачова В. В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі. Мінск, 2001.

[25] У выданні С. Васілеўскага таксама змешчаны фотаздымак Яна Наргілевіча, на якім ён адлюстраваны разам са сваёй жонкай Мальвінай Дыбоўскай. Гэтая крыніца паходзіць, на наша меркаванне, з 80-х гадоў XIX ст. Гл.: Wasylewski S. Pod kopułą lwowskiego Ossolineum. Wrocław, 1958.

[26] Вядомы таксама фотаздымак, датаваны пачаткам XX ст., які Эдвард Паўловіч змясціў у адным са сваіх выданняў. Гл.: Pawłowicz E. Nowogródek w XIX wieku.

[27] Прозвішча паходзіць ад пасады чашнік, якая па-польску гучыць як *cześnik*, а ў ВКЛ яна пазначалася *czasznik* ці *czaśnik.* Прадстаўлены варыянт напісання прозвішча ўжыты намі на падставе выкарыстання наступных матэрыялаў: НГАБ, ф. 333, воп. 1, спр. 619, арк. 160; ф. 3157, воп. 1, спр. 43, арк. 261–261 адв.

[28] Змены ў выглядзе дома Міцкевічаў у розныя часы знайшлі адлюстраванне ў выданні Аляксандра Сняжко. Гл.: Śnieżko A. Dworek Mickiewiczowski. S. 11, 47, 59 i inne.

[29] Фотаздымак з другога прыезду У. Міцкевіча змясціў у сваім артыкуле Рыгор Марахаў. Гл.: Marachow G. Przyjazd Władysława Mickiewicza. S. 166.

габілітаваны Магда Міцінськая прадставіла нам матэрыялы з гэтай картатэкі, да складання якой спрычыніліся гісторыкі Польшчы, Беларусі, Літвы і расійскіх ускраін. Шэраг персанажаў з альбома апынуліся сярод тых, хто браў удзел у паўстанні і быў сасланы ў аддаленыя губерні Расіі. Каштоўнасць гэтых матэрыялаў заключаецца ў тым, што нам удалося выкарыстаць дадзеныя, змешчаныя ў архівах Масквы, Омска, Вільні, Варшавы, Львова, Казані, Пермі, Кунгура і Карэліі. Адначасова з гэтым найбольш каштоўныя матэрыялы знойдзены намі ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі.

Прадстаўленыя ніжэй біяграфічныя нататкі не з'яўляюцца аднолькавымі па напаўняльнасці. І ў той жа момант для кожнага персанажа мы імкнуліся адлюстраваць, па-мажлівасці, даты нараджэння і смерці (у некаторых выпадках прыводзяцца толькі даты хрышчэння), саслоўную прыналежнасць і маёмасны стан, месца жыхарства і нараджэння, імёны бацькоў, жонкі, нашчадкаў, узровень і месца атрымання адукацыі, сферу прафесійнай занятасці, інфармацыю па веравызнанні. Таксама намі звярталася пільная ўвага на дзейнасць разгляданых асобаў, якая асвятляецца па храналагічным прынцыпе. Напрыканцы падаецца бібліяграфічны матэрыял, дзе спачатку пазначаюцца творы персаналіі, затым кірылічныя і лацінамоўныя архіўныя крыніцы. Завяршаюць бібліяграфічны пералік кірылічныя і лацінічныя даследаванні. Інфармацыя, прадстаўленая нам іншымі даследчыкамі, падаецца ў дужках.

У некаторых выпадках нам прыйшлося абмежавацца толькі генеалагічнай інфармацыяй. Некалькі асобаў, сярод якіх Ануфрый Калупайла, маладая жанчына і мужчына сярэдніх гадоў без прозвішчаў, пакуль увогуле не ідэнтыфікаваны. Аднак спадзяемся, што далейшыя даследаванні ў беларускіх, літоўскіх і польскіх архіўных сховішчах дазволяць істотна пашырыць нашы веды аб асобах, якія паўстаюць з фотакартак так званага Альбома Уладзіслава Міцкевіча.

Прушынскі Станіслаў Антоній (1826–1895) — шляхціц Мінскай губ. герба «Любіч», сын Антонія (п. каля 1873), уладальніка маёнтка Асінцы Вілейскага пав., гранічнага суддзі, і Розы Станьскай. Бацька, верагодна, у 1827 г. кантактаваў з А. Міцкевічам (?).

Актыўна ўдзельнічаў у грамадскім руху, у 1844–1845 гг. належаў да так званых спіскоўцаў, меў радыкальныя погляды, якія не падзяляў яго бацька. Ажаніўся з беднай шляхцянкай Пелагеяй Кулаковай, што таксама не задавальняла сваякоў. Пералічанае паўплывала на пазбаўленне Антонія Прушынскага права на спадчынную маёмасць. Пасля гэтага А. Прушынскі пераехаў у Мінск, дзе пачаткова сродкамі для ўтрымання сям'і былі прыватныя ўрокі ігры на фартапіана, затым ён адкрывае невялікую фабрыку па выпуску лаку. Каля 1850 г. адчыніў фотамайстэрню, якая размяшчалася ў Мінску на вул. Францысканскай. У 1850-я гг. меў дачыненне да дзейнасці Мінскага гарадскога тэатра, у 1856 г. выступаў на сцэне гэтага тэатра ў оперы Станіслава Манюшкі «Рэкрутскі набор».

У перыяд крымскай вайны ўдзельнічаў у вызваленчым руху, за што ў 1855 г. быў арыштаваны і ўтрымліваўся ў Бабруйскай турме. У перадпаўстанцкі перыяд далучыўся да чырвоных Мінскага паўстанцкага камітэта. У пачатку 1863 г. быў арыштаваны і 29 кастрычніка 1863 г. сасланы на жыхарства ў Сібір. У якасці пакарання было вынесена рашэнне аб канфіскацыі маёмасці, аднак у студзені 1864 г. пры правядзенні вобыску прыставам мінскай гарадской паліцэйскай управы была знойдзеная толькі фотамашына, на якую прад'явіла свае правы жонка Пелагея Прушынская. Да паўстання 1863 г. па звестак Станіслава Рэйманта, меў дачыненне і бацька А. Прушынскі, які таксама быў сасланы ў Сібір, адкуль атрымаў дазвол вярнуцца да 1868 г. без мажлівасці пражывання на сталым месцы жыхарства. Пасля вяртання бацька пасяліўся ў Варшаве.

Пакаранне Антоній Прушынскі адбываў у Каінскай акрузе Томскай губ. У 1864 г. да яго прыбыла жонка Пелагея Вікторыя Кулакова разам з дзецьмі: Конрадам (19.02.1851,

Мінск — 08.07.1908, Варшава), Максіміліянам і Зянонай. Відаць, ужо ў Томску ў іх нарадзіўся сын Севярын (п. каля 1869). У 1864–1873 гг. у Томску Прушынскі ўтрымліваў невялікую фотамайстэрню, асновай да заснавання якой стала фотамашына, перавезеная з Мінска. Акрамя гэтага, Прушынскі даваў прыватныя ўрокі музыкі. У яго доме арганізоўваліся музычныя вечары, дзе бралі ўдзел нават дзеці. Падчас ссылкі А. Прушынскі быў арыштаваны і ўтрымліваўся ў зняволенні за ўдзел у тайных сходах. У 1869 г. ён атрымаў дазвол на выезд у Польшчу, пасля чаго назад не вярнуўся. Да 1873 г. томскія ўлады шукалі яго, што асвятлялася ў перыядычным друку і архіўных справах.

З 1873 г. Прушынскія жылі ў Варшаве, дзе на працягу 1874–1895 гг. Антоній Прушынскі кіраваў фатаграфічнай майстэрняй, якая пачаткова з-за адсутнасці афіцыйнага дазволу на яе заснаванне лічылася за Анастазіям Пуцятай, цесцем сына Конрада. Як сведчыць Ядвіга Астраменцкая, якая сустракалася з ім, у 1891 г. А. Прушынскі жыў у Варшаве і, «нягледзячы на страту зроку, захаваў добры настрой і расчулена ўспамінаў сібірскія часы, калі складаныя бытавыя ўмовы, смутныя перажыванні і аддаленасць ад радзімы аб'ядноўвала людзей як бы ў адну сям'ю». Я. Астраменцкая пакінула ўспаміны пра лёс дзяцей Прушынскага. Сын Конрад выехаў з Томска раней за бацькоў з мэтай працягу навучання. Пазней ён становіцца рэдактарам «Святочнай газеты». Максіміліян Прушынскі, былы студэнт Політэхнічнага універсітэта ў Рызе, ажаніўся з жанчынай нямецкага паходжання, стаў бацькам чатырох дачок, памёр ва ўзросце каля пяцідзесяці гадоў. Дачка Зянона (Зеня) пасля вяртання са ссылкі закончыла Варшаўскую кансерваторыю, ажанілася з Дыянісіем Бекам (1865–1907), вядомым польскім публіцыстам і грамадскім дзеячам.

У Нацыянальнай бібліятэцы Варшавы захоўваюцца партрэты бацькоў Антонія Прушынскага, выкананыя ў 1858 і 1871 гг., фотаздымак сям'і Прушынскага з жонкай Пелагеяй і дзецьмі, а таксама іншыя фотаздымкі з калекцыі сына Конрада, зробленыя ў мінскай і варшаўскай майстэрнях Прушынскага. Акрамя гэтага фотаздымак А. Прушынскага, выкананы ў фотамайстэрні «А. Пуцята», захоўваецца ў зборах Гістарычнага музея Варшавы. *(Львоўская навуковая бібліятэка імя Васіля Стэфанэка (далей — ЛНБ), ф. Асалінскіх, спр. 4533, арк. 103; спр. 4535, арк. 46–47; Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (далей — ДАРФ), ф. 109, 1 эксп., 1865, спр. 31, арк. 278 адв.; там жа: 1871, спр. 62, арк. 457; Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей — РДГА), ф. 1286, воп. 29, спр. 1090, арк. 495–497; воп. 24, спр. 139, арк. 306. — Інф. М. Міціньскай); НГАБ, ф. 299, воп. 1, спр. 576, арк. 648–650; ф. 299, воп. 2, спр. 6062, арк. 70; ф. 299, воп. 2, спр. 6063, арк. 97; ф. 319, воп. 2, спр. 2639, арк. 14; Biblioteka Narodowa (далей — BN) rkps II. 5966; rkps I. 5977; F. 10452/W; F. 10467/W; F. 10470/W; F. 10474/G; Ендрыховская Б. Музыкальная жизнь польских ссыльных в Сибири в XIX веке // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 215; Кісялёў Г. Імгненне і вечнасць // Мастацтва Беларусі. 1984. № 6; Мулина С. А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: Автореф. дис… канд. ист. наук. Омск, 2005; Пачынальнікі. С. 25; Пашкин Ю. А. Русский драматический театр в Белоруссии. Минск, 1980. С. 30; Томские губернские ведомости. 1870. № 12, 21 марта; Фотографическая иллюстрация. № 8/9. Минск, 1863. С. 10; Konarski K. Konrad Prószyński (Kazimierz Promyk). Warszawa, 1948; Lewicki S. Konrad Prószyński. Warszawa, 1987; Malinowski M. Dziennik / Wyd. M. Kridl. Wilno, 1914. S. 67; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 54; Ostromęcka J. Pamiętnik z lat 1862–1911 / Oprac. A. Brus. Warszawa, 2004. S. 42–44, 65, 254, 262; Powstanie styczniowe i zesłańcy syberyjscy. Katalog fotografii ze zbiorów Muzeum Historzcznego m. st. Warszawy. Cz. II. Zesłańcy syberyjscy / Oprac. E. Kamińska. Warszawa, 2005. S. 19, 323; PSB. T. 28. S. 565–568; Reymont S. Życie i działalność Konrada Prószyńskiego (Kazimierza Promyka). Warszawa, 1948; [Świętorzecki A.] Ze wspomnień. S. 121.)*

Дабравольскі Міхал (29.11.1831–17.08.1898) — шляхціц Мінскай губ., сын Міхала (н. каля 1794), суддзі Мінскага павятовага суда, калежскага асэсара, і Тэклі, брат Зыгмунта (н. 03.03.1823), тытулярнага саветніка, Уладзіслава (н. 01.06.1824), паручніка Нізаўскага егерскага палка, Эміліі Юліі (н. 21.10.1825), Анэлі (н. 03.09.1827) і Адэлаіды (н. 1833), праваслаўны па веравызнанні, хрышчаны ў Навасадскай Прылуцкай царкве. Вучыўся ў Мінскай гімназіі, у 1850 г. меў намер паступаць у Санкт-Пецярбургскі універсітэт. У 1863 г. працаваў чыноўнікам у Канцылярыі мінскага губернатара, калежскі рэгістратар.

З пачатку 1860-х гг. Дабравольскі ўдзельнічаў у антыўрадавай дзейнасці. Перад паўстаннем з'яўляўся сябрам Таварыства апекі над рэпрэсаванымі палякамі-ўдзельнікамі супрацьурадавых маніфестацый 1860-х гг. Разам з К. Станкевічам і Я. Навакоўскім уваходзіў у склад мінскай паўстанцкай арганізацыі (памочнік начальніка горада). За ўдзел у паўстанцкай арганізацыі быў асуджаны па Віленскай акрузе. Па канфірмацыі галоўнакамандуючага войскамі Віленскай ваеннай акругі ад 19 чэрвеня 1864 г. пакараны на 12 гадоў цяжкіх работ у рудніках са стратай шляхецкіх правоў. 24 чэрвеня 1864 г. накладзена забарона на маёнтак Чачкава, які лічыўся за яго бацькам. Пакаранне Дабравольскі адбываў у Іркуцкай губ. Першую палёгку ён атрымаў 16 красавіка 1866 г. З 25 мая 1868 г. пераведзены на пасяленне ў Іркуцкай акрузе. З 1870 г. перабраўся ў Арэнбургскую губ., дзе знаходзіўся пад наглядам паліцыі. 13 мая 1871 г. Дабравольскаму вярнулі страчаныя правы. 22 жніўня 1881 г. атрымаў дазвол на мажлівасць паступлення на дзяржаўную службу з абмежаваннем пражывання ў сталіцах і гарадах заходніх губерняў. 15 мая 1883 г. гэтае абмежаванне было адмененае.

Пасля вяртання з ссылкі Дабравольскі жыў у брата ў г. Улацлавэк (Włocławek) Варшаўскай губ.

Фотаздымкі М. Дабравольскага знаходзяцца ў зборах Музея польскай арміі і Гістарычнага музея Варшавы, а таксама змешчаны ва ўспамінах Апалінарыя Свентаржыцкага. *(ДАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1863, спр. 23, ч. 416, арк. 153; тасама: 1865, спр. 31, арк. 174, 341; тасама: 1866, спр. 8, арк. 239, 251; тасама: 1869, спр. 129, арк. 89; ЛНБ, ф. Асалінскіх, спр. 4533, арк. 32; РДГА, ф. 1286, воп. 31, спр. 1586, арк. 8–12. — Інф. М. Міціньскай); НГАБ, ф. 299, воп. 1, спр. 579, арк. 171 адв.; ф. 299, воп. 2, спр. 6062, арк. 28 адв.; ф. 299, воп. 2, спр. 6063, арк. 16 адв.; ф. 319, воп. 2, спр. 929; ЭГБ. Т. 3. С. 185; Fajnhauz D. 1863. Litwa i Białoruś. Warszawa, 1999. S. 70; Giller A. Spis Polaków będących w Usolu 1866–1868. [Poznań], 1872. S. 165; Lasocki W. Wspomnienia z mojego życia / Przygotował do druku M. Janik i F. Kopera. Kraków, 1934. T. II. S. 330; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 53, 54; Powstanie styczniowe i zesłańcy syberyjscy. Cz. II. S. 252, 254; Rok 1863 na Mińszczyźnie. Mińsk, 1927. S. 95, 105; Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów — zesłańców postyczniowych. Wilno — Sybir — Wiatka — Warszawa. Warszawa, 2000. S. 172; [Świętorzecki A.] Ze wspomnień. S. 81.*

Семірадскі Праспер Багуслаў (н. 13.11.1838) **—** шляхціц з Мінска, сын Стэфана (н. каля 1800), рэгента Навагрудскага гродскага суда, па сведчанні Гейштара — доктар. Удзельнічаў у паўстанні 1863 г., за што на падставе рашэння М. Мураўёва ад 1 чэрвеня 1864 г. быў сасланы на жыхарства ў Ноўгарадскую губ. Па інфармацыі Ж. Клюкоўскага, ён атруціўся па дарозе ў ссылку. *(ДАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1863, спр. 23, ч. 416, арк. 103 адв.; ЛНБ, ф. Асалінскіх, спр. 4535, арк. 245; РДГА, ф. 1286, воп. 50, спр. 488, арк. 61 адв. — Інф. М. Міціньскай); НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 2946, арк. 22, 95, 117 адв.; Gieysztor J. Pamiętniki. T. I. S. 405; Klukowski Z. Lekarze zesłańcy po powstaniu 1863 r. // Lekarz Wojskowy. 1927. T. IX. S. 20; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 53.*

Валодзька Валерый (Валяр'ян) — памешчык Мінскага і Бабруйскага пав. Мінскай губ., уласнік маёнтка Забалацце Бабруйскага пав., жыў у Мінску. У паўстанні 1863 г. дзейнічаў пад прозвішчам Вацлаў Кошчыц, уваходзіў у склад атрада Паўла Дыбоўскага. 30 сакавіка 1864 г. быў накладзены секвестр на яго частку маёнтка Рубяжэвічы.

У пасляпаўстанцкі перыяд, як пазначае Г. Кісялёў, нейкі час знаходзіўся ў Турцыі, дзе будаваў масты. Пакінуў шэраг успамінаў, у тым ліку пра ўдзел у паўстанні. *Koszczyc W. Wspomnienia z powstania województwa mińskiego w r. 1863 // Polska w walce. Zbiór wspomnień i pamiętników z dziejów naszego wyjarzmienia / Wydał A. Giler. Kraków, 1875. S. 183–318; НГАБ, ф. 299, воп. 2, спр. 6062, арк. 16–16 адв.; ф. 299, воп. 2, спр. 6063, арк. 4 адв.; ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 204 адв.; Кісялёў Г. На пераломе дзвюх эпох: Паўстанне 1863 г. на Міншчыне. Мінск, 1990. С. 20; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 53, 54.*

Навакоўскі Ян (н. каля 1835 (1831?) — шляхціц Мінскай губ., сын Отана. Закончыў Пецярбургскі універсітэт. У 1862 г. выступаў адвакатам у крымінальных справах у мінскім судзе, калегіяльны сакратар. Сям'і не меў.

Перад паўстаннем 1863 г. з'яўляўся сябрам Таварыства апекі над рэпрэсаванымі палякамі-ўдзельнікамі супрацьурадавых маніфестацый 60-х гг. Уваходзіў у склад мінскай паўстанцкай арганізацыі разам з М. Дабравольскім і К. Станкевічам. Быў арыштаваны за ўдзел у выступленнях, якія адбываліся ў Мінску ў лістападзе 1862 г. падчас выбараў мясцовага маршалка. На падставе рашэння генерал-губернатара Паўночна-Заходняга краю ад 12 студзеня 1863 г. Навакоўскага саслалі на жыхарства ў Вяцкую губ. Прыбыў ён у Вятку ў студзені 1863 г., з 22 лютага 1863 г. знаходзіўся пад паліцэйскім наглядам. 17 сакавіка 1864 г. Навакоўскі быў пераведзены ў Арол, але 21 жніўня гэтага ж году зноў вернуты ў Вятку. На падставе маніфеста ад 17 мая 1867 г. Навакоўскі быў 18 красавіка 1868 г. вызвалены з-пад нагляду паліцыі без права вяртання на радзіму. Праз нейкі час ён выехаў у Варшаву. *(ДАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1863, спр. 23, ч. 416, арк. 103; ЛНБ, ф. Асалінскіх, спр. 4535, арк. 243; РДГА, ф. 1286, воп. 50, спр. 488, арк. 11 адв. — Інф. М. Міцінькай); Мулина С. А. Участники; Fajnhauz D. 1863. S. 70; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 53, 54; [Świętorzecki A.] Ze wspomnień. S. 81.*

Любічанкоўскі Юзаф Леапольд (х. 13.12.1835) — шляхціц Рэчыцкага пав. Мінскай губ., сын Яна, надворнага саветніка, і Юзэфы, брат Отана (х. 31.7.1814) і Напалеона Браніслава (х. 8.9.1821), мінскага гарадскога ўрача. *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 1898; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 53; Na nieznane losy. S. 96.*

Станкевіч Караль (н. каля 1833 (1834)—1898) — шляхціц Ковенскай губ., па звестках Я. Гейштара, нарадзіўся ў Мінску, сын Іллі, брат Рамуальда Каспера (1837–1864), звязанага з расійскай арганізацыяй «Зямля і воля», удзельніка паўстання 1863 г. Закончыў Горы-Горацкі сельскагаспадарчы інстытут. На пачатку 1860-х гг. працаваў справаводам у Мінскай палаце дзяржаўных маёмасцяў. Перад паўстаннем з'яўляўся сябрам Таварыства апекі над рэпрэсаванымі палякамі-ўдзельнікамі супрацьурадавых маніфестацый 1860-х гг. Распаўсюджваў сярод сялянаў падручнікі польскай мовы. Сам з'яўляўся аўтарам прац па сацыяльнай тэматыцы, якія распаўсюджваліся ці ў друкаваным, ці ў рукапісным выглядзе.

Падчас візіту Уладзіслава Міцкевіча ў Мінск удзельнічаў у канспірацыйным сходзе, які адбываўся ў доме Аляксандра Валіцкага, дзе абмяркоўваліся пытанні, звязаныя з будучым паўстаннем. У лістападзе 1862 г. удзельнічаў у працы губернскіх шляхецкіх сеймікаў, на якіх разглядаўся праект складання на імя Аляксандра II адраса з патрабаваннем аб'яднання Літвы з Каралеўствам Польскім.

У 1863 г. уваходзіў у склад мінскай паўстанцкай арганізацыі разам з М. Дабравольскім і Я. Навакоўскім. На першым этапе паўстання адыгрываў у ім значную ролю. З 15 лютага да 15 лістапада 1863 г. знаходзіўся пад следствам у Мінскай следчай камісіі, утрымліваўся пад арыштам за прыналежнасць да паўстанцкай арганізацыі. Па канфірмацыі М. Мураўёва перад 1 ліпеня 1864 г. прызначаны да ссылкі «ў найбольш аддаленыя месцы Сібіры». 7 лютага 1865 г. прыбыў у Табольск, адкуль 3 сакавіка гэтага ж года адпраўлены з партыяй ссыльных далей ва Усходнюю Сібір. 27 красавіка 1865 г. знаходзіўся ў Краснаярску. 16 мая яго выслалі на падводзе ў Іркуцкую губ. Аднак на падставе маніфеста ад 17 мая 1868 г. быў пераведзены пад нагляд паліцыі ў Вяцкую губ. З 25 лютага 1871 г. Станкевіч жыў у гэтай губ. у г. Слабадское. 30 ліпеня 1871 г. ён ажаніўся са шляхцянкай з Мінскай губ. Адэляй Вяржбоўскай, дачкой Аўгусціна Вяржбоўскага. Сведкам гэтых падзей быў Якуб Гейштар. У далейшым Станкевіч жыў у Вятцы, працаваў бухгалтарам у купца А. Красоўскага, а таксама ў Крэдытным таварыстве. 25 студзеня 1872 г. быў вызвалены з-пад нагляду паліцыі, аднак права на вяртанне на радзіму не атрымаў. Меў дачку Ганну (1875–1928) і сына Стэфана (6.1.1877–1906), выпускніка Пецярбургскага тэналагічнага інстытута.

16 ліпеня 1883 г. К. Станкевіч выехаў у Варшаву, дзе затым працаваў архівістам у Гандлёвым банку. Памёр у Варшаве. *(ДАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1863, спр. 23, ч. 416, арк. 82; тасама: 1865, спр. 31, арк. 174, 347 адв., 510; тасама: 1867, спр. 55, арк. 259–260, 267 адв.; тасама: 1869, спр. 17, ч. 354; тасама: спр. 129, арк. 71 адв.; ЛНБ, ф. Асалінскіх, спр. 4533, арк. 124; тасама: спр. 4535, арк. 144; Нацыянальны архіў Рэспублікі Татарстан у г. Казань (далей — НАРТ), ф. 709, воп. 22, спр. 1, арк. 42. — Інф. М. Міцінькай); Кісялёў Г. На пераломе. С. 9; Fajnhauz D. 1863. S. 70; Gieysztor J. Pamiętniki. T. 2. S. 305; Lasocki W. Wspomnienia. T. II. S. 206; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 54; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 56; PSB. T. XLII. S. 188–189; Rok 1863 na Mińszczyźnie. S. 31, 47, 75, 104; Śliwowska W. Syberia. S. 327; [Świętorzecki A.] Ze wspomnień. S. 81.*

Барташэвіч Юзаф (н. каля 1838) — шляхціц, сын Ануфрыя. Працаваў урднікам у канцылярыі Мінскай палаты грамадзянскага суда. Падчас падзей 1863 г. абвінавачваўся ва ўдзеле ў маніфестацыях. Па рашэнні М. Мураўёва перад 1 чэрвеня 1864 г. быў прымусова адпраўлены на службу ў войска. Адбываў пакаранне ў заходнесібірскіх батальёнах у Табольскай губ. На падставе ўласнага жадання пасля звальнення са службы атрымаў дазвол на жыхарства ў Цюмені, дзе займаўся юрыдычнай практыкай у Альфонса Козел-Паклеўскага і іншых мясцовых купцоў і прадпрымальнікаў. У ліпені 1872 г. на падставе пункта № 3 маніфеста ад 13/17 мая 1871 г. быў вызвалены з-пад нагляду паліцыі з абмежаваннямі. У студзені 1873 г. жыў у Табольскай губ. Сям'і не меў. *(Дзяржаўны архіў Арэнбургскай вобласці ў г. Омску (далей — ДААВ), ф. 3, воп. 6, спр. 9081, арк. 31–33, 42; ДАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1863, спр. 23, ч. 228, арк. 190–190 адв.; тасама: ч. 416, арк. 103; РДГА, ф. 1286, воп. 34, спр. 1096, арк. 2. — Інф. М. Міцінькай); Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 54.*

Караткевіч Мікалай (п. каля 1865) — шляхціц Рэчыцкага пав. Мінскай губ., сын Яна, брат Фёдара, жанаты з Апалоніяй. У 1843–1848 гг. Караткевіч з'яўляўся канцылярыстам люстрацыйнага аддзялення Мінскай палаты дзяржаўных маёмасцяў. У перыяд 10.8.1848–27.08.1849 пераведзены на пасаду лічыльніка ў гэтай установе. У 1851 г. Караткевіч знаходзіўся на пасадзе памочніка люстратара і меў чын калежскага сакратара. Меў сыноў Аляксандра (н. 03.01.1856) і Мікалая (н. 05.01.1859).

Пісаў вершы на польскай і беларускай мовах. У так званым Альбоме Вярыгі-Дарэўскага (1858–1863) упісаны яго верш на беларускай мове, датаваны 4 лістапада 1858 г.

У альбоме фотаздымкаў Уладзіслава Міцкевіча на трэцяй старонцы пад ініцыяламі М. К. змешчаны яго тост на польскай мове. *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 1523, арк. 106, 118 адв., 124–125, 135, 149, 151, 174, 188, 192; Пачынальнікі. С. 259–260; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 53, 54; Zienkewicz T. Śladami ojca. S. 344.*

Янкоўскі Міхал Караль — шляхціц Слуцкага пав. Мінскай губ., сын Усціна, урач, ардынатар шпіталя старавераў у Мінску. Быў арыштаваны па абвінавачванні ў палітычнай ненадзейнасці, але пад следства не трапіў. Па рашэнні М. Мураўёва ад кастрычніка 1863 г. сасланы на пасяленне ў Тамбоўскую губ. Відавочна, на пачатку 1867 г. атрымаў дазвол на жыхарства ў Польшчы, бо 17 мая 1867 г. запісаны ў лік сталых жыхароў Варшавы.

У студзені 1875 г. у адпаведнасці з маніфестам ад 9 января 1874 г. прыбыў у Мінск. Па звестках на снежань 1876 г., жыў у Мінску на Саборнай плошчы, займаўся прыватнай урачэбнай практыкай. *(ДАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1863, спр. 23, ч. 416, арк. 103 адв.; тасама: 1874, спр. 38, арк. 279, 280–280 адв.; ЛНБ, ф. Асалінскіх, спр. 4535, арк. 244; РДГА, ф. 1286, воп. 50, спр. 488, арк. 61. — Інф. М. Міціньскай); НГАБ, ф. 295, воп. 1, спр. 3026, арк. 9; спр. 3492, арк. 52 адв.—53; ф. 319, воп. 2, спр. 3760, арк. 208; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 54.*

Мірскі Яўген — па сведчанні А. Смародскага, на пачатку 60-х гг. XIX ст. быў дырэктрам Мінскага гарадскога тэатра. Выступаў разам з Юзафам Снядэцкім арганізатарам сустрэчы з нагоды прыезду ў Мінск Уладзіслава Міцкевіча. *Памятная книжка Минской губернии на 1891 год. Минск, 1890. С. 84; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 51, 53, 54.*

Снядэцкі Юзаф Анджэй (?) (п. 1893) — сын Юзафа (п. 1856), унук Анджэя Снядэцкага, уласнік маёнткаў Варняны Вілейскага пав. і Балтупы Ашмянскага пав., жонка Марыя Верашчынская. На працягу 1858–1862 (1859–1861) гг. з'яўляўся дырэктарам Мінскага гарадскога тэатра, што лічыцца перыядам росквіту тэатра. Акцёрская трупа тэатра налічвала 30 чалавек, акрамя гэтага, ён меў аркестр, які налічваў 30 музыкантаў. У 1861 г. тэатр выязджаў на гастролі ў Бабруйск і Магілёў. На сцэне тэатра ставіліся пастаноўкі як на рускай, так і польскай мовах. Па сцвярджэнні А. Смародскага, Снядэцкі самастойна адмовіўся ад выканання абавязкаў дырэктара тэатра.

18 сакавіка 1861 г. Снядэцкі арганізоўваў у Мінску сустрэчу ў гонар Уладзіслава Міцкевіча. *НГАБ, ф. 24, воп. 1, спр. 1262, арк. 2, 3; Гісторыя беларускага тэатра. У 3 т. Т. 1. Беларускі тэатр ад вытокаў да Кастрычніка 1917 г. / М. Каладзінскі, А. Мальдзіс, І. Ягорава і інш. Мінск, 1983. С. 248, 250; Памятная книжка Минской губернии на 1891 год. Минск, 1890. С. 82, 84–85; Пашкин Ю. А. Русский драматический театр. С. 22–23, 25; Gazeta Codzienna. 1860. Nr 195 z 16/28 VII; Jankowski Cz. Powiat oszmiański. Materiały do dziejów ziemi i ludzi. Petersburg, 1896–1898. Cz. 1. S. 187–188; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 51, 53; Słownik biograficzny teatru polskiego 1765–1965. Warszawa, 1973. S. 728; Zienkewicz T. Śladami ojca. S. 344.*

Ванькові́ч Адам (1827–24.12.1895) — памешчык Мінскага пав., старэйшы сын мастака Валенція Ваньковіча і Анелі Растоцкай, брат Казіміра, Яна Эдварда і Алены, нарадзіўся ў Сляпянцы, уласнік маёнткаў Сляпянка і Дуды (да яго перайшла каштоўная мастацкая калекцыя бацькі, якая захоўвалася ў Малой Сляпянцы), католік па веравызнанні.

Навучаўся А. Ваньковіч пачаткова ў Мінскай гімназіі, куды паступіў у жніўні 1839 г. 16 жніўня 1843 г. паступіў у Кандуктарскую роту Галоўнага інжынернага вучылішча

(у будучым Мікалаеўскага). 13 чэрвеня 1848 г. атрымаў чын прапаршчыка інжынерных войскаў. 25 чэрвеня 1849 г. Ваньковіч быў пераведзены ў 2-і рэзервовы сапёрны батальён, а 11 ліпеня 1851 г. атрымаў чын падпаручніка. 14 красавіка 1854 г. ён становіцца паручнікам і з-за хваробы выходзіць у адстаўку. У 1859 г. Ваньковіч становіцца старшынёй Мінскага сумленнага (совестного) суда, 24 мая 1860 г. яго зацвярджаюць Мінскім сумленным суддзёй, а з 1861 г. ён працуе ў Мінскай губернскай установе па сялянскіх справах, за што 17 красавіка 1861 г. быў узнагароджаны сярэбраным медалём на Аляксандраўскай стужцы.

У 1854 г. Адам Ваньковіч ажаніўся. Яго абранніцай стала Амелія Клячкоўская, з якой ён меў шэсць сыноў: Баляслава Фелікса (н.18.08.1855), Маўрыцыя Дыанізія (н. 03.10.1856), Францішка Салезія Валенція (н. 29.01.1858), Караля Эразма (н. 04.06.1859), Вацлава Станіслава (н. 27.09.1860) і Адама Юзафа (н. 09.05.1864).

У паўстанні 1863 г. Ваньковіч уваходзіў у склад мінскай паўстанцкай арганізацыі, займаючы пасаду мінскага камісара, з'яўляючыся адным з кіраўнікоў паўстанцаў па Мінскім пав. Аднак з цягам часу ён выйшаў са складу арганізацыі. Нягледзячы на гэта, Ваньковіч быў арыштаваны і ўтрымліваўся ў Мінскай турме. Па канфірмацыі камандуючага войскамі Віленскай ваеннай акругі за прыналежнасць да паўстанцкай арганізацыі яго пазбавілі правоў стану і пакаралі ссылкай у аддаленыя раёны Сібіры. 2 красавіка 1864 г. быў накладзены секвестр на маёнтак Малая Сляпянка, а рухомая маёмасць была ацэненая ў 83 руб. У далейшым маёнтак і мастацкая калекцыя былі канфіскаваныя.

Ссылку Ваньковіч адбываў без сваёй сям'і. Жонка з дзецьмі перабраліся з Мінска ў свой маёнтак Мікелеўшчына Сакольскага пав. Гродзенскай губ. З 24 мая 1870 г. Ваньковіч жыў у Казані, дзе з кастрычніку 1870 г. месцам яго жыхарства быў дом Марусава на Рыбнарадскай вуліцы. У Казань ён прыбыў з Табольскай губ. праз Астрахань.

На радзіму Ваньковіч вярнуўся ў 1871 г. У 1875 г. ён жыў у маёнтку Галынка Аўгустоўскага пав. Сувалкаўскай губ., з 1876 г. перабраўся на сталае жыхарства да сваёй сям'і ў Мікелеўшчыну, дзе і памёр.

Якуб Гейштар змяшчае ва ўспамінах яго фотаздымак. *НГАБ, ф. 146, воп. 2, спр. 497; ф. 147, воп. 3, спр. 6057; ф. 147, воп. 3, спр. 6087; ф. 299, воп. 1, спр. 579, арк. 165–167, 171; ф. 299, воп. 2, спр. 6062, арк. 17–17 адв.; ф. 299, воп. 2, спр. 6063, арк. 5 адв.; ф. 319, воп. 2, спр. 440; ф. 319, воп. 3, спр. 108; Павлов В. А. Губернские и уездные органы власти и политическая ссылка в Российской империи (по материалам ссылки в Казанскую губернию участников восстания 1863–1864 гг.). Чебоксары, 2006. С. 126–127; Сычева Н. В. Семейные хроники рода Ваньковичей // Музеі XXI стагоддзя: актуальныя праблемы дзейнасці. Мінск, 2008. С. 309–313; Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Przeczypospolitej. T. 1. Województwa mińskie, mścisławskie, połockie, witebskie. Wrocław, 1991. S. 159; Bielecki R. [et al.]. Polacy pochowani na cmentarzu Montmartre oraz Saint-Vincent i Batignolies w Paryżu. Warszawa, 1999. S. 191; Gieysztor J. Pamiętniki. T. I. S. 254, 259, 403–404; T. 2. S. 148; Kowalewska Z. Obrazki Mińskie (1850–1863). Wilno, 1912. S. 31; Niebielski E. Listy Mielchiora Wańkowicza do Henryka Wiercieńskiego w sprawie pamiątek po ojcu Melchiorze — zesłańcu z 1863 roku // Wrocławskie Studia Wschodnie. R. 10. Wrocław, 2006. S. 243–250; Rok 1863 na Mińszczyźnie. S. 95, 105; Śliwowska W. Syberia. S. 356; [Świętorzecki A.] Ze wspomnień. S. 10, 11, 22.*

Туганоўскі Канстанцін (каля 1810–1863) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Вікенція, жанаты з Соф'яй Верашчакай, ад якой атрымаў маёнтак Тугановічы, якія папярэдне належаў Юзафу Верашчаку і куды неаднаразова прыязджаў Адам Міцкевіч да Міхала Верашчакі, акрамя гэтага валодаў маёнткам Рудашы, католік па веравызнанні.

Туганоўскі закончыў поўны курс навучання ў Віленскім універсітэце, пасля чаго 19 сакавіка 1835 г. быў залічаны ў штат канцылярыі Гродзенскага губернскага межавага суда канцылярыстам. 21 студзеня 1835 г. ён атрымаў чын губернскага сакратара. 9 верасня 1840 г. у сувязі з закрыццём межавых судоў быў пакінуты за штатам. 29 студзеня 1843 г. удзельнічаў у арганізаваным у Далматаўшчыне святкаванні, арганізаваным з нагоды імянінаў Тамаша Зана пасля яго вяртання з Сібіры. Туганоўскі меў дачыненне да дзейнасці Навагрудскай бібліятэкі, у фонды якой каля 1860 г. ахвяраваў 105 выданняў у 251 томе на французскай мове.

Удзельнічаў у паўстанні 1863 г., уваходзіў у склад навагрудскай паўстанцкай арганізацыі, дзе выконваў абавязкі акруговага начальніка. Быў арыштаваны і зняволены. Памёр у турме ў Вільні падчас следства. Хутка памерла таксама яго жонка і дзве дачкі. Апошняя яго дачка Юзэфа Туганоўская, паміраючы ў 1930 г., ахвяравала маёнтак Тугановічы дзяржаве.

У 1861 г. яго маёнтак Тугановічы наведаў сын Адама Міцкевіча Уладзіслаў. *НГАБ, ф. 299, воп. 5, спр. 182, арк. 1–2, 17–18 адв.; ф. 319, воп. 3, спр. 297; ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 32 адв.; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 387–389; Kowkiel L. Prywatne księgozbiory na Grodzieńszczyźnie w pierwszej połowie XIX wieku. Kraków, 2005. S. 56, 79, 144, 191; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 56–60; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 40, 56; Pawłowicz E. Wspomnienia. S. 52; яго ж: Wspomnienia z nad Wilii i Niemna. Lwów, 1882. S. 77, 170; яго ж: Nowogródek. S. 64, 127; Śnieżko A. Dworek Mickiewiczowski. S. 45, 70–71.*

Умястоўскі Уладзіслаў (1833–1905) — шляхціц Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Казіміра (п. 1863), ашмянскага маршалка, і Юзэфы Дунін-Раецкай (1814–1877), брат Альберта (п. 1876), сясцёр Аляксандры і Габрыэлі. Уласнік маёнтка Кашалёва, які атрымаў ад цёткі (роднай сястры маці) Аляксандры Вільгельміны (1819–1881), дачкі навагрудскага маршалка Францішка Дуніна-Раецкага; маёнткаў Клевіцы, Алберцін, Канвалішкі. Маёнткі Нянькава і Пузіневічы Навагрудскага пав. атрымаў ад маткі. У 1882 г. ажаніўся з Янінай Астрарог-Садоўскай, ад якой дзяцей не меў.

З 1879 г. троцкі маршалак, у 1882 г. атрымаў графскі тытул. Пасля смерці брата Альберта яму перайшла багатая калекцыя старадрукаў, мастацтва і нумізматыкі, якую апошні планаваў перадаць у Акадэмію Умейтнасці ў Кракаве ці Ягелонскую бібліятэку. *Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 231–233, 274; Jankowski Cz. Powiat oszmiański. Cz. 3. S. 128–171; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 58.*

Брахоцкі Антоній Ігнацій Юзаф Валенцій (х. 10.04.1824) **—** памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., паходзіў з роду Брахоцкіх герба «Праўдзіц», сын Роха (н. каля 1763), стольніка, і Аляксандры Алендскай, брат Уладзіслава і Аляксандра Канстанціна Эзехіля (х. 03.05.1819), апошняга ашмянскага маршалка, жонка Антаніна (н. 1838), католік па веравызнанні. З’яўляўся ўласнікам маёнтка Морына Навагрудскага пав., які пасля яго смерці перайшоў у пажыццёвае карыстанне жонцы. Меў чын губернскага сакратара. Удзельнік паўстання 1863 г., за што быў сасланы. *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 275, арк. 3–6, 17, 20, 32, 37; ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 23 адв.; ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 12; Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Przeczypospolitej. T. 2. Województwa nowogródzkie, brzesko-litewskie. Wrocław, 1993. S. 215; Jankowski Cz. Powiat oszmiański. Cz.2. S. 270; Cz. 3. S. 94.*

Брахоцкі Уладзіслаў Казімір Гіпаліт (х. 30.05.1816–10.12.1896) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Роха і Аляксандры Алендскай, брат Антонія (1824–

1885) і Аляксандра, разам з братамі саўладальнік маёнткаў Морына і Гаўя, а таксама маёнтка Вераскава Навагрудскага пав., які перайшоў да яго ад жонкі пасля шлюбу, жанаты з Аленай Дыбоўскай (1823–1878), дачкой старшыні Навагрудскага гродскага суда Тамаша Дыбоўскага, каталік па веравызнанні. Вучыўся ў Віленскім універсітэце. 22 мая 1829 г. атрымаў чын калежскага сакратара.

22 студзеня 1831 г. падпісаў адрас ад імя таварыства Згуртаванне братоў да варшаўскага сейма. У 1831 г. дзейнічаў пад кіраўніцтвам свайго дзядзькі Валенція Брахоцкага, затым паручнік 13-га ўланскага палка, у складзе якога дайшоў да Варшавы, дзе 8 жніўня 1831 г. удзельнічаў у Гродзенскім сейміку па абранні дэпутатаў на сейм. 5 кастрычніка 1831 г. прыбыў з Мацеем Рыбінскім у Прусію. Маёнткі трапілі пад секвестр. Знаходзіўся за мяжой 3 гады, пасля звяртаўся да ўладаў з просьбай аб літасці. У працэсе разгляду справы яго ўдзел у паўстанні быў ацэнены як непаўналетняга, што ставіць пад сумненне дату яго нараджэння 24 студзеня 1810 г., прыведзеную ў Польскім біяграфічным слоўніку. У якасці пакарання быў скіраваны на прымусовую ўрадавую службу пры віленскім генерал-губернатары Мікалае Далгарукаве. Пасля трох гадоў пакінуў службу і пасяліўся ў родавым маёнтку Гаўя ў Навагрудскім павеце.

З 1856 г. на падставе запрашэння Яўстафія Тышкевіча становіцца членам-дабрачынцам Віленскай археалагічнай камісіі. У перыяд 1858–1863 гг. з'яўляўся апошнім маршалкам Навагрудскага пав. У 1860 г. выступіў адным з ініцыятараў заснавання Навагрудскай бібліятэцы, выступаючы таксама яе ганаровым куратарам. У 1861 г. ахвяраваў гэтай бібліятэцы 64 выдання ў 111 тамах і акрамя гэтага выдаў сродкі на яе заснаванне і ўтрыманне. Зборы Навагрудскай бібліятэкі, канфіскаваныя пасля паўстання 1863 г., былі перавезеныя ў Вільню.

Падчас прыезду Уладзіслава Міцкевіча вясной 1861 г. у Навагрудак Брахоцкі з'яўляўся арганізатарам сустрэчы, арганізаванай у яго гонар.

У паўстанні 1863 г. належаў да навагрудскай паўстанцкай арганізацыі. Сярод паўстанцаў знаходзіўся таксама яго родны брат Антоній, маршалак Ашмянскага пав., сасланы ва Уфімскую губ. Акрамя гэтага, у яго маёнтку пры дапамозе жонкі Алены Дыбоўскай хаваліся паўстанцы. З 24 мая 1863 г. трапіў пад следства Мінскай следчай камісіі. У выніку ён быў асуджаны за тое, што не паведаміў уладам аб прапанове Канстанціна Кашыца ўзначаліць выступленне ў Навагрудскім павеце, а таксама за фінансавую дапамогу паўстанцам, на патрэбы якіх выдаў грошы з кіраванага ім маёнтка Умястоўскай. Па канфірмацыі галоўнакамандуючага войскамі Віленскай ваеннай акругі ад 13 студзеня 1864 г. Брахоцкі быў асуджаны на ўтрыманне пад пільным паліцэйскім наглядам і 10-працэнтную кантрыбуцыю з маёнтка. 22 студзеня 1864 г. ён быў высланы на жыхарства ў Пермскую губ. У 1865 г. атрымаў дазвол на часовы прыезд у Навагрудскі пав. У 1867 г. Брахоцкі ўжо жыў у Рызе, а ў 1873 г. ён знаходзіўся ў Адэсе, дзе атрымаў дазвол вярнуцца на радзіму. Як пазначае Р. Афтаназі, у 1874 г. Брахоцкі вярнуўся ў Вераскава і заставаўся там да канца жыцця, займаючыся гаспадаркай. Па дакументах на 1878 г., Брахоцкі быў удаўцом. Памёр у Вераскава.

З каштоўных збораў, якімі валодалі Брахоцкія, амаль нічога не захавалася. Большасць з іх знікла яшчэ перад 1939 г. Узгадваецца толькі аб сярэбраным посудзе з гербам Дыбоўскіх і партрэтах самога Брахоцкага і яго жонкі Алены Дыбоўскай. У Нацыянальнай бібліятэцы Варшавы захоўваецца яго фотаздымак, зроблены ў 1885–1890 гг. у віленскай майстэрні «Братоў Чыж». *(Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей — LVIA), f. 1248, ap. 2, b. 970, l. 626, 631 v.—632. — Інф. М. Міціньскай); НГАБ, ф. 295, воп. 1, спр. 3026, арк. 19; спр. 3492, арк. 40 адв.; ф. 319, воп. 2, спр. 275, арк. 4–5, 17, 20; ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 12; Расійскі дзяржаўны ваенна-гістарычны архіў (далей — РДВГА), ф. 1, воп. 1, спр. 12031, ч. 8, арк. 32; BN F. 3726/II-2; BPP, rkps 380, s. 22; Гарба-*

чова В. В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі. Мінск, 2001. С. 155; яе ж: Удзельнікі паўстання 1830–1831 гадоў на Беларусі: біябібліяграфічны слоўнік. Мінск, 2006. С. 61; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 215, 216, 394, 395; Bielecki R. Słownik biograficzny oficerów powstania listopadowego. Warszawa, 1995. T. 1. S. 250; Dyaryusz Sejmu z r. 1830–1831 / Wyd. M. Rostworowski. Kraków, 1912. T. 6. S. 386; Ilgiewicz H. Wileńskie towarzystwa i instytucje naukowe. Toruń, 2005. S. 361; Jankowski Cz. Powiat oszmiański. Cz.2. S. 270; Cz. 3. S. 94; Kowkiel L. Prywatne księgozbiory. S. 57, 79, 165; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 55, 56, 57; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 35, 46, 48, 55, 56; Pawłowicz E. Wspomnienia. S. 53, 66; яго ж: Nowogródek. S. 59, 65; PSB. T. 2. S. 440; Rok 1863 na Mińszczyźnie. S. 13, 58, 77, 122, 123; Zdanie sprawy przez Braci Zjednoczonych z tego co w celu oswobodzienia Litwy, Wołynia, Podoła i Ukrainy w sprzecągu czterech miesięcy od dnia rewolucyi 29 listopada na wolnej ziemi polskiej działano. Warszawa, 1831. S. 17.

Бялапятровіч Караль (х. 12.08.1792 — п. пасля 1864) — памешчык Слуцкага і Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Юрыя і Кунегунды Буржымоўскай, брат Юрыя (12.04.1785–18.03.1871), жанатага з Кунегундай Гедройц (1793–1883), вядомай пісьменніцы і грамадскай дзяячкі на эміграцыі, адстаўнога капітана польскіх войскаў, эмігранта, жанаты з Міхалінай, уласнік маёнтка Брацянка Навагрудскага пав., адстаўны паручнік польскіх войскаў, навагрудскі падкаморый. З 1812 г. знаходзіўся на ваеннай службе ў 22-м пяхотным палку, 11 жніўня 1812 г. атрымаў чын паручніка. Удзельнічаў у кампаніі 1812 г., трапіў у палон. 30 снежня 1815 г. быў дэмабілізаваны з вайсковай службы. Удзельнік паўстання 1831 г., дзейнічаў у складзе атрада Юзафа Кашыца, затым далучыўся да фарміравання Генрыка Дэмбінскага, дзе выступаў у чыне капітана атрада навагрудскай конніцы, у складзе якога прыбыў у Варшаву. 8 жніўня 1831 г. у Варшаве ўдзельнічаў у Гродзенскім сейміку па абранні дэпутатаў на сейм. 14 верасня 1831 г. адзначаны залатым крыжам Virtuti Militari. Па рашэнні Гродзенскай губернскай следчай камісіі ад 8 кастрычніка 1832 г. быў аднесены да 2-га разраду злачынцаў, на маёнтак Брацянка быў накладзены секвестр.

Пасля дэмабілізацыі і да 1864 г. жыў у сваім маёнтку Брацянка. Каля 1860 г. ахвяраваў Навагрудскай бібліятэцы адно выданне. Меў сыноў Юрыя Тадэвуша (н. 19.11.1833) і Станіслава Міхала Эдварда (х. 23.09.1839). *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 388, арк. 206, 215, 226, 241, 248, 252, 288, 334, 412; ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 23; ф. 561, воп. 1, спр. 2, арк. 37; РДВГА, ф. 1, воп. 1, спр. 12031, ч. 8, арк. 41; Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далей — AGAD), WCPL, nr 724, k. 64; BPP, rkps 380, s. 21; Гарбачова В. В. Удзельнікі паўстання. С. 71; Bielecki R. Słownik. T. 1. S. 190; Dyaryusz Sejmu z r. 1830–1831. T. 6. S. 385; Kowkiel L. Prywatne księgozbiory. S. 163; Księga pamiątkowa w 50-letnią rocznicę powstania roku 1830, zawierająca spis imienny dowódców i sztabsoficerów tudzież oficerów, podoficerów i żołnierzy armii polskiej w tymże roku krzyżem wojskowym «Virtuti Militari» ozdobionych. Lwów, 1881. S. 146; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 30; PSB. T. 2. S. 16.*

Чачот Альбін Юльян (н. каля 1810 (1806?) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., паходзіў з роду Чачотаў герба «Астоя», прадстаўнікі якога вядомы ў Слонімскім павеце з XVI ст., а пазней рассяліліся ў Навагрудскім і Мінскім пав., сын Тадэвуша, уласнік маёнтка Асташын, жанаты з Фаўнай Венічук (?), меў дачку, католік па веравызнанні. Вучыўся ў Віленскім універсітэце. 28 студзеня 1834 г. быў абраны суддзёй Гродзенскага губернскага межавага суда. 25 студзеня 1837 г. абіраецца старшынёй Навагрудскага павятовага межавага суда. 17 студзеня 1840 г. становіцца апекуном сельскіх запасных магазінаў. Меў сына Рышарда Тадэвуша Адама Альбіна (н. 1846), які вучыўся ў Грод-

зенскай гімназіі, дачку Канстанцыю (н. 1855). У 1878 г. быў удаўцом. *НГАБ, ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 33 адв.; ф. 319, воп. 3, спр. 310; ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 100; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 314; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57.*

Наргілевіч Ян Тадэвуш (1825–03.11.1886) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., уласнік маёнтка Войнава, жанаты з Мальвінай Дыбоўскай (н. 1845). Вучыўся ў Дэрпцкім універсітэце. Валодаў бібліятэкай, якая налічвала каля 20 тысяч тамоў. Большасць кніг была на замежных мовах, тычылася геаграфіі, этнаграфіі і падарожжаў. Каля 1860 г. Наргілевіч ахвяраваў Навагрудскай бібліятэцы 12 выданняў у 42 тамах. У 1878 г. жыў у сваім маёнтку Войнава. Памёр у Варшаве.

Пасля яго смерці частка бібліятэкі перайшла да Урублеўскага, а астатняя частка да ўдавы Мальвіны Дыбоўскай. Пазней удава выкупіла кнігі, трапіўшыя да Урублеўскага, і ў 1903 г. ахвяравала Бібліятэцы Асалінскіх у Львове 3 684 выдання ў 8 790 тамах, а таксама некалькі дзесяткаў атласаў. У 1900 г. у Вільні быў выдадзены рускамоўны каталог кніг бібліятэкі Я. Наргілевіча.

У Войнава пасля вяртання са ссылкі жыў знакаміты даследчык Бенядзікт Дыбоўскі, брат Мальвіны Наргілевіч.

Партрэт Яна і Мальвіны Наргілевічаў змешчаны ў выданні С. Васілеўскага. *НГАБ, ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 62; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 394; Dybowski B. Wspomnienia z przeszłości półwiekowej. Lwów, 1913. S. 3, 12–13, 16–17, 47; Fiszer A. Zakład Narodowy imienia Ossolińskich (Ossolineum) 1817–1917. Lwów, 1917. S. 74–77; Kowkiel L. Prywatne księgozbiory. S. 23, 74, 144, 151, 179; Maliszewski J. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1932. S. 100; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57; Słownik biograficzny pracowników książki Polskiej. S. 620–621; Wasylewski S. Pod kopułą.*

Несялоўскі Медард Аўгуст Станіслаў (н. 29.06.1833) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ. герба «Корзбак», сын Антонія (н. каля 1786, у 1831–1845 гг.), адстаўнога капітана польскіх войскаў, уласніка маёнтка Сэрвач, брат Сільверыуша Казіміра Ануфрыя (н. каля 1825, у 1831–1836 гг.), каталік па веравызнанню. *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 2231, арк. 25, 36, 38, 40, 60–60 адв.; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57.*

Верашчака Стэфан Ян Мікалай (н. каля 1840) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., уласнік маёнткаў Ясянец, Гутаўшчына, Ротлава, жонка Францішка, каталік па веравызнанні. Састаяў на службе ганаровым міравым суддзёй Навагрудскай акругі. Меў сыноў Стэфана (н. 1871) і Барыса (н. 1876). *НГАБ, ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 24 адв.; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57; Rymkiewicz J.M., Siwicka D., Witkowska A., Zielińska M. Mickiewicz. Encyklopedia. Warszawa, 2001. S. 573.*

Брахоцкі (Янсан-Брахоцкі) Станіслаў (н. 27.02.1826) **—** памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., паходзіў з роду Брахоцкіх герба «Праўдзіц», сын Андрэя, губернскага рэгістратара, і Анастасіі Рэут, брат Фрыдэрыка Феліцыяна (х. 26.09.1802), сына А. Янсан-Брахоцкага ад першага шлюбу, Мікалая (26.04.1829), Рафала (х. 24.10.1823), Караліны, Ганараты, Эміліі і Аляксандры. Саўладальнік з братамі маёнтка Завалочыцы, размешчанага ў Навагрудскім пав. Бацька А. Янсан-Брахоцкі з'яўляўся шляхціцам Мазырскага пав., у 1834 г. займаў пасаду мазырскага маршалка.

У 1837 г. Станіслаў Брахоцкі ажаніўся з Соф'яй Малеўскай (п. 1875), ад якой меў сына Канстанціна. С. Малеўская была малодшай дачкой рэктара Віленскага універсітэта Шымона Малеўскага і Кацярыны Вітакоўскай, сястрой філамата Францішка Малеўскага. Соф'яй Брахоцкай захапляліся Томаш Зан і Ян Чачот. Апошні пакінуў

ёй пяць рукапісных тамоў, тры з якіх утрымлівалі 230 яго арыгінальных твораў, чацвёрты — вершы Тамаша Зана, пяты — копіі твораў Адама Міцкевіча перыяду 1820–1826 гг., склаўшых так званы малы архіў філарэтаў. У 1922 г. гэты «малы архіў філарэтаў» быў знойдзены Вітольдам Клінгерам у Лодзі ў сям'і Збігнева Карпінскага і Ванды Дрэцкай, якая паходзіла з роду Брахоцкіх.

Юзаф Траццяк выказаў меркаванне, што Соф'я Брахоцкая стала прататыпам Зосі ў «Пане Тадэвушу» Адама Міцкевіча. Сам А. Міцкевіч адрасаваў ёй два ліста з Адэсы і Масквы, датаваных адпаведна 02.05.1825 і 14.10.1826. Захаваліся таксама 16 лістоў, адрасаваных ёй Тамашам Занам, і яе адказ Зану ад лістапада 1823 г. Акрамя гэтага Соф'я Брахоцкая знаходзілася ў перапісцы і з Уладзіславам Міцкевічам, пра што сведчыць яе ліст да апошняга ў Парыж (знаходзіцца ў Музеі літаратуры ім. Адама Міцкевіча ў Варшаве).

У лістападзе 1855 г., пасля смерці Адама Міцкевіча, Францішак Малеўскі прапанаваў правесці паніхіду па паэтце менавіта свайму пляменніку Канстанціну Брахоцкаму. *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 264, арк. 98, 104, 106, 109, 111, 114, 125–128 адв.; Muz. Lit. rkps 85. Listy Władysława Mickiewicza do żony. T. III. Odpis listu Zofii Brochockiej z 1 III 1862 do W. Mickiewicza, k. 97–98 v.; Muz. Lit. Dep. BPP 34, t. 23, k. 6–7; Archiwum filomatów. Listy z więzienia / Zebrał, oprac. i wstępem wprowadził Z. Sudolski. Warszawa, 2000. S. 71–94; Archiwum filomatów. Listy z zesłania. T. 3. Krąg Franciszka Malewskiego i Józefa Jeżowskiego / Zebrał, oprac. i wstępem wprowadził Z. Sudolski. Warszawa, 1999; Klinger W. Z niedrukowanych poezyj więziennych Jana Czeczota // Tygodnik Illustrowany. 1922. N 22. S. 342; Mickiewicz A. Dzieła. T. XIV. Listy. Część pierwsza. 1815–1829. Wydanie rocznicowe. Warszawa, 1998. S. 337, 373, 645; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57; Saloni J. Rękopisy ze spuścizny po Zofii Malewskiej. Warszawa, 1948; Tretiak J. Dwie Zosie Mickiewicza // Świat. 1890. Nr 13. S. 320–325.*

Маліноўскі Station — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Віктара, уласнік маёнтка Лозаўцы. Каля 1860 г. ахвяраваў Навагрудскай бібліятэцы адно выданне ў пяці тамах. Мажліва, меў дачыненне да паўстання 1863 г., таму што быў сасланы і знаходзіўся ў Табольскай губ. У 1868 г. выехаў за мяжу. *НГАБ, ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 29; Мулина С. А. Участники; Kowkiel L. Prywatne księgozbiory. S. 177; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57.*

Верашчака Міхал Францішак Канстанцін Стэфан Казімір (н. каля 1840) — шляхціц Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Юзафа, брат Соф'і, якая выйшла замуж за Канстанціна Туганоўскага, уласнік маёнтка Райца Навагрудскага пав., каталік па веравызнанні. Вучыўся ў Віленскім дваранскім інстытуце. *НГАБ, ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 24 адв.; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 325–326; Mickiewicz. Encyklopedia. S. 573.*

Вяржбоўскі Уладзіслаў Баляслаў Отан (20.10.1830 — пасля 1871) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Антонія, былога старшыні Навагрудскага гродскага суда, уласніка часткі маёнтка Далматаўшчына, брат Стэфана Караля Ірэнія (н. 11.09.1827), Ігнацыя Юзафа Францішка (н. 18.10.1831), Розы (н. каля 1820), Наталлі (н. каля 1830) і Эльвіры (н. каля 1831), жанаты з Соф'яй Верашчакай, адстаўны штабс-ротмістр. Меў сыноў Антонія Валенцыя Стэфана (н. 05.04.1858), Оскара Ігнацыя Стэфана (н. 10.11.1859) і Леапольда Ігнацыя (н. 27.02.1862). *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 479, арк. 87, 162, 174, 182, 310, 312, 316; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 58.*

Кашыц Юльян — шляхціц, мажліва сын Юзафа Кашыца, удзельніка паўстання 1831 г., эмігранта, і Соф'і Дунін-Раецкай, брата Канстанціна і Караля. *НГАБ, ф. 295, воп. 1, спр. 1703 а, арк. 58–59; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 306.*

Кашыц Канстанцін **Ян Казімір Яўстафій** (23.3.1819–1881) — памешчык Мінскай губ., сын Юзафа і Соф'і Дунінай-Раецкай, брат Юліуша і Караля, уласнік маёнткаў Обрын і Тарноўшчына, жанаты з Юліяй Весялоўскай (Несялоўскай?) (н. 1830), католік па веравызнанні.

Бацька Канстанціна дзейнічаў у кампаніі 1812–1814 гг. на баку Напалеона, афіцэр 17-га уланскага палка. Пасля заканчэння вайны ён выехаў на 3 гады за мяжу для працягу адукацыі, пасля чаго вярнуўся і асеў у маёнтку Ятра Навагрудскага пав. У 1830 г. Ю. Кашыц быў абраны навагрудскім маршалкам. Падчас паўстання 1831 г. з'яўляўся арганізатарам выступлення ў Навагрудскім і Слонімскім пав., стварыўшы ў сваім маёнтку асобны атрад, які ў ліпені 1831 г. налічваў каля 1 тыс. чалавек.

Пасля паразы паўстання 1831 г. Канстанцін Кашыц разам з бацькам апынуўся ў эміграцыі ў Францыі. 26 кастрычніка 1831 г. яны разам прыбылі ў Парыж. У 1838–1842 гг. К. Кашыц вучыўся ў Дэрпцкім універсітэце, дзе вывучаў дыпламатыку, кандыдат дыпламатычных навук, член мясцовай арганізацыі «Палонія». Па матэрыялах «Палоніі» праходзіць інфармацыя, што К. Кашыц спрычыніўся да справы Шымона Канарскага, аднак у іншых крыніцах гэты факт пацверджання не знаходзіць.

У паўстанні 1863 г. Кашыц выконваў абавязкі цывільнага кіраўніка па Навагрудскім пав., аднак выступаў супраць пашырэння паўстання. Пазней ён сцвярджаў, што пагадзіўся на кіраўніцтва з мэтай нейтралізаваць актыўнасць прыхільнікаў узброенага выступлення. 20 красавіка 1863 г. Кашыц адмовіўся ад выканання сваіх абавязкаў і выехаў у Рыгу, затым Пецярбург і далей у Мінск. 17 чэрвеня 1864 г. ён быў арыштаваны і падчас допытаў 30 ліпеня 1864 г. зрабіў абшырныя і шчырыя паведамленні, па выніках якіх былі раскрыты шэраг членаў і дзеянні навагрудскай паўстанцкай арганізацыі. Рашэннем часовага палявога аўдытарыята ў Вільні Кашыц быў прызначаны да смяротнага пакарання, аднак гэтае рашэнне было перагледжанае М. Мураўёвым і па канфірмацыі ад 15 студзеня 1864 г. «з прычыны заслуг перад следствам» ён быў пакараны ссылкай у Казанскую губ. з утрыманнем пад пільным паліцэйскім наглядам. Правы і маёнткі былі захаваны за Кашыцам. Пасля выплаты ім 9 000 руб. серабром з маёнткаў быў зняты секвестр.

Паводзіны Кашыца перыяду разбіральніцтва з удзельнікамі паўстання ў далейшым становяцца сталай прычынай нападак на яго. Гэта прасочваецца ва ўспамінах, прысвечаных перыяду этапавання і ссылкі. Аб негатыўным стаўленні да Кашыца з боку былых паўстанцаў згадвае Якуб Гейштар. Прыпыняецца на гэтым факце і Рышард Мяніцкі. Даследчык пісаў, што да канца жыцця за Канстанцінам Кашыцам, быццам цені, цягнуліся «слушныя папрокі і кляймо здрадніка. Пасля вяртання палякі не жадалі прымаць яго ў сваіх дамах, не жадалі з ім размаўляць…». Апісвае сваю сустрэчу з Кашыцам па дарозе ў ссылку і Апалінарый Свентаржыцкі. Як пазначае апошні, з Кашыцам ён сустрэўся на этапе ў Цюмені. «У партыі польскіх ссыльных па караблі знаходзіўся Кашыц з Навагрудскага павета… хтосьці з прыяцеляў пазнаў яго. У нашай групе было чалавек дваццаць навагрудчанаў і большасць з іх лічыла сябе ахвярамі ״здрады״ Кашыца. Слова ״здрада״ прычапілася да гэтага слабага і нешчаслівага чалавека, як чорная пляма, якую ніколі не мажліва адмыць. Распавядалася аб гэтым шмат і шырока. Падлічваліся яго ахвяры… Абурэнне і агульнае заклейменне нарастала па меры разыходжання разнастайных версій. Калі на караблі даведаліся аб прысутнасці Кашыца, усё забурліла. Асабліва моцна выступалі навагрудчане. Уся затаенная антыпатыя і крыўда вылілася, як вулканічная лава. Вайсятыч, Грынявецкі, Пансет і іншыя

мяталі гром і маланкі. Дарма больш спакайнейшыя людзі, жадаючы прадухіліць буру, спрабавалі ахалодзіць разгарачаныя галовы. Усё скончылася тым, што Кашыца перавялі з групы палітычных ссыльных і адправілі яго на *"*баржу*"* да крымінальных злачынцаў. Акт помсты быў выкананы». Аднак у рэчаіснасці справа Кашыца не была настолькі адназначнай. У каментарыях да ўспамінаў А. Свентаржыцкага Соф'я Кавалеўская, якая рыхтавала іх да друку, пакідае наступнае ўласнае дапаўненне: «Адчуваю свой абавязак дадаць тут некаторыя факты, якія ў пэўнай ступені павінны рэабілітаваць імя і памяць памерлага Кашыца. Склаў ён свае сведчанні на судовым следстве не з мэтай уратаваць сябе, як меркавалі аб гэтым іншыя, а пад уплывам трохкратнага катавання; у хвіліну болі і фізічнага аслаблення і дух мог лёгка аслабець. Вусны прашапталі месца схованкі пад палацам Абрынскага, дзе захоўваліся дакументы Нацыянальнага ўрада. Ці тыя, хто пазней кідаў у яго камяні, маглі б прысягнуць, што ў адпаведнай сітуацыі былі б больш трывалымі, чым Кашыц? Сведка, які апынуўся там па нейкай цывільнай судовай справе… распавядае, што ўбачыў у астрозе слабы цень чалавека, параненага кнутамі і страціўшага напалову прытомнасць ад болі. Кашыц усё жыццё шкадаваў аб гэтай хвіліне слабасці, якая вырвала ў яго паказанне і прывяла да новых ахвяраў». У той жа час захаваліся і іншыя звесткі, якія тычацца сітуацыі Кашыца. Вандалін Чэрнік, удзельнік падзей на Навагрудчыне, піша: «Пан К[ашыц] ніколі не сядзеў у астрозе ў Навагрудку; пасля арышта ён быў адразу адпраўлены ў Вільню і адтуль ў Цывільск (Казанскай губ.) і ў Табольску ніколі не мог быць. Праз год ён вярнуўся на радзіму, пра што ведаюць усе навагрудчане. Узгаданы выбух гневу і абурэння *"*навагрудчан*"* Вайсятыча, Грынявецкага і Пансета з'яўляецца чарговай хлуснёй, таму што згаданыя тут асобы не былі ўвогуле навагрудчанамі. Ні адзін з іх не меў нават ніякага ўяўлення пра пана К[ашыца],… а з навагрудчан на караблі былі толькі я і доктар Навадворскі, таксама запэўніваю, што ніякіх скандалаў у Табольску не было». Немалаважнай акалічнасцю ў дачыненні сведчанняў самога Чэрніка з'яўляецца той момант, што дакладнасць яго ўласных успамінаў ставіцца пад сумненне даследчыкамі, а сам ён пазначаецца як асоба, якая здзейсніла ўчынак, адпаведны таму, у якім абвінавачваецца Кашыц.

Архіўныя дакументы збольшага з'яўляюцца пацверджаннем версіі В. Чэрніка. З 22 мая 1865 г. Кашыц знаходзіўся ў Цывільску. 19 сакавіка 1866 г. ён атрымаў дазвол на трохмесячную паездку ў Мінскую губ. для продажу свайго маёнтка, пасля чаго ў Цывільск болей не вярнуўся. У 1866 г. ён выехаў на 4 месяцы ў Пецярбург, а 2 студзеня гэтага ж года выехаў у Маскву. У 1867 г. Кашыц атрымаў дазвол на выезд за мяжу, а ў снежні 1868 г. яму было дазволенае пражыванне ў Рызе. Некалькі разоў затым Кашыц прыязджаў у свой маёнтак Обрын Навагрудскага пав. У красавіку 1869 г. ён быў вызвалены з-пад паліцэйскага нагляду, а ў 1872 г. атрымаў дазвол на свабодны выбар месца пражывання. З 1876 г. Кашыц жыў у маёнтку Обрын і займаўся гаспадаркай. Меў сыноў Юзафа Калікста (н. 1855) і Аляксандра Фелікса (н. 1857), дачку Ванду Людвіку (н. 1860). Маёнтак Обрын з'яўляўся ўласнасцю сям'і Кашыцаў да 1939 г.

Канстанцін Кашыц пакінуў успаміны, прысвечаныя перыяду навучання ў Дэрпцкім універсітэце, якія захоўваюцца ў Аддзеле рукапісаў Нацыянальнай бібліятэцы ў Варшаве (BN, rkps 2981), апрацаваныя праф. Янам Трынькоўскім. *[Kaszyc Konstanty] Dorpackie wspomnienia (1837–1842) / Oprac. i skomentował J. Trynkowski. Warszawa, 2000 (na prawach rękopisu); НГАБ, ф. 295, воп. 1, спр. 1703 а, арк. 69–70, 79, 15–16; ф. 295, воп. 1, спр. 2407, арк. 1–8; ф. 295, воп. 1, спр. 3026, арк. 20; ф. 299, воп. 2, спр. 6063, арк. 145 адв.; ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 46 адв.; Гарбачова В. В. Удзельнікі паўстання. С. 179–181; Павлов В. А. Губернские и уездные органы. С. 163; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 306–307; Czernik W. Pamiętniki weterana 1864 r. Wilno, 1914. S. 77; Gieysztor J. Pamiętniki. T. 1. S. 254, 406, 407; T. 2. S. 159, 165, 172, 200, 260, 301; Konwent*

Polonia. Historia — ludzie — czyny. Wilno, 1939. S. 61; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 39–47, 49, 53–58; Ostromęcka J. Pamiętnik. S. 257; Rok 1863 na Mińszczyźnie. S. 122, 123, 124; [Świętorzecki A.] Ze wspomnień. S. 115–116.

Паўловіч Эдвард Баніфацы (07.06.1825 (1818 ?)—10.02.1909) — нарадзіўся ў мястэчку Тургелі Віленскага пав., сын Францішка, каморніка ВКЛ, і Кунегунды Пагаржэльскай, грамадскі дзеяч, мемуарыст, мастак, асветнік. Вучыўся пры базыльянскім кляштары ў Жыровічах, Слоніме, Слуцкай гімназіі, якую закончыў у 1836 г. Затым пераехаў у Вільню, дзе ў якасці вольнага слухача наведваў лекцыі ў Медыка-хірургічнай і Духоўнай акадэміях. Акрамя гэтага, браў прыватныя ўрокі па мастацтве ў Кануты Русецкага і Караля Рысінскага. У 1849 г. пераехаў у Пецярбург, дзе паступіў у Акадэмію мастацтваў, якую закончыў у 1853 г. У перыяд навучання рабіў копіі з палотнаў Эрмітажа.

У 1853–1856 гг. падарожнічаў па Заходняй Еўропе, наведаў Італію, Іспанію, Францыю, дзе таксама рабіў копіі, выконваючы просьбы землякоў-калекцыянераў. У Парыжы завязаў стасункі з мастакамі-эмігрантамі Тэафілам Ленартовічам, Уладзіславам Невяровічам і інш. Будучы ў Парыжы, пачаў друкаваць свае творы. У 1857 г. выйшла яго кніга пад назвай «Колькі слоў ліцвіна».

У 1859 г. Паўловіч вярнуўся з падарожжа ў Навагрудак, дзе пачаў працаваць выкладчыкам малявання ў мясцовай гімназіі. Заняўся антыалкагольнай прапагандай сярод мясцовых сялянаў, у справе чаго выдаў ліст, адрасаваны святарству, які быў надрукаваны ў 1859 г. у пецярбургскім выданні «Слова». Свае погляды па сялянскім пытанні друкаваў у парыжскім выданні «Польскія навіны», варшаўскай «Штодзённай газеце» і «Віленскім кур’еры». Пры падтрымцы куратарата навагрудскіх школ Канстанціна Радзівіла заснаваў у Навагрудку жаночы пансіён і нядзельную школу для сялянаў, а ў 1860 г. аматарскі тэатр, дзе з’яўляўся адначасова рэжысёрам, дэкаратарам і акцёрам. Акрамя гэтага, Паўловіч разам з мясцовай шляхтай і мяшчанамі становіцца заснавальнікам Навагрудскай бібліятэкі, паўсталай каля 1860 г. Сродкі на заснаванне гэтай бібліятэкі ахвяравалі каля трыццаці чалавек, сярод якіх Адам Кіркор, Ян Наргілевіч, Уладзіслаў Борзабагаты, Феліцыян Лашкевіч і Эдвард Паўловіч. Абавязкі ганаровага куратара выконваў У. Брахоцкі, віцэ-куратарам з’яўляўся ксёндз Канстанцій Эймант, адміністрацыйнымі справамі кіраваў ксёндз Лашкевіч, а сам Паўловіч выконваў абавязкі бібліятэкара. Шмат намаганняў Паўловіч прыкладаў дзеля адкрыцця помніка Адаму Міцкевічу, які планавалася ўстанавіць на гары Міндоўга, на што расійскія ўлады не далі згоды. У 1861–1862 гг., перыяд распаўсюджання ў Каралеўстве Польскім супрацьурадавых маніфестацый, не падтрымліваў ідэі ўзброенага паўстання. Свае намаганні накіроўваў на пашырэнне ў сялянскім асяроддзі ўзроўню самасвядомасці.

З пачаткам паўстання 1863 г. удзельнічаў у нарадзе навагрудскіх мяшчанаў, выступаўшых за вызваленне сялянаў з-пад прыгону. У сакавіку 1863 г. Паўловіч быў арыштаваны за «знойдзеныя ў яго творы злачыннага зместу і забароненыя лісты» і 8 сакавіка гэтага года трапіў пад следства Мінскай следчай камісіі. Пачаткова знаходзіўся на волі, а ў маі 1863 г., пасля зацвярджэння М. Мураўёва ў якасці генерал-губернатара, трапіў пад арышт. Па выніках следства Паўловіч быў сасланы на жыхарства спачатку ў Петразаводск, затым у Аланецкую губ. Там ён кантактаваў з сям’ёй Браніслава Любічанкоўскага, братам Юзафа Любічанкоўскага. За некалькі месяцаў да вызвалення ад пакарання быў пераведзены ў Екацярынаслаўль. Сям’і не меў. Атрымліваў на пражыванне па 15 кап. у суткі і на здым кватэры па 1 руб. 50 кап. у месяц.

Пасля вызвалення з ссылкі Паўловіч рабіў спробу абаснавацца ў Пецярбургу, аднак не атрымаў на гэта згоды, пасля чаго ў 1867 г. вярнуўся ў Навагрудак, затым у Варшаву, дзе на працягу двух гадоў працаваў у прыватнай мастацкай школе, затым пераехаў у Львоў.

Працаваў там настаўнікам па малюнку ў жаночай настаўніцкай семінарыі, даваў прыватныя ўрокі, а ў 1870 г. уладкаваўся кусташам у Музеі Любамірскіх, дзе адпрацаваў 35 гадоў. Памёр у адзіноце ў Львове.

Паўловіч з'яўляецца аўтарам успамінаў і мемуараў «Успаміны з-над Віліі і Нёмана» (1882), «Успаміны: Навагрудак — турма — выгнанне» (1887), «З падарожжа па Літве» (1890), «З успамінаў. Год 1846» (1898), «Навагрудак у XIX стагоддзі» (1902), «З жыцця ліцвіна» (1904), «Мае ўспаміны з часоў настаўнічання на Літве колькі дзесяткаў гадоў таму» (1904), «Двое памятных сутак у Мінску, 1863 г.» (1906).

На працягу жыцця Паўловіч займаўся навуковай дзейнасцю, падрыхтаваў і выдаў каталогі Музея Любамірскіх. Таксама ён аўтар працы «Погляд на становішча польскага выяўленчага мастацтва ў параўнанні з замежным мастацтвам» (1881). Акрамя гэтага, займаўся жывапісам, працаваў у жанры партрэта («Аўтапартрэт», 1853), рабіў замалёўкі Навагрудка і ваколіц, пісаў абразы. Фотаздымак Паўловіча 1900 г. змешчаны ў яго кнізе, прысвечанай Навагрудку XIX ст. *Pawłowicz E. Wspomnienia; яго ж: Wspomnienia z nad Wilii i Niemna; яго ж: Nowogródek; яго ж: Z życia Litwina. Lwów, 1904; яго ж: Moje wspomnienia z czasów szkolnictwa na Litwie. Lwów, 1904; НАРК, ф. 1, воп. 36, спр. 91/1, арк. 118 адв. — 119; ЭГБ. Т. 6. Ч. 2. С. 422; Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. S. 391–392; Kowkiel L. Prywatne księgozbiory. S. 144, 149, 181; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 57, 58; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 34, 67, 71; Na nieznane losy. S. 225; PSB. T. 25. S. 479–481; Rok 1863 na Mińszczyźnie. S. 33, 49.*

Чачот Маўрыкій Канстанцін — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Тадэвуша, межавага суддзі, які набыў у Радзівілаў маёнтак Барацін у Навагрудскім павеце, які затым пераходзіць да сына Маўрыкія, жанаты з Антанінай Вендорф (н. 1824), католік па веравызнанні. Меў сыноў Вітольда Тадэвуша (н. 1848), Станіслава Зыгмунта Венцаслава Алаізія (н. 1864), дачку Людвіку. *НГАБ, ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 23; ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 99 адв.; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 190–191.*

Мікульскі Адольф — шляхціц з Навагрудчыны, дэмабілізаваны капітан інжынерных войскаў. У 1863 г. уваходзіў у склад навагрудскай паўстанцкай арганізацыі, выконваў абавязкі павятовага начальніка. Быў арыштаваны і сядзеў у турме ў Вільні разам з Якубам Гейштарам, які ахарактарызаваў яго як «вельмі слабога» чалавека. Сасланы на жыхарства ў Томск, дзе ў 1865 г., паводле паліцэйскай справаздачы, «добра сябе паводзіў». 22 чэрвеня 1870 г. адпраўлены ў Ніжні Ноўгарад. У 1875 г. Мікульскі атрымаў дазвол на вяртанне ў Мінскую губ. *(РДГА, ф. 1286, воп. 50, спр. 473, арк. 642 адв.—643; LVIA, f. 1248, ap. 2, b. 970, cz. 2, l. 119–120, 213; тасама: cz. 3, l. 752–765. — Інф. М. Міцiньскай); Gieysztor J. Pamiętniki. T. 2. S. 142, 149, 218; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 39, 52, 53; Śliwowska W. Syberia. S. 265.*

Гнаінскі-Міткевіч Пётр (х. 07.05.1799–1873) — памешчык Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Францішка, уласнік маёнтка Волца, брат Ксаверыя (х. 07.02.1796), губернскага сакратара, і Канстанціна (х. 15.01.1801), урача, жанаты з Ганнай Юрэвіч, католік па веравызнанні. Вучыўся ў Навагрудскай гімназіі, у 1817 г. вучань 5-га класа. Падчас навучання ў гімназіі выступаў у школьным тэатры. З 1818 г. вучыўся ў Віленскім універсітэце, які закончыў у 1823 г. і атрымаў тытул доктара медыцыны. Да 1826 г. займаўся прыватнай практыкай у Вільні, з 1831 г. перабраўся ў Навагрудак. У гэтым годзе выратаваў жыццё цяжка хворага М. Мураўёва, выпадак якога іншымі ўрачамі быў прызнаны за безнадзейны. У 1832 г. Гнаінскі лічыўся навагрудскім павятовым урачом, абавязкі якога выконваў і ў 1856 г. У 1852 г. меў чын надворнага саветніка.

Разам са сваёй жонкай спрычыніўся да падзей 1863 г. Паводле сведчанняў, яго жонка кіравала палітычнай маніфестацыяй у Навагрудку. Па канфірмацыі М. Мураўёва ад 15 мая 1864 г. Гнаінскага было прызначана саслаць у Арэнбургскую губ. Новым рашэннем Мураўёва ад 15 ліпеня 1864 г. папярэдняя пастанова была адмененая, і яго пакінулі на месцы сталага жыхарства. Наступствам яго прыналежнасці да паўстанцкіх падзей стала толькі звальненне з дзяржаўнай службы ў 1864 г.

Меў сына Вікенція Пятра Якава (х. 01.08.1853) і, мажліва, дачку Марыю (н. 1841), з якой ажаніўся Антоній Пуцята. Памёр у Навагрудку. *НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 727, арк. 9, 20, 32 адв., 35, 50, 55; ф. 320, воп. 1, спр. 331, арк. 25 адв.; (РДГА, ф. 1286, воп. 50, спр. 491, арк. 372; тасама: спр. 492, арк. 131. — Інф. М. Міціньскай); Jędrychowski Z. Hamlet w Nowogródku (1817) // Notatnik Teatralny. 2004. Nr 35. S. 154; Kowkiel L. Prywatne księgozbiory. S. 57; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 58; Pawłowicz E. Wspomnienia. S. 37; Szarejko P. Słownik lekarzy. T. I. S. 209.*

Пуцята Антоній Зыгмунт Станіслаў (н. 03.05.1832) — шляхціц Навагрудскага і Ігуменскага пав. Мінскай губ. герба ўласнага (памылкава прыпісваецца герб «Сыракомля»), сын Пятра і Соф'і Магнушэўскай, нарадзіўся ў мястэчку Узда Ігуменскага пав. Мінскай губ., адзіны сын у бацькоў, уласнік маёнткаў Гаўрылава (1450 дзесяцін) і Пшчолка (150 дзесяцін) Ігуменскага пав., жанаты з Марыяй Гнаінскай (н. 1841), дачкой Пятра Гнаінскага, каталік па веравызнанні, бяздзетны.

У ліпені 1843 г. паступаў у Ляздаўскае вучылішча ў Інфлянцкай губ. Са студзеня да 9 чэрвеня 1854 г. з'яўляўся студэнтам Дэрпцкага універсітэта, які пакінуў па асабістым жаданні. З 13 ліпеня 1856 г. уладкаваўся канцылярыстам у канцылярыю Мінскага дваранскага дэпутацкага схода. У красавіку 1858 г. выязджаў на чатыры месяцы на лячэнне на воды ў Германію і Італію, пасля вяртання ўладкаваўся на папярэдняе месца працы. 17 ліпеня 1857 г. атрымаў чын калежскага рэгістратара. 20 студзеня 1861 г. падае прашэнне аб звальненні са службы.

Мажліва, удзельнічаў у паўстанні 1863 г. Па сведчанні Давіда Файнхаўса, нейкі Пуцята дастаўляў паўстанцам бочку пораху. Па матэрыялах справаздачы камандзіра магілёўскага батальёна ўнутранай стражы ад 25 студзеня 1864 г., Антоній Пуцята ўтрымліваўся ў Магілёўскім турэмным замку.

Меў сыноў Пятра (н. 1862) і Аляксандра (н. 1869). Жыў у маёнтку Замір'е Навагрудскага пав. *НГАБ, ф. 319, воп. 3, спр. 275; ф. 319, воп. 2, спр. 3952; ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 72; ф. 3256, воп. 2, 54, арк. 23–23 адв.; Fajnhauz D. 1863. S. 170.*

Маркевіч Ян (н. каля 1798) — шляхціц Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Рафала, меў у Навагрудку дом і дзесяціну зямлі, католік па веравызнанні. У 1878 г. быў удаўцом. Меў сыноў Казіміра (н. 1830), надворнага саветніка, які працаваў у канцылярыі віленскага генерал-губернатара казначэем, і Ігнація (н. 1833). *НГАБ, ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 61; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 58.*

Чашніцкі (Часніцкі) Фелікс — шляхціц Навагрудскага пав. Мінскай губ., сын Тадэвуша. Вывучаў фізіка-матэматычныя навукі ў Віленскім універсітэце, атрымаў ступень кандыдата навук. Па яго ўласным сведчанні пасля заканчэння універсітэта жыў у Вільні, дзе працаваў хатнім настаўнікам і займаўся рэпэтытарствам. У 1833 г. звяртаўся з просьбай да дырэктара вучылішчаў Віленскай губ. Кастана Красоўскага аб уладкаванні яго штатным настаўнікам па матэматычных навуках. Паводле з матэрыялаў Мінскай казённай палаты, ад красавіка 1862 г. Чашніцкі з'яўляўся ўжо статскім саветнікам і выконваў абавязкі дырэктара Навагрудскага вучылішча. Эдвард Паўловіч

згадвае яго як дырэктара Навагрудскай гімназіі, які выконваў гэтыя абавязкі да 1863 г. *НГАБ, ф. 333, воп. 1, спр. 619, арк. 160; ф. 3157, воп. 1, спр. 43, арк. 261–261 адв.; Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2. S. 58; Pawłowicz E. Wspomnienia. S. 194.*

Урублеўскі Канстанцін (н. каля 1840 (1848?) — шляхціц Навагрудскага пав., жыў у Навагрудку, каталік па веравызнанні. Па канфірмацыі М. Мураўёва ад 1 красавіка 1864 г. за знаходжанне ў паўстанцкім атрадзе быў асуджаны і сасланы на пасяленне ў Пермскую губ. пад паліцэйскі нагляд. Пакаранне адбываў у Кунгуры, дзе кантактаваў з сям'ёй Прандоўскіх. У 1867 г. атрымаў дазвол вярнуцца ў Каралеўства Польскае. Сям'і не меў. *(ДАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1863, спр. 23, ч. 416, арк. 136 адв.; Дзяржаўны архіў у г. Кунгур, ф. 560, воп.1, спр. 1; Дзяржаўны архіў Пермскай вобласці (ДАПВ), ф. 297, воп. 3, спр. 260, арк. 254 адв.—257, 486 адв.; ЛНБ, ф. Асалінскіх, спр. 4535, арк. 215; РДГА, ф. 1286, воп. 28, спр. 1253, арк. 5; тасама: воп. 50, спр. 466, арк. 433 адв.—434; тасама: воп. 50, спр. 490, арк. 246; тасама: спр. 508; LVIA, f. 1135, ap. 4, b. 389, l. 38; — Інф. М. Міціньскай); НГАБ, ф. 296, воп. 1, спр. 83, арк. 259, 302 адв.; ф. 299, воп. 1, спр. 573, арк. 546; Мулина С. А. Участники; Maliszewski J. Sybiracy zesłani i internowani za udział w powstaniu. [Warszawa], 1930. S. 43; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 56; Prendowska J. Moje wspomnienia / Wyd. E. Kozłowski, K. Olszański. Kraków, 1962. S. 298, 322, 323, 328, 330.*

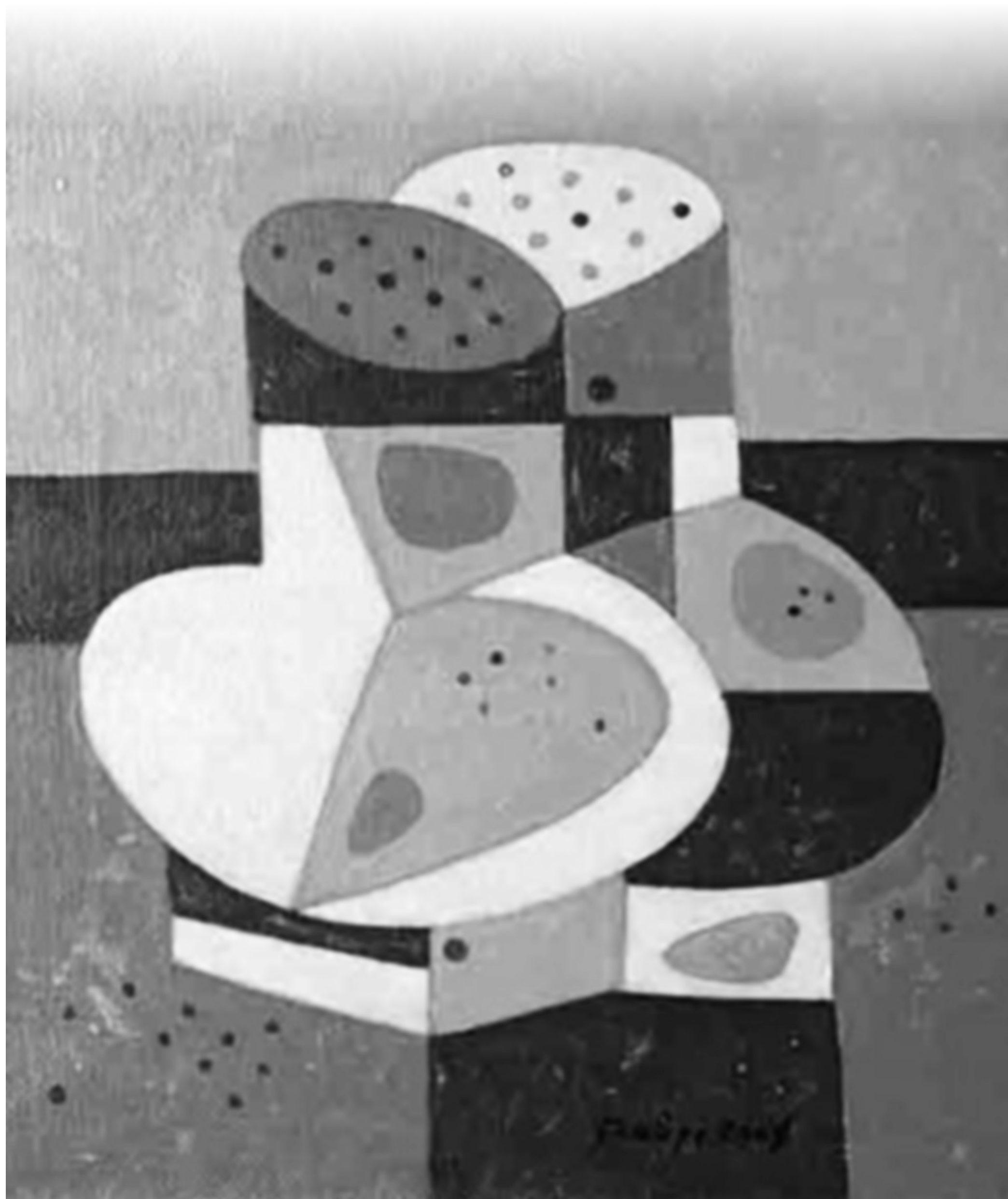
Бохвіц Раман (каля 1843–1939) — шляхціц з роду Бохвіцаў герба «Радван», аселых на Навагрудчыне і Міншчыне, сын Фларыяна (1799–1856), уласнік маёнтка Вашкоўцы, вядомага рэлігійнага пісьменніка і Паўліны Маеўскай, пляменніцы маці Адама Міцкевіча, брат Яна Отана (1835–1915), удзельніка паўстання 1863 г. — кіраўніка акругі, і Люцыяна (п. да 11.1864), каталік па веравызнанні. Каля 1870 г. ажаніўся з Казімірай, якая памерла ў 1875 г. З гэтага часу маёнтак Падагорск перайшоў ва ўласнасць Бохвіцаў і заставаўся ў іх да пачатку Другой сусветнай вайны. Пасля смерці першай жонкі Бохвіц ажаніўся ў 1880 г. з яе роднай сястрой Эльжбетай Чачот.

Маці Рамана Бохвіца, Паўліна, у 1861 г. мела дачыненне да дзейнасці таварыства, якое прапагандавала неабходнасць навучання для сялянскіх дзяцей, ліставалася з паўстанцам Вікенціем Клімовічам.

З 4 красавіка да сярэдзіны чэрвеня 1863 г. знаходзіўся сярод паўстанцаў у атрадзе Янкі Каваля, узначальваў невялікі аддзел у складзе шасці чалавек, затым адышоў ад паўстання і 22 верасня 1863 г. з'явіўся да ўладаў. Трапіў пад следства Мінскай губернскай следчай камісіі, якая разглядала яго справу з 2 лютага 1864 г. да 16 студзеня 1865 г. Па рашэнні часовага палявога аўдытарыяту ад 15.03.1865 г. і канфірмацыі галоўнакамандуючага Віленскай ваеннай акругі Патапава Бохвіц быў асуджаны на чатырохмесячнае зняволенне ў турме з далейшым утрыманнем пад пільным паліцэйскім наглядам. У Гістарычным архіве Літвы захаваўся ягоны фотаздымак, выкананы ў Кракаве ў 1860 г., на якім Бохвіц адлюстраваны ў польскім кунтушы, які затым трапіў у справы следчай камісіі і стаў прычынай разбіральніцтва за распаўсюджванне патрыятычных выяў. *НГАБ, ф. 1081, воп. 1, спр. 2, арк. 19; LVIA, f. 1248, ap. 2, b. 1460; Aftanazy R. Dzieje rezydencji. T. 2. S. 314, 393; Mienicki R. Ziemia nowogródzka. S. 55; PSB. T. 2. S. 175–176.*

Вольга ГАРБАЧОВА

Радаводнае дрэва



ГЛОБУСЫ
Словы пра прозвішча маёй маці — Ніны Глобус

УСТУП
Псеўданім і пашпартнае прозвішча

Тата вельмі любіў і ганарыўся сваім прозвішчам Адамчык. У гутарках пра нашае прозвішча ён заўжды падкрэсліваў ягоную чалавечнасць. Не стану казаць, што я не люблю сваё пашпартнае прозвішча, і люблю, і ганаруся ім, але падпісваю свае літаратурныя і мастацкія творы псеўданімам, бо не люблю блытаніны. Тата — Вячаслаў Уладзіміравіч Адамчык, я — Уладзімір Вячаслававіч Адамчык, падабенства настолькі вялікае, што кожная другая бухгалтарка блыталася, выпісваючы ганарары, таму я вырашыў падпісвацца прозвішчам маці — Глобус. А каб не крыўдзіць тату, дадаў да Глобуса імя Адам. Так з’явіўся мой псеўданім — Адам Глобус. Большасць маіх чытачоў лічаць псеўданім прыдуманым і штучным, але я да такога памылковага стаўлення прызвычаіўся.

ГЛАВА ПЕРШАЯ
Глобусы з розных куткоў свету

Глобус і Напалеон

Пасля першай публікацыі маіх вершаў у маскоўскай «Літаратурнай газеце», я атрымаў ліст ад сям’і Глобусаў з Тбілісі. Яны пісалі, што іх продкі некалі жылі ў Гародні. У сям’і захавалася легенда пра паходжанне прозвішча Глобус… Сам Напалеон звярнуўся да іх сваяка — заможнага і разумнага яўрэя, каб той паказаў на карце найлепшы шлях да Масквы. Разумнік дапамог Напалеону, а той у якасці ўдзячнасці назваў яго «жывым глобусам». У памяць пра сустрэчу з Напалеонам яўрэй змяніў сабе прозвішча на Глобус… Нашчадкам гарадзенца я даслаў паштоўку з падзякаю за казку. На гэтым ліставанне і скончылася.

Глобусы і Букоўскі

Я моцна дзівіўся, прачытаўшы прозвішча Глобус у цітрах геніяльнага фільма «П’янтосы», які быў пастаўлены французскім рэжысёрам Барбетам Шродарам паводле твораў амерыканскага літаратара Чарльза Букоўскі. Галоўную ролю гіперрэальнага п’янтоса выканаў Мікі Рурк. Прадзюсарамі шэдэўра былі пазначаны Менахем Голан і Ёрам Глобус. У мяне нават узнікла жаданне напісаць ім ліст у Галівуд. Але сваё жаданне я не здзейсніў. Пасаромеўся, пэўна ж. Пасля заўчаснай смерці Ёрама Глобуса, Менахем Голан вярнуў сабе сваё сапраўднае прозвішча. І не трэба здзіўляцца! Ён стаў Глобусам. Голанам Менахем зрабіўся ў 1948 г., калі служыў у ізраільскіх вайскова-паветраных сілах. Тады ён мяняў прозвішча з патрыятычных меркаванняў, Голан гучала ў Ізраіле больш патрыятычна за лацінскае Глобус.

Глобус і караімы

Не ведаю, наколькі патрыятычна гучыць прозвішча Глобус для караімаў, але старшынёй таварыства караімаў у сучаснай Літве з’яўляецца менавіта Глобус. Караімы — татары, што спавядаюць іудаізм. Таму можна ўпэўнена казаць, што прозвішча Глобус носяць людзі з розных нацый.

Глобус і Сікорскі

У Архіве Польскага інстытута і музея імя генерала Сікорскага ёсць дакумент ад 17.VI.1944, у якім згадваецца Сцяпан Глобус, праваслаўны з Баранавіцкага павета, ён служыў ў першай танкавай дывізіі, у дзевятым стралковым батальёне. Выпіску ў архіве зрабіў для мяне навуковец Ігар Войніч.

Глобус у «Канвееры смерці»

Сярод кніжак серыі «Архіў найноўшай гісторыі» ёсць зборнік дакументаў, сведчанняў, успамінаў, складзены Ігарам Кузняцовым, «Канвеер смерці». У раздзеле «Мартыралог. Спіс ураджэнцаў Беларусі, рэпрэсаваных на тэрыторыі Заходне-Сібірскага краю (Томская вобласць) у 30–40-я гады і на пачатку 50-х гадоў» я знайшоў такі запіс: «ГЛОБУС Мірон Ільіч (1895, Шчучын) жыў у Томску, загадчык кафедры № 2 Томскага універсітэта. Арыштаваны ў 1937. Расстраляны».

Глобус — поўны кавалер ордэна Славы

У капэрце, якую я атрымаў ад галоўнага рэдактара віцебскага часопіса «Мішпоха» спадара Аркадзя Шульмана, быў укладзены ліст з Арэнбурга. У ім я прачытаў пра Льва Глобуса — поўнага кавалера ордэна Славы. «…22 снежня 1944 года, падчас блакавання вялікага дома на ўскраіне горада Секешфехервара, што ў Венгрыі, Глобус выявіў на гарышчы гэтага дома кулямётчыка. Прабраўшыся на гарышча, ён знішчыў кулямётны разлік і дваіх аўтаматчыкаў. Там жа ён захапіў варожую радыястанцыю і перадаў яе ў штаб палка…» Леў Глобус загінуў у Будапешце 1 студзеня 1945 г. Нарадзіўся ён «у 1914, быў сержантам і камандаваў аддзяленнем штурмавога інжынерна-сапёрнага батальёна. Да вайны ён жыў па адрасе: Чкалаўская (цяпер Арэнбурская) вобласць, горад Орск, вуліца Сцяпана Разіна, дом 78». За свае подзвігі Леў Глобус «быў узнагароджаны, акрамя ордэна Славы ўсіх трох ступеняў, ордэнамі Чырвонага Сцяга, Чырвонай Зоркі і трыма медалямі *"За адвагу"*. Кожная з гэтых узнагарод — сведчанне доблесці, мужнасці, высокага вайсковага майстэрства». «Пакуль што не знойдзена сваякоў нашага славутага земляка».

Пісаць у Арэнбург я не стаў.

ГЛАВА ДРУГАЯ
Ліда і Пілаты

Даўно збіраўся наведаць мясціны, дзе жыў мой дзед — Валодзя Глобус. Мама казала, што жыў ён на Капыльшчыне, у пасёлку Жыліхава. Там і маці мая — Ніна Глобус — нарадзілася. Вось і выбраўся я ў вандроўку з журналістам Зміцерам Бартосікам. У нядзелю прыехалі мы ў тое Жыліхава. Раніца была хмурная, а пасярод дня праяснілася. «Добра ў іх тут, у Жыліхава, сонца свеціць і цёпла!» Бартосік пасмяяўся з майго хвалявання. Пачалі мы людзей распытваць пра маіх Глобусаў. Спачатку ніхто не мог згадаць іх. Усе казалі, што ў Жыліхава Глобусы ніколі не жылі. Валодзю Глобуса ніхто не памятаў. Нарэшце адна цётка згадала, што ў Жыліхава працаваў Мікалай Глобус, сын Мікалая. Яшчэ знайшлі мы жанчыну, што вучылася ў школе з Галяй Глобус. Яна і падказала, што ўсе Глобусы жылі ў пасёлку Гулевічы. Ва ўсіх маміных дакументах пазначаны менавіта пасёлак Жыліхава, таму я вырашыў адведаць жыліхаўскія могілкі. А раптам тамака знойдзецца хоць нейкі след-напамін пра майго дзеда Валодзю. Колькі мы ні хадзілі па кладах, а ніводнага Глобуса не знайшлі. Затое там вельмі шмат Пілатаў. Ледзь не палова магіл належыць людзям з прозвішчам Пілат. Як ні паварочвай, а прозвішча Глобус мне падабаецца больш за прозвішча Пілат. Зрэшты, і Пілат гучыць магутна, па-імперску.

І ўражвала тое, што старажытны біблійны вобраз меў не толькі мужчынскае, але і жаночае аблічча. На якое імгненне мне падалося, што я недзе ўжо бачыў Пілата ў жаночым абліччы. Я паразглядаў твары Пілатаў на помнікавых фотаздымках, але так і не згадаў, дзе я іх мог бачыць. Сярод жыліхаўскіх Пілатаў я знайшоў невялічкі, пафарбаваны ў глыбока-блакітны колер камень, зарослы ў зямлю. Пад тым каменем ляжыць Ліда Ваўчок. Надпіс-напамін пра Ліду зроблены па-беларуску. Пра гэтую Ліду Ваўчок мы папыталіся ў людзей. Памерла яна маладой. Мужчына ўзяў яе з нейкага інтэрната. Чаму надпіс зрабілі па-нашаму ніхто не сказаў. Мае спадзяванні знайсці магілу дзеда Валодзі ў Жыліхава не спраўдзіліся.

Дарэчы, прозвішча Ваўчок у маёй сям'і не чужое. Першая жонка майго малодшага брата Міраслава — Наталля Ваўчок, маці майго пляменніка Чэсіка.

Каб дараспавесці пра Пілатаў, я зайду крышку наперад…

У сераду, ідучы на працу, на аўтобусным прыпынку я сустрэў журналістку Тацяну Снітко, якая, разам з дачкою Вераю, часам бярэ замовы і ў маім выдавецтве «Сучасны літаратар». Таня сказала, што ў нядзелю ездзіла на вёску, ну і я распавёў пра сваё падарожжа ў Жыліхава. Тутака і высветлілася, што баба Тацяны і прабаба Веры жыла ў Жыліхава, што пад Копылем, а прозвішча ў яе дзявочае — Пілат. Таня згадала, што некалі даўно яе маці пыталася: «Ці не мае твой знаёмы пісьменнік Глобус сваякоў у Гулевічах?» А Таня сказала, што не, бо я нарадзіўся ў Койданава.

Павел і магілы

У пасёлку Гулевічы я не пабачыў на вуліцы ніводнага старога чалавека. Мы з Бартосікам праехалі ўвесь пасёлак і не знайшлі, з кім бы пагаварыць пра майго дзеда. «Што будзем рабіць?» — «Шукаць, будзем хадзіць па хатах…» На ўскрайку пасёлка пасвіўся конь. Мне захацелася падысці да гнядога каня і спытацца ў яго пра майго Уладзіміра Рыгоравіча Глобуса. Але распытваць я пачаў не маладога каня, а старога конюха Паўла. «Валодзю Глобуса? Ведаю! Тут ён і жыў. І дом яго стаіць. І жонка ягоная першая — Алена яшчэ жыве. Ёй 97 гадоў. Хутка будзе 98. І пляменніца ягоная тут. Магу паказаць іх хаты…» — «Можа, спачатку на могілкі з'ездзім, вы мне магілу дзедаву пакажыце…» — «Можна і на могілкі…» Сівавусы Павел загрузіўся ў бартосікаву «волгу», і мы паехалі на клады. «А вы хто яму?» — «Унук!» — «А ад якой жонкі?» — «Ад Ядзі!» — «Не помню Ядзю. У Валодзі было 5 жонак!» — «5?» — «Алена — першая жонка. Ваша баба, з якой ён ажаніўся, калі ў войску служыў, — другая. Потым ён Маню ўзяў. Дзяцей у іх не было, і ён Маню, сваю трэцюю жонку, прагнаў. Ездзіў ён у Тамбоў, і казалі, што там у яго была нейкая жонка, але пра яе я нічога не ведаю. А пятая, апошняя жонка Валодзі — Антоля, яна яго і глядзела, яна яго і пахавала тут. Недзе тут усе вашы Глобусы…» Ніякага хвалявання я не адчуваў, стоячы на беразе зарослых бярэзінамі могілак. Было такое адчуванне, што я некалі быў тут, у пасёлку Гулевічы, бачыў гэтыя дамкі, вуліцу, бачыў неголенага старога, падобнага да эсэіста Сяргея Дубаўца — Паўла. Ён хутка пайшоў шукаць магілу майго дзеда, а я закурыў цыгарэтку і пачаў глядзець на далёкі сінявата-зялёны лес. «Во тут ляжыць Мікалай, малодшы брат вашага Валодзі…» Я падышоў да шэрага, абвязанага бэзавай стужачкай помніка з фотапартрэтам немаладога лысаватага мужчыны. На помніку быў надпіс, з якога вынікала, што мой дваюрадны дзед Глобус Мікалай Рыгоравіч нарадзіўся 22.12.1911, а памёр 08.02.1983. Непадалёк стаяў помнік маёй дваюраднай бабе Мані, якая жыла з 1918 да 1991 г. Яе твар не сказаў мне нічога. Побач з Маняю пад шэрым каменным слупком з крыжыкам ляжала мая прабаба — Вольга Глобус, якая пражыла 89 гадоў, з 1885 да 1974. «Маці ў Валодзі была вялікая жанчына, кілаграмаў 120. Яна і дзяцей ягоных глядзела. Ён іх прывозіў,

адвозіў, а глядзела іх яна. Яе ўсе паважалі, Здаровая была баба…» — так расказаў Павел пра маю прабабу — Вольгу Глобус. «Валодзя, хадзі сюды!» — гукнуў мяне Зміцер Батосік. Я падышоў да жалезнай агароджы, за якою стаяў помнік майму дзеду. «Ага, вось тут ён і ляжыць, ваш Валодзя!» — сказаў, нібыта папіхнуў мяне ў спіну, конюх Павел. Бартосік зрабіў сур'ёзны твар і нейкім тэатральна-замагільным голасам спытаў: «І што ты адчуваеш?» Нічога я не адчуваў, але каб крышку падыграць Бартосіку зрабіў суворы твар: «Плакаць хочацца!» — «Праўда?» — Зміцер мне не паверыў, а мне стала радасна на душы. Вось ехаў я, шукаў, на нешта там нейкае цьмянае спадзяваўся і нарэшце знайшоў магілу дзеда Валодзі, майго Глобуса Уладзіміра Рыгоравіча, майго лейтэнанта Глобуса. Маці мне казала, што ён нарадзіўся ў 1902 г., а насамрэч — у 1907, казала, што памёр ён прыблізна ў 1962, на металічнай шыльдачцы быў пазначаны 1961 г. Побач з дзедам адпачывае ў вечным сне і ягоная апошняя жонка — Глобус Антаніна Сцяпанаўна. «А які ён быў, Валодзя Глобус?» — спытаў я ў конюха. «Разумны быў, адукаваны, рабіў добра, харошы чалавек, каб не…» — «Каб не што?» — «Каб не жонкі, каб не бабы… Хітры ён быў!» — «Чаму хітры?» — «У банку працаваў, і наогул…» — Павел пакруціў у паветры загарэлай і парэпанай рукою. «Скажэце, а якой яны веры былі гэтыя Глобусы?» — «Ні ў што яны не верылі, вашы Глобусы…» Не ведаю, што мой дзед зрабіў кепскага Паўлу, ці што такога непрыемнага я яму сказаў, але твар ягоны зрабіўся злосны, і ў вачах засвяціўся недавер: «Дык вы ўнук Валодзі?» — «Унук!» — «А з якога вы году?» — «З 58-га…» — «Мой з 57-га… Дачка з 68-га… Нешта вы замолада выглядаеце…» — «Паехалі ў пасёлак!» — сказаў я Бартосіку. Злаваць старога Паўла я не хацеў.

Алена і авечка

Алене — 97. У яе васільковыя вочы і востранькі носік. Я пытаюся ў яе пра першага мужа, пра свайго дзеда, пра Валодзю Глобуса. «Харошы быў. На вас не падобны. Сярэдняга росту. Плотны. Прыгожы і разумны… Работу розную ўмеў рабіць. Усё рабіў сваімі рукамі. І дом мог пабудаваць. Сам, усё сам рабіў. І не піў…У мяне ад яго дачка ёсць, Надзя. Яна жыве ў вёсцы Старыца. У доме, каля возера. Там адзін дом каля возера. У Старыцы спытаеце дом каля возера, і вам кожны пакажа. Калі Надзя замуж выходзіла, я Валодзю запрашала на вяселле, а потым і ён запрашаў да сябе нашу Надзю з жаніхом. Мы з ім не сварыліся. А вы ягоны ўнук… Як, Вы кажыце, вашу маму звалі? Ніна? Помню я вашу Нінку. Я ўжо сабе іншага мужыка ўзяла. Валодзі тры гады не было, і я сабе іншага ўзяла. А ён вярнуўся і прывёз вашу… Як вы кажаце? Ядзю? Ну так… Ядзю. Яны не па вуліцы ішлі ў сваю хату, а там, вунь там, па загуменнях. Ён, мусіць, баяўся, што я іх біць буду… Выскачу з хаты, налячу і палкаю паб'ю…» Васільковавокая Алена ўзняла сваю кульбачку і засмяялася бяззубым ротам. Я злавіў сябе на думцы, што ў мяне зуім няма агіды да яе па-дзіцячы бяззубага рота. «Ён жа не ведаў, што ў мяне другі мужчына… А Нінку вашую помню. Яна ўсё прыходзіла да мяне і плакала. Не хацела Нінка жыць у нашых Гулевічах…» — «Ядзя, Ядзя не хацела жыць у Гулевічах!» — папраўляю я вясёлую Алену. «Правільна, Ядзя не хацела жыць у Гулевічах. А я ёй кажу, чаго табе з ім не жыць? Жыві! У мяне новы мужчына. А ты жыві з Валодзем. А яна харошая жанчына, прыгожая, з чыстым тварам, прыйдзе да мяне і плача. Тады Валодзя прадаў авечку, купіў ёй білет, і мы праводзілі яе ў Мінск. І дачку яна забрала з сабой, Нінку вашу…»

Мой падарожны сябра Бартосік спытаўся ў старой Алены: «Што трэба рабіць, каб пражыць 97 гадоў? Ці ёсць які сакрэт?» — «Рабі больш за ўсіх, і пражывеш даўжэй за астатніх. Я работы не баялася, рабіла больш за ўсіх, вось і пражыла доўга!»

Зінкевіч і дом над возерам

У вёсцы Старыца, у рудавалосай прадавачкі з прадуктовае крамы я спытаўся, як знайсці дом над возерам, у якім жывуць спадары Зінкевічы, і патлумачыў, што мне патрэбна Надзея Уладзіміраўна. Прадавачка крыху нашаторылася: «У нас адзін дом над возерам. Вы аб'едзеце возера. Паставіце машыну каля гарматы, а потым сцежкаю пройдзеце ў той дом…» Які гэта дом! Сядзіба! Сад з вуллямі! Шэпты чароту… Мой сябра Бартосік доўга стукаўся ў дзверы, і нарэшце мы пабачылі сівога, моцна падвяселенага алкаголем дзядзьку: «А вы хто такія?» — «Я шукаю Надзею Уладзіміраўну Зінкевіч, старэйшую дачку Уладзіміра Глобуса!» — «Ясна, каго вы шукаеце. А вы хто такія?» — «Я — унук Валодзі Глобуса, бацькі Надзеі Уладзіміраўны!» — «Ясна. Вы — унук, а гэта ваш шафёр з магнітафонам?» — «Гэта мой таварыш…» — «Давайце пачнем з самага пачатку…» — «Я — унук…» — «У Валодзі Глобуса было 7 жонак… Вы ад якой жонкі ўнук?» — «Ад Ядзі!» — «Не ведаю Ядзі. Яна жыве?» — «Ядзя памерла ў 1971 г. Жыве яе дачка — Ніна Уладзіміраўна Глобус, мая маці…» — «Не ведаю Ніны…» — «Можа, Надзея ведае?» — «Можа і ведае… Вось, што я вам скажу… Калі гэта праўда, што вы — унук Валодзі Глобуса; калі гэта ўсё падцвердзіцца, нам трэба будзе зладзіць банкет. Гэта ж радасць, што сваякі адзін аднаго знаходзяць…» — «Вы нам скажыце, дзе Надзея Уладзіміраўна?» — «У бальніцы яна. Тут недалёка, па дарозе на Мінск…» Мне стала сумна, у бальніцу я ехаць не хацеў, не хацеў і ўсё… І не паехаў. Я адклаў сустрэчу з Надзяй Глобус да наступнай вандроўкі на Капыльшчыну.

У Мінску я адчуў спакой на душы. Я ўпарадкаваў сваё мінулае і адчуў спакой.

Смерць — толькі частка жыцця, як Бог — частка прыроды.

Лена і 1000 дробязей

Адкрыццё чакае за кожным вуглом. Праўда. Вось я ўсё жыццё хадзіў і хаджу побач з крамаю «1000 дробязей». Сорак гадоў я праходзіў каля крамы «1000 дробязей», якая стаіць на пляцы Калініна ў Мінску, і не ведаў, што там працуе дваюрадная сястра маёй маці — Вольга Мікалаеўна Глобус. А цяпер вось даведаўся і зайшоў у «1000 дробязей» і спытаўся ў касіркі: «Дзе мне знайсці Вольгу Мікалаеўну?» — «Яна ў адпачынку…» — «А калі вернецца?» — «У аддзеле электрапрыбораў працуе яе дачка — Алена. Спытайцеся ў яе…» У атдзеле электрапрыстасаванняў я спытаўся ў прадавачак, хто з іх Алена. Мне паказалі на высокую, светлавокую і светлавалосую жанчыну. «Вы дачка Вольгі Мікалаеўны?» — «А што?» — «Нічога. Я проста хацеў бы з ёй пагаварыць… Яе прозвішча Глобус?» — «Глобус». — «Калі яе прозвішча Глобус, тады я — ваш брат!» — «Хxха-а-а!» Я хацеў быў дастаць пасведчанне з псеўданімам Адам Глобус, але перадумаў. «Мама зараз дома. Я дам вам яе сотавы тэлефон, пазваніце, пагаварыце…» Лена запісала на паперцы нумар, і я пакінуў краму з дробязямі.

Вольга і імёны па бацьку

Затэлефанаваў я Вользе Глобус. «Што ж вы так доўга не прыходзілі?» — «Нагоды не было…» — «А маці ваша чаму не прыходзіла?» — «Мама сказала, што яе бацька ёй не цікавіўся, таму і яна не вельмі хоча цікавіцца ім. Яна мае права на такое стаўленне. А я напісаў кнігу пра сваю сям'ю, там ёсць згадка і пра Валодзю Глобуса. Цяпер я ўдакладняю дэталі, таму і прыйшоў да вас. Вы мне скажыце, калі ласка, як імя па бацьку вашай бабулі Вольгі Глобус?» — «А я і не помню…» — «А дзе пахаваны мой прадзед — Рыгор Глобус?» — «Там жа, у пасёлку Гулевічы. Ягоная магіла

ў адной агароджы з Валодзевай. Такі драўляны помнік. Вы яго не бачылі?» — «Не. А калі ён памёр?» — « У 1952, здаецца…» Мой прадзед — Рыгор Глобус — памёр у 52-м, ягонае імя па бацьку дырэктарка крамы таксама не згадала. Мы дамовіліся сустрэцца праз тыдзень у краме «1000 дробязей».

Вольга і шлянка кісялю

Ісці да Вольгі Глобус, у яе краму «1000 дробязей», шчыра кажучы зусім не хацелася. Яе папрок, што я так доўга да яе не прыходзіў, можна павярнуць і ў адваротны бок. Ніхто з іх да мяне ні разу не звярнуўся. Не, канешне, зусім не з-за гэтага я не хацеў ісці да Вольгі, а з-за навальніцы, якая насоўвалася на горад. Патэлефанаваў я ёй, а яна не ўзяла слухаўку, я ўздыхнуў з палёгкаю, але яна тут жа пераздваніла, і я паабяцаў праз 15 хвілін быць у яе. Пачалася навальніца. Ліло так, нібыта ўсё яшчэ лета, а не другі тыдзень верасня. І грымела па-летняму, магутна. Давялося пераскокваць цераз шырокія і бруістыя ручаіны. У дырэктарскім кабінеце я знайшоў жанчыну, нечым падобную да маёй маці. «Лье тут у вас!» — «А ў вас не лье?» — «Я пра вуліцу Калініна… Давялося мне добра разагнацца, каб пераскочыць ручаіну…» — «Пераскочылі?» — «Так!» — «Значыцца вы ў добрай спартовай форме, калі можаце лёгка пераскочыць цераз шырокі ручай…» — «Бегаю раніцай… Вольга Міхалаўна, я тут пытанні да вас пазапісваў. Можна я іх пазадаю?» — «Задавайце?» — «Вашую бабулю, а маю прабабу звалі Вольга. А вы не ўзгадалі, як яе імя па бацьку?» — «Іванаўна. Здаецца, Іванаўна. Так мне старэйшая сястра Валянціна сказала. Мы з ёй сазвоньваліся…» — «Выдатна. Мая прабаба — Вольга Іванаўна Глобус. А мой прадзед — Рыгор?..» — «Сямёнавіч…» — «Мой прадзед — Рыгор Сямёнавіч Глобус. Выдатна. А хто яны былі па веравызнанні?» — «Праваслаўныя. Там, у Гулевічах, у нас усе праваслаўныя…» — «А Глобусы заўсёды жылі ў Гулевічах? Ці, можа, яны аднекуль туды прыехалі?» — «Глобусы лічыліся сярэднякамі, і іх не раскулачвалі. У Гулевічах іх дакладна не раскулачылі… Але ў сям’і казалі, што раней іх высылалі на Каўказ, што раней яны жылі недзе пад Баранавічамі ці ў Баранавічах… Дакладна я пра высылку на Каўказ нічога не ведаю, і пра Баранавічы толькі чула ад старэйшых…» — «А майго дзеда — Валодзю Глобуса — вы помніце?» — «Ён памёр у 61-м, мне было дзевяць гадоў. Памятаю, як яны ўсёй сям’ёю прыйшлі да нас на нейкае свята. Сядзелі ў нас за сталом… Твараў не помню…» — «У Валодзі Глобуса было чатыры жонкі: Алена, Ядзя — мая баба, Маня і Антаніна?» — «Маню не ведаю». — «Мне Павел, той, што ў Гулевічах каня трымае, расказаў пра Маню, якая жыла з Глобусам пасля Ядзі…» — «Вы ўжо больш за мяне ведаеце…» — «А як прозвішча Паўла? Я не спытаўся ў яго…» — «Аляшкевіч». — «Ён мне сказаў, што ў Мані ад Глобуса дзяцей не было… Ад Алены ў яго была Надзя, ад Ядзі — Ніна, а якія дзеці былі ад Антаніны?» — «Быў сын Мікалай. Ён старэйшы за мяне, яму недзе пад 60. Жыве ён у Копылі. Ляжыць. Спаралізавала яго. Ён хацеў быць мараком. Ёздзіў у Кранштат, некалькі разоў паступаў у мараходку, але не паступіў. Жыў недзе ў Петразаводску, а потым вярнуўся…» — «А яшчэ былі дзеці?» — «Быў яшчэ сын — Іван Глобус з 1948 г. Я з ім у школе вучылася. Вы на іх, на Ваню і Колю нечым падобныя. Нешта такое ёсць. Не скажу што, але нешта ёсць…» — «Мне ў Гулевічах казалі, што ў Івана не ўсё добра?» — «Ай, у калгасе мех бульбы, ці нечага там узяў… Яго судзілі. Сядзеў ён нядоўга, а потым з’ехаў… Дзе ён, ніхто не ведае… Мала я вам інфармацыі дала. А прозвішча сваё Глобус я люблю. Каб ведала наперад, як маё жыццё складзецца, дык і засталася б на сваім прозвішчы… Вы ўжо збіраецеся сыходзіць?» — «Так… Адно

пытанне ў мяне засталося… Як памёр Валодзя Глобус?» — «Ад шклянкі кісялю. Яму зрабілі аперацыю ў Мінску. Доўга рабілі. Баба Вольга нават жыла ў Мінску, пакуль Валодзя ў бальніцы ляжаў. Потым прывезлі яго ў Гулевічы. Яму захацелася кісялю. Дактары казалі, што яму нельга пасля аперацыі піць шмат вадкасці, а ён выпіў цэлую шклянку кісялю і памёр…» — «Містычнасць ёсць у гэтай шкляцы кісялю, бо прозвішча другога мужа маёй бабы Ядзі — Кісель. Мамін айчым — Бронік Кісель — вельмі любіў Ядзю, а Валодзю Глобуса ўсе Кісялі страшэнна не любілі… Я пайду?» — «На Пасху мы — усе Глобусы — збіраемся ў Гулевічах, ходзім на могілкі. Вы ж бачылі, у нас там цэлы радок магілаў. Можаце прыехаць. Там вам старэйшыя больш за мяне раскажуць». — «Я пайду?..» — «Заходзьце…» — «Зайду!» Навальніца сціхла, але дождж усё яшчэ сыпаўся, дробны восеньскі дождж.

Адам ГЛОБУС

ЗМЕСТ

ЮБІЛЕЙНАЕ

АБРЫСЫ ДЗЁН МІНУЛЫХ

РАДАВОДНАЕ ДРЭВА

АСОБА І ЧАС
Беларускі біяграфічны альманах

Заснаваны ў 2009 годзе

Выпуск 2

Адказны за выпуск *М. У. Шыбко*

Мастак *Г. І. Мацур*

Вёрстка і дызайн *В. Я. Нога*

Карэктар *М. М. Шавыркіна*

Падпісана ў друк 00.06.2010. Формат 70x100 1/16. Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 32,8. Ул.-выд. арк. 31,2. Наклад 300 асоб. Заказ 0000.

Выдавецтва ТАА «Лімарыус». ЛИ № 02330/0494401 ад 16.03.2009.
Вул. Стралковая, 14, 220030, г. Мінск.

Надрукавана ў друкарні ТДА «НоваПрынт». ЛП № 02330/0150476 ад 25.02.2009.
Вул. Купрэвіча, 2, 220047, г. Мінск.